

ЗАБЕЛИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ –
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ЗАБЕЛИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

*Государственный
исторический музей
регулярно проводит
научные чтения —
в память о заслугах
перед отечественным
музееведением русского
историка
Ивана Егоровича Забелина.
Ставшие традиционными
Забелинские сборники
(первый выпуск — в 1990 г.)
знакомят научную
общественность
с последними
исследованиями историков,
которые ведутся
не только в стенах музея,
но и за его пределами.*

ГИМ

ISBN 978-5-89076-464-5

9 785890 764645

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Выпуск 220
Забелинские научные чтения — 2022

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ —
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ

*Ответственный редактор
кандидат исторических наук А.Д. Яновский*

Москва
2024

УДК 930
ББК 63
312

Публикуется по решению
Редакционно-издательского совета ГИМ

312 Забелинские научные чтения — год 2022: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. М., 2024. Вып. 220. 608 с. : ил.

ISBN 978-5-89076-464-5

В книге публикуются материалы Юбилейной научной конференции «Музей истории Российской цивилизации», посвященной 150-летию Государственного исторического музея (17–18 мая 2022 г.), и XXVI Забелинских научных чтений (29 ноября — 1 декабря 2022 г.). Вниманию читателей представлены интереснейшие архивные источники, касающиеся истории ГИМ, неизвестные ранее материалы о жизни и деятельности основателей Российского Исторического музея, исследования проблем атрибутирования, хранения и популяризации памятников российской истории и культуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства и различных видов музейной деятельности.

Издание адресовано историкам, искусствоведам, культурологам, музейным сотрудникам и студентам.

УДК 930
ББК 63

На обложке: В.О. Шервуд. Портрет И.Е. Забелина. 1871 г.

ISBN 978-5-89076-464-5

© Исторический музей, 2024
© А.Н. Белов, макет, 2024

Часть первая

К 150-летию основания
Российского Исторического музея

И.В. Белозерова

Из окон Исторического: к 150-летию ГИМ

В 2022 г. Исторический музей отметил свой 150-летний юбилей. Почти полтора столетия Красную площадь столицы украшает его величественное здание, построенное в 1875—1883 гг. специально для размещения национальной сокровищницы России. Сегодня трудно представить себе Красную площадь без шпилей и башен Исторического музея. Основанный в самом известном месте Москвы, он всегда был в эпицентре происходящего, являлся очевидцем множества событий прошлого (включая три революции и две мировые войны), разделяя со своей страной героические и трагические, радостные и горестные периоды ее истории. Музей стал свидетелем смены исторических эпох: годы его организации и становления (конец 1870-х — 1917) совпали с кризисом и распадом Российской империи в правление трех русских монархов — Александра II, Александра III, Николая II; большая часть жизни музея пришлось на годы советской власти (1917—1991), а с начала 1990-х гг. — на период формирования новейшей истории России.

За это время сменилось не одно поколение гимовцев, в разные годы работавших под крышей музея и ставших очевидцами крутых поворотов исторической судьбы России. Что же видели сотрудники легендарного здания на Красной площади из своих окон за эти полтора столетия? Лучше всего об этом свидетельствуют дневниковые записи отцов-основателей и служащих Исторического музея: товарища председателя историка И.Е. Забелина, нумизмата А.В. Орешникова, археолога В.А. Городцова, первого библиотекаря музея А.И. Станкевича, а также записи, оставленные следующими поколениями музейщиков, в которых сохранились живые черты своего времени, запечатлен уникальный портрет эпохи (рис. 1). Остановимся лишь на некоторых наиболее ярких моментах истории России, свидетелями которых были музейные сотрудники.

Рис. 1. Члены Совета Российского Исторического музея: А.И. Станкевич, А.В. Орешников, И.Е. Забелин, Н.С. Щербатов, В.И. Сизов, В.Н. Щепкин. 1905 г. Фотография. ГИМ

Исторический музей и Москва в конце XIX – начале XX века. Первое знаменательное событие в жизни Российского Исторического музея, произошло в мае 1883 г. — состоялось его открытие, приуроченное к коронационным торжествам. 27 мая 1883 г. император Александр III (чьё имя носил музей), все члены царствующего дома Романовых, гости и участники коронационных торжеств стали первыми посетителями музея. И.Е. Забелин кратко записал в дневнике: «27 мая. Пятница. В час дня открытие Исторического музея. Но открытия не было, а был простой приезд государя»¹. Коронационные торжества на Красной площади были запечатлены на сохранившихся фотографиях с первыми изображениями Исторического музея (рис. 2).

Вскоре И.Е. Забелин, возглавивший музей после смерти графа А.С. Уварова, поселился в нем. Его квартира находилась на втором этаже. Без малого четверть века прожил здесь ученый. В гостях у него бывали многие известные деятели науки и культуры. Громадный научный авторитет Забелина поднимал престиж музея в обществе. «Многих привлекало не имя музея, а имя Забелина, шли

Рис. 2. Коронация Александра III на Красной площади. 1883 г. Фотография. ГИМ

к нему», — вспоминал заведующий отделом рукописей и старопечатных книг музея, академик РАН М.Н. Сперанский².

По соседству с Забелиным в музее жила семья председателя Строительной комиссии князя Н.С. Щербатова (в 1887—1908 гг. чиновник особых поручений при председателе РИМ, в 1909—1921 гг. товарищ председателя). Окна его квартиры выходили на Воскресенскую площадь. По свидетельству современников, князь Н.С. Щербатов был одним из известнейших граждан Москвы. Щербатовых в музее часто посещали гости: представители дворянства, земские деятели, военные. Археолог В.А. Городцов вспоминал ежегодное празднование «Николина дня» 6 (19) декабря в Историческом музее: «В этот день назначался парадный богатый обед у князя Н.С. Щербатова, на котором присутствовали все служащие в музее, все родственники князя и именитые граждане г. Москвы. И кого на этих обедах ни приходилось видеть. Тут бывали и великие князья, и сиятельные князья и светлейшие графы, губернаторы, городские головы и др.»³.

С момента публичного открытия музей становится культурным центром Москвы. Среди многочисленных посетителей, приходивших в музей для знакомства с его коллекциями, консультаций, участия в выставках сотрудники РИМ видели видных ученых, архитекторов, художников, писателей⁴. Экспозиционные залы му-

зая оформляли выдающиеся архитекторы, художники, скульпторы, ремесленные мастера. Например, В.М. Васнецов написал для археологического зала музея панно-фриз «Каменный век», Г.И. Семирадский — картины «Похороны руса в Булгаре» и «Ночные жертвоприношения», И.К. Айвазовский — панораму Керченского пролива (в античности называемого Боспором Киммерийским). К работам в музее были привлечены В.А. Серов, К.А. Коровин; копии с киевских мозаик и фресок были заказаны А.В. Прахову и Ф.Т. Торопову. В.И. Суриков писал здесь своего «Ермака», В.А. Серов — групповой портрет семьи Александра III и портрет И.Е. Забелина. В залах музея И.Е. Репин демонстрировал «Запорожцев» и др. РИМ притягивал всех, кого увлекала русская история: московских коллекционеров, букинистов, антикваров (П.И. Щукина, А.П. Бахрушина, П.О. Бурачкова, К.Т. Солдатенкова, Д.Г. Бурылина, Н.Л. Шабельскую и многих других).

На глазах сотрудников музея с момента его возникновения постоянно происходило преобразование и изменение облика центра Москвы. Буквально за десять лет (1883—1893) окончательно сложился ансамбль Красной площади, который в основном сохранился до наших дней. Рядом с музеем появились новые, схожие по стилистике архитектурные сооружения: Верхние (современный ГУМ), Средние и Нижние торговые ряды. Вместо старых Губернских присутственных мест было возведено здание Городской думы. Все эти строения были выполнены, как и РИМ, в едином гармоничном ансамбле — неорусском стиле с чертами допетровской архитектуры. В 1892 г. на Красной площади у памятника Минину и Пожарскому были установлены первые электрические фонари. Из музейных окон, выходящих на Тверскую улицу, сотрудники наблюдали, как на месте многочисленных лавок и старого трактира «Балаклава» на Моховой улице в 1900—1902 гг. возводилась оснащенная по последнему слову техники гостиница «Националь». В 1899—1905 гг. было построено здание гостиницы «Метрополь», сыгравшей важную роль в формировании облика Театральной площади. Напротив музея, справа от Большого театра, на углу Петровки в канун Рождества 1908 г. открыл двери первый в России универсальный магазин «Мюр и Мерилиз» (современный ЦУМ). Этот магазин постоянно упоминается в дневниковых записях и переписке некоторых сотрудников РИМ (А.В. Орешникова, В.А. Городцова и др.), посещавших его в разные годы.

Сотрудники музея были очевидцами развития сети общественного транспорта. На Воскресенской площади (сейчас площадь Революции) под самыми окнами музея проходил маршрут конного

Рис. 3. Трамвай на Красной площади. Открытка. 1909 г. ГИМ

трамвая (конки) — небольшого вагона (в том числе двухэтажного с империалом — открытым верхом), запряженного двумя-тремя парами лошадей, двигавшегося по одноколейному рельсовому пути⁵. На смену ему пришли электрические трамваи. Летом 1909 г. они появились на Красной площади⁶ (рис. 3). Трамвайная линия в виде петли была проложена от Забелинского проезда к Верхним торговым рядам, мимо памятника Минину и Пожарскому к собору Василия Блаженного и далее вниз по Васильевскому спуску на Москворецкий мост. Позже трамвайные рельсы переместились из центральной части площади к Кремлевской стене. Против движения трамваев по Красной площади выступили деятели культуры, в том числе товарищ председателя РИМ Н.С. Щербатов, председатель Московского археологического общества П.С. Уварова, некоторые художники и архитекторы. Однако к 1911 г. трамвайные пути покрывали практически всю центральную часть Москвы. Движение трамваев по Красной площади прекратилось лишь в 1930 г., когда она понадобилась для грандиозных парадов. Для этого перенесли к собору Василия Блаженного даже памятник Минину и Пожарскому.

Помимо привычных извозчиков в конце 1890-х — начале 1900-х гг. на улицах города стали появляться первые автомобили. Фотографии того времени запечатлели автолюбителей и их автомобили на Красной площади. В те годы они не стали еще всеобщим

Рис. 4. Вербное воскресенье на Красной площади у Исторического музея. 1890-е гг.
Фотография. ГИМ

средством передвижения и ценились как новинка, чудо техники, предмет роскоши и символ достатка. Состоявшаяся в мае 1908 г. в Манеже, недалеко от Исторического музея, 2-я международная выставка автомобилей вызвала в дальнейшем их широкое появление на улицах Москвы. В начале 1909 г. в городе возникло Московское автомобильного общества, председателем которого стал директор РИМ Н.С. Щербатов. В феврале 1909 г. семья Щербатовых приобрела автомобиль французского завода «Бразье», который размещался в специальном гараже или во внутреннем дворе ИИсторического музея. Долгие годы Красная площадь была обычной городской магистралью, и сотрудники ГИМ наблюдали под сво-

ими окнами движение автомобилей. Сквозное движение транспорта по Красной площади закрыли лишь в 1963 г. С этого момента главная площадь страны стала полностью пешеходной.

В дореволюционный период одним из развлечений москвичей являлись народные гуляния. В праздничные дни на Троицу, Пасху, Вербное воскресенье, Рождество толпы горожан можно было наблюдать на Красной площади у самых Парадных сеней Исторического музея (рис. 4). Яркие описания вербной ярмарки на Красной площади начала прошлого века оставил писатель И.А. Белоусов в очерках «Ушедшая Москва»: «Еще со середины вербной недели вся площадь заставлялась белыми палатками и заполнялась самыми разнообразными товарами, большей частью подарочного характера: игрушки, цветы, корзинные изделия, галантерея, сласти... Масса воздушных шаров красными гроздьями колебалась над толпой гуляющих... Писк, визг, гудки разнообразных игрушек наполняли площадь, заглушали говор гуляющих и выкрики торговцев»⁷. В своем дневнике археолог В.А. Городцов запечатлел оживленный базар в Вербное воскресенье на Красной площади в 1905 г., когда разносчики-продавцы матрешек, чертиков, обезьянок, продавали кукол в виде „пуришкевичей“, „азефов“ с возгласами: „Вот он, вот он Пуришкевич, как в Думе не орал, а на «Вербу» он попал...“ <...> Говорят, полиция начинает преследовать за политические возгласы»⁸.

В эти дни в Вербное воскресенье у торговых рядов, вокруг памятника Минину и Пожарскому, происходило катание на лошадях. «В середине круга катающихся разъезжали конные жандармы в синих мундирах, в касках с черными волосяными султанами и устанавливали порядок»⁹. Конные «разъезды» тянулись от Красной площади по Тверской улице. Именитое московское купечество каталось в роскошных экипажах и при этом вывозило напоказ своих дочерей-невест. Особенно красивы и многолюдны вербные катанья были в 1880-х гг., когда в них принимал участие московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков. На это гулянье он выезжал на красивом коне, окруженный блестящей свитой.

Исторический музей и общественно-политические события дореволюционной эпохи. Находившееся на Красной площади в непосредственной близости от Кремля здание музея постоянно оказывалось в гуще общественных и политических событий.

В 1896 г. сотрудникам музея довелось наблюдать коронацию последнего российского императора Николая II. Из окон музея можно было видеть многие подробности торжеств: императора со свитой, въезжающего на белом коне на Красную площадь через Воскресенские ворота в день коронации; императорскую семью, проез-

Рис. 5. Коронация Николая II. Учащиеся начальных школ и гимназисты у праздничных колонн близ здания Городской Думы. 1896 г. Фотография. ГИМ

жающую в карете под окнами музея; учащихся начальных школ и гимназистов у праздничных колонн близ украшенного и иллюминированного здания Городской думы; построение войск и народные гуляния на Красной площади (рис. 5).

Музей стал очевидцем не только праздничных, но многих трагических событий XX в., в том числе первой русской революции 1905—1907 гг. Самые яркие эпизоды революционного противостояния отразились в дневниковых записях его сотрудников. 4 февраля 1905 г. недалеко от музея, на Сенатской площади Московского Кремля от взрыва бомбы, брошенной террористом Каляевым, был убит великий князь Сергей Александрович Романов, бывший московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа. Более 20 лет он был почетным председателем правления РИМ, часто посещал музей, участвовал в его заседаниях, интересовался историей приобретения вещей и сам был его первым дарителем¹⁰. В январе 1890 г. он был избран почетным председателем VIII Всероссийского Археологического съезда, проходившего в РИМ. В музее у него был свой кабинет в угловой башне, окна которого смотрели на Никольские ворота.

Трагическая смерть великого князя стала настоящим потрясением для руководства и всех сотрудников музея¹¹. 4 февраля 1905 г. И.Е. Забелин записал в дневнике: «В 4 часа и 46 минут взрыв бомбы, убит великий князь Сергей Александрович. Ужас. Онемели руки и ноги»¹². Работавший в этот день в археологических залах археолог В.А. Городцов оставил в своем дневнике запись: «Оставалось минут 8 до трех часов пополудни, когда кончились занятия в Историческом музее. Я занимался в одной из верхних зал музея <...>. Внезапно раздался сильный взрыв. Я подумал, что против окон музея выстрелили из пушки, но не холостым, а боевым снарядом»¹³. Прибежал служитель, сказал, что великий князь Сергей Александрович погиб в собственной карете, когда подъезжал из дворца к Никольским воротам. «На улице стоял рев, ото всюду бежали и кричали люди»¹⁴. В.А. Городцов описывает свое потрясение и смятение толпы.

Через десять лет также вспоминал о том трагическом событии в своих мемуарах библиотекарь музея А.И. Станкевич: «Живо помню убийство Великого князя Сергея Александровича. Я занимался по обыкновению в читальном зале, где находилось еще довольно много посетителей, как вдруг раздался оглушительный взрыв, и я почувствовал сильный толчок, как бы из недр земли, а стекла в окнах так задребезжали, что я подумал, что они все разбились. Все в страшном испуге вскочили с своих мест и спрашивали друг друга: „Что такое случилось?“. Кто-то из служащих объявил, что в Кремле, в Арсенале, разорвало случайно снаряд, но что все обошлось благополучно. Публика стала, однако, быстро расходиться, желая узнать подробности, да и было уже около 3-х часов, когда занятия кончились. Заперев библиотеку, мы вышли на лестницу и тут узнали от старшего служителя всю истину. Красная площадь кишела народом, стремившимся в Кремль, но туда никого уже не пускали, ворота были заперты и охранялись солдатами... Смерть Великого князя была для музея большим горем: он живо интересовался русской стариной и, в особенности, археологией, и много заботился о музее...»¹⁵.

В 1905 г. Исторический музей стал свидетелем вооруженных народных выступлений в центре города: на Тверской, Моховой, Арбате, где воздвигались баррикады, происходили столкновения отрядов боевых дружин и полиции. В районе Манежа и Театральной площади войска применяли артиллерию для разгрома баррикад и борьбы с отдельными группами повстанцев. Одна из таких баррикад появилась под самыми окнами музея — в пролете Воскресенских ворот (рис. 6). Наблюдая за революционными событиями в Москве в июне 1905 г. И.Е. Забелин написал в своем дневнике: «Россия на смертном одре»¹⁶.

Рис. 6. Начало восстания. У Иверских ворот. 1905 г. Открытка. ГИМ

Революционные события в Москве нашли отражение в дневнике археолога В.А. Городцова. Запись 19 декабря: «На углу Воздвиженской и Моховой, на перекрестке стоял офицерский караул, преграждавший доступ в Манеж и Кремль. <...> Далее шагах в 10 стояли звездочкой, на четыре улицы, парные часовые. Они никого не пропускали в сторону Манежа. <...> Всюду масса народу. <...> Всюду городовые, милиционеры и солдаты. <...> В музее все кабинеты и залы заперты. Из служителей энергичный князь [Щербатов] составил вооруженную охрану. Настроение среди служителей совершенно такое же, как и уличной публики...»¹⁷. Именно в эти беспокойные дни Н.С. Щербатов приказал устроить «несгораемую кладовую» с бронированной дверью в помещении около Московской залы музея для хранения особо ценных коллекций, в том числе из драгоценных металлов.

С момента возникновения РИМ соседствовал с Иверской часовней, одной из самых почитаемых в древней столице. Ее посещали многие москвичи и приезжие. В годы правления Николая II царская семья, представители Дома Романовых, прибывая в Москву и направляясь в Кремль через Воскресенские ворота, обычно посещали и Иверскую часовую (рис. 7). Об одном из приездов императора

Рис. 7. Николай II и его семья у Иверской часовни. 1910-е гг.
Фотография. ГИМ

сохранилась запись в дневнике И.Е. Забелина, в которой он упомянул о шпоре, потерянной Николаем II «от многонародной тесноты у Никольских ворот <...> во время прогулки по кремлевским стенам 3 апреля <...>. Доставлена в музей 16 апреля 1903 г.»¹⁸.

В августе 1912 г. приезд царской семьи был приурочен к 100-летию юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года, который отмечался 26 августа 1912 г. — в годовщину Бородинской битвы. 27—30 августа торжества проходили в Москве. На Красной площади состоялся военный парад всех полков — участников Бородинского сражения и крестный ход во главе с чудотворной иконой. На площади собралось почти 100 тысяч человек. 29 августа император Николай II с детьми посетил юбилейную выставку в залах РИМ, открытую в память Отечественной войны 1812 года¹⁹. Под вечер того же дня на Красной площади начались народные гуляния. 30 августа 1912 г. центром торжественных мероприятий стал специально установленный на площади шатер с боевыми знаменами полков. Здесь царская семья присутствовала на всенародном торжественном молебне при участии московских духовных хором.

В 1913 г. в стране широко праздновалось 300-летие правления Дома Романовых. У стен музея можно было наблюдать направляв-

Рис. 8. Празднование 300-летия Дома Романовых на Красной площади. 1913 г.
Фотография. ГИМ

шуюся в Кремль процессию — запряженные четверкой лошадей парадные кареты императрицы, великих княжон и Николая II верхом на коне перед эскортом Конвоя Его Величества. В эти дни царская семья посетила Романовскую выставку, Знаменский монастырь и дом бояр Романовых на Варварке. Несметные толпы народа теснились по обеим сторонам царского пути: войска, учащиеся и простой народ стояли вдоль всего проезда кортежа. Вечером москвичи любовались иллюминацией и праздничным убранством центральных улиц города (рис. 8).

В 1914 г. приезд императора Николая II в Москву был связан с началом Первой мировой войны. В дневнике археолог В.А. Городцов подробно записал свои впечатления от встречи с императорской семьей: «4 августа 1914 г. <...> музей был закрыт по случаю приезда царя. В 12 часов <...> отправился во Владимирскую залу, взобрался на окно, откуда открывался отличный вид на всю Воскресенскую площадь до Театральной площади и на Тверскую улицу до Охотного ряда. <...> Около часа прошёл по Тверской пехотный полк с музыкой и стал шпалерами, примкнув правым флангом к Иверской часовне. Толпа росла всё больше и больше. <...> К двум часам публика стояла на улицах и площади сплошным морем. <...> Против окна у музея

происходит какая-то стройка²⁰, для которой заготовлены кирпич, доски; в середине поставлена палатка в виде сарая, сверху покрытого полотном. Всё это обнесено забором, концами упершимся в незыблемые стены нашего музея. Загородка наполнилась народом: уселись на заборе как галки, разместились на кирпичных кладках и, наконец, на крыше палатки <...> В 1/2 третьего часа по Тверской проехали первые экипажи с царского поезда: везли багаж в каретах и автомобилях <...> А вот и коляска с царем, царицей, наследником и одной дочерью. Коляска мчится на вороных рысаках»²¹. Перейдя на другое окно, Городцов наблюдал императорскую семью у Иверской часовни: «Мне никогда не доводилось видеть что-либо подобное. Я перешел в вестибюль и стал на третье окно, выходящее на Красную площадь. Она была полна народом»²².

Исторический музей и революции 1917 года. Февральская и Октябрьская революции 1917 года круто изменили ход российской истории. В стране была свергнута монархия и началась тотальная перестройка общества. Очевидцем всех событий новой русской Смуты был Исторический музей, а его служащие фактически стали летописцами тех событий.

28 февраля 1917 г. В.А. Городцов записал в своем дневнике: «В 11 часов дня, подойдя к Историческому музею, я увидел огромнейшие скопления народа: вся Воскресенская и почти вся Красная площади были покрыты народом. На Красной площади стояла рота солдат в боевом снаряжении, на Воскресенской — большие наряды полиции и жандармов верхами»²³. Устроившиеся на окнах, сотрудники музея наблюдали за всем происходящим вокруг них (рис. 9). Под стенами музея шли толпы народа с красными бантами, с пением «Марсельезы», с оркестрами и транспарантами «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Кругом манифестации: большевики, меньшевики, кадеты, эсеры. Огромная, черная толпа стремительно наполняла Тверскую, Театральную, Воскресенскую площади и через Воскресенские ворота выплескивалась на Красную площадь, действительно в то время ставшей красной от флагов и транспарантов. Служащие музея стояли на окнах, выходящих в сторону Василия Блаженного. «Я поднялся на окно Владимирской залы, и перед моими глазами открылось море людей. Черное море, сплошное море волновалось и шумело», — писал Городцов²⁴. В тот день он занимался перестановкой археологических коллекций в Московской зале музея, а потом опять неотрывно смотрел в окно: «На Красной площади не море, а океан народу. Перед Городской думой — ещё больше. От театра до Александровского сада сплошной народ»²⁵.

Рис. 9. Революционные события на Красной площади. 1917 г. Фотография. ГИМ

Вскоре после отречения от престола Николая II весной 1917 г., когда власть перешла к Временному правительству, в центре Москвы состоялся смотр революционной армии под управлением командующего войсками Московского гарнизона полковника А.Е. Грузинова²⁶. Вся Красная площадь и прилегающие к ней улицы были заняты праздничной толпой, над которой курсировали аэропланы. По площади двигался нескончаемый поток солдат и офицеров армии в военных шинелях с поблескивающими штыками. «Войска большими частями шли от Театральной площади со стороны Манежа, со стороны Тверской и Красной площади. Подойдя к Воскресенской площади, войска приостанавливались и снова двигались. Движения были поразительные по своей замысловатости и стройности. <...> Шли пехотные полки, кавалерия, артиллерия, автомобили, пожарные команды, множество депутатий. <...> Каждая часть сопровождалась красным флагом или несколькими флагами... Я наблюдал ровно 2 часа. Войска всё время проходили перед Думой. <...> Сколько же их за день перебывает? Несомненно, несколько десятков тысяч», — записал Городцов 4 марта 1917 г. в своем дневнике²⁷. Ему довелось видеть другую толпу, всего лишь три года назад, когда император Николай II приезжал в Москву по случаю начала Первой мировой войны. «Мне вспомнилось, что в 1914 году на этой же

самой площади так же волновались и кричали люди, приветствуя своего царя, как полубога, и теперь они и волнуются, и кричат, увы... против него. Так все проходяще»²⁸.

В те дни служащие музея из окон наблюдали, как в находившееся напротив соседнее здание Городской думы свозили отовсюду арестованных жандармов, полицейских, спекулянтов-купцов.

Первый год революции стал годом разложения и гибели русской царской армии. Революция подорвала боевой дух армии, которая на глазах современников буквально за несколько месяцев превратилась в неуправляемую толпу вооруженных людей и в марте 1918 г. прекратила свое существование. В.А. Городцов, бывший военный, прослуживший в армии четверть века, регулярно описывает в своем дневнике картины деградации армии, наблюдаемые им в центре Москвы²⁹. Проходя по Александровскому саду, он ежедневно видел солдат, которые потеряли «всякий воинский образ и представляются бандой хитровцев, бродяг и мазуриков», лежат на газонах, торгуют подсолнухами и папиросами, у памятника Романовской династии жгут костры, играют в карты, лото, орлянку и «езде бренчат гармонии и балалайки»³⁰.

События Октябрьской революции 1917 г. нашли отражение в дневнике нумизмата А.В. Орешникова, описывающего бои юнкеров с большевиками на Красной площади, у Никольских ворот, прямо перед фасадом Исторического музея. 28 октября 1917 г. он записал: «Около Музея было настоящее сражение, в здании Музея перевязывали раненых, около 20 человек, убитых 5 юнкеров... Жутко! Москва объявлена на военном положении»³¹. Погибших юнкеров складывали прямо у входа в музей, среди них Орешников опознал юного юнкера, с которым говорил ночью накануне перед первым боем.

В первых числах ноября 1917 г. большевики начали обстреливать Кремль, был поврежден храм Василия Блаженного. Шел интенсивный артиллерийский обстрел соседних с музеем зданий «Метрополя» и Городской думы, где в ноябре 1917 г. располагался центр антибольшевистского сопротивления — московский Комитет общественной безопасности. Он возглавлялся городским головой эсером В.В. Рудневым и командующим войсками Московского военного округа полковником К.И. Рябцевым. Пулеметный огонь велся большевиками также из Малого театра и гостиницы «Националь».

Сотрудники музея наблюдали, как из окон и крыш домов в Охотном ряду большевики обстреливали офицеров и юнкеров, использовавших Воскресенские ворота в качестве рубежа обороны и старавшихся не пропустить большевиков к стенам Кремля. Ружейный обстрел велся около магазина Каптелина, находившегося на первом

этаже в здании РИМ³², а также по окнам общежития, располагавшегося в квартире Н.С. Щербатова, устроенном для раненых офицеров, приезжавших с фронта. 2 ноября во время боя солдат-большевиков с юнкерами помещение общежития было разгромлено³³.

Следы пуль были обнаружены и внутри музея. А.В. Орешников писал в те дни: «Сегодня я обошел весь Музей, осматривал многочисленные пробоины в стеклах (теперь замазанные); <...> насчитал 9 деревянных ковшей, прострелянных ружейными пулями» (29.10.1917)³⁴; «Осматривал в Музее с биноклем повреждения от пуль на картине Семирадского «Похороны Руса», насчитал 3 пробоины» (25.11.1917)³⁵. О событиях тех дней напоминает мемориальная доска на фасаде Исторического музея.

В ходе вооруженного восстания сильно пострадала и ближайшая к музею Никольская башня Кремля. Огонь по ней велся от перекрестка Никольской улицы и Богоявленского переулка. Была сильно повреждена надвратная икона святителя Николая с киотом. А.В. Орешников отмечал в своем дневнике: «Посмотрел на надвратную икону Никольских ворот, полуразрушенную ядром; совсем уничтожен ангел справа от зрителя, левый ангел цел, изображение св. Николая Можайского (с мечом) немного повреждено справа» (11.12.1917)³⁶. В апреле 1918 г. при подготовке к первому официальному празднованию Первомая фасад Никольской башни вместе с иконой был завешен красными полотнами. Накануне пролетарского праздника полотно разорвалось, словно его разрезали мечом, и упало на площадь. Об этом событии вспоминали многие очевидцы, писали газеты. Орешников записал в дневнике: «Перед Никольскими воротами огромная толпа народа, что-то говорили о завешенном образе Николая Чудотворца над воротами. <...> Позднее узнал, что плакат, которым завешен образ, ветром или от иных причин сорвало; явилось в глазах народа чудо; служили молебен; когда я собрался уходить, слышен был выстрел, площадь от народа очистили; при выходе из Музея я встретил бронированный автомобиль...»³⁷. 9 мая 1918 г. сотрудники музея наблюдали и крестный ход к Никольским воротам во главе с патриархом Тихоном³⁸.

Известно, что археолог В.А. Городцов в те октябрьские дни регулярно дежурил и держал оборону со своими учениками из университета им. А.Л. Шанявского у стен Исторического музея, боясь, что его разгромят. Для иллюстрации послереволюционной обстановки характерна такая запись в его дневнике: «Сегодня в музее разыгралась следующая сцена. В открытые залы музея вошел солдат-малоросс и начал кричать: „Вот куда наши трудовые гроши тратят: строят миллионные дóмы для хранения поганых черепков и ни-

куда негодных бумаг! Товарищи! — обратился солдат к сбежавшейся публике, — весь этот навоз нужно выбросить вон, а в доме устроить фабрику!»³⁹.

Осенью 1917 г. сотрудники музея наблюдали за возникновением между Спасской и Никольской башей Кремля некрополя — мемориального кладбища⁴⁰. 10 ноября в присутствии председателя Совнаркома В.И. Ленина состоялась траурная церемония захоронения в братской могиле 238 погибших большевиков. Захоронения продолжались и в последующее время. Регулярно сталкиваясь с похоронными процессиями, А.В. Орешников делал в дневнике отметки: «Прошел первый раз мимо погребенных у кремлевской стены большевиков; неопрятно, занесено снегом...» (11.12.1917)⁴¹; «Идя из музея в 3 ч. по Красной площади, видел, как везли на дрогах гроб для погребения у стены, завернутый в красную материю; играл оркестр...» (12.04.1918)⁴². Параллельно с коллективными захоронениями в некрополе появились персональные захоронения видных советских партийных и военных деятелей, а также известных лиц: Я.М. Свердлова (1919), М.В. Фрунзе (1925), Ф.Э. Дзержинского (1926), М. Горького (1936), М.И. Калинина (1946) и др.⁴³ Самым большим и необычным захоронением стал мавзолей В.И. Ленина, который был сооружен здесь после смерти основателя советского государства в 1924 г. Первый деревянный мавзолей возвели в кратчайшие сроки в январе сразу после кончины вождя, в мае — второй деревянный с трибунами по бокам, с которых отныне все руководители страны приветствовали проходящих во время шествий демонстрантов; в 1930 г. построили каменный мавзолей, облицованный красным гранитом, по проекту архитектора А.В. Щусева. Сотрудники музея наблюдали и за самой траурной процессией: гроб с телом вождя несли И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, М.П. Томский, М.И. Калинин, Н.И. Бухарин, В.М. Молотов (рис. 10). А.В. Орешников писал в своем дневнике: «В Музей пришел около 10 <...> после чего Музей оцепили, и никто из сотрудников не был пропущен. Тело Ленина привезено было на Павелецкий вокзал в 1 ч., оттуда гроб с телом перенесли в Благородное собрание (в Колонную залу). Я смотрел из окна на Забелинский проезд на процессию, которая подошла к Музею около ¼ 3-го; впереди несли крышку гроба, а гроб, обитый красной материей, несли на плечах; гроб покрыт стеклом, тело было видно, руки сложены на животе; процессия с плакатами, войска шли, по крайней мере, ¾ часа»⁴⁴.

Исторический музей в первые послереволюционные годы. В марте 1918 г. советское правительство переехало из Петрограда в Москву. А.В. Орешников отметил в дневнике: «Сегодня годовщина рево-

Рис. 10. Похороны В.И. Ленина на Красной площади. 27 января 1924 г.
Фотография. ГИМ

люции... Музей закрыт, и на сегодняшний день все выходы в залы запечатаны. Вот такой радостный юбилей! Большевики переносят столицу из Петрограда в Москву, и все „правительство“ переезжает сюда»⁴⁵. С этого времени Красная площадь становится главным местом проведения всех государственных торжеств, а Кремль — постоянной резиденцией правительства страны.

Весной 1918 г. Москва готовилась к празднованию Первоя — нового праздника Советской России. Оформление Красной площади выполнили художники-авангардисты во главе с А.А. Весниным: башни Кремля были задекорированы красными полотнищами, а имперские памятники закрыты чехлами и декорациями, на которых были изображены эмблемы советской власти и революционные надписи. Наблюдая за подготовкой к празднованию, А.В. Орешников записал в дневнике: «Красная площадь безвкусно убрана, на кремлевской стене огромные красные полотнища с надписями, на Лобном месте красный флаг. Большинство относится к завтрашнему празднику не сочувственно, увидим, как удастся 1-е мая» (16.04.1918)⁴⁶.

В тот день сотрудники РИМ стали очевидцами первого парада в истории советской России. Накануне торжественного шествия у кремлевской стены была установлена деревянная трибуна, с ко-

Рис. 11. В.И. Ленин на Красной площади во время первомайской демонстрации трудящихся беседует с секретарем МК РКП(б) В.М. Загорским. 1 мая 1919 г.
Фотография. ГИМ

торой выступали члены советского правительства во главе с председателем Совнаркома В.И. Лениным. В дальнейшем на трибуне можно было видеть выступления многих общественных и политических деятелей — В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, Я.М. Свердлов, А.В. Луначарского и др. (рис. 11). С этого времени на Красной площади регулярно начали проводиться торжественные парады, военные смотры, шествия и демонстрации трудящихся, в которых участвовали рабочие полки, коммунистические батальоны, отряды молодежи и курсантов военных школ, приуроченные к дням Всеобуча, работы конгрессов Коминтерна и пр. В 1919 г. был проведен первый парад физкультурников, который принимал лично В.И. Ленин. Позднее парады стали ежегодными, число участников достигало нескольких тысяч человек. Военные парады принимали председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий, герои Гражданской войны, военачальники РККА М.В. Фрунзе, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, председатель ВЦИК М.И. Калинин.

Выдвинутый весной 1918 г. ленинский план монументальной пропаганды предусматривал снос памятников царского режима

и замену их монументами в честь творцов революции, великих деятелей русской и зарубежной культуры. К первой годовщине Октябрьской революции в Москве предполагалось соорудить 12 новых памятников. Вокруг Исторического музея они возникали повсеместно. К 7 ноября 1918 г. скульптор С.Т. Конёнков изготовил мемориальную доску «Крылатый гений» на стене Сенатской башни. В здании РИМ скульптору было выделено место для работы и отдыха (ночевать приходилось также в музее), здесь же размещались арматура, цемент и другие необходимые материалы.

В 1918 г. по инициативе В.И. Ленина на территории Александровского сада рядом с Угловой Арсенальной башней появился памятник-obelisk выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся (был переделан созданный С.А. Власьевым памятник, установленный в 1914 г. в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых), на котором выбиты имена теоретиков и практиков революции, начиная с К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова и др. Там же, у грота был воздвигнут монумент французскому революционеру М. Робеспьеру (скульптор Б.Ю. Сандомирская). На площади Революции установили памятники (ныне не сохранившиеся) К. Марксу и Ф. Энгельсу (скульптор С.А. Мезенцев), Ж.Ж. Дантону (скульптор Н.А. Андреев); на Красной площади на Лобном месте — памятник «Степан Тимофеевич Разин с ватогою» (скульптор С.Т. Конёнков).

За их появлением внимательно наблюдали сотрудники РИМ и фиксировали свои впечатления в дневниковых записях. А.В. Орешников отмечал: «Проходя Александровским садом, видел статую Робеспьера; издали недурна» (5.11.1918)⁴⁷; «Утром прошел через Театральную площадь, посмотрел на возмутительные в художественном отношении скульптуры Кольцова, Никитина и Маркса с Энгельсом» (11.11.1918)⁴⁸.

Помимо памятников в рамках реализации плана монументальной пропаганды 1918—1920-х гг. на стенах многих общественных зданий были размещены плакаты, рельефы и рисунки с агитационными надписями. Одной из первых на стене Сенатской башни Кремля, в присутствии В.И. Ленина была открыта большая мемориальная доска «Павшим за мир и богатство народов» (скульптор С.Т. Конёнков). На фасаде Государственной думы (здание Второго Дома Советов) появилась надпись: «Революция — вихрь, отбрасывающий назад всех ему сопротивляющихся», прежний герб Москвы был заменен рельефом-тондо с изображением рабочего и крестьянина (скульптор Г.Д. Алексеев), а на стене возле Иверской часовни были помещены красная пятиконечная звезда и доска с лозунгом

«Религия есть опиум для народа». На правой части фасада здания Исторического музея появилась резная мемориальная деревянная доска (работы архитектора С.Е. Чернышёва) с рельефами звезды, серпа и молота и изречением Фридриха Энгельса: «Уважение к древности есть несомненно один из признаков истинного просвещения». В те дни А.В. Орешников писал в своем дневнике: «Центр города безобразно украшен плакатами, стены нашего Музея также увешены черт знает какими намалёванными кусками полотен (6.11.1918)⁴⁹, «... на Думе, против Иверской часовни, где была прежде икона, красуется надпись „Религия — опиум для народа!!!“ Стены домов имеют вид окрашенных в кровь от массы материй» (8.11.1918)⁵⁰.

Годы революции и Гражданской войны стали испытанием для Исторического музея, как и всей страны. Холод в рабочих помещениях и экспозиционных залах, постоянное недоедание привели к гибели 16 сотрудников РИМ⁵¹. 2 августа 1918 г. А.В. Орешников писал: «Питаемся плохо: сегодня, вчера завтрак и обед состоял из черного хлеба, похлебки из сушеных кореньев и нескольких картофелин»⁵². Особенно трудной была зима 1919 — начала 1920 г. Вспоминая то время, В.А. Городцов писал: «Я, измученный голодом и невзгодами, с ярко горевшими глазами следил за течением безумной жизни. Бывали дни — и было их много, когда с утра до вечера во рту не было не только хлеба, но и капли воды. Зима 1919 и 1920 годов была особенно тяжела. Дров ни полена, ни единой щепки. Все стыло и замерзало. В Историческом музее, где я тогда служил, лопались стекла в железных витринах, так как железо от стужи сокращалось, и давило с такой силою на стёкла, что они от нажима железа трескались и разваливались. Сидеть за работой не было сил. Ноги мёрзли. По всему телу пробегала дрожь, и зубы колотили друг о друга. У меня в это время погибли ноги и начали падать здоровые зубы. На холодных каменных полах оставаться целые часы было нестерпимо мучительно»⁵³. Однако жизнь продолжалась, и сотрудники музея продолжали наблюдать за происходившим на их глазах событиями и изменениями города.

В послереволюционные годы изменилась судьба старых архитектурных памятников и храмов около Кремля. Культовые сооружения не соответствовали новому назначению Красной площади как места проведения военных парадов, физкультурных шествий и народных демонстраций. Поэтому их судьба была предрешена.

Показательна трагическая участь близлежащей к Историческому музею Иверской часовни. В ночь на 28 апреля 1918 г. часовня была ограблена, из нее были похищены ценные дары, а также была предпринята попытка украсть драгоценный оклад с главной чудо-

Рис. 12. Руины Иверской часовни у Воскресенских ворот. 3 августа 1929 г. Фотография со стекла. ГИМ

творной иконы храма. Милиция грабителей не нашла. А.В. Орешников сделал запись в дневнике: «Вчера утром хотели ограбить икону Иверской Божией Матери, грабителям что-то помешало, несколько камней с оклада было похищено»⁵⁴. В 1922 г. во время кампании изъятия церковных ценностей из Иверской часовни были изъяты некоторые богослужебные предметы: оклады, ризы, сосуды, кресты, украшенные драгоценными камнями. 19 апреля 1922 г. из нее опять были похищены многочисленные драгоценности. В том же году Воскресенский проезд был переименован в Исторический в ознаменование, как объясняли, 50-летия основания Исторического музея. Перед Рождеством Христовым 1923 г. на площади перед Иверской часовней (перед самыми окнами музея) была проведена акция под названием «комсомольское рождество», пародировавшая церковные службы и традиции и закончившаяся большим костром перед часовней, в котором сожгли святыни.

В 1928 г. по инициативе руководителя атеистической пропаганды Емельяна Ярославского было принято решение о сносе Воскресенских ворот и Иверской часовни. В ночь с 28 на 29 июля 1929 г. сотрудники ГИМ стали свидетелями сноса часовни (рис. 12). А.В. Ореш-

ников оставил запись: «Подходя к Музею, был поражен: Иверские ворота обнесены забором, часовня разбирается; когда же выходил из Музея, то ее не существовало. За часовней обнаружилась в стене впадина. Слышал, что и ворота будут разобраны... Сломка часовни Иверской Божией Матери всех поразила» (30.07.1929)⁵⁵. Вскоре на ее месте была установлена статуя рабочего, которую постоянно меняли. Через два года в 1931 г. были снесены узкие Воскресенские ворота, ограничивающие проезд военной техники (их реконструкция произошла лишь в середине 1990-х гг.).

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Москве начался снос архитектурных памятников и церквей. Особенно поразило сотрудников РИМ снос собора Казанской иконы Божией Матери (на углу Красной площади и Никольской улицы). На церковной службе в этом храме в дореволюционный период бывали многие сотрудники музея. 31 декабря 1918 г. они поминали в храме своего бывшего директора — И.Е. Забелина. А.В. Орешников записал: «... Был в Казанском соборе на заупокойной литургии и панихиде по Иване Егоровиче; была дочь покойного и человек 6 музейских <...>. В Казанском соборе служил дьякон, раненный злодеем, укравшим икону Казанской Божией Матери⁵⁶; пуля до сих пор не извлечена»⁵⁷.

Судьба храма в годы советской власти оказалась предрешенной. В 1920-е гг. в соборе некоторое время служили обновленцы. В 1928 г., несмотря на проведенную реставрацию (под руководством архитектора П.Д. Барановского), была снесена колокольня собора, в 1930 г. Казанский собор был закрыт, а в 1936 г. — снесен.

В те же годы при реализации генерального плана реконструкции Москвы началась перепланировка, расширение улиц, снос старых домов. Изменения коснулись и городских территорий близких к Историческому музею. В 1936 г. были снесены старые строения на Васильевском Спуске — площади, расположенной между Красной площадью и Кремлевской набережной. Изменения коснулись и исторического района Охотный ряд, что до неузнаваемости преобразило центр столицы. Помимо жилых малоэтажных построек и различных лавок были снесены замечательные памятники архитектуры: в 1928 г. храм Параскевы Пятницы, в 1920-е гг. палаты Голицыных, отреставрированные архитектором П.Д. Барановским. Чудом сохранившиеся палаты И.Б. Троекурова — один из главнейших дворцов петровской эпохи — стали обычным жилым домом. Все эти архитектурные памятники изучались любителями старины, членами общества «Старая Москва» (а также сотрудниками ГИМ), здесь проводились многочисленные экскурсии. В середине 1930-х гг. на их месте были построены монументальные здания: гостиница им. Моссовета («Москва») и дом

Рис. 13. Группа историков и археологов, работавших на раскопках во время строительства Московского метрополитена. Сидят (слева направо): Д.Д. Букиннич, А.Е. Алихова, Т.С. Пассек, В.А. Городцов, Л.А. Евтюхова, А.Я. Брюсов, А.В. Збруева, Д.Н. Эдинг; стоят: М.В. Талицкий, <...>, А.П. Смирнов, В.И. Лебедев, Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, С.В. Киселев, П.А. Дмитриев, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова. 9 января 1937 г. Фотография. ГИМ

Комитетов Совета труда и обороны (ныне — здание Государственной Думы РФ). В 1930-е гг. реконструкция затронула и еще один близкий к музею исторический район перед Манежем, включавший в себя бывшие Моисеевскую площадь, Обжорный переулок, Лоскутный переулок и тупик. На месте старинной застройки прямо перед окнами Исторического музея возникла одна из самых больших площадей в центре Москвы, получившая название Манежной.

В те же годы изменения коснулись и здания самого Исторического музея. В августе 1935 г. его сотрудники наблюдали за снятием со шпиль музея двуглавых орлов, установленных еще во время строительства здания⁵⁸. Тогда же демонтировали царских орлов с башен Кремля.

Важнейшим событием тех лет в Москве было появление подземного транспорта — метрополитена. 15 мая 1935 г. открылась станция «Охотный ряд»⁵⁹ (ближайший к музею южный вестибюль станции располагался на первом этаже гостиницы «Москва»). При прокладке первой линии метрополитена была привлечена большая группа спе-

циалистов из Исторического музея — историки-архивисты и археологи В.А. Городцов, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов, Д.Н. Эдинг, А.Я. Брюсов, И.М. Тарабрин и многие другие⁶⁰ (рис. 13). Строительство метрополитена сопровождалось большими земляными работами, археологический надзор за которыми осуществляла экспедиция Московского отделения ГАИМК (рук. А.В. Арциховский, в 1929—1938 гг. сотрудник отдела феодализма ГИМ). Позднее найденные при работах предметы пополнили фонды музея.

Изменения тех лет коснулись и соседнего с ГИМ здания Московской городской думы. Как известно, в дореволюционный период и даже в первые годы советской власти руководитель РИМ Н.С. Щербатов боролся за присоединение к музею этого здания⁶¹. После упразднения Думы в ее здании некоторое время размещались различные советские учреждения. В 1930-е гг. в нем прошел капитальный ремонт, и оно было переоборудовано под музей В.И. Ленина (до ноября 1993 г. — Центральный музей В.И. Ленина) — филиал Государственного исторического музея; с 2012 г. в его помещении был открыт Музей Отечественной войны 1812 года.

Исторический музей в годы Великой Отечественной войны. Мирная жизнь страны оборвалась 22 июня 1941 г., началась Великая Отечественная война. Музей, переживший за свою многолетнюю историю немало социальных и политических потрясений, в годы войны впервые подвергся страшной опасности, он мог потерять все: здание, коллекции, сотрудников. Трудно было даже предположить, что осенью 1941 г. враг будет стоять на самых подступах к Москве, а сам город, его здания будут бомбить. В начале войны коллектив музея, насчитывающий 250 человек, сильно поредел: десятки сотрудников-мужчин уже летом 1941 г. ушли на фронт, вступив в ряды Красной армии⁶². Тех, кого не взяли («белобилетники»), ушли в народное ополчение защищать город. Часть сотрудников в начале войны, спасая музейные коллекции, отправилась в эвакуацию на восток страны: сначала в Хвалынск, затем в Омск и Кустанай.

Оставшимся гимовцам многое пришлось пережить: увидеть военную Москву, бомбардировку города, наблюдать зенитки на соседних с музеем зданиях — крыше ГУМа и в Александровском саду, отряд противовоздушных заграждений около здания «Известий», вереницы аэростатов. Для них стал привычным вой сирен воздушной тревоги на гостинице «Москва» и телеграфе, услышав который народ по улице Горького и Моховой бежал спасаться в метро «Охотный ряд». Они стали свидетелями того, как маскировка изменила Кремль и Красную площадь: на башнях зачехлили рубиновые звезды, перестали сверкать покрытые защитной краской купола,

с помощью бутафорских декораций на площади была создана целая сеть улиц, Мавзолей был упакован в фанерные щиты так, чтобы с воздуха он казался простым жилым домом, на купола храма Василия Блаженного были надеты чехлы и перекрашена в серо-черный цвет черепица.

Сотрудники ГИМ продолжали трудиться и защищать музей. Они были организованы в «унитарную команду», которая делилась на санитаров, пожарников и химиков. Несколько человек по очереди дежурили в здании музея. Исторический музей, как ближайший сосед Кремля, был объявлен военным объектом. В нем велась постоянная охрана музея, ночные дежурства, светомаскировка (огромные окна были затемнены, закрыты щитами, затянуты шторами — свет в окнах считался преступлением, так как дома постоянно бомбили). Летом 1941 г., когда раздавалась воздушная тревога, все уходило в бомбоубежище, организованное в глубоких подвалах музея, или в метро, все — кроме дежурных.

Ярче всего многогранная деятельность ГИМ в военные годы предстает со страниц дневников, писем военных лет и мемуарных записок очевидцев тех событий: заведующей экспозиционным отделом А.Б. Закс⁶³, сотрудника отдела оружия М.М. Денисовой, специалиста по истории костюма М.Н. Левинсон-Нечаевой, археолога В.А. Городцова и других.

Тяжелейшим для всех москвичей было начало войны, когда немецкие войска стояли на подступах к Москве. Она находилась под постоянными атаками немецкой авиации: «юнкерсы» упорно рвались к столице. В двадцатых числах июля 1941 г. начались массированные воздушные налеты немецкой авиации. На улицах строились баррикады, сотрудники ГИМ, как и все москвичи, рыли противотанковые рвы, многие часто ночевали в музее, а некоторые с семьями перебрались в один из музейных подвалов.

Особенно запомнилось всем 15—17 октября 1941 г., когда в городе в связи со стремительным продвижением немецких войск, распространились слухи, что Москву сдадут немцам. Сотрудники ГИМ в эти дни наблюдали, как тысячи человек, спасаясь от немцев, заполнили улицы сплошным потоком, стремясь выехать из города. Вспоминая панические настроения тех дней, А.Б. Закс писала: «Никто не шел спокойно. Все бежали в разных направлениях и все с чемоданами в руках или рюкзаками. Войти в трамвай или троллейбус было невозможно»⁶⁴; «Ползут темные слухи, что ночью ждут немцев. Неужели Москва брошена? На центральных улицах стоял смог от горевших документов — жгли бумаги, официальные документы, личные списки. <...> Над Москвой пепел и тяжелая октябрьская мгла

<...> было страшно <...>»⁶⁵. Вспоминала об этом трудном времени в своем военном дневнике и сотрудница отдела оружия М.М. Денисова: «Наступил самый страшный день, который когда-либо был в моей жизни. Метро закрыли. Все улицы заполнены легковыми автомобилями, перегруженными седоками и вещами... Было страшно, жить хотелось как никогда...»⁶⁶. Однако, несмотря ни на что, в Историческом музее это были обычные рабочие дни: в установленный час открывались Парадные сени, проводились экскурсии.

В начале войны вокруг центра города была создана зона аэро-статного заграждения радиусом 5—6 км от Кремля. Несмотря на плотный огонь советских зениток, иногда фашистские самолеты прорывались к центру Москвы. За первые полтора года войны (с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г.) Кремль неоднократно подвергался бомбардировке: бомбы попали в здание кремлевского Арсенала и Большой Кремлевский дворец. На Красную площадь было сброшено 18 фугасов и более 150 «зажигалок». Особое внимание враг уделял бомбардировке известных учреждений культуры. Фугасная бомба почти полностью разрушила Театр им. Евгения Вахтангова. Взрывами фугасных бомб были повреждены: Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Третьяковская галерея, Московский университет на Моховой; пострадали Музей Л.Н. Толстого на Кропоткинской, Государственная библиотека им. В.И. Ленина, консерватория им. П.И. Чайковского и ряд других объектов культуры.

29 октября 1941 г. от взрывной волны упавшей поблизости бомбы в Историческом музее были выбиты стекла и повреждены рамы. Вот как вспоминала об этом событии А.Б. Закс: «Никогда не забуду 29 октября 1941 г. В этот день я была ответственной дежурной. Тревоги еще не объявляли. Но как только стемнело, мимо окна дирекции со свистом пролетел огненный снап и скрылся за Кремлевской стеной. Окна затрещали, на стол полетели осколки стекла, затемнения были сорваны... Но вот снова загрохотало... Опять звон. Это вылетели стекла со стороны Красной площади и ГУМа. Как мы узнали позже, бомбы упали в район Старой площади. Боюсь ошибиться, но кажется, в этот день бомба упала почти у входа в метро в б[ывшем] Охотном ряду, которая, к счастью, не взорвалась. Бедный старый ГИМ содрогался. Не случайно в его фундаменте теперь находят опасные трещины»⁶⁷. Осматривая экспозиционные залы, сотрудники обнаружили «битые стекла под ногами. Ветер вместе с мокрым снегом и дождем врывается в выбитые окна. Изредка сухой треск и вспышки, на минуту освещавшие изуродованные залы. Особенно пострадал второй этаж. Мы спотыкались об упавшие

скульптуры, сорванные картины, опрокинутые стенды»⁶⁸. В связи с этим музей пришлось закрыть на несколько дней (с 30 октября по 6 ноября 1941 г.), однако к 7 ноября он был открыт. В тот день на Красной площади у самых стен музея состоялся военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Он проводился во время битвы под Москвой, когда линия фронта проходила всего в нескольких десятках километров от города. Перед Кремлем прошла техника и воинские части, направлявшиеся сразу же на фронт.

Между тем бомбардировки с воздуха представляли для музея серьезную угрозу, и он был несколько раз в шаге от разрушения. В.А. Городцов сделал запись об одной из атак немецких самолетов в ночь с 11 на 12 ноября 1941 г., когда «от брошенной бомбы в Замоскворечье, вероятно около МОГЭЗа, разыгралась такая воздушная волна, которая ударила в стену Исторического музея, и стена дала большую и опасную трещину»⁶⁹. Другая запись сделана им через несколько месяцев: «Рассказал сын Мстислав, что 3 или 4 января [1942 г.], вечером (около 9 ч.), он в своем кабинете в Историческом музее стал закрывать окно, выходящее на университетскую площадь, и услышал в воздухе необыкновенный шум и свист от падения большой фугасной бомбы. Она упала с такой силой среди площади, что в его кабинете затряслись стены. Бомба, к счастью, не разорвалась. На другой день ее извлекли из земли, в которую она прошла на 8 метров. Бомба, как ему рассказывали, весом в 2 тонны. Если бы такая бомба взорвалась, то она уничтожила бы верхнюю половину Исторического музея и уничтожила бы много домов, окружающих площадь, и сын, наверно, погиб бы, как погибло бы много и других людей»⁷⁰.

Несмотря на разрушения и потери, гитлеровцам не удалось разрушить столицу, ПВО города оказалось непреодолимой преградой для люфтваффе, и столица спешно залечивала раны, нанесенные бомбардировками. В годы войны Москва жила полнокровной жизнью: работали научные и учебные учреждения, в том числе Московский университет, были открыты многие театры, концертные залы, музеи, публичные библиотеки, кинотеатры. ГИМ работал все военные годы: постоянно создавались новые выставки, проводились экскурсии, читались лекции, шел сбор материалов о войне, работал кабинет школьника.

Война заканчивалась, в музей возвращались его сотрудники. Весной 1944 г. из эвакуации вернулись музейные коллекции ГИМ. Грузовики доставили их во внутренний дворик музея, откуда ящики с коллекциями поднимали лебедками прямо через окна в экспозиционные залы.

Рис. 14. Парад Победы. Москва. 24 июня 1945 года. Фотограф А.В. Устинов.
Фотография. ГИМ

17 июля 1944 г. москвичи наблюдали марш пленных немцев — тысячи солдат и офицеров колоннами прошли по центру города. Одна из колонн шла недалеко от ГИМ по улице Горького. Студенты В.А. Гордцова вспоминали, что их старый учитель сумел дойти до Крымского моста, чтобы лично посмотреть на поверженного врага⁷¹.

9 мая 1945 г. страна узнала о капитуляции фашистской Германии и окончании войны. В этот день тысячи ликующих москвичей устремились на Красную площадь: радостные лица, песни, танцы под гармошку. Вечером празднование завершилось грандиозным салютом — тридцать залпов из тысячи орудий. «Было как в сказке: небо — целая сетка из лучей прожекторов, огромные букеты ракет самых разных цветов. А потом в небе появились самолеты с огоньками на крыльях и, неожиданно для всех, тоже бросали разноцветные ракеты. Миллионы счастливых людей вышли на улицу <...>. Мы стояли у стены гостиницы Метрополь (до Красной площади дойти не могли — все заполнило людское море)», — вспоминала об этом дне Е.И. Розенталь⁷².

В честь этого события 24 июня 1945 г. на Красной площади состоялся памятный исторический Парад Победы. Принимал парад маршал Г.К. Жуков, командовал парадом маршал К.К. Рокоссовский. В нем участвовали представители всех фронтовых полков (Белорус-

Рис. 15. Сотрудники Исторического музея – ветераны Великой Отечественной войны на Красной площади. Слева направо: Г.К. Коломеец, А.С. Корх, А.А. Капитохин, П.Я. Букшпан, А.М. Черемисин <...> И.П. Пастухов, Э.И. Бакст, Н.Н. Томошевский, А.А. Руковичкин, Н.Е. Киселев, Л.А. Ястржембский, Л.Ф. Выдрин, А.М. Шорр, Н.И. Кубышкин, Т.А. Силинова, В.А. Климов, Г.Г. Антипин, А.М. Разгон, К.Г. Левыкин. 6 мая 1985 г. Фотография. ГИМ

ского, Ленинградского, Карельского, Украинского, сводный полк Военно-Морского флота), гарнизона защитников Москвы, военных училищ и академий. Возглавляли колонны командующие этих полков. В завершение парада 200 воинов пронесли склоненные к земле фашистские знамена и бросили их на специальный помост у подножия Мавзолея В.И. Ленина (рис. 14).

Одним из его участников был К.Г. Левыкин⁷³, впоследствии директор Исторического музея. Вспоминая этот праздничный летний день, он написал в своих мемуарах: «Наша дивизия участвовала в Параде Победы в составе войск Московского гарнизона, которому было отведено место за пределами Красной площади. А на площади расположились сводные батальоны всех фронтов, флотов и флотилий. Наши же батальоны в два порядка были выстроены перед Государственным Историческим музеем и Центральным музеем В.И. Ленина»⁷⁴. «Когда моя шеренга проходила мимо трибуны Мавзолея В.И. Ленина, я, скосив от боли глаза, сумел выхватить из общей картины лица Сталина, Жукова и Молотова. Вот и все. Мгно-

вением мелькнули отведенные нам три торжественные минуты марша. <...> С Красной площади мы шли по улице Куйбышева, перестроившись в ротные колонны. А справа и слева от нас сплошной стеной стояли ряды москвичей. Все еще шел дождь, из-за которого была отменена праздничная демонстрация. Но люди все равно вышли на улицы и не уходили с них. Четыре года они ждали этого дня, и дождь не мешал им ликовать. Мы шли <...> А люди с тротуаров приветствовали нас возгласами, добрыми взглядами, взмахами рук. К нам под ноги полетели цветы»⁷⁵.

В фонде музея (ОПИ ГИМ) сохранилась фотография, на которой запечатлены сотрудники Исторического музея (20 человек), ветераны Великой Отечественной войны, которых удалось собрать всех вместе через 40 лет после ее окончания — 6 мая 1985 г. на Красной площади у стен музея (рис. 15).

Исторический музей в послевоенные годы и в наши дни. После войны и последующие годы сотрудники музея были очевидцами смены исторических периодов: «сталинской эпохи» (до 1953), «хрущевской оттепели» (середина 1950-х — середина 1960-х), «брежневского застоя» (1964—1986), «горбачевской перестройки» (1985—1991). На их глазах проходили памятные события: празднование 800-летия Москвы (1947), Международный фестиваль молодежи и студентов (1957), чествование первого летчика-космонавта Ю.А. Гагарина (1961) и др. Ежегодно по Красной площади, под окнами ГИМ традиционно проходили демонстрации и военные парады — их принимали маршалы СССР К.К. Рокоссовский, Л.А. Говоров, Н.А. Булганин, А.М. Василевский, С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, Р.Я. Малиновский и др.

Все эти годы ГИМ жил и развивался: создавались новые экспозиции и выставки, велась экспедиционная деятельность, многократно увеличилась его посещаемость (например, в 1981 г. ГИМ посетили два с половиной миллиона человек). Однако выстоявший среди бурь своего века, переживший столько потрясений музей сильно обветшал, ему требовался капитальный ремонт. Давала о себе знать трещина в фундаменте от немецкой бомбы, упавшей рядом со зданием. Много лет музей сотрясали парадные колонны тяжелой военной техники, шедшие по Красной площади. В 1986 г. музей был закрыт на долгие одиннадцать лет, начался труднейший этап в его истории — ремонт и реставрация.

Именно в тот период, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в стране начался тяжелейший экономический и социально-политический кризис, закончившийся распадом СССР. Страна услышала слова «гласность» и «перестройка». Особый резонанс вызвали собы-

тия 1991—1993 гг. Тогда история, сделав крутой вираж, чуть не повторилась: Россия оказалась фактически на пороге гражданской войны. Уже новое поколение гимовцев, как когда-то в 1917 г., наблюдало за всем происходящим из окон музея. Опять его здание оказалось в гуще событий: кругом митинги, патрули военных, тяжелая армейская техника Кантемировской дивизии на улицах в центре Москвы — на Манежной площади, у гостиницы «Москва», в районе Васильевского Спуска у Храма Василия Блаженного, возле здания Моссовета; массовые митинги в поддержку Б.Н. Ельцина на улице Горького (Тверской), у гостиницы «Москва», трибуны с выступающими представителями разных политических партий, в том числе на Театральной площади у стен Исторического музея. Противостояние законодательной и исполнительной власти закончилось вооруженным конфликтом в центре Москвы, расстрелом из танков Дома Советов, роспуском Верховного Совета страны, попытками вооруженного захвата телецентра «Останкино», массовыми беспорядками и перестрелками на улицах города. Началась новая эпоха в развитии российского государства.

В год своего 125-летия Исторический музей открыл новую страницу своей истории: 9 сентября 1997 г. в день празднования 850-летия Москвы он принял посетителей после долгих лет ремонта и реставрации. Незадолго до этого на башни музея вернулись двуглавые орлы.

В 1990-е гг. ГИМ стал очевидцем изменений в облике столицы, которые происходили после присвоения ЮНЕСКО ансамблю Московского Кремля и Красной площади статуса объектов всемирного наследия. С этого времени начался процесс восстановления исторической застройки: были заново возведены Воскресенские ворота, Иверская часовня и Казанский собор. Перед этим у стен музея провели большие земляные работы, в ходе которых была найдена кладка Иверской часовни, Воскресенских ворот, деревянные мостовые, мощный культурный слой, в том числе относящийся к первым столетиям существования Москвы. В 1993 г. проезд был переименован в проезд Воскресенские ворота и стал пешеходным, а сами восстановленные Воскресенские ворота были переданы ГИМ, ныне в них постоянно проходят выставки. Шпили двух граненых зеленых шатров ворот, как и раньше, венчают золоченые двуглавые орлы. Возле ворот находится популярная туристическая достопримечательность — «Нулевой километр автомобильных дорог России» — памятный знак из бронзы, вмонтированный в булыжную мостовую. Традиция отмечать символическое место, откуда ведется учет расстояний, есть во многих странах мира. В Москве такой памятник появился в 1995 г.

В 1993—1997 гг. на Манежной площади проводились масштабные археологические раскопки, в ходе которых были открыты участки средневековой Москвы с остатками сооружений и улиц. В итоге они стали частью нового Археологического музея у стен ГИМ и гостиницы «Москва». Затем под реконструированной Манежной площадью (по проекту «Моспроект-2» при участии скульптора З.К. Церетели) был построен крупный подземный торговый комплекс «Охотный ряд».

В 1995 г. перед фасадом Исторического музея, выходящим на Манежную площадь, был возведен конный памятник маршалу Георгию Жукову (под копытами его коня изображены поверженные знамена разгромленного полководцем гитлеровских дивизий).

В 2004 г. музей наблюдал за сносом ставшей к тому времени легендарной гостиницы «Москва» (архитектор Алексей Щусев) и возведением на ее месте нового здания, полностью повторяющего формами прежнее сооружение, но сделанное из современных материалов и исходя из современных представлений о гостиничной инфраструктуре.

Ныне Красная площадь — главная арена грандиозных празднеств, военных парадов, шествий и одно из главных туристических достопримечательностей страны. Ежегодно здесь проводятся День славянской письменности и культуры (25 мая), День России (12 июня), проходят книжные ярмарки, Международный военно-музыкальный фестиваль «Спасская башня», устраивается новогодний каток и происходят другие события.

Жизнь продолжается, Государственный исторический музей отметил свой 150-летний юбилей! И уже новые поколения гимовцев наблюдают жизнь России из окон Исторического музея!

-
- ¹ Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 128.
  - ² Сперанский М.Н. Воспоминания о И.Е. Забелине. Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 274.
  - ³ Городецков В.А. Дневники (1928—1944). В 2 кн. / Составители, авторы очерков, примечаний, комментариев и указателей: И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых; отв. ред.: П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: ИД Триумф принт, 2015. Кн. 2: 1936—1944. С. 311.
  - ⁴ Сохранилась «Книга записи посещений музея известными лицами», эти визиты нашли отражение и в «Отчетах» РИМ.
  - ⁵ Первая пассажирская линия конного трамвая была открыта 25 июня 1872 г. Она связала центр города (ныне площадь Революции) через Трубную и Страстную площадь с площадью Смоленского (ныне Белорусскую) вокзала и была предназначена для обслуживания посетителей Политехнической выставки, открывшейся в то время в Москве.

- 6 См.: <https://sayday.ru/story-day/society/tramvay-na-krasnoy-ploschadi/>; (дата обращения: 6 июня 2023 г.).
- 7 *Белоусов И.А.* Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям. С начала 1870 годов. М.: Московское товарищество писателей, 1927. С. 105—106.
- 8 ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 330. Л. 104.
- 9 *Белоусов И.А.* Ушедшая Москва... С. 107—108.
- 10 С 1881 г. великий князь Сергей Александрович многократно преподносил в дар музею произведения живописи, скульптуры, ювелирного искусства, иконы, церковную утварь, предметы быта, археологические памятники. См.: *Палтусова И.Н.* Дары Российского Императорского дома Историческому музею. М.: Исторический музей, 2014. С. 58—145.
- 11 2 апреля 1908 г. на месте убийства великого князя Сергея Александровича в Московском Кремле, между зданиями Сената и Арсенала был установлен памятник — памятный крест (по проекту В.М. Васнецова). Памятник был уничтожен 1 мая 1918 г. перед началом первомайской демонстрации при непосредственном участии членов ВЦИК и первого председателя Совнаркома В.И. Ленина. А.В. Орешников 25 апреля (8 мая) 1918 г. записал в своем дневнике: «Памятник-Крест на месте убиения в Кремле Сергея Александровича стащен канатами под звуки оркестра». (*Орешников А.В.* Дневник. В 2 кн. / Сост.: П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М., 2010. Кн. 1: 1915—1924. С. 157.
- 12 *Забелин И.Е.* Дневники... С. 214.
- 13 ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 328. Л. 85.
- 14 Там же. Л. 85 об.
- 15 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Ед. хр. 25. Л. 138, 139.
- 16 *Забелин И.Е.* Дневники... С. 214.
- 17 ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 329. Л. 55 об-56 об.
- 18 *Забелин И.Е.* Дневники... С. 212.
- 19 В 1908 г. в рамках подготовки к празднованию столетия Отечественной войны 1812 года был утвержден Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года. В его состав вошли ведущие историки и археологи, коллекционеры, меценаты и любители старины. В 1912 г. к 100-летию юбилею собранные коллекции были представлены в залах Исторического музея. Выставка пользовалась большим успехом: ее посетили более 42 тысяч человек. В 1919 г. после упразднения Музея 1812 года его коллекция была расформирована по разным хранилищам, однако большая часть ее впоследствии вошла в собрание ГИМ. При подготовке к празднованию 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в техническом дворе здания бывшей Московской городской думы был построен двухэтажный павильон, в котором разместилась пополнившаяся за сто лет тематическая коллекция. Музей был открыт 4 сентября 2012 г.
- 20 В 1914 г. Исторический музей завершал строительные работы, в ходе которых в нем была разобрана большая аудитория (на 500 мест), а на ее месте были созданы фондовые отделы.
- 21 *Городцов Василий Алексеевич.* Дневники ученого. 1914—1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. / Сост.: И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа, Т.А. Цапина; отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. Кн. 1: 1914—1915. С. 40—42.
- 22 Там же. С. 42.

- 23 Там же. С. 208.
- 24 Там же. С. 208.
- 25 Там же. С. 210.
- 26 Грузинов Александр Евграфович (1873—1918), военный деятель, артиллерист. В ходе Февральской революции 1 марта 1917 г. явочным порядком возглавил московский армейский гарнизон; 4 марта принял на Красной площади парад революционных войск; затем по инициативе Комитета московских общественных организаций был назначен командующим войсками Московского военного округа. В апреле 1917 г. А.Е. Грузинов подал в отставку из-за разногласий с Советом солдатских депутатов; в 1918 г. — в Донской армии; зам. председателя экономического совета при войсковом правительстве. Утонул 9 сентября 1918 г. под Новочеркасском.
- 27 Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914—1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. / Сост.: И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа, Т.А. Цапина; отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. Кн. 2: 1916—1918. С. 215.
- 28 Там же. С. 210.
- 29 Белозерова И.В. Разложение российской армии в 1917 г. глазами очевидца (по материалам ОПИ ГИМ) // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 711—716.
- 30 Городцов В.А. Дневники... Кн. 2. 2019. С. 268.
- 31 Орешников А.В. Дневник... Кн. 1. 2010. С. 136.
- 32 Магазин торгового дома «Каптелин П.С. наследники и К», торговавшего воском, восковыми свечами, ладаном и деревянным маслом, находился на первом этаже в здании Исторического музея (его окна выходили на Воскресенскую площадь).
- 33 Сохранились воспоминания непосредственного свидетеля и участника тех событий, члена группы офицеров врача Верчанского под названием «Из московских дней 27 октября — 4 ноября 1917 г.», написанные по просьбе Н.С. Щербатова. См: Белозерова И.В. Семья Щербатовых: материалы к биографии. 1914—1995 // Забелинские научные чтения — год 2014-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 204. М.: ГИМ, 2017. С. 127—133.
- 34 Орешников А.В. Дневник... Кн. 1. 2010. С. 137.
- 35 Там же. С. 138.
- 36 Там же. С. 139.
- 37 Там же. С. 156.
- 38 Там же. С. 159.
- 39 Городцов В.А. Дневники... Кн. 2. 2019. С. 248.
- 40 Некрополь у Кремлевской стены помимо захоронений служит колумбарием для урн с прахом. Первоначально здесь хоронили участников Октябрьской революции 1917 года, затем — государственных, партийных и военных деятелей Советского государства, иностранных коммунистов-революционеров. Сейчас кроме 12 могил в нишах стены за гранитными досками находятся 115 урн с прахом революционеров-подпольщиков, первых наркомов, членов Коминтерна, военачальников, космонавтов и видных ученых.
- 41 Орешников А.В. Дневник... Кн. 1. 2010. С. 139.
- 42 Там же. С. 155.

- ⁴³ В 1921 г. у Кремлевской стены был похоронен Л.Я. Карпов (1879—1921), химик-технолог и революционер, организатор химической промышленности; член чрезвычайной комиссии по снабжению РККА; заведующий отделом химической промышленности и член Президиума ВСНХ РСФСР (с 1918). Л.Я. Карпов основал Центральную химическую лабораторию ВСНХ РСФСР (в дальнейшем — Физико-химический институт им. Л.Я. Карпова). Его женой была А.С. Карпова, директор Исторического музея в 1941—1966 гг.
- ⁴⁴ *Орешников А.В. Дневник...* Кн. 1. 2010. С. 415.
- ⁴⁵ Там же. С. 149.
- ⁴⁶ Там же. С. 149.
- ⁴⁷ Там же. С. 180.
- ⁴⁸ Там же. С. 181.
- ⁴⁹ Там же. С. 180.
- ⁵⁰ Там же. С. 180.
- ⁵¹ Отчет Государственного Исторического Музея за 1916—1926 гг. М., 1926. С. 7.
- ⁵² *Орешников А.В. Дневник...* Кн. 1. 2010. С. 167.
- ⁵³ *Городцов В.А. Дневники (1928—1944)...* Кн. 2. 2015. С. 60.
- ⁵⁴ *Орешников А.В. Дневник...* Кн. 1. 2010. С. 157.
- ⁵⁵ *Орешников А.В. Дневник...* Кн. 2: 1925—1933 / Сост.: П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М.: Наука. 2011. С. 370.
- ⁵⁶ В сентябре 1918 г. из Казанского собора на Красной площади была похищена его главная святыня — список с иконы Казанской Богоматери, почитавшийся как чудотворный.
- ⁵⁷ *Орешников А.В. Дневник...* Кн. 1. 2010. С. 191.
- ⁵⁸ *Разгонов С.Н. Орлы на башнях: Государственный исторический музей: Люди и годы / С.Н. Разгонов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. М., 2008. С. 106.*
- ⁵⁹ Название станции менялось четыре раза: до 25 ноября 1955 г. носила название «Охотный ряд», затем до осени 1957 г. — «имени Л.М. Кагановича», после вновь переименована в «Охотный ряд», но 30 ноября 1961 г. она стала «Проспектом Маркса». И лишь 5 ноября 1990 г. вернулось старое название «Охотный ряд». Для северного вестибюля был перестроен старинный доходный дом, стоящий на углу Б. Дмитровки и Охотного ряда. Первый этаж был декорирован в виде цоколя, в котором расположился вход в метро. Южный вестибюль расположился на первом этаже гостиницы «Москва». В 1959 г. был открыт дополнительный вход из подземного перехода под Манежной площадью, а в 1997 г. — из подземного комплекса «Охотный ряд».
- ⁶⁰ Материалы о работах в Комиссии по работам на Метрострое сохранились в фонде заведующего архивом ГИМ И.М. Тарабрина (ОПИ ГИМ. Ф. 203. Ед. хр. 129—130).
- ⁶¹ См.: *Белозерова И.В. Исторический музей и Московская городская дума: вековая история освоения музейного пространства (по материалам ОПИ ГИМ) // Забелинские научные чтения — год 2018-й: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 214. М.: ГИМ, 2020. С. 5—30.*
- ⁶² В ряды РККА в 1941—1944 гг. было призвано 98 сотрудников ГИМ.

- ⁶³ *Закс А.Б.* О работе Государственного Исторического музея в 1941—1945 гг. // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 129—141.
- ⁶⁴ *Закс А.Б.* Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник воспоминаний сотрудников музея. М.: ГИМ, 1988. С. 10.
- ⁶⁵ Там же. С. 10.
- ⁶⁶ *Аствацатурян Э.Г.* Из дневника войны М.М. Денисовой // Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник воспоминаний сотрудников музея. М.: ГИМ, 1988. С. 77.
- ⁶⁷ *Закс А.Б.* Как мы жили... С. 11.
- ⁶⁸ Там же. С. 12.
- ⁶⁹ *Городцов В.А.* Дневники (1928—1944)... Кн. 2. 2015. С. 325.
- ⁷⁰ Там же. С. 332.
- ⁷¹ *Николаева Т.В.* Воспоминания о В.А. Городцове // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука, 1991. С. 227.
- ⁷² *Розенталь Е.И.* Вся моя жизнь. М., 2017. С. 166.
- ⁷³ Левыкин Константин Григорьевич (1925—2015), участник Великой Отечественной войны, доброволец, в 1941—1942 гг. участник обороны Москвы; в 1942—1943 гг. воевал на Северном Кавказе и на Кубани; участник парада Победы 24 июня 1945 г. Профессор МГУ. В 1976—1992 гг. — директор Государственного Исторического музея.
- ⁷⁴ *Левыкин К.Г.* Памятью сердца в минувшее... М.: Знак, 2004. С. 507—508.
- ⁷⁵ Там же. С. 513—514.

Е.М. Юхименко

Российский Исторический музей в общественной и культурной жизни России конца XIX — начала XX века

Исторический музей, возникший на подъеме самосознания русского общества, в конце XIX — начале XX в. занимал видное место в общественной и культурной жизни страны. Свидетельствующих об этом фактов множество.

Помимо того, что государство взяло Исторический музей на казенное содержание, соответственно финансировало строительство, комплектование фондов и хранение экспонатов, оно оказывало новому учреждению и другие меры поддержки. В частности, разрешалась беспошлинная доставка из-за границы необходимых музею книг, картин, фотографий, гравюр, физических приборов, инструментов и аппаратов. В 1895 г. при музее был создан правительственный мюнц-кабинет, куда поступали все «вновь изготовляемые монеты и медали»¹.

Музей не обходили своим вниманием представители царствующей династии. Помимо торжеств закладки здания в 1875 г. и открытия в 1883 г. музей удостоился высочайшего посещения еще трижды: 19 мая 1891 г. на открытие Среднеазиатской выставки, 19 августа 1898 г. (тогда был подарен мраморный бюст императора Александра III для установки в парадных сенях), 29 августа 1912 г. на открытие юбилейной выставки в память Отечественной войны 1812 г. Безусловно, в музее часто бывали его председатели великие князья Сергей Александрович и Михаил Александрович (назначен 30 апреля 1905 г.), супруга первого великая княгиня Елизавета Федоровна.

Автору удалось точно атрибутировать две интересные фотографии из фондов музея, которые прежде имели название «Великая княгиня Елисавета Федоровна в новом читальном зале» и широкую датировку: 1915—1916 гг.² (рис. 1, 2). В действительности же на них запечатлено торжественное открытие Всероссийского совещания представителей Комитета великой княгини Елисаветы

Рис. 1. Всероссийское совещание представителей Комитета вел. кн. Елисаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Торжественное открытие в читальном зале Исторического музея 6 ноября 1916 г. Фотография А. Горнштейна. В центре – вел. кн. Елисавета Федоровна и епископ Можайский Димитрий (Добросердов). ГИМ

Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Это мероприятие состоялось 6 ноября 1916 г. в недавно открытом читальном зале Исторического музея³. Здесь присутствовали: товарищи августейшей председательницы комитета П.А. Базилевский и Н.И. Гучков, московский градоначальник свиты Его величества генерал-майор В.Н. Шебеко, московский губернатор Н.А. Татищев, управляющий делами комитета Г.Г. Языков, М.Н. Бардыгин, А.А. Бахрушин, С.В. Бахрушин, М.В. Челноков, А.А. Зуров, А.А. Корнилов, бывший московский губернатор граф Н.Л. Муравьев, генерал-майор Б.В. Окуньков, генерал-майор Н.М. Обошешев, Г.А. Мейнгардт, секретарь великой княгини камер-юнкер В.Е. Пигарев, К.В. Свешников, А.М. Устинов, полковник С.Д. Костицын, Н.С. Соколов, Н.В. Бусилова, С.Н. Глебова, холмский губернатор Л.М. Савелов, представитель Верховного совета сенатор Г.Г. Витте и члены местных отделений комитета великой княгини⁴.

Всероссийское совещание проходило 6—9 ноября 1916 г. в стенах Исторического музея и Московского университета и ставило своей

Рис. 2. Всероссийское совещание представителей Комитета вел. кн. Елисаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Молебен перед торжественным открытием в читальном зале Исторического музея 6 ноября 1916 г. Фотография А. Горнштейна. ГИМ

целью усиление связей центрального комитета со своими отделениями на местах и с другими всероссийскими организациями в делах призрения увечных и сирот и в обеспечении трудовой помощи⁵. Торжественное открытие началось с молебна, который совершил член комитета епископ Можайский, викарий Московской епархии Дмитрий (Добросердов), затем состоялось представление великой княгине Елисавете Федоровне участников совещания; с краткой программной речью выступил товарищ председателя Комитета московский губернский предводитель дворянства П.А. Базилевский. На фотографиях, особенно парадной — на фоне полотна Генриха Данжэ, запечатлены участники первого дня работы совещания; среди них можно узнать епископа Можайского Дмитрия, П.А. Базилевского, московского градоначальника В.Н. Шебеко, московского губернатора Н.А. Татищева.

Посещали музей и великие князья Николай Николаевич старший (29 ноября 1887 г.), Владимир Александрович (1887, 1891), Алексей Александрович (1892), Павел Александрович (1887, 1892, 1895),

Рис. 3. Серебряный стакан, поврежденный во время крушения императорского поезда на станции Борки 17 октября 1888 г. Дар императора Александра III в 1890 г.
ГИМ

Константин Константинович (1892), а также принцесса Гессенская Алиса, будущая императрица Александра Федоровна (1890).

От императорской фамилии поступали в музей многочисленные дары, которые экспонировались на тематической выставке в 2014 г.⁶ (рис. 3).

Поддержка идеи создания национального исторического музея всем русским обществом выразилась, прежде всего, в наполнении его памятниками истории и культуры. Автору уже приходилось писать о существовании двух концепций формирования фондов музея и о торжестве концепции И.Е. Забелина, согласно которой музей должен был стать (и стал!) собранием подлинных вещей⁷. Однако воплощение этой задачи в жизнь было делом непростым. Как с беспокойством писал В.Е. Румянцеву еще в начале 1882 г. ростовский купец Андрей Александрович Титов, будущий создатель Ростовского музея древностей, без жертвований со стороны, как коллекционеров, так и владельцев единичных предметов «залы музея еще долгое и очень долгое время могут оказаться пустыми»⁸. И тем не менее, по мере своего становления, открытия экспозиционных залов, участия в культурной жизни города Исторический музей стал в гла-

Рис. 4. Шкатулка. Урал, Иргинский завод. После 1769 г. Латунь; ковка, чеканка, литье. Приобретена на торгу на средства В.М. Васнецова. ГИМ

зах коллекционеров и скромных обладателей отдельных памятников старины самым достойным местом для помещения их сокровищ на вечное хранение с пользой для общества. Крупные дары поступали от знатных русских семейств — Голицыных, Уваровых, Бобринских, Кропоткиных, Оболенских, Олсуфьевых, Щербатовых. Коллекцию оружия музеем преподнес предводитель нижегородского дворянства А. Катуар де Бюнкюр (1863—1913). Особо отмечали музей и меценаты из купеческих фамилий — Бахрушины, Бурылины, Грачевы, Постниковы, Сапожниковы. Всего в списках дарителей до 1917 г. отмечено более 900 человек буквально всех социальных слоев Российской империи. Думается, многим импонировала демократическая по своей сути идея Забелина представить в музее быт русского народа. В списке дарителей — всем известные имена: А.Н. Бенуа, Е.П. Блавацкая, А.М. и В.М. Васнецовы, В.В. Верещагин, В.Д. Поленов, Ф.Г. Солнцев, В.И. Суриков, А.Н. Майков, московский городской голова Н.А. Алексеев, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, купцы, многие из которых были также коллекционерами: М.П. Боткин, А.А. Брокер, И.А. Вахрамеев, А.А. Карзинкин, Н.А. Найденов, Ф.И. Прове, В.Н. Рогожин, И.Л. Силин, Н.П. Сырейщиков, В.А. Хлу-

Рис. 5. Житие преподобных Зосимы и Савватия Соловецких.

Москва. Конец XVI в. – начало XVII в. Рукопись поступила из Ярославля в составе коллекции И.А. Вахрамеева по завещанию владельца в 1909 г. ГИМ

дова, П.В. Щапов, А.А. Титов, иконописец В.П. Гурьянов, фотограф А.О. Карелин, артист А.П. Ленский, ученые Д.Н. Анучин, Е.В. Барсов, А.Ф. Бычков, С.А. Белокуров, А.Н. Веселовский, Г.Н. Геннади, П.В. Зубов, Д.И. Иловайский, Н.П. Кондаков, Н.П. Лихачев, Д.А. Ровинский, Л.М. Савелов, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов (рис. 4, 5).

Идея создания национального музея нашла отклик у представителей церкви. Фонды музея пополнили дары архиепископа Владимирского и Суздальского Феогноста (Лебедева), епископов Вологодского и Тотемского Израиля (Никулицкого), Пермского и Соликамского Никанора (Надеждина), Угличского Амфилохия (Сергиевского-Казанцева), настоятелей монастырей Дмитриево-Прилуцкого, Тихвинского, настоятельницы Новодевичьего монастыря Антонии (Каблуковой), протоиереев Дмитрия Певницкого и Константина Богоявленского. В 1890 г. священник Виталий Лебедев, настоятель Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище подарил музею ценнейшие памятники — это роскошное Евангелие середины XVI в. с миниатюрами⁹ и, как оказывается, всем хорошо известная пелена «Избранные святые» также середины XVI в. (экспонируется в зале № 13) (рис. 6).

Рис. 6. Пелена «Избранные святые». Москва. Середина XVI в.

Поступила «из Рогожского единоверческого кладбища в Москве» в 1890 г.
Дар священника В.С. Лебедева, настоятеля Никольского единоверческого храма
в 1863–1893 гг. ГИМ

Показателен и перечень учреждений, также делавших дары музею: духовные академии, архивы, библиотеки, православные братства, губернаторы, Государственная дума, Московская городская дума, книгоиздательства, комитеты различных выставок, министерства, монастыри и церкви, научные общества, военные штабы, иностранные учреждения и отдельные лица.

Как известно, один год в истории ГИМ был особенным: в 1905 г. в его фонды поступили собрание Музея П.И. Щукина и собрание Алексея Петровича Бахрушина. Собрание Бахрушина было не столько обширным, но весьма ценным. Обратим внимание только на один уникальный памятник, который впервые экспонировался на выставке «Россия. Дорогами цивилизаций», — это внушительных размеров (два на полтора метра) акварель московской старообрядческой традиции середины XIX в. «Иллюстрированная Библия

и Канон Пасхи» Лист подробнейшим образом описан Еленой Игоревной Иткиной и Ольгой Анатольевной Бачуриной (представлен в постоянной экспозиции ГИМ, зал № 24 и на сайте музея).

Нельзя не отметить двух ценнейших для истории русской культуры архивов, которые некоторое время пребывали в стенах Исторического музея. В 1906—1932 гг. в составе музея находился Музей памяти Ф.М. Достоевского, собрание которого было передано вдовой писателя А.Г. Достоевской и включало бумаги рода Достоевских, подлинные рукописи сочинений, переписку, издания сочинений, рецензии и переводы, портреты, а также вещи, принадлежавшие писателю и его родным. В 1904—1915 гг. по инициативе С.А. Толстой в музее хранился архив Л.Н. Толстого (переписка, копии дневников за 1851—1910 гг., изобразительные и архивные материалы) и личные вещи писателя.

Сувеличением коллекций рос и авторитет музея в научных и самых широких творческих кругах художников, скульпторов, артистов, писателей. Хранящиеся в музее памятники систематически изучали профессора и студенты столичных и провинциальных университетов и институтов, иностранные ученые, представители различных научных обществ и музеев; здесь могли удовлетворить свой специальный интерес и частные лица, не имевшие ученых степеней. Примечательно, что в музее еще безвестными учениками и студентами занимались будущие знаменитости: лингвист Роман Осипович Якобсон, филолог Михаил Осипович Скрипиль, пушкинист Мстислав Александрович Цявловский, искусствовед Алексей Иванович Некрасов, кинорежиссер Всеволод Илларионович Пудовкин.

Можно без преувеличения сказать, что нет такой области художественного и декоративно-прикладного искусства, в развитие которой на рубеже XIX—XX вв. Исторический музей не внес своего вклада. Художники в богатейших коллекциях Исторического музея изучали подлинные памятники старины, с одной стороны, находя необходимый материал для исторических полотен, а с другой — черпая вдохновение для работ в новорусском стиле. Отчеты РИМ за 1905—1915 гг. точно фиксировали не только имена, но и предметы занятий. В.И. Суриков изучал предметы быта, оружия, костюма при работе над картиной «Степан Разин» и «Посещение царевны женского монастыря». А.М. Васнецов занимался древними планами Москвы, изучал предметы костюмы и быта XVII в., зарисовывал памятники старинной русской мебели, старинные планы и виды Москвы. В.М. Васнецов рассматривал миниатюры и заставки лицевых рукописей, собирал материалы по жизни и иконографии князя Олега Романовича Брянского. В.А. Серов изучал в музее живописные и гравированные

портреты Петра I, С.А. Милорадович — церкви Вологодской губернии. Много работала в музее Наталья Гончарова: зарисовывала греческие древности, орнаменты со старинных вышивок, изучала собрание лубочных картин и прориси. Рисовала глиняные античные статуэтки, выставленные в Керченском зале музея, Александра Экстер. С зарисовок предметов бронзового и железного века в 1907—1908 гг. начинал свой путь в искусстве тогда ученик класса рисования и живописи К.Ф. Юон. Плодотворно работали с фондами музея и архитекторы. Некоторые из них работали как исследователи истории архитектуры (в частности, И.Е. Бондаренко, В.М. Борин). Другие же искали архитектурные решения и мотивы для своих новых проектов. С этой целью изучали фонды музея А.В. Щусев, В.Д. Адамович, В.М. Маят, Н.П. Омелюстый.

Творческая переработка старинных форм, орнаментов и мотивов характеризовала развитие ювелирного и декоративно-прикладного искусства в начале XX в. Поэтому закономерно стремление ведущих ювелирных фирм ознакомиться с памятниками, хранящимися в Историческом музее. К музейным предметам обращались представители фирм Фаберже, Болин, Овчинникова, 5-й артели ювелиров.

Была востребована и коллекция памятников церковной старины, хранившаяся в Историческом музее. Неоднократно к ней обращалась художники знаменитой фирмы П.И. Оловянишникова, специализировавшейся на предметах культового характера (рис. 7). По заказу фирмы художники копировали старинные лампы, кадило в Новгородском зале, зарисовывали предметы церковных древностей с акварелей Н.А. Мартынова как образцы для утвари строящегося Федоровского собора в Петербурге.

Материалы ГИМ привлекали художников, работавших в прикладных видах искусства, и мастеров, возрождавших народные промыслы. Изучал собрание старинных изразцов художник-керамист член артели художников-гончаров «Мурава» А.В. Филиппов, рабо-

Рис. 7. Митра. Товарищество «П.И. Оловянишникова сыновья». Москва. 1908–1917 гг. Из старых поступлений музея (запись 1933 г.). ГИМ

тал с лицевыми рукописями художник по фарфору С.В. Чехонин; кустарный техник Елецкого уездного земства Н.П. Надеждин зарисовывал орнаменты старинных кружев; якутской мастер Д.М. Никифоров знакомился с коллекцией предметов костяного резного дела, художник Н.Д. Бартрам, будущий основатель Музея игрушки, делал копии с музейной коллекции игрушек и зарисовывал памятники деревянного резного дела.

К историзму стремилось не только изобразительное искусство начала XX в., но и театр. Только в Историческом музее артисты, художники, костюмеры и декораторы могли изучить одежду и предметы быта прошлых времен, точно выверить все детали постановки. Здесь работали сотрудники всех известных московских театров: Малого театра — при подготовке постановки 1909 г. хроники А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»; Московского художественного театра — при подготовке постановок: «Горе от ума», «Ревизор», «Борис Годунов», «Смерть Пазухина», «Калики перехожие»; Оперы С.И. Зимина, крупнейшего частного театра, — при подготовке постановок опер М.П. Мусоргского «Хованщина» и «Борис Годунов», А.Г. Рубинштейна «Демон».

Прориси из музейной коллекции изучали известные иконописцы: владеец мастерской В.П. Гурьянов, коллекционер и будущий реставратор Эрмитажа Ф.А. Калинин. В музее совершенствовал свое искусство талантливый стилизатор древнерусских рукописей художник-самоучка И.Г. Блинов. Хранящаяся в музее рукопись легла в основу старообрядческого издания Трехтолкового Апокалипсиса 1913 г., к подготовке издания привлекались и другие рукописи музея (рис. 8).

Затягивавшаяся из-за финансовых трудностей отделка залов не позволяла музею полностью развернуть свою экспозицию. Однако пустующим пока площадям второго и частично первого этажей нашли достойное применение: их стали предоставлять под различные выставки. Достаточно перечислить их названия, чтобы увидеть, что в начале XX в. музей находился в центре культурной и художественной жизни города. Здесь проходили ежегодные выставки Товарищества передвижных художественных выставок (с 35-й по 41-ю), Санкт-Петербургского общества художников, Московского товарищества художников, Московского общества любителей художеств, Петербургского товарищества художников, имп. Общества русских акварелистов и товарищества художников; монографические художественные выставки: И.Е. Репина (1892), В.М. Васнецова; историческая выставка архитектуры (1914) и художественно-архитектурная выставки, организованные в рамках V Всероссийского съезда зодчих (1914). Были про-

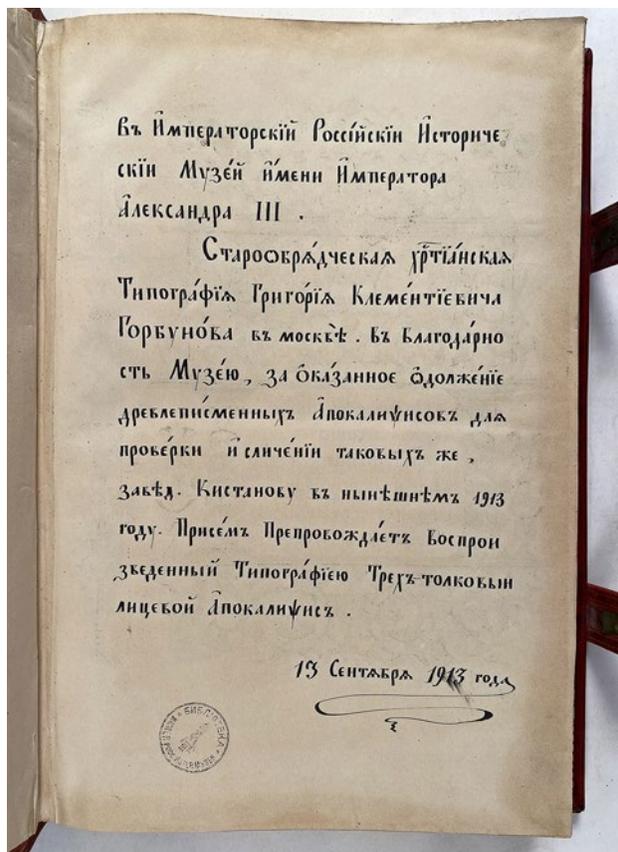

Рис. 8. Дарственная надпись Г.К. Горбунова от 13 сентября 1913 г. на экземпляре Трехтолкового Апокалипсиса (М.: тип. при Преображенском богаделенном доме, 1913) с благодарностью за «оказанное одолжение древлеписьменных Апокалипсисов» для подготовки издания. ГИМ

ведены выставки исторические, этнографические, литературные: к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1899), выставка VIII Археологического съезда (1890), Среднеазиатская выставка (1891), Палестинская (1892), Благотворительная выставка картин, скульптуры, мебели и пр. из частных дворянских собраний (1892), археологическая и географическая выставка в рамках международного конгресса доисторической археологии и антропологии (1892), Выставка живописи, рисунка, декораций к спектаклям на исторические темы (1896), выставка из собрания Н.П. Шабельской (1896), выставка к 50-летию кончины Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского (1902),

Цѣна 5 коп.

2.3

АУДИТОРІЯ ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ.

21 Октября 1908 г.

Курсы по исторіи искусствъ и литературы
въ связи съ развитіемъ культуры.

Некрасовъ, Перовъ и Мусоргскій.

Отдѣленіе I.

П. С. Коганъ. Общая характеристика культуры данной эпохи. Сходство въ дѣятельности Некрасова, Перова и Мусоргскаго.

Ю. А. Веселовскій. Некрасовъ, какъ поэтъ-реалистъ и представитель идейнаго творчества. Русская природа въ его поэзіи. Картины деревенской и городской жизни въ произведеніяхъ Некрасова. Взглядъ Некрасова на задачи литературы и ея общественное призваніе.

А. П. Новицкій. Положеніе искусства передъ началомъ дѣятельности Перова. Обзоръ художественныхъ произведеній Перова. Перовъ, какъ художникъ-реалистъ и публицистъ. Роль публицистики въ искусствѣ.

Отдѣленіе II.

Н. Р. Кочетовъ. Мусоргскій, какъ композиторъ-реалистъ. Реализмъ въ музыкѣ. Къ чему стремился въ искусствѣ Мусоргскій и что онъ сдѣлалъ.

Романы Мусоргскаго, исп. **П. П. Лебедевъ:**

1. Трепакъ (1875 г.). Слова Голенищева-Кутузова.
2. Сиротка (1866 г.). Слова композитора.
3. Калистратъ (1864 г.). Слова Некрасова.
4. На сонъ грядущій. Изъ сюиты „Дѣтская“ (1870 г.). Слова композитора.
5. Козель (1867 г.). Слова композитора.
6. Семинаристъ (1866 г.). Слова композитора.

Тыловые картины: погребы Некрасова, Перова и Мусоргскаго и произведенія Перова.

Розль изъ магазина М. К. Грубешъ.

Слѣдующая лекція предполагается 5 декабря: Польская литература, искусство и музыка.

Печатать разрешается. 10 октября 1908 г. Московскій Градоначальникъ Генералъ-Маіоръ АДРИАНОВЪ.
Типографія вѣд. распр. вѣд. мин. пр. бывшаго в. к. Эрзовъ, Москва, 2. кв. Сахаровъ.

Рис. 9. Афиша лекции «Некрасов, Перов, Мусоргский», состоявшейся в аудитории Исторического музея 21 октября 1908 г. ГИМ

юбилейные выставки памяти Н.В. Гоголя (1907), в честь 200-летия Полтавской битвы (1907), 50-летия со дня кончины С.Т. Аксакова (1907), 100-летия со дня рождения А.В. Кольцова (1907), выставка старинного русского платья княгини В.П. Сидамон-Эристовой и Н.П. Шабельской (1911), юбилейная выставка Отечественной войны 1812 года (1912—1913); выставки конкурсных проектов Новых торговых рядов (1889), памятника Александру III (1898), памятника патриарху Гермогену и архимандриту Дионисию (1912).

Неотделанные залы предоставлялись художникам под мастерские. Несколько лет подряд в зале № 33 работал В.И. Суриков, здесь были написаны его картины «Покорение Сибири Ермаком» (1894—1895), «Переход Суворова через Альпы» (1899), «Степан Разин» (1901—1906, 1909). В 1892—1893 гг. В.А. Серов писал большую картину «Государево семейство во время спасения на железной дороге». В 1905 г. в одном из залов музея работал Сергей Коровин над картиной «Куликовская битва» для Московского зала.

Большое значение имела аудитория Исторического музея (она была рассчитана на 500 мест и существовала с 1889 по 1912 г.). Как первая обширная публичная аудитория, она имела и общегородское значение, и до открытия знаменитой Большой аудитории Политехнического музея в 1907 г., являлась единственной в Москве. В аудитории Исторического музея прошли заседания съездов и обществ, в частности VIII Археологический съезд (1890), международный конгресс доисторической археологии и антропологии (1892), первый съезд художников и любителей художеств (1894), Предварительный съезд музейных работников (1912) и многие другие, устраивались лекции, чтения, концерты и собрания, от 80 до 120 ежегодно (рис. 9). В помещении канцелярии музея проходили постоянные заседания Московского нумизматического общества (с 1888), Дialectологической комиссии при Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук, Общества попечения неимущих и нуждающихся в защите детей, Общества истории литературы (с 1911), Общества любителей старины (с 1914).

Суммируя вышеизложенный материал, можно с полным основанием утверждать, что в конце XIX — начале XX в. Исторический музей находился в самом центре общественной и культурной жизни и с успехом выполнял свои задачи по историческому просвещению общества.

¹ Подробнее см.: Юхименко Е.М. Первый, Российский, Исторический... К 125-летию открытия Государственного Исторического музея. М., 2008. С. 134—139.

² ГИМ 95171/15459 и VI 30422; ГИМ 95171/29874. 21_14467.

- ³ Читальный зал библиотеки Исторического музея был открыт 23 ноября 1914 г. после перестройки помещения аудитории. Здесь было размещено огромное полотно художника Генриха Данжэ «Великие поборники третейского суда и мира». Картина размером 12 × 6,8 м (вместе с резной дубовой рамой) была принесена в дар музею французским гражданином Ансбером Лаббэ в 1900 г. См.: *Щербатов Н.С.* Возникновение отделов музея и мысли о дальнейшем размещении разнородных его собраний и окончательном его устройстве // Отчет императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1914 год. М., 1915. С. 97.
- ⁴ Московские ведомости. 1916, нояб. 8 (21). № 258. С. 3.
- ⁵ См.: Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы, 1905—1918. В 2 т. М., 2016. Т. 2. С. 348—355.
- ⁶ Дары Российского императорского дома Историческому музею / Авт.-сост. И.Н. Палтусова. М., 2014.
- ⁷ *Юхименко Е.М.* Первый, Российский, Исторический... С. 107—132.
- ⁸ *Смирнов Я.Е.* А.А. Титов и главный музей России // Ростовская старина. 2021, дек. № 18 (187). С. 1. Позволим себе привести эту важную для истории Исторического музея цитату полностью: «... Я далек от мысли, что между любителями и знатоками древностей не явятся жертвователи для музея: без сомнения, и они окажут свои посильные услуги и, быть может, даже очень щедро — ценными коллекциями. Но, как бы то ни было, вернее рассчитывать на одиночные пожертвования, общая масса коих, систематически расположенная в залах музея, может обогатить его легко и без особенных материальных затрат; в противном же случае залы музея еще долгое и очень долгое время могут оказаться пустыми! Такое явление было бы чрезвычайно прискорбно и тяжело в глазах каждого истинно русского человека, который, примиряясь с требованиями нового времени и уважая их, не должен, однако, забывать и о том, в чем выражалась давно прошедшая умственная, художественная и общественная жизнь нашего горячо любимого Отечества, для чего московский исторический музей и должен явиться надежным хранилищем» (Цит. по: Там же. С. 1).
- ⁹ *Серебрякова Е.И.* О малоизвестном лицевом Евангелии апракос XVI в. из собрания Исторического музея: вопросы атрибуции и истории памятника // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. М., 2022. Вып. 2. С. 330—345 [эл. издание: [https://disk.yandex.ru/i/3B6kGYIqocChtQ](https://disk.yandex.ru/i/3B6kGYIqocChtQ;); дата обращения: 29.05.2023].

Ф.А. Петров

Московский университет и Исторический музей: пути сотрудничества

Трудно найти в истории культурной жизни Москвы последних столетий два таких крупнейших учреждения, судьбы которых столь переплелись между собой, как Московский государственный университет и Государственный исторический музей. Вспоминаю, как в конце первого десятилетия нынешнего века меня встретил незабвенный Константин Григорьевич Левыкин, первый мой директор в нашем музее, и сказал: «А не хочешь ли ты написать статью о связях МГУ и ГИМ. Вроде в ОПИ материалов-то немало?». Статья была написана и опубликована в разных вариантах — и в «Вестнике Московского университета», и в «Забелинских научных чтениях» за 2010—2012 гг.¹

Рассмотрим «тезисно» лишь основные вехи, предопределившие благотворное сотрудничество между двумя великими учреждениями, объединенных общностью поставленных перед ними задач общероссийского масштаба — просвещения народа.

Четко можно разделить 267 лет истории МГУ и 150 лет истории ГИМ. 1755—1883 гг. — 128 лет до открытия Исторического музея и 139 лет совместного существования.

1. *Genius loci*. Исторический музей был построен на месте здания Аптекарского приказа, в котором в 1755 г. был открыт Московский университет. И после возведения собственного университетского здания на Моховой (1793), к которому добавилось в 1835 г. «новое» здание, *alma mater* была ориентирована на Кремль, Красную площадь, а с 1883 г. и на Исторический музей.

---

* Автор выражает благодарность ученому секретарю ГИМ О.А. Сиротиной за любезно предоставленные данные, свидетельствующие о взаимоотношениях Исторического музея с историческим факультетом МГУ в сфере научно-просветительской деятельности и дальнейшем развитии сотрудничества в настоящее время.

2. Общая ведомственная принадлежность — Московский университет входил в систему Министерства народного просвещения, которое предоставило ему по уставу 1804 г. широкую автономию и при этом специальное финансирование. В 1888 г. особой строкой в бюджете МНП был обозначен и Исторический музей, который также получил название Императорского.

3. Создание при Московском университете Музея натуральной истории, многолетний директор которого профессор Фишер фон Вальдгейм составил в 1832 г. «Проект Отечественного музея»², впоследствии не осуществленный. Такая же судьба постигла и проект «Эстетического музеума», разработанного в 1830 г. С.П. Шевыревым, впоследствии профессором российской словесности и истории российской литературы. Он надеялся, что «полное собрание гипсовых слепков, а по возможности и мраморных копий» знаменитых скульптур, моделей «всех славнейших памятников архитектуры» и «различных утварей древней жизни» позволит представить ее «не в неясных словесных описаниях, а в живых моделях». Но университет не проявил особой заинтересованности в создании Эстетического музеума, который мог бы на три четверти века опередить созданный и открытый в 1912 г. Музей изящных искусств, который до 1923 г. находился в ведении Московского университета³.

4. Открытие по новому Уставу 1835 г. в российских университетах кафедр российской истории. В Московском университете первым профессором этой кафедры стал известный историк (с 1841 г. — академик) Михаил Петрович Погодин, который в своей «избе» на Девичьем поле создал «Древлехранилище» — собрание уникальных книг, документальных, изобразительных памятников по истории России, которое имело большое значение для учебной и научной подготовки студентов — будущих историков. Они под руководством Погодина учились разбирать старинные рукописи, что приучало их к обращению с первоисточниками и прививало навык исследовательской работы⁴.

5. 1840-е гг. — «золотая эпоха» Московского университета. Как известно, первая экспозиция Исторического музея была разработана профессором Санкт-Петербургского университета, академиком Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым. Но порой забывают о том, что он был питомцем Московского университета 1840-х гг., учеником Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, М.П. Погодина, С.М. Соловьева. «Курс Грановского, — вспоминал Бестужев-Рюмин, — отличался изяществом построения, сжатою картинностью изложения». Вполне вероятно, что этому девизу Бестужев-Рюмин следовал, составляя первый «тематико-экспозици-

онный план» Исторического музея. В те же годы, посещая «Древлехранилище» Погодина, он под его влиянием пришел к мысли об огромной роли музеев в повышении образования и культуры народа, в развитии научных знаний: «Сюда скопляются со всех сторон предметы редкие, малоизвестные и таким образом становятся общим достоянием, изучаются и вносят богатый вклад в науку общественную». Подчеркивая необходимость популяризировать научные знания, он в то же время писал, что «одною популяризацией знания не может и не должен ограничиваться музей. Ему предстоит задача: вести науку вперед». Это было как бы перенесением университетских задач в залы здания на Красной площади.

Бестужев-Рюмин охотно взялся за подготовку первой экспозиции Исторического музея, так как идея этого музея полностью соответствовала его просветительскому кредо. Опубликовав ряд популярных книг для самой широкой публики по русской истории с древнейших времен, Константин Николаевич подчеркивал необходимость для историка знакомить «с выбранною личностью или эпохой во всей полноте». Призывая «облечь плотью скелеты, добытые анатомическим ножом исследователей... в живых образах представить всю прошлую жизнь народа во всех отношениях... создав целостный образ прошлого». Нет необходимости подробнее останавливаться на разборе первой экспозиции Исторического музея, ибо это блестяще сделал А.М. Разгон, статья которого «Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917)» за 60 лет не утратила своей актуальности⁵.

При систематизации и экспонировании материалов для музея актуальным становилось «следовать порядку историческому», чтобы его посетитель мог наглядно переживать те исторические изменения, которым подвергалась жизнь русского народа»⁶.

Это полностью отвечало взглядам одного из основателей музея — графа Алексея Сергеевича Уварова. Развивая заветы своего отца С.С. Уварова, выдающегося государственного деятеля, любителя и знатока истории, он стремился, чтобы Исторический музей был бы не «лавкой древностей» или Кунсткамерой, а систематически раскрывал перед посетителями «связь времен», приучая их не только знать отдельные факты, но и представлять прошлое Родины как исторический процесс⁷.

6. Нельзя забывать и влияние лекций того же Грановского, а также адъюнкта Константина Дмитриевича Кавелина на формирование исторических взглядов Ивана Егоровича Забелина. В 1861 г. Забелин вспоминал о том, как Грановский мечтал его «присоединить к университету». Действительно, в начале 1850-х гг. два сто-

личных университета — Петербургский и Московский — приглашали читать лекции человека, не только не имевшего ученой степени, но даже и диплома об окончании университета. Но если о влиянии гуманистических идей Грановского на молодежь сказано предостаточно, то кавелинские лекции вплоть до недавнего времени оставались неизвестными исследователям. Между тем они оказали несомненное влияние на формирование исторических взглядов Забелина, в работах которого по истории русского быта и истории Москвы нашла идея органического развития русской истории. Однако Иван Егорович не приносил, подобно западникам, идею о самобытности России в жертву формальным построениям и главный акцент делал не на роли государства, а на роли народа и сумел создать оригинальную историческую концепцию⁸.

7. В 2020 г. отмечалось 200-летие со дня рождения двух великих русских историков — С.М. Соловьева и И.Е. Забелина. Именно Соловьев наполнил богатейшим фактическим материалом схему Кавелина, который считал главной заслугой Сергея Михайловича «трезвость мысли» и «безусловную веру в историческое развитие». Забелин разделял мысль Соловьева о том, что «упразднение интересов семейственных в пользу политических интересов было процессом долгим», но оно было вызвано постепенным осознанием того, что «это одна страна, что все князья ... имеют одну обязанность, одно отношение к одной Русской земле, что от Киева до Галича, от Переслава до Ладоги везде один народ, одна вера, которая отделяет его от Востока и Запада»⁹.

8. После отмены крепостного права в пореформенной России начался своеобразный бум — начиная от местных музеев и кончая общенациональным музеем русской истории. И если в создании первых главную роль играли энтузиасты-краеведы и созданные реформой 1864 г. земства, то при учреждении общероссийского музея, ставившего задачу сбора и популяризации массива исторических памятников для всестороннего отражения истории страны, нельзя было обойтись без Московского университета. Основание графом А.С. Уваровым в 1864 г. Московского Археологического общества дало первый опыт сотрудничества с учеными Московского университета, которое было успешно продолжено при создании и становлении Исторического музея¹⁰.

9. Дальнейшее развитие получила деятельность и различных университетских научных обществ, среди которых были старейшие, основанные еще в начале XIX в., например, Истории и древностей российских, Испытателей природы и Любителей Российской словесности. Основанное позднее, в 1863 г. Общество любителей

естествознания, антропологии и этнографии за короткий срок провело три крупнейших выставки в Москве: Этнографическую, к которой был приурочен Славянский съезд в 1867 г., Политехническую, посвященную 200-летию со дня рождения Петра Великого в 1872 г., и, наконец, Антропологическую в 1879 г.

Именно создание Севастопольского отдела Политехнической выставки инициировало устройство в Москве Музея национальной русской истории, на которое последовало 9 февраля 1872 г. Высочайшее соизволение императора Александра II.

10. Тремя днями ранее, читая первую публичную лекцию о Петре Великом, С.М. Соловьев дал обоснование необходимости создания музея именно в то время, когда «история народа становится достойной изучения, представляет уже не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей, но дает связное и стройное представление о народной жизни, питающее мысль зрелого человека, который устремляется в историю как науку народного самопознания»¹¹. Огромный интерес публики к лекциям С.М. Соловьева подтвердил необходимость создания русского исторического музея.

И.Е. Забелин считал, что мысль об учреждении Исторического музея в Москве зародилась именно на Политехнической выставке¹². Принять более активное участие в создании этого музея Сергей Михайлович Соловьев просто не мог физически: профессор и декан историко-филологического факультета, в 1871—1877 гг. — ректор Московского университета, ушедший в отставку в борьбе за автономию университетов. К тому же с 1851 г. ежегодно выходил очередной том «Истории России с древнейших времен» (последний том, подготовленный в 1774 г., вышел в свет посмертно в 1879 г.). Наряду с Соловьевым в Ученую комиссию по организации Исторического музея входили и профессора Московского университета, академики Ф.И. Буслаев и В.О. Ключевский, которые принимали участие в обсуждении ряда научной программы музея и давали рекомендации по орнаментации залов и размещению экспонатов.

11. Но главная роль в организации музея принадлежала И.Е. Забелину и графу А.С. Уварову. Их можно сравнить с создателями Московского университета — М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым.

С 1879 по 1888 г. Забелин возглавлял одно из старейших университетских обществ — Истории и древностей российских, а когда передал свой пост В.О. Ключевскому, то члены ОИДР высказали пожелание, чтобы впредь заседания Общества происходили бы в Историческом музее. В определенной степени это пожелание было учтено. Так, в 1909 г. Историческом музее состоялось соединенное заседание Московского археологического общества по случаю от-

крытия памятника первопечатнику Ивану Федорову, и была организована выставка к 200-летию Полтавской битвы. Членами Особого комитета по подготовке юбилейных торжеств в честь столетия Отечественной войны 1812 года были сотрудники Московского университета С.А. Белокуров, Ю.В. Готье и Д.Я. Самоквасов. Юбилейная выставка была открыта в РИМ. Но лишь сто лет спустя, в 2012 г., был открыт долгожданный Музей Отечественной войны 1812 года.

13. Открытие Российского Исторического музея, носившего имя Александра III в бытность его еще наследником. Один из известных археологов, А.К. Жизневский (выпускник Московского университета, историк и археолог, основатель Тверского музея) писал графу А.С. Уварову, что летом 1883 г. в Москве «видел два знаменитых исторических памятника — Храм Христа Спасителя и императорский Исторический музей. Первый выполнил свое предназначение, а второй начинает воплощать в себе грандиозную задачу — наглядно представить прошедшее... Великая будущность музея ясно сказала в каждой из открытых его зал»¹³.

Исторический музей был освящен и торжественно открыт лишь 2 июня. Однако Александр III и императрица Мария Федоровна посетили его еще до официального открытия — 27 мая, так как на следующий день должны были возвращаться в Санкт-Петербург. Не будем цитировать старейшую и весьма информированную газету «Московские ведомости», в которой было дано описание музея таким, каким он предстал глазам «Царя-Миротворца». Наконец, 2 июня 1883 г. был освящен и открыт Императорский Российский Исторический музей. Как писали те же «Московские ведомости», музей «по своему научному значению, громадности своих размеров, богатству отделки... будет одним из лучших украшений Первопрестольной столицы... Молебствие с водосвятием совершал высокопреосвященный митрополит Московский и Коломенский Иоанникий (Руднев) в присутствии председателя музея Великого Князя Сергея Александровича, товарища председателя графа А.С. Уварова, московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, многих почетных лиц, профессоров Московского университета, членов Археологического общества и др.»¹⁴.

14. Но сами строители музея более трезво смотрели на вещи, понимая всю ответственность поставленных перед ними задач, и предвидели, сколько поколений будет трудиться над их решением, словно наполняя «бездонные бочки данаид».

И здесь уместно напомнить об Елпидифоре Васильевиче Барсове, который в 1881—1907 гг. был секретарем ОИДР при Московском университете и редактором его «Чтений». Благодаря его уси-

лиям Исторический музей приобрел знаменитую Чертковскую библиотеку (собрание книг и рукописей, начало которому было положено коллекцией выдающегося историка, археолога и нумизмата Александра Дмитриевича Черткова, член-корреспондента императорской Академии наук и руководителя ОИДР с 1836 г. и до самой смерти в 1858 г.)¹⁵.

Активное участие Елпидифор Васильевич принимал в работе Ученой комиссии, т.е. Ученого Совета. Обширна коллекция самого Барсова, где хранятся ценнейшие материалы не только по русской литературе, фольклору, словесности и истории, но и западноевропейской (в том числе булла Папы Римского 1164 г., которая считается самой древней в собрании ОПИ ГИМ).

Особенно примечательно письмо Е.В. Барсова графу А.С. Уварову от 3 июня 1883 г., написанное через неделю после открытия музея:

«Я до сих пор не могу освободиться от впечатлений, вынесенных из Вашего чудного и гигантского создания. Эпохи русской истории выступают так осязательно, что дают разуть себя непосредственно и оставляют впечатление неизгладимое. Слава и честь Творцу — богатырю, бессмертному вестнику судеб истории — грядущим векам! Двойные ощущения испытывает свидетель при виде великого дела и его деятеля! ... „Каково?“ — спросила у А.П. Богданова¹⁶.

„Да, — отвечает он, — если этот Музей далеко оставляет за собою все наши музеи, но если он и дальше будет поведен так же, то превзойдет и все Европейские музеи“.

„Каково?“ — спросил я своего председателя [т.е. ОИДР. — Ф.П.] И.Е. Забелина.

„Да, поучительно“, — ответил он. — „А каково отношение?“.

„Да чего же Вы ожидаете, — продолжал он, — ни на минуту не нужно забывать, что кругом нас — *общее невежество* сверху до низу, и... не истинное знание, а лишь *болтовня* считается знанием, чтится и уважается. Мы — могикане и должны это знать и помнить. Не от окружающей среды должны мы ожидать поддержки, а в собственных силах, в высоте своего исторического деяния должны искать вдохновения и мужества... Согласитесь, многоуважаемый Граф, что слово Забелина — сущая правда. Не покладайте же, ради Бога, начатого великого дела и начатого так славно. Пророки в своем Отечестве не приемлются. Есть судья ... — история. Создать Исторический музей — значит поставить себя в этом музее. ... не доказывает ли это, что мы стоим выше своего времени и лиц нас окружающих? Да поддержит Вас Бог русский, коего шествие так видимо в нашей истории“». (Выделено авторами. — Ф.П.).

И.Е. Забелин порой смотрел на будущее науки в России довольно пессимистично. Через год (23 августа 1884 г.) он записал о заседании Ученой комиссии музея, где генералом А.А. Зеленым было выдвинуто требование — в кратчайший срок изготовить учебную программу: «От Ученой комиссии Зеленой потребовал, чтобы она к 1 октября все доставила. Наука не уважается, ее считают, как писца, столоначальника — изготовь дело, чтобы было. Труд художника на виду, ему дают шесть месяцев, а науке — месяц»¹⁷.

Забелину предстояло прожить еще 24 года, Барсову — 33 года, Уварову — чуть более полутора лет. Но его короткое ответное письмо Барсову от 6 июня из Поречья дышит оптимизмом: «Ваше письмо, любезный Елпидифор Васильевич, меня очень обрадовало. Оно так тепло, так сердечно, что я был глубоко тронут, и от души благодарен Вам за это послание. Да, Забелин прав, к сожалению, совершенно прав, но жаль для дела, что мы последние из могикиан. Гораздо отраднее было бы видеть целый ряд новых археологов, которые бы шли по тому же пути. Я всегда дело ставил выше мелких интересов, чему может служить доказательством вся моя жизнь, но тут я устал нравственно, и при такой усталости только Ваше сочувствие и сочувствие всех лиц, понимающих, что значит наука, может меня подкупить...»¹⁸. 10 июня Барсов отвечал Уварову: «... И канаты лопаются, и железные цепи надрываются, а нервы — не цепи и не канаты: их надо беречь и беречь. Слышал я, что Государь ужасно устал во время коронации и в последнее время тяготился всякими церемониями и приемами, и потому, если он так долго пробыл в Историческом музее, то этим хотел выразить особенное к Вам внимание. Странная точка зрения вверху на ученых людей; на них смотрят как на монахов, которые обрекли себя на жертвы; труженики, труженики, ну, пусть себе трудятся...»¹⁹. К сожалению, Барсов оказался прав в отношении графа Алексея Сергеевича Уварова, который скончался 29 декабря 1884 г., прожив чуть более 60 лет...

Выпускник Московского университета Владимир Ильич Сизов, проживший на свете немногим больше, чем граф Уваров, с 1881 г. и до конца своей жизни был первым ученым секретарем Исторического музея. Незаменимый помощник А.С. Уварова по Археологическому обществу и строительству РИМ, он получил известность своими археологическими раскопками²⁰. Вскоре после открытия музея Уваров надолго уехал из Москвы. Сизов писал ему о положении дел в Историческом музее: «Число посетителей в Музее, начиная с 300, 400 доходило до 1400. Последняя цифра была случайна и зависела от крестного хода в этот день. Я считаю вообще

неудобным пускать такую массу посетителей при настоящем малом числе сторожей: более 600 пускать не следует». Письма В.И. Сизова, крайне интересные и образно характеризующие жизнь музея, подробно рассмотрены в опубликованной статье²¹.

Велика была роль Московского университета в комплектовании фондов Исторического музея. В 1883 г. Забелин составил записку «О возможных пополнениях коллекций императорского Российского Исторического музея». В ней обосновывалась необходимость тесной связи музея с научными обществами и другими музеями, чтобы обеспечить поступление от них памятников в фонды Исторического музея. Считая неразумным приобретать предметы по «охотничьим ценам», он добивался предоставления приоритета в получении памятников Российскому Историческому музею. И уже в ближайшие 10 лет фонды музея существенно пополнились. Среди первых дарителей был профессор Московского университета, антрополог, этнограф, географ и археолог Дмитрий Николаевич Анучин. Он вместе с Уваровым принимал участие в выборе помещений для хранения археологических коллекций и консультировал художника Виктора Васнецова по созданию знаменитого панно «Каменный век». 11 марта 1884 г. он писал Уварову: «... По его желанию посылаю ему из Зоологического музея череп ископаемого носорога, челюсть и кости мамонта, череп первобытного быка. Картина выходит эффектная, хотя касательно сцены убийства мамонта и жарения целого быка я и расхожусь во взглядах с художником. Богданов и Анучин вместе с Забелиным организовали в залах музея Антропологическую (1879), Археологическую и Географическую выставки (1892); последнюю меньше, чем за три месяца посетило свыше 6 тыс. человек. Созданные на базе этих выставок Антропологический и Географический музеи Московского университета вплоть до постройки специальных зданий размещались в здании Исторического музея. Два других профессора Московского университета (впоследствии также ставшие академиками) Максим Ковалевский и Всеволод Миллер обогатили РИМ ценными материалами из баксанских и чегемских могильников Северного Кавказа. Известный искусствовед, заведовавший университетским археолого-нумизматическим кабинетом, К.К. Гёрц был знаком с Уваровым еще с 1859 г. по совместным раскопкам на Тамани. В 1882 г. Уваров обратился к Гёрцу с просьбой «одолжить на несколько дней для Исторического музея кальки фресок керченских катакомб». А после смерти профессора его сестра Эрнестина продала Историческому музею коллекцию гравюр и библиотеку, содержащую редкие книги по истории Греции, Рима и Востока. Книги, рукописи и иные

материалы поступали в РИМ и от университетских обществ — «Истории и древностей российских», «Любителей российской словесности» и «Любителей естествознания, антропологии и этнографии». Профессора принимали участие в научной экспертизе приобретаемых музеем предметов²².

Московский университет более чем любое другое высшее учебное заведение России, способствовал подготовке высококвалифицированных специалистов для Исторического музея. Основные кадры будущих сотрудников музея давал историко-филологический факультет, который по университетскому Уставу 1884 г. разделялся на три отделения: древне-классической филологии, славяно-русской филологии и исторических наук. Там были кафедры: философии, классической филологии; сравнительного языковедения и санскрита, русского языка и русской литературы; славянской филологии; географии и этнографии; истории всеобщей, истории русской; истории западноевропейских литератур; истории церкви; теории и истории искусств. Многие из выпускников этого факультета пришли работать в Исторический музей. Принятый в 1882 г. Устав РИМ ставил в качестве одной из главнейших перед музеем задачу подготовки «молодых людей, могущих впоследствии, со знанием и опытностью, заменить постепенно первоначальных деятелей». Не удивительно, что И.Е. Забелин, тщательно подбирая кадры молодых специалистов и следя за постоянным повышением их уровня, начал приглашать в музей в основном выпускников Московского университета, занимавшихся историей и филологией, *еще до его официального открытия*. При этом Забелин давал собственные уроки в виде общих бесед на различные исторические темы или объяснения материалов фондов...²³. И Уваров делал определенные шаги в этом направлении: «... Надеюсь привлечь в музей ученые силы, граф не забывал и молодые поколения: студенты, окончившие курс словесного факультета и желающие посвятить себя русской истории и археологии, могли бы заниматься в музее изучением древней жизни по памятникам; для этой цели в музее предполагалось устроить лекции. Для бедных могли быть учреждены стипендии...»²⁴. Назовем хотя бы две фамилии выпускников университета 1880-х гг. — основатель музейной библиотеки А.И. Станкевич и знаменитый филолог, членкор РАН, основатель отдела рукописей и старопечатных книг В.Н. Щепкин.

Алексей Иванович Станкевич (1856—1922) — племянник известного мыслителя 1830-х гг. Николая Владимировича Станкевича. Он привлек в библиотеку способных молодых сотрудников, в основном питомцев историко-филологического факультета Московского

университета, которые наряду с библиотечно-библиографической работой занимались серьезными научными исследованиями в области истории, литературы, искусства. Об этом обстоятельно написали как сам Н.В. Станкевич, так и Э.С. Угрюмова²⁵.

Появление первой плеяды научных сотрудников РИМ и принципы ее подбора иллюстрирует письмо академика Ф.Е. Корша, профессора римской словесности, И.Е. Забелину, отправленное в ноябре 1904 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 440). Корш выражал радость по поводу того, что его сын оказался под начальством Забелина: «На каком поприще суждено ему действовать, еще неизвестно, но, во всяком случае, я желал от всей души, чтобы он по окончании университетского курса... ознакомился на деле с каким-нибудь занятием, менее выгодным и видным, но, в сущности, более благородным, нежели те, при которых имеется в виду преимущественно корысть. Такая пригособительная школа никогда не мешала, а в наше время, отличающееся стремлением к дешевому пользованию дорогими удовольствиями, она необходима каждому юноше, не равнодушному к сохранению в себе образа Божия ... работая в учреждении, устроенном и направляемом Вами, он, как бы ни мала была его работа, расширит свой умственный кругозор»²⁶.

Евгений Корш, названный так в честь деда, известного журналиста 1840-х гг., прошел в музее все ступени карьерного роста — от помощника библиотекаря и младшего хранителя до заместителя директора (уже в советское время). Но в 1929 г. он был уволен во время «чистки», проведенной старым большевиком тов. Лепешинским, вместе зав. отделом археологии, проф. МГУ В.А. Городцовым, будущим академиком Ю.В. Готье и другими «буржуазными специалистами». Не будет преувеличением сказать, что ГИМ как бы повторил «чистку», предпринятую МГУ семью годами ранее — в 1922 г.

Как нам представляется, именно в кратковременное (13 лет) царствование Александра III закончился первый организационный период в становлении Исторического музея, определивший индивидуальные особенности и методы в экспозиционно-выставочной, научно-просветительской и научно-фондовой деятельности музея.

Это символизировало «Положение об императорском Историческом музее», утвержденное императором в 1888 г. Не менее важным, чем официальный акт, стало празднование 50-летнего юбилея научной деятельности Забелина осенью 1892 г. Нам кажется, что тексты поздравительных адресов характеризуют не только и не столько личность Ивана Егоровича, сколько эпоху.

Итак, первый адрес — от Московского университета, написанный, как удалось выяснить, Василием Осиповичем Ключевским:

«Императорский Московский университет приветствует Вас, как своего почетного члена, вспоминая 50-летние труды Ваши по отечественной истории. Имя Ваше давно уже начертано в летописях русской историографии, знаменуя собою плодотворное научное направление и блестящие успехи в изучении быта наших предков. По счастливому сочетанию обстоятельств Вашей жизни, соответствовавшему наклонности ума и свойствам таланта Вашего, Вы смолоду стали близко к драгоценным вещественным памятникам нашей старины. Эти памятники... перед которыми останавливались в недоумении, как перед немymi свидетелями угасшей жизни, Вы одушевили с архивными документами в руках, заставили их говорить и рассказать о том, как жили и думали люди, их создавшие и среди них двигавшиеся ... Дай Бог, чтоб и грядущие поколения по Вашим трудам продолжали учиться, понимать прошлое своего народа и любить свое отечество как этому учатся у Вас поколения живущие».

Второй адрес был поднесен Забелину Обществом любителей российской словесности и подписан его председателем Н.С. Тихонравовым, ректором Московского университета (1877—1883). Он писал, что начало учено-литературной деятельности юбиляра относилось к началу 1840-х гг., когда стало пробиваться «новое течение в изучении языка, мифологии, народной словесности, древнего права, народных обычаев, вообще народной старины... Вы дали русской археологии самый широкий объем и ... вывели ее из такого хаотического положения, в котором она дотоле находилась».

Кстати, заседания Общества любителей российской словесности также неоднократно проходили в Историческом музее: в 1899 г. была проведена выставка к столетию со дня рождения А.С. Пушкина, в 1902 г. — к 50-летию смерти В.А. Жуковского, в 1909 г. — к столетию со дня рождения Н.В. Гоголя. Ценнейшие материалы были подарены Историческому музею М.Н. Сперанским, профессором Московского университета, с 1921 г. академиком Петроградской Академии наук и одновременно зав. отделом рукописей и старопечатных книг. Сперанский был основателем и бессменным председателем Общества истории литературы, основанного в 1911 г. и просуществовавшего до 1925 г. Все 160 заседаний общества были проведены в Историческом музее. В его деятельности принимали участие крупнейшие ученые по истории отечественной и западноевропейской литературы, — сотрудники РИМ и профессора университета, которые часто совмещали эти должности. Приятно отметить, что эти тра-

диции нашли продолжение и в наше время — выпускница истфака МГУ Н.А. Каргаполова, организовавшая великолепные выставки, посвященные юбилеям Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева, в дальнейшем ею запланировано проведение музейной выставки, посвященной памяти А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя.

Нет возможности хотя бы вкратце перечислить фамилии знаменитых профессоров, чьи личные фонды, конспекты лекций и другие материалы хранятся в ОПИ ГИМ. Скажем так: от Грановского, Соловьева и Ключевского до И.Г. Петровского, П.А. Зайончковского и С.С. Дмитриева.

Многолетние традиции публичных лекций Московского университета сыграли важную роль в организации научно-просветительской деятельности Исторического музея. Еще согласно Уставу 1874 г. музеем было дозволено чтение публичных лекций и выпуск собственных изданий — как Академии наук и университетам. В 1889 г. Министерство народного просвещения разрешило открыть в Музее аудиторию на 700 мест для чтения лекций и заседаний вышеупомянутых ученых обществ Московского университета. Один из слушателей вспоминал об этих «интереснейших публичных лекциях», которые читали по вечерам «лучшие профессорские силы Москвы», которые «привлекали много интересной публики и массу учащейся молодежи». Особое впечатление производили лекции профессора истории западноевропейской литературы Н.И. Сторожено — «спокойного, мягкого, умного хохла, отлично знавшего Шекспира и любившего своего земляка Гоголя; и красивого, джентельменски изящного Александра Николаевича Веселовского (профессор истории русской литературы, академик. — *Ф.П.*)». В конце 1890-х гг. другой академик, профессор юридического факультета И.И. Янжул, автор ряда выдающихся трудов по фабричному и рабочему законодательству, налоговой и таможенной политике, сторонник вмешательства государства в экономику, прочел в музее лекцию, вызвавшую огромный интерес у публики. В 1906 г. в аудитории Исторического музея профессор (с 1943 г. академик) Р.Ю. Виппер прочел лекцию «С Востока свет», в которой рассказал о новейших археологических открытиях в Передней Азии и о влиянии на европейскую культуру. Сбор с лекции поступил в пользу «Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета». В этом «революционном» году в Историческом музее собралось до 20 тыс. слушателей. Традиции участия в работе Ученого совета ГИМ крупнейших ученых истфака МГУ, восходящая к именам академиков Л.В. Милова, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова и В.Л. Янина, сохраняется и до сих пор.

Почти полвека, с 1976 г. музей возглавляли и возглавляют исключительно выпускники истфака МГУ — К.Г. Левыкин (1976—1992), недавно ушедший из жизни А.И. Шкурко (1992—2010), А.К. Левыкин (с 2010). Из заместителей директора по научной работе университет в разные годы окончили восемь человек. Среди них — Н.А. Ашарина, В.Л. Егоров, Н.Л. Рубинштейн (хорошо известный своими исследованиями и учебниками по историографии отечественной истории, который одновременно был и профессором МГУ) и ныне действующий зам. директора А.Д. Яновский. С конца 1980-х гг. главными хранителями (зам. директора ГИМ по научно-хранительской работе) были Т.Т. Иванова и ныне действующая М.В. Чистякова — выпускницы кафедры истории СССР периода феодализма. Примерно с этого же времени выпускницами истфака МГУ комплектовались и кадры ученых секретарей.

Из заведующих научно-экспозиционными и научно-фондовыми отделами МГУ окончили 80 человек, т.е. значительное большинство. Среди них были: известный специалист по истории Москвы и церковному зодчеству М.И. Александровский; крупный специалист по древнерусской живописи А.И. Анисимов, расстрелянный в 1937 г. С 1903 г. и до самой смерти в 1945 г. в Историческом музее работал выдающийся ученый-археолог В.А. Городцов, который всегда считал музей «основным местом работы», а «по совместительству» с 1918 г. был профессором МГУ. Ему «удалось создать достаточно крепкий коллектив археологов ...подбирая кадры из своих учеников Московского университета»²⁷.

Одним из них был легендарный А.В. Арциховский, профессор и зав. кафедрой археологии, который с момента основания и до самой кончины (1939—1978) был деканом исторического факультета (1952—1957). В 1929—1938 гг. он руководил отделом древнерусской экспозиции ГИМ и «осуществил коренную перестройку всей музейной коллекции по разделу Древней Руси»²⁸. Автор будучи аспирантом, лично общался с Артемием Владимировичем по теме своей статьи по истории Московского университета конца 1870-х — начала 1880-х гг.: каждого из сотрудников он знал по именам и отчествам и занимаемым кафедрам.

Воспитанники и профессора Московского университета академики М.М. Богословский, Ю.В. Готье и член-корреспондент С.В. Бахрушин заведовали, соответственно, Общеисторическим разделом и его отделением XVII в., отделом истории России XVIII в., отделом оружия и отделом Северо-Восточной Руси. Следует обратить внимание на недавно вышедшие публикации дневников М.М. Богословского и В.А. Городцова, осуществлен-

ные Е.В. Неберекутиной и И.В. Белозеровой, ведущими специалистами ОПИ ГИМ.

Участник Первой мировой и Гражданской войн Г.А. Новицкий в 1929—1950 гг. заведовал отделом феодализма ГИМ, в 1939 г. возглавил созданную им кафедру музееведения и краеведения на истфаке МГУ — единственный центр страны, готовивший музееведов. С 1963 по 1974 г. Новицкий возглавлял кафедру истории СССР периода феодализма.

Академик М.Н. Тихомиров после окончания историко-филологического факультета МГУ с 1924 г. в течение ровно четверти века работал в отделе рукописей и старопечатных книг, а в 1946—1949 гг. заведовал этим отделом. В 1953 г. он основал на истфаке кафедру источниковедения истории СССР.

Академик Б.А. Рыбаков, лекции которого традиционно открывали студентам-первокурсникам обучение на историческом факультете, с 1931 г. был старшим научным сотрудником отдела раннего феодализма, а в 1936—1952 гг. (с перерывами) — заведовал 3-м археологическим отделом ГИМ. «Как считал сам Б.А. Рыбаков, работа в ГИМ не только заменила ему аспирантуру, но и сыграла в его становлении как ученого большую роль, чем учеба в Московском университете»²⁹. До открытия Исторического факультета в 1934 г. по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) преподавание истории в университете претерпевало кризис.

Традиционной формой сотрудничества ГИМ и МГУ начиная с 1940-х гг. являются совместные археологические экспедиции. Отдел археологии ГИМ традиционно пополняется исключительно выпускниками кафедры археологии исторического факультета МГУ. Среди работающих в музее сотрудников — свыше 70% кандидатов наук имеют диплом МГУ, а из имеющих ученую степень доктора наук 34 человека окончили МГУ (лишь шесть — другие учебные заведения).

В последнее десятилетие с лишним сотрудничество Исторического музея с историческим факультетом МГУ продолжает развиваться, о чем свидетельствуют данные, любезно предоставленные ученым секретарем ГИМ О.А. Сиротиной.

21 февраля 2017 г. состоялось торжественное подписание Соглашения о сотрудничестве между Государственным историческим музеем и историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова. В рамках сотрудничества студенты приоритетно участвуют в волонтерской программе ГИМ и в программах практик и стажировок. Ежегодно с 2017 г. в этой программе участвует свыше 120 студентов исторического факультета. Каждый год весной подводится итог деятельности волонтеров и проводится новая волна набора

в программу. Реализуется деятельность нескольких направлений: фондовое, экскурсионно-просветительское, инклюзивное, развитие музея и организация мероприятий. Им предлагается также прохождение стажировки в музее. Благодаря приобретенным ценным навыкам и качествам волонтеры Исторического музея попадают в кадровый резерв ГИМ. Бакалавры и магистранты в отделе письменных источников (ОПИ) проходят не только разовую архивную практику, но постепенно приучаются к постоянной работе в отделе и получают под руководством старших товарищей первичные палеографические и исследовательские навыки. Автор, как один из ветеранов отдела и курирующих работу студентов, отмечает резко возросший уровень подготовки студентов в последнее время. Так, студенты кафедры средних веков сумели полностью разобрать упоминавшуюся папскую буллу, написанную на средневековой латыни.

Студенты исторического факультета имеют возможность проходить практику в фондовых отделах, в научно-просветительском подразделении музея. Количество участников летних практик и стажировок в год в среднем составляет от 40 до 60 человек. По итогам успешного участия в волонтерской программе и программе практик музей предлагает трудоустройство студентам. С 2017 г. в штат ГИМ было принято несколько десятков молодых специалистов.

В Парадных сенях Исторического музея не раз проходило торжественное посвящение в первокурсники исторического факультета МГУ.

Договор о сотрудничестве предлагает студентам исторического факультета бесплатное посещение музея с сентября по май. Ежегодно около 600 студентов посещают Исторический музей в рамках предоставленных льгот.

Преподаватели и сотрудники исторического факультета регулярно читают лекции для посетителей музея, участвуют в дискуссионных мероприятиях и научных конференциях.

Каждый семестр учебного года в музее проводятся занятия для студентов кафедры археологии (занятия ведет д.и.н., заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ А.Р. Канторович). Анатолий Робертович и его коллеги по кафедре активно сотрудничают с отделом археологических памятников ГИМ и ежегодно передают на хранение материалы раскопок.

Для Исторического музея важной целью является расширение сотрудничества с факультетом в целях профессиональной ориентации и вовлечения в научно-просветительскую деятельность юных

историков, чтобы любой студент мог найти свой учебный и профессиональный интерес в музее.

К ежегодному участию в совместной конференции Исторического музея и Школы юного историка при поддержке фондовых сотрудников музея и научных сотрудников МГУ может быть привлечено большее количество будущих студентов факультета и в перспективе будущих сотрудников музея и коллег по исторической науке в целом.

Вместе с историческим факультетом предлагается осуществить выставочные проекты, посвященные учебным дисциплинам, вызывающим особый интерес среди студентов — археология, история древнего мира и история России, в частности, пропаганда военно-патриотических традиций. Подобные проекты могут осуществляться в рамках специальных курсов в магистратуре. Вовлечение в деятельность музея предоставляет возможность студентам организовывать более разноплановые выставки в рамках факультета, помогает понять логику этих мероприятий. Музей готов к совместной разработке проектов, мероприятий (в частности, дискуссионных клубов на историческую тематику для студентов и абитуриентов) и других направлений научно-просветительской деятельности и профессиональной ориентации.

В «Публичных чтениях о Петре Великом» С.М. Соловьев сделал одно важное наблюдение: «С появлением Петербурга Москва не утратила своего значения, и когда при дочери Петра Великого России понадобился университет, место ему было указано в Москве. Научная жизнь Москвы, как университетского города, должна была высказаться в спокойном уяснении исторических явлений, в спокойном указании народного бытия»³⁰. Указ, подписанный императрицей Елизаветой Петровной 12 (25) января 1755 г., имел огромное значение для развития российского образования, науки и культуры. Учреждение Московского Университета «в полном смысле можно назвать нравственную реформу», — справедливо заметил Н.И. Тургенев, выпускник Московского университета³¹.

В последнее время произошла переоценка значения Великих реформ в истории судеб России. Представляется, что к их числу с полным основанием можно отнести и «музейную» реформу, что проявилось в создании целого ряда музеев в пореформенной России как в столицах, так и на местах, и в частности, крупнейших музеев, таких как Исторический, Политехнический в Москве, Русский, Артиллерийский музеи в Петербурге и многих других³².

Генетические связи Московского государственного университета и Государственного исторического музея не могут быть ис-

черпаны в рамках одной статьи. Каждый выпускник исторического факультета МГУ, поступивший на службу в ГИМ, чувствует ответственность как перед давшей ему дорогу в жизнь *alma mater*, так и перед великим культурным учреждением, где ему выпала честь работать среди коллег — выпускников Московского университета разных поколений.

- ¹ *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей (к 125-летию открытия ГИМ) // Забелинские научные чтения — 2008. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2010. Вып. 182. С. 589—627; *он же:* Московский университет и Исторический музей // Вестник Московского университета. Серия 8. История. С. 14—46.
- ² ОПИ ГИМ.Ф. 132. Ед. хр. 343. Л. 5—6.
- ³ *Петров Ф.А.* С.П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности и первый историограф Московского университета. М., 2005. С. 7—8.
- ⁴ *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории при Московском университете. М., 1995. С. 43.
- ⁵ *Разгон А.М.* Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917) // Очерки истории музейного дела в России. М.: Советская Россия, 1960. Вып. 2. С. 224—299. (С вып. 5 изд. под загл.: Очерки истории музейного дела в СССР).
- ⁶ *Киреева Р.Н.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 45, 56, 69, 79, 95, 109—118.
- ⁷ См. подробнее: *Петров Ф.А.* Исторические взгляды С.С. Уварова // Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 106. С. 13—26.
- ⁸ См. подробнее: *Петров Ф.А.* Лекции профессора Московского университета К.Д. Кавелина и их влияние на формирование взглядов И.Е. Забелина // Труды ГИМ. М., 1992. Вып. 81. С. 115—124.
- ⁹ *Петров Ф.А.* Материалы о С.М. Соловьеве и историках «государственной школы» в собрании отдела письменных источников Государственного исторического музея // С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка. М., 2000. С. 185—192.
- ¹⁰ *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей ... С. 591.
- ¹¹ *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 416.
- ¹² *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 192.
- ¹³ *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей ... С. 609.
- ¹⁴ *Петров Ф.А., Фалалеева М.В.* Князь Владимир Андреевич Долгоруков. Правитель Первопрестольной (1865—1891). М., 2010. С. 20.
- ¹⁵ *Петров Ф.А.* А.Д. Чертков — председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции. Москва, 5—6 декабря 2013 г. М., 2014. С. 150—173.
- ¹⁶ Анатолий Петрович Богданов (1834—1896), выдающийся русский зоолог, антрополог и археолог, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук, профессор Московского университета, который в 1863 г. основал там Зоологический музей, а в 1876 г. — кафедру антропологии, а также стоял у истоков университетского Общества любителей есте-

- ствознания, антропологии и этнографии; в 1883 г. постановлением Совета Московского университета Историческому музею была передана часть антропологических и археологических коллекций, собранных ОЛЕАЭ, в том числе часть собранных лично Богдановым.
- ¹⁷ *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 112.
- ¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 30. Л. 20.
- ¹⁹ *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей ... С. 608.
- ²⁰ См.: Речь представителя Императорского Исторического музея В.И. Сизова // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. М., 1997. С. 9—18.
- ²¹ *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей ... С. 608—609.
- ²² Там же. С. 598—602, 613.
- ²³ Там же. С. 613—614.
- ²⁴ Там же. С. 612—614.
- ²⁵ *Станкевич А.И.* Музей. Из воспоминаний первого библиотекаря // За строкой воспоминаний ... С. 57—59, 65; *Узрюмова Э.С.* История библиотеки Исторического музея // Труды ГИМ. М., 1995. Вып. 87. С. 65.
- ²⁶ *Петров Ф.А.* Московский университет и Исторический музей ... С. 615—616.
- ²⁷ *Грехова Л.В.* Археологическое собрание ГИМ (К истории формирования фонда кафедрой археологии) // Труды ГИМ. М., 1995. Вып. 87. С. 61.
- ²⁸ Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 94.
- ²⁹ Там же. С. 398.
- ³⁰ *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 515.
- ³¹ *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002. С. 108.
- ³² *Петров Ф.А.* Реформы Александра II в области просвещения и культуры // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 163. С. 320—336.

С.В. Девятков

История изучения Московского Кремля в XIX—XXI веках

Статья посвящена историографическому анализу обширной, но зачастую однообразной литературы о Московском Кремле за последние столетия. Причем эта литература как монографического, так и мемуарного характера. Показаны исторические корни и основные тенденции процесса изучения и осмысления истории Кремля во всем его многообразии. Рассматриваются объективные и субъективные причины слабой степени изученности темы в советский период.

Московский Кремль в XX—XXI вв. как объект комплексного научно-исторического исследования представляет несомненный интерес. Это легко объяснимо, если принять во внимание, что Кремль традиционно принадлежал различным государственным и духовным ведомствам и организациям, причем режим секретности для них, как правило, был весьма высоким. Это, несомненно, затрудняет поиск источников по теме, их введение в научный оборот. Тем не менее, существует довольно обширная историография по теме «Московский Кремль» за период XV—XVIII вв. Это вполне объяснимо, так как прошедшие века снижали степень политической и военной актуальности старинных кремлевских источников, карт, да и иных исследовательских материалов.

С начала XIX в. цензурный комитет практически полностью запретил публикации об организационной и финансово-хозяйственной деятельности Министерства Императорского двора (МИДв) и его Московского дворцового управления в Московском Кремле, о деятельности Собственной его императорского величества охраны в целом и комендатуры Московского Кремля, Кремлевского батальона в частности. Практически те же ограничения существовали и для публикации документов Священного Синода и подведомственных ему организаций в Московском Кремле. Отдельная система внутренней цензуры существовала и в системе

Министерства Императорского двора — на исторических документах, фотографиях, планах часто встречаются штампы «МИДв. Не для печати». Старинные документы и в советский период оказывались недоступными для исследователей. Так, на «Плане расположения войск в Кремле в день Священного Коронования 22 августа 1826 года» стоят уже штампы советских времен: «Технический архив УМКК», «Не выдается»¹.

Однако именно в позапрошлом веке были впервые опубликованы и стали доступными для исследователей и общественности многие документальные источники, исторические описания и обзоры, созданные в предыдущие столетия².

С конца XVIII — начала XIX в. российские историки начинают активно разрабатывать тему истории Московского Кремля, причем огромный интерес к ней возник после победы над Наполеоном. Это и понятно — Москва в целом и Кремль в частности тяжело пережили нашествие Великой армии. Москва массированно горела, а Кремль был заминирован и частью взорван при отступлении французов. Огромные усилия по восстановлению кремлевских святынь и возрождению на три четверти испепеленного города буквально подстегнули историков, как к изучению его истории, так и исследованию многовекового кремлевского прошлого, его дворцов, памятников, соборов, церквей и монастырей³.

Огромный вклад в изучение истории Московского Кремля внес замечательный российский историк И.Е. Забелин⁴. Первый системный труд по истории Москвы в целом и Московского Кремля в частности принадлежат именно его перу. С полным правом труды этого историка можно отнести к разряду уникальных. Фактически именно он заложил методологические основы для изучения Кремля в новейшее время. Именно он дал самое подробное описание кремлевской истории, многих кремлевских объектов, повседневной жизни великокняжеского и царского двора, причем это описание для своего времени было поистине революционным, вобравшем в себя все самые передовые источники и исследования по московской и кремлевской тематике⁵.

Историографический анализ публикаций позднего дооктябрьского и советского периода изучения Кремля показывает, что фактически только те исследователи, которые по долгу службы имели доступ к кремлевским архивам, сумели подготовить и опубликовать исследования по данной тематике. И здесь необходимо отметить работы двух российских историков конца XIX — начала XX в., которые смогли создать фундаментальные труды, посвященные Московскому Кремлю⁶. Это были кремлевский инженер, генерал-майор М.П. Фа-

брициус и чиновник МИДв, главнозаведующий Большого Кремлевского дворца и кремлевской Оружейной палаты С.П. Бартнев.

М.П. Фабрициусом был подготовлен исторический обзор Московского Кремля, краткий очерк его истории, культуры, быта и духовной жизни⁷. Его публикация была приурочена к проведению церемонии венчания на царство и коронационным торжествам императора Александра III, прошедшим в Москве 15 мая 1883 г. Книга «Кремль в Москве» М.П. Фабрициуса была написана в 1870-х — начале 1880-х гг. В ней подробно показывается история Московского Кремля, как исторического, культурного и религиозного центра огромной державы, ставшего центром формирования не только Москвы, но и всего Российского государства. Эта первая научно-популярная книга о Кремле на базе значительного объема исторических фактов показывает роль Московского Кремля как признанного символа Московского, а позднее Российского государства. Отмечается роль этой святыни в объединении страны и народа, в формировании национального самосознания и духовной православной традиции.

Книга М.П. Фабрициуса состоит из двух практически равных частей. В первой части всесторонне показана история Московского Кремля, начиная с момента строительства на Боровицком холме первой деревянной крепости. Автор повествует о формировании Кремля от укрепленного центра Московского княжества до мощной цитадели. Здесь же показан домашний быт царей и цариц, рассказано об их повседневной жизни и официальных кремлевских церемониях, православных обрядах и праздниках. В книге освещаются крупнейшие государственные исторические события, проходившие в стенах Московского Кремля. К каждому этапу зарождения и становления Кремля автор приводит хронологическую увязку жизни Кремля с важнейшими событиями российской истории. Здесь и формирование великого княжества Московского, и создание централизованного государства при Иване III, и Смутное время, и избрание на царство Михаила Романова, и многое, многое другое. Также рассказывается о роли русских царей и императоров в истории Московского Кремля, в формировании его уникального архитектурного облика. Вторая часть книги представляет собой краткие экскурсионные обзоры древних территорий Московского Кремля, его стен и башен, соборов и дворцов, музейных в том числе и коронационных сокровищ, и посольских даров, и уникальных библиотечных собраний.

М.П. Фабрициус начинает свой исторический обзор со священных Спасских ворот. Подробно рассказано о православных цен-

ностях Патриаршей ризницы, Синодальной библиотеке, ризницах кремлевских храмов, некоторых древних архивных собраниях, хранившихся в Московском Кремле, в частности, в Оружейной палате. В книге подробно описаны основные парадные залы Большого Кремлевского дворца, Теремной и Потешный дворцы, церкви, соборы и монастыри.

Фактически это была первая монографическая работа, написанная достаточно популярно, интересно и в то же время на должном для того времени научном уровне, посвященная всестороннему описанию кремлевской истории, архитектуры Московского Кремля и его важнейшей роли как духовного и православного центра Российского государства. Единственным серьезным недостатком этого издания является то, что в данной книге приводятся весьма слабый научно-справочный аппарат: полностью отсутствуют сноски на первоисточники, хотя в конце на последних двух страницах приведен список использованной литературы по истории Московского Кремля⁸. Книга великолепно иллюстрирована видами Кремля, выполненными известными русскими художниками А.В. Вишневым, И.И. Левитаном, С.И. Светославским. Следует отметить, что иллюстрации, созданные И.И. Левитаном, являлись его ранними графическими работами и нигде больше не воспроизводились. Сегодня эти работы Левитана хранятся в фондах Государственного исторического музея на Красной площади. Вышеназванное издание было одним из первых, где применялась техника фотогравюры. Особый интерес представляют фотогравюры в исполнении выдающегося московского фотографа М.М. Панова с изображениями наиболее интересных Кремлевских дворцов, палат, монастырей, соборов, церквей и их уникальных интерьеров. В результате были абсолютно точно воспроизведены снимки, сделанные во время ремонтных и реставрационных работ, осуществленных в ходе подготовки к церемонии коронации императора Александра III в 1882—1883 гг. Самыми ранними и ценными из них стали снимки раскрытых во время реставрации Благовещенского собора фресок и изображения икон главного иконостаса Успенского собора. Оригиналы этих снимков в наше время находятся в собрании музеев Московского Кремля⁹.

Сам М.П. Фабрициус излишне критично оценивал свою книгу: «Мой труд есть первый опыт в этом роде, лишь слабый намек на монографию, какую желательно было иметь. Сознывая неполноту этого труда, — объясняемую и отчасти оправдываемую громадностью задачи, — его поверхностность, по отношению важности и глубине описываемого предмета... я предупреждаю читателя не искать

в ней ни исторических исследований, ни увлекательных описаний; я сделал что мог, а больше — пусть сделают другие»¹⁰.

Другой кремлевский историк начала XX в. — С.П. Бартенев¹¹ служил в Московском Кремле с конца XIX в. и до марта 1918 г. Он был сыном известного российского историка и бессменного издателя журнала «Исторический архив» Петра Ивановича Бартенева¹².

С.П. Бартенев — автор монументального двухтомного издания «Московский Кремль в старину и теперь». Первый том книги представляет собой исторический очерк кремлевских укреплений, во втором описаны государевы дворцы и двор династии Рюриковичей. По фундаментальности это издание по праву считается лучшим и наиболее полным научным трудом, описывающим кремлевские укрепления, историю их строительства. Отдельно стоит сказать о карте-плане Московского Кремля, который был начерчен самим Бартеневым в 1910 г. Он сумел на одном листе совместить все постройки Кремля, как сохранившиеся к началу XX в., так и давно утраченные. Все это было сделано не только на основании анализа древних кремлевских документов, но и на материалах археологических раскопок на территории Кремля. Весьма интересным является и второй том книги, где исследуется история династии Рюриковичей, жизнь и быт государева двора в Московском Кремле, причем хронологический характер изложения материалов совмещается с подробным показом всего нового, что характеризовало изменения в жизни двора. История двора показана на фоне тех политических и экономических процессов, которые и определяли тенденции развития Московского Кремля. Строго говоря, автор довел свое повествование до эпохи «Смутного времени» и, следовательно, вышел за пределы тех хронологических рамок, которые были обозначены в самом названии тома «Дом Рюриковичей». Но с исторической точки зрения это вполне оправдано. С.П. Бартенев доводит изложение до восшествия на престол новой правящей династии — Романовых.

При внимательном знакомстве с этим трудом у читателя появляется ощущение его незавершенности. Дело в том, что отчетливо не хватает третьего тома книги, посвященного истории жизни в Московском Кремле времен правления династии Романовых. А, учитывая, что в распоряжении историка находились обширные архивные документы о жизни в Кремле с 1613 г., то становится понятным, что лишь новая эпоха страшных политических и социальных потрясений, начавшаяся в 1917 г., не позволила историку завершить запланированное продолжение книги. К сожалению, в настоящее время не удастся обнаружить подготовительные материалы и чер-

новики третьего тома, которые, несомненно, были у С.П. Бартенева. Отсутствуют эти исторические источники и в архивах, хранящих рукописи С.П. Бартенева¹³. Третий том работы историка был сдан в типографию Сытина в 1917 г., но и набор, и машинописный текст погибли, когда в дни революции типография сгорела. Но остается надежда, что рукопись где-либо сохранилась, хотя архивные поиски в РГАЛИ и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, где отложились документы Бартенева, рукопись третьего тома не была выявлена.

Издание богато иллюстрировано цветными и черно-белыми гравюрами, планами, картами, чертежами и фотографиями, которые размещены как в тексте книги, так и на отдельных листах (более 800 иллюстраций). Кроме того, С.П. Бартенев — автор относительно небольшого, но весьма ценного и информативно насыщенного путеводителя по Большому Кремлевскому и Теремному дворцам, примыкающим к ним Грановитой и Золотой Царицыной палатам и древним домовым церквям¹⁴. И не случайно этот путеводитель неоднократно переиздавался с дополнениями в дооктябрьский период¹⁵.

По обилию информации, глубине проникновения в тему, оформлению, подобранному иллюстративному ряду — это непревзойденные издания. Особенно замечательно описание стен и башен Кремля, составившие первый том книги. Буквально каждая глава сопровождается множеством гравюр, фотографий, рисунков, планов, портретов русских государей, выписками из старинных источников.

И император Николай II в 1913 г., и переехавший в Кремль в марте 1918 г. председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин внимательно знакомилсь с этим фундаментальным трудом С.П. Бартенева. Поселившись в Московском Кремле, как свидетельствует управляющий делами Совета народных комиссаров РСФСР В.Д. Бонч-Бруевич, Владимир Ильич Ленин попросил дать ему почитать литературу об исторических постройках, памятниках и достопримечательностях Московского Кремля. Вот именно тогда и появилось на столе главы Советского правительства двухтомное сочинение Сергея Бартенева. Изучив его, сделав пометки на полях книги, В.И. Ленин три дня подряд, несмотря на занятость, совершал пешее путешествие по Московскому Кремлю и внимательно осмотрел дворцы и палаты разных эпох. В заключение своего знакомства с новой резиденцией рабоче-крестьянского правительства он дважды прошел по стенам и башням Кремля, по верхним боевым площадкам стен, что пролегли под кремлевскими зубцами — «мерлонами», общая длина которых превышает два километра. Весной 1918 г., ко-

гда В.И. Ленин уже работал в здании Кремлевского Сената, управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич сообщил ему, что среди старых жителей Московского Кремля находится сын «знаменитого издателя „Русского архива“, собирающийся, в связи с тем, что Кремль сделался резиденцией советского правительства, переехать в город на другую квартиру.

— Зачем это, — сказал Владимир Ильич. — Его нужно было бы оставить здесь, в Кремле...»¹⁶.

Действительно, глава советского правительства, как настоящий ученый и внимательный читатель не мог не оценить научных достоинств фундаментального труда С.П. Бартенева, его огромную информативность, качество подбора и подачи культурно-исторического материала о Московском Кремле. Пожалуй, единственная критическая рецензия на двухтомник С.П. Бартенева относится к 1914 г., причем она была опубликована отдельной 18-ти страничной брошюрой, что свидетельствует о том, что серьезные исторические журналы эту рецензию печатать отказались. Судя по выводам, содержащимся в рецензии, автор либо не читал книги историка, либо имел задачу ее максимально очернить. В частности, по мнению автора рецензии на книгу «Московский Кремль в старину и теперь», С.П. Бартенева «не справился с задачей всестороннего исследования о Кремле и кремлевских стенах, так как в работе видна неподготовленность во многих областях предпринятого исследования». Особенно слабой рецензент называет архитектурно-историческую часть. Он делает вывод о том, что «лицам, интересующимся Кремлем, знать книгу Бартенева следует, но пользоваться ею необходимо с большой осторожностью»¹⁷. Даже беглое изучение первого тома показывает полную научную несостоятельность рецензента и предельную предвзятость его оценок. При этом необходимо еще учесть, что именно Бартенева в своем двухтомнике впервые комплексно исследовал все аспекты жизни Московского Кремля, начиная с истории его возведения, расширения, перестроек, его восстановления после вражеских нашествий и опустошающих пожаров и кончая подробным рассказом о древних кремлевских великокняжеских и царских церемониях, православных праздниках, повседневной жизни во дворцах, боярских палатах, в кельях монастырей. Здесь же автор привел подробный библиографический список исторических источников и литературы, впервые дал развернутый обзор кремлевских гравюр, планов, карт, рисунков, опубликовал генеалогические древа русских правителей до эпохи династии Романовых. Следовательно, можно с уверенностью констатировать, что двухтомник Бартенева стал вершиной научно-издательской дея-

тельности дореволюционных отечественных историков, посвященной изучению Московского Кремля.

Нельзя не остановиться на личности и деятельности еще одного исследователя Московского Кремля — археолога, занимавшегося изучением подземелий древней цитадели — И.Я. Стеллецкого¹⁸. Он окончил Киевскую духовную академию и затем в течение полутора лет преподавал историю и географию в русско-арабской семинарии в Назарете. Там Игнатий Стеллецкий увлекся археологией. В 1907 г. он переезжает в Москву, где поступает в Московский археологический институт. В том же 1907 г. он стал действительным членом Русского военно-исторического общества, а в 1909 г. — Московского археологического общества. Тогда же Стеллецкий становится одним из учредителей Комиссии по изучению старой Москвы в основном для того, чтобы иметь возможность производить исследования. Однако поддержки от археологов Стеллецкий не получил. Он занялся созданием собственного научного общества, которое должно было специализироваться на исследовании подземных сооружений. В феврале 1912 г. он организует Комиссию по изучению подземной старины, становясь ее председателем. В начале 1910-х гг. Стеллецкий серьезно увлекся поисками библиотеки Ивана Грозного. Несмотря на безуспешные многовековые поиски и сомнения самых авторитетных историков в самом существовании библиотеки, Стеллецкий был убежден в том, что она спрятана в каком-то подземном хранилище. В рамках своих поисков Стеллецкий изучал архивы, обследовал подземные ходы в Донском и Новодевичьем монастырях, а также в зданиях XVI—XVII вв. Однако его попытки получить разрешение на проведение раскопок в московском Кремле окончились неудачей. В 1914 г., исследуя архивы города Пярну (Эстония), Стеллецкий якобы обнаруживает оригинал так называемого «Дабеловского списка» библиотеки Ивана Грозного — упоминания об этом сохранились лишь в его дневнике. Дальнейшие исследования прерываются из-за начала Первой мировой войны. Осенью 1923 г. И.Я. Стеллецкий вернулся в Москву. Его архив и библиотека пропали. Он вновь начинает собирать материалы о подземном Кремле, работая сверхштатным библиотекарем в Историческом музее. Он обращается в Моссовет, Наркомпрос, ЦИК, и в 1933 г. пишет докладную записку на имя И.В. Сталина о поиске библиотеки Ивана Грозного. Комендант Московского Кремля Петерсон предлагает ему изложить письменно, что собой представляет подземный Кремль, и где может находиться библиотека. Раскопки начались 1 декабря 1933 г. под Угловой и Средней Арсенальными башнями. В результате якобы был обнаружен белокаменный

ход под Кремль из угловой Арсенальной башни¹⁹. По словам историка, позднее все работы на этом объекте были прекращены. Реально же подземный ход из Угловой Арсенальной башни был найден товарищем директора Императорского исторического музея князем Н.С. Щербатовым в 1894 г. Документальных подтверждений словам Стеллецкого и факта его обращения к Сталину в настоящее время не обнаружено. Письменное обращение в УКМК с описанием места нахождения библиотеки Ивана Грозного также отсутствует.

Подробное изучение архива Стеллецкого и его переписки не позволяют сделать выводы о его реальных археологических изысканиях на территории Московского Кремля в 1930-х гг. Но несомненной заслугой историка стало то, он сумел собрать обширный иллюстративный материал по Московскому Кремлю, включая планы и обмеры башенных помещений, стен, соборов и церквей, сделанных в начале — середине XIX в.²⁰ В настоящее время этот архив хорошо систематизирован и постепенно вводится в научный оборот.

Советский период изучения Московского Кремля имеет свои специфические особенности. Он в первую очередь характеризуется тем, что с весны 1918 г. вся кремлевская территория становится местом размещения высших органов советской власти. И тогда же возникают первые ограничения для посещения — из Кремля выселяются не только монахи и монахини, бывшие царские чиновники, но и сотрудники дворцового кремлевского управления бывшего МИДв и Оружейной палаты. Для прохода в Московский Кремль вводится пропускной режим, который постепенно ужесточался вплоть до конца 1953 г., когда по инициативе Н.С. Хрущева часть Кремля стала доступной для свободного посещения москвичами и туристами, и когда было организовано празднование Нового года в Большом Кремлевском дворце. Но, тем не менее, и для посетителей, и для ученых Московский Кремль на многие десятилетия оставался режимной территорией. Были закрыты для исследователей практически все профильные архивные фонды, связанные с Кремлем, что не могло самым печальным образом не сказаться как на степени изученности темы, так и качестве научных исследований, посвященных Московскому Кремлю, его памятникам.

К счастью для Московского Кремля в частности и российской материальной культуры в целом, после большевистской революции к руководству музейным делом страны пришла жена Л.Д. Троцкого — Наталья Ивановна Седова-Троцкая²¹. Начиная с 1918 г., она возглавляла первый советский государственный орган, уполномоченный защищать исторические памятники и ценности России —

Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР (Музейный отдел Наркомпроса). Этот отдел был учрежден в мае 1918 г. по инициативе известного русского живописца и ученого-искусствоведа И.Э. Грабаря, собравшего сразу после Октябрьской революции вокруг себя крупнейших научных специалистов: искусствоведов, реставраторов, историков, архитекторов, музейных работников. Именно эти люди на долгие годы стали кадровым костяком Музейного отдела Наркомпроса, обеспечили его максимально эффективную работу (насколько это было возможно в условиях революции) и в столицах, и на местах. По сути дела, эти люди совершали ежедневный и еже-часный подвиг. В условиях голода, хозяйственной разрухи, господствующего революционного нигилизма в отношении старой культуры они проводили огромную работу по выявлению, описанию и сохранению культурно-исторических ценностей, книжных собраний и архитектурных памятников, оставшихся практически бесхозными в результате Октябрьской революции 1917 года.

Н.И. Седову-Троцкую назначили заведующей Музейным отделом в июне 1918 г. Грабарь при этом был членом коллегии и заведующим подотделом Национального музейного фонда. Назначение Троцкой, имевшей большой авторитет и влияние в высших большевистских кругах, стало гарантией сохранения исторических памятников, в том числе и уникальных архитектурно-художественных ценностей Московского Кремля, уникальных коллекций Оружейной палаты, Большого Кремлевского дворца, Патриаршей ризницы и Патриаршей библиотеки. Стоит отметить, что Н.И. Седова-Троцкая собрала во главе Музейного отдела специалистов, рекомендованных И.Э. Грабарем. Она в первые годы советской власти фактически стала тем человеком, который организовал государственную систему, пусть и относительно несовершенную, которая позволила консолидировать в руках государства все сохраненные исторические ценности многовековой истории России. И это касалось не только великокняжеской, царской и императорской коллекций, их дворцов и резиденций, но и дворянских и купеческих усадеб, их дворцов и домов, их громадных собраний ценностей. Нужно иметь в виду, что дворянские фамилии, банкиры, промышленники, купцы, крупные чиновники империи имели уникальные частные собрания культурно-исторических ценностей. Именно по ее инициативе в старинных дворянских усадьбах, купеческих особняках создавались новые музеи. Из провинции вывозились в Москву собрания старинных картин и произведения современных авторов, ювелирные шедевры, лучшие образцы декоративно-прикладного искусства.

Фактически именно Н.И. Седова-Троцкая в первые месяцы после победы Октябрьской революции сумела доказать новым властям, что культурное наследие предыдущих веков является народным достоянием и должно собираться, храниться и экспонироваться в музеях. При этом стоит иметь в виду, что огромные объемы ценностей, включая церковные, уходили за границы Российской Федерации, причем не только с эмигрантами, но и по инициативе советских властей, впрочем без санкции Седовой. Весьма интересна ее роль в сохранении памятников и ценностей Московского Кремля в 20-х гг. прошлого века. Во многом благодаря ее деятельности практически нетронутой сохранилась коллекция уникальных предметов Оружейной палаты Кремля, на государственный учет были поставлены ценности Патриаршей ризницы и книги, древние грамоты, манускрипты и рукописи Патриаршей библиотеки. Она же делала все возможное для сохранения интерьеров и ценностей Большого Кремлевского дворца (БКД).

К сожалению, сохранившиеся документы о деятельности Н.И. Седовой-Троцкой весьма фрагментарны. Во-первых, огромный объем материалов, касающейся ее деятельности был изъят из архивов по понятным в то время причинам. Во-вторых, многие вопросы, в первую очередь касающиеся Московского Кремля, Седова согласовывала и решала, учитывая ее неформальные возможности в высшем руководстве, без оформления соответствующих документов. Так, Седова смогла расселить значительную часть «советских жильцов» Кремля из парадной части БКД. Весьма любопытным является и уже введенный в научный оборот «План Кремля 1920 г.» за подписью «Н. Троцкая». В ней Кремль был поделен на четыре части (в зависимости от их древности и ценности объектов), причем в ряд «не имеющих археолог. значения» попало здание старой Оружейной палаты архитектора Еготова, Кавалерские, Гренадерский, Офицерский, Кухонный корпуса, Колымажный (Конюшенный двор) и еще ряд построек Чудова и Вознесенского монастырей²². Впрочем, во второй половине 1920-х — 1960-х гг. снос кремлевских памятников захватил и те постройки, которые в 1920 г. были признаны объектами «исключительного археолог. или художес. значения». Кремль потерял собор Спаса на Бору, храм в честь Чуда архистратига Михаила, храм Алексея Митрополита, соборный храм Вознесения, храм Михаила Малеина, храм Великомученицы Екатерины, Крестовую церковь, храм Благовещения, церковь Св. Константина и Елены, колокольню Чудова монастыря, архитектурный комплекс памятника императору Александру II и Васнецовский поклонный крест на месте убийства великого князя Сергея Александровича²³.

Однако значительный объем материалов, относящихся к административной и научной деятельности Н.И. Седовой-Троцкой, до сих пор не введен в научный оборот. Более того, предстоит нелегкий архивный поиск этих материалов.

Если анализировать историографию Московского Кремля, начиная с 1918 г., то можно сделать вывод, что значительная часть исторических тем практически исчезла из поля зрения исследователей. Публикации тех десятилетий в основной массе касались кремлевских музеев — Оружейной палаты²⁴ и музея «Кабинет и квартира В.И. Ленина в Кремле»²⁵. Отдельная тема, относительно хорошо разработанная в советской историографии — это тема революционного некрополя у кремлевской стены и, конечно же, самого Мавзолея Ленина²⁶. Изучались и некоторые аспекты древней истории Московского Кремля и Красной площади²⁷.

Несомненно, что уникальными источниками советского периода, посвященных истории Московского Кремля в условиях ограниченного доступа исследователей к архивам, становится мемуарная литература. Она, в свою очередь, может быть поделена на две части: написанная и изданная в СССР и подготовленная и опубликованная за рубежом.

Многочисленные данные по истории Московского Кремля советского периода содержатся в мемуарах управляющего делами СНК РСФСР В.Д. Бонч-Бруевича²⁸, первого коменданта Московского Кремля П.Д. Малькова²⁹, родственников И.В. Сталина — А.С. Аллилуевой и К.П. Аллилуевой³⁰, известного авиаконструктора А.С. Яковлева³¹, маршала Г.К. Жукова³² и многих, многих других. Несмотря на то, что вся эта литература проходила предварительную цензуру в Главлите и тщательно редактировалась в издательствах, значительная часть материалов о жизни и работе в Кремле представляет несомненный интерес.

Особое место среди советской мемуарной литературы занимают воспоминания первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева³³. Они были надиктованы Никитой Сергеевичем уже после его отставки, расшифрованы, нелегально вывезены за пределы СССР и там опубликованы. Сам автор в тех условиях не мог не осудить факт их публикации за рубежом. Но они выбиваются из длинного ряда отредактированных текстов и при достаточной субъективности изложения являются, несомненно, ценным источником по политической истории Кремля.

Среди зарубежных мемуарных публикаций стоит отметить записки Б.Г. Бажанова, который несколько лет проработал техническим секретарем секретариата, а позже в политбюро ЦК пар-

тии и в 1928 г. бежал из Советской России. В 1930 г. он выпустил в Париже на французском языке книгу «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», впоследствии сильно дополненную и изданную на русском языке в парижском издательстве «Третья волна» в 1980 г.³⁴ Это весьма любопытный источник по политической истории Кремля и, пожалуй, неоценимый документ, описывающий кремлевскую жизнь в ближнем рабочем окружении И.В. Сталина в начале — середине 20-х гг. прошлого века. Хотя сведения из воспоминаний Бажанова о его роли как «помощника Сталина» в написании важнейших документов партии не имеют никакого документального подтверждения.

Оценивая зарубежные материалы по послеоктябрьской истории Кремля, нельзя не упомянуть произведения Л.Д. Троцкого, написанные в эмиграции и опубликованные за рубежом³⁵. Основная их тема — политическая борьба в СССР, но в тексте содержится значительный объем фактов о жизни в Кремле, новых советских традициях, сформировавшихся в высшем руководстве, бытовые зарисовки. А так как основной целью и главным содержанием этих книг была борьба со Сталиным и его окружением, то описание кремлевской жизни, можно считать вполне объективным. Кроме того, эти книги не проходили советскую цензуру и полностью отражают впечатления Троцкого о времени проживания и работы в Кремле.

Отдельным блоком мемуарной литературы о Кремле стали воспоминания дочери Сталина С.И. Аллилуевой, опубликованные уже после ее побега из СССР³⁶. Эти весьма эмоциональные книги являются важным источником по изучению повседневной кремлевской жизни самого верхнего властного эшелона в 1930-е — 1950-е гг. Причем блестящее фундаментальное гуманитарное образование, живость в восприятии сталинской действительности (не характерная для основной массы людей, вхожих в Кремль) и свобода изложения фактического материала делает ее воспоминания интереснейшим источником для понимания внутренних механизмов жизни Кремля того времени³⁷. Историографический анализ этих мемуаров показывает, что мы имеем действительно уникальные документы той эпохи, причем последнее интервью С.И. Аллилуевой, записанное незадолго до ее кончины, подтверждает уникальность тех оценок кремлевской жизни, которые она дает в своих книгах.

В условиях крайне сложного процесса выявления источников по советскому периоду истории Московского Кремля даже те относительно разрозненные и фрагментарные мемуарные материалы советского периода не могут не стать предметом историографического исследования, проливающего свет на этот сложный этап раз-

вития отечественной исторической науки. При этом стоит иметь в виду, что до сих пор многие документы советского периода истории Московского Кремля не только не описаны, но и не выявлены в архивных хранилищах. Так, до последнего времени были недоступны «Книги прописки Московского Кремля» в период с 1918 г. до начала 1960-х гг. Не были выявлены дела по заказу пропусков в Московский Кремль за весь советский период.

Неполнота источников по новейшей истории Московского Кремля не препятствует продолжению изучения темы, постепенно вводятся в научный оборот все новые документы. Так, выявлены и опубликованы многочисленные факты и свидетельства о жизни Кремля в годы Великой Отечественной войны³⁸. Написаны и изданы история кремлевского транспорта (Гаража особого назначения)³⁹, история Комендатуры Московского Кремля⁴⁰ и Президентского полка⁴¹. Но это только первые, но очень важные шаги по созданию комплексного и всестороннего исторического обзора жизни Московского Кремля в XX—XXI столетиях. Даже сегодня архивные поиски и выявление источников для продолжения исследований по объективным причинам проходят достаточно сложно. Тем не менее, в последние десятилетия вышли многочисленные издания, как научного, так и научно-популярного характера, сборники документов, мемуары, которые отчасти приоткрывают различные стороны новейшей истории Московского Кремля⁴².

В итоге можно констатировать, что проблема неполноты и фрагментарности источников по новой и новейшей истории Московского Кремля постепенно преодолевается, а изучение его истории, наконец, выходит на новый качественный уровень.

¹ См.: Архив ФСО России. Технический архив. Арх. Ф. 139. Оп. 30—18. Д. 210.

² См.: Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1—5. М., 1861—1896; Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. Петр Бартенева. М., 1856; Дневник генерала Патрика Гордона веденный им во время пребывания в России от 1661 до 1699 гг. Ч. 2. М., 1892; *Котомшихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Издание археографической комиссии. СПб., 1884; Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Пер. Г.А. Муркоса. Изд. «Чтения Общества Истории и Древностей». Вып. I—V, кн. I—XV. СПб., 1896—1900 гг.; Герберштейн Сигизмунд. Барон. Записки о Московии. Пер. И. Анонинова. СПб., 1866 и др.

³ См.: *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М. 1820; Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского. Кн. 1. М., 1827; *Глаголева А.О.* древних великокняжеских и царских дворцах // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. Ч. 41. № 9;

- Тромонин К.Я.* Достопамятности Москвы. М., 1843; Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. 1—6. М., 1849—1853; *Вельтман А.Ф.* Императорский Кремлевский дворец // Москвитянин. 1849. Кн. 2. № 3/4; *Вельтман А.Ф.* Новый императорский Кремлевский Дворец // Москвитянин. 1849. Кн. 1. № 1; *Вельтман А.Ф.* Описание нового императорского дворца в Кремле Московском. М., 1851; *Зеленецкий И.* История Красной площади. М., 1851; Императорский Кремлевский дворец в Москве // Русский художественный листок. 1851. № 25; *Агеев П.Я.* Краткий указатель достопримечательностей Большого Кремлевского Дворца. М., 1865 и др.
- 4 *Иван Егорович Забелин* (1820—1908 / 13 января 1909), тайный советник, российский историк, археолог и краевед, крупнейший специалист по истории города Москвы. Чл.-корр. Императорской Академии наук (1884), почетный член Императорской Академии наук (1907). Создатель и товарищ председателя Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III. С 1837 г. работал в Оружейной палате Московского Кремля. С 1848 г. служил в Дворцовой кремлевской конторе МИДв. В 1859 г. он перешел в Императорскую археологическую комиссию. С 1871 г. — доктор по специальности «русская история» университета св. Владимира (Киев). В 1879 г. был избран председателем Московского общества истории и древностей, товарищем председателя Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III.
- 5 *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. Кн. 1, 2. Изд. второе. М., 1872. Его же: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. Изд. второе. М., 1872. Его же. История города Москвы. Т. 1. Ч. 1. (Кремль). М., 1905 и др.
- 6 *Фабрициус М.П.* Кремль в Москве. Очерки и картины прошлого и настоящего. Текст иллюстрирован сделанными с натуры 76 рисунками с помощью цинкографии и 14 фотогравюрами. М.: издание Т.И. Гаген, 1883. Вып. XVI. 336 с.; с иллюстрациями в тексте и 46 иллюстрациями на отдельных листах.
- Бартенев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. М.: издание Министерства Императорского Двора. Кн. 1. Исторический очерк кремлевских укреплений. 1912. 259 с.; Кн. 2. Государев двор в Московском Кремле. Дом Рюриковичей. 1916. 343 с.
- 7 *Фабрициус Михаил Платонович* (18471—1914) — военный инженер, генерал-майор. Начал службу в Кремле в звании инженера подполковника. Долгие годы являлся сотрудником Московского Кремля. Участвовал в описании и охране памятников кремлевской архитектуры, их реставрации. Принимал непосредственное участие в организации торжественных мероприятий в Кремле, в том числе и церковных, и дворцовых церемоний Венчания на царство императора Александра III в 1883 году. Фабрициус был крупным коллекционером произведений современной русской живописи. Его коллекция получила большую известность у московской и петербургской общественности. Состоял действительным членом Императорского общества поощрения художеств. М.П. Фабрициус состоял действительным членом Императорского общества поощрения художеств. Его коллекция получила большую известность у московской и петербургской общественности.

- ⁸ *Фабрициус М.П.* Кремль в Москве, очерки и картины прошлого и настоящего. М.: издание Т.И. Гаген. 1883. С. 335—336.
- ⁹ См.: ГИКМЗ «Московский Кремль». Отдел рукописных, печатных и графических фондов (ОРПГФ).
- ¹⁰ *Фабрициус М.П.* Кремль в Москве, очерки и картины прошлого и настоящего. Вместо предисловия. М.: издание Т.И. Гаген. 1883. С. VIII.
- ¹¹ Бартнев Сергей Петрович (1863—1930). Известный музыкант — пианист и композитор, ученик композитора С. Танеева. Преподавал музыку в Николаевском институте в Москве. Историк, хранитель исторических ценностей Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты Московского Кремля. За многие годы он собрал обширную коллекцию картин, гравюр, фотографий Московского Кремля, судьба, которой в настоящее время не известна. Биографический словарь С.А. Венгерова сообщает: «Бартнев Сергей Петрович, преподаватель музыки, чиновник по особым поручениям при Московском дворцовом управлении, составитель описания Московского Кремля 1912 года».
- ¹² Бартнев Петр Иванович (1829—1912). Закончил историко-филологический факультет Московского университета (1851). С 1859 по 1873 г. он управлял Чертковской библиотекою в Москве. Сотрудничал в ряде журналов, опубликовал десятки статей, а затем и монографий, посвященных А.С. Пушкину. Вел записи рассказов о Пушкине от современников поэта, во многом его публикации имеют значение первоисточника. Стал одним из основателей пушкинистики. С 1863 г. издавал журнал «Русский архив», где публиковались исторические и литературно-биографические материалы.
- ¹³ См.: РГАЛИ. Ф. 43. Ед. хр. 156 (1876—1915 гг.).
- ¹⁴ *Бартнев С.П.* Большой Кремлевский Дворец: Указатель к его обозрению. М.: Синодальная типография, 1909. 141 с.
- ¹⁵ *Бартнев С.П.* Большой Кремлевский дворец, дворцовые церкви и придворные соборы: Указатель к их обозрению / По поручению зав. Придворч. в Москве и нач. Моск. дворцов. упр. ген.-адъютанта кн. Одоевского-Маслова сост. С.П. Бартнев; напечатано с разрешения Министра Имп. дворца генерал-адъютанта графа Фредерикса. Издание 3-е, исправленное и дополненное. С 97 рисунками в тексте. М.: Синодальная типография, 1916. 170 с.
- ¹⁶ *Бонч-Бруевич В.Д.* Забота Ленина о памятниках старины // Архитектурная газета № 5 от 21.1.1939. Полный текст этого фрагмента воспоминаний: «Как только Владимир Ильич переехал из Петрограда в Москву и поселился в Кремле, он сейчас же захотел ознакомиться с историей кремлевских построек и спросил у меня, что ему по этому поводу прочесть. Я заказал на двухтомное исследование специалиста С.П. Бартнева, которое называлось „История Кремля“ (Имеется в виду «Московский Кремль в старину и теперь». — *Прим. Д.С.*). Владимир Ильич тотчас же принялся за чтение этого прекрасного иллюстрированного издания и был очень удивлен, когда я ему сказал, что автор этой книги, сын знаменитого издателя „Русского архива“, живет в Кремле и вот сейчас как раз выезжает из Кремля в город на другую квартиру. — Зачем это? — сказал Владимир Ильич. — Его нужно было бы оставить здесь, в Кремле.

Я сказал Владимиру Ильичу, что С.П. Бартенева сам хочет переехать в город, так как ему удобнее жить вне Кремля, ибо он дает уроки музыки и к нему приходят ученики.

— Пойдите сейчас же и посмотрите, как он переезжает, — сказал Владимир Ильич. — Есть ли у него перевозочные средства, и организуйте ему помощь в переезде, в упаковке вещей.

Я сейчас же отправился на квартиру ныне покойного С.П. Бартенева, передал ему привет от Владимира Ильича, сообщил ему, что книга его Владимиру Ильичу очень понравилась, и что он просил меня позаботиться о его переезде.

С.П. Бартенева был тронут этим буквально до слез, и, когда из комендатуры пришли красноармейцы и стали помогать ему упаковывать вещи, причем главная его поклажа состояла из книг, картин, нот и рояля, к которому он особенно бережно относился, он просто растерялся от этого неожиданного внимания. Через некоторое время ему был подан грузовик, и все его вещи в один день были перевезены на новую квартиру.

Владимир Ильич был очень удовлетворен, что мы помогли этому ученому, и, сказав, что даст ему охранную грамоту, немедленно ее написал, и я вручил ее С.П. Бартенева.

Изучив эту книгу Бартенева и сделав свои пометки, Владимир Ильич совершил продолжительную прогулку по Кремлю; в течение трех дней он обходил и подробно осматривал здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошел по стенам Кремля, подходя к каждой башне и интересуясь их состоянием. Одна из башен была разбита нашей артиллерией, когда приходилось выживать из Кремля юнкеров; Владимир Ильич распорядился ее отремонтировать, а также осмотреть и другие башни. Это было первое указание Владимира Ильича по восстановлению кремлевских памятников старины. За ним последовало его личное распоряжение о реставрации храма Василия Блаженного.

Владимир Ильич прочитал в книге С.П. Бартенева, что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха, — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же, немедленно это крыло открыть. Смотрите, какое оно интересное, судя по чертежу, который здесь приложен.

Через несколько дней реставрационная комиссия, которая была образована при Советском правительстве, стала работать над восстановлением крыла. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид, — говорил Владимир Ильич. — Тут виден художник-архитектор, а раньше было удивительно смотреть, — так не гармонировала эта пристройка со всем собором».

¹⁷ Романов К.К. Рецензия на книгу С.П. Бартенева: Московский Кремль в старину и теперь. Петроград: Тип. Главного Управления Уделов, 1914. 18 с.

¹⁸ Игнатий Яковлевич Стеллецкий (1878—1949) российский и советский археолог, исследователь подземной Москвы. Известен тем, что в 1914 г., после работы в архиве г. Пярну (Эстония), он якобы обнаруживает оригинал легендарного «Дабеловского списка» библиотеки Ивана Грозного — упо-

- минания об этом сохранились в его дневнике. Занимался длительными и абсолютно безрезультатными поисками библиотеки Ивана Грозного.
- ¹⁹ Эти данные подтверждения не нашли. Ход от Угловой Арсенальной башни был обнаружен в 1894 г. при раскопках, проведенных князем Н.С. Щербатовым. (См.: newstart.ru/moskovskij-kreml-i-ego-tajniki/).
- ²⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 3163. Оп. 1. Д. 1228. Л. 48, 51, 54, 57, 60, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 87; Д. 1229. Л. 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 31, 34, 38, 41, 44; Д. 1230. Л. 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 31, 34, 37, 40, 43, 46, 49, 52, 55, 58, 61, 64, 67, 70, 73, 76, 79, 82, 85, 88, 91, 94, 97, 100, 103, 106, 109, 112, 115, 118, 121, 124, 127, 130, 133, 136, 139, 142, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 163, 166. Ф. 3163. Оп. 1. Д. 1338. Л. 6–94, 97–175; Д. 1450. Л. 8–89, 91–172, 175–244; Д. 1451. Л. 6–15, 18–111, 114–129; Д. 1452. Л. 4–69, 72–84. Ф. 3164. Оп. 1. Д. 1338, Л. 178–202; Д. 1339. Л. 5–74.
- ²¹ Наталья Ивановна Седова-Троцкая (1882–1962). Родилась в Полтавской губернии. Отец был купцом первой гильдии и выучил ее на педагога — закончила курсы в Женеве и отделение истории искусств в Сорбонском университете (Париж). В Париже, осенью 1902 г. Н.И. Седова познакомилась с Л.Д. Троцким. Тогда же вступила в социал-демократическую партию. В 1905 г. вела революционную агитацию в России, арестована под Санкт-Петербургом на маевке и осуждена на полгода к тюремному заключению. В конце года выехала за границу. В эмиграции проживала во Франции, Швейцарии, Португалии, Австрии, Германии и США, Троцкие вернулись в Россию в мае 1917 г. В 1918–1928 гг. Н.И. Седова-Троцкая — заведующая Музейным отделом Наркомпроса. В своих мемуарах «Моя жизнь. Опыт автобиографии», изданных в Германии в издательстве «Les Editions de France» в 1930 г., Л.Д. Троцкий так вспоминал о деятельности супруги в те годы: «Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелегкая задача. Ни белые, ни красные вообще не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, кремьях или церквях... Хранители дворцов и музеев обвиняли военных в недостаточном уважении к культуре, военные же и комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям. Формально выходило, что я находился в непрерывном ведомственном препирательстве с собственной женой».
- ²² Архив ФСО России. Технический архив. Арх. Ф. 139. Оп. 30–18. Д. 210. Л. 1.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: *Гордеев Н.В.* Большой Кремлевский дворец. М., 1957; *Власюк А.И.* Новые материалы о проектировании и строительстве Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты в Московском Кремле // Архитектурное наследство. 1969. Вып. 18; *Древности Московского Кремля / Отв. ред. Рабинович М.Г., Воронин Н.Н. М., 1971; Гончарова А.А., Хамцов А.И.* Стены и башни Кремля. Изд. 3-е. М., 1980.
- ²⁵ *Кунецкая Л.И., Маштакова К.А.* В Кремле жил и работал Ленин. Изд. 2-е, перераб. М.: Моск. рабочий, 1980. 286 с.; Ленин в Кремле: М.: Плакат, 1982. 255 с.; *Девятов С.В.* Москва. Кремль. Ленин. М.: изд. Панорама, 1990. 32 с. *Харитонова Е.Н.* От всего сердца. Подарки В.И. Ленину. На русс. и англ. яз. М.: Прогресс, 1977 и др.
- ²⁶ См.: *Абрамов А.С.* У Кремлевской стены. Изд. 7-е, доп. М., 1988. 382 с.
- ²⁷ Красная площадь — главная площадь страны у Кремлевской стены: (Метод. рекомендации к экскурсии) М.: Б. и., 1985. 37 с.

- 28 *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания. М.: Худ. лит. 1968. 206 с.
- 29 *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля. М.: изд. 3, Воениздат, 1987. 368 с.
- 30 *Аллилуева А.С.* Воспоминания. М.: Советский писатель, 1946; *Аллилуева К.П.* Племянница Сталина. М.: Вагриус, 2006.
- 31 *Яковлев А.С.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. Изд. 2. М.: Политиздат, 1969. 623 с.
- 32 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1—2. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
- 33 *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Кн. 1—2. М.: ИИК «Московские новости», 1999.
- 34 См.: *Vajonov Boris.* Avec Staline dans le Kremlin. Paris. Les Editions de France. 1930; *Бажанов Борис.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.
- 35 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1—2. Париж, 1930; он же: Сталин. Т. 1—2. Политиздат, 1990 и др.
- 36 *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1967; она же: Только один год. Нью-Йорк, 1969; она же: Книга для внуков: Путешествие на родину. Нью-Йорк, 1991; она же: Далекая музыка. М., 1992.
- 37 Светлана Иосифовна Аллилуева (1926—2011), с отличием окончив школу, поступила на филологический факультет МГУ (1943), через год перевелась на 1-й курс исторического факультета МГУ, который успешно окончила (1949); специализировалась по кафедре Новой и новейшей истории (История Германии). Затем обучалась в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат филологических наук (1954).
- 38 *Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К.* Московский Кремль в годы войны. 1941—1945 гг. М., изд. «Кучково поле», 2010. 332 с.; *Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К., Макаров В.А., Шефов Н.А.* Государственная охрана и специальная связь в годы Великой Отечественной войны. М.: изд. «Принт Лето», 2020, 364 с.
- 39 *Грачев С.А., Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К.* Гараж особого назначения. М., «МедиаПресс», 2011. 456 с.; *Бобров В., Богомолова В.А., Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К., Макаров В.А. и др.* Главный гараж России. От собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения. М., «МедиаПресс», 2007. 232 с.; *Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К., Макаров В.А., Шефов Н.А.* История гаража особого назначения. Ялта, изд. «Горький классик», 2021, 464 с.; *Девятов С.В., Макаров В.А., Шурыгина О.С., Жилыев В.И., Кайкова О.К.* Первые моторы императора. М.: изд. «Горький классик», 2022. 192 с.
- 40 *Богомолова В.А., Демкин А.В., Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К. и др.* Московский Кремль — цитадель России. Изд. 2, испр. и дополн. М., изд. «ВВП», «NewCreative» 2008. 439 с.
- 41 *Галкин О.П., Девятов С.В., Жилыев В.И., Кайкова О.К.* Полк специального назначения. 1881—2011. М., «Кремль Фильм», 2011. 456 с.
- 42 См.: *Волина В.В.* Моя Москва: Прогулки по Кремлю. СПб., 1998; *Вьюева Н.А., Романенко А.И.* Дворцы и сады: Путеводитель. М., 2003; *Девятов С.В., Журавлева Е.В.* Парадные залы Большого Кремлевского дворца. М., 2001; *Евдокимов Д.В.* Кремль и Красная площадь. М., 2003; *Жукова Л.М.* Московский Кремль: История древней крепости. М., 2003; *Колодный Л.* Кремль и Красная площадь. Москва в улицах и лицах. М.,

2008; *Костина И.Д.* Колокола Московского Кремля. М., 2007; *Михайлов К.П.* Уничтоженный Кремль. М., 2007; Московский Кремль. Красная площадь: новый путеводитель. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2007; Московский Кремль: Хроника исторических событий (1147—1480) / Авт.-сост. В.Н. Захаров. М., 2005; Нестор (Анисимов Н.А.). Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 года). Епископ Нестор Камчатский. М., 1995; Оружейная палата Московского Кремля / Н.Э. Абрамова, С.А. Амелехина, И.А. Бобровницкая и др. М., 2006; Российские императоры и Оружейная палата. 200 лет музеям Московского Кремля. 1806—2006. М., 2006; *Шевченко В.Н.* Повседневная жизнь Кремля при президентах. М., 2004; *Девятков С.В., Журавлева Е.В.* Московский Кремль на рубеже тысячелетий. 6-е изд., М., 2020; *Девятков С.В., Журавлева Е.В.* Московский Кремль из глубины веков. 6-е изд., М., 2014; *Девятков С.В.* Московский Кремль. М., 2010; *Девятков С.В.* Красная площадь. М., 2013; *Девятков С.В.* Московский Кремль. Памятники и святыни. М., 2015 и др.

Н.И. Демирова, О.А. Сиротина

Первые годы Исторического музея:
обзор писем к графу А.С. Уварову 1880—
1884 гг. (из собрания ОПИ ГИМ)

125 Лет назад Товарищ председателя Российского императорского музея, князь Николай Сергеевич Щербатов так оценил роль Алексея Сергеевича Уварова в деле организации Музея: «Мы не можем не вспомнить с благодарностью дорогой ему [Музею. — *Прим. авт.*], величавый облик первого своего Товарища Председателя графа Алексея Сергеевича Уварова, по мысли которого возник и получил свое осуществление самый Музей на основах, имеющих, несомненно, остаться незыблемыми навсегда»¹. Эти слова и сегодня остаются актуальными. Фигура графа Уварова продолжает оставаться одной из ключевых, когда заходит речь об истории нашего музея. Ни одна работа по истории музея не обходится без упоминания его имени. Архив графов Уваровых, хранящийся в отделе письменных источников, привлекает большой интерес исследователей.

Тематически эпистолярное наследие графа Уварова очень богато. Сведения из него черпают историки, археологи, филологи, искусствоведы и многие другие. Но, несмотря на такой интерес, пока еще рано говорить о сколько-нибудь полном его изучении и введении в научный оборот. Предметом изучения в данной статье являются письма 1880—1884 гг., в которых затрагиваются вопросы, связанные с Историческим музеем. Необходимо оговорить, что в данный обзор не были включены материалы по созданию музея, выделенные в отдельные единицы, выявление писем проводилось в единицах хранения, содержащих общую переписку, отложившуюся в семейном архиве Уваровых (ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 331—360). Также следует отметить, что заявленному в теме периоду соответствует подавляющее большинство выявленных писем, однако, нам встретилось несколько документов второй половины 1870-х гг., неразрывно связанных с более поздними письмами, поэтому мы сочли необходимым также включить их в предлагаемый читателям обзор.

Музей немислим без коллекции, именно она является его основой, краеугольным камнем. Поэтому первая группа документов, которую следует выделить — это письма, касающиеся формирования коллекции. В процессе просмотра переписки было выявлено около 30 посланий данной тематики. Первое подобное письмо датируется 20 августа 1875 г. Князь Дмитрий Степанович Путятин из Твери предлагает А.С. Уварову приобрести для музея за 300 рублей предметы и монеты «старых времен», с приложением списка предметов². Последнее письмо по этой теме от 24 октября 1883 г. от некоего Романова о посылке в дар музею 9 фотоснимков Дагестана³. Попали ли эти предметы и фотографии в фонды музея сейчас установить достаточно сложно.

Судя по сохранившимся письмам, Алексей Сергеевич и сам обращался к известным коллекционерам с просьбой передать или продать вещи из коллекций в музей, и к нему обращались с подобным предложением.

Протоиерей Дмитрий Васильевич Разумовский — палеограф, основатель русской музыкальной медиевистики в 1875 г. предложил Уварову приобрести список с иконы Иерусалимской Богородицы, утраченной, как известно, во время Отечественной войны 1812 года. Исходя из письма, копия датирована 1714 г. и писана в размер оригинала. Протоиерей предлагал графу приобрести икону или для Археологического общества, или для будущего музея⁴.

По завещанию известного русского библиографа, библиофила и историка русской литературы XIX в. Григория Николаевича Геннади в Исторический музей должно было быть передано собрание русских портретов (литографии и гравюры), о чем Алексей Сергеевич был уведомлен в начале 1880 г.⁵ Коллекция еще при жизни владельца была перевезена за границу. После смерти Геннади в феврале того же года его вдова безуспешно пыталась продать всю коллекцию вместе с обширным книжным собранием через антикваров, пока в 1884 г. ее не приобрел владелец магазина картин и эстампов А. Фельтман. Позднее коллекция была распродана частями и, к сожалению, дальнейшая судьба ее теряется, так как на гравюрах и книжных изданиях не имелось владельческих клейм и экслибрисов. Интересно, что в брошюре, вышедшей в 1913 г. с обзором жизни и трудов Геннади, автор — художник, коллекционер-библиофил Удо Георгиевич Иваск, отмечает, что были сведения, что Геннади собирался подарить свое собрание Москве, но умер, не оставив завещания⁶. Как мы теперь понимаем, завещание просто вовремя не было обнародовано.

Большая часть переписки касается археологических коллекций. В письмах упоминаются коллекции: археолога, первого исследо-

вателя Гнездовских курганов Михаила Францевича Кусцинского⁷, археолога и антрополога, исследователя Бологовской стоянки князя Павла Арсеньевича Путятина⁸, археолога-любителя, внесшего вклад в популяризацию кобанской культуры Казимира Игнатьевича Ольшевского⁹, историка, археолога, директора Ришельевского лицея Николая Никифоровича Мурзакевича¹⁰. Сомнения владельцев особенно ярко были высказаны в письме Ольшевского: «Что касается вопроса об уступке моих коллекций, то я должен сказать Вам, Граф, откровенно, что я никогда не желал бы расстаться с ними, но с другой стороны предложение Ваше украсить собранными мною коллекциями залы Музея так для меня лестно, а с другой необходимость иметь в руках капитал для поправления расстроенных дел моих, заставляют меня соглашаться на уступку Музею моих коллекций»¹¹. В итоге предметы из части упомянутых собраний пополнили фонды Исторического музея.

Многие корреспонденты выступали в роли посредников в деле приобретения будущих экспонатов. Это уже упомянутый Кусцинский, который по поручению Уварова начал приобретать интересные экземпляры у крестьян, которые хранили каменные орудия в качестве талисманов от удара грома и разных болезней.

Антрополог, хранитель Политехнического музея Александр Иванович Кельсиев в 1881 г. переписывался с графом по поводу приобретения каменных баб для музея¹². В том же году Дмитрий Яковлевич Самоквасов писал Алексею Сергеевичу, что хотел «непременно сообщить Вам что-нибудь полезное относительно приобретения для Императорского исторического музея каменных орудий Царства Польского, но, к сожалению, все мои расспросы и предложения окончились без результата»¹³. В следующем году иркутский археолог Николай Иванович Витковский писал о согласии своего соотечественника археолога и этнографа Иннокентия Александровича Лопатина предоставить для демонстрации в Историческом музее коллекцию предметов Каменного века¹⁴.

Крымский краевед и этнограф Василий Христофорович Кондраки незадолго до открытия музея, предлагал помощь в сборе экспонатов: «Я не знаю насколько заслуживают веры некоторые газеты, что Московский исторический музей, основанный по Вашей инициативе, до сего времени остается почти пустым, но прочитав и сегодня кое-какие заявления по этому поводу, мне, как человеку хорошо знающему наречия Крыма, Кавказа, Малой Азии, Персии и вновь присоединенных к нам областей, не трудно было бы прийти к Вам на помощь и высылать различные древности...»¹⁵. А также он предложил передать ряд предметов, в том числе: «Большой альбом

с акварельными рисунками прекрасных русских и иностранных художников с конца XIX столетия и кончая Айвазовским»¹⁶.

Людвиг Штида предлагал свои услуги в поиске будущих экспонатов музея в Дерпте¹⁷. Осенью 1883 г. Владимир Васильевич Стасов пишет Уварову письмо с предложением устроить в музее историческую портретную галерею. И в связи с этим заявляет о готовности передать в Исторический музей посмертные маски русских деятелей, в том числе посмертную маску и слепок руки И.С. Тургенева. Во втором послании он уведомляет, что пока не посылает маски в связи с отъездом Уварова в Италию. Но предлагает рассмотреть покупку коллекции среднеазиатских предметов, вывезенных «одним из сподвижников Скобелева»¹⁸.

Важно отметить, что параллельно с формированием коллекций, музей начал свое становление как научное учреждение, что также можно проследить по письмам. Выдающийся русский антиковед Василий Васильевич Латышев в июле 1883 г. просит предоставить возможность ознакомиться с коллекцией археолога и нумизмата Платона Осиповича Бурачковского и разрешить снять копии с древних надписей¹⁹. Ранее, в начале мая, за Латышева просил известный филолог, археолог Иван Васильевич Помяловский²⁰.

В связи с формированием статуса музея как научного учреждения необходимо упомянуть письмо Ивана Егоровича Забелина, написанное в июле 1883 г., где он обозначает необходимость археологического исследования курганной группы Великая могила на северо-западе от Москвы в районе Митино. Предлагая поручить эту работу Владимиру Ильичу Сизову и делая общий предварительный расчет по финансовым затратам, Иван Егорович пишет, что он желал бы только одного, «чтобы заявление о прииске, если можно так выразиться, осталось за нами, т.е. за Историческим Музеем, так как В. Могила пока ускользает от внимания и сведения других охотников-археологов»²¹.

Вторую значимую группу документов в данном обзоре составляют письма по вопросам устройства здания музея и организации работы нового учреждения. По этой теме удалось выявить 16 писем, хронологические рамки которых с 18 июня 1878 по 22 ноября 1884 г.

Начало 1880-х гг. стало рубежным в строительстве здания музея. Н.С. Щербатов в отчете о работе музея в 1883–1908 гг. писал, что «к 1880 г. работы были более или менее закончены вчерне, но здание не было еще вполне покрыто, не имело ни всех потолков, ни дверей, ни рам»²². К тому же стала очевидна необходимость изменения организационной структуры дела. К концу мая 1881 г. была образована Строительная Комиссия под председательством Уварова, ее

целью стало открытие музея к коронационным торжествам 1883 г. На новом этапе строительства основное внимание было сосредоточено на внутреннем обустройстве здания.

Подчас в Исторический музей передавались значимые собрания, под хранение которых необходимо было выделять отдельные помещения. Все это согласовывалось непосредственно с А.С. Уваровым. Примером могут служить письма к нему Дмитрия Николаевича Анучина 1883–1884 гг., в которых обсуждалась возможность передачи в Исторический музей антропологических и археологических коллекций, собранных Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии на Антропологической выставке в Москве в 1879 г. Важным вопросом была именно возможность предоставить отдельные помещения для их хранения. Это удалось организовать и в апреле 1883 г. Совет Московского императорского университета принял постановление о передаче в музей данной коллекции. Впоследствии Анучин информировал Уварова о ходе размещения коллекции в отведенном для нее помещении²³.

Работы по завершению внутренней отделки, определения окончательного расположения жилых и технических помещений, разработки деталей интерьера нашли отражение в письмах к А.С. Уварову от архитектора Александра Протогеновича Попова, возглавлявшего строительные работы в музее с 1878 г.²⁴ Особенно интересен сюжет о специальных поездках Г. Чиждова в Новгород, Псков и Владимирскую губернию для поиска и зарисовки старинных образцов дверей из храмов и монастырей. Наиболее заинтересовали строителей двери Знаменского собора и Хутынского монастыря в Великом Новгороде, а также Троицкого собора в Пскове, но все они были недостаточно древними для решения поставленных задач. По замыслу создателей внутреннее убранство залов музея не должно было быть простым фоном для демонстрации коллекции, оно было призвано погрузить посетителя вглубь веков. Потому большое внимание уделялось картинам, панно, архитектурным деталям в отделке залов. К выработке научно-художественной концепции привлекались авторитетные исследователи и специалисты. Так вопросы оформления киевских зал поднимались в 1881–1883 гг. в письмах к А.С. Уварову от Адриана Викторовича Прахова²⁵. Последний в 1880–1882 гг. исследовал остатки мозаик и фресок в Софийском соборе и Кирилловской церкви в Киеве, а также курировал их реставрацию Михаилом Врубелем. В этих письмах обращает на себя внимание обсуждение будущей копии мозаичного изображения евхаристии из алтаря Софийского собора в Киеве, которое украсило стены седьмого зала, где начинался рассказ о возникновении Киевского государства²⁶.

Картины, иллюстрирующие различные периоды истории, для размещения в залах музея были заказаны у ряда известных художников: В.М. Васнецова, И.К. Айвазовского, Г.И. Семирадского. Наибольшее отражение в письмах к А.С. Уварову получил заказ Г.И. Семирадскому картин «Похороны руса в Булгаре» и «Тризна дружинников Святослава при осаде Доростола». Это и сообщение Е.В. Барсова 22 октября 1881 г. о критике решения о приглашении к работам Семирадского в прессе, и несколько писем самого Семирадского о согласовании сюжетов картин (ноябрь 1881 — май 1883)²⁷, и письмо от В.И. Сизова от 26 июня 1883 г. о согласовании эскизов и оплате работ²⁸. Интересно также письмо от Дмитрия Николаевича Анучина 11 марта 1884 г., в котором он сообщил графу о своем посещении мастерской В.М. Васнецова и данной художнику научной консультации. Из него также стало известно, что при работе над картиной «Каменный век» в зале № 2 художник использовал подлинные доисторические предметы, полученные из Зоологического музея: череп ископаемого носорога, челюсть и кости мамонта, череп первобытного быка и других вымерших животных. В то же время Анучин сообщил, что он не во всем согласен с видением художника, его сомнения вызывали сцена убийства мамонта и жарка целого оленя²⁹.

Еще один вопрос, который предстояло решить при организации музея — это формирование его штата. Поиск людей, способных реализовывать грандиозный замысел на достаточно высоком научном уровне, занимал А.С. Уварова не меньше, чем вопросы завершения строительства здания. Были случаи, когда исследователи и коллекционеры просили о приеме в штат музея вслед за своими коллекциями. Так, первый исследователь гнездовских курганов Михаил Францевич Кусцинский уже через несколько месяцев переписки о передаче своей коллекции каменных топоров в музей, обратился к А.С. Уварову с просьбой принять его в штат музея (письмо от 20 ноября 1881 г.)³⁰. Но бывали и случаи отказов. Так А.С. Уваров пытался привлечь на службу в музей известного византиста, историка искусства Никодима Павловича Кондакова, но получил письмо с вежливым отказом последнего, в связи с его стремлением занять место недавно умершего Карла Карловича Герца в Московском университете³¹. В датировке этого письма отсутствует год, по его контексту оно предположительно датируется 19 апреля 1883 г., так как Герц умер 14 февраля 1883 г.

В письме от 12 июня 1878 г., написанном Елпидифором Васильевичем Барсовым, сформулированы требования к кандидату на вакансию библиотекаря музея: «Библиотекарем Исторического музея

может быть только человек получивший классическое образование, без знания греческого и латинского языков здесь обойтись невозможно, так как Византийство есть одна из коренных стихий Русской Истории»³².

Письма коллег и подчиненных всегда в меньшей степени сохраняются в личных архивах, так как большая часть рабочих вопросов решается в ходе личного общения. Но уже 30 мая 1883 г., всего через три дня после официального представления музея императорской чете и открытия для посещения А.С. Уваров покинул Москву и отбыл в свое имение, а затем – в Италию. С лета 1883 г. началась его активная переписка с Владимиром Ильичом Сизовым, принявшим на себя основные хлопоты по управлению музеем. В своих письмах к Уварову Владимир Ильич Сизов подробно рассказывает о ходе все еще продолжавшихся строительных работ, сложностях в приеме и согласовании картин, заказанных у художников для оформления зал. Особенно интересно письмо от 26 июня 1883 г., в котором он приводит сведения о посещаемости Исторического музея в первые месяцы после открытия. Обычно она находилась в пределах 300–400 человек в день. Но однажды в связи с проведением крестного хода посещаемость достигла 1400 человек одновременно! Таковую массу людей музей не способен был принять, прежде всего, потому, что не хватало «сторожей» т.е. зрителей, чтобы обеспечить безопасность экспозиции. В связи с этим В.И. Сизов сообщил Уварову, что издал распоряжение об ограничении возможного числа посетителей шестьюстами³³. Для сравнения: сегодня примерная численность посещения главного здания – около 1200 человек в день и порядка 2000 в праздничные дни.

Последняя категория писем к Уварову – это своего рода письма-отзывы о первых посещениях музея коллегами-историками, коллекционерами, деятелями искусства и государственными чинами. В них прослеживаются две основные идеи. Первая – сомнения в возможности удачного воплощения столь смелого замысла, как создание музея национальной российской истории, сменившееся после его посещения удивлением, что замысел действительно удалось осуществить. Так, Август Казимирович Жизневский 5 сентября 1883 г. писал: «В бытность в Москве в июле месяце сего года я видел два замечательных исторических памятника – Храм Спасителя и Императорский Исторический музей. Первый выполнил свое назначение, а второй начинает воплощать в себе грандиозную задачу, наглядно представляет прошедшее стран, вошедших в состав России. Великая будущность музея ясно сказывается в каждой из открытых его зал. Признаюсь, однако сначала я боялся за осуще-

ствление музеем заданной Вами высокой задачи. Но осмотрев его, не мог не успокоиться на этот счет»³⁴.

Второй заметный мотив — это признание успеха в деле организации и открытия Исторического музея прежде всего личной заслугой графа Уварова. Именно с присутствием Уварова на посту товарища председателя связывалось дальнейшее процветание музея. Неудивительно, что письма 1883–1884 гг. полны опасениями по поводу слухов о его возможной отставке, переживаниями о невозможности подыскать другого столь же подходящего музею руководителя. Анучин, Арсеньев, Сизов, Барсов и многие другие не представляли себе Исторического музея без графа Уварова. Наиболее ярко эта мысль высвечена в письме Анучина от 11 марта 1884 г.: «По слухам, Вы изволили отказаться от Музея, но официально ничего не известно. Если [эти. — Прим. авт.] слухи справедливы не могу не выразить глубочайшего сожаления, в виду того, что Вы — единственный человек, могущий относиться с одинаковым участием и пониманием как к доисторической, так и к исторической археологии, искренно сочувствующий этим наукам и создавший определенный план внутреннего устройства и состава Музея»³⁵. Эти слова, очевидно, тронули душу получателя письма: рукой графа этот абзац отмечен чертой красным карандашом на полях.

Подводя итог, необходимо отметить, что письма, отложившиеся в архиве графа Алексея Сергеевича Уварова, конечно же, не представляют полной картины по истории создания и открытия музея, но являются ценным источником важных сведений частного характера, которые ярко дополняют информацию, содержащуюся в других типах источников по представленной теме.

¹ Щербатов Н.С. Памяти графа Алексея Сергеевича Уварова // Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1883–1908 годы. М. 1916. С. 11.

² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 411–412об.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 565–566.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 431.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 249–254а.

⁶ *Иваск У.Г.* Григорий Николаевич Геннади. (Обзор жизни и трудов). М., 1913. С. 8.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 543–548об., 552–552об.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 411–414.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 601–606.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 457–457об.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 601–606.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 137–149.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 65–66.

- 14 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 151–152.
- 15 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 317–317об.
- 16 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 319–320об.
- 17 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 354. Л. 337–338.
- 18 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 280–283.
- 19 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 59–60.
- 20 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 310–310об.
- 21 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 340–341об.
- 22 *Щербатов Н.С.* Указ. соч. С. 13.
- 23 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 109об. – 149об.
- 24 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 314–325.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 394–400.
- 26 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 394–395об.
- 27 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 400–401.
- 28 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 135–136.
- 29 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 143–144об.
- 30 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 546–546об.
- 31 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 306–307об.
- 32 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 395–395об.
- 33 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 135–136.
- 34 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 304–305об.
- 35 ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 143–144об.

Основатели Российского Исторического музея и их роль в создании и развитии Ростовского музея церковных древностей

Многие годы в литературе господствовало мнение, что открытие в 1883 г. Ростовского музея церковных древностей связано исключительно с деятельностью ростовских купцов «археологов-любителей», как называл их, в частности, Г.И. Вздорнов¹. Между тем многочисленные архивные документы и региональные издания конца XIX — начала XX в. свидетельствуют о большом вкладе в создание и развитие Ростовского музея основателей Российского Исторического музея (РИМ), и что в целом соответствовало общекультурным тенденциям России времен Александра III — «державного покровителя родной священной старины»².

Согласно свидетельству А.А. Титова (1844—1911), одного из основателей и руководителей Ростовского музея, первым высказал мысль о необходимости его создания в Белой палате граф А.С. Уваров (1824—1984), председатель Императорского московского археологического общества (далее — ИМАО) и ученой комиссии по созданию Исторического музея. И если вклад Уварова в создание Тверского музея хорошо известен³, то его роль в открытие Ростовского музея церковных древностей еще предстоит выявить.

Белую палату Ростовского кремля современники прежде всего воспринимали как «храмину, где впервые зародилась русская историческая наука», как «свидетельницу святой жизни и трудов великого Святителя Димитрия — первого русского историка и археографа»⁴. Однако к началу 1880-х гг. Белая палата представляла собой «жалкую картину разрушения»: в нее было трудно войти, везде валялся мусор, оба свода Отдаточной палаты почти совсем провалились⁵. Смету на восстановление палат подготовил «архитекторский помощник Померанцев», которого направил в Ростов А.С. Уваров⁶.

Составленная Померанцевым смета была рассмотрена и утверждена ИМАО, затем ее отправили ростовским и томским купцам братьям Е.И. и В.И. Королевым, ранее выразившим готовность дать

деньги на эту реставрацию. «Дальнейшее направление делу» вновь дал граф Уваров⁷. По его предложению для руководства реставрационными работами была создана специальная комиссия, которую возглавил ярославский губернатор В.Д. Левшин (1834—1887).

В мае 1883 г., когда Российский Исторический музей готовился к торжественному открытию для публики, в Белую палату Ростовского архиерейского дома, который к тому времени уже почти столетие именовался кремлем, приехали строитель здания Исторического музея архитектор А.П. Попов (1828—1904) и первый и долголетний ученый секретарь музея В.И. Сизов (1840—1904). К тому времени в Белой палате уже были сделаны крыша, гребень, а во время капитальной переборки стен о. Василием Мансветовым было обнаружено древнее окно с перемычкой из двух висячих арок с гирькою. Именно в связи с этим открытием и были командированы в Ростов В.И. Сизов и А.П. Попов, которыми, как сказано в отчете, «были сделаны необходимые указания». Так, по образцу этого окна были изготовлены все окна в Белой палате. Кроме того, «Попов дал рисунки для некоторых дверей и для слуховых окон»⁸.

Очевидно, что у истоков создания Ростовского музея были те же люди, которые работали над созданием Исторического музея. Главным идеологом создания Ростовского музея и реставрации кремля был граф А.С. Уваров, не раз посещавший Ростов и лично знакомый с бедственным состоянием Ростовского кремля. К сожалению, «по случаю отъезда» граф и графиня Уваровы не смогли присутствовать на торжестве открытия Белой палаты, однако в присланной телеграмме они передали «искреннее приветствие с успешным окончанием предприятия на пользу русского просвещения»⁹.

Кроме уже упомянутых А.П. Попова и В.И. Сизова, в первые годы существования Ростовского музея сюда приезжали и оказывали ростовцам свое «просвещенное внимание» хранитель Исторического музея А.В. Орешников (1855—1933) и И.Е. Забелин (1820—1909). Не случайно, что в 1885 г., когда Святейший синод утвердил Устав Ростовского музея церковных древностей, все они — Попов, Орешников, Сизов и Забелин — были избраны членами-сотрудниками и почетными членами Ростовского древлехранилища¹⁰.

В архиве Ростовского музея сохранились их благодарственные письма на имя председателя Комитета Ростовского музея церковных древностей ярославского губернатора В.Д. Левшина по случаю этого избрания. «Смею уверить, что считаю своим долгом, насколько могу, стараться быть полезным Ростовскому музею церковных древностей», — написал А.В. Орешников¹¹. «Глубоко сочувствую целям означенного общества», — засвидетельствовал в своем

ответе А.П. Попов¹². Свою «признательность» Комитету Ростовского музея за избрание в члены-сотрудники выразил В.И. Сизов, а вместе с признательностью и «уверение» в своем «желании быть полезным сотрудником этого учреждения, которому «основатели уже с самого начала сумели обеспечить сочувствие общества и людей науки»¹³. «Лестным для себя» назвал И.Е. Забелин избрание в Почетные члены музея и принес «искреннюю благодарность за оказанное внимание» к его «посильным трудам»¹⁴.

Однако позитивное влияние на формирование и развитие Ростовского музея Иван Егорович начал оказывать задолго до его открытия. Дело в том, что еще в конце 1860 — начале 1870-х гг. Забелин в Москве познакомился с бухгалтером одной из частных московских банкирских контор ростовским купцом Иваном Александровичем Шляковым (1843—1919)¹⁵. По более позднему свидетельству редактора журнала «Русская старина» М.И. Семевского, молодого Шлякова «тянуло в музеи, библиотеки и всякого рода хранилища памятников древностей и предметов искусств»¹⁶. В эти годы Шляков и познакомился с Забелиным и другими учеными, которые «обратили доброе внимание на любознательного ростовца»¹⁷. «И вот, — продолжает Семевский, — из него [Шлякова. — Е.К.] выработался знаток памятников древнего зодчества, искусный рисовальщик их, знаток старинных рукописей, монет, и прочих предметов старины»¹⁸. Именно этот «любознательный ростовец» в начале 1880-х гг. возглавил работы по реставрации Ростовского кремля, 33 года был хранителем и многие годы фактическим руководителем Ростовского музея¹⁹. Безусловно, общение Шлякова с Забелиным способствовало тому, что он в дальнейшем блистательно справился со всеми этими обязанностями, которые выполнял безвозмездно, а часто вкладывал и свои деньги. Дело в том, что в отличие от Исторического, Ростовский музей церковных древностей был, как бы мы сейчас сказали, общественной организацией, и оставался таковым вплоть до 1918 г. Жалование в нем получали только сторожа, привратники и письмоводитель.

К сожалению, нам пока не много известно о московском периоде знакомства Забелина и Шлякова. Очевидно, что они были людьми разных поколений — разница в возрасте между ними составляла 23 года. И можно предположить, что Иван Егорович не случайно поддержал увлеченного историей молодого человека, такого же как он — самоучку. Возможно, устремления молодого И.А. Шлякова напомнили ему его собственный путь в науку. В любом случае, Иван Александрович Шляков оказался достойным учеником. «Добрый духом Ростовского кремля» называли его современники²⁰. Он тоже

стал известным всей России знатоком древнерусской истории, архитектуры и искусства, выдающимся реставратором архитектуры и монументальной живописи, музейным деятелем. Не случайно экземпляр своей книги «Путевые заметки о древнерусском зодчестве» он адресовал Забелину с «почтительнейшей» надписью²¹. В библиотеке Шлякова, в свою очередь, хранилась книга Забелина «Опыты изучения русских древностей и истории с дарственной надписью «Многоуважаемому Ивану Александровичу Шлякову от автора»²². К сожалению, надпись на книге 1872 г. выпуска не датирована.

И.Е. Забелин не смог присутствовать на торжественном собрании при освящении и открытии возобновленной Белой палаты, проходившем 28 октября 1883 г., в день памяти святителя Димитрия Ростовского. Однако он уполномочил Е.В. Барсова выразить его «глубокое сожаление о том, что он, по своему недугу, вынужден отказать себе в утешении лично присутствовать на настоящем торжестве <...> и заявить от имени исторической науки признательность за благое дело, совершенное возобновлением Белой палаты»²³.

Когда год спустя, 28 октября 1884 г., в Ростовском кремле освещали отреставрированную церковь Григория Богослова, Князьи терема, Ионинскую палату, И.Е. Забелин также в телеграмме заявил «полнейшее, искреннее сочувствие сему празднику археологической науки и патриотической заботливости о сохранении дорогих свидетелей Ростовской древности»²⁴.

Вскоре в отреставрированной Ионинской палате кремля был размещен и дар Исторического музея Ростовскому. В витрине, стоящей посредине Ионинской палаты, были представлены, как сказано в путеводителе, «трофеи старинного боевого орудия»: тут были пушки, пули с Бородинского поля, гранаты с Малахова кургана, здесь же экспонировались и два подаренных Историческим музеем каменных ядра, найденных во время раскопок у Набатной башни Московского Кремля»²⁵.

Ивану Егоровичу все же довелось побывать в Ростовском музее, как минимум, один раз. Это произошло в 11 августа 1887 г., когда он приехал в Ростов вместе с экскурсией участников VII археологического съезда, состоявшегося, как известно, в Ярославле. В Книге посетителей Ростовского музея сохранилась его подпись. А «сопутствовал дорогим гостям», — как гласит надпись в той же Книге посетителей, — «с 11 1/2 час. по полудни до 8 1/2 часов вечера Член комиссии по восстановлению кремля и музея Ив. Шляков»²⁶.

Некоторые живые подробности интересующей нас темы содержатся в неопубликованном письме художника В.В. Верещагина

(1842—1904) И.А. Шлякову, датированным концом июля 1888 г. Верещагин пишет: «Иван Егорович немного ревнует, что я все говорю и занимаюсь Ростовским музеем — почему не об нашем! Говорит, Ростовский музей хотел завести собрание христианских древностей своего округа только, а теперь уж собирает вещи и уж этнографические и из других губерний, — зачем? Жаловался на сильную конкуренцию и проч., впрочем, в конце концов, в принципе обещал переменить „каменную бабу“ на „двери“. Подробности эти для Вас лично, не передавайте их никому, чтобы не вышло сплетни. Что Забелин задет, в этом нет сомнения, это доказывает только, что эта чудесная личность не без слабостей»²⁷.

Верещагин действительно очень активно содействовал пополнению фондов Ростовского музея, свыше 50 уникальных предметов поступило в ростовское собрание при его непосредственном участии²⁸. Его сообщение о том, что готовился обмен экспонатами между Ростовским и Историческим музеем (переменить «каменную бабу» на «двери») пока не удалось подтвердить другими документами.

25 апреля 1892 г., в день 50-летнего юбилея ученой деятельности И.Е. Забелина, Ростовский музей приветствовал юбиляра следующим адресом: «Ваше Превосходительство, Иван Егорович! Ныне исполнилось полвека Вашей плодотворной деятельности на учено-литературном поприще. За этот период времени Вы немало потрудились на пользу русской науки. Труды Ваши по истории, этнографии и, наконец, обнародование многих ценных исторических материалов приобрели Вам заслуженную известность и поставили Ваше имя наряду с именами почтенных деятелей, трудящихся на пользу отечественного просвещения. В настоящий знаменательный для Вас день Ростовский музей церковных древностей — это сравнительно еще молодое, возникшее, так сказать, на ваших глазах областное учреждение, — считает приятною для себя обязанностью приветствовать Вас, своего почетного члена.

С самого начала возникновения музея Вы, досточтимый Иван Егорович, сочувственно, со свойственною вам отзывчивостью к ученым начинаниям, относились к нашему музею. Вы постоянно поддерживали в нас, скромных местных тружениках, энергию для продолжения начатого дела — восстановления из развалин замечательных памятников зодчества в Ростове Великом. Вы всегда окликались горячим сердечным словом на каждый новый шаг нашей деятельности в этом направлении.

Вот почему все мы привыкли считать Вас для Ростова близким человеком и в сегодняшний день с радостным чувством спешим при-

нести Вам, как своему сочлену, искреннее поздравление и пожелание — да укрепит Всевышний Ваши силы и да благословит Он Вашу плодотворную деятельность еще на многие лета на пользу Русской науки».

Адрес был вручен Ивану Егоровичу в Москве протоиереем Ростовского Успенского собора, членом Ростовского музея о. Александром Пречистенским²⁹.

15-го ноября И.Е. Забелин ответил ростовцам следующей телеграммой: «Усерднейше приношу достославному Ростовскому музею древностей мою от всего сердца глубочайшую благодарность за его столь сочувственное и в высокой степени для меня дорогое и лестное приветствие по поводу исполнившегося моего трудового пятидесятилетия.

Поддай Господи достославному Музею преуспевать в его высокопоучительном для всей России и образцовом устройстве и в обогащении исполненных важного для науки его собраний многочисленными памятниками русской церковной старины и древности. Достоуважаемым и неутомимым его деятелям слава на веки. Преданнейший Музею Иван Забелин»³⁰.

В настоящее время в архиве Ростовского музея выявлено несколько писем, подписанных Иваном Егоровичем. Это просьбы прислать те или иные материалы, помочь в изготовлении копий с некоторых ростовских предметов, сопроводительные письма к присланным изданиям или благодарности за дары. Особый интерес вызывает письмо, датированное 26 октября 1890 г. В нем идет речь о передаче в дар Историческому музею от Угличской реставрационной комиссии и Ростовского музея церковных древностей ряда предметов, в частности, терракотовой плиты из фриза дворца царевича Димитрия в Угличе, которую в Историческом музее связывают с даром великого князя Сергея Александровича, почетного председателя управления музея³¹. Официальное обращение на бланке Управления Императорского Российского Исторического музея за № 848 за подписями товарища председателя музея И.Е. Забелина и ученого секретаря В.И. Сизова на имя И.А. Шлякова содержит следующую информацию: «Управление Императорского Российского Исторического музея, получив препровожденные Вами при письме от 21 октября в дар Музею от Угличской реставрационной комиссии кирпичные изразец и балясину с карнизов дворца Царевича Димитрия <...> поставляет долгом принести Вам, милостивый государь, глубокую благодарность за Ваше просвещенное и внимательное сочувствие к пополнению коллекции Музея любопытными памятниками Русской Старины и питает живейшую наде-

жду, что таковое содействие научным целям и задачам Всероссийского Хранилища Вы, Милостивый Государь, столь же внимательно продолжите и на будущее время»³². Таким образом, письмо неопровержимо свидетельствует, что терракотовая плита из фриза дворца царевича Димитрия в Угличе поступила в дар Историческому музею от Углической реставрационной комиссии, в которую входил И.А. Шляков. Возникает вопрос, на каком этапе дар комиссии превратился в дар великого князя.

Обратимся к событиям начала лета 1892 г., когда великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна побывали на открытии музея в Угличе, после чего посетили Ростов. Это был их первый официальный визит, подтвержденный, в том числе, их подписями в Книге посетителей Ростовского музея³³. А вскоре после их визита 17 сентября 1892 г. по ходатайству ярославского губернатора, последовало «ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение» на присвоение Ростовскому музею церковных древностей наименования «состоящего под Августейшим Его Императорского Высочества великого князя Сергия Александровича покровительством»³⁴. Узнав об этом, представители Ростова и Комитета Ростовского музея отправили великому князю приветственную телеграмму, на которую последовал по телеграфу следующий ответ: «Я счастлив, что с соизволения Государя Императора призван стать во главе древлехранилища Ростова Великого и глубоко признателен за привет Вам и всем моим будущим сотрудникам, в полезных и бескорыстных трудах коих я имел отрадный случай лично убедиться во время последней моей поездки по Ярославской губернии. Сергей».

В ответной телеграмме председатель музея ярославский губернатор и председатель Комитета Ростовского музея А.Я. Фриде писал: «...Представители города Ростова и деятели музея усерднейше просят Ваше Императорское Высочество принять выражение их беспредельной радости и сердечной благодарности за то высокое внимание, которое Ваше Высочество соблаговолили оказать ростовцам, приняв на себя звание Покровителя дорогого им древлехранилища. Непрестанная любовь и интерес Вашего Императорского Высочества к родной старине дают право всем деятелям музея с упованием и бодрым духом взирать на будущее, приобретая в Особе своего Августейшего Покровителя верный залог преуспевания их трудов и стараний»³⁵.

А вскоре из Ростовского музея в Исторический был отправлен очередной дар. В архиве Ростовского музея сохранилась опись предметов, которые в настоящее время также связывают с даром Сергея Александровича в Исторический музей³⁶. Между тем, в ар-

хиве Ростовского музея сохранилась опись с заголовком «В Императорский Российский Исторический Музей / Дар от Ростовского музея церковных древностей»³⁷. В этом списке те самые предметы — четыре дароносицы, другие предметы древней церковной утвари (потир и лжица, дискос, звездица), которые теперь считаются даром великого князя. Всего эта опись содержит 11 предметов из фондов Ростовского музея. Как и в случае с плитой от Угличской реставрационной комиссии, дар Ростовского музея стал даром Сергея Александровича³⁸. Но, очевидно, что из Ростовского в Исторический музей были переданы предметы не уникальные, имеющие аналоги. Даже такой редкий предмет, как Царские врата XVII в. из собора города Данилова, подаренные Ростовскому музею Даниловским головой, известным коллекционером Ф.Д. Москательниковым (1829? — 1888) и в данной описи не содержащиеся, также имели аналог в составе дара Ф.Д. Москательникова³⁹.

Таким образом, имеющиеся документы свидетельствуют о большой роли основателей Исторического музея в судьбе Ростовского музея церковных древностей. Оба музея открылись для публики в 1883 г., что вполне укладывалось в русло осуществляемой Александром III политики, направленной на возрождение исторической Руси и русского стиля в искусстве.

¹ *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. С. 175.

² Так, в частности, определил роль Александра III ярославский губернатор В.Д. Левшин на освящении Белой палаты 28 октября (10 ноября) 1883 года. См.: Протокол Торжественного собрания при освящении и открытии восстановленной Белой Палаты в Ростове Великом, происходившего 28 октября 1883 года... Ярославль: тип. Губерн. Правления, 1883. С. 2.

³ *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения ... С. 173—175, 327.

⁴ Об этом говорил секретарь Императорского общества истории и древностей российских Е.В. Барсов на церемонии открытия Ростовского музея в Белой палате. См.: Протокол Торжественного собрания ... 1883. С. 15.

⁵ Об этом свидетельствует, например, гравюра М. Рашевского по рис. И. Сулова «Белая палата до реставрации». См.: Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. доктора архитектуры А.С. Щенкова. М.: Терра — Книжный клуб, 2002. С. 261.

⁶ Протокол торжественного собрания ... 1883. С. 4. В публикации не указаны инициалы «архитекторского помощника». Вероятно, речь идет о Викторе Дмитриевиче Померанцеве (1860—1899), в 1882 г. окончившем Московское училище живописи, ваяния и зодчества с малой серебряной медалью и званием неклассного художественного архитектора. Он состоял в переписке с А.А. Титовым. См.: Государственный архив Ярославской области. Ф. № 1367. Оп. 1. Д. 1421.

- 7 Протокол торжественного собрания ... 1883. С. 4.
- 8 Там же. С. 5—6.
- 9 Там же. С. 18—19.
- 10 *Бычков Ф.А.* Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. Ярославль: Изд. Ком. Рост. музея церк. древностей на средства Ив.А. Вахромеева, 1886. Приложения. С. 5—6.
- 11 ГМЗРК. Отдел редкой книги, рукописей и архивных материалов. АДМ-31. Л. 29.
- 12 Там же. Л. 11.
- 13 Там же. Л. 3.
- 14 Там же. Л. 7.
- 15 Иван Александрович Шляков (1843—1919), ростовский купец 2-й гильдии, историк искусства, реставратор, общественный и музейный деятель, краевед, активный участник в деле восстановления Ростовского кремля и создания Ростовского музея церковных древностей.
- 16 *Семевский М.И.* Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1888 г. Ростов Великий // Русская старина. 1889. Сентябрь. С. 684.
- 17 Там же. С. 685.
- 18 Там же.
- 19 Подробнее о Шлякове И.А. см.: *Ким Е.В.* Иван Шляков // Ярославское купечество: история соиздания / Под общ. ред. В.В. Горошникова. Рыбинск: Медиарост, 2022. С. 87—95.
- 20 *Былев Ю.Д.* В некотором царстве... С.-Петербург: Издание Г.М. Попова, 1907. С. 7.
- 21 *Шляков И.А.* Путевые заметки о памятниках древнерусского церковного зодчества. Ярославль: тип. Губ. правл., 1887. Книга состоит из четырех научно-публицистических статей, посвященных памятникам Ростова и Костромы: «Спасская ружная церковь, что на площади в Ростове», «Деревянная церковь в селе Маркове Ростовского уезда», «Воскресенская на Дебре церковь в городе Костроме» и «Борисоглебский, что на Устье, монастырь Ростовского уезда». Иллюстрированное рисунками автора издание до наших дней сохранило научную ценность и является также ярким примером публицистики в области охраны памятников старины. Экземпляр, подаренный Шляковым И.Е. Забелину, хранится в библиотеке Исторического музея.
- 22 Книга хранится в библиотеке Ростовского музея.
- 23 Протокол торжественного собрания ... 1883. С. 11—12.
- 24 Протокол торжественного собрания при освящении церкви древнего Григорьевского монастыря — Затвора и открытия восстановленных Княжих теремов в Ростове Великом, происходившего 28 октября 1884 г. // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1884. № 94. С. 4.
- 25 Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. Издание Комитета музея. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. С. 92.
- 26 ГМЗРК. Отдел редкой книги, рукописей и архивных материалов. Р-866. Л. 44.
- 27 Государственный архив Ярославской области. Ф. 693. Оп. 1. Д. 199. Л. 72.
- 28 Подробнее см.: *Ким Е.В.* Культурно-общественная деятельность В.В. Вещцагина и города Верхневолжского региона // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2012. Вып. XIX. С. 33—38.
- 29 Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1892. № 33. С. 2.

- ³⁰ Местонахождение телеграммы в настоящее время не установлено. Цит. по: Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1892. № 93. С. 2.
- ³¹ Дары Российского Императорского Дома Историческому музею / Автор-сост. И.Н. Палтусова. М.: Гос. ист. музей, 2014. С. 76—77.
- ³² ГМЗРК. Отдел редкой книги, рукописей и архивных материалов. А-735. Л. 14.
- ³³ Там же. Р-866. Л. 92. Подробнее см.: *Ким Е.В.* Святая преподобномученица Елисавета Федоровна в Ростове Великом // Ярославские епархиальные ведомости. 2011, апрель. С. 24—27.
- ³⁴ Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1892. № 77. С. 2.
- ³⁵ Там же. № 80. С. 1.
- ³⁶ Дары Российского Императорского Дома Историческому музею... С. 90, 98—105.
- ³⁷ ГМЗРК. Отдел редкой книги, рукописей и архивных материалов. АДМ-165. Л. 137—138.
- ³⁸ И.Н. Палтусова предполагает, что предметы были преподнесены Ростовским древлехранилищем в дар великому князю. См.: Дары Российского Императорского Дома Историческому музею... С. 63.
- ³⁹ Там же. С. 90. Данные Царские врата (И-965) сохранились в собрании Ростовского музея. Им посвящена статья: *Шалина И.А.* Царские врата 1652 года из музея-заповедника «Ростовский кремль» // XXII научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944—1995): сб. статей / Яросл. художеств. музей; сост. Я.И. Фень; науч. ред. А.С. Преображенский. Ярославль, 2018. С. 127—137.

И.Н. Палтусова

Памятники военной истории из коллекции Петра Ивановича Шукина

*Старинные вещи помогают
обрести в душе покой и укрепить
размягчившийся дух.*

Дун Цичан. Разговор об антикварных вещах

Частное коллекционирование во второй половине XIX в. стало в России неотъемлемой частью развития национальной культуры и истории. Сбор и изучение памятников отечественной истории и культуры, осмысление национального культурного наследия во многом были связаны с поисками самоидентификации, формированием национального самосознания и самопознания русской духовной культуры. Важная роль в этом процессе принадлежала национальным и частным музеям, которые начали создаваться во второй половине XIX столетия. Среди частных музеев наиболее заметное место занимал музей «Российских древностей» П.И. Шукина (1853—1912), всю коллекцию которого его основатель передал в дар Российскому Историческому музею в 1905 г.

В богатом по разнообразию собрании П.И. Шукина значительную часть составляют оружейные памятники и предметы военной амуниции. В настоящее время многие из них представлены на постоянной экспозиции Исторического музея и Музея Отечественной войны 1812 года, а также экспонируются на временных выставках. Тем не менее, его оружейная коллекция не была тематически систематизирована и проанализирована; не были выявлены и задокументированы источники приобретения оружейных памятников и предметов военной истории. Между тем, сохранившиеся архивные материалы позволяют проследить «биографию» отдельных памятников в оружейной коллекции П.И. Шукина и документировать их происхождение.

Источники. Важнейшим источником для выяснения происхождения памятников военной истории в собрании Петра Ивановича Шу-

кина является его переписка с известным российским антикваром, «торговцем древностями» Михаилом Михайловичем Савостиным (1860—1924), с которым его связывали не только деловые, но и человеческие отношения. Именно М.М. Савостин был основным поставщиком предметов военной истории для П.И. Щукина. Их переписка, хранящаяся в отделе письменных источников Государственного исторического музея в фонде П.И. Щукина, охватывает период с 1898 по 1912 г. Письма М.М. Савостина к Петру Ивановичу раскрывают круг интересов коллекционера и деловые отношения, которые объединяли коллекционера и его дилера, а также позволяют проследить географию приобретения отдельных памятников¹. М.М. Савостин был не единственным поставщиком предметов оружия и военного снаряжения для П.И. Щукина. Коллекционер поддерживал деловые контакты и с другими владельцами антикварных магазинов: в Москве — с А.Н. Ерыкаловым², Ф.В. Веркмейстером, В.Х. Губерманом³, В.Н. Морозовым и П.М. Ивановым; в Петербурге — с В.И. Петровым и братьями А. и М. Миханковыми; в Ярославле — с В.А. Шляндиным, в Туле — с антикваром А.М. Салищевым, в Варшаве — с антикваром В.Н. Фрункиным и другими. О связи П.И. Щукина с владельцами антикварных магазинов дают представление разнообразные образцы печатной рекламы, хранящейся в его фонде.

Еще одним важным источником пополнения коллекции П.И. Щукина были частные лица, среди которых были люди разных профессий: военные, ученые, служащие, коллекционеры и т.д. Письма с просьбой приобрести ту или иную вещь поступали к П.И. Щукину из различных уголков России, в частности, Усть-Сысольска, Архангельска, Харькова, Омска, Ташкента.

Из Архангельской губернии от В.П. Назарьина поступило к П.И. Щукину предложение купить «петровское ружье»⁴, из Харькова от владельца О.К. Марутаяна «четыре разных пистолета»⁵, а москвич С. Благово предлагал купить у него «пистолет дагестанской работы, хорошей сохранности и вполне музейный за 80 рублей»⁶. Поступали предложения о покупке целых коллекций. Так, Вириния Васильевна Татищева, урожденная княжна Гагарина, желала продать коллекцию старинного огнестрельного оружия⁷. Коллекцию из двухсот предметов предлагал приобрести П.И. Щукину собиратель оружия Артемий Иосифович Казаров: «Милостивый Государь! Прослышав о Вас как о любителе-коллекционере, позволяя себе предложить Вашему вниманию коллекцию оружия, собранную в продолжении долгих лет. Означенная коллекция, состоящая из двухсот предметов, среди котор[ых] имеются редкие экземпляры шашек, получила на Всероссийской выставке Первую большую золотую медаль. Если

настоящее мое предложение Вас заинтересует, прошу разрешение привести Вам снимок с оружия и лично ознакомить с коллекцией. Надеюсь, не откажите уведомить меня о Вашем решении. Готовый к услугам Вашим. А. Казаров. Мой адрес: Гостиница «Националь» № 224. Артемию Иосифовичу Казарову»⁸.

Одним из «шукинских поставщиков» был Туркестанский генерал-губернатор Н.И. Гродеков, от которого в коллекцию Шукина поступили образцы восточного конского снаряжения⁹.

Большую ценность для характеристики Петра Ивановича как коллекционера представляют мемуары М.М. Савостина, поступившие в Русский музей в 1927 г. от хранителя художественного отдела и заведующего реставрационными мастерскими Петра Ивановича Нерадовского (1875—1962), которые хранятся в отделе рукописей Русского музея¹⁰. Мемуары М.М. Савостина и воспоминания П.И. Шукина представляют интерес как для формирования интереса П.И. Шукина к коллекционированию памятников российской старины, так и для характеристики антикварного дела в России.

П.И. Шукин не успел составить полного научного каталога предметов материальной культуры своего собрания. Но некоторые оружейные памятники, приобретенные им, были включены в краткое описание Шукинского музея, опубликованное в 1895 году¹¹. К сожалению, многие предметы в этом каталоге не имеют датировок и не содержат информации об источнике их поступления в музей Шукина.

Формирование интереса к отечественной и военной истории. Любая частная коллекция неизбежно несет на себе черты, отражающие вкусы и характер ее владельца. Поэтому для того, чтобы понять особенности формирования оружейной коллекции Шукина, необходимо обратиться к личности самого коллекционера. Жизненный путь П.И. Шукина уже неоднократно исследовался российскими учеными. Этой теме посвящены, в частности, работы А.А. Демской, Н.Ю. Семеновой, Н.В. Горбушиной¹² (рис. 1).

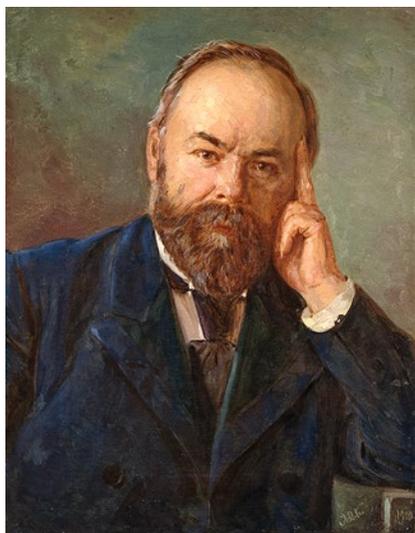

Рис. 1. Портрет П.И. Шукина.
Художник А.О. Карелин. 1900 г.
Холст, масло. ГИМ

Нас же интересует факты биографии Щукина, которые связаны с формированием его интереса к отечественной и, прежде всего, военной истории. Интерес «ко всему военному» возник у Щукина еще в детстве. В своих мемуарах он писал: «Так как я питал большую любовь ко всему военному, то мне дарили оловянных солдатиков, сабли, ружья, кивера, книжки с картинками военного содержания и т.п. Если по улице шли солдаты, то отец, указывая на них, всегда говорил мне: «Вот идут твои игрушки»¹³. Его любимыми книжками были «История Наполеона» с прекрасными картинками Ногасе Vernet, резанными на дереве... иллюстрированная «История Суворова» Н.А. Полевого (изд. 1843 г.), исторический роман П.Р. Фурмана «Александр Данилович Меншиков» с литографированными картинками (изд. 1847 г.) и «Приключения маленького барабанщика или Гибель французов в России в 1812 году» (с 8-ю раскрашенными литографированными картинками)¹⁴. Отец, разделяя интерес сына к военной истории, покупал ему книги по этой тематике и в России, и за границей. «После итальянской кампании 1859 года, — вспоминал позднее Щукин, — отец привез мне из Парижа превосходно исполненные цветные литографии сражений при Палестро, Мангенте и Сольферино»¹⁵. Детские впечатления от этой книжки остались у коллекционера на всю жизнь. Уже создав музей и обладая обширной коллекцией памятников военной истории, он мечтал иметь литографии этих сражений в своем собрании. В этой связи он давал соответствующие поручения М.М. Савостину предпринять попытки найти эти литографии. В письме из Санкт-Петербурга от 2 мая 1908 г. он писал П.И. Щукину: «Литографии батальей Сольферино и др. я заказал искать книжникам; это больше в их руках, но пока еще ничего нет»¹⁶.

Получив начальное образование дома, П.И. Щукин в 1863 г. продолжил обучение в немецком училище для мальчиков, основанном кандидатом богословия, выпускником Дерптского университета К.Г. Бемом в Выборге. Это была самая престижная школа Выборга, где все науки преподавались на немецком языке. После четырех лет обучения в Бемской школе, Петр был отдан в пансион Дмитрия Фомича Гирста в Петербурге, в котором он учился с 1867 до 1871 г. «Владелец и директор пансиона — Дмитрий Фомич Гирс, по словам Петра Ивановича Щукина, был очень добрый, образованный человек, превосходно знавший русский, английский, французский и немецкий языки... В обращении со всеми был чрезвычайно вежлив»¹⁷. В пансионе Гирста был сильный педагогический состав. Так, русский язык преподавал Василий Петрович Геннинг, составитель указателя русского правописания¹⁸, всеобщую историю —

Иван Николаевич Анонимов¹⁹, автор «Записок по древней истории» и переводчик «Записок о Московии» Герберштейна, географию — Петр Федорович Обломков²⁰, автор учебника по географии, товароведение — химик Ф.Ф. Лесгафт²¹, английский язык — мистер Харрисон (Harrison) из Морского корпуса²². Во время учебы в пансионе Гирста П.И. Шукин посещал вечерние лекции русского историка Николая Ивановича Костомарова, который, по его словам, «хотя уже старый и беззубый, читал увлекательно»²³, а в Николаевской Военной Академии слушал лекции, устраиваемые Военно-Техническим Комитетом²⁴.

Со временем круг знакомств П.И. Шукина с известными и интересными людьми расширился. Оказавшись в Москве, по воспоминаниям коллекционера, он «ближе познакомился с Петром Ивановичем Бартеневым, отличающимся приветливостью, живым оригинальным умом, чрезвычайной начитанностью и редкой памятью. Едва ли кто-нибудь знает так хорошо русскую историю XVIII и XIX ст., как П.И. Бартенев. Бывал я у него в его уютном домике на Ермолаевской-Садовой, а также встречался с ним в Московском Английском клубе по субботам. Принимал он меня у себя с искренним радушием, и беседы с ним были всегда интересны. В Московском Английском клубе познакомился я с историком Дмитрием Ивановичем Иловайским, по учебникам которого когда-то учился. В последнее время стали нападать на его учебники; не знаю, мне они понравились, когда я учился по ним. Не так давно слушал я лекцию Дмитрия Ивановича об осаде поляками в 1611 году Смоленска и защите его М.Б. Шеиным, читал его исторические статьи в издаваемом им журнале „Кремль“, беседовал с ним; Дмитрий Иванович и говорит, и пишет всегда ясно и толково»²⁵.

Заметное влияние на формирование интереса П.И. Шукина к отечественной истории и предметам русской старины оказало знакомство с Августом Казимировичем Жизневским, создателем историко-археологического музея в Твери. В 1893 г. Шукин посетил музей в Твери и оставил о Жизневском воспоминания. «Я редко встречал такого неутомимого и настойчивого собирателя, как Август Казимирович, — писал он, вспоминая эту встречу. — По его поручению подчиненные ему чиновники собирали древности во всей Тверской губернии. ...Будучи холостым и уже на склоне жизни, Август Казимирович большую часть своих небольших средств тратил на свое любимое детище — Тверской музей. Настоящим блестящим состоянием Тверской музей всецело обязан этому замечательному и бескорыстному деятелю»²⁶. А.К. Жизневский при поддержке графа А.С. Уварова, председателя Московского археологического

общества, подготовил и опубликовал иллюстрированное «Описание Тверского музея — один из лучших музейных каталогов того времени, в котором были представлены и различные образцы оружия: мечи, сабли, шпаги, кортики, бердыши, копья, протазаны»²⁷.

Будучи в Нижнем Новгороде Петр Иванович посетил квартиру-музей Андрея Осиповича Карелина (1837—1906), нижегородского фотографа, живописца, коллекционера памятников старины и предметов народного творчества. В экспозиции музея были представлены предметы старины XVII—XIX вв., среди которых была коллекция оружия. Посетив мастерскую Карелина, Щукин вспоминал: «В Нижнем познакомился я с фотографом-художником Андреем Осиповичем Карелиным, который имел фотографию в своем доме, на Малой Покровке. Большая зала в его доме напоминала антикварный магазин. Тогда я был еще далек от идеи собирания старинных русских вещей; но художник Василий Васильевич Верещагин и Константин Егорович Маковский уже их покупали у Карелина»²⁸. В 1898 г. корреспондент журнала «Разведчик» П. Юдин посетил музей и в своей заметке рассказал читателям о некоторых уникальных оружейных памятниках из собрания Карелина²⁹.

Хорошие контакты сложились у Щукина с коллекционерами Москвы. В частности, он имел добрые и деловые отношения с московским коллекционером охотничьего оружия А.А. Катуар де Бюнкюром, с которым часто встречался в Московском английском клубе³⁰.

Постоянное самообразование, посещение исторических лекций, музеев, чтение научной литературы, личное общение с ведущими историками, коллекционерами, антикварами оказывало влияние на формирование интереса Щукина к отечественной истории и предметам старины, способствовало накоплению научных знаний и расширяло его кругозор как коллекционера и просвещенного знатока.

П.И. Щукин и М.М. Савостин. Профессиональный интерес к коллекционированию памятников русской и военной истории у Щукина появился, видимо, в начале 1890-х гг. Именно к этому времени относится его близкое знакомство с М.М. Савостиным, который стал его основным поставщиком предметов русской истории и культуры. Роль М.М. Савостина в формировании музея П.И. Щукина значительна, поэтому необходимо подробнее остановиться на этой личности (рис. 2).

Биографические данные о М.М. Савостине содержатся в его сохранившихся мемуарах, хранящихся в отделе рукописей Русского музея. М.М. Савостин родился в Москве 31 октября 1860 г. Его мать, Вера Дмитриевна Мушникова принадлежала к старинному купе-

ческому роду и воспитывалась в институте благородных девиц. По словам Савостина «она была очень образованной». Его отец был выходцем из небогатой купеческой семьи города Алексина Тульской губернии. М.М. Савостин «отца помнил смутно», так как он умер, когда ему было шесть лет. После его смерти Савостин жил и воспитывался у своего дяди Михаила Дмитриевича Мушникова, владельца магазина «военно-офицерских вещей» на Тверской улице. После женитьбы дяди, Савостин переехал к матери³¹. В возрасте 10 лет он поступил в мужское Мещанское училище, которое находилось на Калужской улице, в Якиманской части³². Училище было учреждено Московским купеческим обществом для воспитания детей купеческого и мещанского сословий. Это было первое в России учебное заведение, которое готовило торговых служащих. После окончания училища Савостин поступил на текстильную фабрику братьев Щаповых, где прослужил несколько лет. Затем он был «товарищем на вере» торгового дома «Тароватый и К^о», членом которого состоял Николай Иванович Шукин³³. Но деятельность торгового дома оказалась убыточной и после его краха, Савостин устроился бухгалтером в Бельгийское общество по выделке спирта, которое находилось в Богородском уезде Тульской губернии в имении Барятино³⁴. После двух лет службы в Барятино (1890—1891) он вернулся в Москву и поселился в меблированных комнатах «Надежда» на Петровке³⁵. В поисках работы он начал посещать аукционы по распродаже старинных вещей. Первым из них был аукцион, где проходила распродажа вещей покойного московского губернатора В.А. Долгорукова. «На восьмой или девятый день аукциона продавался маленький кокосовый кубок, оправленный в золоченую бронзу, по борту шли гравированные портреты, а крышка венчалась фигурой Победы»³⁶. С этой покупки

Рис. 2. Портрет М.М. Савостина. Фотограф Альберт Генрих Иванович Мей. Фирма «Шерер, Набгольц и К^о». 1901 г. Картон, коллодионовый отпечаток. ГИМ

Савостин начал постепенно интересоваться старинными предметами. Вскоре он приобрел коллекцию бронзы известного собирателя сенатора Барыкова³⁷. «В 1892 году случился поворот в моей жизни, — вспоминал М.М. Савостин, — и я остановился на торговле старинными художественными предметами, как на цели для существования»³⁸. Первоначально Савостин продавал старинные вещи в магазине своей матери на Большой Лубянке. Но перед коронацией, в связи с приездом богатых иностранцев и придворных, по совету А.Ф. Брокара, Савостин открыл «Магазин старинных вещей» недалеко от дома генерал-губернатора, на улице Тверской и Леонтьевского переулка³⁹. Все владения на этом участке принадлежали действительному статскому советнику Лазарю Соломоновичу Полякову. В магазин можно было войти через вход гостиницы «Лувр». Его приятель, известный драпировщик и мебельщик Паскаль оформил витрины и интерьер магазина⁴⁰. До 1901 г. М.М. Савостин вел активную антикварную торговлю в Москве. В 1901 г. он принял решение покинуть Москву и переехать в Санкт-Петербург, объясняя это так: «В 1901 году я решил переменить позицию и обосноваться в Петербурге. Слишком мало стало товара в Москве... Желание переселиться в Петербург было у меня давно, так как я сознавал, что это единственный город, где в каждом доме, можно сказать, есть вещи. Кроме того, имущественное положение граждан Петербурга меняется часто, чаще люди нуждаются в деньгах, а иногда просто меняют местожительство. Живёт какой-нибудь чиновник в Петербурге десятки лет и вдруг получает назначение куда-нибудь вглубь или за границу, и волей-неволей приходится продавать вещи. В Москве народ более солидный, там люди стараются жить так, чтобы их отпевали в той же церкви, где и крестили. Прожив четыре недели Великого Поста в Москве, я распродал все громоздкие вещи, простился со своими друзьями и тронулся в Питер. Определённого места, где я думал бы остановиться, у меня не было. Пришлось остановиться опять в «Гранд Отеле» и искать места, где я мог бы открыть торговлю. Время для поисков было неудачное, так как лето ещё не наступало, и большинство магазинов и квартир было занято. После почти месячных поисков, я остановился на маленьком магазине на Садовой, где раньше торговал Гризар. Во дворе нашлась маленькая квартира, а на улице небольшой магазин, который для меня был совершенно достаточен, так как я никогда не любил заваливаться товаром, а и вещи, которые у меня стояли более, или менее долго так мне надоедали, что я готов был спустить даже с убытком. Вследствие этой системы у меня никогда не было завала и лишнего товара. Хозяин нанятого помещения, г-н Роменский, мне очень по-

нравился, хотя большинство за глаза его ругали, но я видел в нём прямого, решительного, правильных взглядов домовладельца, который требует от жильца только вовремя аккуратной платы, в остальном же совершенно не вмешивается в его жизнь. В нанимаемой квартире можно было делать поправки, переделки, всё, что Вы хотите, лишь бы не на счёт владельца. Магазин на Садовой, почти угол Невского, я нанял очень дешево — за 30 руб. в месяц, что ни в коем случае не могло лечь бременем на мои расходы»⁴¹.

В начале 1890-х гг. Савостин сближается с Петром Ивановичем, который по его воспоминаниям был «самым близким для меня из братьев Шукиных. С ним я познакомился вскоре после моей первой поездки в Петербург. И вот все, что попадало за этот почти 25-летний период в мои руки самого лучшего и интересного, я считал своей обязанностью показать Петру Ивановичу, и никогда у нас с ним не выходило никакого недоразумения. Никогда он со мной не торговался, разумеется, и я в этом отношении, что называется, держал ухо востро, не позволяя себе попросить с Петра Ивановича ничего лишнего. Если Петр Иванович находил, что цена дорогая, то прямо говорил: „Нет, это мне не подойдет“. Когда же вещь ему нравилась и цена, по его мнению, была правильной, то он эту вещь прямо откладывал. Забирая по обыкновению на несколько тысяч, если выходило сумма, скажем, 11 572 рубля, Петр Иванович писал карточку на амбаре, чтобы мне уплатили деньги на эту же сумму, никогда не скидывая даже одного рубля. Я мог бы написать целую книгу о тех вещах, которые я имел удовольствие продать Петру Ивановичу»⁴².

Шукин обладал удивительной интуицией и редкой способностью «видеть» предметы. Это качество в определенной степени было присуще и самому М.М. Савостину. «Мне достаточно было описать вещь, характер ее, степень сохранности и цену, чтобы Петр Иванович поручил мне ее купить. В своем поручении Петр Иванович никогда не ошибался, т.к. я со своей стороны, всегда оправдывал его доверие. Дмитрий Иванович как-то сказал, что Петр Иванович верит мне больше, чем им. В начале моей деятельности, когда мои средства были очень малы, я по указанию Петра Ивановича предпринял две поездки в Петербург. Все, что мне удалось там приобрести, Петр Иванович у меня купил, причем он мне заметил, что я удивительно угадал его вкус»⁴³.

Наиболее ценные вещи, связанные с военной историей, были приобретены Савостиным именно в Петербурге. Но не только Петербург был источником пополнения коллекций П.И. Шукина. Савостин в поисках предметов старины, в том числе и оружейных

памятников, ездил по всей Европе. Он обследовал антикварные магазины и лавки в Варшаве, Париже, Стамбуле, Константинополе, Смирне, Афинах, Вене, Милане, Флоренции, Венеции, Стокгольме, Утрехте, Амстердаме, Роттердаме, Кельне и др. Несколько раз Савостин встречал Щукина за границей и продавал ему вещи, которых он никогда не брал, а просил привезти их ему в Москву⁴⁴. По воспоминаниям Савостина, Петр Иванович «никогда ничего за границей не покупал, так как боялся тамошних цен и ловких и тонких подделок. За границу он ездил только отдыхать и развлекаться и иной раз пополнить свою библиотеку новыми изданиями»⁴⁵. По мнению Савостина, П.И. Щукин был одним из лучших покупателей Москвы. Он получал удовольствие от самого процесса покупки. «Петр Иванович никогда не любил покупать на большую сумму сразу. Его потребность каждый день приобретать что-нибудь была настолько велика, что боясь как бы истратить сразу значительные деньги, не пришлось бы ему отказать себе в каждодневной покупке»⁴⁶.

Жалованные сабли XVIII века. Профессиональный интерес к коллекционированию памятников русской и военной истории появился у Щукина, видимо, в конце 80-х гг. XIX в. (рис. 3).

О первых приобретениях памятников русской старины Щукин вспоминал: «... На Нижегородской ярмарке сделал почин... по собиранию старинных русских вещей, купив там же серебряный жалованный ковш Яицкого войска»⁴⁷. Серебряные и золотые жалованные ковши наряду с жалованным оружием являлись специальной государственной наградой. Они вручались казакам за верную службу царю и отечеству. Эти памятники в XIX в. уже представляли собой раритеты, и их крайне редко можно было приобрести у антикваров. Тем не менее, в коллекции Щукина насчитывается девять единиц жалованного оружия XVIII в., которым были награждены казаки в период правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II. Наградные казачьи сабли изготавливались на заказ первоклассными оружейниками. Они отличались друг от друга внешним видом оформления рукоятей и стоимостью, но клинки сабель оформлялись согласно традиции: на клинках воспроизводился императорский титул, надпись, объясняющая причину пожалования, имя награждаемого, название войска и дата. Наибольшее количество жалованных сабель было у донских казаков. В отделе оружия Исторического музея хранятся: шашка донского старшины Григория Каршина⁴⁸, сабля донского есаула Макара Грекова «за его верную службу в Санкт-Петербурге 22 февраля 1738 года»⁴⁹, сабля мещеряцкого старшины Яныша Абдулина «за службы его в Москве 27 августа 1742 года»⁵⁰, сабля донского старшины Василия Перфи-

Рис. 3. Сабля жалованная Яныша Абдулина. Россия. 1742 г. Сталь, серебро, бархат, дерево; ковка, инкрустация, литье, чеканка. ГИМ

лова «за его верную службу 22 декабря 1749 года»⁵¹, сабля донского старшины легкой станицы атамана Абросима Луковкина «за его многие и верные службы в Москве 5 февраля 1763 февраля»⁵², сабля яицкого казака Михаила Давилена, который служил при атамане Иване Букаешеве в Санкт-Петербурге 17 мая 1761 года⁵³, сабля атамана Вольского войска зимовой станицы Федора Персицкого⁵⁴, сабля уральского казака Петра Чебикова, жалованная ему Екатериной II «за его верную службу в Санкт-Петербурге при атамане Иване Михайлове 24 ноября 1792 года»⁵⁵, шашка донского казака Гаврилы Кариколпакова «за его верные службы в Санкт-Петербурге 28 августа 1768 год»⁵⁶.

В переписке П.И. Шукина с М.М. Савостиным есть конкретные указания о происхождении двух жалованных сабель: донского казака Гаврилы Кариколпакова и мещеряцкого старшины Яныша Абдулина 1742 г. Саблю Кариколпакова Савостин приобрел 16 июля 1907 г., о чем он сообщал в письме к Шукину: «Многоуважаемый Петр Иванович! Податель сего доставит Вам следующие вещи: 1 Саблю Е II...». На клинке имеется погрудное изображение Екатерины II в обрамлении двух лавровых веток и надпись: «Бжиею Млстию Мы Екатерина Вторая Императрица И Самодержица Всероссийская и прочая и прочая и прочая Пожаловали сею саблею войска донскаго средней станицы казака Гаврилу Алексеева сна Кариколпакова за ево верныя службы в Санкт Петербурге. Августа 28 дня 1762 гду»⁵⁷. Саблю Яныша Абдулина Савостин купил в 1909 г. за 25 рублей, о чем он уведомил Шукина. «Многоуважаемый Петр Иванович! — писал он 29 ноября 1909 г. — ...Купил богатую саблю в серебряной отделке, бархатных ножнах. Сабля подарок Им. Елизаветы Петровны 1742 года, в Москве, Мещеряцкому главному старшины; платил 25 р.»⁵⁸. Данный документ подтверждает принадлеж-

Рис. 4. Палаш офицерский неуставного образца. Россия. Первая половина XVIII в. Сталь, латунь; ковка, литье, гравировка. ГИМ

ность этой сабли к коллекции Щукина. Это важно, так как в инвентарной книге отдела оружия сабля ошибочно записана за номером 85687, за которым числится «Коллекция вещей без №№ ГИМ по отделу оружия»⁵⁹. В статье Н.И. Соболева, посвященной изучению данной сабли, указывается, что «история поступления ее в ГИМ не выяснена»⁶⁰. Архивные материалы позволили документально установить источник происхождения сабли Яныша Абдулина.

Холодное оружие XVIII века. В оружейном собрании П.И. Щукина имеются образцы строевого русского клинкового оружия XVIII в. периода правления Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Строевое оружие периода Северной войны (1700—1721) представлено офицерскими палашами, которые использовались как в кавалерии, так и в пехоте. Палашы первой трети XVIII в. отличались разнообразием форм эфесов. К началу 1720-х гг. были предприняты шаги по унификации и стандартизации образцов строевого оружия. Кавалерийские полки планировалось перевооружить однотипными образцами холодного оружия. Однако условия военного времени не позволили провести быстро эти преобразования. Только реформа, проведенная в 1731 г., окончательно отменила палашы в русской армии. Все полки кавалерии и пехоты с этого времени стали вооружаться шпагами⁶¹.

Подборка палашей в коллекции П.И. Щукина включает палаш офицерский драгунский с надписью на голландском языке: VIVAT SIN ZAAR Se(ine)

MAYESTET PETER ALEXEWITS 1715⁶², католическим изображением св. Николая и российского государственного герба, офицерский драгунский палаш 1720-х гг.⁶³, палаш неуставного образца

с надписью на клинке: VIVAT PETER ALEXEITS⁶⁴ и палаш, переделанный под охотничий кортик, с надписью: VIVAT CZ PE ALEX // OLONEZ 1720⁶⁵.

Палаш неуставного образца с надписью: VIVAT PETER ALEXEITS и палаш, переделанный под охотничий кортик с надписью: VIVAT CZ PE ALEX // OLONEZ 1720 были приобретены М.М. Савостиным в 1909 г. у Евдокимова, соответственно, за 50 и 75 руб.⁶⁶ (рис. 4).

Шпаги первой трети XVIII в. представлены артиллерийской солдатской шпагой обр. 1731 г., изготовленной на Тульском оружейном заводе⁶⁷ и офицерской шпагой с вензелем Светлейшего князя Ижорского (с 1707) А.Д. Меншикова и с гравированной надписью: OLONEZ 1711⁶⁸. Исследователи строевого холодного оружия XVIII в. О.Г. Леонов и А.Л. Устьянов считают, что шпага могла входить в число оружия, заказанного для одной из подшефных Меншикову частей: Лейб-регимента, Лейб-шквадрона, Санкт-Петербургского и Ингерманландского пехотных полков⁶⁹ (рис. 5).

Помимо клинкового оружия петровской эпохи в собрании Шукина имеются образцы строевого оружия времени правления Екатерины I, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Это клинок кавалергардской шпаги 1726 года⁷⁰, клинок шпаги с надписью: «ВИВАТЪ ЕЛИСАВЕТЪ ВЕЛИКАЯ//БОГУ И ОТЕЧЕСТВУ»⁷¹, шпага офицерская пехотная с эфесом прусского образца 1780-х гг. и надписью VIVAT CATMARINA»⁷², палаш нижних чинов лейб-гвардии Конного полка образца 1763 г. с вензелем Екатерины II⁷³. Кавалергардская шпага 1726 г. предназначалась для чинов Кавалергардского корпуса, который первоначально был сформирован в 1724 г. для церемонии коронации супруги импера-

Рис. 5. Палаш нижних чинов лейб-гвардии Конного полка образца 1763 г. Россия. XVIII в. Сталь, дерево, кожа, латунь; ковка, литье, резьба, позолота. ГИМ

тора Петра Великого Екатерины Алексеевны. Шпага была изготовлена в Сестрорецке, о чем свидетельствует государственный герб и надпись на клинке: Susterbeck⁷⁴.

М.М. Савостин не скрывал свое особое удовлетворение по поводу приобретения палаша нижних чинов лейб-гвардии Конной гвардии. 30 октября 1909 г. он писал Щукину о своих приобретениях: «Многоуважаемый Петр Иванович! Податель сего доставит Вам ... 4 сабли, из которых палаш Конной гвардии составляет большую редкость; сабля в золоченых ножнах есть оружие офицера времен А I; две шпаги кирасирские, бальные. Вещи приобретены мною от известного собирателя Базарянинова; цена им чистая 120 рублей». И далее Савостин делает приписку: «P.S. Палаш у владельца очень желал купить полк, но он его все время не продавал»⁷⁵.

Это очень важное замечание. Дело все в том, что строевое холодное оружие XVIII в. крайне редко появлялось на антикварном рынке, так как оно либо хранилось у их владельцев как семейная реликвия, либо становилось экспонатом полковых музеев. Тем ценнее заслуга Щукина-коллекционера, который собрал оружейные памятники XVIII в., отражающие важные исторические события, материализующие память о них.

Оружие эпохи 1812 года. П.И. Щукин был одним из первых коллекционеров, наряду с И.Х. Колодеевым, обративших внимание на памятники, связанные с эпохой 1812 года. Эта тема стала для него приоритетной. Одним из сегментов этой эпохи являются оружейные памятники.

П.И. Щукин был участником первой выставки «В память Отечественной войны 1812 года», которая открылась 21 февраля 1909 г. в Императорском Российском Историческом музее. Он предоставил для нее предметы из своего собрания и провел ознакомительную экскурсию в день открытия экспозиции⁷⁶.

К столетнему юбилею П.И. Щукин подготовил и издал документальный труд в 10 томах «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.»⁷⁷. На выставке, приуроченной к этому юбилею, экспонировались памятники из его собрания. Среди них — принадлежащая генерал-майору И.Н. Дурново шпага пехотная офицерская образца 1798 г. с надписями: «За храбрость» и «Получена За отличие при удержании пятью полками форштата Города Суасона 21-го февраля 814-го года. При нападении на оной двух корпусовъ французскихъ подъ команду маршала Мармонта. Сражение продолжалось 34 часа» и шпага пехотная офицерская образца 1798 г. генерала от инфантерии А.А. Закревского со знаком ордена Св. Анны 4-й степени и надписью: «За храбрость»⁷⁸ (рис. 6).

Именное оружие участников войны 1812 года дополняет офицерская пехотная шпага образца 1798 г., на обухе которой имеется надпись: «ОСИП РОТ-ГОФЪ 1814 года» и солдатский строевой кремневый пистолет с вензелем Александра I, изготовленный на Тульском оружейном заводе в 1813 г.⁷⁹

К эпохе Александра I в собрании П.И. Шукина относится сабля с вензелем императора, изготовленная известными мастерами Златоустовской оружейной фабрики Вильгельмом и Людвигом Шафами в 1823 г.⁸⁰ Сабля была приобретена М.М. Савостиным в 1903 г. «Многоуважаемый Петр Иванович! В последний раз Вы показали, в числе других приобретений для музея, кивер конного полка, с конским хвостом на шишаке. Сегодня я видел точно такой же кивер, полную кирасу, весом 24 ф. и палаш. На палаше надпись Златоуст 1823 г. Желают за все вещи 60 р. Прошу писать мне Ваше мнение. Все вещи образцовой сохранности. Ваш покорный слуга М. Савостин»⁸¹.

С эпохой Наполеона связана подборка французского строевого и гражданского оружия, среди которой хотелось бы выделить мундирную шпагу института Египта, введенную в обращение после возвращения Наполеона из египетского похода, и пару кремневых пистолетов генералов и высших штабных офицеров модели XII года Республики (1803—1804 годов), художественное оформление которых выполнил выдающийся оружейный мастер наполеоновской эпохи Н.-Н. Бутэ⁸².

Оружейные памятники наряду с документальным материалом по истории войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг.⁸³, коллекцией литографий из издания Фаберже Форэ «Избранные листы из моей папки эскизов, сделанных во время кампании 1812 года в России»⁸⁴, предметами быта, собранные П.И. Шукиным, создавали «лицо» эпохи войны 1812 года. Некоторые памятники, которые М.М. Савостин приобретал для П.И. Шукина, с течением времени в результате дополнительных

Рис. 6. Шпага офицерская пехотная образца 1798 г. Принадлежала генерал-майору И.Н. Дурново. Сталь, латунь, дерево; ковка, литье, гравировка, золочение. ГИМ

Рис. 7. Палаш парадный морской в ножнах. Швеция. 1824 г. Принадлежал английскому контр-адмиралу и полярному исследователю сэру Джону Россу. Сталь, серебро, золото, яшма, алмазы, рубины, кожа; ковка, травление, чеканка, гравировка, позолота. ГИМ

научных исследований получали иную атрибуцию. Так произошло с морским палашом французского маршала Бернадота, будущего короля Швеции Карла Юхана XIV. В письме от 30 ноября 1911 г. М.М. Савостин писал П.И. Щукину: «... Купил саблю, поднесенную Бернадоту, в великолепных серебряных ножнах с камнями; саблю и все остальное привезу Вам на Рождество»⁸⁵. Именно с такой атрибуцией предмет сто лет экспонировался на выставках и публиковался в каталогах⁸⁶. Во время подготовки постоянной экспозиции Музея Отечественной войны 1812 года старший научный сотрудник отдела оружия Исторического музея А.А. Герасимова вновь обратилась к этому памятнику и провела внимательное его исследование, что позволило ей определить имя автора дизайна — стокгольмского ювелира Юхана Петера Грёнвалля, создавшего декоративное убранство палаша, и уточнить дату изготовления — 1842 г. А также было установлено, что владельцем этого палаша был британский консул в Швеции, полярный исследователь, английский морской офицер сэр Джон Росс. Кроме того, наличие вензеля Карла Юхана XIV на почетном наградном оружии свидетельствует о том, что оно могло быть пожаловано королем только в годы его правления с 1818 по 1844 г. Результаты исследования А.А. Герасимовой были опубликованы в Трудах Государственного Исторического музея в 2015 г.⁸⁷ (рис. 7).

Наградное оружие XIX века. Коллекция наградного оружия П.И. Щукина представлена пехотными и кавалерийскими офицерскими шпагами образца 1798 г. с надписью «За храбрость» и кавалерийскими саблями образца 1827 г. «За храбрость»⁸⁸. О посылке шпаг и сабель наряду с другим материалом Савостин сообщает Щукину в письме от 22 сентября 1909 г. «Многоуважаемый Петр Иванович!

Податель сего доставит Вам 1) короб в котором пять пачек бумаг Похвиснева, часы картель Данциг, мундир и лосины. Лучшие и редкие бумаги из коллекции Похвиснева я захвачу с собой, да их и не так много, так что можно быстро просмотреть: массу же высылаю заранее, чтобы Вы могли ознакомиться. 2) Пачка в которой пять сабель и шпаг. Все что возможно я привезу, но много еще в дороге и много вещей крупных, как напр. большие Персидские вазы»⁸⁹.

Среди наградного оружия в собрании П.И. Шукина лишь один образец, относящийся к Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., — это шашка «За храбрость» полковника Волинского полка В.Л. Обера. На ее эфесе выгравирована надпись: «Владимиру Лаврентьевичу Оберу отъ товарищей Волинцевъ // Въ воспоминаніе Ташкисена, Мечки, Филипполя и Карагача»⁹⁰. Отметим, что золотое оружие, на эфесе которого гравировалась надпись «За храбрость», являлось одной из самых почетных наград, жалуемых за подвиги на поле боя. Таким оружием удостаивались наиболее отличившиеся в сражениях офицеры и генералы, которые при этом уже имели орден Св. Георгия или Св. Анны 4-й степени. В конце XIX в. русско-турецкая война еще была свежа в памяти россиян, и были живы ее непосредственные участники, продолжались дискуссии по поводу ее целесообразности и результатов. Поэтому памятники этой войны не воспринимались многими собирателями как исторические реликвии, достойные коллекционирования. По-настоящему их значимость могли оценить тогда военные офицеры, пережившие войну, а также коллекционеры типа П.И. Шукина, обладавшего интуицией, которая помогала ему сделать правильный выбор.

Анализ оружейных памятников, связанных с военными событиями, свидетельствует о том, что П.И. Шукина привлекали прежде всего памятники, связанные с судьбой конкретных людей, с их доблестью и героизмом.

Охотничье оружие. Заметное место в коллекции Шукина занимает парадное холодное и огнестрельное охотничье оружие, созданное лучшими российскими, немецкими и французскими мастерами. Рукояти парадного холодного охотничьего оружия, художественные достоинства которого делали его более привлекательным для коллекционеров, изготавливали из кости, родонита, оникса, нефрита, фарфора и стали в технике «бриллиантовой огранки». В поиске таких образцов М.М. Савостин не ограничивался только российским антикварным рынком, но и выезжал в страны Европы, что следует из его переписки с П.И. Шукиным. В частности, в письме от 4 (17) мая 1907 г. он писал коллекционеру из Италии: «Многоуважаемый Петр Иванович! Сегодня уезжаю

Рис. 8. Шпага охотничья. Германия. 1780-е гг. Сталь, фарфор; ковка, чеканка, травление. ГИМ

в Триест. В Милане очень мало вещей; все больше самая грубая подделка и не Итальянская, а Немецкая. Прилагаю список вещей посланных мною Вам из Флоренции: 1 Шпага желез. с золот. и фарфор»⁹¹. Речь идет о шпаге с фарфоровой рукоятью работы саксонских мастеров⁹². Видимо, за границей Щукин приобрел и шпагу с рукоятью из сердолика с гравированным вензелем императрицы Екатерины II на клинке⁹³.

П.И. Щукин собрал несколько образцов немецких охотничьих кинжалов («хиршфангеров») второй половины XVIII в. с надписями на клинках. Это так называемые «охотничьи шпрухи», короткие рифмованные изречения назидательного характера: «У охотника жизнь наполнена радостью, когда его в лесу ждет зверь», «Охотник все время хочет меньшими стараниями побольше поймать»⁹⁴ (рис. 8).

Целенаправленным и систематическим сбором образцов охотничьего огнестрельного оружия Щукин не занимался, отдельные образцы которого поступили в коллекцию П.И. Щукина от М.М. Савостина, купавшего их у частных лиц и в антикварных магазинах. 24 мая 1907 г. М.М. Савостин писал П.И. Щукину: «Многоуважаемый Петр Иванович! Сегодня я писал Вам по почте. Податель сего доставит Вам следующие вещи:

- 1 Ружье насечка золотом времени Елизаветы Петровны
  - 1 Кухенрейтера
  - 2 Шпаги
  - 1 Кинжал персидский...
- За оружие заплачено 500р.»⁹⁵

В 1909 г. П.И. Шукин купил в антикварном магазине В.Х. Губермана палаш за 30 руб., саблю за 95 руб., пушку за 10 руб., два пистолета за 40 руб.⁹⁶ и два пистолета за 20 руб., у антиквара А.Н. Ерыкалова приобрел два пистолета за 20 руб.⁹⁷ и капсюльный пистолет «варшавского фабриканта»⁹⁸.

Благодаря Савостину у Шукина в коллекции оказались образцы охотничьего оружия с различными механизмами воспламенения заряда: колесные, кремневые, капсюльные. При этом предпочтение отдавалось образцам оружия с клеймами мастеров и ведущих оружейных центров.

Самые ранние образцы охотничьего огнестрельного оружия — колесцовые пистолеты и ружья Священной Римской империи германской нации и итальянские пистолеты XVII века⁹⁹.

Среди кремневого оружия XVII — начала XIX в. следует выделить работы немецких, русских, французских, итальянских, испанских и английских мастеров, таких как Розенберга из Штральзунда, Ульриха из Майнца, Иоганна Якоба Кюхенрейтера из Регенсбурга, Лазаро и Лазарино Комминацо из Брешии, Антонио Веназолы, Эскибеля из Мадрида, Гриффина и Сегалоса из Лондона¹⁰⁰. Заслуживает внимание и капсюльное охотничье ружье парижского мастера Пирме, одного из ведущих оружейников наполеоновской Франции¹⁰¹. Пирме был оружейником Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона, и носил почетное звание «оружейник короля Вестфалии».

Образцы русского кремневого огнестрельного оружия XVII—XIX вв. представлены в собрании П.И. Шукина работами, выполненными в Москве, Туле, Санкт-Петербурге и Варшаве. Среди них следует отметить два охотничьих кремневых ружья с ложами из слоновой кости, изготовленные в период правления Екатерины II мастером ложевого цеха Тульского оружейного завода Иваном Лялиным¹⁰².

Ружья с ложами из слоновой кости мастера Ивана Лялина отличаются высочайшим уровнем художественной отделки, но одно из них имеет оригинальное для своего времени техническое решение — это ранний образец русского казнозарядного оружия¹⁰³. Перед спусковой скобой расположен рычажок, при нажиме на который стволы опускаются вниз на шарнире, и ружье переламывается. Затем в казенник вставляется заранее снаряженные порохом и дробью металлические патроны в виде стальных цилиндров. В них имеются отверстия, которые совпадают с затравочными отверстиями в стволах, поскольку поджигание пороха производилось кремневым замком. Имея запас таких патронов, стрелок мог

Рис. 9. Ружье охотничье кремневое. Россия. Тула. Мастер И. Лялин. 1790-е гг.
Сталь, кость, рог; воронение, гравировка, инкрустация. ГИМ

быстро перезарядить ружье. Такой способ заряжания увеличивал скорострельность.

Иван Лялин изготавливал оружие для подарков Екатерине II. В Эрмитаже хранятся гарнитуры из двух казнозарядных ружей и трех пистолетов с ложами из слоновой кости и вензелем Екатерины II. Вероятно, все это оружие было изготовлено по одному заказу (рис. 9). В плеяде блестящих мастеров, работавших в России во времена императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, видное место принадлежало петербургскому оружейному мастеру Ивану Пермяку. Щукину удалось приобрести кремневый пистолет с именным клеймом этого мастера¹⁰⁴.

В собрании П.И. Щукина обращает на себя особое внимание дульный гарнитуры потомственного тульского оружейного мастера Никиты Крапивинцова, владельца тульской фабрики по производству охотничьих ружей и сабель. При создании этих пистолетов мастер использовал технические новинки своего времени. Они имеют прицельные приспособления: регулирующую мушку и два целика (один постоянный, другой откидной) и спусковые механизмы со шнеллером. Кроме пары пистолетов, в гарнитуры входят принадлежности для их заряжания и чистки¹⁰⁵. Данный гарнитуры экспонировался в 1831 г. на Первой Московской выставке отечественной промышленности.

Следует отметить, что в XIX в. московские выставки неоднократно становились витриной для демонстрации образцов оружия российских мастеров. Например, на Третьей в Москве выставке российских мануфактурных изделий 1843 г. экспонировались образцы оружия московского мастера Петра Харламовича Шишкова, имевшего свою мастерскую у Арбатских ворот. В коллекции Щукина представлена его первоклассная двустволка с кремневыми «водонепроницаемыми» замками¹⁰⁶. У ружей с такими замками огнива

плотно примыкают к полкам, защищая порох от сырости. Дно каждой полки выложено золотой пластинкой для предотвращения выгорания металла. На замочных досках выбито именное клеймо мастера.

Пороховницы. Неотъемлемой принадлежностью огнестрельного оружия и обязательным предметом снаряжения стрелка и охотника на протяжении нескольких веков являлась пороховница — емкость для компактного хранения пороха. Вместе с тем многие образцы пороховниц, созданные талантливыми мастерами, представляли собой настоящие произведения декоративно-прикладного искусства. В коллекции П.И. Шукина представлены как военные образцы, так и охотничьи, созданные на заказ. Шукин собрал более 100 пороховниц XVII—XIX вв. мастеров Русского Севера, Украины, Москвы, Петербурга и Великого Устюга. Они изготовлены из моржовой, мамонтовой, слоновой кости, серебра, рога и дерева.

Повышенный интерес Петр Иванович Шукин проявлял к памятникам косторезного искусства, почти полностью утраченного к концу XIX столетия. Костяные пороховницы Русского Севера, возможно, он приобретал на Нижегородской ярмарке у крестьян из Городца Нижегородской губернии Потапа Степановича Кузнецова и Михаила Аникиевича Косарева. Судя по документам, они «в былое время скупали вещи на Севере, в особенности в Вологодской и Архангельской губерниях, и привозили в Нижегородскую ярмарку»¹⁰⁷.

В коллекции Шукина прекрасная подборка роговых трехконечных украинских пороховниц второй половины XVII—XVIII в. Самая ранняя датируется 1678 г., а поздняя — 1766 г.¹⁰⁸ Большинство роговых пороховниц украшены неглубокой контурной резьбой: геометрическими и растительными мотивами, архитектурными пейзажами. Центрами производства пороховниц были Ивано-Франковская область, Запорожская Сечь, Область Войска Донского.

Серебряные пороховницы в собрании П.И. Шукина представлены пятью экземплярами¹⁰⁹. Две серебряные пороховницы изготовлены в Великом Устюге, остальные три выполнены московскими мастерами. Хронологические рамки этих памятников: вторая половина XVIII — первая половина XIX в. Пороховницы украшены жанровыми и охотничьими сюжетами, изображениями воинских трофеев, гербов, медальонов и венков с монограммами, трельяжной сеткой и другими элементами, характерными для стиля классицизм.

Восточное оружие. Оружейная коллекция П.И. Шукина не ограничивалась русскими и западноевропейскими памятниками, воспитанный истинным космополитом, он был открыт другим культурам. В его собрании есть образцы оружия народов Кавказа, Закавказья,

Османской империи, Ирана, Малой Азии, Индии, Цейлона. Это сабли, шашки, кинжалы, ножи, топоры, ятаганы, ружья, пистолеты, а также образцы конской упряжи, изготовленные в Турции и Средней Азии.

Среди восточного оружия следует выделить кавказские кинжалы и пистолеты второй половины XIX в., выполненные в Дагестане¹¹⁰. Интерес к кавказскому оружию был обусловлен у Щукина многими причинами. Во-первых, Кавказская война (1817—1864) имела глубокое воздействие на русское общество того времени. С середины XIX в. под влиянием войны и колонизации Кавказа российский антикварный рынок пополнился традиционными предметами материальной культуры кавказских народов, в том числе и оружием. Ассортимент оружия, поступавший с Кавказа, включал также старинное турецкое и персидское оружие.

Во-вторых, произведения восточного оружейного искусства вошли в моду в России и часто использовались для украшения курительных комнат, кабинетов, мастерских. Так, по воспоминаниям сына В.В. Верещагина, в мастерской отца «на северной стене над лавкой висело старинное холодное и огнестрельное оружие с Кавказа, из Туркестана, Индии и Турции. Кроме кавказских кинжалов, шашек, стальной кольчуги и турецких ятаганов, я помню... длинную арабскую винтовку с прикладом и ложем, украшенными перламутровой инкрустацией, китайские луки, которыми еще в 1869 году была в китайском Туркестане вооружена кавалерия, турецкую винтовку системы „пиподи-мартини“ и русскую „крынку“, привезенные из кампании 1877 года...»¹¹¹.

Однако интерес Щукина к предметам Востока, в том числе и к памятникам оружейного искусства, был обусловлен прежде всего научным интересом. Он хотел, чтобы в его коллекции наряду с работами европейских мастеров были представлены образцы ведущих оружейных центров Востока. И это было, с его точки зрения, еще одним напоминанием о том, что Россия в равной степени принадлежит Западу и Востоку.

П.И. Щукин собрал не только прекрасные образцы восточного холодного и огнестрельного оружия, но также и образцы конского снаряжения, изготовленные русскими шорниками. Преимущественно эти памятники относятся к XVIII столетию. В собрании имеется несколько комплектов конской сбруи, состоящей из оголовья с трензелем, повода и металлического ошейника, паперсти (нагрудного ремня) и пахви¹¹².

Среднеазиатские образцы конского снаряжения П.И. Щукин получил в дар от Н.И. Гродекова. В письме от 16 апреля 1907 г. Гродеков

сообщал Шукину об отправке ему конского снаряжения из Ташкента: «Милостивый Государь, Петр Иванович. При последнем свидании с Вами в Москве, 28го декабря прошлого года, мною было обещано прислать для Вашего музея, из Ташкента, азиатския конския снаряжения, которые вместе с сими высылаю на Ваше имя: две уздечки, два нагрудника, два подхвостника, два нижних чапрака и два верхних чапрака. От души желаю процветания Вашему великолепному музею и прошу принять от меня уверение в совершенном почтении и преданности. Ваш покорный слуга Н. Гродеков»¹¹³. Среднеазиатская конская сбруя содержит два комплекта, изготовленных бухарскими мастерами в начале XIX в. Один комплект конской сбруи включает в себя оголовье, паперсть, чересседельник и пахви. В состав оголовья входят: узда, трензель, повод, чомбур и грива¹¹⁴. Второй комплект включает в себя оголовье (состоит из узды, трензеля, повода и гривы) и пахви¹¹⁵.

Образцы артиллерии. Собрание П.И. Шукина включает также миниатюрные модели артиллерийской техники, выполненные в строгих масштабных пропорциях и дающие представления о подлинных артиллерийских орудиях, которые участвовали в военных кампаниях XVIII – начала XIX в. К их числу относятся: пушка бронзовая 1/2-фунтовая на деревянном двухколесном лафете, отлитая в Москве 15 мая 1784 г. пушечным мастером Петром Федоровым, а лафет был выполнен станковым мастером Петром Исаевым¹¹⁶, пушка бронзовая с надписью «генерал фельдцейхмистер» на деревянном четырехколесном лафете¹¹⁷, модели бронзовых и медных пушек¹¹⁸, модель 1/2-пудового «Единорога» (в масштабе 1:4) на батерейном лафете образца 1805 г. с артиллерийским зарядным ящиком полевой артиллерии системы Аракчеева и передком¹¹⁹.

Военное снаряжение. П.И. Шукин не обошел вниманием памятники «военной старины», связанные с воинским снаряжением. Гранадерские и уланские шапки, кивера, каски, лядунки, патронные сумки, ташки, пояса, поясные пряжки, кокарды, налобники и другие предметы воинского снаряжения и обмундирования охватывают период правления от императрицы Елизаветы Петровны до императора Александра II. О приобретении некоторых предметов обмундирования можно найти упоминание в письмах М.М. Савостина к П.И. Шукину. Так, 4 сентября 1909 г. Савостин сообщал Петру Ивановичу о том, что амуниция, которую он приобрел, «состоит из очень редкого уланского кивера времен А I с помпоном вместо султана, кивера уланского Н I, вальтрапа конногвардейцев с галунами и орлами и бляхи от уланского кивера с номером полка — № 32. Заплачено за все 75р.»¹²⁰.

Рис. 10. Каска унтер-офицера кирасирского Военного Ордена полка. Россия. 1845 г. Кожа, медь, конский волос. ГИМ

В собрании Исторического музея хранятся: 17 поясных пряжек с вензелями Елизаветы Петровны и Екатерины II¹²¹; две русские и две французские офицерские лядунки начала XIX в., на одной из которых вензель под короной и надпись: «За службу и храбрость»¹²²; три ташки¹²³ с вензелями Павла I и Александра I; налобник от гренадерского головного убора образца 1802 г. с изображением двуглавого орла и надписью: «С нами Богъ. Алексей Иванов». Судя по надписи, данный налобник принадлежал одному из нижних чинов Павловского гренадерского полка. Подобное отличие было пожаловано нижним чинам Павловского гренадерского полка в 1807 г.¹²⁴ (рис. 10).

Анализ оружейного собрания П.И. Щукина позволяет сделать вывод, что коллекционер стремился собирать лучшие образцы в каждой тематической группе, отбирая прежде всего для своей коллекции именные и датированные предметы, а также созданные в ведущих оружейных центрах Европы. Он подходил к отбору вещей как ученый-исследователь, интересующийся оригинальными, то есть подлинными вещами, в которых он видел «документы» истории. Собираение памятников военной истории и оружейного искусства способствовало накоплению специальных знаний в данной области.

Князь М.М. Голицын, гофмейстер двора великого князя Владимира Александровича так отзывался о П.И. Щукине: «...Сердце радуется, когда видишь, что собиратель древностей — не только собиратель — но и знаток просвещенный — любящий и знающий свое дело. Надо надеяться, что Вы продолжите и опись, и собирание, и что Музей Ваш станет в ближайшем будущем одним из лучших украшений Москвы»¹²⁵.

За свою жизнь Петр Иванович Щукин проделал путь от любителя-коллекционера до создателя частного музея и дарителя своего бесценного собрания национальному музею. Важным доводом

в пользу такого решения было ясное понимание коллекционером того, что все собранные им памятники будут находиться там, где им обеспечат необходимые условия хранения и возможность их изучения и систематизации.

Включение Музея П.И. Шукина в состав Исторического музея явилось значительным вкладом в создание и сохранение обширной и разнообразной источниковой базы для изучения отечественной истории и культуры, в том числе и военной истории.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 55—59.

² Там же. Ед. хр. 90. Л. 109. В 1904 г. П.И. Шукин в магазине А.Н. Ерыкалова приобрел ружье и пистолет.

³ Там же. Л. 69—70, 76об., 78, 80—81. В 1909 г. П.И. Шукин в магазине В.Х. Губермана купил: палаш за 30 руб., саблю за 95 руб., пушку за 10 руб., 2 пистолета за 40 руб. и 2 пистолета за 20 руб.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 46. Л. 4.

⁵ Там же. Ед. хр. 43. Л. 3.

⁶ Там же. Ед. хр. 21. Л. 40.

⁷ Там же. Ед. хр. 66. Л. 29.

⁸ Там же. Ед. хр. 34. Л. 4—4об.

⁹ Там же. Ед. хр. 28. Л. 69.

¹⁰ Отдел рукописей Государственного русского музея (далее — ОР ГРМ). Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 1.

О М.М. Савостине см.: *Пятницкий Ю.А.* Из истории антикварного рынка России в предреволюционные и послереволюционные годы: Михаил Михайлович Савостин // *Studii de muzeologie: volum dedicat aniversării a XXX-a a Muzeului Național de Istorie (II)*. Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Biblioteca «Tyragetia» XXIII, 2013. С. 151—214. *Горбушина Н.В.* Письма антикара М.М. Савостина к П.И. Шукину (Из истории частного коллекционирования в России) // *Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 158. Забелинские научные чтения — 2016. М., 2019. С. 269—284.*

¹¹ Краткое описание Шукинского музея, составленное П.И. Шукиным. М., 1895; *Шукин П.И.* Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997. С. 121; *Шукин П.И.* Описание старинных вещей собрания П.И. Шукина, составленная П.И. Шукиным и Е.В. Федоровой М., 1895—1896.

¹² *Демская А.А., Семенова Н.Ю.* У Шукина на Знаменке... М., 1993; *Горбушина Н.В.* История рода и фирмы Шукиных // *Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2006. С. 366—380.* Она же: Переписка И.Е. Забелина с П.И. Шукиным в собрании ОПИ ГИМ // И.Е. Забелин 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29—31 октября 1990 г. Часть I. М., 1992. С. 49—52; Эволюция собирательства П.И. Шукина и его взаимоотношения с антикарами // *Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 158. Забелинские научные чтения 2005. М., 2006. С. 381—390.*

- 13 *Щукин П.И.* Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997. С. 16.
- 14 Там же. С. 15.
- 15 Там же. С. 16.
- 16 ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 57. Л. 74.
- 17 *Щукин П.И.* Воспоминания... М. 1997. С. 21.
- 18 Справочная книжка и указатель русского правописания / Сост. преп. 1 С.-Петерб. реал. уч-ща В.П. Геннинг. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1879.
- 19 Записки по древней истории / Сост. по прогр. воен.-учеб. заведений И. Анонимовым. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1862 (обл. 1863); Записки о Московии (*Rerum Moscoviticarum commentarii*) барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 года. Перевел И. Анонимов, преподаватель истории в VII С.-Петербургской гимназии. С.-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1866.
- 20 Краткий учебник географии / Сост. П. Обломков. — 3-е изд., испр. и доп. Курс 1. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1902.
- 21 *Лесгафт Ф.Ф.* Товароведение сырых продуктов и мануфактурных изделий. СПб., 1866.
- 22 *Щукин П.И.* Воспоминания... М., 1997. С. 30—31.
- 23 Там же. С. 34—35.
- 24 Там же. С. 35.
- 25 Там же. С. 174—175.
- 26 Там же. С. 221.
- 27 Памяти А.К. Жизневского // Русский архив. 1896. Кн. 2. С. 606; Описание Тверского музея. М., 1888.
- 28 *Щукин П.И.* Воспоминания... С. 120.
- 29 *Юдин П.* Шашка генерала Грекова // Разведчик. 1898. № 408. С. 693—694.
- 30 ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 21. Л. 1—1 об., 8—8 об., 10.
- 31 ОР ГРМ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—2.
- 32 Там же. Л. 12.
- 33 Там же. Л. 48.
- 34 Там же. Л. 81.
- 35 Там же. Л. 88.
- 36 Там же. Л. 89.
- 37 Там же. Л. 90.
- 38 Там же. Л. 93.
- 39 На письмах и счетах М.М. Савостин указывал адрес своего «Магазина старинных вещей. Продажа и покупка, Москва, ул. Тверская и Леонтьевск., д. Полякова, подъезд совм. с гост. «Лувр».
- 40 Там же. Л. 190—191.
- 41 Там же. Л. 244—245.
- 42 Там же. Л. 129.
- 43 Там же. Л. 130.
- 44 Там же. Л. 133.
- 45 Там же. Л. 133.
- 46 Там же. Л. 208.
- 47 *Щукин П.И.* Воспоминания... М., 1997. С. 121, 218—219.
- 48 ГИМ 23435щ ор. 751.
- 49 ГИМ10048щ ор. 764.

- 50 ГИМ 85687 ор. 758.
51 ГИМ10049щ ор. 754.
52 ГИМ22615щ ор. 753.
53 ГИМ10037щ ор. 6527.
54 ГИМ 9895щ ор. 761.
55 ГИМ10043щ ор. 6522.
56 ГИМ10042щ ор. 765.
57 ОПИ ГИМ Ф. 265. Ед. хр. 57. Л. 37.
58 Там же. Ед. хр. 58. Л. 75—76.
59 Инвентарная книга отдела оружия с № 1 по № 933. С. 155.
60 *Соболев Н.И.* Жалованная сабля мещеряцкого старшины Яныша Абдулина 1742 года // Именное и художественное холодное оружие XVII—XIX вв. / Ред. С.Л. Марголин. М.: Госкультпросветиздат, 1956. С. 13—18; Из истории русской армии и оружия. Труды государственного ордена Ленина Исторического музея. Выпуск № 64. М., 1987. С. 58.
61 *Леонов О.Г., Устьянов А.А.* Строевое холодное оружие Русской армии и флота. 1700—1881. Справочник. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. С. 144, 148; *Кулинский А.Н.* Русское холодное оружие. СПб., 2005. С. 52.
62 ГИМ10040 щ ор. 7774.
63 ГИМ22597щ ор. 7820.
64 ГИМ10055щ ор. 2538.
65 ГИМ10054щ ор. 6108.
66 ОПИ ГИМ Ф. 265. Ед. хр. 58. Л. 20—21.
67 ГИМ 10062щ ор. 6115.
68 ГИМ 10045щ ор. 1925.
69 *Леонов О.Г., Устьянов А.А.* Строевое холодное оружие Русской армии и флота. 1700—1881. Справочник. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. С. 68.
70 ГИМ 22598 щ ор. 7281.
71 ГИМ 10061щ ор. 7764.
72 ГИМ 10044щ ор. 6423.
73 ГИМ 10175щ ор. 6428.
74 *Леонов О.Г., Устьянов А.А.* Строевое холодное оружие Русской армии и флота. 1700—1881. Справочник. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. С. 72.
75 ОПИ ГИМ Ф. 265. Ед. хр. 58. Л. 67—68.
76 *Букреева Е.М.* «В память Отечественной войны 1812 года» (к истории первой выставки Музея 1812 года) // Труды ГИМ. Вып. 183. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. [Т.] 9. Сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 г. М., 2010. С. 250—251.
77 Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Шукина. М., 1896—1902. Ч. 1—10. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Шукиным. М., 1897—1907; Ч. 1—10. Шукинский сборник. М., 1902. Вып. 1—10.
78 ГИМ 10566щ ор. 1940; ГИМ 13763щ ор. 6218.
79 ГИМ10334щ ор. 2567; ГИМ 13811щ ор. 2371.
80 ГИМ 13762щ ор. 1101. На обухе в технике травления выполнена дата и клеймо мастера: «Shaaf and Sohn Златоусть 1823 года». На клинке: двуглавый орел под короной (с правой стороны) и вензель императора Александра I в обрамлении лаврового венка (с левой стороны).
81 ГИМ ОПИ. Ф. 265. Ед. хр. 55. Л. 64.
82 ГИМ 9894щ ор. 618; ГИМ 9866щ ор. 91.

- 83 *Фалалеева М.В.* Новые источники по истории заграничных походов русской армии в 1813—1814 гг. (из собрания ОПИ ГИМ) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 204. Забелинские научные чтения. 2014. М., 2017. С. 21—29.
- 84 ГИМ 16116щ/2246 И III 30624; ГИМ 16116щ/2275 И III 30654; ГИМ 16116щ/2276 И III 30655; ГИМ 16116щ/2277 И III 30656.
- 85 ОПИ ГИМ Ф. 265. Ед. хр. 59. Л. 34.
- 86 ГИК 13809щ ор. 1097 // Инвентарь коллекциям Императорского Российского Исторического Музея. Отделение «Музей Щукина». С. 128; Отчет Императорского Российского Исторического музея в Москве за 1911 г. Синод. Типогр. 1912. Рис. № 10—11. С. 52—53.
- 87 *Герасимова А.А.* Шведский морской палаш с вензелем короля Швеции Карла Юхана XIV (Бернадота) из коллекции П.И. Щукина и английские научные экспедиции первой половины XIX в.: к вопросу атрибуции памятника // Исторический музей — энциклопедия Отечественной истории и культуры. Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 199. Забелинские научные чтения — 2012. С. 134—148.
- 88 ГИМ 13745щ ор. 514; ГИМ 10170щ ор. 2610; ГИМ 10050щ ор. 2611; ГИМ 10122щ ор. 2622; ГИМ 10082щ ор. 1996; ГИМ 10187щ ор. 1984; ГИМ 10077щ ор. 2110.
- 89 ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 58. Л. 55—56.
- 90 ГИМ 10123щ ор. 7267.
- 91 ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 57. Л. 27 об.
- 92 ГИМ 9890щ ор. 1102.
- 93 ГИМ 9899щ ор. 8404.
- 94 ГИМ 10102 щ ор. 569; ГИМ 10034щ ор. 598.
- 95 ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 57. Л. 33.
- 96 Там же. Ед. хр. 90. Л. 69—70, 76 об., 78, 80—81.
- 97 Там же. Л. 109.
Там же. Ед. хр. 58. Л. 55.
- 98 ГИМ 9961щ ор. 118.
- 99 ГИМ 22611щ ор. 27/1—2; 10017щ ор. 408; 11095щ ор. 14587; 10019щ ор. 7856; 9989щ ор. 2056.
- 100 ГИМ 10199щ ор. 5461; ГИМ 10198щ ор. 5194; ГИМ 10020щ ор. 2460; ГИМ 13300щ ор. 231; ГИМ 10011щ ор. 52; ГИМ 9996щ ор. 1613; ГИМ 9995щ ор. 1217; ГИМ 10008щ ор. 2456; ГИМ 11974щ ор. 2483; ГИМ 10010щ ор. 56.
ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 56. Л. 73—74. Ружье Лазарино было куплено у Комаровой за 150 руб.
- 101 ГИМ 9910щ ор. 205.
- 102 ГИМ 9906щ ор. 8401; ГИМ 9905щ ор. 8400.
- 103 ГИМ 9906ш ор. 8400.
- 104 ГИМ 9878щ ор. 16.
- 105 ГИМ 22047щ ор. 5881.
- 106 ГИМ 10200 ор. 11.
- 107 *Щукин П.И.* Воспоминания... М., 1997. С. 219; Краткое описание Щукинского музея в Москве, составленное П.И. Щукиным и Е.В. Федоровой. М.: Тов. Тип. А.И. Мамонтова, 1895. С. 29. См. о покупке пороховницы с эмалью у московского антиквара Петра Марковича Иванова: ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 31. Л. 46.

- ¹⁰⁸ ГИМ 7613щ ок 674; ГИМ 7614щ кость 1941; ГИМ 7656щ кость 882; ГИМ 22546щ кость 885; ГИМ 7631щ кость 1943; ГИМ 7602щ кость 1938; ГИМ 7601щ кость 1937; ГИМ 7717щ кость 1945.
- ¹⁰⁹ ГИМ 7598щ ок 199; ГИМ 7619щ ок 201; ГИМ 7715щ ок 200; ГИМ 7620щ ок 203; ГИМ 7610щ ок 1573.
- ¹¹⁰ ГИМ 22388щ ор. 712; ГИМ 22386щ ор. 1723; ГИМ 9871щ ор. 1524; ГИМ 9864щ ор. 1536; ГИМ 9862щ ор. 365; ГИМ 9867щ ор. 337; ГИМ 9877щ ор. 346.
- ¹¹¹ *Верещагин В.В.* Воспоминания сына художника. Л., 1982. С. 45.
- ¹¹² ГИМ 10327щ ор. 3620/1—3; ГИМ 23412щ ор. 3726/1—3; ГИМ 10324щ ор. 3607/1—2; ГИМ 10318щ ор. 3521; ГИМ 10319щ ор. 3618; ГИМ 10325щ ор. 5109; ГИМ 10320щ ор. 3596; ГИМ 10322щ ор. 3677/1—2.
- ¹¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 28. Л. 69.
- ¹¹⁴ ГИМ 21987щ ор. 3444/1—4.
- ¹¹⁵ ГИМ 10326щ ор. 3617/1—3.
- ¹¹⁶ ГИМ 17397щ ор. 6501.
- ¹¹⁷ ГИМ 17392 ор. 5833.
- ¹¹⁸ ГИМ 9079щ ор. 4236; 9078щ ор. 4227.
- ¹¹⁹ ГИМ 7353щ ор. 5880/1—4.
- ¹²⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 265. Ед. хр. 58. Л. 59—60; ГИМ 10241щ ТМ- 88; ГИМ 10245щ ТМ-87.
- ¹²¹ ГИМ 6799щ ор. 6046, ГИМ 5391щ ор. 6058.; ГИМ 8314щ ор. 6056, ГИМ 8602щ ор. 6055; ГИМ 6912щ ор. 6054; ГИМ 9555/17809щ ор. 6049; ГИМ 5119щ ор. 6048; ГИМ 5118щ ор. 6044; ГИМ 7636щ ор. 6041; ГИМ 5130щ ор. 6038; ГИМ 5390щ ор. 6035; ГИМ 5131щ ор. 3713.
- ¹²² ГИМ 9290щ ор. 4737.
- ¹²³ ГИМ 10251щ ор. 8247; ГИМ 10252щ ТМ 98; ГИМ 10261щ ор. 8236.
- ¹²⁴ ГИМ 17811щ ор. 2788.
- ¹²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 265. Ед. хр. 28. Л. 3.

Т.А. Цапина

Алексей Иванович Станкевич — первый библиотекарь Исторического музея: к 100-летию со дня смерти

В год 150-летия Исторического музея необходимо вспомнить одного из его старейших сотрудников — Алексея Ивановича Станкевича (1856—1922), первого главного библиотекаря музея, внесшего неоценимый вклад в собирание и формирование музейного книжного собрания (рис. 1). Он проработал в музее с перерывами более 30 лет, с конца 1886 г. до самой смерти 23 января 1922 г. Имя Алексея Ивановича знакомо исследователям, занимающимся вопросами, связанными с историей Исторического, Румянцевского и Публичного музеев, Исторической библиотеки, Общества любителей российской словесности, историей библиотековедения, библиографии, книжного собирательства и др.

В отделе письменных источников (ОПИ ГИМ) хранится личный архив А.И. Станкевича¹. Особый интерес представляют его мемуарные рукописные записи — «Воспоминания», написанные им вскоре после выхода в отставку (в основном в 1915 г.) и охватывающие детство, отрочество, учебу в пансионе Креймана и Московском университете, службу в Архиве министерства иностранных дел и в Российском Историческом музее (РИМ) (рис. 2). «Воспоминания» содержат малоизвестные подробности его личной и служебной биографии, а также полны сведений о современниках А.И. Станкевича, преимущественно деятелях культуры конца XIX — начала XX в.: его коллегах по музею, историках, педагогах, издателях, коллекционерах, библиофилах и др. Нашли в них отражение и современные ему общественно-политические события. Фрагмент «Воспоминаний» был опубликован Н.Л. Зубовой в 1997 г. в сборнике, подготовленном к 125-летию музея². В настоящее время сотрудниками ОПИ ГИМ ведется подготовка к публикации полного текста «Воспоминаний». Многие факты о жизни и профессиональной деятельности Станкевича можно почерпнуть в его эпистолярном наследии, которое сосредоточено не только в его архиве, но и в фондах его коллег:

И.Е. Забелина (ф. 440), Н.С. Щербатова (ф. 270), И.М. Тарабрина (ф. 203), А.В. Орешникова (ф. 136), Н.Н. Кононова (ф. 76) и других, хранящихся в ОПИ.

Алексей Иванович Станкевич родился 4 апреля 1856 г. в Острогожске (уездном городе Воронежской губернии) в доме, принадлежавшем его прадеду Ивану Семеновичу Станкевичу (1735—1806), выходцу из Сербии. По «Воспоминаниям» можно проследить, как с самого детства шло формирование эрудированного, интересующегося человека, будущего ученого, что было, несомненно, обусловлено семейной традицией. Оба его дяди, Николай Владимирович и Александр Владимирович Станкевичи,

Рис. 1. Алексей Иванович Станкевич. Фотография. 1906 г. ГИМ

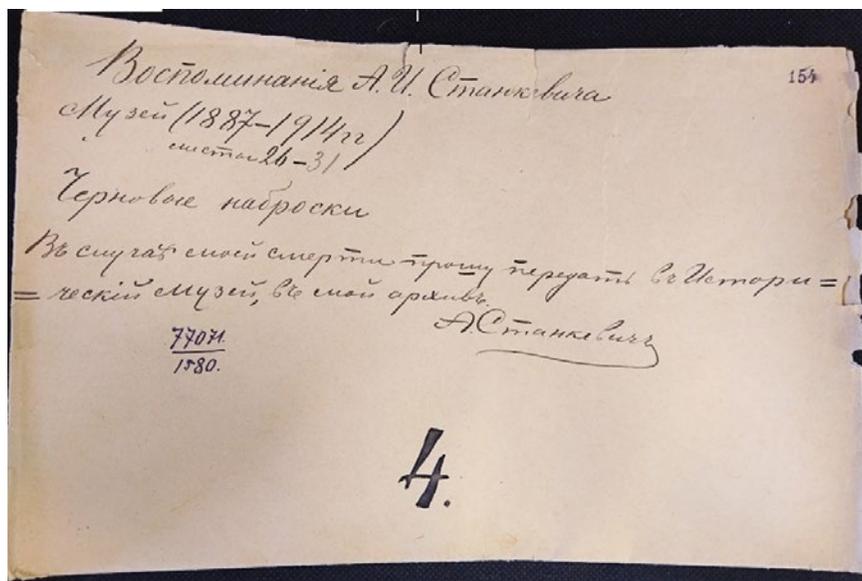

Рис. 2. Конверт от рукописи А.И. Станкевича «Воспоминания». Фотография. ГИМ

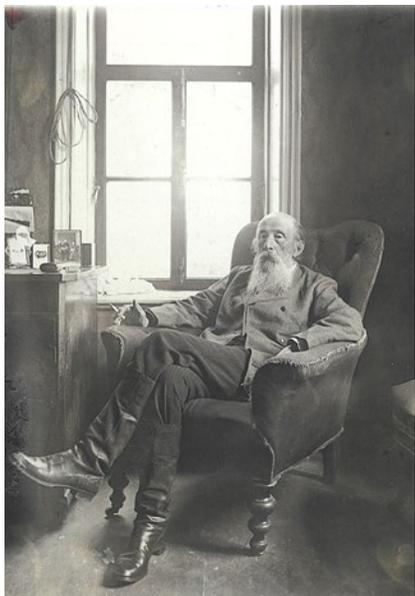

Рис. 3. Иван Владимирович Станкевич.
Фотография. 1889 г. ГИМ

Рис. 4. Дарья Алексеевна Станкевич.
Фотография. Начало 1870-х гг. ГИМ

были, как известно, знаковыми фигурами общественной и культурной жизни России XIX столетия.

Его отец Иван Владимирович Станкевич (1820—1907) окончил пансион профессора М.Г. Павлова в Москве³ (рис. 3). Там он познакомился с друзьями своего старшего брата Николая, к тому времени студента словесного факультета Московского университета, — В.Г. Белинским, братьями И.П. и П.П. Ключниковыми, А.А. Беером, К.С. Аксаковым и др. Впоследствии, окончив первый курс филологического факультета, Иван Владимирович оставил учебу и поступил в 1842 г. в Кинбургский драгунский полк. Но спустя два года 28 декабря 1844 г. вышел в отставку с чином юнкера и занялся хозяйством в своем имении и работой в земстве. Долгие годы он состоял почетным смотрителем Острогжского уездного городского училища, которому он оказывал не только материальную поддержку, но и участвовал в подборе хороших педагогов, пополнении библиотеки училища. Иван Владимирович знал иностранные языки, был начитан, великолепно музицировал. Затем, однако, прервал общение почти со всеми друзьями юности, впал в глубокую ипохондрию и жил безвыездно и замкнуто с семьей в Острогжске. Будучи одним из наиболее крупных землевладель-

цев Воронежской губернии, Иван Владимирович оставил своим детям 32 000 десятин земли и великолепный конный завод в своем имении в Удеревке.

Мать А.И. Станкевича — Дарья Алексеевна Камышева (1824—1896) — была дочерью одного из крепостных слуг его деда Владимира Ивановича Станкевича (1786—1851) и служила у него экономкой. Она отличалась красотой, природным умом, прекрасно пела, любила чтение, играла на гитаре, была вхожа в Острогжское дамское общество (рис. 4). «Как только отец близко сошелся с нею, — пишет А.И. Станкевич, — вся ее семья получила вольную и была приписана к Острогжскому купечеству, хотя большинство ее братьев продолжали служить в имении отца в звании ключников, лесничих и т.п.»⁴. Дарья Алексеевна родила мужу одиннадцать детей, двое из них умерли в младенчестве.

Родители обвенчались лишь в 1866 г., когда Алексею Ивановичу было 10 лет. Тогда же было подано прошение на Высочайшее имя, и дети были утверждены во всех правах законных детей и записаны в Дворянскую родословную книгу Воронежской губернии.

Большую роль в судьбе А.И. Станкевича сыграли его дядя Александр Владимирович Станкевич (1821—1912) и его жена Елена Константиновна (1824—1904), которые подыскивали хороших воспитателей и учителей для племянников, выбирали для них книги и учебные пособия. В семье воспитанию, образованию и здоровому образу жизни детей уделялось особое внимание. Детство Станкевича, его братьев и сестер прошло в интернациональном окружении гувернеров и гувернанток, среди которых были выходцы из Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Прибалтийского края. В семье была практика, когда в течение одного дня недели все говорили только по-английски, другой день — по-французски, третий — по-немецки. Такой языковой фундамент, заложенный с детства, несомненно, помог Станкевичу в будущем и в учебе, и на служебном поприще. На высоком уровне также было поставлено преподавание русского языка, математики, истории и музыки.

С особой благодарностью и теплотой Алексей Иванович вспоминал о своем учителе русского языка Н.П. Милюкове, приглашенном из Острогжского уездного училища, и гувернере латыше Х.Е. Бårоне. Участник младолатышского движения, находившийся под надзором полиции, Христиан Егорович более 30 лет прожил в семье Станкевичей, обучая детей математике, биологии и другим дисциплинам. Все эти годы он собирал и систематизировал народные латышские песни, дайны, которые впоследствии были изданы в шести томах и принесли ему заслуженную славу и любовь своего на-

рода; его именем названа одна из улиц Риги. Два письма Х.Е. Барона и его фотографию Станкевич сберег в своем архиве (рис. 5).

Алексей Иванович писал о себе, что с детства очень любил читать, особенно книги по истории и мифологии, сам пробовал сочинять стихи и прозу на трех языках, обладал отличной памятью и к 10 годам уже много знал из гимназического курса. Жажда знаний была характерна для него с детства. Слушая рассказы старшего брата о том, как интересно учиться в гимназии, он мечтал быстрее поступить туда, но был робок, не решался открыто попросить об этом отца и написал по-немецки на стенах садовых беседок и скамьях, что очень хочет ходить в школу. Прочитав это, отец объявил сыну, что надо немного подождать, и вот в августе 1868 г. любимый гувернер Станкевича Христиан Егорович, готовивший его к экзаменам, повез своего ученика в Москву поступать в частный пансион Креймана. На вступительных испытаниях случился небольшой конфуз с математикой, поскольку, изучая все предметы на немецком языке, Станкевич не знал русской терминологии — слова «разделить», «дробь» и другие на русском языке ему были неизвестны. Однако затем все разъяснилось, и он был зачислен в одно из лучших и самых дорогих учебных заведений Москвы.

В 1868—1877 гг. А.И. Станкевич обучался в пансионе, одной из целей которого была подготовка учащихся в университет. В то время там служили замечательные педагоги: Закон Божий преподавал протопресвитер Успенского собора в Кремле, профессор богословия Московского университета и Духовной академии Н.А. Сергиевский, латинский и древнегреческий язык — И.Х. Виберг, математику и физику — Ю.Ф. Виппер, вел занятия лингвист Ф.Ф. Фортунатов. В числе учеников гимназии в разное время были архитектор Р.И. Клейн, поэт В.Я. Брюсов, нумизмат П.В. Зубов, историк Ю.В. Готье, дети известных московских предпринимателей Абрикосовых, Боткиных, Бахрушиных и многие другие. Обучение велось достаточно прогрессивно. А.И. Станкевич вспоминал, что на Законе Божиим о. Добров, объясняя разницу между лютеранством и православием, велел ученикам вести друг с другом диспуты, благо в пансионе были учащиеся разных вероисповеданий. Из преподавателей он особо выделял учителя истории П.П. Мельгунова, который во многом способствовал развитию у него интереса к истории⁵ (рис. 6). Но, несмотря на любовь к учению, он вместе с классом дважды оставался на второй год — в шестом и седьмом классе.

В пансионе Алексей Станкевич встретил друга, прошедшего с ним через всю его жизнь. Это был Николай Горбов (1859—1921), ставший в дальнейшем известным педагогом, публицистом, пе-

Рис. 5. Христиан Егорович Барон.
Фотография. 1881 г. ГИМ

Рис. 6. Петр Павлович Мельгунов.
Фотография. 1884 г. ГИМ

реводчиком, автором учебников по истории и народному образованию, другом и последователем знаменитого просветителя С.А. Рачинского, корреспондентом Л.Н. Толстого. Юноши самостоятельно изучали Бокля, Спенсера и других иностранных ученых и публицистов, «не говоря уже о Белинском, Герцене, ...Чернышевском и прочих русских „будильниках мысли“...»⁶. А.И. Станкевич писал, что ему и его другу повезло родиться в просвещенных семьях, где велись разговоры о науке, культуре, общественно-политических реалиях.

Отец Николая, Михаил Акимович Горбов (1826—1894), выходец из купцов, знал несколько языков, был чрезвычайно интересный собеседник, и беседы с ним, по замечанию Станкевича, принесли ему огромную пользу. М.А. Горбов в конце жизни занялся переводом «Божественной комедии» Данте, который был опубликован в 1898 г.⁷ Видимо, в связи с этим изданием в архиве Станкевича сохранилось письмо к нему Николая Горбова за 1897 г., в котором он интересовался наличием в библиотеке музея двух книг о Данте⁸. К 1911 г. он сам имел библиотеку в несколько тысяч томов, о чем упоминает

в письме к другу, прося его разрешения привлечь музейных сторожей, опытных в обращении с книгами, помочь ему перевезти его библиотеку в деревню за вознаграждение. Станкевич был крестным сыном Горбовых Михаила-(13.03.1897)⁹. Уже в новой реальности, после революций 1917 г. обе семьи также не теряли друг друга из вида.

В годы учебы в пансионе Алексей Иванович увлекся коллекционированием книг и монет. На сэкономленные карманные деньги он купил собрание сочинений М.М. Хераскова, А.П. Сумарокова, сказания современников о Дмитрие Самозванце, сочинения кн. Андрея Курбского и другие, заложившие основу его библиотеки. Проникнувшись любовью ко всему старинному, Станкевич увлекся списыванием заинтересовавших его эпитафий на кладбищах. Обнаружив дома в сундуке материалы юридического характера своих предков и изучив их, Алексей Иванович почерпнул много генеалогических сведений о своей семье. А также практически прошел, как он писал, «свой первый курс палеографии» и ко времени поступления в университет свободно читал скоропись XVII—XVIII вв. Именно в гимназии, познакомившись с сочинением Адама Олеария о путешествии в Московию, он впервые заинтересовался свидетельствами иностранцев о России; впоследствии эта тема (Росика) станет главной в его научных интересах.

Семейная традиция и собственные гуманитарные интересы привели А.И. Станкевича в 1877 г. на историко-филологический факультет Московского университета, годы учебы в котором (1877—1882) он считал самыми счастливыми в жизни. В то время там служила плеяда прекрасных преподавателей, обладавших большой эрудицией, глубокими знаниями и лекторскими способностями — «все талантливые и глубоученые»: В.И. Герье, В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, Н.С. Тихонравов, Н.И. Стороженко, И.В. Цветаев, Ф.Е. Корш и др. Интересно сравнить записи Станкевича с воспоминаниями об учебе и преподавателях его однокурсника — П.Н. Милокова, будущего лидера партии кадетов и министра иностранных дел Временного правительства¹⁰.

А.И. Станкевич особенно выделял гуманное отношение администрации Университета к учащимся. В эпоху студенческих волнений начала 1880-х гг. генерал-губернатор Москвы кн. В.А. Долгоруков неоднократно совещался с ректором Н.С. Тихонравовым о способах прекращения волнений и, как писал Станкевич, за все время его пребывания в университете полиция ни разу не вводилась в стены университета. Алексею Ивановичу, как он писал, была близка университетская атмосфера в годы его учебы, когда с особой силой воскресли традиции 1840-х — 1860-х гг., авторами и носите-

лями которых были в том числе и оба его дяди — Н.В. и А.В. Станкевичи. Очень активно происходило межфакультетское общение: юристы, историки-филологи, медики ходили друг к другу на лекции. На историко-филологическом факультете сложился кружок, куда входили студенты разных курсов: А.И. Станкевич, В.Н. Беркут, М.К. Любавский (будущий ректор Московского университета), вышеупомянутый П.Н. Милюков, Р.Ю. Виппер (будущий профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории), князь Н.Д. Долгорукий (в дальнейшем известный земский деятель, благотворитель и меценат), а также и будущий коллега Станкевича — Семен Осипович Долгов (впоследствии главный библиотекарь Московского Публичного и Румянцевского музеев). Сохранилась их переписка, касавшаяся пополнения книгами библиотеки РИМ.

Несколько запоздав со сдачей профессору Н.С. Тихонравову курсовой работы по истории русской литературы, Алексей Иванович был оставлен на втором курсе на второй год. Однако он пишет, что ничего от этой ситуации не потерял, а скорее выиграл, так как лекции каждый год читались по-разному. И многие серьезные студенты специально ради этого оставались на второй год, если узнавали, что интересующий их профессор будет вести занятия в следующем году.

Кандидатское сочинение об Афанасии Филипповиче, известном общественном и религиозном деятеле и публицисте Речи Посполитой первой половине XVII в., Станкевич писал под руководством профессора В.О. Ключевского.

Покинув стены *alma mater* в январе 1883 г. в высшей степени образованным юношей, Станкевич стремился сразу приступить к работе. Из-за отсутствия вакансий ему не удалось устроиться в Румянцевский музей и в архив министерства юстиции. Однако 22 февраля 1883 г. он поступил на службу чиновником сверх штата в один из старейших архивов Российской империи — Московский главный архив министерства иностранных дел. 20 июля 1883 г., согласно циркуляру по ведомству иностранных дел, Станкевич был утвержден в чине коллежского секретаря и осенью того же года назначен заведующим читальной комнатой¹¹. В архив за получением различного рода справок, выписками и документами приходили исследователи, художники, частные лица. Добросовестно выполняя свою работу и подыскивая нужный материал, Станкевич, по его признанию, накопил массу разнообразных сведений по истории, генеалогии, палеографии, библиографии и пр. Три года работы в этом учреждении он вспоминал как возможность интереснейшего общения с посетителями архива. За время работы в архиве А.И. Станкевичем был опубликован его первый научный труд: «Игумен Афанасий Филип-

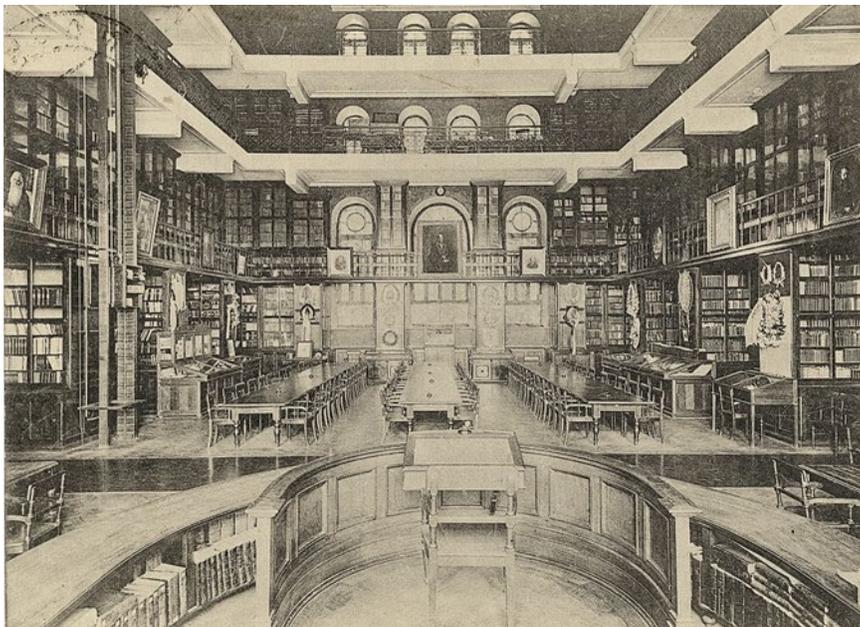

Рис. 7. Читальный зал библиотеки РИМ. Почтовая карточка. 1912 г. ГИМ

пович и шляхтич Иван Луб»¹². В 1885 г. он получил штатное место делопроизводителя, а в ноябре 1886 г. — чин титулярного советника. Однако, несмотря на продвижение по службе, он начал испытывать усталость и раздражение от постоянных придирок руководителя архива Ф.А. Бюлера, неудовлетворенность от преобладания бюрократических заданий в ущерб научным и стал задумываться о смене места службы.

В это время товарищ председателя РИМ Иван Егорович Забелин, знавший Алексея Ивановича практически с детства, так как был дружен с его дядями, предложил ему место библиотекаря в музее. 17 ноября 1886 г. Станкевич был уволен от службы в архиве. В фонде Забелина сохранилось письмо к нему Станкевича за конец ноября 1886 г. Из него следует, что Алексей Иванович собирался нанести Забелину визит, чтобы обсудить детали будущего назначения, звонил в дверь, но ему, видимо, по недоразумению, не отворили¹³. В ответном письме от 27 ноября 1886 г. И.Е. Забелин наставлял будущего коллегу: «Сожалею, что Вы не дозвонились, но все-таки крепость надо было взять без церемоний, которых в деловых отношениях не должно существовать»¹⁴. Штаты музея в это время еще не были утверждены, но Станкевич, по совету Забелина, стал ходить в музей знакомиться с его

коллекцией и заниматься разборкой уже имевшихся в музее книг, сложенных в цокольном этаже, «так как библиотечные залы еще не были оштукатурены и книжные шкафы отсутствовали»¹⁵. К моменту поступления Алексея Ивановича в музей туда уже были свезены книжные собрания историка М.Д. Хмырова, профессора кафедры истории искусств Московского университета К.К. Герца, филолога Д.М. Щепкина.

1 января 1887 г. А.И. Станкевич, «согласно прошению», был определен на службу в РИМ на должность библиотекаря (рис. 7). Едва освоившись с вышеупомянутыми книжными собраниями, он был привлечен к приему Чертковской и Голицынской библиотек¹⁶, переданных музею Московской городской думой и размещавшихся до открытия библиотеки РИМ в Румянцевском музее. Не лишним будет упомянуть, что председателем Комиссии о принятии Чертковской библиотеки в собственность города Москвы, а затем и попечителем Чертковской и Голицынской библиотек в 1873—1877 гг. был родной дядя Алексея Ивановича — Александр Владимирович Станкевич. В том же 1887 г. в музей поступили библиотека князя А.И. Барятинского¹⁷, небольшая библиотека Н.Н. Муравьева-Карского, и закончился, как писал позднее многолетний сотрудник Исторического музея И.Н. Розанов, «эмбриональный период существования библиотеки»¹⁸.

Будучи истинным библиографом и библиофилом, Станкевич подробно описал в «Воспоминаниях» составы библиотек, особенно выделяя произведшие на него впечатление своей логичностью и полезностью нумерацию отдельных отделов и каталог библиотеки князя А.И. Барятинского. Несмотря на невероятную загруженность сотрудников, связанную с разбором поступивших огромных книжных собраний, в отчетах музея за 1887 г. отмечено, что уже с апреля месяца одновременно с расстановкой книг велся прием посетителей¹⁹. В отделе редких книг ГПИБ хранится «Книга записывания

Рис. 8. Алексей Иванович Станкевич. Фотография. 1887 г. ГИМ

книг, выданных из библиотеки Императорского Российского Исторического музея». Первая запись значитса за 19 марта 1887 г., последняя — 14 июня 1913 г.

В 1888 г. после смерти купца и библиофила П.В. Щапова в соответствии с завещанием в музей поступило его крупнейшее частное книжное собрание. И для Станкевича наступила, как он писал, «блаженная пора», когда он не только будни, но и выходные проводил среди ее книжных сокровищ, изучив, по его словам, «такой курс библиографии, который редко кому удастся пройти за всю жизнь». В подготовленном помещении для библиотеки в 1889 г. установили шкафы. И Станкевич, помощник библиотекаря С.С. Юрьев и еще два служителя приступили к переносу всех книжных собраний, часть из которых до тех пор находилась еще в ящиках, в новое помещение.

Первоначально И.Е. Забелин курировал деятельность А.И. Станкевича. В архиве отложился черновик письма И.Е. Забелина за 1889 г., написанный «без церемоний», где он выражал недовольство отчетом по библиотеке; он настаивал, чтоб без его ведома Станкевич никаких покупок и подписок на журналы не совершал, за исключением безотлагательных, о которых просил немедленно его уведомлять²⁰.

Пополнение библиотеки РИМ продолжалось. В музей поступили коллекции книг профессора слависта А.А. Котляревского (1894), известного земского деятеля и специалиста по древностям Владимирской губернии Н.С. Стромиллова (1896), московского коллекционера А.П. Бахрушина (1904). Поступали библиотеки от жертвователей и изредка приобретались отдельные книжные издания. Таким образом, как значитса в «Отчете» РИМ за 1883—1908 гг., к тому времени библиотека: включала в себя около 200 000 книг, брошюр, вырезок и пр.; представляла собой «превосходное в своей полноте собрание русских книг, начиная с введения гражданского шрифта до 50-х годов XIX столетия, великолепную коллекцию книг церковно-славянской печати, замечательное собрание сказаний иностранцев о России, прекрасный подбор книг по истории искусств <...> превосходное собрание книг по славистике <...> все наиболее важное, что касается до истории, литературы, искусства, археологии и этнографии России с 50-х годов XIX века <...>»²¹.

Все это богатство было в распоряжении главного библиотекаря РИМ А.И. Станкевича, поставившего себе за правило знакомиться с содержанием каждой из поступивших книг, чтобы давать читателям исчерпывающую консультацию об их наличии и содержании. Он вспоминал, что И.Е. Забелин учил служащих библиотеки относиться с вниманием и уважением к любому читательскому запросу;

порой они прикладывали большие усилия, чтоб найти книгу, автор или название которой были указаны неверно, но такое отношение, не без гордости отмечал Станкевич, делало библиотеку РИМ более посещаемой, нежели Румянцевский музей. Сотрудники библиотеки вслед за директором музея И.Е. Забелиным воспринимали свое служение в первую очередь как просветительство. Когда был поднят в министерстве вопрос о плате за вход в музей, Забелин был категорически против и говорил о том, что надо всеми способами привлекать в музей посетителей. «Орган, что ли, хороший, завести?», — приводит Станкевич шуточные слова И.Е. Забелина. — «Пришли бы ради музыки и поучились бы памятникам старины»²². Возможно, одним из способов привлечения посетителей в библиотеку музея был выпуск в 1912 г. почтовой карточки с изображением просторного светлого читального зала, приуроченный к 25-летию музейной библиотеки. В том же году в музее широко отмечалось 25-летие службы старейших сотрудников: А.И. Станкевича, А.В. Орешникова и В.Н. Щепкина. Чествуя заслуги юбиляров, вся администрация музея во главе с директором Н.С. Щербатовым собралась в большой зале, где был отслужен торжественный молебен, а вечером в ресторане Прага состоялся праздничный обед. Сотрудники библиотеки поднесли Алексею Ивановичу икону Св. Алексея²³.

Деятельность Станкевича на посту библиотекаря музея высоко ценилась почетным председателем Управления РИМ великим князем Сергеем Александровичем. Еще на заре своей службы в библиотеке через посредничество князя Н.С. Щербатова Алексей Иванович был привлечен к разбору библиотеки великого князя в его имении в Ильинском. Там он прожил полтора месяца и произвел на великого князя очень хорошее впечатление. Мнение Станкевича по различным вопросам библиотекведения и библиографии было для него чрезвычайно авторитетным. В 1904 г. умер ученый секретарь музея В.И. Сизов и занять эту должность И.Е. Забелин предложил Станкевичу. Тогда великий князь, по воспоминаниям Алексея Ивановича, заявил, что «не может себе представить библиотеки музея без меня, и что он очень желает, чтобы я не покидал ее»²⁴. Он обещал ходатайствовать перед Николаем II о повышении должности библиотекаря, лишь бы Станкевич остался (в «Табели о рангах» библиотекарь значился восьмым классом, а ученый секретарь — шестым). Алексей Иванович согласился, однако из-за гибели великого князя повышение должности библиотекаря не состоялось.

В разные годы при непосредственном участии А.И. Станкевича были образованы особые подразделения библиотеки, посвященные: Н.В. Гоголю, А.С. Грибоедову, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Тол-

Рис. 9. Алексей Иванович Станкевич в комнате Ф.М. Достоевского.
Фотография. 1900 г. ГИМ

стому, М.Д. Щепкину (рис. 9). К началу XX столетия в Историческом музее наметилась практика создания мемориальных комнат выдающихся писателей. Музеем, по словам И.Е. Забелина, было «положено себе в особую обязанность всеми средствами стараться сгруппировать в стенах музея и архивы достопамятных отечествен-

ных писателей с отводом для них особых помещений с присвоением им имен их...»²⁵. Своему общению с вдовой Ф.М. Достоевского Анной Григорьевной и женой Л.Н. Толстого Софьей Андреевной по поводу организации соответствующих отделов Алексей Иванович уделил в своих «Воспоминаниях» несколько чрезвычайно любопытных и информативных страниц.

Несомненная заслуга принадлежит А.И. Станкевичу в том, что он много способствовал пополнению собрания музея, в который регулярно поступали дары почитателей и друзей музея (историков, археологов, писателей, музейных работников, коллекционеров, деятелей церкви). Он вел с ними переговоры, заинтересовывал, убеждал, например, способствовал приобретению у М.С. Бегичевой подлинной рукописи А.С. Грибоедова «Горе от ума», а также его писем.

Следует отметить, что на начальном этапе организации музея все входившие в состав книжных коллекций материалы (рукописи, старопечатные книги, архивные, картографические материалы, фотографии, гравюры, вырезки из газет) направлялись в библиотеку музея²⁶.

А.И. Станкевич пользовался заслуженным авторитетом как высокий профессионал в библиотечном деле, историк, книговед и библиограф. Многолетний сотрудник ГИМ, возглавлявший Отдел истории русской книги при музее в 1921—1941 гг., книговед и библиофил И.Н. Розанов, вспоминал, что «в ученном мире к нему [Станкевичу. — Т.Ц.] за советами и указаниями обращались каждый раз, когда указания библиографических пособий оказывались недостаточными»²⁷. Такие антиквари и букинисты, как С.Т. Большаков, А.А. Астапов, А.М. Старицын, П.П. Шибинов, В.И. Клочков и В.Н. Соловьев охотно вели с Алексеем Ивановичем деловое общение, основанное на взаимном доверии. Были у Станкевича и постоянные поставщики среди заграничных книготорговцев, таких как К. Гирземан, И. Бэр и Ш. Вальтер. Благодаря родственным связям А.И. Станкевича в музей поступила библиотека его двоюродного брата-криминалиста и писателя Владимира Карловича Вульфберта (1844—1906). В 1912 г. согласно воле знаменитого дяди Алексея Ивановича — Александра Владимировича Станкевича (1821—1912), в музей был передан архив известного педагога и писателя Я.М. Неверова (1810—1893), члена кружков Т.Н. Грановского и Н.В. Станкевича²⁸. Бумаги семьи Щепкиных, с которыми Алексей Иванович был в родстве, попали в музей также при его содействии²⁹.

Обогатил музей своими книгами, собранными им коллекциями и сам А.И. Станкевич. Уже в самом начале своей службы в 1887 г. он подарил РИМ рукописное Евангелие XVI столетия с вкладной за-

письму³⁰. И в дальнейшем он неоднократно совершал пожертвования, а после отставки передал музею библиотеку, собрание гравюр, литографий, фотографий, портретов русских деятелей XIX в. О библиотеке А.И. Станкевича в ОПИ ГИМ напоминают отдельные книги. Среди них, например, можно отметить рукописный сборник конца XVIII в., подаренный ему в 1885 г. историком М.П. Пуцилло и переданный им в библиотеку музея в 1889 г., о чем на форзаце книги имеются соответствующие записи³¹. Передал Станкевич в музей и свой архив, о чем сообщалось в Отчетах ГИМ за 1915 г.³² Алексей Иванович пополнял архив до конца своей жизни.

И.Н. Розанов писал о том, что для дореволюционного периода Исторического музея характерны традиционность и патриархальность³³. Многие сотрудники служили в нем десятки лет: И.Е. Забелин более тридцати лет возглавлял музей; А.И. Станкевич проработал в музее тридцать лет; в феврале 1887 г. двоюродный брат Станкевича — Вячеслав Николаевич Щепкин (1863—1920) был определен помощником хранителя РИМ, а в 1912 г. возглавил созданный им отдел рукописей РИМ.

Служба Алексея Ивановича Станкевича в музее в должности библиотекаря — тема отдельного изучения. Годы, проведенные им в стенах музея, он считал самыми счастливыми после университетских. «Я любил свое дело, верил в него, видел, что приношу пользу многим, а вместе с тем постоянно сам учился», — писал он в 1915 г.³⁴

Занятия историей и литературой А.И. Станкевич не ограничивал стенами музея. На VIII Археологическом съезде, проходившем в РИМ в 1890 г., он сделал доклад (в отделении древнерусских памятников литературы и языка) о принесенной в дар Московскому археологическому обществу (МАО) рукописи середины XVIII в., представлявшей собой перевод известного в свое время романа «Азиатская Баниза»³⁵ (рис. 10). Вскоре после этого он был избран в члены-соревнователи Общества и определен в помощники библиотекаря. Впоследствии он был избран библиотекарем МАО и вместе с этим, согласно Уставу, в действительные члены Общества (15.03.1891) и занимался приведением в порядок библиотеки до 1893 г., когда вынужден был отказаться от исполнения своих обязанностей. В письме (от 15.12.1893) председатель МАО графиня Прасковья Сергеевна Уварова выразила искреннее сожаление по поводу его ухода³⁶. Но и в дальнейшем Станкевич находился в тесном контакте с Обществом, посещая его заседания и регулярно выдавая по его запросам издания, хранившиеся в музее, о чем свидетельствует около 70 писем за 1893—1912 гг.³⁷ Кроме того, он входил в «Комиссию по изучению Москвы» организованную МАО³⁸.

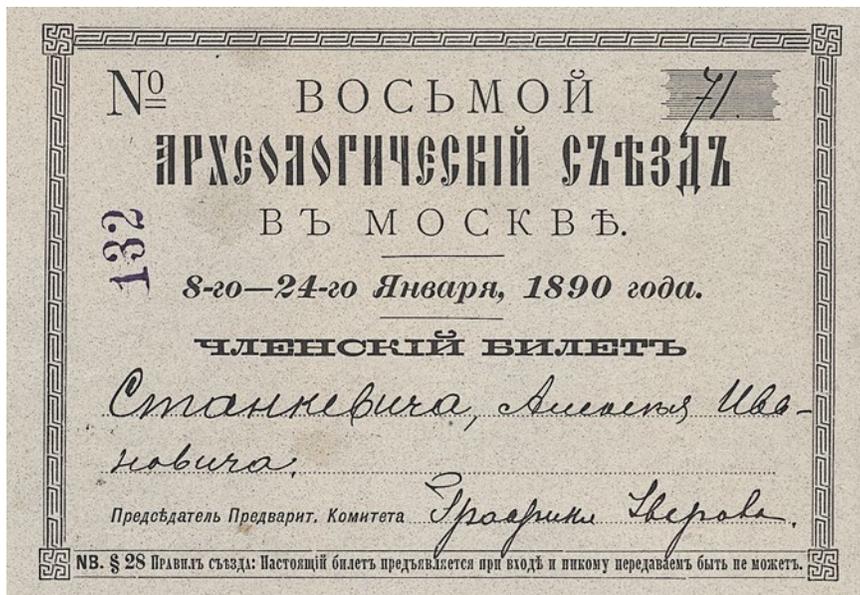

Рис. 10. Членский билет участника VIII Археологического съезда А.И. Станкевича. 1890 г. ГИМ

С 1889 г. Станкевич по совету и при поддержке своего бывшего университетского преподавателя профессора Николая Саввича Тихонравова был избран членом Общества любителей российской словесности (ОЛРС), а в 1891—1894 гг. исполнял должность секретаря. В его обязанности, как он сам писал, входило, в том числе, распределение билетов на публичные заседания Общества, которые были чрезвычайно популярны. И желающих их посетить порой бывало в три-четыре раза больше, чем могла в себя вместить актовая зала Московского университета на 400 человек. В архиве А.И. Станкевича сохранились письма от разных лиц с просьбами посодействовать получению входных билетов на эти заседания.

В качестве секретаря ОЛРС Алексей Иванович принимал деятельное участие в организации юбилейных выставок памяти В.Г. Белинского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, П.С. Мочалова, М.С. Щепкина и др. Некоторые из них проходили в залах Исторического музея, как, например, выставка памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского к 50-летию смерти обоих (21.02. — 12.04.1902) и выставка к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина (29.05. — 13.06.1899)³⁹. Он же отвечал за контакты с газетными репортерами, которым, назначая определенные дни, давал комментарии по вы-

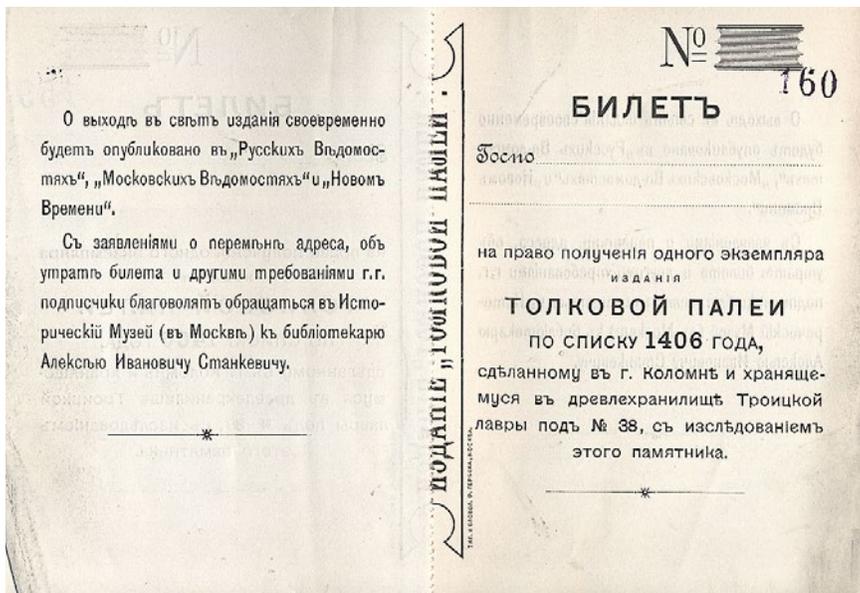

Рис. 11. Билет подписки на получение экземпляра издания Толковой Палеи.
1890–1891 гг. ГИМ

ставкам. В его записных книжках и письмах содержится важная информация о представленных им на выставки предметах.

С именем профессора Н.С. Тихонравова связано и сотрудничество А.И. Станкевича в задуманном учениками и почитателями ученого фундаментальном издании Толковой Палеи в качестве подношения по случаю 40-летия его научной деятельности⁴⁰. В подготовке к публикации принимали участие С.О. Долгов, А.А. Шахматов, В.Н. Щепкин, П.А. Лавров и др. На Алексея Ивановича были возложены обязанности казначея и секретаря этого предприятия: он вел приходно-расходные записи, организовывал подписку на издание, из собранных денег оплачивал бумагу и печать и пр.⁴¹ (рис. 11). Результатом предпринятых усилий стал коллективный труд «Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.»⁴². В «Воспоминаниях» А.И. Станкевич с большой теплотой описал встречи участников издания, которые первоначально проходили в чьем-нибудь доме, а затем в одной из комнат канцелярии Исторического музея. Исчерпав вопросы, связанные с изданием «Палеи толковой...», собравшиеся подолгу засиживались, ведя беседы о текущих событиях, новостях науки и культуры, а также вспоминая университетские годы.

Алексей Иванович родился в городе Острогожске и всю жизнь был тесно связан с Воронежской губернией, где в имениях Станкевичей Удеревка и Курлак, унаследованных им вдвоем с братом по смерти отца и дяди в 1912 г., проживал и он с семьей, и его родные. Станкевич всегда интересовался и изучал генеалогию своего рода, поддерживал контакты с Воронежской губернской ученой архивной комиссией (с 1900 г. был избран действительным членом). В 1914 г. Алексей Иванович предоставил фотокарточки своего знаменитого дяди на выставку, организованной по случаю своего 50-летнего юбилея Воронежской публичной библиотекой (ныне — Воронежская областная универсальная научная библиотека имени И.С. Никитина), одним из основателей которой был А.В. Станкевич. Сохранились письма сотрудников библиотеки к А.И. Станкевичу с благодарностью за предоставленные экспонаты⁴³.

В конце 1880-х гг. Алексей Иванович Станкевич по предложению Забелина был избран в члены-соревнователи Общества истории и древностей российских (ОИДР), а в 1904 г. он стал действительным членом во внимание к его деятельности по переводу записок иностранцев-путешественников о России. Уведомление об избрании было подписано В.О. Ключевским⁴⁴.

Многие годы А.И. Станкевич занимался научно-исследовательской работой, был автором нескольких десятков научных статей и публикаций. К письму, адресованному известному палеографу и библиографу П.Н. Симони в мае 1906 г., отправляя ему свою автобиографию и портрет, Алексей Иванович приложил рукописный список опубликованных им работ, состоящий из 23 наименований. Позже, в 1919 г., составляя автобиографию, очевидно, для поступления вновь на работу в Исторический музей, он писал в ней, что список его трудов можно почерпнуть в «Словаре членов Общества любителей российской словесности», изданном к 100-летию ОЛРС в 1911 г.⁴⁵

Научные труды А.И. Станкевича стали выходить с середины 1880-х гг. Им были опубликованы такие работы, как «Альзира Вольтера в переводе Фонвизина» (1887), «Отрывки былины об Алеше Поповиче по списку XVII века» (1894) и др. Однако своим в полном смысле первым серьезным научным трудом А.И. Станкевич считал выполненный им перевод с английского языка «Известия, касающиеся подробностей бунта Стеньки Разина 1672 г.», вышедший в 1895 г. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете». Перечислим еще некоторые работы А.И. Станкевича, опубликованные с 1896 по 1910-е гг., сами названия которых демонстрирует разнообразие

его научных интересов, важнейшими из которых были сочинения иностранцев о России. Итак: «Какаш и Тектандер». Путешествие в Персию через Московию 1602—1603 г. Перевод с немецкого. (1896); «Письмо Т. Грановского к Д.И. Мейеру» (1900); «К истории изданий «Горе от ума» (1901); «К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена». Перевод с немецкого языка (1903); «Загадочный портрет с тайнописью»; «Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тасканскому Козьме III о Московии». Перевод с латинского языка (1906); «Неизвестное введение к поэме «Демон» (1910). Публиковал он также и критические заметки о новых книгах по археологии в журнале «Археологические известия и заметки», часто не подписывая их или ставя инициалы А.С.

Особого внимания заслуживают работы Алексея Ивановича по увековечиванию памяти его дяди — Николая Владимировича Станкевича (1813—1840). Несколько лет он вел переписку с библиофилами, своими родственниками и друзьями Н.В. Станкевича на предмет выявления неизвестных ранее писем и сочинений своего знаменитого родственника. Эта переписка сама по себе представляет ценный исторический источник и хранится в архиве А.И. Станкевича. Итогом скрупулезных поисков стало два фундаментальных издания с комментариями и предисловиями А.И. Станкевича: «Николай Владимирович Станкевич. Стихотворения. Трагедия. Проза» (1890) и «Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840» (1914)⁴⁶.

Из неизданных работ А.И. Станкевича необходимо отметить рукопись с биографическим очерком, посвященным археологу, историку и поэту М.А. Веневитинову (1844—1901), директору Румянцевского музея (1896—1901), предводителю дворянства Воронежской губернии⁴⁷. Доклад на эту тему был прочитан А.И. Станкевичем 27 ноября 1901 г. на заседании МАО, однако не был опубликован, так как требовал доработки. Известно, что Алексей Иванович был лично знаком с Михаилом Алексеевичем Веневитиновым, писавшим краеведческие статьи и книги, изучавшим историю рода Веневитиновых и по его предложению участвовавшим в распространении благотворительного издания Воронежского статистического комитета⁴⁸. Вероятно, взаимоотношения А.И. Станкевича с М.А. Веневитиновым базировались, в том числе и на интересе и любви обоих к воронежскому краю, где оба владели именьями и принимали участие в его общественной жизни. Сохранился в архиве и рукописный очерк А.И. Станкевича, скорее всего, написанный в 1921 г. о своем уже умершем в 1920 г. двоюродном брате, вышеупомянутом В.Н. Щепкине, заведующем отделом рукописей музея. Волею

судьбы случилось так, что некрологи В.Н. Щепкина и А.И. Станкевича были опубликованы в «Отчете государственного исторического музея за 1916—1925 гг. следующими друг за другом»⁴⁹. Там же, в разделе о научно-исследовательской работе отмечено, что после смерти редкого знатока книги А.И. Станкевича осталась начатая им работа по библиографическому описанию сказаний иностранцев о России на различных языках.

В 1907 г. ушел из жизни отец Станкевича, а в 1912 г. умер дядя Александр Владимирович. От них он с братом Иваном унаследовал два крупных имения — Удеревку и Курлак в Воронежской губернии. Хозяйственные дела, а также подрастающие дети, с которыми Станкевич любил проводить время, желание поработать в земстве, заняться домашним архивом, генеалогическими исследованиями и другие соображения вынудили его в конце 1913 г. подать прошение об отставке. Как значится в протоколах заседания Совета музея от 1 февраля 1914 г., узнав о решении Алексея Ивановича оставить службу, товарищ председателя РИМ Н.С. Щербатов выразил общую мысль, что он и сотрудники музея «проникнуты живейшей скорбью, теряя в нем всеми уважаемого и любимого сотрудника... вынесшего на своих плечах как колоссальную работу по приему в музей всех трех основных библиотек, так и первоначальное устройство самой библиотеки музея»⁵⁰. Совет РИМ постановил единогласно избрать А.И. Станкевича почетным членом музея и просить согласия Алексея Ивановича на помещение его портрета в Библиотеке⁵¹. 9 января 1914 г. был подписан протокол о передаче Алексеем Ивановичем Станкевичем Библиотеки музея новому главному библиотекарю — Константину Станиславовичу Кузьминскому, выпускнику историко-филологического факультета Московского университета, работавшему в качестве помощника библиотекаря с 1902 г.⁵²

За годы работы в музее А.И. Станкевич был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени и орденом Св. Владимира 4-й степени. Просматривая протоколы заседаний Совета за последующие годы перед революцией видно, что Станкевич неоднократно присутствовал на заседаниях Совета, подписывал протоколы заседаний, получал музейные отчеты. Переписка его с сотрудниками музея — И.М. Тарабриным, Н.Н. Кононовым и другими, свидетельствует о неизменном интересе его к родному музею. 11 апреля 1915 г. на заседании совета РИМ было доложено о намерении Станкевича передать музею свой архив⁵³.

Годы после отставки Станкевич проводил в кругу семьи: жены Марии Алексеевны Голостеновой (1867—1922), двух сыновей — Ни-

Рис. 12. Мария Алексеевна Станкевич.
Фотография. 1909 г. ГИМ

Рис. 13. Николай Алексеевич Станкевич.
Фотография. 1915 г. ГИМ

колая (1897—1942) и Александра (1901—1982) и двух дочерей — Надежды (1902—1934) и Марии (1904—1997) (рис. 12—15).

Станкевич женился 24 августа 1892 г. на своей дальней родственнице, которая была моложе его на 12 лет. В архиве Алексея Ивановича сохранилось письмо к нему от будущего тестя, А. Голостенова, в котором он ему дает согласие на брак со своей дочерью и пишет, что хотя помнит А.И. Станкевича «мальчиком Алешей, но все-таки по мере вашего развития и воспитания ... вы пользовались безупречной репутацией в общественном мнении»⁵⁴. Мария Алексеевна закончила Елизаветинский институт, училась музыке у композитора С.И. Танеева, была замечательным исполнителем, а также сама сочиняла музыку. На ее счету около 50 произведений, некоторые ноты сохранились в архиве⁵⁵ (рис. 16). Она была страстной путешественницей, побывала на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды, печатала заметки о своих путешествиях в различных журналах. Из ее писем к мужу видно, что это был союз, основанный на любви, взаимном интересе и уважении, несмотря на очень раз-

Рис. 14. Александр Станкевич.
Фотография. 1914 г. ГИМ

Рис. 15. Надежда Алексеевна и Мария
Алексеевна Станкевич (младшая).
Фотография. [1909]. ГИМ

ные темпераменты. В одном из них Мария Алексеевна пишет, что ей иногда кажется, что «всеурычаг у Вас — немецкая рассудительность и холодность. Я же бываю под час вулканиста»⁵⁶.

А.И. Станкевич был глубоко семейным человеком. Еще находясь на службе в музее, он неоднократно в письмах просил И.Е. Забелина продлить или перенести его отпуск по семейным обстоятельствам⁵⁷. После рождения первенца Николая он писал Забелину, что боится оставить жену одну в имении, так как все родные разъехались. В другой раз он отпрашивался в виду необходимости ухаживать за отцом, в третий — стремился в имение отметить именины отца и дяди, как это было принято у них в семье. Станкевич был чрезвычайно трепетным и внимательным отцом. В его записной книжке помечено, когда и у кого из детей прорезались первые зубы, когда дали первый прикорм, он фиксировал забавные и милые детские реплики. Его внучка, Евгения Добрынина, передавала со слов своей мамы, что порой Алексей Иванович покупал билеты для няни и гувернантки в театр, чтобы остаться с детьми наедине⁵⁸.

Рис. 16. Обложка сборника музыкальных произведений М.А. Станкевич.
Конец XIX – начало XX в. ГИМ

В 1912 г. А.И. Станкевич по просьбе жены приобрел дом на Никитском бульваре, 19. Семья заняла весь бельэтаж, состоявший из 18 комнат; верхний и нижний этажи сдавались. В этом доме, по воспоминаниям его дочери, они вели счастливую, насыщенную, интересную жизнь. По средам устраивались журфиксы, на которых присутствовало до 100 человек. Их посещали как ученые друзья Алексея Ивановича, так и артистические знакомые Марии Алексеевны. Туда приходили В. Маяковский, А. Белый, О. Книппер-Чехова. В годы Первой мировой войны Алексей Иванович передал безвозмездно левое крыло нижнего этажа дома под госпиталь.

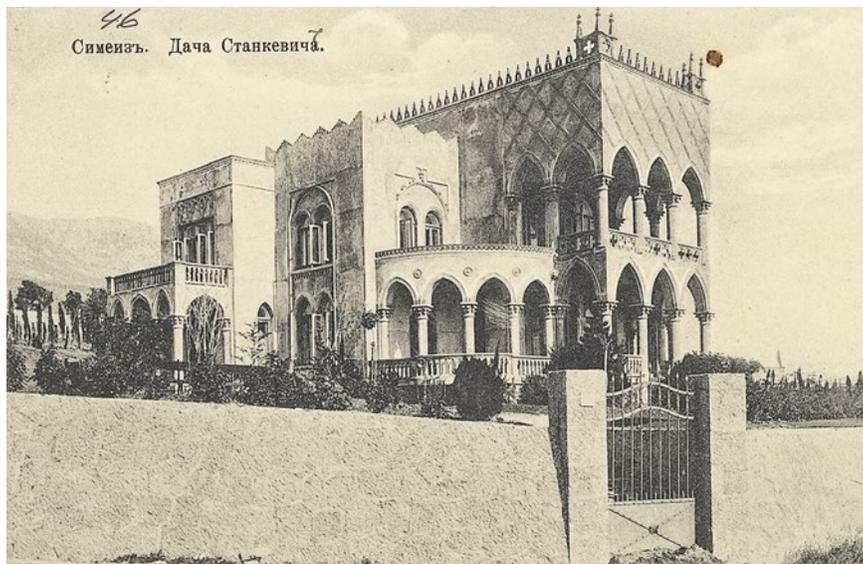

Рис. 17. Дача Станкевичей в Симеизе. Почтовая карточка. [1912?]. ГИМ

В 1910 г. Мария Алексеевна купила землю в Симеизе, где в стиле неоготика была построена вилла Миро-Маре, ставшая сосредоточением культурной жизни Нового Симеиза (рис. 17). На первом этаже была устроена большая музыкальная гостиная, где стоял рояль фирмы Бехштейн и проводились музыкальные вечера. Здесь можно было увидеть знакомого Марии Алексеевны — Сергея Рахманинова⁵⁹. Именно в Симеиз в августе 1917 г. на лечение больной руки приехала Мария Алексеевна с детьми, не подозревая, что больше никогда не увидит любимого мужа. В одном из писем дочери Надежды к отцу (от 23.09.1917) сохранилось описание переезда в Крым⁶⁰. Письма дочерей к отцу за 1918 г. достаточно радостны; они играют в лаун-теннис, гуляют со сверстниками, ходят в кинематограф, занимаются с учителями, купаются. Но постепенно их положение ухудшается. Из письма младшей дочери Марии (Муры) за 7 октября 1921 г. к отцу мы узнаем, что в их доме разместился детский сад, затем детский дом. Мария служила в курортном управлении в Симеизе. Чтобы прокормиться, они завели свинью и кур. Однако, несмотря на сложности, дочери, как и положено детям такого великого книголюбца, как их отец А.И. Станкевич, поглощены чтением; в письмах много места уделено перечню литературных произведений и их оценке. (См.: Приложение № 1.) Мария Алексеевна в эти годы много сочиняла музыки, в которой она всегда находила отдохновение и уте-

шение. В одном из писем к мужу она интересовалась, нельзя ли устроить издание ее новых музыкальных произведений. Здесь же известный художник Н.К. Бодаревский (автор портретов композиторов, украшавших Большой зал Московской консерватории) написал портреты Марии Алексеевны и девочек (рис. 18). В силу ряда причин Марии Алексеевне с дочерьми не удалось вернуться в Москву. Сюда же пришло известие о смерти 23 января 1922 г. А.И. Станкевича.

События февраля и октября 1917 г. Алексей Иванович встретил в Москве. За этот год сохранилось несколько «сведений» Московского городского продовольственного комитета о выдаче ему как домовладельцу карточек на покупку хлеба и сахара. В доме на тот момент жили не только А.И. Станкевич с сыном Александром, учеником гимназии Флерова, и прислугой, а также жильцы из сданных комнат в наем, но и по-прежнему располагался городской лазарет № 1051.

Весной 1918 г. в газетах появились сообщения о пожаре в имении Курлак. Станкевич сохранил выпуск газеты «Власть народа» за 24 (11) марта 1918 г., где в заметке «Разгром имения» было напечатано: «В Бобровском уезде разгромлено громадное имение Станкевичей. Скот уведен, инвентарь расхищен». О том же грабеже было напечатано и в сохраненной им газете «Утро России»⁶¹. Можно только предполагать, что происходило в душе А.И. Станкевича, когда ему стало об этом известно. Со слов своей матери, внучка А.И. Станкевича писала, что к нему в 1918 г. приезжала делегация крестьян, звали его в национализированное уже имение Курлак и обещали прокормить⁶². Алексей Иванович остался в Москве. Его материальное и физическое положение ухудшалось.

Музей поддержал своего многолетнего сотрудника. В ведомственном архиве ГИМ отложился черновик музейного удостоверения от 30 июля 1918 г., в котором указывалось, что бывший библиотекарь А.И. Станкевич продолжает принимать непосредственное участие в работе музея, и в интересах музея необходимо его проживание в Москве в условиях, благоприятствующих ведению научной работы⁶³. А 6 февраля 1919 г. на заседании ученой комиссии музея Н.С. Щербатов сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, А.И. Станкевич материально нуждается и необходимо прийти ему на помощь. (См.: Приложение № 2.) 15 марта 1919 г. Алексей Иванович был вновь зачислен в музей. Ему было поручено составление каталога «Россика», обещана выплата зарплаты ежемесячно и разрешена работа на дому⁶⁴. Денег на жизнь не хватало, и в ноябре 1919 г. Станкевич уже не передает в дар, а предлагает приобрести у него за 6000 руб. издание И.Н. Кнебеля «Художественная галерея П. и С. Третьяковых».

В письме за 29 февраля 1920 г. Алексей Иванович сообщил Н.С. Щербатову, что болен и боится пропустить раздачу в музее жалования и продуктов. Он писал, что живет вдвоем с прислугой, Аришей, которая за давностью лет стала практически родственницей, и которой он обязан своим существованием⁶⁵. О ней Мария Алексеевна в одном из писем писала мужу, что «пока она с тобой, я считаю, что ты должен надеяться, что Судьба тебя не покинула...»⁶⁶. Надо сказать, что 1920 г. стал трагичным для сотрудников музея; в этот год от голода, холода, болезней умерли коллеги Алексея Ивановича: заведующий отделом рукописей В.Н. Щепкин, заведующий отделом быта и историко-литературных материалов Н.Н. Кононов, научный сотрудник Л.И. Бирюкова⁶⁷. В архиве имеются удостоверения за октябрь 1920 и январь 1921 г., в которых А.И. Станкевич значится заведующим библиотеки клуба им. Верхарна, он пытался по мере сил находить дополнительные заработки⁶⁸.

Последний раз А.И. Станкевич был в РИМ за месяц до смерти. А.В. Орешников, известный нумизмат и один из старейших сотрудников музея, писал в дневнике за 26 декабря 1921 г., что в музее с А.И. Станкевичем сделалось дурно, так что он был не в состоянии подняться из канцелярии наверх⁶⁹. Месяц спустя ученый секретарь музея И.М. Тарабрин записал в дневнике, что первый библиотекарь музея умер 23 января от брюшного тифа, там же отдавая дань заслугам покойного: «В лице его русская наука потеряла одного из выдающихся знатоков и переводчиков на русский язык так называемой *Rossica* — сказаний иностранцев о России, а сослуживцы по музею — отзывчивого на их нужды друга-человека»⁷⁰. Позднее, в марте 1924 г. в своей заметке о Станкевиче И.М. Тарабрин напишет, что организм Алексея Ивановича, надломленный непосильным физическим трудом, постоянным недоеданием, частыми заболеваниями, не мог выдержать постигшего его нового недуга и в ночь на 23 января 1922 г. «скончался, можно сказать, на почве полного истощения сил»⁷¹. Отпевание прошло в церкви Федора Студита. Похоронили А.И. Станкевич на Новодевичьем кладбище (рис. 18).

Мария Алексеевна пережила мужа лишь на несколько месяцев. Она умерла 23 июля 1922 г. Могила ее не сохранилась. В сентябре 1922 г. в Москву вернулись дочери Станкевича, потерявшие с разницей в полгода отца и мать. Тогда же они пришли в музей забрать вещи отца. В феврале 1924 г. они пытались устроиться на службу в музей, но их, как писал А.В. Орешников в дневнике, «забаллатировали» в виду отсутствия оконченного школьного образования. 1 марта 1924 г. Орешников составил отзыв о покойном Станкевиче, на случай, если дадут пенсию его детям. Видимо в связи

Рис. 18. Могила А.И. Станкевича и его родных на Новодевичьем кладбище. 2023 г. Фотография автора

с этим также были написаны отзывы о А.И. Станкевиче сотрудниками музея И.М. Тарабриным и М.Н. Сперанским. В дневнике А.В. Орешникова есть упоминания, что в 1927 г. дочь Станкевича Надежда работала в музее машинисткой, а 20 июня 1927 г. они с сестрой были арестованы и находились в заключении 17 дней⁷². Из этих дневниковых записей также очевидно, что в 1930 г. обе сестры работали в музее машинистками, но в октябре того же года были уволены⁷³.

Из книги Н.Е. Добрыниной, внучки А.И. Станкевича, известна судьба его дочерей. Надежда с детства была болезненна и в 1934 г. умерла в возрасте 32 лет. Дочь Мария Алексеевна Станкевич (младшая), в замужестве Ка-

лёнова, долгие годы работала машинисткой в Московском обществе драматургов, писателей и композиторов, а также в театрах и считалась среди московской интеллигенции одной из лучших машинисток.

Из послужного списка сына А.И. Станкевича Николая известно, что он закончил Николаевский кадетский корпус (09.06.1915), затем Николаевское кавалерийское училище, откуда был переведен в корнеты лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (01.02.1917). Он участвовал в военных действиях Первой мировой войны с февраля 1917 г., был произведен в поручики (23.10.1917), награжден за храбрость орденом Св. Анны 4-й степени (6.11.1917)⁷⁴. В 1918 г. Николай состоял помощником коменданта Симоновских патронных складов⁷⁵. Сведения о дальнейшей его судьбе, равно как и судьбе сына Александра, который, судя по сохранившемуся в архиве А.И. Станкевича «бальнику» в 1917/18, был учеником 6 класса Московской мужской гимназии А.Е. Флерова, неизвестны⁷⁶.

Внуки Станкевича достойно продолжили дело своего дедушки на библиотечной ниве. Дочь Марии Алексеевны Калёновой (урожд. Станкевич) Наталья Евгеньевна Добрынина (1931—2015) долгие годы трудилась в стенах Ленинской библиотеки (с 1992 г. — Российская государственная библиотека), заведовала отделом биб-

лиографии и оставила, помимо научных трудов, книгу-памятник о своей семье «Сквозь полтора столетия»⁷⁷. А внук Алексея Ивановича — доктор технических наук, профессор Николай Евгеньевич Калёнов с 2004 по 2018 г. был директором Библиотеки по естественным наукам РАН (БЕН РАН).

Наследием колоссального и самоотверженного труда А.И. Станкевича по устройству Библиотеки Исторического музея, его научных, переводных и издательских работ пользовалось и пользуется научное и музейное сообщество, и совершенно очевидно, что и в дальнейшем оно будет востребовано многими поколениями ученых, книголюбов, любителей истории.

В заключение отметим, что Исторический музей навсегда сохранит благодарность к своему первому библиотекарю и память о нем, и выразим надежду, что портрет Алексея Ивановича Станкевича справедливо наконец-то займет, как и предполагалось в 1914 г., достойное место в читальном зале созданной им Библиотеки.

Приложение № 1

Письмо Марии Алексеевны Станкевич к отцу Алексею Ивановичу Станкевичу от 7 августа 1921 г.

Спасибо за марки, одну из них мы уже наклеили.

Милые и дорогие папочка и Ариша⁷⁸.

Сегодня, т.е. 7/10 по старому стилю получили Ваши письма от 14/IX, и очень благодарю Вас за них: мы все очень были рады, когда получили их. Что Вы о себе так мало пишете, а все только о нас. Вы здоровел ли ты, папочка, окончательно от малярии и как здоровье Ариши? Мы живем по-прежнему, только нам, служащим, увеличили паек. Недавно выдали 22 фунта картошки, 1 — рису; 1 ф. гороху, несколько золотников чаю и что самое хорошее и приятное — четверть фунта сливочного масла. Все это мы получили за вторую половину сентября и, говорят, еще получим. Вчера я изображала секретаря исполкома и переписывала описи в присутствии двух пьяных; это соседство было весьма неприятно, и я была рада уйти оттуда через 2 часа. Дело в том, что настоящий секретарь ушел в Ялту и председатель обратился в курортное управление к политкому, чтобы он откомандировал кого-нибудь взамен, и выбор пал на меня. Там я получила в подарок бумагу и теперь могу Вам много писать. У нас в санатории состав канцелярии (кроме счетовода) хороший. Там дамы, и они относятся ко мне как к своей дочери; заведующий хозяй-

ством очень славный; он подарил мне лакированную деревянную ложку; только один счетовод несимпатичный: завистливый и готовый ради своей выгоды подставить другому ножку. Старший врач очень хорошо ко мне относится, и вообще все было бы прекрасно, если бы можно было поздней вставать. Я ужасно хочу поехать к Вам в Москву, и если бы Вы нашли нам пятерым комнаты, мы бы приехали к Вам с поездом для служащих, который скоро приедет. Нам можно к Вам всем приехать бесплатно: Маша⁷⁹, Надежда Геннадиевна⁸⁰ и я, как служащие, мама и Надя как живущие со мной. Мы записались в списки уезжающих служащих, но еще не знаем, поедем ли: мы боимся Вас стеснить, а с кем-нибудь расстаться — печально. У нас тут очень переменчивая погода: утром в 9 часов, когда мы идем на службу, холодно, а когда в 3 часа мы возвращаемся со службы жарко. Купаться мы перестали с 18 сентября; вода стала невыносимо холодная: и так, мы купались, когда все члены костенеют, а тут уж совсем не ходим. Детский сад закрылся, а вместо него со вчерашнего дня функционирует детский приют или, как его здесь называют, «Детский дом». В нем пока что находятся две девочки, и к их услугам приставлены 6 человек служащих. Помещаются они во всем нашем доме⁸¹. У нас есть свинья (как я Вам уже писала). Мама ее кормит помоями и больше листьями; виноградными и акацией. Хотя я за ней почти и не смотрю, но очень ее полюбила. Чтобы она не пропала, мама покрасила ее зеленой краской, и я с гордостью показываю своим подругам «зеленую свинью». Кроме того, есть куры (взрослые) и только один цыпленок. Он очаровательный: садится к маме на плечо и всегда входит к нам в комнаты, откуда его очень трудно прогнать. Черный кот Жук благоденствует, несмотря на свои 8 лет, и нет ничего удивительного — теперь только и жить ворами и грабителям, а он относится к ним: пьет молоко и недавно съел 1/2 фунта сливочного масла, заработанного Н.Г. за уроки; с тех пор мы его в комнаты не пускаем, да и он сам не входит — боится.

Папа, ты спрашивал в последнем письме, что мы читаем: я читаю много, а Надя мне тоже читает вслух. Одна я читала разных авторов: Тургенева уже давно всего прочла; Пушкина все, (кроме отрывков, заметок из «Пугачевского бунта»); Лермонтова очень мало (я не очень люблю его); Гоголя почти всего, также Льва Толстого (кроме его рассуждений о вере). Мне очень понравились его «Война и мир». «Анна Каренина» мне не нравится, может быть, от того, что типы, выведены там, мне не симпатичны. Данилевского прочла порядочно, и мне очень понравились «Черный год», «Княжна Тараканова» и «Последние запорожцы». Достоевского читала: «Русским детям», «Идиот», «Оскорбленные и униженные» и теперь читаю

с Надей «Подросток». Больше всего мне понравились «Униженные и оскорбленные». Гончарова прочли с Надей «Обрыв» и «Обыкновенная история», и я с удовольствием слушала «Обрыв». Из всех, выведенных там типов, мне понравилась Вера. Марк Волохов очень несимпатичная личность; бабушка восхитительна, Марфинька прелестна своей детской наивностью. Райский мне не понравился: увлекается и не знает, за что схватится. Тит Никонович отвратительная марионетка. Опенкин очень живо описан. Нил отчаянный — заносчивый субъект, и я его страшно ненавидела. «Война и мир» произвело на меня огромное впечатление. Из семейства Ростовых мне очень понравился Петя, и когда его убили, я заплакала. Соня очень слабохарактерная, Наташа противна и мне не понравилась. Пьер напоминает нашего бывшего учителя, который ужасно противный, и потому я невзлюбила его. Он такой слабохарактерный, что для мужчины не идет. Елен — не симпатичная, но сильная женщина. Вера и Берг очень друг к другу подходят. Николая Ростов, хотя и женился на Мари из-за денег, мне понравился. Он настоящий гусар. Денисов очарователен. Старик Болконский очень симпатичный и настоящий барин 18 века. Мари мне не нравится, а князь Андрей Болконский прелесть. Грибоедова «Горе от ума» прочла с удовольствием. Кроме классиков я читала и других писателей и поэтов: Загоскина (кроме «Рославля и «Аскольдовой могилы»), Салиаса⁸², Мордовцева тоже и Соловьева. Кроме русских писателей читала и иностранных. Сейчас читаю Ожешко⁸³. Она выставляет живых типов, но пишет скучновато. Книги я беру из двух библиотек. Посоветуй, что мне еще прочесть. Если бы не было книг, я бы не знала, куда деться от тоски и печали. Я одно время много рисовала, и все нашли, что у меня есть способности. Мама обещала мне в Москве отдать меня в Строгановское училище и в консерваторию, так как я недурно играю. Мне ужасно хочется туда поступить и очень хочется научиться играть на арфе, на скрипке и разным языкам: английскому, итальянскому и т.д. Писали ли мы Вам, что прошлым летом Бодаревский⁸⁴ нарисовал наши портреты; Надя и мама все-таки похожи, но у меня совсем другое лицо, и по нем нельзя даже сказать, что это портрет моей троюродной сестры. Ну, пока кончаю, а то боюсь Вам надоест моей болтовней. Устройте так, чтобы мы все могли к Вам приехать. Найдите комнаты. Нет ли у нас в доме свободных комнат, и если есть, то какие? Ужасно, ужасно хочу поехать. Целы ли наши книги, альбомы с открытками и фотографиями, рояль, пианино, фисгармония, наши игры, ноты. Целую несчетно раз. Остаюсь любящая Вас М. Станкевич. 07.08.1921 г.

ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 156–156 об.

Приложение № 2

Черновик заявления в 27 Участковую по Чрезвычайному революционному налогу комиссию А.И. Станкевича от 4 февраля 1919 г. в связи с невозможностью уплаты чрезвычайного революционного налога

В 27 Участковую по Чрезвычайному революционному налогу комиссию

Гражданина Алексея Ивановича Станкевича,
проживающего в доме № 19 на Никитском бульваре 1 Арбатского комиссариата, в квартире № 1

Заявление

Настоящим сообщаю, что платить чрезвычайный революционный налог я не смогу, так как деньги, находящиеся на текущем счете в Народном банке Росс. Фед. Сов. Республики составляют единственный источник для прокормления меня с семьей — большой женою и тремя детьми, нуждающимися, кроме пропитания, еще в обучении и воспитании. Те издания, где я помещал свои научно-литературные работы, временно приостановились и когда возобновятся — неизвестно. Продавать что-либо из обстановки я не имею права, да если бы и мог, то при всеобщем безденежье едва ли нашелся бы покупатель. Да и не обстановка нужна теперь, а жизненные припасы, достать кои страшно трудно и кои страшно дороги и все дорожают. Всю жизнь я работал по народному просвещению, печатно и как руководитель в занятиях учащейся молодежи и всех вообще, кто хотел поучиться русской истории, литературе и т.п., и ныне продолжаю работать, но вознаграждения пока не получаю, по вышеуказанной причине. Лишить меня названных выше денег значит обречь меня на полную нищету и невозможность обучить и воспитать детей.

Гражданин Алексей Иванович Станкевич.

1919 г.

4 февраля

ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 148.

¹ ОПИ. ГИМ. Ф. 351. Оп. 1, 2.

² *Станкевич А.И.* Музей. Из воспоминаний первого библиотекаря (публикация Н.Л. Зубовой) // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 5—72.

- 3 Благородный пансион профессора М.Г. Павлова — частное учебное заведение, открытое в Москве профессором Московского университета М.Г. Павловым. Располагался на Большой Дмитровке, в усадьбе Н.А. Рудакова.
- 4 ОПИ ГИМ Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 9.
- 5 Петр Павлович Мельгунов — отец известного историка и журналиста Сергея Петровича Мельгунова, автора книги «Красный террор».
- 6 ОПИ ГИМ Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 50.
- 7 *Данте Алигьери*. Божественной комедии часть вторая. Чистилище / пер. с итал. М.А. Горбова; с объясн. и прим. М.: [Н. Горбов], 1898. XIV. 756 с.
- 8 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1—4 об.
- 9 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Ед. хр. 28. Л. 2.
- 10 *Миллюков П.* Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. С. 82—84.
- 11 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 147.
- 12 *Станкевич А.И.* Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба. [Санкт-Петербург]: тип. т-ва «Обществ. польза», 1885. 54 с.
- 13 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1—1 об.
- 14 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 39—39 об.
- 15 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 103.
- 16 См. подробнее: *Розанов И.Н.* Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее // Историческая библиотека в 1920-е — 1930-е гг.: сборник документов и материалов. М.: ГПИИБ, 2019.
- 17 Библиотека князя А.И. Барятинского была первоначально передана в музей во временное пользование на 30 лет, но после революционных событий 1917 г. библиотека осталась храниться в Историческом музее.
- 18 *Розанов И.Н.* Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее... С. 34.
- 19 ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 97.
- 20 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 66—66 об.
- 21 Отчет императорского российского исторического музея имени императора Александра III за XXV лет. (1883—1908). М., 1916. Л. 152.
- 22 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 111.
- 23 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 92.
- 24 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 138.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 49—50.
- 26 *Белозерова И.В.* Библиотека Российского Исторического музея (по материалам ОПИ ГИМ) // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва 5—6 декабря 2013 г. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2014. С. 29.
- 27 *Розанов И.Н.* Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее... С. 35.
- 28 Отчет императорского российского исторического музея имени императора Александра III за 1912 г. С. 37—38.
- 29 А.В. Станкевич, тетя А.И. Станкевича, была замужем за Н.М. Щепкиным.
- 30 Отчет РИМ за 1887 г. ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 43 об.
- 31 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 111.
- 32 Отчет Императорского Исторического музея имени императора Александра III за 1915 г. С. 5—6.
- 33 *Розанов И.Н.* Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее... С. 85.

- 34 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 121.
- 35 Труды восьмого археологического съезда в Москве в 1890 г. М., 1897. Т. IV. Л. 162.
- 36 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20.
- 37 Там же. С. 21—30.
- 38 *Петров Ф.А.* Обзор фонда Музей «Старая Москва»: Пособие для аспирантов / [сост. Ф.А. Петров]. М., 1991. С. 5.
- 39 См. переписку Станкевича и др. материалы о выставке: ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 2. Ед. хр. 2—8.
- 40 Толковая Палея — памятник древнерусской литературы домонгольского периода, в котором излагается ветхозаветная история.
- 41 Архивные материалы, связанные с изданием «Палеи толковой...», хранятся в фонде Станкевича (ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 31—33).
- 42 Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. М.: Тип. и словолитня О. Гербека, 1892—1896. Вып. I. 1892. 208 с.
- 43 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 31—33.
- 44 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 180.
- 45 Словарь членов общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911. С. 271—272.
- 46 *Николай Владимирович Станкевич.* Стихотворения. Трагедия. Проза / Предисл. Алексея Станкевича. М.: тип. и словолитня О.О. Гербека, 1890. XII. 245 с.; Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840 / Ред. [предисл.] и изд. Алексея Станкевича. М., 1914. 787 с.
- 47 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 62—103.
- 48 См. письмо М.А. Веневитинова к А.И. Станкевичу: ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 10—10 об.
- 49 Отчет Государственного Исторического Музея за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 135—139.
- 50 ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 8 об.
- 51 Портрет, судя по всему, поступил в библиотеку, так как в фонде Станкевича сохранилось письмо А. Фоминой от 15 декабря 1914 г., видимо, сотрудницы библиотеки, в котором она от имени сотрудников благодарит за портрет «как память о совместном долгом служении». ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 138.
- 52 ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 16.
- 53 Отчет Императорского Российского музея имени Императора Александра III за 1915 г. М., 1917. С. 5—6.
- 54 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 70 об.
- 55 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 34.
- 56 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 122 об.
- 57 ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 89.
- 58 *Добрынина Н.Е.* Сквозь полтора столетия. М.: Пашков дом, 2009. С. 86.
- 59 https://zen.ru/a/ZFЕсЕОссjTskCE_9?share_to=link/; (дата обращения: 25 мая 2023).
- 60 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 126.
- 61 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 3, 21 об.
- 62 *Добрынина Н.Е.* Сквозь полтора столетия... 2009. С. 95.
- 63 ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 9.
- 64 ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 123.

- 65 ОПИ ГИМ. Ф. 270. Оп. 2. Ед. хр. 95. Л. 49.
- 66 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 152 об.
- 67 Отчет Государственного Исторического Музея за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 7.
- 68 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 135.
- 69 *Орешников А.В.* Дневник. Кн. 1, 2 / Сост.: П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагошина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. М.: Наука, 2010—2011. Кн. 1. С. 313.
- 70 ОПИ ГИМ. Ф. 203. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 2—2 об.
- 71 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 186.
- 72 *Орешников А.В.* Дневник... 2011. Кн. 2. С. 196, 199.
- 73 *Орешников А.В.* Дневник... 2011. Кн. 2. С. 457.
- 74 См. послужной список Н.А. Станкевича: ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 253—256.
- 75 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 257.
- 76 ОПИ ГИМ. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 322 а-324.
- 77 *Добрынина Н.Е.* Сквозь полтора столетия. М.: Пашков дом, 2009. 345 с.
- 78 Ариша, Ирина Петровна Струнина, прислуга в семье А.И. Станкевича, которая за давностью службы в их доме стала практически им родственницей, и которой, как писал А.И. Станкевич в письме к Н.С. Щербатову в 1920 г., он обязан был своим существованием.
- 79 Мария Струнина, няня детей А.И. Станкевича, находившаяся с ними в Симеизе.
- 80 Надежда Геннадиевна Соболева — гувернантка дочерей А.И. Станкевича.
- 81 Имеется в виду вилла Станкевичей Миро-Маре в Симеизе.
- 82 Граф Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (1840—1908), русский писатель, автор многочисленных романов и повестей из русской истории XVIII и XIX вв.
- 83 Ожешко Элиза (1841—1910), польскоязычная писательница и общественный деятель.
- 84 Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905), русский и украинский писатель, историк и публицист. Автор популярных в свое время исторических романов на темы из казацкой истории XVII—XVIII вв.

П.Г. Гайдуков, Н.А. Павличенко

Государственный исторический музей и академическая наука: на примере переписки А.В. Орешникова и В.В. Латышева

Отмечая 150-летие Государственного исторического музея и помня его многочисленные достижения в области сбора, хранения, издания и популяризации документального и материального наследия, связанного с историей Российского государства, невозможно обойти вниманием тесную научную связь многих сотрудников музея, зачастую крупных ученых, со своими коллегами из различных академических учреждений. Важно отметить, что эта связь, чрезвычайно полезная для обеих сторон, была установлена его основателями с первых дней существования музея и осуществляется до настоящего времени. На основе изучения эпистолярного наследия двух известных русских ученых — Алексея Васильевича Орешникова и Василия Васильевича Латышева — авторы хотели еще раз продемонстрировать это.

А.В. Орешников (1855—1933) — крупнейший отечественный специалист в области античной и средневековой русской нумизматики, тонкий знаток древнерусского прикладного искусства. Единомышленник и сподвижник И.Е. Забелина, Орешников с 1887 г. становится хранителем Российского исторического музея и его творцом, а в годы советской власти — защитником его сокровищ. В музее он проработал 45 лет до самой смерти. Своей причастностью к Историческому музею Орешников очень дорожил и был ему очень верен.

В отделе письменных источников ГИМ хранится личный фонд А.В. Орешникова (ф. 136. Ед. хр. 135). Наиболее обширной его частью являются письма многочисленных корреспондентов — нумизматов, археологов, историков, музейных работников, преподавателей различных учебных заведений, коллекционеров и антикваров. Более половины фонда составляют письма (Ед. хр. 72, около 9000 листов)¹. Очевидно, это не случайность. Алексей Васильевич, в начале 1920-х гг. задумавший и начавший составлять словарь русских нумизматов, прекрасно понимал ценность писем для истории оте-

чественной науки. Он бережно хранил их, а когда тяжелые бытовые условия советского времени, уплотнения в собственном доме, кражи книг и имущества новыми жильцами стали угрожать сохранности архива, сам позаботился о его передаче в музей. 7 ноября 1924 г. Орешников записал в дневнике: «Большую часть дня разбираю свои старые бумаги (дипломы, письма и т.п.), которые хочу передать в Исторический музей»².

Как свидетельствуют записи в книге поступлений ГИМ, Орешников официально передал в отдел архива историко-бытовых материалов (так назывался тогда отдел письменных источников) первую часть писем в 1925 г. Другая часть была записана в главную инвентарную книгу уже 20 апреля 1933 г., спустя две недели после его смерти. По-видимому, к тому времени они уже хранились в рабочем кабинете Орешникова, либо он распорядился незадолго перед смертью, чтобы остатки его архива были переданы в музей.

Корреспонденция охватывает полувековой период: с начала 1880-х по начало 1930-х гг. В ней затронуты многие стороны формирования и изучения частных и государственных коллекций монет и других древностей, становления и развития отечественной нумизматики Северного Причерноморья и русской нумизматики в конце XIX — начале XX в. Письма корреспондентов Орешникова являются ценнейшими свидетельствами многообразной деятельности сотрудников государственных музеев (главным образом, ГИМ и Эрмитажа) в переломные для русской истории послереволюционные годы, содержат уникальные сведения о судьбе многих отчужденных частных коллекций монет, печатей, предметов прикладного искусства и быта, а также о судьбах их первоначальных владельцев.

Переписка Орешникова затрагивает большой срез научной, общественной и культурной жизни предреволюционной и послереволюционной России. Введение наиболее существенной ее части в научный оборот послужит важным источником для изучения коллекционерской, музейной и научной жизни своего времени.

Круг научных знакомств Орешникова был очень широк. В его личном фонде хранятся письма около 500 отечественных и более 50 зарубежных корреспондентов из Москвы, Петербурга, Киева, городов северо-западной, центральной и южной частей России, Крыма, а также нескольких европейских стран. Наиболее важная часть архива — корреспонденции более 50 адресатов Орешникова, чьих писем отложилось от нескольких десятков до сотни и более.

В числе этих адресатов — Василий Васильевич Латышев (1855—1921), академик Петербургской академии наук, член-корреспондент

Прусской академии наук, член Германского археологического института, директор Петербургского историко-филологического института, товарищ Председателя Императорской археологической комиссии. Переписка ученых длилась более 30 лет.

В.В. Латышев — блестящий эпиграфист, сделавший для античной эпиграфики Северного Причерноморья то же, что Август Бёк для греческой эпиграфики в целом. Он собрал воедино разрозненные публикации и надписи, хранящиеся в музеях Петербурга, Москвы и юга России, систематизировал их и издал сборник *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE)* — «Надписи северного берега Черного моря», который до сих пор остается главным корпусом причерноморской эпиграфики. Этот корпус (три его тома включают около 1500 надписей) был главным трудом Василия Васильевича, принесшим ему европейскую известность. Не менее важны были и систематические, практически ежегодные, публикации новых эпиграфических находок, например, публиковавшиеся в Известиях ИАК «Эпиграфические новости из Южной России». Еще одним важным трудом В.В. Латышева стал двухтомник «*Scythica et Caucasia*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», где были собраны свидетельства греческих и латинских авторов о Северном Причерноморье. Благодаря его неимоверной энергичности и организованности преподавательская и административная деятельность влияла на его академические занятия гораздо меньше, чем можно было бы ожидать, и не сделала его генералом от науки. В причерноморских исследованиях авторитет ученого был таков, что в течение многих десятилетий после его смерти все научные работы, в которых причерноморские надписи использовались как нарративный источник, являлись диалогом или дискуссией с Латышевым³.

Переписка представлена, в основном, корреспонденцией Латышева (в ОПИ ГИМ хранятся 123 его письма)⁴. Писем Орешникова сохранилось немного. Четыре его письма находятся в личном фонде В.В. Латышева в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, еще 11 писем — в фондах Императорской археологической комиссии и Русского археологического общества в Научном архиве ИИМК РАН⁵. Крайние даты переписки: 10 августа 1886 г. — 7 (20) июля 1920 г.

Главная тематика переписки — это греческие и латинские надписи и античная нумизматика. Личная и бытовая информация в письмах практически отсутствует. В письме из Казани от 13 августа 1892 г. Латышев объясняет причину своего долгого молчания тем, что «летом я не писал за неимением интересного материала для писем, так как научные работы пришлось прекратить на время отдыха, а писать о холере или тому подобных материалах кому ин-

тересно»⁶. До 1917 г. о внешних событиях говорится также скупно и редко — например, Латышев единожды глухо упоминает «дни все-народной печали» после смерти императора Александра III⁷.

По письмам 1917—1921 гг. видно, как социально-политические перемены вторгаются в научную жизнь. Латышев рассказывает об изменениях в Археологической комиссии, преобразованной в Российскую академию истории материальной культуры (или, как он, иронизируя, замечает, «в „Акимку“ (Акмакуль тож)»⁸: «Новый председатель Н.Я. [Марр] хлопочет вовсю, возится и здесь, и у Вас в Москве, в Комиссию нагнано множество „работников“ и „работниц“, но результатов всей этой „работы“ пока что-то не видно. Я никак не могу относиться с таким же доверием ко всем этим преобразованиям, как товарищи-оптимисты, и не могу отделаться от вопроса — своевременно ли все это?»⁹. Нелицеприятно Латышев отзывается и об издательской деятельности «некоего дикого кавказца Орбели»¹⁰. В письмах Орешникова содержится драматичный рассказ о событиях в Москве в конце октября — начале ноября 1917 г.: «Целую неделю сидим в домах, боясь выйти на улицу; кругом стрельба из пушек, пулеметов, ружей, трамваи не ходят, телефон не действует, почты нет, газет из П[етро]гр[ада] не имеем, не знаем, что делается не только на белом свете, но и на соседней улице»¹¹.

Переписка двух исследователей завязалась в августе 1886 г., после выхода в свет I тома IOSPE. Насколько можно судить по сохранившемуся ответу Латышева, ее началом послужило сообщение Орешникова о поступлении в Российский исторический музей новых надписей — постамента из серого мрамора с надписью под статуей императора Каракаллы, поставленной боспорским царем Савроматом II, стелы с рельефом и эпитафией Ареты, дочери Сарапона¹² и мраморного постамента с почетной надписью в честь легата провинции Нижняя Мезия Секста Октавия Фронтон¹³. Впоследствии все эти надписи были изданы Латышевым по копиям и эстампам Орешникова. Латышев просит его «по мере возможности сообщать ... о новых эпиграфических приобретениях Московского Исторического музея»¹⁴. В дальнейшем Орешников постоянно писал Латышеву о всех «эпиграфических новостях» Российского исторического музея и снабжал его копиями и эстампами вновь поступивших надписей.

В переписке двух ровесников (оба родились в 1855 г.) — эпиграфиста и нумизмата — прежде всего обращает на себя внимание то, что они оба в никоей мере не замыкаются в своей области, но, напротив, достаточно компетентны в специальности своего корреспондента.

Из писем становится очевидно, что Орешников был вполне сведущ в практической эпиграфике. Так, например, неоднократно упо-

минаются «копии» надписей, которые он посылал Латышеву. Под «копией» имеется ввиду не факсимильная копия камня с надписью, а ее списанный текст. Можно заметить, конечно, что и граф А.А. Бобринской посылал Латышеву копию «Херсонесской присяги»¹⁵, и что для этого, если надпись хорошо сохранилась, требовалось только знание древнегреческого языка. Но вот умение делать качественные эстампажи, за присылку которых Латышев постоянно благодарит Орешникова, это уже сугубо профессиональное качество, которое отдельно отмечал известный специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии С.А. Жебелев в некрологе Латышева¹⁶.

Несколько писем свидетельствуют о том, что Орешников внимательно штудировал все тома латышевского IOSPE. Он предлагает, на основании аналогии из Диодора, свое толкование строки 43 декрета в честь Диофанта¹⁷. Так же внимательно Орешников читал и переиздание I тома IOSPE, он указывает на допущенные Латышевым неточности — в том числе на неправильное место хранения единственной в IOSPE надписи из Керкинитиды — она хранилась не в Эрмитаже, а в Российском историческом музее¹⁸.

Очевидно, что отношения двух ученых были вполне доверительными. Иногда, как в случае с херсонесским декретом в честь аматрийца Фарнака, сына Фарнака¹⁹, Орешников присылает Латышеву копию надписи еще до того, как тот официально получает ее эстамп из ИАК²⁰. Латышев негласно консультировал своего коллегу по поводу трех поддельных надписей, купленных А.Л. Бертье-Делагардом и подаренных им Одесскому обществу истории и древностей²¹. Примечательно, что Латышев, крайне резко охарактеризовав А.Л. Бертье-Делагарда, Э.Р. Штерна и В.Н. Юргевича²², тем не менее не советует Орешникову сообщать Одесскому обществу истории и древностей его точку зрения об этих надписях. Он пишет: «Вы спрашиваете, нельзя ли как-нибудь сообщить это Обществу? По-моему, не следует: 1) Вас об этом не спрашивают, 2) Вам не поверят и на Вас же обидятся: „мы де и сами с усами, тоже кое-что смыслим в эпиграфике и не левой ногой сморкаемся“».

Мнение Латышева об одной из этих подделок (письме ольвиополитов царю Сайтафарну в Канкит) и ее подробный разбор Орешников впоследствии изложил в сообщении о докладе В.Н. Юргевича об этой надписи на заседании Одесского общества истории и древностей 14 декабря 1893 г.²³

К сожалению, писем самого Орешникова к Латышеву известно немного, но и по сохранившимся очевидно, что он был в курсе не только громких новостей, но и всей работы Латышева с эпигра-

фическими памятниками Причерноморья, чему способствовал, разумеется, и общий круг общения в южнорусских музеях.

Так, например, в письмах обсуждается находка Херсонесской присяги²⁴ и переписки наместника провинции Нижняя Мезия и граждан Херсонеса по поводу проституционной подати²⁵, херсонесский же декрет в честь гражданина Амастрии Фарнака, сына Фарнака²⁶, христианская надпись из Таматархи (вероятно, 912 г.)²⁷, взаимоотношения с кишиневским коллекционером И.К. Суручаном, перипетии обработки керамических клейм для III тома IOSPE, судьба надписей из частных коллекций в Знаменском-Губайлове, Яропольце, Поречье и Рыбнице. Следует упомянуть, что Латышев присылал Орешникову корректурные листы всех издаваемых им надписей из коллекции Российского исторического музея.

Латышев прекрасно понимал, что изучение политического устройства любого греческого полиса невозможно без рассмотрения его монетных эмиссий. Впервые он обращается к обсуждению различных вопросов, связанных с этим, во время работы над своими «Исследованиями об истории и государственном строе города Ольвии»²⁸. С оговоркой, что он является профаном «в нумизматике и в качестве такового никогда не осмелился бы выступить с самостоятельной работой, основанной на нумизматических данных», Латышев высказывает отличную от мнения Орешникова точку зрения на скифский протекторат в Ольвии и надпись ОЛВЮ и монограммы на ольвийских монетах²⁹ и об автономной чеканке в Ольвии³⁰. В дальнейшем он неоднократно просит Орешникова высказать замечания по поводу своих связанных с нумизматикой работ, каждый раз прося ответить «с такою же откровенностью и бесцеремонностью, как это делаю я»³¹ и «без подслащивания»³².

Важное место в переписке занимала и нумизматика Боспора, к обсуждению спорных вопросов которой, в частности монет Асандра и Аспурга, Латышев обращается в предисловии ко II тому IOSPE³³.

К настоящему времени переписка А.В. Орешникова и В.В. Латышева полностью подготовлена к печати и обстоятельно прокомментирована. После издания она будет служить источником изучения развития античной эпиграфики Северного Причерноморья, а также примером плодотворного научного взаимодействия сотрудников Российского исторического музея и Петербургской (Российской) академии наук в конце XIX — начале XX в.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 7—52. Оп. 2. Д. 17—34.

² Орешников А.В. Дневник. 1915—1933. В двух книгах. Кн. 1: 1915—1924 / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2010. С. 465.

- 3 *Тункина И.В.* В.В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга* / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172—288; *Тункина И.В.* Василий Васильевич Латышев (1855—1921) // *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку* / Науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 33—57.
- 4 ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Оп. 2. Д. 25. Л. 1—2.
- 5 СПбФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 38; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1 и 3.
- 6 ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 66—67.
- 7 27 октября 1894 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 99—100.
- 8 30 (17) ноября 1919 г. ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 178—179.
- 9 14 июня 1919 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 170—171.
- 10 30 (17) ноября 1919 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 178—179.
- 11 25 октября — 3 ноября — 5 ноября 1917 г. — НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1917 г. Д. 72. Л. 3—4 об. Подробнее см.: *Смирнов Н.Ю., Гайдучков П.Г.* Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А.В. Орешникова к В.В. Латышеву // *Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской)*. Сборник научных статей. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 227—239.
- 12 КБН 52, 581, Пантикапей.
- 13 IOSPE I² 422, Херсонес.
- 14 10 августа 1886 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 1—2 об.
- 15 11 апреля 1891 г. — СПбФ АРАН Ф. 110. Оп. 2. Д. 5. Л. 15—16 об.
- 16 *Жебелев С.А.* Василий Васильевич Латышев (29 июля 1855—2 мая 1921): [Некролог] // *Византийский временник*. Т. XXIV. Л., 1926. С. 107.
- 17 18 сентября 1886 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 5—6 об.
- 18 IOSPE I² 339; 16 октября 1917 г. — НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1917 г. Д. 72. Л. 1—2 об.
- 19 IOSPE I² 358.
- 20 3 сентября 1888 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 21—22.
- 21 9 декабря 1893 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 93—95.
- 22 «Признавать его (т.е. письмо ольвиополитов Сайтафарну. — П. Г., Н. П.) подлинным — значит написать себе на лбу „роковые слова“: дурак и невежда!».
- 23 *Орешников А.В.* Археологическая хроника // *Археологические известия и заметки*. Т. II. М., 1894. С. 63—65.
- 24 IOSPE I², 401.
- 25 IOSPE I², 404.
- 26 IOSPE I² 358.
- 27 IOSPE V 336.
- 28 *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1887. Январь — апрель. (Отд. изд.: СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887).
- 29 1 декабря 1886 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 7—8 об.
- 30 30 марта 1887 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 12—13 об.
- 31 1 декабря 1886 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 7—8 об.
- 32 15 марта 1887 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 10—11.
- 33 2 апреля 1890 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 38—39; 30 апреля 1890 г. — ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29. Л. 40 об.

И.П. Обыденкова

**Г.Л. Малицкий (1886—1953):
музеевед и гимовец**

Георгий Леонидович Малицкий в музейных кругах был человеком-легендой, своеобразной «музейной энциклопедией». И все же его имя было забыто потомками, хотя многие его начинания проявились в трудах его последователей: Аврама Моисеевича Разгона, Георгия Андреевича Новицкого, Сигурда Оттовича Шмидта и др.

Рассказ о непростом жизненном пути Георгия Леонидовича, пострадавшего в репрессиях 1931 г., его вкладе в музейное дело и историю Государственного исторического музея (ГИМ) восполняет пробел в наших знаниях о «гигантах» музейного дела, чьи труды в советское время позволили сохранить преемственность с дореволюционной культурой. Материалы личного фонда Г.Л. Малицкого хранятся в настоящее время в ОПИ ГИМ (ф. 416) и НВА ГИМ, а также есть ряд документов, связанных с ним и его деятельностью, в ЦГА Москвы (ранее — ЦИАМ; ф. 418), в ГАРФ, ОРПГФ Музеев Московского Кремля, отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина. Отдельные биографические детали о Георгии Леонидовиче Малицком можно найти в опубликованных воспоминаниях Анны Борисовны Закс и дневниках Алексея Васильевича Орешникова. Первая попытка написания творческой биографии выдающегося музееведа с частичной публикацией собранного материала принадлежит автору этой статьи¹.

Хорошо, что в последние годы на официальном сайте Исторического музея появилось упоминание о Г.Л. Малицком, пусть это и всего несколько строк без фотографии: «Малицкий Георгий Леонидович (1886—1953): музеевед, ученый секретарь Государственного Исторического музея, основоположник отечественного музееведения, педагог, писатель». Между тем, разнообразная и обширная деятельность музееведа в ГИМ заслуживает гораздо большего внимания.

Георгия Леонидовича по праву можно назвать настоящим гимном. Однажды войдя в стены еще Российского Императорского Исторического музея (это было еще перед началом Первой мировой войны), он, несмотря на различные перипетии эпохи и судьбы, остался преданным музею до конца своей жизни. Высоко оценивал деятельность Г.Л. Малицкого академик Александр Сергеевич Орлов, называя его «крупнейшим знатоком и специалистом музееведения», теоретиком музейного дела². Профессор Сергей Владимирович Бахрушин также считал ученого «одним из выдающихся советских музееведов», которому «принадлежит большое число работ по практике музейного дела и по музейной библиографии, как печатных, так и рукописных». Он же высказывал сожаление, что некоторые из его ценных работ «остаются до сих пор не напечатанными»³.

Георгий Малицкий родился 10 августа 1886 г. в многодетной семье московского коллежского асессора Леонида Ивановича Малицкого и его супруги Антонины Сергеевны и был самым младшим в семье. В возрасте девяти лет он потерял отца, дослужившегося к тому времени до чина нотариуса Москвы. Ранняя биография музееведа была связана с располагавшейся на Большой Лубянке 3-й Московской мужской гимназией, где он дружил со своим одноклассником — будущим известным поэтом Серебряного века Владиславом Ходасевичем. Георгий или «Жорж», как его называл Ходасевич, был его ближайшим другом. Общность интересов и душевная привязанность стали залогом их многолетней дружбы⁴.

Приведем небольшой отрывок из письма от 7 июля 1907 г. Ходасевича, написанного своему гимназическому другу много лет спустя с дачи в Лидино, которая являлась в те годы своеобразным культурно-поэтическим центром Москвы: «Дорогой Жорж! ... Как ты живешь? Неужели ты в этом году не приедешь в Лидино? Это было бы чрезвычайно огорчительно. К осени ты должен явиться сюда, мы с Мариной к этому прямо-таки привыкли и «убедительно» просим тебя приехать. Ты знаешь, как этим меня обрадуешь: не только бо друг еси моего сердца, но и живое воспоминание разных хороших времен. Приезжай, милый. А? (...) Твой Владислав»⁵. Как видно, совсем не случайно поэт Ходасевич, чуткий к особенностям языка, употребил «древнерусский» оборот, отсылающий к историческим и литературным занятиям Малицкого. С Владиславом Ходасевичем он будет поддерживать живую связь вплоть до отъезда поэта за границу в 1922 г. Тогда же Георгий Малицкий напишет единственное сохранившееся и опубликованное (журнал «Сегодня». М., 1922. № 6) стихотворение «Осеннее»:

Осенней ржавчиной подернулись листья,
И солнце шлет прощальные улыбки,
В моем саду цветут последние цветы,
В душе звучит напев осенней скрипки...
Но не изжитая, по прежнему влечет
К себе мечта игрою обольщений,
А молодость прошла... Настал иной черед —
Тяжелых дум и горьких сожалений.
Растраченная жизнь встает передо мной,
Вся дымкою окутанная зыбкой,
Кривляясь и дразня, как гаэр площадной
С растерянной и жалкою улыбкой...
А жизнь не раз звала горящие уста
Прильнуть к краям заманчивого кубка,
Не счастье робкое — пугливая мечта —
Так было кратко, призрачно и хрупко.
И вместо радостно-искристого вина
Жизнь напоила душу терпким зельем:
За каплю каждую взимала дань она
Мучительным и тягостным похмельем.
И молодость прошла... Не надо поздних слез
Пусть печаль в душе терзанья множит.
Возмездие... За что? — Бессмысленный вопрос...
Ответа нет, ответа быть не может.
В душе — бесплодное сознание пустоты
И непонятной роковой ошибки...
Роняют свой убор последние цветы,
И все грустней напев осенней скрипки.

В 1904 г., окончив гимназию с золотой медалью и следуя семейной традиции, Георгий поступает на юридический факультет Императорского Московского Университета. Но через два года переводится на историко-филологический факультет, выбирая свой путь в жизни, более соответствующий его интересам. Юношеское увлечение литературой и историей переросло к тому времени в глубокий интерес к памятникам истории и культуры. Особенно этот интерес усилился, когда ему удалось побывать с группой студентов в Италии и Греции⁶.

Спектр студенческих исследований Георгия был достаточно широким: от древнерусской житийной литературы до истории современных западных паломников⁷. В 1911 г. с дипломом первой степени Георгий успешно оканчивает Университет и получает предложе-

ние остаться на кафедре русского языка и словесности для подготовки к профессорскому званию «с предложением заниматься, в том числе, и историей русского искусства». В состав комиссии, которая принимала это решение, входят известные профессора Михаил Несторович Сперанский и Вячеслав Николаевич Щепкин. Именно они, очевидно, и пригласили в том же году молодого ученого в Исторический музей для участия в работе по палеографическому и историко-литературному описанию рукописей собрания И.Е. Забелина. Так сама судьба сводит его с музеем, который станет главным в его жизни.

К моменту прихода Георгия в Российский Императорский Исторический музей его основателя Ивана Егоровича Забелина уже не было в живых. Но в музее продолжали служить его коллеги и ученики. Среди них, кроме упомянутых М.Н. Сперанского и В.Н. Щепкина — Василий Алексеевич Городцов, Алексей Васильевич Орешников и др. Попав в круг таких корифеев исторической науки, Георгий приобретает бесценный опыт — основу его будущего профессионализма. Начав свою деятельность в музее с помощника в описании рукописей, он постепенно становится одним из опытнейших теоретиков и историков отечественного музейного дела. Помимо участия в описании древнерусских летописей из собраний И.Е. Забелина и Е.В. Барсова⁸, что было новаторским начинанием для того времени, Г.Л. Малицкий участвовал также в подготовке Первого Всероссийского музейного съезда в 1913 г.

Музейную деятельность Г.Л. Малицкого прервала Первая мировая война. В мае 1916 г. тридцатилетний Георгий, как не отбывавший воинской повинности, был призван на военную службу, и революционные события застали его в рядах действующей армии⁹. После двухлетнего перерыва, еще находясь на военной службе — теперь уже в рядах РККА (до полной демобилизации в 1922 г.), он продолжил свою педагогическую и музейную деятельность, возвратившись в Исторический музей. Именно тогда он становится ученым секретарем музея и принимает активное участие в работе комиссий по первой за советский период реорганизации Исторического музея. В то время был создан и функционировал Отдел теоретического музееведения¹⁰, ставший впоследствии уникальным и единственным музейным центром подобного рода в советской России. О своих музейных занятиях в начальные советские годы Г.Л. Малицкий написал в автобиографии в 1929 г.: «... Предыдущие мои научные занятия в области литературы по музейному делу и потребность Исторического музея в создании консультационного органа по вопросам музееведения вместе с развитием советского музей-

ного строительства, открыли возможность организации отделения музееведения (теории и практики музейного дела) и с 1918 г. по настоящее время я состою хранителем этого отделения в Историческом музее»¹¹. Эти слова перекликаются со страницами архивного документа, в котором о работе Малицкого рассказывали уже его коллеги: «... Поступив в качестве хранителя в Исторический музей, он вскоре увлекся им самим открытой областью — теоретическим музееведением, которое долго не признавалось особой научной дисциплиной. Верность ей Малицкий сохранил до конца жизни, за что вынужден был расплачиваться жизненными лишениями»¹².

Музееведение становится приоритетным направлением деятельности Г.Л. Малицкого, им были заложены и основы преподавания этого предмета. Ему удалось создать первый полный и широкодоступный библиографический каталог, материалы которого использовали в своей деятельности музейные работники всей страны. Уже в начале 1920-х гг. Малицкий щедро делился накопленными знаниями в этой области, читая лекции по музейной библиографии на курсах Наркомпроса РСФСР и выступая с докладами на конференциях. В 1924 г. он принимал участие в состоявшейся в Рязани по инициативе краеведческого музея и Общества по охране памятников 1-й Областной Музейной конференции (1-я конференция музейных работников Центрально-промышленной области). Периодически в печати появлялись его статьи по теории и истории музейного дела. Среди них: «Библиографические справочники по музейному делу»¹³, «Методы учета музейного материала»¹⁴, «Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции»¹⁵. Будучи одновременно Ученым секретарем Научной музейно-библиотечной секции Государственного Ученого Совета (ГУС), Малицкий занимался решением одного из актуальнейших вопросов того времени — вопросом хранения и учета музейных собраний. В результате долгих дискуссий и споров была создана инструкция, определившая общие принципы научно-охранного учета музейных коллекций, как писал Георгий Леонидович, «в виде последовательного применения трех основных способов — регистрации, инвентаризации и каталогизации».

Осенью 1928 г. Малицкий отправляется в двухмесячную заграничную командировку «для изучения состояния музеев за рубежом»¹⁶. Вот что записал по его возвращении в своем дневнике Алексей Васильевич Орешников: «... В Музее с 12 ½ до 3-х шло заседание [с докладом. — И.О.] Г.Л. Малицкого о его поездке по музеям Швеции, Дании, Финляндии и Германии. Говорил он слишком скоро и невнятно, многого я уловить не мог, но доклад насыщен

фактами»¹⁷. Эта поездка позволила Георгию Леонидовичу шире взглянуть на музейные проблемы, обогатила его бесценным опытом. Материалы поездки ученый-музеевед использовал и в экспозиционной практике в Историческом музее, и в ряде докладов.

Наступил 1929 г. — год Великого перелома, изменившего из-за начала репрессивной кампании — «академическое дело» (известного также как «дело Платонова — Тарле) историческую науку. Одним из главных фигурантов «академического дела» стал академик С.Ф. Платонов. Сохранилось редкое письмо ему от Г.Л. Малицкого от 9 октября 1929 г., полное уважения к историку: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Позвольте высказать Вам искреннюю признательность за присылку Вашей работы о Петре, которую мне уже давно хотелось иметь, но которую я не мог достать в Москве. Ваша ценная работа о Петре чрезвычайно важна для меня при занятиях начальной эпохой нашего музейного дела. Готовый к услугам Вашим и искренне уважающий Георгий Малицкий. 9/X 29»¹⁸. «Академическое дело» затронуло и музеи. Приказом Наркомпроса РСФСР от 15 октября 1929 г. в Историческом музее был ликвидирован общеевропейский отдел и уволена значительная группа старых специалистов-историков¹⁹.

В такой изменившейся атмосфере шла подготовка к проведению Первого Всероссийского музейного съезда, состоявшегося в декабре 1930 г. Именно на нем состоялся процесс «разоблачения врага народа» профессора Бруно Фридриховича Адлера. Побывавший за рубежом и прекрасно знавший его по работе Г.Л. Малицкий тоже попал под подозрение и вскоре был арестован. О том, как известие о его аресте, а также и других сотрудников, было встречено в музее, рассказано в дневниках А.В. Орешникова: «7 апреля (25 [марта]) 1931 г. — Благовещение. Узнал в Музее о заключении Г.Л. Малицкого, С.П. Григорова, П.И. Юкина и, говорят, предстоят аресты других музейных работников»²⁰. Как только руководство уведомили о том, что Малицкий находится под стражей, он сразу «был отчислен из музея»²¹, а деятельность отдела теоретического музееведения постепенно сошла «на нет»²². Какое обвинение выдвигалось против Георгия Леонидовича, не знала даже его супруга Ксения Михайловна, долгие годы работавшая в ГМИИ им. А.С. Пушкина²³. Возможно, именно отголоски «адлеровского дела» легли в основу обвинений против Георгия Леонидовича Малицкого. Ему в определенном смысле «повезло»: он пробыл на Лубянке пять месяцев, а потом был неожиданно выпущен с отметкой «считать проверенным».

В Исторический музей ему тогда не пришлось возвратиться. Спустя полгода после освобождения Г.Л. Малицкий смог устро-

иться на работу в Московский Коммунальный музей²⁴ и по совместительству в Управление по организации и строительству Дворца техники СССР. Мужественно приняв на себя удар судьбы, Георгий Леонидович сумел проявить свой музееведческий талант и здесь. Особенно показательна его методическая работа в Управлении Дворца Техники — уникального музейно-выставочного комплекса по истории техники. Здесь профессионализм ученого проявился с разных сторон: он был и историком технических музеев и выставок, и теоретиком-экспозиционером, и прекрасным методистом. Здесь также проявился его творческий почерк: он создал кабинет музееведения по типу отдела теоретического

Рис. 1. Георгий Леонидович Малицкий по возвращении в штат ГИМ. Не ранее 1936 г. Москва. Фотография из личного дела. НВА ГИМ

музееведения в Историческом музее, но только посвященный истории технических музеев и выставок. Деятельность Георгия Леонидовича в этом Управлении — такая же яркая и трагическая, какой была и судьба самого проекта, для осуществления которого оно и было создано. Примечательно, что проект Дворца Техники в одночасье «канул в лету» в 1935 г. вместе с его идейным вдохновителем и куратором — Н.И. Бухариным (1888—1938), и был забыт, растворившись в пучине репрессий, обрушившихся на его участников²⁵.

Через год Малицкому неожиданно удалось вернуться в Исторический музей, для чего он уволился из Музея Коммунального хозяйства и приступил к своим трудовым обязанностям в любимой им должности заведующего кабинетом музееведения²⁶ (рис. 1).

Так судьба сама вернула его в родной музей, хотя последствия от нахождения на Лубянке и развернувшиеся события в Управлении по организации и строительству Дворца техники СССР пусть и не сломали, но все-таки сильно изменили и надломили Георгия Леонидовича не только внутренне, но и внешне. От красивого юноши-студента Московского университета осталось только имя. Вот как описывает его сотрудница ГИМ Анна Борисовна Закс: «Это был

невысокий худощавый человек, так сказать, „неопределенной масти“. Первое впечатление производил „сероватое“. Лицо с испуганными маленькими, будто выцветшими глазами. Но это было лишь первое впечатление. Арестованный в конце 20-х гг., как и многие другие «дореволюционные» гуманитарии (он был, кажется, филолог), он раз навсегда испугался и ко всем незнакомым людям относился с недоверием и предосторожностью. Боялся публикации своих трудов. Позднее, когда я уже стала своим человеком в ГИМе, мы познакомились ближе и подружились»²⁷. Атмосфера недоверия и подозрительности в обществе постепенно росла и достигла своего апогея к 1937 г. Не только публиковать свои работы Г.Л. Малицкий «боялся», но и, предположительно, уничтожил многое из своего архива. Книга воспоминаний Анны Борисовны Закс «Эта долгая, долгая, долгая жизнь...» хранит и другие строчки о Георгии Леонидовиче Малицком: «Семейные дела у него были сложные. Беда, когда жена предана только науке, а муж мало приспособлен к жизни. Малицкий, обладавший громадными знаниями в области истории, литературы, цитировавший свободно латинских и греческих классиков, владевший почти всеми европейскими языками, ходил буквально ободранный, а иногда и полуголодный. Притчей во языцех был его портфель. Этот „долгожитель“ буквально разваливался на куски, а Георгий Леонидович бережно перевязывал его веревкой. Мы купили ему новый портфель, но он с сожалением расстался со старым другом»²⁸.

По возвращении в музей из самого яркого в его деятельности того времени можно отметить составление первого в истории России списка музеев по состоянию на 1913—1914 гг., причем обзор музейных учреждений производился Малицким по созданным им же критериям. Наряду с этим, с 1936 по 1940 г. он принимал непосредственное участие в очередной реконструкции основной экспозиции ГИМ, а также в подготовке и оформлении различных выставок. Так, например, в печально знаменитом 1937 г. — юбилейной выставки А.С. Пушкина. По замечаниям А.Б. Закс, «наилучшей из всех предыдущих и последующих пушкинских выставок», ставшей «как бы эталоном для других музеев», основным принципом экспозиционного представления которой «был показ подлинников, что было очень смело в те годы, когда во главу угла любого музейного показа ставилась идея, причем марксистская». Тогда же Г.Л. Малицкий начал сотрудничать с Научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы (НИИКМР), на одном из заседаний ученого совета которого им ставился вопрос о необходимости написания и издания «коллективного труда по истории музейного

дела в России и на Западе». Малицкий был инициатором создания и, по сути, единственным исполнителем его. К сожалению, труд так и не был написан до конца, хотя первые попытки систематизировать и выстроить эту историю были осуществлены музееведом в соответствии с его собственной новаторской концепцией²⁹. В воспоминаниях А.Б. Закс сохранились также упоминания о значительных библиографических трудах Георгия Леонидовича по музейному делу в годы его работы в ГИМ: «Малицкий был единственным в те годы знатоком мировой музееведческой литературы. Им была собрана прекрасная библиотека (часть которой позднее попала в Институт музееведения) и уникальная библиография по музееведению (она также была передана в Институт музееведения, но после преобразования его в Институт культуры оказалась никому не нужной и, кажется, до сих пор замурована в каком-то незаметном углу)»³⁰. Анна Борисовна Закс также писала, что «очень полезен был музееведческий семинар, который вел Г.Л. Малицкий».

Ко времени начала Великой Отечественной войны Георгию Леонидовичу было уже 56 лет. Супруги Малицкие, несмотря на имеющееся разрешение на эвакуацию³¹, остались в Москве и работали всю войну каждый в своем музее. С января 1942 г. он снова стал ученым секретарем музея и выполнял свою работу, как вспоминали его коллеги в музее, «с присущей ему обязательностью, аккуратностью и инициативой». Исторический музей в числе первых начал собирать материалы о войне «по горячим следам», и к этому тоже был причастен Георгий Леонидович: «По инициативе Г.Л. Малицкого начался сбор материалов у защитников Москвы — зенитчиков»³². Он использует новый метод сбора информации — тематический. В сложное военное время силы музейщиков часто бывали на пределе. Документы, сохранившиеся в архиве, подтверждают серьезность положения. В списке сотрудников, нуждающихся в усиленном питании, отправленном в музейно-краеведческий отдел НКП РСФСР, есть и фамилия Г.Л. Малицкого³³. Вот что писала А.Б. Закс о Георгии Леонидовиче в те годы: «Однажды (В дни войны) он сказал мне: „Вчера есть было совершенно нечего, но я взял Гомера. Это витамин, витамин!“ и глаза его загорелись голубым сиянием»³⁴.

На должности ученого секретаря Исторического музея Г.Л. Малицкий оставался практически до конца своей жизни. Его музейная деятельность получила признание не только в музее, он был награжден грамотами и медалями, преуспел в педагогической области, читая свой авторский курс истории и теории музейного дела в МГУ. Однако необходимых для преподавания ученых степеней и звания профессора у него не было, хотя для этого были все ос-

нования. По нелепой случайности в тот год, когда за него ходатайствовали и музей, и многие авторитетные академики, Малицкий состоял в штате Музея Коммунального хозяйства, который не находился в системе Наркомпроса — обойти бюрократическую систему оказалось невозможным...³⁵

В послевоенные годы по приглашению дирекции Музеев Московского Кремля Георгий Леонидович участвовал в создании уникального сборника научных трудов Оружейной палаты, взяв на себя основную нагрузку (после ушедшего в мир иной академика С.К. Богоявленского) по редактированию статей и написанию истории уникального музея-сокровищницы³⁶. Печально, но Георгий Леонидович так и не успел поддержать в руках свой самый основательно изданный труд — он умер за год до его выхода в свет.

22 апреля 1952 г. с ним случился инсульт, и как результат — полная недвижимость и потеря речи при ясном сознании³⁷. Несколько месяцев (до конца сентября) в Музее ждали его выздоровления (должность ученого секретаря оставалась за ним³⁸). К сожалению, вернуться к нормальной здоровой жизни ему было так и не суждено.

24 января 1953 г. Георгия Леонидовича Малицкого не стало³⁹. Находившийся рядом с ним зять, будущий профессор МГУ Руджеро Сергеевич Гиляревский⁴⁰ рассказывал автору: «Умер он ночью, когда все спали в другой комнате, а явных признаков сознания у него не было уже несколько дней...». Так тихо ушел из жизни замечательный человек и выдающийся музейевед, а вместе с его уходом закончилось почти сорокалетнее служение его любимому делу и родному Историческому музею.

Бесспорно, это был человек по-своему уникальный и достойный памяти потомков. У нас есть личные основания утвердиться в этом после получения письма от Руджеро Сергеевича Гиляревского, написавшего следующие проникновенные слова: «Уважаемая Ирина! Мне было приятно узнать, что Вы занимаетесь творчеством Георгия Леонидовича. Он заслуживает, чтобы его имя не было забыто. Я прожил с ним недолго, но он оставил глубокий след в моей памяти. Вне всякого сомнения, он был фигурой трагической. Когда я читал „Доктора Живаго“, то многое понял в его жизни».

С семьей у Георгия Леонидовича в конце жизни были сложные отношения. А в музее его любили и уважали. И похороны организовывал музей. Из воспоминаний Р.С. Гиляревского: «В то время директором была женщина [Анна Самойловна Карпова. — *И.О.*]. Она опекала Георгия Леонидовича, приезжала к нему. <...> Они („гимовцы“) очень о нем заботились. На похоронах было человек тридцать-сорок, несмотря на жуткий мороз. И, прощаясь, гово-

рили о нем много хорошего...». Похоронили Георгия Леонидовича на Дьяковском кладбище в Коломенском, где тогда хоронили многих гимовцев. Из воспоминаний Р.С. Гиляревского: «Про похороны я отчетливо помню, что был сильный мороз и глубокий снег, потому что мне доставали шубу и валенки, которых у меня не было. Машину пришлось остановить на шоссе, а гроб мы несли до кладбища чуть не по пояс в снегу. Была мраморная плита с надписью. Когда кладбище переносили, никого не известили, а в этом месте были похоронены и другие сотрудники музея. Я так и не знаю, сохранилась ли могила где-то на другом кладбище». Предстоит еще найти эту могилу, если она существует...

В одной из статей об Иване Егоровиче Забелине написано: «Музей был для И.Е. Забелина всем — его любовью и смыслом существования». То же самое можно сказать и о Георгии Леонидовиче Малицком. Совершенно очевидно, что биография этого выдающегося музееведа и гимовца достойна быть включенной в «золотой фонд» музейного наследия России.

- ¹ Сосименко И.П. Малицкий Г.Л. // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 345. (Далее — РМЭ). Она же: Музеевед Г.Л. Малицкий. Опыт творческой биографии: Дипломная работа. М.: РГГУ, 1994. С. 80–91 // Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «С». Д. 45 (на правах рукописи); Об участии Г.Л. Малицкого в создании сборника «Государственная Оружейная палата Московского Кремля» // Материалы и исследования / Федеральное гос. Учреждение культуры «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2010. Вып. XX. С. 323–338; Основоположники отечественного преподавания музееведения: Г.Л. Малицкий // Вопросы музееведения. Санкт-Петербург, 2011. Вып. 2. С. 46–54; 57 лет на службе музею // Музей. М., 2011. Вып. 3. С. 62–67. (В 2013 г. у автора Сосименко И.П. поменялась фамилия — Обыденкова И.П.).
- ² Отзыв о научной деятельности Г.Л. Малицкого, подписанный академиком А.С. Орловым 23 сентября 1943 г., для получения академической пенсии. ОПИ ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 27. Орлов Александр Сергеевич (1871–1947), литературовед, специалист по древнерусской литературе, профессор МГУ. Академик АН СССР по Отделению общественных наук (1931).
- ³ ОПИ ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 28. Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950), историк, член-корреспондент АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР (1945).
- ⁴ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939), русский поэт, переводчик. Выступал также как критик, мемуарист и историк литературы, пушкинист. См.: Воспоминания второй жены Владислава Ходасевича Анны Ходасевич, урожденной Чулковой // Владислав Ходасевич. Собрание стихов. Серия «Серебряный век» / Сост. А. Дорофеев. М.: Центурион; Интерпракс, 1992. С. 415; там же: Биографический очерк. С. 434.

- ⁵ Владислав Ходасевич: Собрание сочинений в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Согласие, 1997. С. 380—381.
- ⁶ НВА ГИМ. Оп. 1 л. Д. 194. Л. 81.
- ⁷ В 1909—1911 гг. он разрабатывает такие темы, как «Отражение иконографии в духовных стихах, колядках, заговорах» (1909), «Язык Домостроя по списку Общества Истории Древностей Российских (по изданию И.Е. Забелина)» (до 1911), «Церковное искусство и средневековый театр» (до 1911), «Игумен Даниил и современные западные паломники» (до 1911).
- ⁸ Малицкий Г.Л., Щепкин В.Н. Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова. М.: Синод. Тип., 1915.
- ⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 62.
- ¹⁰ Отдел теоретического музееведения (первоначально в виде отдела (позже отделения) музееведения и регистрации исторических памятников) был организован в Музее 1 сентября 1918 г. из справочного подотдела при отделе ученого секретаря.
- ¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 39. О работе Г.Л. Малицкого в отделе (отделении) теоретического музееведения см.: *Сосименко И.П.* Г.Л. Малицкий и его деятельность в музеях Москвы. 2010; *Сосименко И.П.* Деятельность Г.Л. Малицкого в НИИКМР и история музейного дела. 2011 // Материалы и исследования; статьи переданы в научную часть Музеев Московского Кремля для публикации, сборник не был опубликован; *Сосименко И.П.* Деятельность одного из основоположников отечественного музееведения Г.Л. Малицкого в ГИМ. Статья написана на основе доклада «Деятельность одного из основоположников российского музееведения Г.Л. Малицкого (1886—1953): «гимовский период», прочитанного на конференции в ГИМ «Основатели исторических музеев: продолжение традиций в XX в. и инновации XXI в. Памяти историка и основателя Российского исторического музея И.Е. Забелина» 10 ноября 2009 г. // Материалы конференции. (В печати). Сборник не был опубликован.
- ¹² НВА ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 107.
- ¹³ Малицкий Г.Л. Библиографические справочники по музейному делу // Казанский музейный вестник. Вып. 1. Казань, 1922. С. 47—54.
- ¹⁴ Малицкий Г.Л. Методы учета музейного материала // Вопросы областного музейного дела. Рязань, 1925. С. 60—71.
- ¹⁵ Малицкий Г.Л. Музейное строительство в России к моменту Октябрьской революции // Научный работник. № 1. М., 1926. С. 43—57.
- ¹⁶ АРАН. Ф. А-2307. Оп. 19. Д. 33. Главнаука. Протоколы заседаний комиссии по заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР. 16 января — 31 декабря 1928 г. (Л. 55. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ 285. МАЛИЦКИЙ Георгий Леонидович. Занимаемая должность: Хранитель. Место командировки: Норвегия, Швеция, Германия, Дания. Срок командировки: 2 мес. Цель командировки: Научная работа в области музейного дела. За чей счет командировка и размер ассигнования: НКП — 300 р.). Л. 62, 63.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2, Д. 14—16. Дневники А.В. Орешникова.
- ¹⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 3477. Л. 1. Архив С.Ф. Платонова. Г.Л. Малицкий. Письма (2) С.Ф. Платонову. 1928—1929.
- ¹⁹ См.: *Захс А.Б.* Из истории Государственного Исторического музея (1917—1941 гг.) // Очерки истории музейного дела. Там же. Вып. 2. М., 1960. С. 346.

²⁰ Дневники А.В. Орешникова.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 14; 46.

²² В 1931–1935 гг. постоянно работает в кабинете только Евгения Павловна. Как следует из отчета Кабинета музейеведения за 1933 г., написанного, судя по почерку, Е.П. Борисовой:

«Кабинет музейеведения за 1/VII 1933 г. работал в составе заведующего, трех постоянных консультантов (Шокин, Удальцов, Шестаков) и научного сотрудника II разряда. 1/VII кабинет был расформирован, его библиографическая часть передана в библиографическую группу библиотеки, остальные материалы предполагалось распределить по разным отделам ГИМа. Но, учитывая целостность и связанность всех материалов кабинета музейеведения, во вторую половину 1933 года на основе этих материалов и материалов Ученого секретариата было сформировано музейно-справочное бюро, как научно-справочный аппарат по музейеведению при Ученом Секретариате ГИМа, с одним штатным старшим научным сотрудником. Положение о музейно-справочном бюро было утверждено в декабре месяце».

В 1933 г. в связи со структурными изменениями в Историческом музее отдел был ликвидирован, его архив законсервирован. Возможно, это было связано еще и с тем фактом, что в том же 1933 г. в составе Наркомпроса РСФСР был восстановлен музейный отдел (?), призванный решать аналогичные с отделом теоретического музейеведения Исторического музея вопросы. А вот что следует из отчета за 1935 г.:

«Бюро работало в течение почти целого года в составе одного старшего научного сотрудника (Е.П. Борисовой), лишь в конце года заведывание Бюро было возложено на Ю.В. Сергиевского». «Количественное выполнение плана работ по Музейно-справочному Бюро не свидетельствует, однако, о нормальном ходе работ в этом отделе. Бюро остро ощущает неполноту разветвления музейно-методической работы и отсутствие связи с другими музеями. Это отражается на планомерном развертывании работ Бюро и на полном и своевременном освоении практических достижений музейного дела». Очевидно, к концу 1935 г. настал критический момент в работе Бюро, и работа могла бы сойти на нет, если бы в 1936 г. в музей не вернулся Георгий Леонидович Малицкий. Хотя, как писал позже в своей автобиографии Георгий Леонидович, связи с Историческим музеем он не терял. Работая в это время в Московском коммунальном музее и по совместительству в Управлении по организации и строительству Дворца техники, он консультировал сотрудников ГИМ, выполнял отдельные научные задания и пр. По возвращении же Г.Л. Малицкого в музей, связанного, очевидно, со сменой руководства, был восстановлен кабинет музейеведения. Но многое уже было по-другому. В 1937 г. архив отдела был передан НИИ краеведческой и музейной работы.

^{См.:} *Захс А.В.* Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // *Очерки истории музейного дела в СССР*. М., 1968. Вып. 6. С. 22.

²³ Малицкая Ксения Михайловна (1890–1969), советский искусствовед, специализировавшийся на искусстве Испании. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1962). Сотрудник ГМИИ им. А.С. Пушкина со дня его открытия, в качестве заведующей внесла большую роль в создание библиотеки музея. Работала экскурсоводом, затем старшим научным сотруд-

- ником отдела скульптуры, с 1940 г. и до конца жизни возглавляла отдел искусства стран Европы и Америки. Подробнее о К.М. Малицкой см.: *Кузнецова И.А., Никитюк О.Д.* Ксения Михайловна Малицкая // Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина — 100 лет. 1898—1998. Альбом / Общество поощрения художеств; вступит. ст. И.А. Антонова. М.: Галарт, 1998. С. 154.; *Морозова А.В.* Отечественная искусствоведческая испанистика. Становление и развитие / Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 151—162; *Сосименко И.П.* 57 лет на службе музею // Музей. Вып. 3. М., 2011. С. 62—67.
- 24 Музей московского городского хозяйства (1896), Московский Коммунальный музей (с 1920 г.), Музей истории и реконструкции Москвы (с 1940 г.), Музей истории Москвы (с 1986 г.). См.: *Канторович И.В.* Истории Москвы музей // РМЭ. С. 227.
- 25 Об этом удивительном несостоявшемся гиганте писала в своих работах С.Г. Морозова, а участие Г.Л. Малицкого в нем, а также в Музее Коммунального хозяйства еще ждет своего исследователя.
- 26 Сначала по совместительству — в качестве исполняющего обязанности действительного члена, а с 28 августа того же года — в порядке основного места службы (там же. Л. 14, 48).
- 27 *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая, долгая жизнь: Воспоминания в двух книгах. Кн. 2. М., 2000. С. 14; То же: И за строкой воспоминаний большая жизнь. Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 146.
- 28 Там же. С. 146.
- 29 *Сосименко И.П.* Г.Л. Малицкий и его деятельность в музеях Москвы. 2010; *Сосименко И.П.* Деятельность Г.Л. Малицкого в НИИКМР и история музейного дела. 2011 // Статьи переданы в научную часть Музеев Московского Кремля для публикации в сборнике «Материалы и исследования».
- 30 *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая, долгая жизнь... С. 146.
- 31 Об этом свидетельствует сохранившееся письмо в архиве ГМИИ им. А.С. Пушкина.
- 32 *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая, долгая жизнь... С. 146.
- 33 НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 712. Л. 37.
- 34 *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая, долгая жизнь... С. 146.
- 35 *Сосименко И.П.* Основоположники отечественного музееведения: Г.Л. Малицкий и его педагогическая деятельность. Вопросы музееведения. Санкт-Петербург, 2011. Вып. 2. С. 46—54.
- 36 *Сосименко И.П.* Об участии Г.Л. Малицкого в создании сборника «Государственная Оружейная палата Московского Кремля» // Материалы и исследования / Федеральное гос. Учреждение культуры «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2010. Вып. XX. С. 323—338.
- 37 НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 1007. Л. 91—92, 100 об., 126.
- 38 Во время болезни и после ухода Г.Л. Малицкого исполняла обязанности ученого секретаря музея Вера Николаевна Иванова.
- 39 Дата смерти уточнена автором настоящей статьи. В Гагаринском отделе ЗАГС Управления ЗАГС города Москвы имеется запись акта о смерти № 104 от 24.01.1953 г., составленная Ленинским отделом ЗАГС г. Москвы на Малицкого Георгия Леонидовича. Дата его смерти 24 января 1953 г.

- ⁴⁰ Гиляревский Руджеро Сергеевич (род. 1929), зять Г.Л. Малицкого; доктор филологических наук, профессор, специалист в области научной информации и коммуникации, информационных технологий, гипертекста, гипер- и мультимедиа, электронных книг, информационного менеджмента. С 1968 г. Гиляревский заведует отделением научных исследований по проблемам информатики ВИНТИ РАН; продолжает преподавать и читать лекции — профессор межфакультетской кафедры научной информации, кафедры новых медиа и теории коммуникации (2014 — н. вр.) факультета журналистики МГУ. Автор свыше 300 печатных работ. В 1999 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

История одной бронзовой подвески (показательный случай хранения археологических материалов в Историческом музее)

При подготовке к внесению в Госкаталог коллекции графа А.С. Уварова на одном из планшетов с нашитыми на него вещами была обнаружена записка, написанная в 1929 г. хранителем кавказского фонда Е.Г. Пчелиной, ученым-исследователем, оставившей яркий след в археологии, религиоведении, этнографии, фольклористике Кавказа, Армении, Азербайджана, Средней Азии. Записка свидетельствовала, что данный предмет под № 564 был передан на антирелигиозную выставку, организованную В.Г. Богоразом в Ленинграде. Под этим номером в Каталоге собрания древностей графа А.С. Уварова, подготовленным графиней П.С. Уваровой, значится бронзовая подвеска кобанской культуры I тыс. до н.э. в виде бараньей головки. Она была раскопана сыном А.С. и П.С. Уваровых Сергеем в могильнике села Камунта во время их совместной поездки на Кавказ.

Переданная в 1921 г. в ГИМ коллекция в 1923 г. была вписана в Главную инвентарную книгу. Известный археолог Д.Н. Эдинг подписал планшет с нашитым на него экспонатом и расчертил на лицевой стороне по комплексам, кратко описав их на оборотной стороне планшета. Контрольный экземпляр фотографии планшета присутствует на топографической карточке. Съемку всех планшетов и составление топографической картотеки с наклеенными на карточки контролками организовал выдающийся археолог В.А. Городцов. В 1970-х гг. археолог, доктор исторических наук М.П. Абрамова составила на коллекцию опись, по которой все предметы получили музейные каталожные номера.

В 2020 г. коллекция была внесена в электронную базу КАМИС с сохранением всей имеющейся к тому времени на документах и планшете информации и подготовлена для включения в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации.

Таким образом, на примере истории одной вещи возможно проследить и представить всю систему хранения археологических материалов в Государственном историческом музее.

О.А. Шашкова

Центральный государственный литературный архив и Государственный Исторический музей: к истории взаимосвязей в 1940-е годы

История становления любого «храма памяти» — архива, музея, библиотеки — это всегда история созидания. И не только потому, что идет накопление текстов, предметов, книг. Прежде всего, через эти уникальные источники совершается почти сакральный процесс приращения знаний.

Однако нередки случаи, когда институции, хранящие наследие прошлого, для уточнения профильности передают часть своих богатств родственным организациям. На первый взгляд, — очевидные приобретения одних за счет ослабления других. В действительности культурное пространство имеет свои законы полноты бытия. И история формирования собраний Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а почти 80 лет назад — Центрального государственного литературного архива (ЦГЛА), подтверждает непреложную истину о неделимости культуры.

В жизни многих учреждений рано или поздно наступает период, когда они начинают воссоздавать собственное прошлое. РГАЛИ — не исключение. История организации архива была сложной, и за последнюю четверть века ее наиболее важные вехи не раз являлась предметом научного интереса¹. Если затрагивать историю комплектования ЦГЛА, то главным проводником по тем дальним тропам прошлого является «архив архива» — фонд современного РГАЛИ, а также его учетные документы. В отличие от большинства современных федеральных архивов, возникших в годы Гражданской войны, становление ЦГЛА пришлось на более поздний период. И тому были причины.

Известный советский Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике» от 1 июня 1918 г., помимо институализации архивной отрасли, предполагал создание профильных почти всем наркоматам архивов². Но если новые органы власти, управления, юриспруденции, равно как и исторически сложившиеся и ли-

квидированные учреждения дореволюционной России получили специализированные архивы для хранения документации, то искусство, образование и культура не очень гармонично слилась в Наркомпросе. Местом «приписки» материалов наркомата стал Архив Октябрьской революции. Излишне говорить, что при этом ряд «именных музеев», связанных с творчеством выдающихся русских писателей, художников, композиторов, а также изрядное количество частных коллекций в итоге остались в весьма уязвимом положении.

Ситуацию призван был спасти Государственный литературный музей (ГЛМ), создававшийся с огромными трудами и перекосями в комплектовании. Причем проблемы в его деятельности усугублялись необходимостью приема копившихся материалов новых советских организаций культурного профиля — издательств, редакций, концертных коллективов, театров, киноорганизаций и др.³ По существу, ГЛМ начал концентрировать значительные комплексы источников, которые никогда не смогли бы стать объектом экспонирования, поскольку музей всегда ориентирован на показ мемориальных предметов, а не рукописей, переписки или дневников. Специфика музейной деятельности в известной степени обрекала собранные сокровища на безвестность.

Энергия сотрудников Литературного музея и их активная собирательская деятельность, особенно во второй половине 1930-х гг., привели к появлению дублетных источников (по подсчетам самих сотрудников ГЛМ — около 6 тыс. документов), которые были сосредоточены в так называемом обменном фонде. Он активно использовался; в частности, сохранилось письмо руководства ГЛМ в Наркомпрос от 28 февраля 1938 г. о том, что «Исторический музей через особую комиссию осмотрел наши [Гослитмузея. — *О.Ш.*] исторические фонды и очень охотно идет на обмен»⁴.

Однако в реальности ситуация была сложнее, о чем свидетельствует совместное письмо руководства Гослитмузея наркому просвещения В.П. Потемкину от 11 октября 1940 г.: «Нам очень хорошо известно, что в Историческом музее имеются специальные литературные фонды, совершенно не имеющие никакого отношения к основной теме Исторического музея <...> К таким архивам принадлежит архив министра народного просвещения Уварова, современника Пушкина, который вел очень большую переписку с литераторами, в том числе с Гёте. Из новейших архивов позвольте сообщить Вам об архиве В.М. Лаврова, редактора журнала „Русская мысль“, который был отдан его вдовой в 1919 году под расписку на временное хранение и, несмотря на то, что вдова этого писателя и редактора передала нам все документы и право получения этого

действительно литературного архива в наши фонды, мы в течение последних двух лет тщетно добиваемся передачи нам его. Конечно, этими двумя примерами не ограничиваются громадные литературные фонды, которыми Исторический музей обладает в своем рукописном отделении»⁵.

Завершается письмо следующим: «... Будем надеяться в самое ближайшее время получить все такие материалы <...> и из Исторического музея, передача литературных фондов которого, кстати, была разрешена еще год тому назад заведующим Музейным отделом В.А. Радус-Зеньковичем по согласованию с Наркомом просвещения того времени. Но в жизнь это решение не было проведено, ввиду сопротивления Исторического музея, с одной стороны, а также ввиду больших перемен, которые как раз в это время наступили в Наркомпросе».

Письмо осталось без последствий, поскольку и сам Гослитмузей находился в это время под сильнейшим огнем критики. Поводы для нее были как субъективные (весьма неприязненные отношения директора музея Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича с наркомом просвещения, причем со всеми, кто занимал этот пост после А.В. Луначарского), так и вполне объективные⁶. Как выяснилось в ходе нескольких проверок деятельности ГЛМ во второй половине 1930-х гг., учет и обработка собранных документов велась крайне поверхностно. Комиссия Наркомпроса (одним из ее членов был заведующий издательством Государственного Исторического музея В.П. Темко) в своем акте от 10 февраля 1940 г. указывала, что «количество хранимых в музее материалов точно не установлено. Все громадное собрание находится в небольших комнатах, до потолка набитых вещами, между которыми оставлены узкие проходы»⁷. В огромном акте на почти 100 листах машинописи ситуация с неописанными, неучтенными или даже не выкупленными, но хранимыми в ГЛМ документами представлялась как крайне тяжелая.

Выходом стало решение об организации специализированного, «профильного культуре» архива, призванного собирать, хранить и использовать материалы по истории отечественного (и, как показала практика, отчасти зарубежного) искусства и творческих документов. Безусловно, немалую роль в проведении реформы всей архивной сети страны, которая с 1938 г. перешла в ведение НКВД, сыграла военная опасность и серьезная обеспокоенность за судьбу архивов. «Воздухом войны» с конца 1930-х гг. дышало не только советское общество, но и весь мир.

В этих условиях было принято известное постановление Совнаркома СССР № 723 от 29 марта 1941 г. Оно утвердило новое По-

ложение о Государственном архивном фонде СССР, прописав: «<...> 2. Предложить НКВД СССР организовать к 1 июля 1941 года в г. Москве Центральный Государственный Литературный архив для хранения в нем литературных фондов государственных архивов и соответствующих документальных материалов музеев, библиотек, научно-исследовательских институтов и др. учреждений»⁸. В приложении к постановлению — новой «сети госархивов Союза ССР», Центральный государственный литературный архив⁹ значился под № 10.

Тема взаимоотношений Государственного исторического музея с теперь уже поименованным ЦГЛА вновь возникает в несколько неожиданном ракурсе 10 мая 1941 г., когда в Главном архивном управлении состоялось совещание под председательством зам. начальника А.В. Чибрякова, посвященное организации Литературного архива. В одном из выступлений прозвучали крайне тревожные слова: «Мы знаем, что многочисленные литературные документы, представляющие для нас исключительную ценность, хранились недостаточно хорошо <...> известно, что целый ряд произведений великих писателей просто исчез. Возьмем, например, „Кобзарь“ Шевченко, с пометками автора, который исчез из Исторического музея, тетрадь стихов великого Пушкина также исчезла из сейфа Пушкинского музея»¹⁰.

Таким образом, проблема передачи отдельных фондов или материалов Исторического музея в ЦГЛА была на повестке дня. Но судьба будущего архива изначально оказалась переплетенной и с целым рядом других «хранителей древностей». Среди них были, прежде всего, Государственный Литературный музей, Государственная библиотека им. Ленина, Литературно-мемориальный музей В.Г. Короленко, Пензенский областной госархив, Театральный музей им. А. Бахрушина, госархивы Московской области, Центральный госархив древних актов, Центральный архив Октябрьской революции, ЦГИА в Ленинграде¹¹. В рапорте о ходе приема документов в ЦГЛА, помеченном 6 июня 1941 г., заместитель директора будущего архива П.Ф. Викулов писал, что «... указанные в графике музеи, которые должны нам сдавать материалы, в график включены с целью ускорить от них приемку, так как сведения о их материалах у нас уже имеются, и еще потому, что их материалы полностью относятся к литературе и искусству и, безусловно, подлежат сдаче в Литературный архив <...> подобные им библиотеки и музеи, как, например, библиотека им. Ленина или Исторический музей, кроме литературных и искусствоведческих документальных материалов, имеют документальный материал, подлежащий хранению

в Историческом, Древних актов, Военно-историческом архивах»¹². В этом же рапорте в графике приема документальных материалов в архив говорилось, что передача ряда фондов (не обозначенных прямо) из Исторического музея отнесена на второй этап и предполагалась позже, в июне — июле 1941 г.

Зная последующие события, излишне говорить, в какой исторический момент формировались собрания ЦГЛА. В условиях стремительного наступления немцев главным было сохранить любой ценой, не разделяя по организациям и ведомствам, национальную память. К августу 1941 г., не осуществив всех намеченных планов по комплектованию, не разместившись по-настоящему в выделенных хранилищах на Девичьем поле (в «архивном городке») и не сформировав полноценного штата сотрудников, ЦГЛА начал эвакуацию собранных документов.

Но вопросы комплектования вновь созданного архива продолжали волновать руководство отрасли. Свидетельство тому — письмо А.В. Чибрякова директору Государственного исторического музея А.С. Карповой от 1 августа 1941 г.: «Главное Архивное Управление НКВД СССР поручает т.т. Старову, Чернову и Андрееву провести обследование состояния архива Исторического музея, а также отобрать материалы, подлежащие передаче на хранение в центральные государственные архивы, согласно постановлению СНК СССР от 29/III-1941 г.»¹³.

Хотя вопросы деления фондов между архивом и музеем, конечно, не были доминирующими, но возвращались к ним с завидной регулярностью. Государственный контроль над ходом комплектования, стремление сохранить заданную правительственным документом специализацию создающегося архива довели над руководством ЦГЛА, подчиненного Управлению государственных архивов НКВД СССР. Об этом говорится в рапорте первого начальника архива Полины Прокофьевны Лобановой заместителю наркома внутренних дел СССР Сергею Николаевичу Круглову от 23 февраля 1942 г., где она сообщает, что на 15 февраля на хранение в архив поступило более 300 тыс. единиц хранения (около 1 млн документов), однако в ряде музеев продолжают храниться литературные фонды: «В Государственном историческом музее имеются материалы Аксаковых, Арцибашева И.И., Белинского, Гоголя, Григоровича, Державина, А.С. Суворина, И.С. Тургенева, Чайковского и многих других представителей литературы и искусства»¹⁴. Этот рапорт свидетельствует отнюдь не о «ведомственной ревности», а о том, как важно в одном месте, не разделяя и не дробя, хранить материалы деятелей культуры: «Фонды крупнейших представителей литературы, искус-

ства, публицистики и общественных деятелей, до сих пор разбросанные по разным городам, краям и областям, начинают сосредотачиваться в Центральном Государственном Литературном архиве». И далее приводятся конкретные примеры того, как из удаленных мест, небольших музеев, не обеспечивавших самой элементарной безопасности, собирались бесценные реликвии. Хотя подобная ситуация никак не соотносилась с первым и единственным хранителем истории страны — Историческим музеем, посыл П.П. Лобановой понятен: «Концентрация материалов в Едином Государственном Архивном фонде дает возможность систематизировать материал по определенному плану, что, безусловно, очень облегчит для научных работников использование документальных источников»¹⁵.

Принцип профильности архива и недробимости фондов, подкрепленный ведомственной принадлежностью ЦГЛА к системе НКВД, действовал. Несмотря на эпизодическое присутствие в документах внутреннего архива РГАЛИ материалов о передаче фондов ГИМ в ЦГЛА, обращает на себя внимание протокол производственного совещания сотрудников группы ЦГЛА, остававшейся в Москве, по обсуждению итогов Всесоюзной конференции историков-архивистов 1—3 июня 1943 г.: «Государственный Исторический музей передал нашему архиву после упорной борьбы несколько мелких фондов. Все они обработаны и описаны научными сотрудниками музея. Качество этой работы оказалось таким низким, <...> что нам пришлось всю работу по разборке и описанию этих фондов проделать заново»¹⁶. Справедливости ради надо сказать, что к середине 1940-х гг. методика описания личных фондов еще только формировалась, многое делалось наугад, по сложившимся и нередко спорным традициям. На момент 1940-х гг. качество описания фондов и в самом архиве оставляло желать много лучшего, хотя впоследствии именно коллектив ЦГЛАИ — РГАЛИ внес наибольший вклад в разработку методики.

Итак, к июню 1943 г. ЦГЛА уже получил ряд «мелких фондов». По внутренним учетным документам архива проходит, что событие произошло 6 марта 1943 г. Тогда по акту в архив поступили из музея фонды публициста и драматурга Л.Н. Антропова (8 ед. хр.), писателя Н.В. Елагина (13 ед. хр.), историка Церкви А.Н. Кудрявцева (33 ед. хр., которые в начале 1950-х гг. были переданы в Одесский областной архив), поэта С.В. Лютова (2 ед. хр.) и драматурга Н.И. Филимонова (2 ед. хр.).

В декабре 1943 г. в годовом отчете Отдела литературных фондов ЦГЛА уже сказано, что «приняты на учет и обследованы материалы

следующих учреждений: 1. Иностранной библиотеки. 2. Исторического музея. 3. Музея Ф.М. Достоевского». Таким образом, передача рукописных материалов писателей из музея происходила, но была достаточно проблематичной. Об этом свидетельствует письмо нового начальника ЦГЛА Льва Михайловича Роголина директору ГИМ Анне Самойловне Карповой от 10 февраля 1943 г.: «Центральный Государственный Литературный Архив поручает ст. научному сотруднику архива тов. Качурину Игорю Васильевичу срочное выяснение вопроса о сроках и порядке передачи ЦГЛА рукописных материалов ГИМ, согласно имеющимся распоряжениям наркома Просвещения РСФСР тов. Потемкина»¹⁷.

Несомненно, что нахождение в эвакуации собраний как музея (в основном в Омске), так и архива (к тому времени уже в Барнауле) не способствовало ведению работы. Только в марте 1946 г. музей, «согласно ордера Музейного Управления Комитета культпросвет учреждений при СНК РСФСР № 235 от 4/III-1946 г., передал на постоянное хранение в Центральный Государственный Литературный архив 26 литературных фондов. Часть материалов, находившихся на экспозиции, была временно оставлена в ГИМе, что и было оговорено в акте приемки. К акту приложен список этих материалов. Дирекция ГИМа обещала передать эти материалы после смены экспозиции в выставочных залах. В их числе имеются подлинники Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, И.С. Аксакова, ценные материалы о М.Ю. Лермонтове и К.Ф. Рылееве. Ныне дирекция ГИМа возбуждает вопрос об оставлении этих материалов в ГИМе, что, несомненно, противоречит распоряжению Комитета культпросвет учреждений № 235»¹⁸.

Руководство музея, действительно, категорически не хотело передачи фондов, однако по акту 9 марта 1946 г. все же было вынуждено отправить на государственное хранение в ЦГЛА фонды историка литературы и библиографа А.А. Фомина (35 ед. хр.), театрального критика С.А. Юрьева (28 ед. хр.). Если предыдущие деятели культуры ныне малоизвестны, то намного более значимыми лицами являлись библиофил и директор библиотеки Московского университета Д.Д. Языков (116 ед. хр.), А.М. Жемчужников (3 ед. хр.), этнограф и нечаевец И.Г. Прыжов (Благовещенский) (6 ед. хр.), редактор-издатель «Русской мысли» В.М. Лавров (27 ед. хр.).

Впоследствии к этим переданным единицам добавлялись путем покупки или выделения из других фондов новые, и сегодня РГАЛИ, имея все указанные фонды, существенно расширил их. Так, фонд Л.Н. Антропова (ф. 38) ныне насчитывает 73 ед. хр., Н.В. Елагина (ф. 194) — 73 ед. хр., С.В. Лютова (ф. 297) — 21 ед. хр., Н.И. Филимонова

(ф. 520) — 12 ед. хр. Еще больше расширились фонды, полученные архивом в 1946 г.: фонд А.А. Фомина (ф. 635) с 35 ед. хр. увеличился до 181, С.А. Юрьева (ф. 636) — с 28 ед. хр. до 675, Д.Д. Языкова (ф. 637) — с 116 ед. хр. до 176, В.М. Лаврова (ф. 640) — с 27 ед. хр. до 325, а фонд И.Г. Прыжова (ф. 1227) — с 6 ед. хр. до 28. Но увеличение количества единиц хранения у ряда фондов имело свои особенности: если переданные из ГИМ материалы Антропова, Елагина, Лютова, Филимонова, Языкова, Лаврова, Прыжова дополнили ранее существовавшие в ЦГЛА фонды и в итоге способствовали созданию целостного комплекса, то поступившие в архив единицы Фомина, Юрьева и Жемчужникова стали не просто небольшими собраниями, а дали начало фондам, впоследствии существенно расширившимся благодаря другим поступлениям.

9 марта 1946 г. в Литературный архив из Исторического музея поступил еще целый ряд документов, которые были присоединены к ранее существовавшим 14 фондам и дополнили, без сомнения, жемчужины литературного собрания русской классики в ЦГЛА. Среди них были отдельные единицы и небольшие коллекции, влившиеся в семейные фонды Аксаковых (ф. 10), Веселовских (ф. 80), Киреевских (ф. 236), Смирновых (ф. 485), а также в фонды П.А. Бартенева (ф. 46), Н.В. Гоголя (ф. 139), А.А. Голенищева-Кутузова (ф. 143), Ю.В. Жадовской (ф. 638), М.Ю. Лермонтова (ф. 276), А.Н. Островского (ф. 362), К.Ф. Рылеева (ф. 423), А.И. Соболевского (ф. 449), А.С. Суворина (ф. 459), А.А. Фета (ф. 515). При этом если некоторые из перечисленных выше персоналий пополнили музейными материалами «свои» существовавшие ранее в ЦГЛА фонды на 1–2 ед. хр., то несколько и прежде крупных архивных собраний получили «приращение» на 141 ед. хр. — как фонд Смирновых, или 85 ед. хр. — как фонд Голенищева-Кутузова.

Таким образом, в 1943–1946 гг. ЦГЛА пополнился 682 ед. хр., однако другие собрания литераторов музей фактически отстоял, о чем свидетельствует докладная записка сотрудницы отдела комплектования Е.П. Спиридоновой своему начальнику Ю.А. Красовскому от 4 февраля 1947 г.: «Из Исторического музея были приняты архивные фонды литературного характера, часть материалов по описи временно была оставлена для выставки. Во время переговоров 4/II с.г. с ученым секретарем Исторического музея тов. Рубинштейн о сдаче этих материалов в Литературный архив выяснилось следующее: тов. Рубинштейн считает, что эти материалы должны остаться в Историческом музее как экспонаты для выставок, и по этому вопросу он будет говорить лично с генерал-майором Никитинским»¹⁹.

Однако, как становится понятно далее, такого разговора не состоялось. Несмотря на немалые усилия начальника архивной службы страны по сохранению и эвакуации архивов, публикации и использованию их документов, в октябре того же 1947 г. Иосиф Илларионович Никитинский был снят с работы. В то же время новые реалии послевоенного периода, результаты огромной работы сотрудников ЦГЛА по комплектованию архива даже в эвакуации во многом сняли остроту пополнения его фондов, оставив, впрочем, проблему их рассеяния и сам принцип их неделимости на суд потомков.

В дальнейшем Литературный архив, вернувшись в марте — апреле 1944 г. в Москву и ничего не утратив, несмотря на фантастические перемещения (между Москвой — Саратовом — Шадринском — Барнаулом — и вновь Москвой), приступил к планомерной закупке архивов у частных лиц, работе с учреждениями культуры. Как это не удивительно звучит, с осени 1943 г. ЦГЛА стал получать средства (и немалые) для закупки архивных материалов у частных лиц, и в архиве заработала экспертно-закупочная комиссия, протоколы заседаний которой свидетельствуют о поразительных историях из жизни текстов прошлого.

Пополнение фондов архива за счет передачи музейных собраний ГИМ прекратилось. История взаимоотношений архива и музея — непростых, травматичных для музейных сотрудников — перетекла в иную плоскость, и между обеими институциями установились равноудаленные отношения.

Сегодня некоторые жемчужины из собрания РГАЛИ, которые активно используются через читальный зал, выдаются на выставки, доступны для заказа через сайт, в том числе, и рукописи, бережно сохраненные музейными сотрудниками в знаменитых сейфах ГИМ в годы Первой мировой войны и Революции. Российский государственный архив литературы и искусства помнит об этом.

Но самым главным и важным, как для РГАЛИ, так и для ГИМ, конечно, была и будет забота о сохранности общего уникального культурного наследия страны, свойственная всем давно преданным своему делу хранителям памяти, объединившимся вокруг великой СЛЮ.

---

¹ Попов В.И., Черников Н.Д. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (1941—1956) // Исторический архив. 1956. № 4. С. 229—234; Зайцев А.Д. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР / Гл. архивное управление СМ СССР, ЦГАЛИ СССР. М., 1983. 8 с.; Волкова Н.Б., Зайцев А.Д. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Справочник / Гл. архивное управ-

ление при СМ СССР. М.: тип. Главархива СССР, 1988. 64 с.; *Бронникова Е.В., Шумихин С.В.* «Архив муз»: Российский государственный архив литературы и искусства / Федеральная архивная служба России, РГАЛИ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 23 с.; *Горяева Т.М., Злобина Г.Р.* Первые десять лет в XXI веке / РГАЛИ. М, 2011. 116 с. и др.

- ² *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Декрет об архивном деле 1918 г. // Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 41—52; ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 78 б. Л. 36—37; Известия. № 116. 8 июня. 1918 г.
- ³ *Шашкова О.А.* Российский государственный архив литературы и искусства. 80 лет служения культуре // Российский государственный архив литературы и искусства: Путь, длиной в 80 лет / Отв. сост. О.А. Шашкова. М.: Квадрига, 2021. С. 5—7.
- ⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 55. Л. 160.
- ⁵ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 182. Д. 20. Л. 5—6.
- ⁶ Активность Бонч-Бруевича по собиранию материалов носила, как видно из документов, подчас избирательный, хотя и очень активный характер (см., напр.: РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 55, 119). Однако при всех особенностях литературных вкусов лично Владимира Дмитриевича, нередкой их избирательности, ему удалось, активно используя средства государственного бюджета, всего за несколько лет поднять огромный пласт культуры, сохранив сотни архивных собраний.
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 107. Д. 7. Л. 1—2.
- ⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 184. Л. 390—426.
- ⁹ Едва ли не впервые название нового архива было обозначено в проекте «Положения о Государственном Архивном фонде СССР» (май 1940 г.): «Организовать Центральный государственный литературный архив на базе Литературных фондов государственных архивов и архивных материалов Литературного музея Наркомпроса РСФСР» (ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 822. Л. 10).
- ¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 1—10.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 1924. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—1об., 54—56, 99—101,
- ¹² Там же. Д. 16. Л. 1—4.
- ¹³ Там же. Д. 14. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Д. 49. Л. 1—6.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Д. 87. Л. 9—21об.
- ¹⁷ Там же. Д. 104. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Д. 297. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 1.

Л.И. Скрипкина

Исторический музей — первый
музееведческий и методический центр России:
эволюция от отдела теоретического
музееведения до научно-методического отдела.
1918—2022

Музееведение занимает важное место во многих областях социокультурной практики. От его постулатов зависит деятельность музеев по изучению и сохранению историко-культурного наследия, комплектованию и сохранению государственного музейного фонда, интерпретации и актуализации исторической памяти. В этих процессах значительную роль играют музееведческие и методические центры. Их возникновение и эволюция характеризуют историю музейного дела в контексте развития российского государства, динамику социальных функций музеев в зависимости от идеологических и социокультурных установок, формирование музееведения в качестве теоретической основы решения практических задач музеями в тот или иной период истории.

В связи с этим интересно рассмотреть специфику функционирования музееведческого центра Государственного исторического музея в различные периоды его деятельности: эволюцию целей и задач, круга исследовательской проблематики, направлений и форм работы.

На Предварительном съезде деятелей музеев, организованном в 1912 г. с целью подготовки 1-го Всероссийского съезда деятелей музеев, было предложено создать особое бюро, объединяющее деятельность музеев, или другой подобной структуры на базе Исторического музея. Однако его директор князь Н.С. Щербатов считал, что музей в это время не имел достаточно средств и кадров для выполнения этих функций¹. Необходимость создания такого центра стала очевидной после грандиозных по масштабам преобразований, произошедших в результате Великой российской революции. Происходила национализация историко-культурного наследия бывшей Российской империи, создавалась новая система управления музейным делом. В 1918 г. при Народном комиссариате просвещения была образована Коллегия (впоследствии отдел) по делам музеев

и охране памятников искусства и старины. Массовая национализация культурных ценностей требовала обеспечения их сохранности и ухода. В 1918 г. возник Государственный музейный фонд. В том же 1918 г. в структуре Российского исторического музея было создано отделение музееведения и регистрации исторических памятников, которое должно было стать центром по изучению общих проблем музееведения и создать научно-справочный аппарат по всем вопросам музейного дела². Этим занялся назначенный заведующим выдающийся теоретик и практик музейного дела Г.Л. Малицкий³. С самого начала отдел имел ориентацию на изучение общих проблем истории и теории музейного дела. В то же время он создавался как научно-исследовательское подразделение, которое должно было разрабатывать научно-практические задачи, стоящие перед Историческим музеем.

Для решения поставленных проблем необходимо было создать справочно-информационный фонд. В отделе была сформирована библиотека из русской и зарубежной музееведческой литературы, на основе которой Г.Л. Малицкий составил «Библиографический справочник по музейному делу». В нем он отметил скудность работ по методике и технике музейного дела. В 1919 г. по решению Всероссийской музейной конференции при отделе по делам музеев Наркомпроса РСФСР были открыты двухмесячные курсы по музееведению, на которых Малицкий читал лекции по библиографии⁴. Им же была организована выставка литературы по музееведению в залах библиотеки Исторического музея — около 800 книг и периодических изданий по теории и методике музейного дела. Для ознакомления слушателей курсов был подготовлен обзор «Библиография по музееведению»⁵.

С 1918 г. отдел занимался изучением сети музеев. Комплектовались программы собирательской деятельности, образцы инвентарных форм и каталогов, воспроизведения типов музейной мебели, устройства хранилищ, лабораторий, мастерских, инструкций по охране коллекций, схемы экскурсионной работы. В 1923—1924 гг. для этих целей использовались отчетные материалы, поступавшие в отдел по делам музеев Наркомпроса РСФСР и Центрального бюро краеведения⁶.

В 1921 г. Комиссией по реорганизации Исторического музея, в состав которой входил и Г.Л. Малицкий, музей был определен как научное и просветительное учреждение, а вышеназванный отдел переименован в отдел теоретического музееведения и получил статус Всероссийского центра музейной работы. Сотрудники отдела должны были заниматься разработкой методических вопросов,

продолжить формирование справочно-информационного фонда по музейному делу и музееведению, обеспечивать информацией и методическими разработками как сам Исторический музей, так и другие музеи и организации⁷. Для Комиссии был подготовлен доклад об основных принципах экспозиции и организационных структурах историко-культурных музеев.

1918—1923 гг. — период организации центрального и местного аппарата, охраны музейных ценностей и сосредоточение их в музейных учреждениях, организации музейного дела как определенной отрасли государственного строительства, объединение музеев в одну сеть, их реорганизация.

В 1921 г. Г.Л. Малицкий представил на рассмотрение Главмузея схему классификации музеев, разделив их по профильному содержанию коллекций, ведомственной принадлежности, масштабу и роду деятельности⁸. В том же году на заседании Президиума совета Главмузея он, докладывая о реорганизации Исторического музея, поднял вопрос о фондовой работе и сформулировал ее основные задачи: собирание памятников, их хранение, уход, включая реставрацию, научно-охранный учет коллекций, инвентаризация и каталогизация, историко-критический анализ, научное описание коллекций. На основе этого в 1924 г. на конференции музейных работников Центрально-промышленной области в Рязани Г.Л. Малицкий предложил создать единую систему основных видов учета музейных коллекций. На конференции присутствовало более 50-ти представителей российского научного сообщества. Рассматривался широкий спектр теоретико-методологических и практических вопросов, связанных с музейной деятельностью. В ней приняли участие В.А. Городцов, И.И. Гревс, В.П. Семенов-Тяньшанский, академик С.Ф. Ольденбург и др. Доклад Г.Л. Малицкого вызвал споры о сложности предложенного порядка учета музейных предметов и методе его ведения. Была сформирована комиссия для проработки данного предложения. В итоге были созданы примерные формы инвентарной книги и книги поступлений⁹. С докладом о методах научно-охранного учета музейных коллекций Г.Л. Малицкий выступил на Всесоюзной конференции по краеведению в 1924 г.¹⁰ В 1922 г. в журнале «Казанский музейный вестник» были опубликованы две его статьи: «Библиографические справочники по музейному делу» и «Литература по теории историко-археологических музеев», где приводился опыт, в основном, зарубежных музеев (Германии, Чехии) и Исторического музея¹¹. Таким образом, Г.Л. Малицкий стал одним из основоположников, рассматривавших изучение истории и теории в качестве основы музееведения и му-

зейного дела. Он принял участие в подготовке нового поколения музейных работников, читая спецкурс по истории и теории музейного дела для студентов факультета общественных наук 1-го МГУ (1922—1923) и в Историческом музее (1922—1924)¹².

В результате активной деятельности сотрудники отдела с 1918 по 1925 г. скомплектовали музееведческую библиотеку, в которой насчитывалось более полутора тысяч изданий, составили картотеку иконографических материалов, куда входила архитектура музейных зданий, типы музейного оборудования, примеры экспозиционных приемов. Материалы отдела были востребованы сотрудниками отдела по делам музеев Главнауки, Наркомпроса РСФСР, Ленинградского Управления научными учреждениями, Центрального бюро краеведения, редакции журнала «Казанский музейный вестник», губернских и уездных органов управления музейным делом¹³. Деятельность отдела приобретала все большее значение в связи с развитием планового музейного строительства. В «Проекте Положения о музее» 1927 г. у отдела появились новые функции: подготовка кадров научных работников-музееведов, собирание и разработка материалов по музееведению¹⁴.

Одной из главных проблем второй половины 1920-х гг. было создание экспозиций, задачей которых становилось отражение исторического процесса, классовой борьбы, социальной структуры общества на новой методологической основе. В первые послереволюционные годы в музейных экспозициях преобладал показ памятников по отраслям материальной культуры, во многих местных музеях предметы выставлялись без всякой системы по принципу «кунсткамерного показа»¹⁵. Г.Л. Малицкий занимался разработкой методики новых подходов. Он был сторонником создания синтетической экспозиции, основанной на объединении различных памятников и вспомогательных материалов. В результате теоретической и практической деятельности Г.Л. Малицкий стал одним из самых известных в стране специалистов по музейному делу. В 1928 г. он был послан в заграничную командировку для изучения состояния музеев за рубежом и посетил музеи Швеции, Дании, Франции и Германии.

Реконструкция народного хозяйства, курс на индустриализацию и коллективизацию вызвал перестройку всех культурных учреждений в соответствии с новым этапом развития страны. В принятом в 1928 г. Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР», где наряду с достижениями (росте музеев, увеличении посещаемости, работе по учету и охране памятников, выработке методики музейного дела), предлагалось всю работу му-

зеев приблизить к общим задачам строительства социализма. Экспозиции музеев должны были удовлетворять запросы школьного и массового просвещения, также необходимо было усилить собирательскую работу и провести перераспределение музейных коллекций¹⁶. Принятый в 1929 г. XVI Всесоюзной партийной конференцией первый пятилетний план хозяйственного и культурного развития страны требовал установления тесной связи науки с практикой социалистического строительства. Ряд правительственных постановлений 1929—1930-х гг. обязывал музеи активно участвовать в политико-просветительной работе, изучать историю промышленных предприятий, колхозов, совхозов, новый социалистический быт, организовывать выставки к политическим кампаниям¹⁷. Перед музеями была поставлена задача обновления функций в новых условиях и соответственно разработке теоретических и практических проблем советского музейного дела. В 1929 г. Г.А. Малицкий был секретарем комитета по подготовке Первого музейного съезда и выступил на нем с докладом «Музейное строительство». Целью созванного в 1930 г. Первого музейного съезда было обсуждение актуальных проблем развития музейного дела, связанных с задачами социалистического строительства и культурной революции на основе пятилетнего плана. В решениях был обозначен масштабный проект по выработке единой структуры исторических и краеведческих музеев. В докладе философа-марксиста П.К. Луппола была предложена концепция объединения определенного географического пространства с марксистской диалектикой, что давало возможность показать на определенной территории эволюцию природы, человека и общества, объединив в единую экспозицию природу, историю и современность. Большая часть экспозиции должна была отводиться современному периоду, характеризующему строительство социализма. П.К. Луппол считал, что музейная экспозиция, показывая вещи, должна выражать определенную идею, а представляя собрания предметов, отражать отношения и процессы; предлагалось исторические события демонстрировать по принадлежности общественным формациям, а не периодам правления царей или годам¹⁸.

Его содокладчиком выступил директор Государственного исторического музея Ю.К. Милонов с темой «Принципы построения обществоведческих музеев», обозначив в докладе проблемы, которые до настоящего времени являются актуальными: методологические основы экспозиций, их идейное содержание и структура, роль подлинных памятников в экспозиции. Его рассуждения были в русле современного источниковедения. Он считал, что

нельзя брать вещи как таковые, надо рассматривать их во всех связях и опосредованиях, необходимо представлять развитие конкретной вещи в определенных условиях места и времени; элементом экспозиции является не вещь как таковая, а комплекс вещей, и соответственно, объектом экспозиции — музейное предложение, т.е. мысль, выраженная комплексом предметов. Ю.К. Милонов обратил внимание на то, что в процессе методологических поисков остро встает вопрос читабельности экспозиции, необходимости сделать ее понятной (проблема, характерная для всех времен). В его выступлении прослеживались результаты методических исследований, проводимых в музее. Он определил музейную вещь как сгусток человеческого труда и указал на неисчерпаемость содержания музейного предмета как источника. Ю.К. Милонов подчеркнул значение экспозиционного комплекса как основного звена экспозиции, включающего подлинники и вспомогательные материалы. В резолюции по его докладу было записано, что объектом музейной экспозиции являются не предметы-памятники, а законы диалектики, выраженные комплексом разнообразных экспонатов и текстов¹⁹. Однако в другом своем докладе «Целевые установки музеев различного типа» Ю.К. Милонов связал законы диалектики и истории с классовой борьбой, что нивелировало методические достижения²⁰. В результате в решениях съезда было записано, что объектом экспозиции являются овеществленные в предметах законы развития, диалектика данной области общественной жизни.

Для реализации новых подходов к созданию экспозиций съезд принял Постановление об организации планово-методической музейной работы. Сектору науки Наркомпроса необходимо было разработать методологию музееведения и организовать общеметодическое и планоное руководство музеями посредством создания музейного межведомственного комитета, научно-исследовательского института методов музейной работы для научной углубленной разработки марксистских методов и программ музейной работы. При центральных и областных музеях должны были организовываться кабинеты по музееведению. Таким образом, произошла унификация музееведческой и методической деятельности²¹. Съезд утвердил обязательность построения экспозиций на основе научной концепции в соответствии с принципами диалектического материализма и марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях. Основным звеном был признан тематический комплекс.

В 1931 г. Г.А. Малицкий был арестован. По всей видимости, причиной ареста послужило его знакомство и совместная работа с про-

фессором Б.Ф. Адлером. Последний был осужден Первым музейным съездом за неправильное освещение состояния науки в СССР и политики Советской власти в области культурного строительства в статье, помещенной в немецком журнале «Архив антропологии» в 1930 г. Через пять месяцев Малицкий был выпущен, но отчислен из музея. Впоследствии он работал доцентом института аспирантуры Музея Революции СССР. Отдел теоретического музееведения Исторического музея лишился своего главного теоретика. В то же время изменилось направление и функции деятельности музееведческой и методической работы, определенные музейным съездом. В 1933 г. отдел был ликвидирован в соответствии с циркуляром Наркомпроса № 13 от 1933 г., а его методические функции переданы в секторы²².

Таким образом, завершился первый этап деятельности отдела, который явился значительной вехой в развитии российского музееведения и музейного дела. За годы своего существования отдел теоретического музееведения эволюционировал от научно-информационного подразделения до центра научно-методической работы республиканского масштаба, ориентированного на разработку теоретических и практических проблем музееведения и музейного дела.

Однако методическая деятельность в музее продолжала развиваться. Поскольку основное внимание уделяли реэкспозиции музеев и переориентации на политико-просветительную работу, особо важное значение придавали методологическим проблемам экспозиционной деятельности. Создание экспозиций на основе марксистско-ленинского учения затруднялось отсутствием разработанной методики и отсутствием подготовленных кадров. В связи с этим экспозиции и выставки создавали на основе вульгарного социологизма с помощью вспомогательных материалов, поскольку не было понимания, как в данной ситуации представить те или иные факты и события посредством памятников истории и культуры.

Уход от музейного показа, основанного на материалах из собраний коллекций, был одновременно уходом от исторической науки, что и обнаружилось в процессе такого подхода. Партийно-правительственные органы, проводя курс на культурную революцию и подготовку кадров для всех отраслей народного хозяйства, осознали неадекватность такой политики. Для перестройки экспозиций нужна была длительная теоретическая и практическая работа. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Государственный исторический музей стал центром такой работы и превратился в лабораторию по поиску новых методов презентации истории. Поиски

новой методологии описала в своих исследованиях А.Б. Закс. Прежде всего, пришло понимание необходимости отказаться от систематических экспозиций по отраслям материальной культуры или по отраслям хозяйства в пользу новой тематики — историко-революционной, социально-экономической. В 1929 г. по указанию Наркомпроса музеи начали создавать тематические экспозиции, основанные на марксистско-ленинском учении об общественно-экономических формациях. Инициаторами реорганизации экспозиции ГИМ были археологи во главе с А.Я. Брюсовым. Используя комплексно-тематический метод организации вещественных и изобразительных памятников, они предприняли попытку выразить тему борьбы классов. Разработчиком показа базисных и надстроечных явлений стала З. Базилева, которая подготовила в 1931 г. выставку, посвященную работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». В то же время выражение идейной сущности экспозиций пытались реализовать посредством художественных решений, например, использовались конструктивные приемы. Таким образом, рождалось единство научного и художественного подходов. Особенно популярны в тот период были обстановочные сцены на темы классовой борьбы²³.

В 1933 г. вышел циркуляр Наркомпроса «О реэкспозиции музеев», где отмечалось увлечение схемами, пренебрежение к подлинным памятникам, необходимость создавать научные экспозиции²⁴. Большое значение имело Постановление Президиума ВЦИК «О состоянии и задачах музейного строительства в РСФСР» 1934 г. В нем отмечалось, что научно-исследовательская работа не удовлетворяет запросы перестройки экспозиций и политико-просветительной работы, и предусматривалось создание при музейном отделе Наркомпроса научно-методического совета и выделение группы головных музеев для методической помощи²⁵. В документах определялся круг вопросов, которые необходимо было отражать в экспозициях, опираясь на исторические источники — музейные предметы, дать представление об историческом процессе, исторических событиях и исторических личностях.

В 1935 г. в Историческом музее была создана комиссия Наркомпроса с целью анализа его экспозиционной деятельности. В результате появилось Постановление Наркомпроса, в котором признавалась целесообразность создания специального кабинета для оказания методической помощи другим музеям, задачей которого была теоретическая разработка общих вопросов организации музейной работы, в особенности музейной экспозиции²⁶. Возглавил кабинет вернувшийся в музей Г.Л. Малицкий. Он подготовил ста-

тью о принципах членения экспозиции по залам, о средствах показа и приемах группировки материалов, методах показа истории на археологических материалах и др.²⁷ Наряду с этим он продолжал исследования в области теории музееведения, которые опубликовал в статьях «Новое в теории исторических музеев за границей», «Обзор деятельности центральных музеев РСФСР за 1935 г.», «Вопросы музейной библиографии»²⁸. Выполняя информационно-консультативные функции, сотрудники кабинета по заданию Наркомпроса составляли экспозиционные планы для периферийных музеев, проводили экспертную оценку присланных материалов, разрабатывали инструктивно-методические пособия по вопросам музейной практики. Такой подход вел к унификации местных музеев, но, учитывая слабость кадров в тот период, корректировка опытных музееведов способствовала поддержанию научного уровня экспозиций.

Важной вехой в экспозиционной и методической деятельности были принятые СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления: о преподавании гражданской истории в школе (1934), об учебниках истории (1936), о положении в исторической науке (1936). В этих документах ставились вопросы о методическом уровне исторических исследований и широкой пропаганде истории в целях формирования научного мировоззрения населения. Для музеев большое значение имело подчеркнутое внимание к первоисточникам.

Возрождение интереса к музейным предметам нашло отражение во Всесоюзной Пушкинской выставке, созданной в Историческом музее в 1937 г. В том же году состоялось открытие экспозиции, охватывающей период с древнейших времен до второй половины XVIII в., целью которой было оказание помощи в перестройке преподавания истории СССР в школах и вузах, поскольку на тот момент еще не были созданы соответствующие учебники и пособия. Впервые на основе единого научного и художественного замысла была открыта экспозиция в 25 залах, и таким образом обозначилась новая роль музеев — самостоятельное представление истории на основе показа музейных памятников.

В 1940 г. статус ГИМ как научно-методического центра был закреплен в проекте «Положения об историческом музее». В тот период времени расширились направления деятельности научно-методического кабинета. Помимо экспозиционной работы, его сотрудники разрабатывали проблемы учета и охраны музейных собраний²⁹. В 1953 г. научно-методический кабинет был ликвидирован, а его функции распределены по другим отделам.

В 1970 г. в ГИМ было завершено создание полномасштабной экспозиции, которая представляла историю России с древнейших

времен до Октябрьской революции 1917 г. К тому времени сотрудники музея накопили огромный опыт исследований по музейному источниковедению, истории материальной и духовной культуры, методики показа истории на подлинных памятниках. Несмотря на отсылки к марксизму-ленинизму, внимание к классовой борьбе и революционному движению, это была научная, информационно насыщенная и аттрактивная экспозиция. Она служила научной и методической лабораторией для создания экспозиций краеведческих музеев страны, став вкладом в научно-экспозиционную мысль и практику советского музееведения. В 1964 г. Государственный Комитет Совета Министров РСФСР по координации научно-исследовательских работ по инициативе Министерства культуры РСФСР принял Постановление «О мерах по упорядочению сети научных учреждений МК РСФСР». На Исторический музей были возложены обязанности Головного учреждения в области истории дореволюционного прошлого, и в 1970 г. ГИМ получил статус научно-исследовательского учреждения и координационного центра для историко-краеведческих музеев³⁰.

В 1960-е — 1970-е гг. возросший интерес населения к изучению истории и памятников сделали музеи серьезным фактором общественной жизни. Рост социальной активности и повышение культурных запросов населения привели к созданию большого количества музеев, организованных на общественных началах. Повсеместно развернулось движение по созданию музеев на фабриках, заводах, в колхозах, воинских частях, в учебных заведениях и школах. Масштаб этих явлений указывал на необходимость их теоретического осмысления и квалифицированного методического руководства. В 1970 г. в структуре ГИМ появился отдел по проблемам школьных музеев и школьного краеведения, возглавляемый А.И. Шкурко³¹. В 1972 г. на основании приказа Министерства культуры РСФСР № 848 был создан научно-методический отдел для координации деятельности исторических и краеведческих музеев по научно-исследовательской, научно-экспозиционной, научно-фондовой и научно-просветительной работе. Круг его деятельности расширился — перед ним были поставлены задачи оказания консультативной и практической помощи государственным и общественным музеям по всем направлениям деятельности. Сотрудники отдела выполнили большого объема работу по паспортизации общественных и школьных музеев, по созданию форм взаимодействия государственных и общественных музеев³².

В 1970-е — 1980-е гг. возросло значение музеев как важной формы исторической памяти и государственных хранилищ историко-куль-

турного наследия, как научно-исследовательских и научно-просветительных учреждений, способствующих повышению общеобразовательного и культурного уровня населения. В политике государства наметился системно-комплексный подход к управлению различными отраслями экономики и культуры. В музейном деле это выразилось в определении направлений развития музейного строительства и усиления работы по координации деятельности музеев. Обязанности координационной службы были возложены на научно-методический отдел, переформатированный в 1980 г. и получивший особый статус как отдел, существовавший при Министерстве культуры РСФСР и в структуре Исторического музея. В соответствии с поставленными задачами была создана структура отдела, которая отражала комплексный подход к историко-культурному наследию — группы по различным направлениям музейной деятельности: организации и управления музейным делом, фондовой, экспозиционной, научно-просветительной работе; методической помощи общественным и школьным музеям; по охране памятников³³. В 1983 г. группа по научно-фондовой работе в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР была выделена в отдел учета и хранения фондов музеев РСФСР, который проводил проверку состояния учетно-хранительской деятельности музеев³⁴. С целью изучения и анализа всех направлений работы музеев в состав созданного справочно-информационного фонда была включена уникальная библиотека по музееведению и музейному делу. Группа организации и управления музейным делом (П.Я. Букшпан, К.М. Газалова, Н.Н. Лисовой и др.) занималась исследованием истории, динамики и перспектив развития музейной сети, разрабатывала научные основы создания централизованных систем в виде музейных объединений, а также участвовала в составлении директивных и методических документов по совершенствованию работы музеев, координации деятельности Министерства культуры и музейной сети. Ею были подготовлены документы: в 1983 г. «Об опыте централизации сети государственных музеев Российской Федерации» (информационно-методическое письмо), «Основные показатели деятельности объединенных музеев РСФСР в 1981—1984 гг.» совместно с Главным информационно-вычислительным центром и др.

В 1970-е — 1980-е гг. в результате повышения уровня образования и культуры советских людей возрос их интерес к истории России, музеям и памятникам, увеличилась посещаемость музеев. В связи с этим усилился интерес к деятельности музеев со стороны партийных органов, как к важному средству идеологической работы.

Особое внимание уделялось построению экспозиций и созданию выставок по истории советского общества. На интенсивное развитие этой работы было нацелено Постановление ЦК КПСС 1982 г. «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», в соответствии с которым ГИМ был утвержден головным музеем в области музееведения и разработки проблем дореволюционного периода. Однако основные усилия научно-методического отдела направлялись на курирование экспозиций, посвященных советскому периоду. Наиболее продуктивным документом, в соответствии с которым определялась его деятельность, было Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР, Правления Союза художников РСФСР № 7 от 14 июня 1984 г. «О совершенствовании пропаганды истории советского общества в музеях Российской Федерации». В нем обращалось внимание на повышение идейно-теоретического уровня и углубления научного содержания, а также на архитектурно-художественные решения, привлечение к участию специалистов из научных учреждений системы Академии наук СССР и вузов страны. Структура программы совершенствования уровня экспозиций включала: «Единый порядок рецензирования, консультирования и контроля за содержанием экспозиций и выставок музеев РСФСР», в котором была определена документация по научному (концепция, тематическая структура, тематико-экспозиционный план) и художественному проектированию экспозиций, представляемая на рецензирование в Научно-исследовательский институт культуры, музеи — методические центры по профилю, в том числе в ГИМ и научно-методический отдел. Был разработан «План-график реэкспозиции отделов истории советского общества на 1984—1997 гг.», однако он не был осуществлен.

Для усиления роли музеев в образовательно-воспитательной сфере предлагалось разработать целевую комплексную программу «Музей и школа». Единый порядок рецензирования способствовал повышению научного уровня экспозиций, был своеобразной формой повышения квалификации музейных работников, коллегиальность решений имела положительное значение в плане налаживания тесного сотрудничества методической службы с музеями. Но не все музеи следовали этой практике, и документ не сыграл той роли, на которую рассчитывали его создатели.

Несмотря на идеологическую мотивацию, внимание к созданию научных и аттрактивных экспозиций способствовало развитию музееведения. В целях повышения научно-теоретического и идейно-художественного уровня экспозиций и выставок, их эмоционального и эстетического восприятия усилиями сотрудников

научно-методического отдела, НИИ культуры и Государственного музея Революции совместно с Художественным фондом РСФСР было создано методическое пособие, утвержденное Приказом Министерства культуры РСФСР 1985 г. «Порядок организации работы музеев, творческих коллективов художников и художественно-производственных организаций по научному и архитектурно-художественному проектированию, оформлению и монтажу, оценке и открытию экспозиций и выставок музеев местного подчинения (кроме художественных)». В документе были определены понятия об организации мероприятий по проектированию экспозиций, о создании необходимой документации по научному проектированию: научной концепции (подробно описаны ее составляющие), тематической структуры, тематико-экспозиционного плана; понятия и этапы архитектурно-художественного проектирования. Эти разработки появились в результате предыдущей теоретической и практической деятельности музееведческих центров и экспозиционеров-практиков, таких, как А.Б. Закс, З.А. Огризко (ГИМ) и др.; художников и архитекторов, работавших в области музейного дизайна. Вследствие проведенной нормативной деятельности особое развитие получило архитектурно-художественное проектирование экспозиций. Необходимо отметить, что данный документ в том или ином виде был включен во все последующие пособия по музееведению и музейному делу (в том числе в XXI в.), без ссылки на исходный Приказ, поскольку с методических позиций ничего более эффективного в тот период не появилось.

Усложнение задач, стоящих перед музеями, указывало на необходимость развития научно-исследовательской работы. В целях совершенствования экспозиций по советскому периоду Министерство культуры привлекло к деятельности музеев научные учреждения и вузы, создав в 1977 г. Научно-методический совет по работе музеев при Министерстве культуры РСФСР (председателем был избран академик В.Л. Янин, д.и.н., профессор), призванный содействовать улучшению координации руководства музеями, установлению тесного сотрудничества музеев с научными учреждениями и привлечению их к участию в музейном строительстве. В 1980 г. он был превращен в постоянно действующий координационный и экспертный орган, создающий научно обоснованные рекомендации по совершенствованию деятельности музеев. В дополнение к приказу 1977 г. был утвержден состав научно-методического совета состоящий из секции теории и истории музейного дела (председатель А.М. Разгон, д.и.н.); секции исторических музеев (председатель Левыкин К.Г., директор ГИМ, к.и.н.); секции

музеев, работающих на общественных началах (председатель Шкурко А.И., заместитель директора ГИМ, к.и.н.) и других секций по профилям музеев. В работе Научно-методического совета принимали участие ученые-историки Российской академии наук, научные сотрудники региональных вузов, директора и ведущие сотрудники исторических и краеведческих музеев, представители научной общественности регионов. Планирование и организацию работы в форме всероссийских и региональных научно-практических семинаров и конференций выполняли сотрудники научно-методического отдела. Продуктивный опыт работы способствовал тому, что в 1985 г. был образован Сибирский филиал Научно-методического совета при Министерстве культуры РСФСР (председатель Алексеев В.В., д.и.н.). На заседаниях в то время рассматривались все периоды истории (не только советский), и обсуждалось их представление в исторической науке и в экспозиционной деятельности музеев. Привлечение внимания к исследовательским функциям музеев, налаживание связей с учеными-историками, обсуждение научных проблем имело положительное значение в повышении статуса музеев. Деятельность Совета получила признание региональных управлений культуры и музеев, которые инициировали проведение его заседаний.

Одним из методов активизации и координации деятельности музеев для управленческого аппарата было также организация с 1958 г. смотров музейной работы. В 1980-е гг. они проводились совместно с ЦК профсоюзов, Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, ЦК ВЛКСМ, обществом «Знание», Союзом художников РСФСР и другими организациями. Во время смотров осуществлялось интенсивное тематическое комплектование фондов, что являлось одним из положительных итогов участия в них. В 1970-е — 1980-е гг. в составе рабочих групп Оргкомитета смотров работали сотрудники ГИМ, НИИ культуры, Центрального музея революции, научных институтов. В 1985 г. организационные функции были делегированы научно-методическому отделу ГИМ. Каждый сотрудник был членом рабочей группы по определенному региону, изучал его музеи, оказывал им методическую помощь, что способствовало налаживанию тесных контактов, более глубокому изучению музейной сети.

Внимание, проявляемое государственными органами и общественностью к музеям, повышение требований к качеству экспозиций выдвинули на первый план проблемы музейного образования. Их решение было предложено в Приказе Министерства культуры РСФСР 1983 г. «О задачах органов культуры и музеев по выпол-

нению постановления Совета Министров РСФСР № 77 «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев РСФСР». Предлагалось создать кафедры организации и методики музейного дела в Московском и Ленинградском институтах культуры, внести предложения о подготовке специалистов музейного дела на базе Московского историко-архивного института, расширить практику проведения на местах зональных курсов повышения квалификации с выездом специалистов НИИ культуры, методических центров, ведущих музеев³⁵. Сотрудники научно-методического отдела принимали активное участие в проведении региональных семинаров-совещаний, конференций, выезжали с лекциями на места. Особое значение имели семинары-практикумы, которые проходили на базе ВДНХ. Составлением программ и организацией семинаров занимались сотрудники отдела. Комплексный характер, ориентированный на привлечение специалистов различного профиля, использование возможностей ВДНХ позволили широко освещать проблемы музейного дела. Кроме того, П.Я. Букшпан, К.М. Газалова разработали программы обучения музейных работников для Центрального института повышения квалификации руководящих и творческих работников РСФСР, читали там лекции³⁶. В 1984 г. во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры А.М. Разгон создал кафедру музейного дела. П.Я. Букшпан и К.М. Газалова специально для нее подготовили и читали несколько спецкурсов³⁷.

А.М. Разгон — выдающийся российский ученый, признанный международным музейным сообществом как теоретик музееведения, работал в ГИМ в 1974—1988 гг. Достижением его теоретических изысканий было определение музееведения как науки и утверждение ее в качестве академической дисциплины. Он ввел определения объекта, предмета, метода, структуры и языка музееведения. Ключевую роль ученый отводил концепту музейного предмета, который определял как носитель социальной и естественнонаучной информации, аутентичный источник знаний и эмоций, культурно-историческую ценность. А.М. Разгон разрабатывал теорию и методику выявления, изучения и использования музейных предметов, создал новое прикладное направление в исторической науке — музейное источниковедение. Своими работами ученый инициировал дальнейшие исследования в области семантики музейных предметов, способствовал разработке теоретико-методологических основ системы профессионального образования, методики преподавания музееведения в высшей школе, первым в СССР получил звание профессора по кафедре музейного дела (1986). А.М. Разгон был одним

из инициаторов создания Научно-методического совета, участвовал в формировании его нормативных документов и организации первых заседаний. В 1988 г. под его руководством вышло в свет учебное пособие «Музееведение. Музеи исторического профиля», подготовленное коллективом российских и немецких специалистов. Одна из глав была написана сотрудником научно-методического отдела К.М. Газаловой. В пособии рассматривались теоретические основы музееведения и научная методика работы музеев исторического профиля, социальные функции и научно-исследовательская деятельность музеев, вопросы фондовой, экспозиционной, научно-просветительной работы.

В 1985 г. результаты теоретических исследований группы сотрудников, занимавшихся вопросами организации и управления музейным делом, и практическая работа музеев нашли воплощение в выставочном проекте «Музейные объединения: опыт и перспективы», представленном в павильоне «Культура» на ВДНХ. На основе концепции, предложенной сотрудниками отдела, четыре крупных объединения — Владимиро-Суздальский историко-архитектурный музей-заповедник, Ивановский государственный объединенный историко-революционный музей, Объединение литературных музеев Пензенской области, Таганрогский государственный литературный историко-архитектурный музей-заповедник — представили опыт работы централизованной системы. За создание выставки К.М. Газалова, Л.И. Скрипкина были награждены медалями ВДНХ.

С началом в 1985 г. в стране перестройки в культурной политике стала преобладать проблематика содержания управленческих задач. В информационном письме Министерства культуры РСФСР 1987 г. «О проведении совещания-семинара музейных работников на ВДНХ» прямо указывалось, что препятствием современного управления отраслью является неизученность социальных запросов к деятельности музеев, необходимость изучения общественных потребностей³⁸.

В научной и учебной литературе признавался кризис управления, связанный с отсутствием адекватных времени и месту инновационных идей, задач и методов решений³⁹. Оценка состояния музейной отрасли была дана в письме Министерства культуры РСФСР «О состоянии музейного дела в РСФСР» от 15.01.90 № 13—10. В нем отмечалось, что музейная ситуация Российской Федерации, как и состояние культуры в целом, характеризуется обострением кризисных явлений. Уровень музейной деятельности, объемы и качество музейного обслуживания населения резко отставали

от общественных культурных потребностей, в связи с чем необходимо было обновление средств музейной работы на всех уровнях, активный поиск возможных путей повышения эффективности и усиления воздействия на духовный мир человека. Документ содержал анализ достижений и созданных ресурсов за годы советской власти, в том числе сформированной сети научных и методических центров, нацеленных на поиск путей совершенствования системы управления и координации деятельности музеев. В вышеуказанном письме Министерства культуры подчеркивалась значимость деятельности Научного совета музеев РСФСР (переименован в соответствии с приказом Министерства культуры 1988 г.) и актуальность обсуждаемой на нем тематики, научно-издательской и аналитической работы научно-методического отдела ГИМ. Для успешного развития музейного дела было предложено укреплять научно-методическую службу в качестве связующего звена между музеями и аппаратом управления. Однако деятельность научно-методического отдела не имела прежней эффективности в связи с происходившими кризисными процессами⁴⁰. Наиболее значимые проекты, которые вели сотрудники научно-методического отдела в конце 1980-х — начале 1990-х гг., были связаны с празднованием 200-летнего юбилея А.С. Пушкина и созданием «Ассоциации музеев космонавтики». К.М. Газалова и Л.И. Скрипкина приняли участие в разработке: Постановления Правительства Российской Федерации «О подготовке и проведении 200-летнего юбилея А.С. Пушкина» 1992 г. и Постановления Совета Министров от 16 февраля 1993 г. № 134 «О мероприятиях по подготовке и проведению 200-летнего юбилея А.С. Пушкина» и в организационных мероприятиях с ними связанных. В 1989 г. К.М. Газалова участвовала в образовании «Ассоциации музеев космонавтики», одним из направлений деятельности которой было содействие созданию в городе Гагарине экспозиции Объединенного музея Ю.А. Гагарина. К.М. Газалова совместно с Н.Е. Волосенковой разработали и представили к обсуждению на заседании Ассоциации концепцию экспозиции⁴¹.

В середине 1990-х гг. политика в области культуры исходила из легитимизации рыночных отношений и понижения социального статуса культуры до сферы обслуживания. Приоритетным направлением был выбран процесс интеграции в мировую систему на основе распространения «высших образцов» глобальной массовой культуры, а также развития отечественной культурной индустрии и коммерции⁴². В период ломки старых устоев, внедрения новых концепций и отношений основное внимание культурной политики

было направлено на создание правовых, организационных и экономических условий деятельности. В 1992 г. были приняты «Основы законодательства РФ о культуре», введившие понятия юридического лица, Устава учреждения, которые способствовали формированию нормативно-правовых отношений музеев с государством и обществом и формулированию целей их создания. Важной вехой в обеспечении сохранности культурного наследия стало принятие в 1996 г. Федерального закона «О музейном фонде и музеях Российской Федерации». В нем был провозглашен основной принцип государственной политики — неделимость и неотчуждаемость коллекций, образующих Государственный музейный фонд. В результате нормативной деятельности к середине 1990-х гг. был создан механизм управления, основанный на принципах многообразия организационно-экономических форм культурной деятельности, децентрализации целевого финансирования и договорных отношений. Одним из основных рычагов нового механизма управления стало разделение и распределение прав владения, распоряжения и использования ресурсов. Наиболее эффективной формой работы научно-методического отдела в период ломки идеологических основ и установления новых правовых и экономических отношений была деятельность Научного совета, стратегия которого выстраивалась исходя из музееведческих проблем (ответственный секретарь Л.И. Скрипкина). Ему вменялось сосредоточить внимание музейных работников на исследовании музейных источников и выработке рекомендаций по отражению музейными средствами актуальных вопросов истории СССР. Впервые поставленная задача изучения специфики музейной презентации истории и проблем музейного источниковедения была связана с тем, что музеи должны были быстро реагировать на изменившиеся условия общественной жизни, привлекать посетителей. Но отошедшая от прежней марксистко-ленинской парадигмы историческая наука находилась в поиске новых подходов и не могла служить основой для создания научных экспозиций. Сложилась та же ситуация, что и в 1930-е гг., когда музеи должны были самостоятельно выработать методику показа истории. В 1990-е гг. Министерство культуры перестало выделять средства для проведения Совета, однако он успел себя зарекомендовать и проводился по инициативе различных музеев за счет региональных средств. Например: в 1990 г. на базе Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея провели заседание Научного совета по теме «Новое осмысление экспозиционного решения отделов истории советского общества»; в 1991 г. на базе Тюменского областного краеведческого музея со-

стоялось заседание по теме «Роль этнографических исследований в развитии региональных музеев»; в 1994 г. на базе Кемеровского областного краеведческого музея на проведенном заседании была рассмотрена тема «Новые аспекты изучения истории Сибири и возможности их отражения в музеях»; в 1995 г. на базе Новосибирского областного краеведческого музея прошли заседания по теме «Музей и общество. Роль и место музеев в современной социокультурной политике». Во Владимиро-Суздальском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике исследовались проблемы музеев-заповедников в период перестройки. В то время, когда в результате административной реформы произошло разграничение ранее единой музейной сети на федеральные, региональные и муниципальные музеи, деятельность Научного совета продолжала их связывать, содействовать координации и организации информационных контактов.

За годы перестройки страну поразил не только экономический, но и в результате утраты прежней картины мира, норм и иерархии ценностей кризис общественного сознания. Тенденция к модификации советской модели культуры сменилась новой парадигмой, которая не регулировалась идеологией, а была связана с приватизацией государственных институтов, утверждением рыночных отношений. В 1990-е гг., когда встала проблема модернизации музейного дела, возник вопрос ее философско-идеологических оснований. В западной культуре, откуда заимствовались образцы и идеи, в то время господствовало такое интеллектуальное течение как постмодернизм. Он возник на волне неудовлетворенности господством в гуманитарном знании социально-исторических теорий. Новая философия отрицала возможность достоверности и объективности, поэтому постулировалась недоступность реальности для познания и замена ее текстом, а способом познания мира становилась игра. Новая историческая культура от системных теорий перешла к признанию коммуникаций, множественности языков и интерпретаций. Для нее характерен отказ от научных знаний, культурная неясность, смешение традиций и языковая игра. В результате методология утратила черты, традиционно понимаемой инструментальности, а теория стала трактоваться как свободно выстроенная авторская позиция.

Модернизация российских музеев на тот момент времени основывалась на тезисе о том, что «просветительская» модель культуры сменилась «гедонистической», согласно которой культура должна доставлять удовольствие и развлекать, а музеи играть роль культурного центра и социального инструмента воздействия. В каче-

стве основного принципа теоретического осмысления, новых форм и методов музейной деятельности стала рассматриваться теория и методы коммуникации: социологический (исследование состояния коммуникационных процессов); герменевтический (исследование понимания смыслов и текстов); семиотический (изучение знаковой природы коммуникации, поскольку знаки сообщают скрытые и открытые значения текста). В результате понятие «текст» получило предельно широкую трактовку как знаково-символической информационной системы. Появились представления о тексте экспозиции и «языке вещей». Внесение этих постулатов имело некоторые положительные аспекты: рассмотрение музея в качестве коммуникационной системы, совершенствование форм и методов взаимодействия с аудиторией. Однако, в большей степени, они были направлены на разрушение устоявшейся классической модели музея. С теорией коммуникации было связано внедрение «Новой музеологии», получившей распространение во Франции и Великобритании. В соответствии с ней человек рассматривается в природном, социальном и культурном окружении и главная задача состоит в вовлечении местного населения в деятельность по формированию и сохранению наследия. Постулировался новый тип средовых общинных музеев — экомузеев, нацеленных на решение социальных, экономических и культурных проблем местного сообщества. Такой музей не нуждается в конкретном здании, он не является институтом и может быть везде. В «Новой музеологии» отсутствовала задача музеефикации наследия и обязательная необходимость собирать коллекции. Музейная деятельность позиционировалась как замена функционирования музея, а любая коллекция могла быть объявлена музеем. Никакой исследовательской стратегии данная общинно-ориентированная музеология, кроме социологических исследований не создала. Свою оценку этой концепции дал в свое время ИКОФОМ (одним из создателей которого был А.М. Разгон), обратив внимание на то, что музейный предмет рассматривается как базовая единица всякой формы музейной работы⁴³. Напрашивается интересное сравнение с 1930-ми гг. — в период смены общественного строя, философско-исторических парадигм главной темой стало рассмотрение отношения к подлинным памятникам — фундаменту музейной деятельности и источникам создания экспозиций.

Однако именно указанная концепция преобладала в 1990-е гг. в российском музейном деле, поскольку она подходила для критики классического музея, связанного с социалистическими теориями, и внедрения рыночных отношений и массовой культуры. Сотруд-

ники лаборатории музейного проектирования Российского института культурологи сделали попытку пересмотра всех постулатов музееведения с позиций теории коммуникации. В результате музееведение получило статус прикладной дисциплины, объектом исследования которого стал «язык музея». За образец были взяты постулаты канадского ученого Д. Камерона, который первым применил теорию коммуникации к музеям, предложив музейную семиотику в виде грамматики и синтаксиса, где музейные предметы являются существительными, а связи между ними — глаголами⁴⁴.

Н.А. Никишин попытался применить эту методику к российским экспозициям и из музейных памятников составлять языковые выражения. Он предложил методику создания экспозиционного текста посредством музейных предметов, исходя не из самой их природы происхождения, а из аспектов отражения в сознании исследователя⁴⁵. М.Б. Гнедовский, активно внедрявший теорию коммуникации, утверждал, что акт музейной коммуникации представляет собой усилия двух субъектов (музейного работника и воспринимающей аудитории), в которых смыслы проецируются на музейные предметы в соответствии с культурной повесткой каждого из них. Особенно эти музейные деятели выделяли достижения дизайна, с которыми связывалось проектирование культурного значения вещей⁴⁶. Соответственно, задача информирования посетителя в экспозициях становится вторичной — не нужна любая информация (тексты, заголовки и т.д.), нужна картина мира, сопричастность культуре⁴⁷.

Группа вышеупомянутых музееведов постулировала отрыв теории коммуникации от теории информации, частью которой она является, и на основе которой А.М. Разгон построил свою музееведческую теорию. Это вело к отказу от выявления реального информационного значения музейных предметов. В результате от принципов научного познания, которые внедрял А.М. Разгон, был совершен переход к субъективным понятиям, от модели музея как информационного и коммуникационного учреждения, которое должно удовлетворять общественные интересы в сохранении и использовании предметов реального мира, — к социально-культурному центру. Используя коммуникационный подход, «новаторы» в рамках деятельности Фонда Сороса рассматривали модернизацию музейного дела в связи с американской моделью «открытого музея», представляющую собой культурно-досуговый и образовательно-развлекательный центр, ориентированный на общение с музейной аудиторией и ее участием в совместной деятельности (создании выставок, комплектовании фондов и т.д.). Музейный предмет в данной

модели выполняет прикладную роль, а главное внимание обращается на развитие методов интерактивности в культурно-образовательной деятельности. Музей презентовался, прежде всего, как место проведения досуга, и в этом ряду его можно было сравнить с магазинами, банями, и даже пивбарами (А. Лебедев)⁴⁸.

Внедрение «новаций», менявших представлений о научном познании в музее, его модели, функциях, места в науке и культуре, было неразрывно связано с его сердцем — экспозицией. Выдвижение субъективного подхода способствовало тому, что всякая самостоятельная историческая интерпретация казалась символом гласности, так называемого авторского подхода. Трудности в научном проектировании экспозиций, связанных с поисками новых парадигм в исторической науке, привели к тому, что в авангарде освоения предметного мира в экспозиционном пространстве оказались художники-дизайнеры. Увлечение идеей сделать экспозицию занимательной, найти нестандартные решения с помощью художественно-образных средств, привело к появлению образно-сюжетного метода ее построения. Автор данного метода Т.П. Поляков, обратившись к искусству, предложил свой метод объединения научного содержания и художественной формы. Согласно вышеуказанному подходу, первичной становится не историческая реальность, а ее экспозиционное воплощение — художественная модель исторического процесса. В такой интерпретации музейные предметы приобретают новые символические значения и используются в качестве элементов, формирующих ассоциативно-образный строй экспозиционного текста; происходит художественное моделирование времени и «мира», сложившееся в представлениях автора текста⁴⁹.

В условиях теоретического и методологического кризиса, ломки устоявшихся понятий и внедрения новых парадигм, одной из основных проблем стала методика музейного дела и, в частности, методика экспозиционной деятельности. В 1996 г. заведующей научно-методическим отделом ГИМ была назначена Л.И. Скрипкина. В сложной ситуации определения стратегии развития методической службы преобладающее значение приобрела аналитическая и экспертная функция — необходимость проведения анализа внедряемых «новаций», исследования теоретических и практических проблем музейного дела, адекватного подхода к музейной презентации истории. В этот период заметно выросла потребность общества в выделении, сохранении и использовании материальных памятников, отражающих исторический опыт страны, что выразилось в понятии «культурное наследие» и привело к новому качественному уровню исследований в развитии музейной теории

и практики. Отношение к материальным источникам нашло отражение, как в законодательных актах, так и в политике государства. В Федеральной целевой программе «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1991—2000)» было отмечено, что целью культурной политики является не только сохранение историко-культурного наследия России, но и использование его в качестве основного фактора консолидации различных слоев и сил в целях формирования неискаженного исторического сознания и создания единого культурного пространства.

В создавшейся ситуации проблема необходимости поиска альтернативной философско-исторической парадигмы в качестве обоснования презентации исторического наследия была решена в результате распространения в России в те же 1990-е гг. нового гуманитарного знания. В конце XX столетия в западноевропейских странах произошло становление универсальной в научном отношении культурно-исторической картины развития человека и общества. На основе сформировавшейся «новой социальной истории» актуальное значение приобрели исследования проблемы получения достоверного гуманитарного знания, основанного на синтезе антропологии, исторической науки и источниковедения⁵⁰. Рассмотрение культурного поворота в антропологии, истории «снизу», перехода от слова и текста как единиц анализа к социальному контексту стало важнейшим проявлением общей тенденции современного социогуманитарного знания⁵¹. Теории и методы культурной антропологии, одной из самых востребованных областей знаний в то время, получили применение в исследованиях исторической антропологии, истории ментальностей, истории повседневности, новой политической истории⁵². Были введено в научный оборот такое понятие как «образ жизни» народа в тот или иной период времени и применение методик исследования истории жизни человека, семьи, рода. Утверждение новой философско-культурной парадигмы потребовало обновления концептуального аппарата и исследовательских методов историков и музейных работников. Источниковедение стало рассматриваться как метод познания реального мира, позволяющий изучать исторические источники, в том числе музейные предметы как совокупность произведений, созданных в ходе исторического процесса людьми, стремившихся таким способом решать важные для себя проблемы⁵³. В связи с этим особую актуальность приобрела проблема интерпретации источников и выявления исторического контекста их бытования. В свое время об этих характеристиках музейного источниковедения писал А.М. Разгон. Произшедшие изменения в гуманитарном знании

утвердили правомочность его исследований музееведения как науки в ракурсе теории информации. Наиболее востребованным стал поиск новых подходов к раскрытию информационного потенциала предметного мира человека и интерпретации музейных источников в целях их представления для адекватного восприятия аудиторий.

Зарубежные музеи освоили и применили новое гуманитарное знание к проектированию и созданию экспозиций с целью представления исторического процесса посредством исследования жизни человека и проникновения в повседневные условия его существования. Адаптация нового гуманитарного знания к музейному делу была продемонстрирована российским музейным работникам на примере выставочной практики «Дома современной истории» в Бонне (Германия). Знакомство с выставками «Война Германии против Советского союза. 1941—1945 гг.» (1995) и «Военнопленные» (1996) послужило настоящей школой применения методов исторической и культурной антропологии в музейных презентациях истории. Последняя выставка создавалась совместно с сотрудниками Исторического музея. Желание продемонстрировать новые подходы послужило основанием для проведения на ней Научного совета исторических и краеведческих музеев в форме международного семинара по теме «Новые аспекты в исследовании проблем Второй мировой войны: тема военного плена». Участие в нем приняли также немецкие коллеги — создатели выставки и ученые-историки.

Анализ процессов, происходивших в тот период в гуманитарном знании и в музейном деле, был представлен в сборнике научно-методического отдела «Музей в современном мире: традиционализм и новаторство»⁵⁴. Статьи Л.И. Скрипкиной были посвящены исследованиям влияния постмодернистской парадигмы на российское музейное дело и обоснованию значения научного проектирования экспозиций исторических и краеведческих музеев на основе нового гуманитарного знания.

Презентация истории в музее в том или ином контексте имела большое значение. В кризисные 1990-е гг., когда велись поиски социальных и политических технологий, в российской историографии существовали различия в концептуальной сфере — в трактовке места России в мировой истории, изображении специфических и общих черт исторического развития страны, конкретном анализе тех или иных исторических событий и процессов. Наблюдалось несовпадение интересов отечественных и зарубежных заказчиков проектов и внутренних потребностей науки⁵⁵. Исследователи отмечали, что успехи в области науки и образования находились в зависимости от применения новейших достижений отечествен-

ной и мировой историографии, связанных с цивилизационным подходом к раскрытию исторического процесса, сравнительной истории, микроистории, основанной на культурной и исторической антропологии⁵⁶. Не менее сложно обстояли дела в образовании. Для школ было издано 56 учебников по истории, в том числе, связанных с программой Дж. Сороса (для них была характерна теоретико-методологическая и концептуальная противоречивость и даже фактологические ошибки). К трактовке исторических событий приобщилась масса неспециалистов в этой области, во главе их были средства массовой информации. В результате, приходя в музей, посетители не имели утвержденной в 1930-е гг. матрицы — «научные представления — учебник — музейная экспозиция». Для решения актуальной проблемы адекватной музейной интерпретации историко-культурного наследия страны необходима была ориентация музейных работников в современной исторической историографии и методике проектирования на основе нового гуманитарного знания. Уже опробованной формой внедрения новаций служила эффективная деятельность Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ, подтвержденная приказами Министерства культуры РСФСР. В 1997 г. при Министерстве культуры РФ был создан Южный филиал Научного совета исторических и краеведческих музеев⁵⁷. В Приказе № 177 от 07.04.1998 г. Министерства культуры РФ он был переименован в Научный совет исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры РФ и в нем содержалась новая концепция деятельности Научного совета — ориентация музейных работников в современном гуманитарном знании, новых технологиях управления музеями. Было рекомендовано обращать внимание работников музеев на необходимость повышения уровня научно-исследовательской деятельности, опирающейся на фундаментальную науку, на совершенствование музейного источниковедения, направленного на поиски новых способов осмысления предметного мира научными методами⁵⁸. С целью внедрения нового гуманитарного знания Л.И. Скрипкина разработала проект «Современные концепции истории России. Проблемы интерпретации источников в музейных экспозициях». В Историческом музее с 1997 по 2005 г. провели семь заседаний Научного совета, посвященных различным историческим периодам, начиная с первобытной истории и заканчивая историей XX в. Для участия в проекте приглашали ученых-историков из Института российской истории РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российского гуманитарного университета и других научных центров. На Советах обсуждали актуальные проблемы исто-

рического познания и отражение их в современной историографии, состоялись презентации различных периодов истории России в музейных экспозициях. Было издано три сборника, не потерявших и в 2020-х гг. своего значения. В 2001 г. обновили состав Сибирского филиала Научного совета, музеем-координатором избрали Омский государственный историко-краеведческий музей, сопредседателями — Н.А. Томилова, директора Омского филиала Института археологии и этнографии, заведующего кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета, д.и.н., профессора и директора Омского музея П.П. Вибе, д.и.н., ответственным секретарем — Л.И. Скрипкину.

В 2004 г. начался новый этап культурной политики государства, связанный с реформами, проводимыми в административной, бюджетной сферах и местном самоуправлении. Реформирование бюджетного процесса, ориентированного на результат, на первый план выдвинуло задачу формулирования стратегических целей деятельности бюджетных учреждений в соответствии с закрепленными за ними основными функциями. Государством был поставлен вопрос о смысле деятельности, функциональной предназначенности учреждений культуры, в том числе музеев, значении решаемых ими задач и оказываемых услуг. Необходимость новой стратегии была связана со сменой концепции государственной культурной политики. Центр внимания с проблем развития музеев переместился в сферу оказания услуг и их особенностях в условиях внедрения новых экономических механизмов в рамках музейного бизнеса и соответствующих форм маркетинга и управленческих технологий. Все эти процессы также требовали изучения и анализа — исследования специфики музейного менеджмента и маркетинга в российских условиях, опыта лучших музейных менеджеров, ориентирующихся в понимании специфики деятельности музейного учреждения. Вхождение музеев в систему рыночных отношений способствовало внедрению новой терминологии. Сектор музейной энциклопедии НИИ культурологии подготовил к публикации словарь музейных терминов, в котором Л.И. Скрипкина представила аналитическую статью «Музеи и музейная деятельность в период перемен (XX – начало XXI в.) и блок терминов, характеризующих управление музеем, его ресурсы, менеджмент, маркетинг, фандрейзинг, бизнес-планирование и т. д.⁵⁹. Приоритетным направлением деятельности Научного совета стал анализ нормативной базы проводимых реформ, выявления и представления наиболее успешного менеджмента музеев. На базе Красноярского краевого краеведческого музея в 2005 г. была рассмотрена тема «Ресурсы исторических и краеведческих му-

зеев и проблемы их эффективного использования», «Современный менеджмент музеев» изучали на примере деятельности Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» в 2006 г., «Реформирование бюджетной сферы и социокультурное проектирование» обсудили на заседании в Читинском областном краеведческом музее в 2007 г., «Проблемы перехода к рыночным формам хозяйствования» рассмотрели на Совете, проведенном в Музее истории города-курорта Сочи в 2011 г. В 2018 г. «Проблемы музейного менеджмента и маркетинга на современном этапе» представили в ходе заседания в Иркутском областном государственном Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». На основании материалов проведенных заседаний издали пять сборников.

Маркетинг в музейной деятельности выразился в освоении и развитии проектной методики, технология которой была внесена и в исследования научно-методического отдела. Для работы с регионами, связанной с информационно-координационными процессами и повышением профессионального уровня музейных работников была разработана инновационная форма — проектный подход к рассмотрению основных направлений музейной деятельности. Проекты реализовались в форме научно-методических семинаров, межрегиональных научно-практических конференций, круглых столов, проводимых в Историческом музее. Семинары и конференции сочетали разработку теоретических проблем с практическими занятиями — посещением фондовых и реставрационных отделов, методическими практикумами на экспозициях и выставках, музейно-педагогическими занятиями. Ежегодно проводилось 10—12 семинаров и конференций.

В связи с развитием нормативно-правовой деятельности государства в области культурной политики в отделе разработали проект «Правовое научно-информационное обеспечение субъектов культурной деятельности» с целью ориентации музейных работников в законодательно-правовом поле музейной работы. В отделе создали банк данных по нормативным и законодательным актам музейного дела и охраны памятников (около 1000 документов) и на его основе издали в 1998, 2001, 2007 гг. три сборника: «Российская культура в законодательных и нормативных актах: музейное дело и охрана памятников»⁶⁰. Проект также реализовывался путем чтения лекций на региональных курсах повышения квалификации, выступлений и докладов на различных конференциях. В 2009—2010 гг. в Историческом музее для сотрудников региональных музеев провели серию семинаров по теме «Нормативно-правовые и организационные вопросы управления музеем».

Основной деятельностью музеев и главной услугой государству и обществу в культурной политике было признано сохранение и эффективное использование в научных и просветительных целях музейного фонда Российской Федерации. В 2004 г. в ГИМ под руководством заместителя директора по научно-фондовой работе М.В. Чистяковой сотрудниками научно-методического отдела (куратор С.Ю. Кулябина) приступили к осуществлению проекта «Инновации в учетной деятельности и проблемы сохранения историко-культурного наследия» (в 2019 г. переименован в «Школу главного хранителя»). Целью проекта было представление опыта Исторического музея в учетно-хранительской деятельности и ориентации музейных работников в особенностях хранения, научного описания и презентации памятников из различных материалов. В данном контексте рассматривались памятники нумизматики, музейные предметы, содержащие драгоценные металлы и драгоценные камни, документальные памятники, рукописные памятники и старопечатные книги и др. В рамках проекта состоялось 13 семинаров, 2 круглых стола. В 2020 г. в связи с ковидом семинары проводились в виде вебинаров. Эта форма была признана наиболее эффективной, поскольку не всегда специалисты из отдаленных регионов могли приехать в Москву. С 2020 по 2023 г. было проведено 8 вебинаров с участием более 100 музейных работников в каждом, в том числе и из муниципальных музеев, в которых поучаствовало более 600 человек практически из всех регионов РФ. Особое внимание уделялось теме «Принципы монтажа и обеспечения сохранности музейных предметов в постоянной экспозиции», поскольку на тот момент в региональных и муниципальных музеях недостаточно профессионально выполнялась эта деятельность. Семинар неоднократно повторялся (последний раз в виде вебинара в 2020 г.). Издание в 2007 г. материалов семинара «Монтаж и сохранность музейных предметов в экспозиции. Методическое пособие» (Труды ГИМ. Вып. 168), моментально стало библиографической редкостью.

Как уже отмечалось, одной из ведущих проблем исследований в музейном деле является адекватный подход к презентации историко-культурного наследия Российской Федерации в музейных экспозициях и сохранение исторической памяти. В целях ориентации музейных работников в инновационных подходах к научному и художественно-дизайнерскому проектированию и созданию исторических экспозиций, в 2013 г. совместно с Московской государственной промышленной академией им. С.Г. Строганова и фирмой Neo Expo-Art осуществлялся проект «Современная экспозиционно-выставочная деятельность российских музеев» (ку-

раторы Ю.И. Махтева, Л.И. Скрипкина). Тематика определялась в соответствии с актуальными историческими событиями и датами, а также с позиций экспозиционных технологий, научных и дизайнерских решений той или иной проблематики. В таком контексте были рассмотрены события российской истории, например: «Отечественная война 1812 года в новейших экспозиционных решениях»; Музейная презентация темы «Первая Мировая война 1914—1918 гг.»; «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в экспозиционно-выставочных решениях»; «Проблемы презентации Средневековой истории»; «Эпоха Великой российской революции и Гражданской войны в современных экспозиционно-выставочных решениях»; «Великие реформы и развитие Российской империи во второй половине XIX в. экспозиционной и образовательной деятельности музеев». С позиций музееведения анализировались инновации в экспозиционной деятельности музеев, модернизация постоянной музейной экспозиции, технологии создания экспозиций, выставок и др. За период с 2013 по 2023 г. состоялось 19 научно-практических конференций, на которых рассматривался опыт выставочной практики Исторического музея и экспозиционно-выставочных проектов других исторических и краеведческих музеев. С 2020 г. проект проводился как в очном, так и в онлайн-формате. За время его существования в нем приняло участие порядка 1500 музейных специалистов. В 2023 г. определился новый формат проекта, переведенный в практическую плоскость, — проведение музейных практикумов на экспозициях музеев-партнеров и обсуждение их решений на круглых столах. Такие практикумы состоялись в Музее русского зарубежья по теме: «Новации XXI века в экспозициях российских музеев», в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина по теме: «Современные экспозиционные приемы и методы мемориальных и литературных музеев».

Культурно-образовательная и просветительная деятельность музеев как одно из востребованных обществом направлений связана с музейным маркетингом, поэтому исследование и презентация наиболее эффективных методов и подходов в музейно-образовательной работе весьма актуально для специалистов. В 2012 г. сотрудники научно-методического отдела ГИМ разработали проект «Музей и общество. Создание единого образовательного пространства» (куратор Е.Ю. Емельянова), который также как и остальные, проводился в форме методических научно-практических межрегиональных конференций и семинаров, сочетающих теоретическую и практическую части. На них рассматривались такие актуальные проблемы, как: методика подготовки и проведения

музейно-образовательных программ для аудитории разного возраста; проблемы использования методов театрализации в музейно-образовательной деятельности; использование различных форм взаимодействия с аудиторией в научно-просветительной работе; обучение с развлечением в музейном пространстве; иммерсивный формат в образовательной практике музеев и др. В практической части помимо сотрудников научно-методического отдела свои музейные программы демонстрировали методисты Исторического музея и его отдела «Палаты бояр Романовых». За время проведения проекта состоялось 33 мероприятия, в которых приняли участие более 3000 специалистов из разных музеев страны. С 2020 г. проект осуществлялся в партнерстве с Музеями Московского Кремля; Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Александровская слобода»; Сергиево-Посадским государственным историко-художественным музеем-заповедником. Это сделало возможным комплексный подход к рассмотрению музейных проблем презентации историко-культурного наследия. Эпоха Великого князя Василия III, Смутное время в российской истории, история России XVII века, правление первых Романовых были представлены в научно-исследовательской, экспозиционной и музейно-образовательной деятельности вышеуказанных и других музеев. В 2023 г., также как и в других проектах, формат преобразовался в методические практикумы. Кроме того, внимание было обращено на создание межмузейных программ. Состоялся семинар-практикум «Презентация памятников XVI—XVII вв. в межмузейных образовательных программах Государственного исторического музея и Музеев Московского Кремля».

В 2004 г. происходил пересмотр роли Русской Православной церкви в истории российского государства, интерпретации ее историко-культурного наследия и взаимоотношений между церковью и музеями. В связи с этим стали актуальными многие вопросы, касающиеся дальнейшего сохранения, презентации и ценности огромного достояния, значимость которого велика и для церкви, и для всего населения страны. Чтобы понять объем и вектор перемен, найти консенсус в деятельности музеев и церкви, отдел приступил к осуществлению проекта «Проблемы исследования, сохранения и презентации историко-культурного наследия Русской Православной церкви», который реализовался в организации и проведении межрегиональных научно-практических конференций и публикации изданий. Одним из инициаторов его осуществления был А.И. Шкурко, исполнявший в то время обязанности директора ГИМ. Рассматривался двойной принцип рассмотрения проблем — иссле-

дований и презентации памятников и как произведений церковного искусства, и как исторических источников — свидетельств, позволяющих производить реконструкцию различных эпох. Были поставлены и музейные задачи — по-новому взглянуть на коллекции, экспозиционно-выставочную и образовательную деятельность, связанную с этим наследием. В конференциях принимали участие представители Русской Православной церкви, специалисты-историки, искусствоведы, музейные работники, архивисты, реставраторы. По материалам конференции было издано два сборника. По мере развития проекта формировалась новая тематика. В связи с ростом церковных музеев, институтов древнехранителей, возникли проблемы содержания церковного краеведения, профессиональные вопросы музеефикации наследия Русской Православной церкви и его презентации в музеях, содержания и форм просветительно-образовательной работы, которые рассматривались на конференциях с участием специалистов из различных региональных и муниципальных исторических и краеведческих музеев. В 2022 г. к 600-летию обретения мощей святого преподобного Сергия Радонежского совместно с Сергиево-Посадским историко-художественным музеем-заповедником состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Экспозиционная и просветительная деятельность музеев по презентации духовного наследия Русской Православной церкви». В докладах обсудили вопросы исследования памятников духовного наследия, их интерпретации в экспозиционно-выставочной деятельности ГИМ и Сергиево-Посадского музея, презентации в образовательных программах и мастер-классах для различных категорий посетителей.

В период перемен, смены концепции культурной политики и управленческой идеологии в музейном деле, большое значение для выбора направления музееведческой и методической работы имел тот теоретический фундамент, который заложили российские музеееды и музейные деятели. Одним из самых значительных из них был А.М. Разгон. Ученый аккумулировал передовые идеи, предвосхитил многие тренды XXI столетия в развитии музеев и музееведения и обозначил опасные тенденции. В деятельности научно-методического отдела стало традицией отмечать юбилейные даты, связанные с именем ученого, посредством проведения Научных советов и конференций. В 2000 г. к 80-летию со дня рождения А.М. Разгона был приурочен Научный совет исторических и краеведческих музеев Российской Федерации по теме «Итоги и перспективы развития музейной теории и практики в России на рубеже веков». В нем приняли участие: первый заместитель Министра

культуры Российской Федерации Н.Л. Дементьева, академик Российской академии образования, председатель Археографической комиссии РАН, председатель Союза краеведов С.О. Шмидт, известные музеееды, директора музеев, руководители методических служб, научные сотрудники музеев и институтов, преподаватели вузов, художники-дизайнеры. Участники заседания обсудили вопросы, связанные с развитием теоретических проблем музееведения, музея как социального института, особенностей его деятельности на рубеже веков. По итогам заседания был издан сборник «Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI веков»⁶¹. В 2010 г. приуроченная к 90-летию со дня рождения ученого состоялась конференция «Российское музееведение между прошлым и будущим. XX—XXI вв. Памяти А.М. Разгона», подготовленная научно-методическим отделом совместно с Российским институтом культурологии. 100-летие ученого было отмечено в 2021 г. проведением конференции по теме «Мировые тренды и музейная практика России», организованной сотрудниками научно-методического отдела, кафедрой музеологии Российского государственного гуманитарного университета и ИКОМ России. Главное, что было сделано в честь этой знаменательной даты — в 2022 г. вышло в свет издание неопубликованных статей и редких работ ученого «Новации в музейном мире. Музейный мир А.М. Разгона: Сб. документов и материалов». Сборник сопровождается статьями авторов-составителей, раскрывающими вклад ученого в развитие теоретических и практических основ изучения историко-культурного наследия и социокультурных практик⁶². В работе над изданием приняли участие: Ю.И. Махтева, Л.И. Скрипкина (научно-методический отдел ГИМ), И.В. Белозерова (отдел письменных источников ГИМ), И.В. Чувилова (исследовательская группа «Российской музейной энциклопедии» Нового института культурологи), О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко, Н.Н. Покровский (Институт истории Сибирского отделения РАН). В результате обширной поисковой работы в архивных фондах и библиотеках, анализа значительного корпуса написанных ученым работ, было создано три раздела: «История музейного дела», «Теория музейного дела» (Ю.И. Махтева, Л.И. Скрипкина), «Музей и общество». Авторы-составители, опираясь на структуру сборника, стремились показать генезис научной мысли А.М. Разгона, вехи его становления как музееведа и музееведения как научной дисциплины. В статье «Теоретическое наследие А.М. Разгона в контексте глобальных тенденций и развития российского музейного дела в конце XX — начале XXI в.» Л.И. Скрипкина описала путь теоретических изысканий ученого в определении му-

зееведения как научной дисциплины с позиций теории информации и представила анализ развития музеологии и музейного дела в XXI в. В заключении статьи содержался вывод том, что произошедшие изменения в гуманитарном знании поставили новые проблемы перед музееведением именно в том контексте, в котором их рассматривал А.М. Разгон, — теории информации.

В XXI в. деятельность научно-методического отдела по координации работы исторических и краеведческих музеев, повышению профессионализма музейных работников, представлению передовых тенденций в сохранении и презентации историко-культурного наследия продолжилась в рамках работы Научного совета исторических и краеведческих музеев. В 1998 г. на основании приказа Минкультуры России было утверждено новое Положение и состав. Концепция работы была ориентирована на содействие развитию научного подхода к различным направлениям деятельности музеев: к проблемам презентации истории на основе интерпретации хранимых источников, созданию музейной концепции локальной истории, актуализации исторической памяти в экспозиционно-выставочной деятельности. Акцентировалось внимание на обмене полученными научными результатами ученых, музейных работников и исследователей учреждений культуры, работающих в области сохранения и презентации историко-культурного наследия. В Сибирском филиале Научного совета обсуждалась роль научных исследований в Омском историко-краеведческом музее в 2001 и 2003 гг., Томском областном краеведческом музее в 2002 г., в Алтайском государственном краеведческом музее в 2003 г. Тема «Социокультурная роль музеев в жизни регионов» была рассмотрена на заседании в Иркутском краеведческом музее в 2002 г. В рамках международного научно-практического форума «Культура евразийского региона», проведенного Алтайским государственным институтом культуры в 2017 г., исследовалась роль музеев в формировании региональной социокультурной политики. В 2013 г. Научный совет по теме «Проблемы проектирования и создания новых музеев в современный период развития российского музейного дела» стал одним из центральных событий III Международного культурного форума «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития территории», проходившего в Хакассии.

Изучение, сохранение и презентация историко-культурного наследия народов и национальных групп как одна из приоритетных тем рассматривалась как в Сибирском, так и в Южном филиале Научного совета. В 2008 г. в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова провели заседание по теме «Роль музеев

в процессах трансляции ценностей различных культурных традиций». В 2009 г. в Государственном музее природы и человека (Ханты-Мансийск) обсуждали тему «Историческое познание в музее как межкультурная коммуникация и национальная идентичность. Концепция, методы и способы презентации исторического прошлого». В 2014 г. на базе Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва на заседании рассмотрели «Роль музеев в актуализации историко-культурного наследия различных национальностей и осуществлении межкультурной коммуникации». В 2016 г. в Омском государственном историко-краеведческом музее был проведен Научный совет по теме «Проблемы проектирования музейных экспозиций по истории и культуре народов и национальных групп». В 2021 г. состоялось заседание «Музей и национальное наследие трансграничных регионов в XXI в.», приуроченное к 30-летию кафедры музеологии и историко-культурного наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ).

Проблеме создания музейной концепции локальной истории также уделялось большое внимание. В 2010 г. в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова на базе созданной экспозиции по советскому периоду российской истории провели Научный совет по теме «Дискурс исторической экспозиции: проблемы презентации истории советского и современного периодов в музее». В 2015 г. в Национальном музее им. А.В. Анохина Республики Алтай (Горно-Алтайск) состоялось заседание по теме «Проблемы проектирования музейной концепции истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев исторического и краеведческого профиля». В 2022 г. в этом же музее рассматривалась приоритетная для него тема «Проблемы и методы визуализации и интерпретации археологического наследия в музее».

Актуальная для современной культурной политики тема в сфере туризма «Роль мемориальных музеев в сохранении, актуализации, презентации историко-культурного наследия страны и региона и в развитии культурного туризма» анализировалась в 2019 г. на Научном совете, проведенном в рамках всероссийской научно-практической конференции «Личность и время. Алтайский край и военная безопасность страны», посвященной 100-летию со дня рождения М.Т. Калашникова. Место музеев в социально-экономическом и гуманитарном развитии туризма рассматривалась в 2020 г. совместно с Национальным музеем им. А.В. Анохина в онлайн-формате.

В 2022 г. отмечалось 100-летие российского краеведения, в связи с этим в Омском государственном историко-краеведческом музее прошел большой форум по теме «Государственное краеведение

в Российской Федерации в конце XX — начале XXI века», вышло в свет несколько изданий. В том же музее, являющемся лидером в освоении и презентации данной тематики, в 2023 г. состоялось заседание Совета, посвященное теме «Краеведение в российских музеях».

Южный филиал Научного совета исторических и краеведческих музеев, в основном, проводился на базе Краснодарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Приоритетными темами обсуждения были создание музейной концепции истории, презентация различных исторических периодов в экспозиционно-выставочной деятельности музеев. Важную для данного региона тему представления истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. рассмотрели в юбилейные годы — в 2005, 2010, 2015 гг. В программу заседания «Великая Отечественная война: историческая память и проблемы осмысления» в 2010 г. были включены мероприятия, посвященные 40-летию создания Тимашевского музея семьи Степановых. На заседании Совета в 2012 г. проанализировали проблемы музейной презентации советского периода истории в контексте современного социогуманитарного знания, в 2013 г. — представление провинциального города в социокультурном пространстве XVIII—XXI вв.

На состоявшемся в 2017 г. заседании по теме «Кубань в эпоху великих потрясений. 1917—1920 гг.», особый интерес вызвало обсуждение проблем комплектования, актуализации и интерпретации данного периода истории в экспозиционно-выставочной работе музеев, введения новых источников и тем. Большой интерес музейных работников привлекла тема «Проблемы визуализации и интерпретации археологического наследия страны в музеях», исследовавшаяся на Совете, прошедшем в 2022 г. в Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике.

Как и в Сибирском филиале Научного совета, большое внимание уделили анализу и представлению темы сохранения и актуализации историко-культурного наследия народов Северного Кавказа в 2007 г. на заседании, проведенном в Майкопе на базе Национального музея Республики Адыгея. В нем приняли участие ученые-историки, этнографы, представители Государственного музея искусств народов Востока, Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и др. В 2014 г. тема «Северный Кавказ: пространство диалога. Межконфессиональные и межэтнические отношения в прошлом и настоящем» обсуждали в Краснодарском музее-заповеднике. В 2019 г. на базе Крымского этнографического музея состоялось заседание Научного совета «Роль музеев в презентации и актуализации знаний по истории и культуре наро-

дов и национальных групп и осуществление межкультурной коммуникации». С докладами выступили ученые из Института этнологии и антропологии РАН, директора и научные сотрудники ведущих этнографических и исторических музеев Южного, Центрального федерального округа и Сибирского регионов.

Часть заседаний было посвящено вопросам музейного дела. Так, в 2006 г. на базе Музея истории города-курорта Сочи и Краснодарского музея-заповедника прошел Научный совет по теме «Современная экспозиционная деятельность историко-краеведческих музеев: проблемы проектирования, стратегии развития, опыт реализации»; в 2010 г. на базе Ростовского областного музея краеведения были проанализированы инновационные технологии в музейном деле. В 2016 г. в Краснодарском музее-заповеднике обсуждали научно-исследовательскую деятельность музеев Северокавказского региона, в 2018 г. — проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия. В 2021 г. в Ростовском областном музее краеведения прошло онлайн-заседание «Роль музеев Южного региона России в изучении, сохранении и презентации историко-культурного наследия и в развитии музейного дела». Тема туризма была представлена на заседаниях Научного совета, прошедшем в Пятигорском краеведческом музее в 2008 г. («Музей и туризм: грани взаимодействия в социально-экономическом развитии рекреационных территорий Юга России»), и в Краснодарском музее-заповеднике в 2009 г. («Место музеев в развитии туристической привлекательности региона»).

В работе Южного филиала Научного совета принимали участие ученые-историки, преподаватели вузов, специалисты Российского института культурологии, директора и научные сотрудники музеев со всех регионов Российской Федерации. Последние годы он проводился совместно с Южным филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Эффективная деятельность Научного совета способствовала созданию в 2015 г. его Центрального филиала на базе Информационно-аналитического центра культуры и туризма Рязанской области. Для заседаний выбиралась наиболее актуальная тематика: «Использование музейных источников в культурно-образовательной деятельности музеев» (2016); «Роль проектной деятельности в развитии музеев» (2017); «Трудное наследие» российской истории в экспозиционно-выставочной деятельности музеев» (2018); «Модернизация музеев в современных условиях» (2019); «Роль музеев в формировании и презентации региональной идентичности»

(2021); «Мемориальное наследие и музеи в процессах сохранения и актуализации культурной памяти» (2022).

В 2023 г. выбранная для заседания сложная тема «Проблемы презентации российской истории XX века в музеях» привлекла внимание специалистов Москвы, Московской, Рязанской, Ивановской, Воронежской, Брянской областей, Северо-западных регионов и Поволжья.

По материалам Научных советов региональными музеями (Краснодарским государственным историко-археологическим музеем-заповедником им. Е.Д. Фелицына, Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы», Государственным бюджетным учреждением Республики Крым «Центральный музей Тавриды» и др.) и Информационно-аналитическим центром Рязанской области было издано 22 сборника. В целом было проведено 47 заседаний. Деятельность Научного совета была отмечена в учебных пособиях (Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: Избранные научные работы: в 2 ч. Омск: Изд-во Ом. гос. Ун-та, 2016. 368 с.), в научных статьях, материалах СМИ.

В итоге подчеркнем, что за 105 лет своей деятельности сначала отдел теоретического музееведения, а затем научно-методический отдел ГИМ превратился в один из ведущих музееведческих и методических центров Российской Федерации, который воплощал результаты теоретических исследований в практику музеев посредством функционирования Научного совета исторических и краеведческих музеев и разработанных им проектов деятельности на базе Исторического музея.

В заключение необходимо отметить, что в новых условиях социально-политического развития страны и общественных потребностей, политики государства в сфере культуры, расширялись функции научно-методического отдела, совершенствовались формы и методы работы с музейным сообществом. В решении актуальных вопросов осмысления проблем музееведения и музейного дела в периоды кризисных явлений в обществе большое значение приобретает аналитическая функция методической работы. Одно из основных направлений исследований научно-методического отдела ГИМ заключается в обобщении опыта работы музеев и разработке теоретических и практических проблем, необходимых для совершенствования профессиональной деятельности музейных специалистов.

---

¹ Протокол первого заседания Предварительного Съезда музеев // Музееведческая мысль в России XVIII—XX веков: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 373.

- 2 Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 25.
- 3 *Закс А.Б.* Из истории Государственного исторического музея (1917—1941 гг.). Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. С. 306.
- 4 ОПИ ГИМ. Ф. 416. Д. 1. Л. 39.
- 5 Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. С. 97.
- 6 Там же. С. 98.
- 7 Там же. С. 106.
- 8 Идеологическая классификация музея. Электронный ресурс [режим доступа]: www.onlineroisk-gi.ru.
- 9 Вопросы областного музейного дела. По данным 1-й конференции музейных работников Центрально-промышленной области. Рязань, 1925.
- 10 *Малицкий Г.Л.* Методы научно-охранного учета музейных коллекций (тезисы доклада) // Дневник 2-й Всесоюзной конференции по краеведению. М., 1924. Вып. 2. С. 13—15.
- 11 *Малицкий Г.Л.* Библиографические справочники по музейному делу // Казанский музейный вестник. Казань: Госиздат Т.С.С.Р., 1922. № 1. С. 35; он же: Литература по теории историко-археологических музеев // Казанский музейный вестник. Казань: Госиздат Т.С.С.Р., 1922. № 2. С. 200—213.
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 14—16. Московский университет им М.В. Ломоносова. Факультет общественных наук. Обзорение преподавания Факультета общественных наук 1-го МГУ на... М.: Исполбюро ФОН'а, 1923.
- 13 Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. С. 97.
- 14 Научно-ведомственный архив ГИМ. Ф. ГИМ 01. Д. 164. Л. 7, 8.
- 15 *Ионова О.В.* Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды научно-исследовательского института музееведения. М., 1961. Вып. II. С. 84.
- 16 «Известия ВЦИК». 1928. № 6. С. 1—23.
- 17 *Ионова О.В.* Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР... С. 143.
- 18 Труды Первого Всероссийского музейного съезда. М., 1930. Т. I. С. 30—50.
- 19 Там же. С. 50—68.
- 20 Там же. С. 172—174.
- 21 Там же. С. 218—219.
- 22 ОПИ ГИМ. Д. 310. Л. 6.
- 23 *Закс А.Б.* Из истории экспозиционной мысли ГИМ // Проблемы экспозиционной и фондовой работы. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. М., 1987. С. 44.
- 24 Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1933. № 9—10. С. 15—16.
- 25 Советский музей. 1934. № 1. С. 88—89.
- 26 ОПИ ГИМ. Д. 491. Л. 8.
- 27 ОПИ ГИМ. Д. 546. Л. 10.
- 28 ОПИ ГИМ. Оп. 22. Д. 216. Л. 5.
- 29 ОПИ ГИМ. Оп. 1. Д. 603. Л. 8.
- 30 Справочно-информационный фонд отдела музееведения НИИ культуры. Д. 73. Л. 1—2.
- 31 ОПИ ГИМ. Д. 1466. Л. 10.
- 32 Справочно-информационный фонд научно-методического отдела (далее СИФ).
- 33 ОПИ ГИМ. Д. 1510. Л. 6.

- 34 Сборник основных служебных материалов МК РСФСР (на сентябрь 1986 г.). М., 1986. С. 26.
- 35 СИФ научно-методического отдела.
- 36 СИФ научно-методического отдела.
- 37 Музееведение. Музеи исторического профиля: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Под ред. К.Г. Левыкина, В. Хербста. М.: Высш. Шк. 1988. 431 с.
- 38 СИФ научно-методического отдела.
- 39 Социальный менеджмент: Учебное пособие / Под. ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. М.: Высшая школа, 2001. С. 53.
- 40 СИФ научно-методического отдела.
- 41 *Гнедовский М.Б.* Сценарий Объединенного музея Ю.А. Гагарина в городе Гагарине // Музееведение. На пути к музею XXI века. Музейная экспозиция: сборник научных трудов / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. М., 1997. С. 197.
- 42 Культурная политика России: история и современность // Ориентиры культурной политики. М. 1996. Вып. 23. С. 212.
- 43 *Мениш П., ван.* К методологии музеологии / Пер. с англ. В.Г. Ананьева. М.: ИТД «Перспектива», 2018. С. 109.
- 44 *Sameron D.* Problems in the language of museum // The museum in the service of man: today and tomorrow / The papers of the ninth General Conference of ICOM, Paris and Grenoble, France, 1971. Paris: ICOM, 1972. P. 89–99.
- 45 *Никишин Н.А.* Музейные средства: знаки и символы // Музееведение. На пути к музею XXI века: Музейная экспозиция. М., 1996. С. 37–54.
- 46 *Гнедовский М.Б., Коник М.* Нужны новые подходы // Советский музей. 1988. № 5. С. 22.
- 47 *Гнедовский М.Б.* Проектирование в музейном деле: история и перспективы // Музееведение. Музеи мира / Сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1991. С. 147.
- 48 *Лебедев А.* Музей может конкурировать хоть с пивбаром // Известия. 13.05.2005.
- 49 *Поляков Т.П.* Как делать музей? (о методах проектирования музейной экспозиции). М., 1996. С. 15.
- 50 *Бессмертный Ю.А.* Концепция специализации «Историческая антропология» // Историческая антропология: концепция преподавания в РГГУ. Учеб.-метод. пособие. М., 2001. С. 7.
- 51 *Поршнева О.С.* Антропологическая концепция культуры и истории // Теория и методы исторической науки. Шаг в XXI век. М., 2008. С. 112.
- 52 *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб., 2008. С. 289.
- 53 Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники рос. истории: учеб. пособие для гуманит. спец. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева.; Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т «Открытое о-во». М.: РГГУ, 1998. С. 12.
- 54 Труды ГИМ. Вып. 104: Музей в современном мире: традиционализм и новаторство: [Сб. ст.] / сост.: Л.И. Скрипкина. М.: Гос. ист. музей, 1999. 198 с.
- 55 *Бордюгов Г.* Реальность историческая и новые проблемы ее представления // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 11.
- 56 Там же. С. 12.

- ⁵⁷ Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1996—2000. М.: ГИМ, 2001. С. 213—215.
- ⁵⁸ Там же. С. 216—219.
- ⁵⁹ Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47—68.
- ⁶⁰ Российская культура в законодательных и нормативных актах: музейное дело и охрана памятников. 1991—1996; 1996—2000; 2001—2006. М.: Гос. ист. музей, 1998; 2001; 2007.
- ⁶¹ Труды ГИМ. Вып. 127: Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI веков: [Сб. ст.] / Отв. ред. и предисл. Л.И. Скрипкина, Н.М. Полунина. М.: Гос. ист. музей, 2001. 488 с.
- ⁶² Новации в музейном мире. Музейный мир А.М. Разгона: Сб. документов и материалов / Отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. М.: Квадрига, 2022. 416 с.

Часть вторая

Источниковедение

К.А. Аверьянов

Чарка Бориса Годунова и вопрос о «слугах вольных»

Одной из самых неразработанных проблем отечественной медиевистики является вопрос о так называемых «слугах вольных». Это выражение встречается в договорных грамотах великих и удельных князей XIV в. в трафаретной статье соглашений о том, что «бояром и слугам волным воля».

Уже в первом подобном сохранившемся договоре великого князя Семена Гордого с братьями 1341 г. читаем: «А бояромъ и слугамъ вольнымъ воля: кто поедет от нас к тебе, к великому князю, или от тебе к намъ, нелюбья ны не держати». В более расширенном виде эту норму видим в составленном около 1367 г. договоре между великим князем Дмитрием (будущим Донским) и Владимиром Андреевичем Серпуховским: «А бояромъ и слугамъ вольнымъ воля. А кто будетъ боярь и слугъ к тебе, брату моему молодшему, от мене отъехал до сего докончанья, или по семь докончаньи к тебе приедеть, тебе, брату моему молодшему, на тыхъ ти нелюбья не держати». Еще одно упоминание «слуг вольных» находим в московско-тверском договоре 1375 г.: «А бояром и слугам вольным воля. А кто будет, служа нам, князем, а вшол в каково дело, а того поискав своим князем, а того своим судьям опчим не судити. А кто служит нам или тебе, а живет в нашей вотчине, в великом княженьи, или въ твоеи вотчине во Тфери, и на тых нам взяти дань, как и на своихъ, по целованью, без хитрости. А на полных холопех не взяти, на которых ключники целуютъ. А судом и данью потянути по земле и по воде»¹.

Несмотря на то, что для бояря и «слуг вольных» декларируются в принципе одни и те же права, юридическая практика того времени четко разграничивает термины «боярин» и «слуга вольный». Это свидетельствует о том, что перед нами два, хотя и близких, но разных по статусу понятия. В.О. Ключевский в своем знаменитом «Курсе русской истории» (лекции XXXI и XXXII) полагал, что слуги вольные наряду с боярами несли ратную службу, но в иерархии

чинов занимали более низкое место, чем бояре. Эти выводы были построены на трудах известного представителя русской историко-юридической школы XIX в. В.И. Сергеевича.

Слуги вольные составляли боевую дружину князя и служили ему по договору. Обязательства, какие они на себя принимали, не простирались на их вотчины: служебные отношения слуг вольных были совершенно обособлены от отношений поземельных. Слуга вольный мог покинуть князя, которому он служил, и перейти на службу к другому князю, не теряя своих владельческих прав на вотчину, находившуюся в покинутом княжестве. За свою службу вольные слуги получали от князя *кормы* и *доводы*, то есть доходные административные и судебные должности: по договорным грамотам князей тот слуга и признавался вольным, «кто в кормленьи бывал и в доводе». С середины XV в. вследствие объединения русских земель происходят важные перемены: служба слуг вольных, оставаясь военной, перестает быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покидать службу великому князю и переезжать в уделы, а тем паче за русскую границу. Вместе с тем слугам военным, переставшим быть вольными, московский государь за их службу дает земли на особенном праве, отличном от вотчинного, владение которыми еще не называлось поместьями, но уже отличалось условным характером².

Взгляды выдающегося историка прочно вошли в последующую историографию и справочную литературу. Под «слугами вольными» стали подразумевать служилых людей, менее знатных и могущественных, чем бояре, и также пользовавшихся правом отъезда и свободного перехода со службы одного князя на службу другого. Некоторые исследователи видели в них младших дружинников и даже предшественников поместного дворянства.

Усомниться в выводах В.О. Ключевского позволяет внешне особо не примечательная серебряная чарка из постоянной экспозиции Государственного исторического музея. Как правило, взгляды посетителей не задерживаются на ней. Между тем данный экспонат весьма примечателен тем, что нам известно имя его владельца. По венцу чарки идет надпись: «чарка боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова». Это позволяет говорить о том, что чарка была изготовлена не ранее 31 мая 1584 г., когда в день коронации последнего царя из династии Рюриковичей Федора Ивановича его шурин получил высший придворный чин конюшего, предполагавший первенство среди бояр.

У нас есть возможность уточнить датировку чарки. Дело в том, что ниже владельческой надписи, под словами «боярина и конюшего», другим, более мелким почерком добавлено: «слуги». Этот

Рис. 1. Чарка боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова. 1584—1591. Серебро; резьба, гравировка. ГИМ

титул Годунов получил за отражение под Москвой набега 1591 г. крымского хана Казы-Гирея. Таким образом, видим, что чарка была изготовлена в промежуток между 1584 и 1591 гг., скорее всего, вскоре после воцарения Федора, а надпись «слуга» была, очевидно, добавлена в 1591 г., сразу после получения данного звания (рис. 1).

Какова же была ценность титула «слуга», если Годунов сразу после присвоения поспешил добавить его на принадлежавшую ему чарку? Ответ дает сохранившийся наказ, данный в Посольском приказе А.Д. Рязанову 10 июля 1592 г. при его отправлении послом в Литву. Среди прочего в нем читаем: «А почто Афонасия учнут спрашивать паны Рада или приставы про Бориса Федоровича, почему ныне пишется слугою, что то слово именуется. И Офонасию говорити: то имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы. И преж сего при великого государя нашего прадеда, при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче, которого дочь была за великим князем Александром литовским, был слуга князь Семен Иванович Ряполовский, а дано ему то имя было за многие службы. А после его при деде государя нашего, при великом государе и великом князе Василие Ивановиче всеа Руси, был слугою князь Иван Михайлович Воротынской, а дано ему то имя было потому ж за многие службы. А при отце государя

нашего, блаженной памяти при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси был слугою князь Михайло Васильевич Воротынской. А дано ему то имя за многие службы, самим вам чаю то ведомо. А ныне царское величество пожаловал тем именем почтить шурина своего, конюшево боярина и воеводу дворового и наместника казанского и астраханского Бориса Федоровича Годунова, так же за многие его службы и землестроения, и за летошний царев приход»³.

Как видим, это свидетельство источника полностью опровергает взгляды В.О. Ключевского, имеющие один весьма существенный недостаток — им, как и его последователями, не было приведено ни одного примера, когда того или иного конкретного человека можно было бы назвать «слугой». Без этого все теоретические построения повисают в воздухе. Только после появления работ академика С.Б. Веселовского по генеалогии старомосковского боярства появилась такая возможность. Известно, что бояре являлись «послухами» завещаний своих сюзеренов. Сохранилось завещание Дмитрия Донского 1389 г., из которого явствует, что его свидетелями являлись десять лиц, подписи которых имеются на грамоте: Дмитрий Михайлович [Боброк Волинский], Тимофей Васильевич [Вельяминов], Иван Родионович [Квашня], Семен Васильевич [Валуев], Иван Федорович [Воронцов], Александр Андреевич [Остей], Федор Андреевич [Свибло], Федор Андреевич [Кошка], Иван Федорович [Собака], Иван Андреевич [Хромой]⁴. Все они являлись боярами.

Но исчерпывался ли двор Дмитрия Донского указанными людьми? Усомниться в этом заставляет «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича». Оно встречается во многих летописных сводах, но только Список Дубровского IV Новгородской летописи дает уникальное известие о тех, кого перед смертью призвал Дмитрий Донской и поручил «блюсти» своих княгиню и детей: «Избравъ отъ благороднейшихъ отъ боярь своихъ первыхъ своя полаты, иже бяше ему достоинии и вернеиша паче всехъ: Дмитрия Михайловича, Тимофея Васильевича, Ивана Родионовича, Дмитрия Костянтиновича, Семена Ивановича, Ивана Федоровича, Никиту Федоровича, Феодора Андреевича, Ивана Федоровича Квашнина, тако рече бояромъ своимъ: «Се, ведаю васъ известнеиша паче всехъ человекъ и се предаю вамъ княгиню свою и дети своя, и будите имъ въ тверде разуме, в мое место, яко же имъ азъ самъ былъ»»⁵.

Сопоставим оба источника. Перечни свидетелей совпадают, но лишь частично. В летописном «списке вернейших бояр» видим

новые лица: Дмитрия Константиновича, Семена Ивановича и Никиту Федоровича. С.Б. Веселовский затруднялся с отождествлением этих лиц⁶. Поэтому необходим комплексный анализ известных об этих лицах.

Первым из тех, кто присутствовал при смерти Дмитрия Донского, но не засвидетельствовал его завещания, значитесь Дмитрий Константинович. Единственной возможной фигурой с этим именем и отчеством оказывается князь Дмитрий Константинович Ноготь Суздальский, младший дядя жены Дмитрия Донского, родоначальник князей Ногтевых. Летописью он упоминается дважды — как участник похода суздальских князей в 1367 г. против ордынского князя Булат-Темира и похода Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г.⁷ Поскольку сын Дмитрия Ногтя Юрий уже не имел удела, можно предположить, что к 1389 г. Дмитрий уже перешел на московскую службу и находился в полуассальской зависимости от великого князя. Летопись не упоминает о его смерти, но так как Дмитрий Ноготь был младшим из сыновей суздальского князя Константина, В.А. Кучкин полагает, что он вполне мог дожить до конца XIV — начала XV в. Его старший брат, также Дмитрий Константинович (тесть Дмитрия Донского) умер в 1383 г., другой брат Борис скончался в 1394 г.⁸

То, что Дмитрий Константинович упоминается «списком» без княжеского титула не должно смущать нас. В XIV в. князья, переходя на службу в Москву, зачастую именовались без своего титула. Яркий пример этому — знаменитый воевода Дмитрий Михайлович Боброк Вольнский. Московским летописным сводом конца XV в. под 1371, 1376 и 1379 гг. он упоминается с княжеским титулом⁹, хотя в то же время в перемирной грамоте с Ольгердом 1371 г. и завещании Дмитрия Донского 1389 г. он назван без него¹⁰. И только с начала XV в. потомки Рюрика и Гедимины сохраняют свой титул.

Семена Ивановича, второго из «Списка вернейших бояр», но не свидетельствовавшего завещания, следует отождествить с князем Семеном Ивановичем Галичским. В источниках он упоминается дважды. Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» при описании начала Куликовского боя среди воевод полка правой руки называет среди прочих и князя Семена Ивановича. Также он упоминается в памятнике местного галичского летописания «Летописце Воскресенского монастыря»¹¹. Он был сыном князя Ивана Федоровича Галичского, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей Иванович Серпуховской.

Третьим из лиц, упоминаемых «Списком вернейших бояр», но не бывшим свидетелем завещания Дмитрия Донского, был Ни-

кита Федорович. Единственный раз в летописи он упоминается под 1368 г., когда псковский летописец записал: «Приехалше посоль с Низу от великого князя Дмитрея Никита, так наречаемый, и бывъ въ Юрьеве много днии, не оучини ничтоже на добро ни мало, и приеха во Псковъ»¹². Он являлся сыном Федора Васильевича Ростовского, разделившего со своим братом Константином Ростов на две половины: «Князь Федор да князь Костянтин град Ростов поделиша, и досталася Устретинская сторона князю Федору, а Костянтину досталася другая половина города Ростова — Борисоглебская сторона»¹³. Вызывает интерес то, что и в данном случае, как и в двух предыдущих, прослеживаются брачные связи с московским княжеским домом: дядя Никиты Федоровича князь Константин (владелец Борисоглебской половины Ростова) был женат на дочери Ивана Калиты.

Идентифицировав трех лиц, упоминаемых «летописным списком вернейших бояр Дмитрия Донского» — князя Дмитрия Константиновича Ногтя Суздальского, князя Семена Ивановича Галичского и князя Никиту Федоровича в качестве «вольных слуг», можно легко объяснить — почему духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского не отмечает их в числе бояр — «послухов». Как и бояре, они служили великим московским князьям, но в отличие от представителей старомосковского боярства, все еще продолжали сохранять остатки суверенных прав в своих прежних уделах. Речь, таким образом, судя по всему, идет об измельчавших потомках династии Рюриковичей, вынужденных перебираться на службу к своим более удачливым сородичам, при этом зачастую утрачивая титул. Будучи полуассальными князьями, тесно связанными с московским княжеским домом благодаря брачному свойству, они занимали более высокий статус по сравнению с другими боярами.

При этом «слуги вольные» имелись не только у московских князей. К примеру, в Симеоновской летописи читаем: «Въ лето 6785 (1277)... Князь же Ростовский Глебъ Васильковичъ съ братаничемъ своимъ, съ княземъ Костянтиномъ, князь Феодоръ Ростиславичъ, князь Андрей Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поехала на воину съ царемъ Менгутемеромъ...»¹⁴. Рогожский летописец сообщает, что на княжеский съезд 1374 г. в Переславле Залесском прибыл «князь великий Дмитрии Костянтиновичъ Суздальскыи, тестъ князя великаго, и съ своею братиею и со княгинею и съ детми, и съ бояры, и с слугами»¹⁵.

Позднее термин «слуга вольный» заменяется понятием «служилый князь», сохраняясь лишь в виде исключения (за XVI в. известно всего три человека с титулом «слуга»). Только в конце XVI в.

на короткий срок он возрождается специально для царского шурина Бориса Годунова, не имевшего княжеского титула, и получившего в 1591 г. звание *слуги*, чтобы подчеркнуть исключительность его положения.

- ¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 2. С. 12, 13; № 5. С. 20; № 9. С. 27—28 (далее: ДДГ).
- ² *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. II. М., 1988. С. 189—190; 205—207.
- ³ *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 77—78.
- ⁴ ДДГ. № 12. С. 36—37.
- ⁵ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 488; Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004. С. 149 (далее: ПСРЛ).
- ⁶ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 603—606.
- ⁷ ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. М., 2000. С. 9, 22.
- ⁸ *Кучкин В.А.* «Данная» черницы Марины // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 308.
- ⁹ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 187, 192, 200.
- ¹⁰ ДДГ. № 6. С. 22; № 12. С. 36.
- ¹¹ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 63; ПСРЛ. Т. XI. С. 59; *Дунаев Б.И.* Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф.И. Нащокиным. М., 1914 (отд. отт.). С. 10—13.
- ¹² ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 23; Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000. С. 27, 103—104.
- ¹³ Родословие ростовских князей см.: Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 13—16, 96—100; Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 37—40, 140—143, 228—231; ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М., 2000. С. 228.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 75.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 108.

К изучению социокультурного портрета российского столичного купечества XVIII века: на материалах архива купцов Чиркиных из собрания ОПИ ГИМ

Социокультурный подход к изучению российского купечества, игравшего ключевую роль в развитии экономики государства, включает в себя рассмотрение социальных связей и отношений с представителями разных сословий в обществе, жизненных стратегий, а также системы ценностей, образования, норм поведения и духовных запросов¹.

Исследование социокультурных характеристик требует значительной источниковой базы. Хорошо известно, что семейные архивы российских купцов эпохи Средневековья и раннего Нового времени почти не сохранились, а автобиографические материалы и мемуары представлены редкими экземплярами. Это обстоятельство побуждает исследователей при изучении особенностей купеческого мышления и самосознания, купеческого быта, общественных и личных взаимоотношений, взглядов и мировоззрения купцов обращаться к источникам разного характера и происхождения. Большое значение имеют исследования, когда в результате удается выявить комплекс материалов, относящихся к конкретной купеческой фамилии², а также документы, характеризующие купеческую семью, внутрисемейные отношения, внутренний мир и мировоззрение купцов³.

Темой настоящей статьи является выявление и описание некоторых характерных черт социокультурного портрета петербургского купечества XVIII столетия на примере исследования семейного архива купцов Ивана Родионовича Чиркина (1710—1778) и его сына Александра Ивановича (1733—1785), известных винных откупщиков, заводчиков и фабрикантов. В отделе письменных источников хранятся три конволюта с официальными и личными документами купцов Чиркиных, которые в 1905 г. поступили в Исторический музей в составе большой коллекции известного собирателя и мецената Петра Ивановича Щукина. Два из них содержат названия, ука-

зывающие на принадлежность Ивану Родионовичу Чиркину и его сыну Александру Ивановичу, а также хронологический диапазон: «Том I. 1744—1774 гг.» [ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281] и «Том II. 1774—1800 гг.» [ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282]. В их состав входит большое количество документов, основной круг которых связан с деловой активностью Чиркиных: занятие винными откупам, торговля, фабрики и заводы, сдача в наем домов и торговых лавок. Исходя из этого, объяснимо присутствие в комплексе канцелярских копий делопроизводственных бумаг различных ведомств: Правительствующего Сената, Главного Магистрата, Мануфактур-коллегии, Санкт-петербургской компанейской конторы, Канцелярии Ладожского канала, и др. Также присутствуют контракты и письма. Третий конволют [ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 280] содержит, в основном, материалы деловой и личной переписки И.Р. и А.И. Чиркиных с 1750 по 1789 г. При знакомстве с документами каждого из трех «томов», можно отметить отчетливую тенденцию к намеренному хронологическому и тематическому упорядочиванию документов внутри каждого из них. Представляется, что это только небольшая часть из дошедшего до нас некогда большого семейного архива, но она, тем не менее, насчитывает порядка 585 документов.

Таким образом, означенная часть личного архива Чиркиных представляет собой довольно большой массив источников по изучению разных аспектов темы российского купечества. В настоящей статье основное внимание сосредоточено на исследовании документов, касающихся общения, жизни, бытовых и социокультурных характеристик их владельцев. В качестве дополнительного источника привлекались для рассмотрения объявления из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1762, 1763 и 1764 гг.

Иван Родионович Чиркин и его сын Александр являлись яркими представителями столичного купечества XVIII в. Известные винные откупщики, они владели фабриками, заводами, торговыми лавками. Им принадлежали обширные участки земли на территории Васильевского острова, где находились принадлежавшие им каменные и деревянные жилые дома. Появление и становление семьи Чиркиных в столице связано первоначально с именем их отца и деда — Родиона Степановича Чиркина (1680—1754). В собрании Исторического музея хранится его портрет — гравюра на бумаге, выполненная в технике гравюра резцом. В нижней части оттиска указаны ее создатели — художник Антропов, и гравер Григорий Сребрницкий. Это поколенный портрет, на котором Родион Чиркин, судя по всему, был изображен, будучи в преклонном возрасте. В подписи под портретом значится, что он уроженец города Сер-

пухова, приехавшего в 1713 г. в Петербург, где и жил до самой своей смерти в 1773 г. Период с 1713 и до 1730—1740-х гг. включительно, связанный с активностью Родиона Степановича (а затем и Ивана Родионовича), был отмечен рядом предпринимательских и общественных инициатив: взятие на откуп кабаков на Васильевском острове, основание пивоваренного завода, кожевенно-пудреной фабрики, основание и постройка Гостиного двора. Родионом Степановичем был заложен деревянный храм Благовещенской церкви, ныне одной из самых старых и известных в Санкт-Петербурге. Следующий, условно означенный период, с 1750-х гг. и до 1778 г. связан с деловой активностью Ивана Родионовича Чиркина, который продолжив дело отца, стал директором питейных сборов, владельцем «ластовых и мореходных судов». В собрании Пушкинского музея (ГМИИ им. А.С. Пушкина) хранится портрет Ивана Чиркина — гравюра, выполненная Якобом Штелиным. Если сравнить ее с портретом Родиона Степановича, то можно увидеть два разных образа: в отличие от отца, Иван Чиркин изображен безбородым, в пудренном парике, кафтане и камзоле. Он напоминает нам не провинциального купца, а столичного чиновника. Столь очевидные различия в этих образах говорят о том, что здесь члены одной семьи изображены как представители разной социокультурной среды — провинциальной купеческой (из которой вышел Родион Степанович Чиркин) и столичной петербургской (в которой с детства рос Иван Родионович). Сам факт создания этих портретов-гравюр говорит о достаточно высоком статусе Ивана Родионовича и его отца.

Подъем и процветание семьи известных винных откупщиков сменились кризисом и постепенным угасанием, что было вызвано пожарами и утратой имущества, убытками от питейных компаний и многолетними долгами. В числе причин разорения называют и разграбление кабаков Ивана Чиркина во время народных гуляний по случаю восшествия на престол Екатерины II в 1762 г. За долги имущество Ивана Чиркина попало под секвестр. В 1778 г. Иван Родионович умирает. И следующий этап в истории семьи связан уже с его сыном Александром Ивановичем, унаследовавшим как семейное дело, так и долги, и судебные тяжбы.

Из документов ОПИ ГИМ о членах семьи узнаем, что у Ивана Родионовича была дочь Елизавета и сын Александр. Елизавета была выдана замуж за придворного мундшенка, коллежского асессора Ивана Лаврентьевича Сенлорана. Она умерла, не оставив наследников. У Александра же была жена Прасковья и сын Алексей. Сам Иван Родионович после смерти первой супруги женился повторно на вдове вологодского купца Андрея Олхина, Анне Степановне Ол-

хиной. Кроме внука Алексея, у И.Р. Чиркина были внучка Наталья и внук Иван Бельской. Александр Иванович Чиркин находился в родстве с купцом Григорием Никоновым, которого он называл зятем, и с купцом Федором Кишкиным, который в документах назван его дядей. Сведения о других членах семьи известны благодаря изысканиям, связанным с несуществующим ныне кладбищем Благовещенской церкви⁴. К сожалению, кладбище было уничтожено в советское время. Согласно данным метрических книг, при церкви были погребены жена Родиона Чиркина — Дарья, умершая 2 мая 1747 г. в возрасте 60 лет; первая жена Ивана Родионовича Екатерина Потаповна, умершая 2 апреля 1760 г. в возрасте 49 лет. Здесь был захоронен один из сыновей Ивана Родионовича — Моисей, умерший в младенчестве 8 июня 1745 г.⁵

Для Чиркиных, как крупных купцов, ведущих широкую предпринимательскую деятельность, большое значение имели семейные, деловые и дружеские связи. Сохранилось несколько содержательных и интересных писем И.Р. Чиркина, соединивших в себе и деловую, и дружескую коммуникацию. В ряде писем содержатся просьбы относительно привоза урожая, в том числе ячменя, солода и хмеля. Поставка этих припасов была связана с пивоварением и необходимостью выполнять частные заказы на изготовление пива. Так, в письме к Сидору Захаровичу И.Р. Чиркин пишет: «Благоприятель Сидор Захарович желаю вам милости господа Бога купно с родителем твоим и любящими. А за приязнь вашу к нам благодарю вас прошу и впредь не оставлять. При сем прошу вас нынешнего лета урожаю хмель <...> которой бы полутчея шишкою и позеленее пожалуй сегож лета привези при вашем товаре положить в три куля пуда по три а что за то потребуетца вам денег отдам с благодарением да не можно ли меду нынешнего хороших сортов один пуд для жены моей да для меня соленых перепелок кадочку с полпуда залить в хорошее коровье масло а для [внучки] нашей Натальюшки сырых отборных крупных орехов [мешочек] в четверик во что оно коштует отдам с благодарностью ж, 6 июля 1775 год, СПб.»⁶.

Исследователями неоднократно отмечалась основополагающая роль семейных и родственных уз в предпринимательских делах купечества⁷. Родственники могли жить в разных городах и, тем не менее, регулярно контактировали между собой. Родственные связи одновременно являлись и деловыми, и доверие здесь играло ключевую роль⁸. В комплексе документов содержатся материалы переписки Чиркиных с Яковом Лукьяновичем Бубновым и Анной Потаповной Бубновой — родственниками, жившими в Вязьме. В письме от 28 февраля 1774 г. последовательно излагаются и дела, и ново-

сти, как семейные, так и государственные. Зачастую, письма начинались с любезного приветствия, благодарности и пожеланий: «[Государь Мой] Яков Лукьянович и супруга ваша Анна Потапьевна. Желаю Вам милости Божией купно с любящими. А за письма ваши к нам покорно вас благодарствуем прошу вас впредь жаловать нас вашими любезными письмами чего с радостью желаем. А про нас ведомо вам буди милостию божией по отпуске сего моего письма я и жена моя и дети мои живы и здоровы»⁹.

Далее следует изложение конкретных насущных вопросов и общих дел: «Изволили вы ко мне писать неоднократно [имеющийся] у вас вексель данный мне от Семена Тяполовского прикажу ли я ему отдать. На сие вам доношу по получении сего моего письма извольте ему отдать с тем ежели ему не жаль за обождание чтоб только ему не в тягость деньгами или хлебнаго запаса на барках с надежным человеком ко мне наступающим летом прислал да прошу потрудися от него Тяполовского взять письмо что он помянутой вексель от вас получил а то письмо извольте ко мне прислать того ради что мноую прозбу с немалою скукою от вяземских купцов слышал от чего было мне многа досадно а невзяв от него письма векселя не выдавайте»¹⁰. В данном случае родственник Я.Л. Бубнов выступает в качестве посредника при возврате векселя. Обращает на себя внимание, что вяземские купцы, осведомленные о данной ситуации, выступают как бы единым сообществом, сплоченной группой. Такая степень осведомленности указывает на крепкие связи внутри купечества, активный и взаимный обмен информацией в купеческой среде.

Следующий отрывок письма связан с актуальной, уже упоминавшейся выше, задачей — закупкой припасов урожая, который привозили из Москвы и подмосковных городов: «При сем с покорностью моею Вас [Господин Мой] Яков Лукьянович, прошу аще вам не в труд и не сумнительно обо мне у вас в Вязме или где пристойнее на мой счет купить и поверить мне свояку твоему по цене до пятисот рублей а именно муки арженной хорошей тридцать кулей десяти пудоваго весу да овса хорошего же сорок кулей десяти четверяковой меры круп грешневых хороших три четверти яшных и овсяных по две четверти за оных в числе помянутых пятисот рублей ячменя годного на солодовое рощение а что следует за провоз сухопутной и воденой то имею по получении упоминаемого припаса по письму вашему отдать а пятисот рублей должен буду вам отдать с которого числа на помянутую покупку употребите чрез шесть месяцев с благодарностью моею. Ежели же вам сумнительно дам вам вексель хоти и до получения упоминаемых припасов»¹¹. В письме Чиркин, можно сказать, инструктирует родственника по поводу пред-

стоящей закупки. В данном случае интересно отметить готовность Ивана Родионовича дать родственнику вексель на сумму 500 руб., еще не получив запрошенный товар. Важный штрих к этике купеческого делового мира — доверие должно быть взаимным, только тогда оно работает. Поэтому, чтобы ожидать или просить доверия от своего компаньона, следует и самому выразить готовность полностью довериться.

После деловых вопросов в том же письме Иван Родионович переходит к изложению бытовых подробностей своей жизни. А именно пишет о восстановлении жилых строений после пожаров, от которых он пострадал несколькими годами ранее: «При сем же вас уведомляю погоревшего моего дому жилые мои полаты третья часть выстроена и вошли житьствовать сего 1774 года февраля с 9 дня на 10 день на празднество святого Никифора Мученика. О сем святом прочтите [о ево страданиях]»¹². Показательно, что такие значительные события как новоселье были приурочены к православным праздникам. Далее в письме говорится о восстановлении производственных построек: «А пивной мой завод красного пива деревянный который был на 22 котла того не строил. Да и строить по немилости откупщиков ненадобно а каменную пивоварню для белых пив и полпив во угодность для господ выстроил противу прежнего и лучшая и варение производится также и солодовни и овина каменные после пожара [поправлены] токмо расщения солода ныне мало понеже за грехи наши хлеб не дешев да и хлеба нет а какой СПб и далее уродится бояра на винное курение господину Ивану Сидырычу Барышникову готовят из того растить нечего сего ради вас прошу хорошего ячменя ко мне пожаловать прислать ...»¹³. Тут видим дополнительный комментарий относительно закупки урожая: из-за его нехватки в самой столице купцам необходимо было иметь круг проверенных людей, зачастую родственников, к которым можно было обратиться за помощью и обеспечить доставку закупок в столицу, а при необходимости договориться и закупить в долг. Популярность легкого белого пива у зажиточных и знатных лиц подтверждается наличием в документах архива частных заказов на варение пива от купца Саввы Яковлева, графа Петра Федоровича Апраксина, обер-секретаря Сената Никифора Никифоровича Арбузова (ф. 80. Ед. хр. 280). В этом отрывке из письма заметно, что И.Р. Чиркин противопоставляет себя «господам», «боярам». Любопытно также, что пеняет он на купца Барышникова Ивана Сидоровича, известного откупщика Санкт-Петербурга и Москвы, который, как и Я.Л. Бубнов, являлся уроженцем Вязьмы и, очевидно, был хорошо ему знаком.

Следующая часть письма посвящена обстановке в городе и на рынке: «...При сем доношу чесная Госпожа Масленица в СПб была холодна и снежна а до маслены было весьма тепло с дождем и мокрым снегом дороги все попортили так что на Адмиралтейской стороне от каретной езды весьма была дорога разбита и было такова время с 20 дней от теплоты мяса и рыбы весьма испортились привозных мяс и рыб свежих есть было вредно а СПб бою мясо покупали за фунт по 4 коп. а полутчея и по 5 коп. а рыбы привозные мелочь с духом да осетрина и белужина садковая не очень свежа и та дорога...»¹⁴. Масленица, недельный праздник перед Великим постом, по-прежнему занимал важное место в обыденном сознании столичного купца, и глубокая связь с традиционной культурой отражена в использовании народных наименований праздника, одно из которых до сих пор звучит как «честная госпожа масленица».

Заключительная часть письма связана с описанием значимых событий, происходивших в столице: «Да ведома вам буди Александра Потаповича теща Мавра Никифоровна умре сего 1774 году в феврале месяце, погребено в Ямской, а жена Александра Потаповича было воеводша а ныне муж ее не у дел живет в доме покой. А курляндской Герцог Бирон большой брат сего 1774 года февраля 23 женился в СПб на дочери князя покойного Бориса Григорьевича Юсупова венчен в церкви Рождества [Богородицы] что имянуецца Казанская а банкет происходил в доме бывшей Графа Михаила Ларионовича Воронцова...»¹⁵. В этом отрывке речь идет об известном событии — свадьбе курляндского герцога Петра Бирона (1724—1800) и княжны Евдокии Борисовны Юсуповой (1743—1780). Так, путем личной переписки, из столицы распространялись новости в провинциальные регионы.

Рассмотрим еще одно письмо, адресованное предположительно купцу Григорию Федоровичу Никонову: «...[Государь Мой] Григорий Федорович желаю вам и с любящими Вам милости Господа Бога. А с приездом вашим в царствующий град Москву вас государя моего поздравляю и желаю вам [благое] получить. Доношу вам по отъезде вашем февраля 10 я и жена моя ездили в Невской монастырь и слушали божественную литургию и уповали будет панихида по покойном третьем императоре токмо не было для дня его рождения а из Невского монастыря проехали мы в дом к жене твоей ее посетили а хлеба соли у вас покушали и поподчиваны за сие вас и супругу вашу и любезных ваших детей благодарим и предь должны ...» [1775 г.]¹⁶. Обращает на себя внимание упомянутая дата — поездка происходила 10 февраля в день рождения покойного императора Петра III, и ожидание панихиды по нему, с выражением определен-

ной надежды — «уповали будет панихида». Можно высказать смелое предположение, что в этих словах надежды содержалась определенная преданность преемнику Елизаветы Петровны, которую семья сохранила со времен своего процветания в ее правление.

Подводя краткий итог по рассмотренным документам, можно выделить несколько характерных черт: решение насущных хозяйственных вопросов, изложение просьб, рассказ о собственной повседневной жизни, передача новостей. Общение, коммуникабельность, поддержание добрых отношений и выражение доброжелательности на письме, готовность проявить любезность, оказать услугу или попросить о ней — все это являлось и традицией, и насущной потребностью, и жизненной стратегией купцов.

Особое значение играли взаимоотношения купцов с представителями дворянства и аристократии. Купцы хорошо понимали, что исполнение их просьб зависит от авторитета власти дворянских чиновников в центральных городских учреждениях, и нуждались в их посредничестве с высшей государственной властью. Применительно к 1860-м гг. отмечено, что купечество признавало высший авторитет власти чиновников-дворян¹⁷. Очевидно, что польза от такого взаимодействия была обоюдной: представители аристократических кругов также были заинтересованы в связях с зажиточным купечеством, которое могло оказать материальную поддержку. Например, Савва Яковлев, прибегая к заступничеству светлейшего князя Григория Потемкина, пожертвовал на создание им драгунского полка 12 тыс. рублей и 500 лошадей; об этом Потёмкин доложил императрице, прося избавить Яковлева от ратманской службы, на что императрица согласилась и даже рассматривала вариант присвоения Яковлеву потомственного дворянства¹⁸. В данном случае о заинтересованности в материальной поддержке крупного купечества и, в общем-то, потребительском отношении к купцам, свидетельствует список должников И.Р. Чиркина, среди которых есть лица графского достоинства, в частности, граф Федор Андреевич Апраксин, графиня Екатерина Борисовна Бутурлина, княгиня Ирина Михайловна Юсупова и другие. В письме Николаю Ивановичу [Салтыкову] Иван Родионович негодует: «... А с своих должников никак своего истинного получить не могу: а суда искать по высоте их чести где не знаю, да кажется по честности только знатных фамилий, и утруждать и раздражать тем не смею, и неприлично, а покорными моими прошениями удовольствия никак получить не могу...»¹⁹. Таким образом, представители аристократии не спешили возвращать долги своим менее знатным кредиторам, и купцы оказывались заложниками своего собственного благосо-

стояния. Еще одним ярким примером подобного злоупотребления являлось то, что купцы были вынуждены предоставлять свои обустроенные покои для постоя офицеров-дворян²⁰, что приводило к стесненным обстоятельствам и бытовым неудобствам.

Однако, Иван Родионович, оказавшись на грани разорения, а позже и его сын, обращались за помощью к представителям аристократии. В частности, сохранилось его письмо к «сиятельнейшему графу» Григорию Александровичу²¹ от 10 августа 1775 г., где Иван Чиркин просит его покровительства, чтобы удостоиться «высокомонаршего милосердия». В данном письме Чиркин упоминает, что предыдущее свое прошение получил обратно, с надписью «его высокородия Григория Васильевича Козицкого»²². Иван Родионович просит: «... А как уже все противные Отечеству обстоятельства помощью всевышнего десницы пресечены, настало и состоит ныне благоденствие, того ради ваше графское сиятельство прошу ... чтоб я нижайший по оному ... преждеподанному прошению высокомонаршее милосердие получить удостоился»²³. Из документов неизвестно, ходатайствовал ли Потемкин перед императрицей, и какой ответ дал Чиркину, но сам факт обращения к графу показывает наглядный пример использования купцами личных связей в аристократической чиновничьей среде, для того, чтобы их личные просьбы удостоились рассмотрения и положительного ответа.

В указанном письме Чиркин использует формы титулования и звания, что соответствует этике общения с лицами более высокого статуса. Прежде всего, к Григорию Александровичу он обращается «сиятельнейший граф», и поздравляет его: «Вашему графскому сиятельству с получением Божией и высокомонаршей милости приношу мое всенижайшее поздравление»²⁴. Вероятнее всего, Иван Родионович поздравляет Потемкина именно с получением графского титула, ведь данное письмо было написано 10 августа 1775 г., а графский титул Потемкин получил 10 июля того же года, то есть за месяц до написания письма. Чиркин к тому же называет Козицкого «высокородием», что указывает на принадлежность этого лица к классу чиновников с 6-го по 8-й, согласно «Табели о рангах». К какому классу этих чинов принадлежал сам Иван Родионович? В частных письмах к нему использовали вежливое обращение «милостивый государь», «государь мой Иван Родионович», что не являлось маркером действительной службы или звания. Это обращение было обязательной формулой вежливости и учтивости в общении дворян, купцов и мещан, среди людей равного положения. В письмах также встречается обращение «благородие», например: «Вашему благородию, Иван Родионович, письменно о покаях

в вашем доме доношу»²⁵. Обращение «благородие» соответствовало гражданским, военным и морским чинам от коллежского регистратора до титулярного советника, то есть с 9 по 14 классы, согласно «Табели о рангах». Подобное обращение указывает на распространенный статус представителей купечества в составе бюрократии. В каком конкретно чине и на какой службе находился Иван Родионович, пока выяснить не удалось.

На предприятиях Ивана Родионовича работали крепостные (так они и называются в документах) — мастера и подмастерья. Известно, что приписанные к купеческим заводам и мануфактурам формально не являлись лично зависимыми от хозяев предприятий. В какой мере распространялась власть купцов на крестьян в реальной практике? В донесении императрице И.Р. Чиркин просит отдать своего крепостного в рекрутскую службу: «По третьей ревизии состоит за мной по Санкт-Петербургской губернской канцелярии положенных в подушный оклад мужеска полу крепостных людей из которых в нынешний рекрутский набор желаю отдать в складку в рекруты крепостного человек Никиту Семенова»²⁶. Это была обычная законенная практика для купцов. В другом же «Донесении за 1775 год в Государственную Адмиралтейскую Коллегию»²⁷ Иван Родионович просит отдать своего крепостного Данилу Акимова за пьянство и драки в кронштадтскую каторжную работу, опираясь в своем прошении на высочайшую конфирмацию от 8 января 1765 г., на основе которой 17 января 1765 г. был принят Сенатский указ²⁸. Согласно ему, помещик за неповиновение, «по дерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание», мог теперь по своей воле, без суда, ссылать крепостного на тяжелые каторжные работы, которого также могли вернуть обратно по его требованию. Интересно, что купец, юридически не являясь помещиком-душевноладельцем, фактически пользуется этим законом. Если верить содержанию упомянутого выше донесения, то у Ивана Родионовича были объективные причины для таких методов управления. В данном случае вряд ли можно говорить о проявлении помещичьего самодурства: купец-фабрикант был заинтересован в рабочей силе и скорее старался сохранить ее, изолировав социально опасного человека от остальных «рабочих людей».

Таким образом, купцы тесно взаимодействовали с представителями различных сословий. С помощью возникавших при этом связей и отношений они поддерживали свой статус, хозяйственное и имущественное положение и производственный уровень. А для этого купцу просто необходимо было быть мобильным, иметь связи, знакомства и находить общий язык с представителями разных сословий.

Обратимся к документам, содержащим сведения относительно быта Чиркиных как представителей крупного петербургского купечества. В материалах их личного архива сохранилось прошение И.Р. Чиркина, к которому приложена «Опись недвижимому имению ... и сколько каждое стоит по самой меньшей цене» от 4 мая 1772 г.,²⁹ содержащая сведения о жилых и торговых строениях. Так, каменных жилых домов было шесть, один из которых трехэтажный дом на Адмиралтейской стороне, другие — двухэтажные располагались на Васильевском острове. В одном из них жил сам Иван Родионович: этот дом «со многим строением» находился в 5-ой и 6-ой линиях. Были и деревянные дома — два на «Санкт-петербургском острове», два на Васильевском острове, а также один в Ораниенбауме «на каменном нижнем этаже».

Благодаря опубликованным чертежам из коллекции Берхгольца, можно увидеть, как выглядел один из каменных домов³⁰. Он был построен в 1740-х гг. и выходил фасадом на Большую Морскую улицу. Это, очевидно, именно тот трехэтажный каменный дом на Адмиралтейской стороне, который упоминается в приведенном выше документе из коллекции ОПИ ГИМ³¹. Об убранстве одного из домов сохранилась записка Ивана Родионовича, представляющая собой указания по обустройству интерьера: «3. Потолков и стен подшекутурить в двух же полатах. 4. и в шпалерной в передней в двери сделай новше рамы 2 большие так как в спальне, и в зале. 5. в шалерной сделал печи хорошего манера: и образцы³² купил на Васильевском острове лучшие, хотя велел нарочно сделать...»³³. К сожалению, из документа не ясно, какие конкретно шпалеры украшали залу дома, но эти и другие элементы говорят в пользу дорогостоящей отделки.

Далее в «Реестре сгоревших построек во время пожара 24 мая 1771 года», среди уничтоженных пожаром строений, шестым пунктом упоминается «регулярный сад, убранный разными деревьями, першпективными аллеями, с расписанными щитами и резными и живописными разными статуями, которой от пожара весь повредился»; и далее: «7. во оном саду беседка убранная шпалерами и картинами, 8. оранжерея и парники для овощей со множеством стеклянных окончин»³⁴. Регулярный сад был популярен в царских и аристократических усадебных парках в первой половине XVIII в. Аллеи такого сада, называемые «першпективными», устраивались таким образом, чтобы визуально создать иллюзию увеличенных расстояний. Довольно часто главной композиционной фигурой такого ландшафтного дизайна являлся усадебный дом, перед которым располагался регулярный сад, и к фасаду которого вели аллеи. Обращает на себя внимание беседка со шпалерами —

правда, не указано, бумажные они, тканевые или, может быть, кожаные. Также в беседе были и картины. Что это были за произведения? Сказать теперь сложно. Но можно обратиться к другому документу — к «Реестру продажи движимого имущества купца Александра Чиркина»³⁵. Этот документ связан с необходимостью продажи имущества за долги. В нем перечисляются портреты Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины I и Екатерины II, еще 8 портретов разных государей, а также 27 живописных картин на холсте. Примечательно, что в этом же списке, упоминаются «три зеркала стенных в позолоченных рамах в том числе одно битое, два зеркала стенных средних оценены в 30 руб. в позолоченных рамах».

В доме Ивана Чиркина проводились аукционы, на которых распродавались вещи. Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1764 г.) читаем: «Сего месяца, 31 числа продаваться будет с аукциону, в Большой Морской в доме Директора Ивана Чиркина ... бильярд, одноколка и другие вещи»³⁶. Тут отметим престижную вещь — бильярд. Эта новинка была привезена из Голландии Петром I, а позднее обучение игры на бильярде было включено Верховным тайным советом в курс наук Петра II. Только в 1770 г. Екатерина II (указом от 7 декабря 1770 г.) приказала установить бильярдные столы в трактирах и гербергах «для увеселения приходящих», что сделало бильярд доступным для широких масс. Крупное же купечество было «заранее» хорошо знакомо с европейскими новинками. Далее в приведенном объявлении следует одноколка (легкий двухколесный экипаж с одной осью). Использование этого и другого транспорта через 21 год будет регламентировано «Жалованной грамотой городам», согласно которой эксплуатация одноколок и колясок соответствует положению купцов 1-й и 2-й гильдий. В личном архиве имеется документ — «Реестр продажи движимого имущества купца Александра Чиркина». Оценка и распродажа предметов быта Александром Ивановичем была связана с необходимостью расплачиваться с долгами после смерти отца. В числе продаваемых предметов значится «каре́та ветхая оценена в 15 рублей». Это более статусный транспорт, чем одноколка, использование которого, кроме дворян и аристократов, с 1785 г. было разрешено только купцам 1-й гильдии и именитым гражданам.

Столичный Петербург был хорошо знаком с музыкой и театром. На страницах «Санкт-петербургских ведомостей» читаем: «Недавно приехавший сюда с компаниею своею Иоганн Шварц, играет на нижеследующих инструментах, а именно: на малом фиолете, на басу, на цитре и на треугольнике; и желающие его музыку слушать или к себе потребовать ево в дом, сыскать его могут на Адми-

ралтейской стороне в большой Морской в доме директора Чиркина у трактирщика Фридриха Янса»³⁷. Также покои дома сдавались иностранным купцам и ремесленникам, о чем можно прочесть в другом объявлении: «Имеющие долги на отъезжающем отсюда иностранном купце Адаме Фридрихе Гаммершмите, сыскать его могут на Адмиралтейской стороне в большой Морской в доме Санкт-Петербургского купца Ивана Чиркина»³⁸. Таким образом, дом Чиркиных на Большой морской был значимым пунктом общественной, городской и культурной жизни столицы.

Коммуникация Чиркиных с иностранцами происходила также в процессе заключения с ними контрактов. Договор между английским купцом Иваном Корниловым Келли и директором Александром Чиркиным был заключен 25 августа 1779 г.³⁹ По контракту Келли брал у Чиркина в наем участок земли, напротив дома Чиркина, «для поклажи пильного тесу» (обтесанных бревен), за 75 руб. в год»⁴⁰.

Несмотря на вовлечение в атмосферу столичной жизни, бытовая культура купеческой семьи Чиркиных была связана с традиционными христианскими ценностями. Чиркины стали ктиторами Благовещенской церкви на Васильевском острове. Деревянной церковью, которая была заложена и освящена в 1741 г. (разобрана в 1763 г.), занимался Родион Степанович. Возведение богатыми именитыми купцами церквей и храмов являлось частью их общественной жизни и играло большую роль в организации духовной жизни городских прихожан. Для знатных купцов это был способ проявления благочестия и форма благотворительной деятельности.

Отражением религиозного мировоззрения являлись также многочисленные иконы в домах Чиркиных. Так, в вышеупомянутом «Реестре продажи движимого имущества в доме купца Александра Чиркина декабря 3-го дня 1782 году»⁴¹ перечислены иконы, в том числе в серебряных окладах: «два в одном киоте Воскресение Христово и распятие Господне на полях с серебряным окладом» стоимостью 65 руб. 50 коп.; «образ Усекновения главы Иоанна Предтечи в посеребряных и позолоченных рамах» 13 руб. 50 коп.; «образ святого Дмитрия Ростовского на день, два образа Александра Невского и брата его Феодора в серебряном окладе» 72 руб., и т.д. Всего по описи насчитывается 40 икон с образами разных святых на сумму 362 руб. 5 коп. Безвыходное положение и долги вынудили владельцев продать эти иконы.

Таким образом, опираясь на документы личного архива, удалось выявить характерные особенности материальной и духовной культуры семьи Чиркиных, имевшей европеизированные черты с сохранением традиционных, религиозных устоев.

Документы, относящиеся к сыну Ивана Родионовича — Александру Ивановичу — также содержат ценные сведения относительно жизненного уклада и обстоятельств. В целом создается впечатление, что после смерти Ивана Родионовича жизнь семьи Чиркиных наполняется противоречиями и определенным драматизмом, что отражено в документах. Известно, что купеческие семьи стремились породниться и прирастить капитал, который в одних руках просто невозможно ни приумножить, ни удержать. Так, Иван Родионович Чиркин женился на «Анне Степановой дочери Олхиной», вдове выборгского купца Андрея Антипьева Олхина, владевшего ластовыми и мореходными судами. И в данном случае как раз наблюдается пример разумного, можно сказать, классического «купеческого» подхода к делу — сохранить и удержать капитал, объединив две семьи. Наиболее же уязвимой купеческая семья (как и любая другая, надо полагать) становилась в такие переломные моменты, как смерть главы семейства. Поэтому обратимся к документам, относящимся к первым годам после смерти Ивана Родионовича Чиркина (умер в 1778 г.), когда все его дела взял на себя сын Александр. Приведем один из имущественных споров — с мачехой Анной Степановной Олхиной. С ним связан ряд делопроизводственных документов рассматриваемого архива. Наиболее информативными тут являются прошения Александра Чиркина, где изложены жалобы на мачеху, незаконно захватившую дом покойного мужа и требовавшую оплату по векселю, полученному сомнительным образом. Мачеха же, в свою очередь, требовала от своего пасынка Александра Чиркина вернуть долг по векселю на сумму 9772 руб., который дал ей Иван Родионович. Кроме прошений и указов, по данному делу сохранилось интереснейшее письмо, написанное Александром Чиркиным архипастырю Гавриилу и поданное 12 февраля 1783 г.⁴² Обращаясь к архипастырю за помощью, Александр Иванович пишет: «По кончине родителя моего Ивана Родионовича Чиркина осталась жена, а моя мачеха Анна Степанова, которая захватав в свои руки все оставшееся после родителя моего движимое имение владела самовластно, и к взысканию моему разорению выдумала употребить еще хитрость следующую, когда родитель мой находился при последнем уже конце жизни то она написав в 9772 рубли вексель, понудила отца моего оной подписать, будто бы он толикую сумму при жизни своей собственных от нее забрал, а потом по кончине его отдала тот вексель с меня яко наследника ко взысканию, и палата гражданского суда, не войдя в подробности сей хитрости, а по ее коварной просьбе, все оставшееся родителя моего движимое имение, а также частию и недвижимое, с аукциону распродавала, и те деньги

ей выдала. А меня и с бедным моим семейством лишила теперь вовсе и дневного пропитания ...»⁴³.

Надо полагать, наряду с другими вексельными взысканиями в отношении Ивана Родионовича, вексельный долг собственной супруге не выглядел подозрительным для палаты гражданского суда. Однако дальнейшее изложение в письме показывает, что Александр и его жена Прасковья все же пытались найти аргументы против мачехи. Так, Прасковья связалась с родственниками Анны Степановой, чтобы разоблачить ее: «... Когда ж производилось о том векселе дело, то жена моя уведала что у оной мачехи денег быть столько не могло ибо она мачеха от первого своего мужа выборгского купца Андрея Антипьева Олхина по духовной в наследие получила только 500 рублей, и что в коварстве ее обличить жена моя в небытность мою в 1778 году октября в 23 день послала того Олхина племянника жительствовавшего у нас тогда крестьянина Ананья Архипова [Кулезнева] к здешнему купцу и фабриканту Василью Елизарьеву Олхину спросить что подлинно ли есть такая духовная и можно ли оной верить, то он Василий Олхин и уверил, что подлинно есть такая духовная и раздельная, которые хранятся у выборгского купца Петра Антипьева сына Олхина в Выборге, и что оные укреплены законным порядком, которые и могут послужить к явному мачихи изобличению, и чтоб оные копии достать, то стоит за них заплатить 500 рублей...»⁴⁴. Прасковья Чиркина согласилась, но, не имея наличных денег, дала вексель на эту сумму родственнику Петру Олхину. При этом, как оказалось, бумаги, выданные Прасковье, никак не смогли помочь делу, поскольку являлись недействительными. Так, Прасковья, не получив нужных бумаг и находясь под угрозой взятия под стражу за вексельный долг, вынуждена была скрываться.

Таким образом, вексельная система, активно использовавшаяся купцами, являлась не только обеспечительным залогом доверия. Порой вексель мог стать орудием мошенничества и давления. Их использовали, в том числе заключая фиктивные сделки, подкрепляя ими какие-либо личные договоренности.

Еще один интересный документ, относящийся к Александру Ивановичу, касается такого значительного столпа купеческой философии, как безупречная репутация. В этой связи интересен документ — прошение, в котором Александр Иванович Чиркин жалуется на купеческого старшину Дубинина. Конфликтная ситуация стала следствием кражи в 1782 г. якорей у Александра Чиркина. В попытках найти виновного и в результате взаимных обвинений спор закончился заключением Чиркина вместе с сыном Алексеем под стражу: «... Однако ж сын мой по клевете его Дубинина в палате

гражданского суда в управе благочиния и на съезде дворян не повинно содержали под стражей восемь дней, чем учинил он Дубинин недовольно сыну моему, но и мне по здешнему столичному городу немалое безчестие, а по купечеству в кредите подрыв и подозрение, что не токмо я с сыном моим, но и предки наши над собою не имели, да и от помянутого крестьянина Ларева до сего хотя уже он в доме нашем двадцать девять лет жительство имел никакого поношения не слышали, чего ради и прошу дабы высочайшего вашего величества указом повелено было сие мое доношение Санкт-петербургского городского магистрата в 2-й департамент принять и объявленного старосту Дубинина по сыску и по допросе за такое учиненное сыну моему бесчестие и неповинную клевету а по купечеству в кредите подрыв и поношение учинить с ним во удовольствие обиженных как законы вашего императорского величества повелевают...»⁴⁵.
Доброе имя предков и всех членов семьи было крайне важно для сохранения деловой репутации в купеческой среде, о чем говорит как характер изложения событий, так и сам факт подачи прошения и привлечения высшей государственной власти для восстановления справедливости.

В заключение на основании рассмотренных документов можно в целом отметить, что характерными чертами представителей семьи Чиркиных являлись высокая мобильность и коммуникабельность, выражающиеся в активной деловой и личной переписке, широком взаимодействии с родственниками и лицами купеческого круга, представителями аристократии и духовенства, иностранцами. Многочисленные контакты и связи умело использовались купцами при необходимости урегулирования деловых, хозяйственных, личных, семейных, юридических вопросов.

Наряду со столичной осведомленностью, информированностью и деловитостью, представители купечества сохраняли приверженность к традиционным христианским ценностям, что отражалось не только в общественной и предметно-бытовой стороне жизни, но и в личной переписке, с упоминанием праздников, православных святых и надеждой на помощь «Всевышнего десницы»⁴⁶.

¹ Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук, заведующей кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ, заслуженному профессору Московского университета Н.В. Козловой за ценные рекомендации в процессе подготовки к публикации данной статьи.

² Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. М., 2007; *Комлева Е.В.* Из наследия красноярских купцов Ларионовых.

- Вып. 1: Письма конца XVIII — первой трети XIX в. Новосибирск, 2016; Эпистолярное наследие устюжской купеческой семьи Буддаковых конца XVIII — первой четверти XIX века: тексты и исследования / Ф.Я. Коновалов, Ю.С. Егорова, В.А. Ковалев, М.В. Мальцева и др. Вологда, 2018; Эпистолярное наследие великоустюжской купеческой семьи Буддаковых конца XVIII — первой четверти XIX века: тексты и исследования. Вып. 2. Документы из фондов РГАДА. Вологда, 2023.
- 3 Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст. и коммент. Н.В. Козловой. М.: Изд-во МГУ, 2002.
- 4 *Лаврентьев Н.В., Таболина Г.С.* Благовещенское кладбище на Васильевском острове // Вестник Национального научного комитета по историческим некрополям НК ИКОМОС. Россия. СПб.: ООО «ИПК «Береста», 2019. Вып. 1.
- 5 Там же. С. 30—31.
- 6 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 61.
- 7 *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. Он же: Генеалогия и российское купечество // Отечественная история. Вып. 6. Ноябрь — декабрь, 1998; Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст. и коммент. Н.В. Козловой. М.: Изд-во МГУ, 2002; *Мальцева М.В.* Роль семейно-родственных связей в торговой деятельности великоустюжской купеческой семьи Буддаковых конца XVIII — начала XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2020. № 2.
- 8 *Мальцева М.В.* Роль семейно-родственных связей ... С. 3—4.
- 9 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 1.
- 10 Там же. Л. 1.
- 11 Там же. Л. 1—2.
- 12 Там же. Л. 2.
- 13 Там же. Л. 2.
- 14 Там же. Л. 2.
- 15 Там же. Л. 2.
- 16 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 65.
- 17 *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е — нач. 60-х гг.). М.: Археографический центр, 1999. С. 317.
- 18 *Мухин А.Б.* Савва Яковлев — купец, промышленник, предприниматель // Вестник СПбГУ. Вып. 4. СПб., 2005. С. 159.
- 19 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 376.
- 20 *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 309.
- 21 Очевидно, Григорию Александровичу Потемкину.
- 22 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 34—34 об.
- 23 Там же. Л. 34.
- 24 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 34—34 об.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 525.
- 26 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 96.
- 27 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 45.
- 28 ПСЗ. Т. XVII. № 12311. С. 10.
- 29 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 38.
- 30 *Бройтман Л., Краснова Е.* Большая морская улица. М., 2005.

- 31 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. л. 38.
- 32 Вероятно, речь идет о керамических изразцах для украшения печей, которые называли «образцами».
- 33 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 281. Л. 540.
- 34 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 347—349.
- 35 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 345—346.
- 36 Санкт-Петербургские ведомости. 1764. Вып. от 27 августа.
- 37 Санкт-Петербургские ведомости. 1763. Вып. от 21 ноября. С. 7—8.
- 38 Санкт-Петербургские ведомости. 1762. Вып. от 14 июня. С. 8.
- 39 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. С. 195.
- 40 Там же.
- 41 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 345—346.
- 42 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 436—437.
- 43 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. С. 436.
- 44 Там же. С. 436.
- 45 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 440.
- 46 ОПИ ГИМ. Ф. 80. Ед. хр. 282. Л. 34.

Не только всесоюзный университет: концертно-зрелищная программа сезона 1939 года на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке

Первого августа 1939 г. в Москве была торжественно открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ). Помимо демонстрации достижений и новинок сельскохозяйственной отрасли предполагалось, что выставка станет крупным досуговым центром или, как тогда говорили, «местом культурного отдыха трудящихся». Для посетителей планировались концерты, кинопоказы, театрализованные представления, показательные спортивные выступления и т.д. Координацией работы по художественному обслуживанию ВСХВ занимался Комитет по делам искусств при СНК СССР. Обязанности распределялись следующим образом: управления Комитета (театральное, музыкальное, цирковое...) разрабатывали планы обслуживания выставки силами государственных коллективов, а также отвечали за репертуар. Всесоюзный дом народного творчества им. Н.К. Крупской занимался организацией выступлений колхозных и совхозных самодеятельных коллективов. Проведение спортивных мероприятий находилось в ведении Московского комитета по делам физкультуры и спорта. За работы по оборудованию сцен для зрелищных программ на территории выставки, которые предполагалось закончить к 15 мая, отвечал строительный отдел Комитета по делам искусств. Уполномоченным Комитета по организации и проведению всей работы был назначен Б.М. Филиппов. В Москве к этой работе были привлечены и творческие дома, и театры, и филармония, где разместилось бюро по художественному обслуживанию выставки.

Пресса поддерживала интерес к новому городскому объекту, рассказывая не только о ходе строительных работ, художественном оформлении павильонов, будущих экспонентах, но и о предстоящей культурной программе. Сообщалось, сколько концертов, спектаклей, цирковых представлений и детских утренников увидят посетители выставки с августа по октябрь¹. В программу радио-

станций были включены специальные передачи о зрелищной программе на ВСХВ и прилегающей к ней территории Парка культуры и отдыха им. Дзержинского (ныне — парк «Останкино»). 25 июня в 20 ч. по московскому времени Всесоюзный дом народного творчества им. Крупской организовал через радиостанцию им. Коминтерна трансляцию передачи о подготовке художественной самодеятельности Украины к выступлению на выставке. На территории ВСХВ работали сотрудники редакции «Последних известий по радио». Специальная сеть трансляционных пунктов, размещенных на ВСХВ, давала возможность делать радиопередачи с разных точек большой территории выставки.

По плану, утвержденному Комитетом по делам искусств, перед посетителями ВСХВ должны были выступить коллективы столичных театров, хор им. Пятницкого, Государственный ансамбль народных танцев, украинская хоровая капелла «Думка», грузинский хор под управлением К.Н. Пачкория, ансамбль белорусской песни и пляски, джаз-оркестр под управлением Л.О. Утесова. Особое внимание Комитет уделял выступлениям профессиональных коллективов, в программах которых отражено народное творчество. Масштабной предполагалась программа в Зеленом театре: десять массовых постановок и четыре тематические программы, посвященные открытию ВСХВ, Дню авиации, Международному юношескому дню и началу учебного года. Помимо профессиональных коллективов планировалась обширная программа выступлений, или как тогда говорили «широкий показ» колхозно-совхозной самодеятельности. Поражает колоссальный размах подготовительной работы. В республиках проводились конкурсы, где отбирались лучшие исполнители для выступлений в Москве. Искали самородков, талантливых самоучек, а работали с ними и готовили программы для выступлений в столице профессиональные хореографы, балетмейстеры, режиссеры, композиторы. Был составлен график прибытия самодеятельных артистов в столицу: каждые пять–шесть дней должны были приезжать новые делегации. Всесоюзный дом народного творчества пригласил более 3,5 тыс. самодеятельных артистов из 11 республик. В составе Узбекской делегации, подготовившей постановку «Счастливый кишлак» (сценарий писателя Сабира Абдуллы) об открытии Большого Ферганского канала, было 236 исполнителей — лучших участников художественной самодеятельности из 67 колхозов республики; от Таджикской ССР — 160, от Белорусской ССР — 286, от Украинской ССР — 700. Всех надо было встретить, разместить, накормить, обеспечить репетиционной базой и графиком выступлений. Открывать программу пред-

стояло самодеятельным исполнителям Белорусской ССР, а закрывать — художественной самодеятельности Киргизской ССР.

Из планируемых для сезона 1939 г. зрелищных площадок к весне в распоряжении дирекции выставки находились недостроенная концертная эстрада, кинотеатр и цирк шапито, сооружаемый Центральным управлением госцирков (ЦУГ). К строительству Зеленого театра — основной площадки для выступления самодеятельных артистов и театральных коллективов — на тот момент еще не приступали. Так как строительство площадок отставало от графика, Комитет по делам искусств еще до открытия выставки перенес конкурсную программу (показ колхозно-совхозных театров страны и проведение всесоюзного смотра самодеятельных исполнителей) на другие площадки Москвы. О чем оповестила своих читателей газета «Советское искусство»². 13 апреля на совещании в дирекции ВСХВ было согласовано устройство трех основных зрелищных площадок (цирк, открытая эстрада и Зеленый театр) и определено количество зрительских мест. При этом в газетах еще в апреле встречаются упоминания о планах построить открытый музыкальный театр на 1500 мест для симфонического оркестра, закрытого кинотеатра на 2000 мест, открытой эстрады на 2000 мест и павильона для массовых мероприятий с конференц-залом и комнатами для кружков. В июле по постановлению президиума Моссовета на выставке приступили к строительству еще одного здания — закрытого театра эстрады на 1000 мест. Строительство велось Москультистроем по скоростному методу. Газеты писали: «Закончена закладка фундамента. Все детали здания заготавливаются на строительстве Дворца Советов. На территории выставки будет произведена только сборка готовых частей». Здесь предполагался показ самодеятельности союзных республик и встречи приезжающих на выставку колхозников с мастерами искусств³. В газете «Вечерняя Москва» даже был размещен рекламный анонс концертно-зрелищных площадок выставки, в котором упоминалась эстрада этого открытого театра на 1000 мест. Однако на карте ВСХВ 1939 г. театр не был обозначен, не было его и в анонсах концертов и выступлений, публикуемых в августе — сентябре газетами «Правда», «ВСХВ» и др.

«1 августа в новом Зеленом театре, цирке «Шапито» и на эстраде будут выступать лучшие профессиональные и самодеятельные художественные коллективы» на перебой сообщали своим читателям газеты и журналы. 1 августа — в день открытия выставки в Зеленом театре должен был состояться «грандиозный концерт», в котором планировалось выступление художественной самодеятельности Москвы и Московской области, ансамблей песни и пляски ВЦСПС

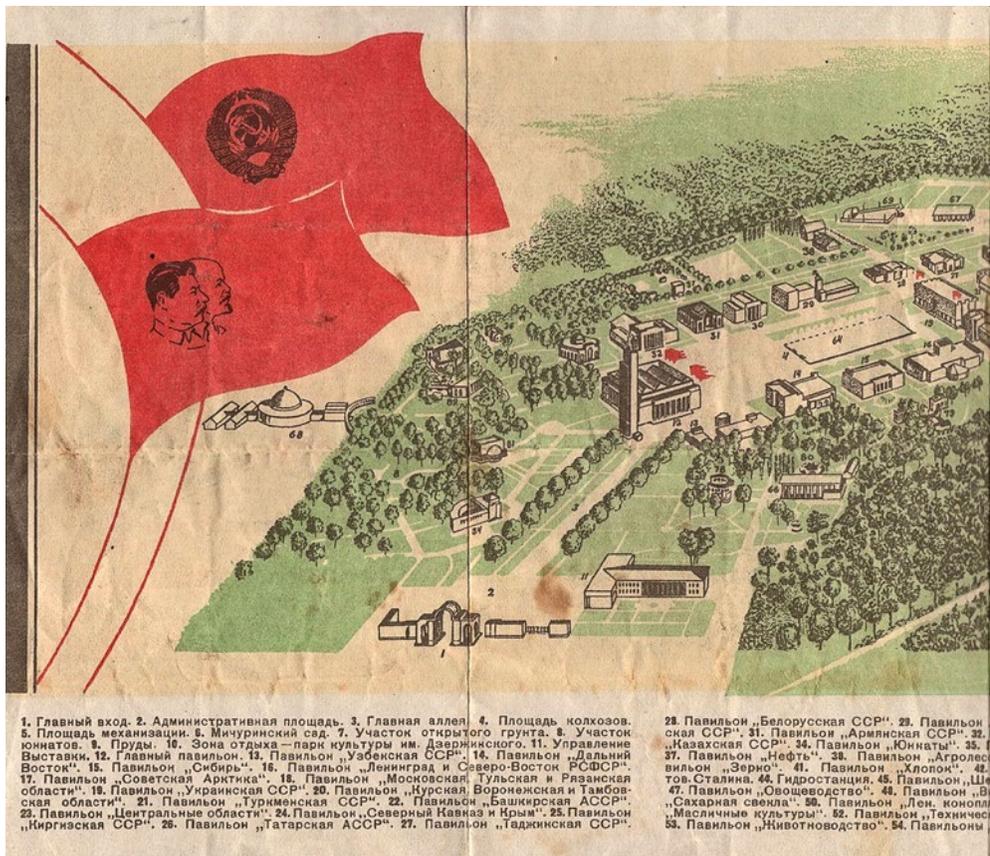
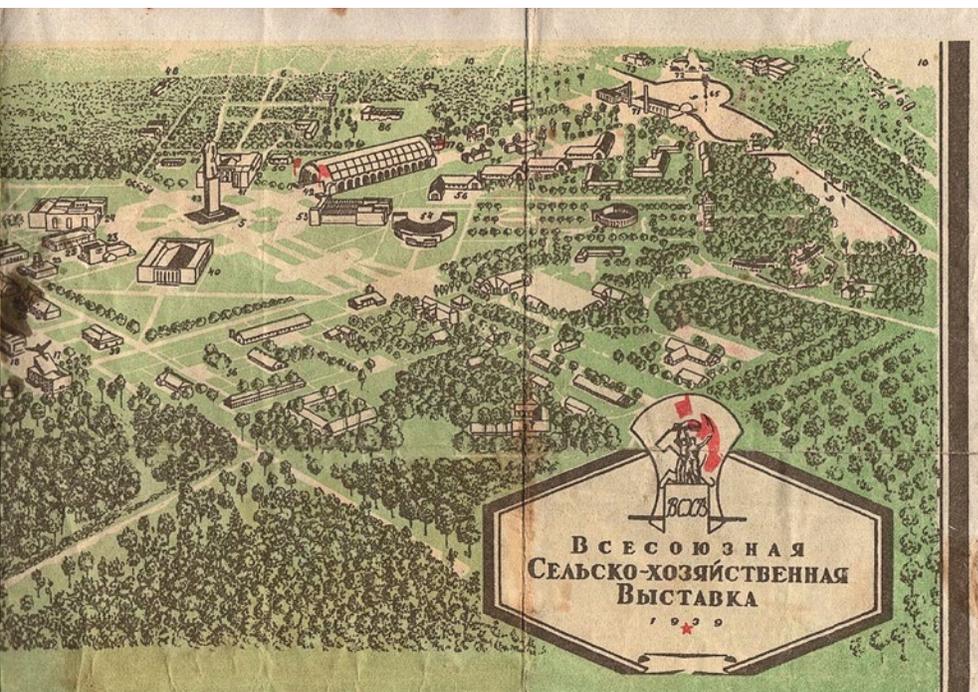

Рис. 1. Карта Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. М., 1939.
ОПИ ГИМ 108340/167 Ф. 426. Арх. 5865. Ед. хр. 553

и Центрального дома культуры железнодорожников, Государственного симфонического оркестра СССР под управлением А.В. Гаука. Даже анонсировался репертуар исполнителей этого концерта: «Песня о Сталине» А.И. Хачатуряна, «Торжественная увертюра» Р.М. Глиэра, «Лезгинка» З.П. Палиашвили, песни И.И. Дзержинского⁴. Однако 1 августа ни одна площадка еще не функционировала, «концертов и спектаклей не было». Посетители после торжественного открытия выставки отправились осматривать павильоны, где «действовали киноустановки». Также предлагались передвижные «дневные экраны на воздухе»⁵.

Передвижная киноустановка представляла собой автобус, в задней стенке которого был установлен небольшой полутораметровый

Поволжье". 39. Павильон „Азербайджан". Павильон „Грузинская ССР". 33. Павильон Павильон „Печать". 36. Павильон „Торф". 41. „Мелиорация". 35. Сахарный завод. 40. Павильон „Механизация". 43. Монумент животноводство". 46. Павильон „Садоводство". 44. „Огородничество и виноделие". 48. Павильон и новобульварные культуры". 51. Павильон кино культуры и лекарственные растения". „Ветеринария" и „Искусственные осемене-

ние". 55. Манеж. 56. Живописно-декоративные постройки. 57. Павильон „Собаководство". 58. Павильон „Охота и звероводство". 59. Отдел „Птицеводство". 60. Отдел „Рыбоводство". 61. Павильон „Пчеловодство". 62. Павильон „Нроликводство". 63. Раздел „Новое в деревне". 64. Фонтан на площади колхозов. 65. Фонтан „Колос" на пруду. 66. Кинотеатр № 1. 67. Кинотеатр № 2. 68. Цирк. 69. Концертная эстрада. 70. Зеленый театр. 71. Павильон „Пиво". 72. Павильон „Хладпром". 73. Павильон „Линев". 74. Павильон „Мясо". 75. Павильон „Консервы". 76. Павильон „Чай-кондитер". 77. Павильон „Табак". 78. Чайхана. 79. Кафе № 1. 80. Восточный ресторан. 81. Детское кафе. 82. Кафе № 2. 83. Главный ресторан. 84. Чайная-столовая. 85. Палатка павлинцев. 86. Оранжерея субтропических культур. 87. Ветероликлиника.

светло-серебряный экран, который не только рассеивал, но и пропускал свет. Кинопроекторный аппарат находился внутри. Мобильные кинотеатры могли располагаться в разных частях выставки. Вот как это описывали очевидцы: «На одной из боковых аллей за павильоном «Поволжье» остановился вагон обтекаемой формы. Его задние дверцы распахнулись, обнаружив на черном фоне матовый стеклянный экран. Тотчас послышался голос диктора, сообщивший о том, что сейчас здесь будет демонстрироваться звуковой кинофильм»⁶. Система дневной проекции, позволяющая видеть кинофильмы при естественной освещении, была разработана в середине 1930-х гг. Р.И. Новицким. Выпускал аппаратуру Ленинградский завод ГОМЗ им. ОГПУ (Государственный оптико-механический завод им. ОГПУ). На выставке уделялось большое внимание различным техническим новшествам. После демонстрации в июне 1935 г.

в оргкомитете ВСХВ установки дневного кино, было решено использовать это изобретение на выставке.

Помимо дневных и вечерних кинопередвижек, посетителей ВСХВ в августе — сентябре 1939 г. принимали два кинотеатра, летний цирк, концертная эстрада, Зеленый театр. Часть «зрелищных предприятий» находилась в непосредственной близости от Главного входа: на карте ВСХВ 1939 г. цирк располагался слева от Главного входа за павильоном «Юннаты», кинотеатр № 1 справа, рядом с чайханой, а Зеленый театр, концертная эстрада, кинотеатр № 2 — рядом с зоной отдыха в средней части территории выставки. Необходимо отметить, что в сезоне 1939 г. для посещения зрелищных предприятий выставки (цирк, театр, кино) необходимо было приобрести два билета — на само мероприятие и входной на выставку. Билеты на зрелища без входных не продавались⁷ (рис. 1).

Кинотеатры № 1 на 900 мест (Большой), № 2 на 450 мест (Малый) демонстрировали художественные, хроникальные и научно-технические фильмы. Они были оборудованы современной аппаратурой и имели небольшие концертные площадки для «вечерних художественных программ». В июле месяце трест Мособлкино для работы в стационарных и передвижных кинотеатрах выставки набирал штат сотрудников (киномехаников, кассиров, контролеров и др.). В Большом кинотеатре сеансы начинались в 7 и 9 ч. вечера, а в Малом — в 5, 7 и 9 ч. вечера. 16 июля 1939 г. Комитет по делам кинематографии при СНК СССР утвердил кино-репертуар для ВСХВ. Посетителям выставки предлагались к просмотру 130 художественных фильмов, среди которых такие образцы советской кинематографии как «Ленин в 1918 году», «Петр I», «Богатая невеста» и др. В августе в кинотеатрах проходила декада национальной кинематографии. Кинематографию РСФСР представляли фильмы «Чапаев» и «Александр Невский», цветной звуковой фильм «Сорочинская ярмарка» по мотивам произведений Н.В. Гоголя Киевской киностудии — Украину, «11 июля» — Белоруссию, «Великое зарево» и «Арсен» — Грузию, «Бакинцы» — Азербайджан, «Зангезур» — Армению, «Клятва» — Узбекистан, «Я вернусь» — Туркмению, «Друзья встречаются вновь» — Таджикистан, «Амангельды» — Казахстан. Затем ее сменила декада оборонных фильмов, представлявшая фильмы военной тематики: «Щорс», «Горный марш», «Граница на замке», «Если завтра война», «Мужество», «Всадник», «Парад Молодости»⁸. Днем в кинотеатрах проходили встречи участников выставки и экскурсантов с ударниками труда, Героями Советского Союза, учеными. Здесь же выступали с лекциями и докладами Е.М. Ярославский, Н.Н. Бурденко, О.Ю. Шмидт, А.Е. Ферсман,

Н.И. Вавилов; проходили творческие встречи с литераторами, режиссерами, актерами. Так, 18 августа в Большом кинотеатре состоялась встреча со съемочной группой кинокомедий «Богатая невеста» и «Трактористы». Во встрече принимал участие режиссер И.А. Пырьев, автор сценария Е.М. Помещиков, композитор Дм.Я. Покрасс и актеры М.А. Ладынина и Н.А. Крючков. В заключение встречи состоялся просмотр фильма «Трактористы».

У Хованского подъезда выставки располагалась концертная эстрада на 1400 мест. По мнению постоянного рецензента газеты «Советское искусство» В. Эрманса, эстрада была обставлена несколько хуже цирка и располагала лишь раковиной и скамьями для зрителей под открытым небом. «Раковина большая, красивая, ее украшают эмблема выставки и золотые снопы. Акустика отличная»⁹. Критик Вл. Мессман дополнил это описание: «На ее фронтоне по бокам изображены колосья, а сверху — тракторист и колхозница, эмблема Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Под открытым небом на длинных удобных садовых диванах и за пределами «зала» — тысячи слушателей»¹⁰. Уже со 2 августа в газете «Правда» в разделе «Сегодня в театрах, парках и садах» публикуются сообщения о выступлениях на концертной эстраде. «Вечерняя Москва» поместила сообщение о начале работы эстрадной площадки только 4 августа¹¹. На этой площадке состоялся цикл концертов Московской Государственной филармонии, который открыли выступления лауреатов всесоюзных и международных конкурсов Лизы и Эмиля Гилельс, Марины Козолуповой, Льва Оборина, Давида Ойстраха, Якова Флиэра, Давида Гамрекели. Были исполнены произведения Брамса, Паганини, Чайковского, Рахманинова, Хачатуряна. Концерт музыкантов проходил перед их отъездом в США, где им предстояли выступления на Международной выставке в Нью-Йорке. Накануне гастролей состоялся отчетный концерт на эстраде ВСХВ Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР. На этой площадке выступали Государственный джаз под управлением В.Н. Кнушевицкого, Русский народный хор им. Пятницкого, Государственный оркестр народных инструментов, проходили эстрадные концерты с участием Лидии Руслановой, Сергея Образцова, Кето Джапаридзе, Всеволода Резцова, дуэта Домогацкой и Тодес, конференсье Михаила Гаркави и др. Здесь показывали свои программы и самодеятельные артисты, приехавшие в Москву из разных уголков страны. Особенно впечатлили зрителей выступления ансамбля белуджей из Куйбышевского района Туркменской ССР. «Танцы белуджей носят воинственный характер... Сабля в их руках летает стремительнее, чем палица в руках жонглера... Порой ка-

жется, что тело танцора оплетено сеткой сверкающих нитей, окружено стальными летучими молниями, будто весь он осыпан ливнем холодных струистых отблесков»¹². Выступления на концертной эстраде проходили в дневное и вечернее время. Всего состоялось 60 концертов. На этой площадке проходили и театральные встречи, организованные Центральным домом работников искусств. Среди приглашенных были артисты Большого и Малого театров, Театра им. Евгения Вахтангова, ярославского и курского театров.

К концу первой недели работы выставки посетителей принял цирк, о чем сообщила газета «Советское искусство»¹³. Здание цирка на 2400 мест было построено из дерева, шапито располагалось только над манежем. Над проектом работал коллектив архитекторов и инженеров «Мостеапроектмонтаж» и строительный завод № 2, внутреннее архитектурно-художественное оформление здания цирка выполнили архитекторы И.И. Бреннер и И.М. Петров. Курировали проект работники ЦУГЦ во главе с В.П. Логвиновым. Вот как описано это здание в популярном навигаторе конца 1930-х гг. «Декада московских зрелищ»: «На флагштоке широкого приземистого купола трепещет алый флаг с золотой пятиконечной звездой, на белом фоне золотом выведено: «Цирк». Легкая, кажущаяся ажурной колоннада раскинула перед вестибюлем свои объятия. В самом цирке — море воздуха и света; кажется, что сидишь не в лакированных креслах цирка, а где-то на южном солариум. Строгое сочетание цвета — красный и белый. Отсутствует пресловутая галерка, деликатно именуемая у нас «балконом». Нет также лож. Только партер и амфитеатр. И отовсюду одинаково хорошо видно»¹⁴. За кулисами располагались конюшня, передвижной аквариум для морских львов, клетки с медведями. Крыльями от манежа стояли два новых дома с тюлевыми занавесками на окнах — актерские уборные. О здании Госцирка на ВСХВ писали как об одном из лучших в стране. В изданном в 1943 г. для профильных высших учебных заведений и факультетов «Курсе деревянных конструкций» были опубликованы фотографии «внешний вид купола цирка ВСХС (пролетом 31 м)» и «внутренний вид купола над ареной», как пример строительства кружально-сетчатых конструкций¹⁵.

В ежедневных представлениях участвовали артисты Госцирка, выпускники Всесоюзной школы циркового искусства и балетный ансамбль, танцоров для которого в начале июня отбирали на кастингах в помещении цирка шапито ЦПКиО им. Горького. Цирковые представления «с участием всей труппы и балетного ансамбля» начинались в 5 ч. и 8 ч. 30 м. вечера, а в сентябре представления проходили раньше — в 4 ч. и 7 ч. вечера. Анонсы цирковых представле-

ний можно найти в газетах «Правда», «Вечерняя Москва», «ВСХВ». В дневное время помещение цирка было задействовано в программе мероприятий выставки. Здесь проходили встречи, детские утренники, выступления самодеятельных артистов.

Над первой программой цирка на ВСХВ работал «коллектив людей, обладающих талантом, знаниями, культурой»¹⁶. Музыкальной частью представления занимался Л.М. Пульвер, музыкальный директор и дирижер Московского Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), автор музыки не только к театральным спектаклям и фильмам, но и обозрению «Под куполом цирка» 1933 г. Хореографией — артист балета, балетмейстер, педагог В.А. Рябцев. В 1920-е — 1930-е гг. он вел класс мимики и характерного танца в Московском театральном училище и был известен как сторонник творческих новаций балетмейстера А.А. Горского. Художественное оформление программы — работа театрального художника В.Ф. Рындина. Будучи в 1935—1944 гг. главным художником театра им. Е. Вахтангова, он сотрудничал не только с театрами. Он оформлял эстрадную программу Государственного джаза РСФСР под управлением Л.О. Утесова, программы Московского цирка 1937 и 1939 гг. Автором афиши «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Государственный цирк» 1939 г. был художник прикладной графики, оформитель, иллюстратор и плакатист Е.М. Гольштейн. Постановку осуществили художественный руководитель цирка В.К. Владимиров, директор Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий (1934—1938), и режиссер А.Б. Буше, являвшийся с 1935 г. режиссером и инспектором манежа Московского цирка.

Программа сезона 1939 г. предлагала зрителям аттракцион «Аквариум» с дрессированными морскими львами Т. Брок, баланс на проволоке А. Артемьева и Г. Бурдона, воздушный полет под куполом цирка труппы Вязовых, выступление медведей-велосипедистов под руководством И.Г. Исаенко, выступление дрессированных лошадей И.П. Монкевича, комический жонгльж Лихачевых, пластико-акробатические этюды Аркатовых, номер акробатов-прыгунов с подкидной доской Беляковых, эквилибристов с першами Шлагер, выступление коверного Карандаша, или Каран д'Аша (М.Н. Румянцева) и др. Пролог удивлял карнавальным парадом, представлявшим разнообразие национальных костюмов страны.

Ощутить атмосферу представлений того времени, узнать о наиболее ярких номерах программы помогают рецензии критиков. Среди самых интересных были названы: деревенская пляска на проволоке (с присядкой и переодеванием) выпускников школы циркового искусства А. Артемьева и Г. Бурдона (и огромным подсолнухом,

украшавшим арену во время номера), а так же гротесковый воздушный полет Вязовых в костюмах Чарли Чаплина, сопровождаемый выходом балетной труппы в таких же костюмах; номер «невидимок» Шлагер, когда зрителям казалось, что в темноте белые фосфоризирующие смычки сами играли на повисших в воздухе белых скрипках (номер Л.С. Костюка и В. Шкулина). Однако звание лучшего номера программы оставили за выступлением морских львов дрессировщицы Тамары Брок. В нем были соединены элементы дрессировки животных и водного спорта. Солировавший в номере морской лев Фриц, «единственный иностранец в труппе, уроженец далекой Калифорнии, показывал сложный жонгльж и рецензиями интересовался куда меньше, чем живой рыбой». А платье дрессировщицы, выполненное по эскизу художника В.Ф. Рындина, признали лучшим цирковым костюмом. С этим цирковым номером связан интересный факт, упомянутый в одной из рецензий: «Шумные и многократные аплодисменты вызывает соревнующаяся с ними / морскими львами / купальщица, которая прекрасно ныряет, дольше их держится под водой... Фамилия этой купальщицы — Андреевой — совершенно незаслуженно не упомянута в программке рядом с именем дрессировщицы морских львов Тамары Брок»¹⁷. К концу сезона эта оплошность была исправлена.

У пруда располагалась еще одна площадка для выступлений — Зеленый театр. Он был наиболее вместительным и рассчитан на 5000 мест. Заместитель архитектора ВСХВ А.Ф. Жуков в книге, изданной к открытию выставки, дал краткое описание объекта: «Театр выстроен в дереве, в характере трельяжной парковой архитектуры. Места — под открытым небом. Сценическая часть рассчитана на тысячу действующих лиц»¹⁸. Он также указал на его назначение — «для показа колхозного искусства всех братских республик»¹⁹. Открытие театра было запланировано на 1 августа, но строительные работы не были окончены к указанному сроку. Как писала газета «Советское искусство»: «безмятежное спокойствие царит только на одном единственном участке строительства — там, где должен быть сооружен Зеленый театр»²⁰. Сначала запоздали проектировочные работы, порученные Комитетом по делам искусств тресту «Теапроектмонтаж». Затем, не уложились в отведенные сроки строители. В ОПИ ГИМ в фонде архитектора М.В. Дьяконова сохранились вторые экземпляры протоколов заседаний по рассмотрению эскизных проектов Зеленого театра, разработанных работниками архитектурных мастерских ВСХВ и «Теапроектмонтаж» от 22 и 26 марта 1939 г. М.В. Дьяконов занимал должность старшего архитектора в мастерских ВСХВ и был секретарем на этих обсуждениях.

Протоколы сохранили имена присутствовавших на этих обсуждениях: от ВСХВ — главный архитектор С.Е. Чернышев, его заместитель А.Ф. Жуков, архитектор по Генплану В.И. Долганов, представитель культмассового отдела Оргуправления А.М. Езерский, зав. зрелищным сектором выставки С.М. Хейфиц; от Комитета по делам искусств — Б.М. Филиппов; представители ЦПКиО им. Горького — главный архитектор А.В. Власов и художественный руководитель Зеленого театра Н.Д. Карманов. Зеленый театр в ЦПКиО им. Горького был самым крупным в стране, на его сцене устраивали грандиозные массовые зрелища и масштабные театральные постановки. Его опыт предполагалось использовать для постановок на ВСХВ. Вот лишь некоторые замечания к эскизным проектам Зеленого театра ВСХВ, зафиксированные в упомянутых протоколах: «островное положение театра на генплане, отсутствие правительственного и служебного проездов»; «наличие неудобных мест в зрительном зале», удаленность уборных для публики от зрительного зала (200 м), буфеты устроить наверху сзади зрительного зала; слишком большое заглубление оркестра под планшет «не дает возможность переносить постановки Зеленого театра ЦПКиО на сцену данного театра»; невозможность использования трюма из-за занятости пространства «солидными стойками, воспринимающими большую нагрузку на планшет сцены от прохода тракторов, танкеток», «сложность и дороговизна водных занавесей»²¹. Только 5 июня были утверждены основные принципы строительства театра; установлены ширина сцены (34,4 м) и ее глубина (30 м), расположение амфитеатра, рассчитанного на 5000 зрителей²². Строительное управление Выставочного комитета 7 июня отдало распоряжение о начале работ, но все «ограничилось тем, что строительная контора разбила площадку, огородила ее проволокой, завезла на нее бревна и бутовый камень. Площадка даже не очищена от... сооружений, которые должны быть снесены раньше». Много нареканий было высказано в адрес начальника строительства ВСХВ А.А. Усиевича и отдела культучреждений Моссовета во главе с тов. Медведевым. 18 августа в газете «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» появилась статья М. Хамаганова «Посетителям выставки — образцовую зону отдыха», в которой автор констатировал: «До сих пор строится эстрадный театр, но руководство парка и культмассовый отдел выставки мало интересуются ходом строительства этого театра»²³. Газета «Советское искусство» продолжала информировать: «Сроки эти переносились пять раз, да и сейчас, несмотря на заверения начальника управления строительства т. Усиевича, нет твердой уверенности в том, что театр будет от-

крыт 23 августа»²⁴. Постановщик концерта, открывавшего Зеленый театр, заслуженный артист РСФСР С.Н. Алексеев жаловался сотруднику газеты «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» на то, что «выступление откладывается уже в шестой раз: не закончено оформление башен на сцене, не готово электрооборудование, не оборудованы артистические уборные. Репетиции коллективов проходят в невыносимых условиях под стук молотка и визг пил...»²⁵. Только 28 августа в Зеленом театре состоялось долгожданное выступление самодеятельности колхозов Московской области с программой «И жизнь хороша, и жить хорошо» (сценарий В. Гусева, режиссер С.П. Алексеев, художественное оформление В.Ф. Рындина, А.П. Андреади и С.Н. Ахведиани). Перед зрителем прошло красочное действо с танцевальными и вокальными номерами, на фольклорные сюжеты и произведения современных композиторов и поэтов, в том числе очень популярный в то время массовый танец в костюмах овощей и фруктов. Зрителей удивляли выездом на сцену легковых и грузовых машин, демонстрацией кинопроекции²⁶, прыжком парашютистки на сцену. В концерте принимали участие симфонический оркестр под управлением Л.П. Пятигорского, хореографический театр ЦПКиО им. Горького, красноармейский ансамбль Московского Военного округа под управлением Побединского, акробатический коллектив Центрального Дома культуры железнодорожников под руководством Марголина²⁷. 29 августа в небольшой заметке газеты «Советское искусство» сообщалось об открытии накануне вечером Зеленого театра «в парке культуры и отдыха им. Дзержинского на территории, граничащей с ВСХВ... театр ...располагает обширной зрелищной площадкой, размером свыше 900 кв. метров, дающей возможность для показа больших постановок... Театр радиофицирован. При нем имеются большие подсобные помещения, могущие вместить до 800 артистов»²⁸.

Поскольку из-за затянувшихся строительных работ не действовала сцена Зеленого театра²⁹, приехавшие для выступлений на ВСХВ самодеятельные артисты демонстрировали свое искусство в павильонах выставки и на площади Колхозов, где в середине августа возвели временный помост. Колхозная площадь по размеру превосходила Красную площадь Москвы, а центральное положение сделало ее местом проведения многих зрелищных мероприятий выставки, на которые собиралось до 20 тысяч зрителей. В августе на площади состоялся концерт Симфонического оркестра Московской филармонии — «пожалуй, единственный в своем роде опыт пропаганды симфонической музыки на площади перед многотысячной аудиторией»³⁰.

Как раз к периоду строительства Зеленого театра и отсутствия большой сцены для выступлений республиканских самодеятельных коллективов относятся две фотографии из собрания Исторического музея. В электронном каталоге музея (КАМИС) они имели название: «На одной из центральных аллей выставки. Выступление фольклорного русского ансамбля» и «На площади Колхозов всегда оживленно и многолюдно. Выступление узбекского фольклорного ансамбля». Для их атрибуции было вполне логично обратиться к периодике того времени. Выставку и происходящие на ней события снимали много. Похожие кадры встречаются среди фоторабот Г.Г. Петрусова и иллюстративно-издательского бюро ВСХВ в журнале «СССР на стройке», посвященном открытию сельскохозяйственной выставки. Но в аннотациях этих фотографий указаны совсем другие исполнители: «Белорусская делегация на выставке», «На площади колхозов колхозницы Таджикистана устроили веселую пляску»³¹. Одинаковые костюмы, место действия подтверждают, что фотографии из собрания музея и журнала «СССР на стройке» запечатлели одних и тех же исполнителей. Подобные снимки самодеятельных артистов из Белоруссии и Таджикистана можно увидеть в газетах «Правда», «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка», «Советское искусство» и др. Фотографии и критические обзоры концертных программ, опубликованные в прессе, подтверждают, что на фотографиях из собрания музея представлены артисты из Белоруссии и Таджикистана. Белорусская делегация выступала 12 августа на площади перед Главным павильоном выставки. В их программе «БССР — форпост СССР на западной границе» были соединены различные самодеятельные коллективы и исполнители республики. На фотографии из собрания ГИМ рядом с взрослыми исполнителями бегут дети, одетые в национальные костюмы. По замыслу постановщика танцевальной программы К.Я. Голейзовского и хореографа И. Линевича, «как на настоящем сельском празднике», они должны были быть активными участниками этого представления. На фотографии из собрания музея запечатлен момент прохождения участников концерта по аллее, обрамляющей площадь Колхозов. Похожая фотография опубликована в альбоме «Белорусская ССР на ВСХВ 1939 года»³². Здесь, в отличие от газет, хорошее качество полиграфии позволяет более детально рассмотреть костюмы исполнителей — «рубahi мужчин — белые с вышивкой вокруг ворота и обшлагов по подолу» и «цветные безрукавки, клетчатые юбки, белые фартуки у женщин». Таким образом, можно определено утверждать, что на фотографии из фондов музея изображены участники белорусской делегации

Рис. 2. Участники самодеятельных коллективов колхозов, совхозов и МТС Белорусской ССР на ВСХВ. 12 августа 1939 г. Фотография. ГИМ

после выступления у Главного павильона выставки, и датировать фото 12 августа³³ (рис. 2).

На второй фотографии запечатлены музыканты в восточных костюмах с большими бубнами-дойрами в руках, аккомпанирующие молодой танцовщице³⁴ (рис. 3). Они в плотном кольце зрителей, идут по аллее, ведущей к Колхозной площади выставки. 160 участников таджикской художественной самодеятельности (под руководством засл. арт. Узбекской ССР Я. Бабаджанова) прибыли в столицу 10 августа из Сталинобада³⁵. Их программа состояла из отдельных концертных номеров, среди которых было много танцевальных. В рецензиях упоминались имена трех исполнительниц национальных танцев: Латуфалти (Латофат) Макхамовой, Арафы Хасановой и Ашуры Насыровой. Некоторые публикации сопровождалась фо-

Рис. 3. Участники смотра народного творчества из колхозно-совхозного ансамбля Таджикской ССР на ВСХВ. Август 1939 г. Фотография. ГИМ

тографиями таджикских танцоров. К сожалению, не всегда четкие фотографии в газетах конца 1930-х гг. часто не позволяют выявить похожие черты лица и установить имя исполнителя. Однако Ашура Насырова — героиня фотографий Вл. Минкевича «Выступающая в танце Ашура Насырова» («Вечерняя Москва»), Е. Волкова «Народный танец в исполнении Ашуры Насыровой» («Советское искусство»), С. Васильниченко «Один из моментов выступления на открытой эстраде» («ВСХВ») — больше похожа на героиню фотографии из музейного фонда. Исполнительница национальных танцев А. Насырова покорила московских зрителей удивительной пластикой рук, чувством ритма и музыкальностью. Критики не скупались на восторженные отзывы: «Один из лучших номеров программы — выступление юной танцовщицы Насыровой. Каждый ее жест необычайно пластичен, полон изящества, непринужденной грации. И наряду с этим — высокое техническое мастерство, подлинная виртуозность»³⁶. В. Ивинг дополнил это описание: «... Юная Ашура Насырова. Это еще почти ребенок. У нее милое здоровое личико, с вздернутым носиком... Это детское лицо все время освещено

улыбкой, улыбкой молодой, счастливой, а не „приклеенной”, как у большинства наших профессиональных артисток балета... Техника у нее уверенная. Вертясь, она делает четыре больших круга по сцене. Руки безостановочно плетут в воздухе затейливый узор»³⁷. «Грациозная девочка из Ленинабада», танцевавшая с детства, летом 1938 г. стала участницей смотра художественной самодеятельности Таджикистана. Спустя 15 лет в журнале «Советский Союз» была опубликована статья В. Шаховского «Осуществленные мечты»³⁸, одной из героинь которой стала известная исполнительница народных танцев А. Насырова. Материал сопровождался фотографией, сделанной репортером в аэропорту Сталинобада в далеком 1938 г., запечатлевшей Ашуру в момент выхода из самолета. Черты лица, прическа, пластика рук девушки с фотографии 1938 г. очень схожи с танцовщицей на фотографии из собрания ГИМ. «Стремительная, живая, с блестящими от восторга глазами, с движениями, исполненными изящества и грации»³⁹. Тогда на республиканском смотре А. Насырова заняла первое место и была приглашена в Сталинобадский колхозный театр. А в августе 1939 г. вместе с театром она прибыла для выступлений в Москву⁴⁰. Скорее всего, Ашура Насырова и стала героиней фотографии, находящейся сейчас в фонде Исторического музея (рис. 4).

Колхозная площадь была также местом проведения массовых спортивных и оборонных мероприятий. Здесь состоялись дни спортивных обществ «Динамо», «Спартак», «Локомотива», «Крыльев Советов», во время которых шли показательные выступления атлетов — борцов, гимнастов, штангистов, гиревиков, в том числе спортсмен-любителей из подшефных подмосковных совхозов. Также были организованы товарищеские встречи на волейбольных, баскетбольных площадках и теннисных кортах спортивного городка. Открытие 12 августа этого спортивного городка было особенно зрелищным. 1500 физкультурников прошли через всю выставку парадным маршем, демонстрируя умение на ходу обращаться с шестом и винтовкой. Затем на Колхозной площади из шестов были сооружены турники, на которых гимнасты выполняли упражнения. А отряд бойцов-пограничников показал зрителям выставку штыковой бой. Запомнилось зрителям и показательное выступление мотоциклистов и велосипедистов. 18 августа студенты института физической культуры им. И.В. Сталина и физкультурники добровольного общества «Крылья Советов» «в центре на огромном пространстве площади Колхозов, залитом асфальтом, демонстрировали посетителям выставки «умение управлять мотоциклом в любом положении, прыжки на мотоцикле с трамплина, преодоление препятствий,

Рис. 4. Страница из журнала «Советский Союз». 1953. № 5. С. 10. ГИМ. ОКФ

перевозку раненых и десанта»⁴¹. На Колхозной площади проходили и торжественные старты велосипедных кроссов.

Был использован и зал здания Управления выставки. В августе там был организован шахматно-шашечный турнир, в котором принимали участие победители первенств союзных республик. Игра проходила в здании Управления выставки ежедневно с 11 до 3 часов дня. Закончился турнир 25 августа победой «т. Колесенко (БССР) и Лукьянчикова (РСФСР), разделившими между собой 1 и 2 места»⁴².

7 августа посетители ВСХВ оказались еще и зрителями авиационного шоу. «Пятерка истребителей, возглавляемая майором тов. Якушиным продемонстрировала над территорией выставки фигуры высшего пилотажа», «участники и посетители ВСХВ с восторгом следили за мастерскими полетами пятерки скоростных красных истребителей. Машины то круто взмывали вверх, то с высоты стре-

нительно пикировали вниз»⁴³. 18 августа во время праздничных мероприятий, посвященных Дню авиации, над выставкой пролетела эскадрилья истребителей. «Из павильонов высыпали сотни посетителей посмотреть на быстрые, красивые машины, которые уверенно вели сталинские соколы»⁴⁴. Авиационная техника активно использовалась и в международной выставочной практике. В июле 1938 г. Москва была включена в маршрутный лист скоростного кругосветного перелета известного американского летчика Говарда Юза и принимала его двухмоторный самолет «Локхид-14», названный «Нью-Йоркская международная выставка 1939 г.».

25 октября 1939 г. ВСХВ завершила свой первый сезон, правда мероприятия, рассчитанные на летний период, закончились раньше. Подводя итоги проделанной работы ВСХВ Б.М. Филиппов в интервью газете «Советское искусство» довольно тактично резюмировал ситуацию, сложившуюся со зрелищными площадками: «... К оборудованию зрелищных площадок строители выставки отнеслись недостаточно серьезно». Он предложил исправить ряд крупных недоделок: в Зеленом театре «расширить зрительный зал, так как при существующем количестве мест перенос сюда массовых постановок московских театров потребовал бы огромной государственной дотации»; превратить концертную эстраду в закрытую площадку, сделав «над местами для зрителей хотя бы брезентовый навес»; поменять конструкцию эстрадного помоста на Колхозной площади⁴⁵. В сезоне 1939 г. руководители зрелищных предприятий выставки вынуждены были работать в экстремальных условиях нехватки сценических площадок. Главный выставочный комитет и дирекция ВСХВ специальным приказом отметили руководителей, проявивших особую энергию и инициативу в работе по художественному обслуживанию посетителей. В этом приказе были упомянуты: Б.М. Филиппов — уполномоченный Комитета искусств при СНК СССР, его заместитель Ф.А. Трегубенков; В.П. Беллер — начальник управления цирка ВСХВ, В.А. Логвинов — начальник строительства цирка ВСХВ; Е.Б. Галантер — заведующий бюро художественного обслуживания ВСХВ, М.З. Костина — директор Зеленого театра ВСХВ; С.И. Евкин — директор Всесоюзного дома народного творчества им. Н.К. Крупской⁴⁶. Сложно приходилось и самим исполнителям, иногда график выступлений был составлен очень плотно и артисты просто «валились с ног» от усталости. Директору художественно-зрелищных предприятий ВСХВ Л.Б. Орловскому предстояло отвечать за проведение мероприятий следующего летнего сезона 1940 г., а зрелищным предприятиям выставки учесть выявленные недостатки и недоработки первого сезона⁴⁷.

- 1 «С 1 августа по 1 октября будет дано 219 спектаклей, концертов и цирковых представлений, в том числе 29 детских утренников». См.: Советское искусство. 1939. 2 июня. С. 4.
- 2 «К строительству Зеленого театра, где должен был происходить всесоюзный смотр народного творчества, еще не приступали. Что касается сооруженного в прошлом году закрытого театра, в помещении которого намечался смотр колхозных театров, то у дирекции выставки имеются намерения использовать его под кино». См.: Советское искусство. 1939. 16 апреля. С. 4.
- 3 Советское искусство. 1939. 14 июля. С. 4.
- 4 Вечерняя Москва. 1939. 11 июля. С. 2; Советское искусство. 1939. 24 июля. С. 4.
- 5 Вечерняя Москва. 1939. 31 июля. С. 1.
- 6 Вечерняя Москва. 1939. 8 августа. С. 2.
- 7 Вечерняя Москва. 1939. 8 августа. С. 1.
- 8 *Вишневский В.* 25 лет советского кино. М., 1945. С. 97.
- 9 Советское искусство. 1939. 9 августа. С. 4.
- 10 Вечерняя Москва. 1939. 7 августа. С. 2.
- 11 Правда. 1939. 2 августа. С. 6; Вечерняя Москва. 1939. 4 августа. С. 1. (Не всегда в анонсах зрелищных мероприятий выставки указывалась площадка, чаще писали: «на ВСХВ»).
- 12 Советское искусство. 1939. 14 сентября. С. 4.
- 13 «Цирк открылся вчера», — писала газета «Советское искусство». См.: Советское искусство. 1939. 9 августа. С. 4.
- 14 Декада московских зрелищ, 1939. № 24. С. 11.
- 15 Курс деревянных конструкций. М.-Л., 1943. Ч. 2. С. 488—489.
- 16 Декада московских зрелищ, 1939. № 24. С. 11.
- 17 Вечерняя Москва. 1939. 10 августа. С. 3.
- 18 *Жуков А.Ф.* Архитектура Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. М., 1939. С. 62.
- 19 Там же.
- 20 Советское искусство. 1939. 27 июня. С. 4.
- 21 ОПИ ГИМ 108340/167. Ф. 526. Ед. хр. 6. Л. 42—43.
- 22 Советское искусство. 1939. 27 июня. С. 4.
- 23 Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. 1939. 18 августа. С. 4.
- 24 Советское искусство. 1939. 18 августа. С. 4.
- 25 Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. 1939. 28 августа. С. 2.
- 26 Специальный киномонтаж подготовила Московская фабрика кинохроники.
- 27 Организационной работой по подготовке этого действия занимался московский областной Дом колхозной художественной самодеятельности. См.: Советское искусство. 1939. 18 августа. С. 4.
- 28 Советское искусство. 1939. 29 августа. С. 4. Предполагалось включение территории парка состав ВСХВ. Уже в следующем сезоне эта территория и Зеленый театр вошли в состав выставки.
- 29 «Из-за того, что Зеленый театр не готов, приходится систематически переносить выступления ансамблей художественной самодеятельности на сцену Зеленого театра ЦПКиО им. Горького и другие эстрадные площадки на территории выставки». См.: Советское искусство. 1939.

18 августа. С. 4. «За работу по проведению показа народного творчества союзных республик на ВСХВ Комитет по делам искусства объявил благодарность коллективу Всесоюзного дома народного творчества им. Крупской и даже премировал лучших сотрудников». См.: Советское искусство. 1939. 14 сентября. С. 4.

- 30 Советское искусство. 1939. 18 сентября. С. 4.
31 СССР на стройке. 1939. № 9. С. 3, 30.
32 Белорусская ССР на ВСХВ 1939 года. М., 1939. С. 84.
33 ГИМ 112512/2. ФМЛ. ФОЛ-16195.
34 ГИМ 112512/3. ФМЛ. ФОЛ-16196.
35 Вечерняя Москва. 1939. 10 августа. С. 1.
36 Правда. 1939. 16 августа. С. 6.
37 Советское искусство. 1939. 18 августа. С. 2.
38 Советский Союз. 1953. № 5. С. 8—10.
39 Там же.
40 В 1940 г. Ашура Насырова становится ведущей танцовщицей Таджикской государственной филармонии. В 1941 г. она была награждена «за выдающиеся заслуги в деле развития таджикского театрального и музыкального искусства» орденом «Знак Почета».
41 Правда. 1939. 19 августа. С. 6.
42 Правда. 1939. 26 августа. С. 1.
43 Вечерняя Москва. 1939. 8 августа. С. 1.
44 Правда. 1939. 19 августа. С. 6.
45 Советское искусство. 1939. 18 сентября. С. 4.
46 Советское искусство. 1939. 24 сентября. С. 3.
47 Вечерняя Москва. 1940. 4 февраля. С. 3.

Тульский и Киевскийклады в собрании Оружейной палаты. Новые архивные документы и проблемы атрибуции

Тульский клад известен мало¹, история его находки исследована не была. При поступлении в Оружейную палату в 1881 г. в инвентаре была сделана следующая краткая запись: «... От Гг. Вознесенских в дар Оружейной палате... [предметы] внесены по Высочайшему повелению, объявленному Господином Министром Императорского Двора от 1 июня 1881 г. за № 1178»². Нам удалось найти переписку, предшествующую передаче клада на хранение в музей и прояснить обстоятельства его находки³. Серебряные украшения были найдены на земле графа Алексея Павловича Бобринского (1826—1894), владельца родовой усадьбы Бобрики Тульской губернии, в той части его земель, которую арендовали ефремовские купцы братья Василий Иванович и Петр Иванович Вознесенские. Точная дата находки в документах не отражена. Несколько лет вещи оставались у П.В. Вознесенского, пока известие о кладе не дошло до губернского предводителя дворянства Федора Александровича Свечина. В 1880 г. он запросил у Вознесенских найденные вещи и через графа Бобринского они были переданы в Оружейную палату.

15 октября 1880 г. Свечин по просьбе директора Оружейной палаты Аркадия Александровича Талызина обратился к господам Вознесенским для уточнения обстоятельств находки клада. 30 октября 1880 г. П.И. Вознесенский ответил Свечину: «Ваше превосходительство Милостивый Государь Федор Александрович! Более десяти лет тому назад, но в каком году не помню, арендуя землю графа Бобринского, что при хуторе Михайловском, в 8 верстах от памятника Куликовского поля по направлению к р. Красивой Мечи, я вспахал под осень залежь плугами, а весной много народа из с. Крестов и д. Панских Выселок бороновали эту землю поденно при моем прикащике; — и тут-то выбороновали серебро, о котором Ваше превосходительство спрашиваете. Все найденное серебро было разобрано

работавшими крестьянами. Через несколько дней я с трудом скупил найденные вещи у крестьян упомянутых деревень»⁴. Из этого же письма стало известно, что изначально клад был больше — в него входили подвеска и крест, подаренные П.И. Вознесенским Александре Михайловне Веригиной, супруге Федора Николаевича Челищева (1811—1881), статского советника и камергера, возможно, владевшего по соседству землями — Челищевы числятся среди землевладельцев Тульской губернии. «Затем из них две части, кисть и крест, были мною подарены через г. Лукина Супруге Г-на Ф.Н. Челищева. Остальное, — писал Вознесенский, — все без остатка, передано Вам. Место, где найден клад, я могу указать лично. Вот все, что я знаю и помню и о чем спешу уведомить Ваше превосходительство на письмо Ваше от 15 октября»⁵.

Понимая всю важность находки, Его Превосходительство Федор Александрович Свечин без промедления пишет послание директору Оружейной палаты Аркадию Александровичу Талызину 16 ноября со следующими пояснениями: «Милостивый государь, Аркадий Александрович! Получив почтеннейшее письмо Ваше, от 9 октября за № 108, я обращался письменно к Гг. Вознесенским относительно переданных Вам через графа Бобринского вещей, — и в настоящее время препровождаю Вам только что полученный мною ответ Гг. Вознесенских — в подлиннике. Предлагая Вам свои услуги для дальнейших исследований, по Вашим указаниям, прошу Вас принять уверения совершеннейшего почтения и преданности Вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги, Ф. Свечина»⁶.

Глава музея в своем ответе предводителю тульского дворянства формулирует уточняющие вопросы к П.И. Вознесенскому: «Милостивый государь, Федор Александрович! В ответ на письмо Ваше от 16 ноября 1880 года, с приложением разъяснений Г. Вознесенского по поводу находки поступивших в Оружейную палату чрез Ваше посредство древних серебряных вещей, мне осталось выразить Вам глубочайшую признательность от заведуемого мною учреждения. Но так как Вам благоугодно было в том же письме высказать готовность содействовать дальнейшим разъяснениям этого любопытного вопроса, я позволю себе обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбою, не найдете ли удобным попросить разъяснения у г-на Вознесенского по нижеследующим вопросам. 1) На гладкой ли поверхности земли или в насыпи выпавшей серебряные вещи? На последнее, по-видимому, указывает готовность Г-на Вознесенского указать самое место находки. В научном отношении весьма важно решить этот вопрос потому, что этим определяется: была ли то могила или прямо зарытый клад. В по-

следнем отношении было бы важно узнать, не найдены ли следы какого-нибудь сосуда, котла, горшка и проч., в который были спрятаны вещи. В первом — не найдены ли кости человека, были ли вещи разбросаны или вместе, в одной кучке сложены. 2) Что разумеет Г-н Вознесенский в словах: *две части клада*? Две ли только вещи, которые называет он *крест* и *кисть*, или еще что иное? Что разумеет он же под именем *крест*? Такое ли точно украшение крестообразной формы, какое имеется в числе поступивших в Палату, или нечто другое? Если другое, то желательно было бы иметь более подробное сведение и, если можно, какой-нибудь рисунок с этого предмета. Хотя прошло, как оказалось, слишком 10 лет со времени находки, тем не менее, желательно бы было узнать, нет ли возможности отыскать и приобрести у крестьян еще кое-что из попавшихся в их руки вещей, и во всяком случае, получить от них какие-нибудь сведения о полном составе всего найденного. В ожидании, согласно великодушному вызову Вашему, благосклонного ответа, имею честь быть Вашего Превосходительства»⁷.

Ответ от ефремовского купца Петра Ивановича Вознесенского пришел только через полгода. Арендатор уточнил, что: «1) Вещи эти найдены на земле графа Бобринского близ села Крестов Богородицкого уезда верстах в 8-ми от Куликова поля, на местности совершенно ровной», без признаков могильного захоронения, «скорее можно предположить, что это был зарытый клад, ...вещи все эти находились в одной кучке... » 2) «Две вещи подарены мною госпоже Челищевой»... 3) «Все вещи, которые были найдены, без остатка, куплены мною у крестьян, за исключением вышеупомянутых двух вещей, все представлены в Палату»⁸.

Параллельно с запросом в тульскую губернию, директор Оружейной палаты направил донесение в Московскую Дворцовую контору и в июле 1881 г. получил разрешение принять в собрание предметы, найденные «у берегов Красной Мечи и пожертвованные Петром Василием Вознесенскими»⁹: «Г-н Министр Императорского Двора предложением от 19 июня за № 1178, уведомил меня, что Государь-император высочайше повелеть изволил принесенные в дар Московской Оружейной палате землевладельцами Епифановского уезда Тульской губернии Петром и Василием Вознесенскими серебряные вещи... принять в сию палату, с запискою по описи, благодарить от имени его Имп. В-ва поименованных жертвователей за таковое их приношение, вместе с сим, сообщено мною Тульскому Губернскому предводителю Дворянства Исполняющий должность обер-гофмейстера, гр. Ламсдорф». На письме пометы об исполнении трех почерков: 1) «Вещи внести в опись, и по внесении их,

доставить в Дворцовую контору выписку из описи для внесения тех же вещей в копию описи, хранящейся в Дворцовой конторе»¹⁰.

Это распоряжение было сразу же исполнено и уже 3 июля «Выпись древним серебряным вещам, принесенным в дар Оружейной палате Г.г. Вознесенскими, (внесенными в Опись Оружейной палаты под № 9484—9493)», составленная Г. Филимоновым, была отправлена в Московскую Дворцовую контору¹¹. В архиве хранится черновик этого документа, составленного Г. Филимоновым. Именно этот текст вошел в Опись 1893 г.¹² Изучение клада как комплекса впоследствии не проводилось. В своем фундаментальном труде «Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода», не утратившем своей актуальности и по сей день, Н.П. Кондаков пишет о наличии клада в Оружейной палате и перечисляет его состав (с. 209 в нижней сноске)¹³.

А.С. Гущин в книге 1936 г. «Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв.» представляет черно-белое воспроизведение клада в таблице с упоминанием о нем в тексте¹⁴.

Г.Ф. Корзухина в своей книге «Русские клады IX—XIII вв.» перечисляет предметы из клада и приводит (табл. LX) иллюстрацию с реконструкцией возможного положения девяти бусин, и подвески (колта) с изображением птиц¹⁵.

В многочисленных работах исследователей второй половины XX — начала XXI в. — искусствоведов, археологов и ювелиров — украшения клада приводятся как аналогии и примеры применения ювелирных техник, рассматриваются подвески и колт из Тульского клада в контексте развития ювелирного искусства VIII—XIV вв.

Н.В. Жилина в книге «Древнерусские клады IX—XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений», подводя итог прежних своих публикаций, перечисляет предметы клада, относя каждое украшение к разным типам, разработанной ею классификации декора ювелирных украшений домонгольского периода¹⁶.

Также в Оружейной палате экспонируются две пары серег из так называемого Киевского клада 1846 года¹⁷. Нам удалось найти переписку, предшествующую передаче украшений в музей. 7 марта 1846 г. директору Оружейной палаты было направлено письмо Президента Московской дворцовой конторы, из которого следует, что клад был более многочислен, помимо серег в него входили — крест, два браслета (запястья) и гривна:

«Господину Директору Московской Оружейной Палаты. Г. Генерал-Адъютант Адлерберг¹⁸ при отношении своем от 27 минувшего февраля за № 308, препроводил ко мне по Высочайшему повелению, для хранения в Оружейной палате, поднесенные Его Величеству

отставным Гвардии поручиком Александром Анненковым¹⁹ древние вещи, найденные в земле, в принадлежащем ему саду в г. Киеве, близ Десятинной церкви, а именно: серебряный крест, две пары золотых серег, два золотых перстня, одну пару серебряных запястьев и Киевскую серебряную гривну. Препровождая при сем к Вашему превосходительству означенные вещи, для хранения в Оружейной палате, прошу покорнейше о получении оных меня уведомить. Президент Московской Дворцовой конторы и обер-гофмейстер князь Александр Урусов²⁰. 1846 г. марта 7»²¹.

В докладной записке от 11 марта 1846 г. директор Оружейной палаты рапортовал о получении этих вещей и помещении их в Оружейной палате «вместе с прочими вещами»²².

В Книге новых поступлений 1836—1853 гг. эти предметы были внесены 7 марта 1846 г. (№ 206—212) в Опись Московской Оружейной палаты для записи вновь поступающих вещей с 1836 по 1853 г.

«Крест серебряный, местами наведенный зеленою и черною финифтью, которая частию выкрошилась. На оконечностях размещена в клеймах славянская надпись, молитва: „Да воскреснет Бог“ — а около изображения креста: „Кресту твоему“. [На поле пометы карандашом: *Есть*]. „3 зол.“ „Две пары серег золотых, сканной работы, с тремя каждая пуговицами. На одной паре сии пуговицы прорезные || насквозь, а на другой глухие“. [На поле пометы карандашом: *Есть*]. „16 зол.“ „Два перстня золотые, из которых верх каждого оканчивается шестигранною площадью с изображениями грубою резьбою львов; у одного по граням находятся небольшие гвоздки“. [На поле пометы карандашом: *Есть?*]. „5¹/₂ зол.“ „Пара серебряных браслет или запястьев, витые; на оконечностях с небольшою порезкою“ [На поле пометы карандашом: *Есть?*]. „34 зол.“ „Гривна Киевская серебряная шестиугольная продолговатая. Весу в ней:“ [На поле пометы карандашом: *Есть?*]. „38 зол.“ „Сии вещи найдены в Киеве, близ Десятинной церкви, в саду, принадлежащем Г. Анненкову, которым и поднесены Государю Императору в 1846 году. В палату поступили по Высочайшему повелению в 1846 году марта 7 дня“»²³.

Под описанием другим почерком и другими чернилами — подпись: *Директор Загоскин*.

Пометки на полях о наличии предметов в коллекции сделаны до 1884 г., видимо, при сверке. Поставленные знаки вопроса напротив перстней, пары серебряных браслетов свидетельствуют о том, что они уже отсутствовали в коллекции. Вопрос с гривной остается открытым. Возможно, она была передана по запросу в Румянцевский музей (документы уточняются) и сейчас находится в одном из музеев.

В 1850—1851 гг. формировалось особое отделение Оружейной палаты — коллекция документов, известная как «Государственное древлехранилище хартий и рукописей, находящееся в ведении управляющего Московского главного архива Министерства Иностранных дел». Согласно «Положению», утвержденному в 1853 г., в «Государственном древлехранилище хартий, рукописей и печатей» были отобраны предметы, относящиеся к допетровскому времени²⁴.

В ведомости о предметах, следующих к передаче из Оружейной палаты в Государственное древлехранилище Хартии рукописей и печатей 1851 г., упомянуты «два перстня золотые, из которых верх каждого окантован шестигранною площадью с изображением львов; у одного по грани находятся небольшие гвозди. Сии перстни найдены в Киеве, близ Десятинной церкви с саду, принадлежащем Г. Анненкову которым и поднесены Государю Императору в 1846 году. В Оружейную палату поступили по высочайшему повелению в 1846 году марта 7 дня»²⁵.

В 1882 г. Древлехранилище было перевезено в помещение Московского Главного архива Министерства иностранных дел (МГА-МИД), в составе которого оно находилось вплоть до 1917 г. В состав Государственного архива РСФСР хартии и рукописи были включены в 1920 г. Печати были переданы в различные музеи. Есть все основания предполагать, что один из перстней находится в Государственном Русском музее. Представленный в каталоге выставки «Клады Древней Руси в собрании Русского музея» перстень — печать с изображением льва (Инв. БК-2785) второй половины XII (?) в. полностью совпадает с описаниями выше перечисленных документов²⁶.

В печатной описи 1884 г. две пары серег этого клада открывают раздел «Земляные находки Нового собрания»: № 3385 «Серег пара золотых, с тремя круглыми сканными репьями, надетыми на большое кольцо, обвитое у репьев сканюю провололочкой. Вес одиннадцать золотников»; № 3386 «Серег пара золотых, звездообразных, дутых, с поднятою в виде репья круглою серединою, обложены скантю, концы пяти дутых лучей с одной стороны горшчатые, с другой, среди круга с выбитым знаком наподобие скорописной буквы А. Весу восемь с половиною золотников»²⁷.

О судьбе трех вещей из клада, не вошедших в опись 1884 г., пока ничего не известно. Имеем предположение, что, возможно, они поступили в другие музеи. Вероятно, в Румянцевский²⁸.

Из запроса от министерства народного просвещения от директора Московского публичного и Румянцевского музеев от 12 мая 1868 г. Алексею Фомичу Вельтману мы узнаем, что: «Осмотрев внимательно различные собрания, вошедшие в состав состоящей под

Вашим ведением Оружейной палаты, позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству со следующим предложением. В Оружейной палате хранятся различные древности, известные там под именем ископаемые. Они состоят из предметов, открытых Гр. Уваровым, Савельевым, Погодиным, Карабановым и другими в курганах и насыпях Российской империи, как то: орудий (топоров и молотков), относящихся к каменному веку, бронзовых женских туалетных украшений (монист, серег, подвесок, обручей и т.д.), бронзовых и медных орудий, монет и т.п. вещей. Эти предметы, имея цену только в глазах археологов, по месту находки, не стоят ни в какой связи с прочими драгоценными единственными коллекциями Оружейной палаты, каковы собрания царских регалий, серебряных кубков и древних вооружений. Все достоинство в вышеупомянутых предметах лежит в научном значении, которое они могут приобрести, находясь в связи с существующим уже собранием подобного рода и характера. Московский Публичный музей, состоящий под моим ведением, уже имеет подобного же характера собрание. Он имеет нумизматический отдел, в который могли бы войти немногие монеты и медали, находящиеся в Оружейной палате и лишенные всякой систематической полноты. Он имеет обширное собрание доисторических древностей, каковы орудия каменного века из Швеции, Германии, Франции, Швейцарии и России; предметы бронзового века из различных стран Европы, России и Сибири. Присоединение предметов этого рода, находящихся в Оружейной палате, к собраниям Московского Публичного Музея не только послужило бы к обогащению этого столь полезного учреждения, но и к пользе науки: собрания, не приносящая ныне прямой пользы, могли бы соединенные в одно систематическое целое, обогатить новыми результатами науку отечественных древностей и познакомить с нею образованную публику. По этому обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою, не найдете ли Вы возможным представить на благоусмотрение высшего начальства вопрос о присоединении монет и ископаемых древностей к собраниям Московского Публичного музея, предоставляя выбор предметов на Ваше благоусмотрение. В ожидании благосклонного ответа, покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершеннейшем почтении и преданности».

В литературе клады, найденные в 1840-е гг. в Киеве при строительстве Десятинной церкви, считаются самостоятельными находками строителя церкви и владельца соседней с ней усадьбы А.С. Анненкова²⁹. Всего с именем А.С. Анненкова связано около пяти групп вещей, найденных в 1840-е гг. на его землях. До публикации книги

Г.Ф. Корзухиной в 1954 г. все они считались самостоятельными находками. Исследователь (автор книги) предположила, что: «Есть, однако, все основания думать, что эти маленькие клады, разосланные им в разные музеи, на самом деле являются частями одного большого клада 1842 г. Отобрав полтора десятка вещей из того огромного сокровища, которое было найдено около Десятинной церкви, и разделив их примерно на равные части, А.С. Анненков послал их в Оружейную палату, в Московский университет и в Киевский исторический музей. Кроме того, три вещи какими-то путями попали в коллекцию А.С. Уварова»³⁰.

В работах искусствоведов, археологов, технологов второй половины XX — начала XXI в. обе пары серег фигурируют как аналогии или примеры использования ювелирных техник. Наиболее подробно о типологии и предыстории серег данного типа написала С.С. Рябцева в книге «Русский ювелирный убор»³¹. По ее мнению в IX—XIII вв. мы имеем дело со всплеском моды на украшения, хорошо известные еще в античности и популярные как у греков, так и у варваров³². К подобным украшениям относятся и трехбусинные серьги, бусины которых могут быть как гладкими, так и ажурными или украшенными алмандиновыми вставками, зернью³³.

Важно отметить, что Александр Семенович Анненков — владелец обширной усадьбы в Киеве. Став хозяином земли, на которой находились остатки Десятинной церкви, Анненков завел знакомство с митрополитом Киевским и Галицким Евгением Болховитиновым, считающимся одним из первых исследователей истории Города, и отставным чиновником Кондратием Андреевичем Лохвицким — родоначальником системного подхода в археологическом изучении Киева. Современники высоко ценили деятельность Анненкова. В 1841 г. он был награжден орденом св. Владимира. Увы, но через десятилетия выяснилась и другая, теневая сторона жизни Александра Семеновича. Оказалось, что в музей попадала только незначительная часть находок. Вещи из подземных тайников он сложил в два больших мешка и тайно вывез на свой хутор в Полтавскую губернию. Догадываясь об их истинной ценности, он, тем не менее, обращался с находками довольно бесцеремонно. Его дети совершенно свободно играли с золотыми древнерусскими украшениями: мелкими изделиями они «засевали» огород, бросали их в колодец, а золотые шейные гривны одевали на домашних собак вместо ошейников. Умереть в роскоши А.С. Анненкову так и не довелось. Он не сумел даже выгодно продать клад: быстро все промотал, проигрался в карты и закончил свои дни в долговой тюрьме. Ходили даже слухи, что золотые сосуды и украшения были им переплавлены

и проданы за бесценок. К счастью, отдельные предметы все же попали в музейные и частные коллекции, также среди последних переданных находок уже встречались вызывающие сомнения в древности происхождения (МР-999/1—2 ММК). Выполненные зачастую небрежно, с заменой трудоемкой характерной для ранних периодов кропотливой техники крепления каждой детали, «ложными» и даже штампованными, небрежно обрезанными (с необработанными краями) деталями.

В заключение отметим, что приведенные документы имеют большое значение не только для истории клада, введение этих материалов в научный оборот расширяет представление об особенностях комплектования Московской оружейной палаты в последней четверти XIX столетия.

- ¹ Инв. № МР-1012. Подвеска; Инв. № МР-1003. Колт; Инв. № МР-1004/11—3. Бусины; Инв. № МР-1001. Подвеска; Инв. № МР-1002. Подвеска; Инв. № МР-1013. Подвеска — Россия, XII—XIII вв.
- ² В первоначальной описи, рукописной, о нем сказано: ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Л. 19 об. В печатной описи под № 9484—9492 он записан: «Клад из серебряных украшений IX столетия, выкопанный крестьянами Тульской губернии, Богородицкого уезда, близ села Кресты, на берегу Красной Мечи <...>. Клад поступил в 1881 г. от Тульских землевладельцев г. Вознесенских, скупивших его по рукам у крестьян...». ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 37. В первоначальной, рукописной описи о нем сказано: «Поступил от Гг. Вознесенских в дар Оружейной палате и внесены по Высочайшему повелению, объявленному Господином Министром Императорского Двора от 1 июня 1881 г. за № 1178» ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Л. 19 об.
- ³ Согласно Г.Ф. Корзузиной, клад был найден в 1876 г., но на чем основаны эти сведения, указано не было. См.: *Корзухина Г.Ф. Русскиеклады IX—XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 141.*
- ⁴ ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90 — Переписка (входящая) Оружейной палаты ... о передаче ... в Оружейную палату. 20.10.1831—30.12. 1883 г. 1880 г. октября 30. — Письмо Петра Вознесенского тульскому губернскому предводителю дворянства Ф.А. Свечину с объяснениями обстоятельств находки серебряных вещей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 503—503 об.
- ⁵ ОРПГФ ГММК Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. — Переписка (входящая) Оружейной палаты ... о передаче ... в Оружейную палату. 20.10.1831—30.12. 1883 г. 1880 г. октября 30. — Письмо Петра Вознесенского тульскому губернскому предводителю дворянства Ф.А. Свечину с объяснениями обстоятельств находки серебряных вещей. ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 503—503 об.
- ⁶ 1880 г. ноября 16. Письмо тульского губернского предводителя дворянства Ф.А. Свечина директору Оружейной палаты Аркадию Александровичу Талызину о направлении к нему письма Г-на Вознесенского с объяснениями обстоятельств находки серебряных вещей. (Подлинник. Руко-

- пись черными чернилами. Автограф Ф.А. Свечина). ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 502.
- 7 Письмо директора Оружейной палаты Аркадия Александровича Талызина (тульскому губернскому предводителю дворянства, писателю и коннозаводчику) Федору Александровичу (Свечину). 1881 г. января 20. — (№ 13) 20. Оп. д/р. Д. 192. Л. 2—2 об.
- 8 1881 г. августа 1. — Письмо Тульского губернского предводителя дворянства Ф.А. Свечина Директору Московской Оружейной палаты (в ответ на письмо от 20 января 1881 г. с препровождением объяснений ефремовского купца Петра Ивановича Вознесенского относительно вещей, найденных близ Куликова поля, составленных 7 июня 1881 г. (Подлинник с автографом Ф.А. Свечина). ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 554; 1881 июня 7 — Объяснения ефремовского купца Петра Ивановича Вознесенского относительно вещей, найденных близ Куликова поля, по запросу Тульского губернского предводителя дворянства Ф.А. Свечина. (Подлинник с автографом П.И. Вознесенского). ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 555—556.
- 9 1881 июля 1. — Письмо из Московской дворцовой конторы Директору Оружейной палаты о Высочайшем разрешении принять в собрание Оружейной палаты вещи, найденные у берегов Красивой Мечи и пожертвованные Петром и Василием Вознесенскими. ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 553.
- 10 ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 553.
- 11 Отнош.: в Моск. Двор. Контору от 3 июля за № 117. 1881 г. июля 3 — Выпись древним серебряным вещам, принесенным в дар Оружейной палате Г.г. Вознесенскими, [внесенными в Опись Оружейной палаты под № 9484—9493] ОРПГФ ГММК. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 192. Л. 27—27 об. «Составил Г. Филимонов 1881 июля 3 дня».
- 12 В печатной описи под № 9484—9492 записано: «Клад из серебряных украшений IX столетия, выкопанный крестьянами Тульской губернии, Богородицкого уезда, близ села Кресты, на берегу Красной Мечи <...>. Клад поступил в 1881 году от Тульских землевладельцев г. Вознесенских, скупивших его по рукам у крестьян. Первоначальные сведения о происхождении из Ефремовского и Епифановского уездов теперь изменены, вследствие более тщательных расследований». Против описания этих предметов запись чернилами рукой Д.Д. Иванова: *Н. Кондаков. «Русские клады» т. I, СПб., 1896, стр. 209.* ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 37. В первоначальной, рукописной описи, о нем сказано: «Поступил от Г.г. Вознесенских в дар Оружейной палате и внесены по Высочайшему повелению, объявленному Господином Министром Императорского Двора от 1 июня 1881 г. за № 1178». ОРПГФ ГММК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Л. 19 об.
- 13 *Кондаков Н.П.* (1844—1925). Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода / [соч.] Н. Кондакова, заслуженного проф. Императорского Санкт-Петербургского ун-та. Санкт-Петербург: издание Императорской археологической комиссии, 1896. Т. 1. (Вышел только т. 1).
- 14 *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. / Гос. акад. истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. [Moscou]; [Leningrad]: Гос. соц. экон. изд-во. Ленингр. отд-ние, 1936. (Л.: тип. «Печатный двор»).

- 15 Корзухина Г.Ф. Русскиеклады IX—XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 140—141. Табл. LX.
- 16 Жилина Н.В. Древнерусскиеклады IX—XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений / РАН, Ин-т археологии. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. С. 304. Рис. Клад № 157, № 5 а, 5 б.
- 17 Музеи Московского Кремля: Инв. № МР-999/1—2 серьги, пара — Россия, XII—XIII (?), XIX (?) вв.; Инв. № МР-1000/1—2 серьги, пара — Россия XII—XIII (?), XIX (?) вв.
- 18 Граф Владимир Федорович Адлерберг 1-й (1791—1884), приближенный Николая I, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в 1852—1870 гг. — министр двора и уделов.
- 19 Александр Семенович Анненков (?—1850-е) — владелец обширной усадьбы в Киеве. См.: *Захарченко М.М.* Киев теперь и прежде. Киев: Паровое Лито-Типографическое заведение С.В. Кульженко, 1888. С. 306; *Закревский Н.В.* Описание Киева. В 2 т. / Напечатано иждивением Московского Археологического общества. М.: Типография В. Грачева, 1868. С. 95.
- 20 Князь Александр Михайлович Урусов (1766—1853), обер-камергер, с 1835 г. — президент Московской Дворцовой конторы. На период президентства Урусова пришлось большие строительные работы в Большом Кремлевском дворце в Московском Кремле.
- 21 Предложение Президента Московской Дворцовой конторы директору Оружейной палаты от, с препровождением найденных в г. Киеве, в земле, вещей: серебряного креста, двух пар золотых серег, двух золотых перстней, одной пары серебряных запястий и Киевской гривны. № 11-й 7 марта 1846 г. (Подлинник. Рукопись черными чернилами, писарской скорописью, с автографом князя А. Урусова). ОРПГФ ММК Музеев Кремля. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 148.
- 22 Докладные записки директора Оружейной палаты в Московскую Дворцовую контору. ОРПГФ ММК Музеев Кремля. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 29. Л. 2.
- 23 Фонд 20. 1836—1853. Ед. хр. 44. Опись Московской Оружейной палаты для записи вновь поступивших вещей. 1836—1853 гг. С. 58—59. ОРПГФ ММК Музеев Кремля. Ф. 20. Оп. д/р. Д. 44. Л. 29 об.—30.
- 24 Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Под ред. д-ра ист. наук проф. Л.В. Черепнина; сост. В.Н. Шумилова. М., 1971; РГАДА. Ф. 180. Оп. 10. Д. 1. Л. 40—40 об.
- 25 Ф. 20. 1852. Ед. хр. 209. С. 52 об.
- 26 Клады Древней Руси в собрании Русского музея / Русский музей; [авт. ст., сост. каталога и аннотаций Светлана Новаковская-Бухман; фот. Владимир Дорохов, Сергей Петров, Марк Скоморох]. Санкт-Петербург: Русский музей: Palace ed., 2015. С. 72.
- 27 Киевский клад: 3385—3386 ОП. Про эти две золотые пары серег о их происхождении сказано: «№№ 3385—3386 из раскопок г. Анненкова в его саду, близ Десятинной церкви в Киеве, в 1846 году». См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 2. Кн. 3: Посуда раковинная, костяная, каменная, кокосовая и проч. Древняя домашняя утварь. Мебель и одежда. М.: Тип. общества распространения полезных книг, 1884. С. 156—157.
- 28 Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. С. 98—99. Запрос из министерства народного просвещения от директора Московского публичного и Румянцевского музеев от 12 мая 1868 г. Алексею Фомичу Вельтману. Разрешение Государя Императора от 2 августа 1868 года».

- ²⁹ «Первый клад 1842 года, обнаруженный в толще стены погребца, состоящий из золотых сосудов и золотых колтов с эмалевым декором. Мелкие вещи занимали два больших ящика комода. На некоторых вещах были «цветные изображения человеческих лиц на манер святых». Игравшие ими дети бросали их в огород, колодцы, сажалку, делали ошейники собакам». См. подробнее: *Кондаков Н. П.* История и памятники Византийской эмали: Из собрания А. В. Звенигородского СПб., 1892. Табл. 20 и 21. *Кондаков Н. П.* Русские клады. Санкт-Петербург: издание Императорской археологической комиссии, 1896. Т. 1. 1896. Рис. 107, 108.
- ³⁰ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. ... 1954. С. 105—108. № 65 А. «В 1846 г. На усадьбе А. С. Анненкова, прилегающей к Десятинной церкви, при производстве владельцем усадьбы раскопок, был найден клад, в состав которого входили Колты звездчатые золотые — пара, с напаянными вдоль лучей проволочными ребрышками; СЕРЬГИ звездчатые золотые — киевского типа — пара. Вещи были посланы в Москву, в Оружейную палату». (Опись Московской Оружейной палаты. Ч. II. Кн. 3. М., 1884. С. 156, 157. № 3385, 3386. Табл. 78. Рис. 9, 10).
- ³¹ *Рябцева С. С.* Русский ювелирный убор. СПб., 2005. С. 210—234.
- ³² Наиболее близкими прототипами для трехбусинных украшений, найденных в славянских памятниках IX—XIII вв., являются одно- и трехбусинные кольца с тисненными круглыми и овальными бусинами, представленные в аварских памятниках VII—VIII вв. в Венгрии. Появление подобных украшений в аварской среде, по всей видимости, связывается с византийской или арабской ювелирной традициями. Подробнее см.: *Рябцева С. С.* Русский ювелирный... 2005. С. 224—234.
- ³³ См.: *Рябцева С. С.* Русский ювелирный... 2005. С. 224—234. «На Балканах наиболее ранним временем — IX—XI вв. датируются бусинные серьги и височные кольца, происходящие из Истрии, Далмации, Сербии и Хорватии. В X в. бусинные украшения с круглыми тисненными бусинами представлены на всем Балканском полуострове от Греции до Болгарии. С XII в. и на территории Болгарии, и бывших Югославских республик появляются различные варианты трехбусинных серег с круглыми бусинами, украшенными зернью, внешне похожие на древнерусские, но отличающиеся от них как конструктивными, так и декоративными особенностями».

И.Л. Журавская

Путь к Цусиме: дневник Г.А. Макарова,
участника похода на Дальний Восток
эскадры З.П. Рожественского

В 1961 г. фондовые отделы ГИМ пополнились материалами Ленинградской историко-бытовой экспедиции музея, работавшей по теме «Революции и войны начала XX века»¹. Среди них находился дневник одного из участников похода Второй Тихоокеанской эскадры Российского императорского флота на Дальний Восток в 1904—1905 гг., старшего судового врача броненосца «Орел» Гавриила Андреевича Макарова².

Среди известных воспоминаний очевидцев о походе количественно выделяются свидетельства, оставленные офицерами и нижними чинами эскадренного броненосца «Орел»: это и знаменитый роман «Цусима»³, написанный бывшим баталером А.С. Новиковым на основании воспоминаний и документов, и беллетризованные воспоминания инженера В.П. Костенко «На Орле в Цусиме»⁴, и книга вахтенного офицера князя Я.К. Туманова «Мичмана на войне»⁵, его же дневник, и дневник неизвестного моряка (17 сентября 1904—19 мая 1905 г.), и письма командира броненосца, капитана 1 ранга Н.В. Юнга⁶, и др. В этом же ряду находится и дневник старшего врача броненосца «Орел» Г.А. Макарова, хранящийся в отделе письменных источников ГИМ, состоящий из двух частей: первая — рукописная (94 с.)⁷, вторая — перепечатанная на машинке копия с авторскими пометами (104 с.). Записи охватывают период с 19 сентября 1904 по 18 мая 1905 г.

Имя Г.А. Макарова встречается в воспоминаниях практически всех орловцев, писавших о походе. Однако более подробных сведений о нем удалось выяснить немного. Он родился в 1870 г. в Чите, по линии отца приходился двоюродным племянником знаменитому адмиралу С.О. Макарову. В 1880-х гг. семья переехала в Петербург. Здесь Гавриил Андреевич с отличием окончил Военно-медицинскую академию. За пользование стипендией военного ведомства он обязан был отслужить 4 года 9 месяцев; 18 дек. 1896 г. Макаров был

определен младшим врачом 157 пехотного полка, 20 января 1897 г. младшим врачом в 16 флотский экипаж. 3 февраля 1897 г. его прикомандировали к Николаевскому морскому госпиталю в Кронштадте и тогда же перевели в 17 флотский экипаж⁸. Г.А. Макаров занимался научной работой, в 1900 г. защитил диссертацию по микробиологии и получил ученую степень доктора медицины. С 1903 г. — надворный советник. В июле 1904 г. Макаров был назначен старшим врачом на броненосец «Орел», и проделал на нем весь путь до Цусимы. Один из членов экипажа младший штурманский офицер Л.В. Ларионов⁹ охарактеризовал его так: «Старший врач Макаров Гавриил Андреевич, красивый блондин с бородкой. Отличный врач, образованный человек, великолепно державший себя в бою»¹⁰.

Первая запись в дневнике сделана 19 сентября 1904 г., в день, когда «Орел» вышел из Кронштадта. 26 сентября состоялся смотр эскадры императором во время ее стоянки в Ревеле. Макаров отметил это событие одной фразой, записав в дневнике: «Государь, был на „Орле“, говорил матросам и офицерам о долге, о наградах и победе над врагом, просил помнить «Варяга» и «Корейца». Интересно сравнить эту сухую констатацию со свидетельствами других участников похода, для которых высочайший смотр был событием, достойным подробного описания. «На Орле приборка идет уже несколько дней, — отмечал автор мемуаров «На Орле в Цусиме» корабельный инженер В.П. Костенко, — казалось, корабль совсем преобразился, очистившись от портовой грязи, а все-таки Роже-ственский утром, проходя на катере мимо «Орла», ругался так, как способен к этому словоизвержению только моряк». Были отмечены и шитые золотом мундиры, и треуголки офицеров, готовых к высочайшему смотру, и то, как «по-сухопутному» сидел на императоре морской мундир капитана 1-го ранга, и споры в кают-кампании по поводу этого визита. «Более искушенные в зигзагах нашей морской политики, в том числе, сам старший офицер Шведе, доктор Макаров и второй артиллерист лейтенант Гирс», по его мнению, относились к числу скептиков и пессимистов. «Они давно уже изверились, что действия нашего командования в какой-либо мере строятся на расчетах и стратегических планах, а поэтому видят во всем лишь слепую и фатальную силу инерции»¹¹. В отношении Макарова это оценочное суждение оказалось верным, что находит подтверждение во многих его дневниковых записях.

Стоянки эскадры в Ревеле и Либаве были последними в российских водах. Далее эскадре предстоял сложный маршрут вдоль берегов Европы и Африки, через колониальные владения Англии, Франции, Германии, Португалии, во время которого по-

стоянно приходилось решать проблемы, связанные с ремонтом кораблей, снабжением продовольствием и углем, а также достижением слаженности движения огромной армады. «Никогда еще столь значительная эскадра не совершала такого длительного перехода в обстановке вражды многих стран, возглавляемых Англией и Америкой, — отмечал Макаров, и далее, — это плавание — исключительное по своим условиям — эскадра из 40 судов самых разнообразных типов, назначений идет через три океана, не имеет нигде верной, надежной базы, а ведь надо решать важные вопросы о топливе, погрузке угля без базы в открытом океане, прокормить команду (18000 человек) и при этом, прежде всего, сохранить эскадру ...»¹².

Поломки и повреждения сопровождали эскадру на протяжении всего пути. 3 октября Макаров записал: «День полон приключений. Утром с „Роланда“ (спасательный пароход) был сигнал „Имею человека с разбитыми костями“, затем миноносец, „Буйный“ налез на броненосец „Ослабя“ и получил пробоину в угольной яме. Если при ясной погоде миноносцы толкаются, то, что же будет в океане при сильных волнах»¹³. 4 октября, когда понадобилось спустить на воду катер, выяснилось, что «испортилась лебедка и нельзя спустить ни катер, ни миноноску. Удивительно строят у нас, — возмущался Макаров, — лебедка рассчитана для подъема тяжести в 19 тонн, а миноноска весит 24 т[онн]¹⁴, и шестеренки треснули, таким образом, когда время подойдет к войне, то мы не будем в состоянии ни одного катера, ни одной миноноски спустить»¹⁵. 6 октября на «Орле» сломался руль, только его починили, сломалась система охлаждения двигателя, затем сломались рефрижератор, опреснитель воды, потом лебедка для погрузки угля... О таких неприятностях, можно прочесть практически на каждой странице дневника.

Очень сложно обстояли дела в вопросе о снабжении углем. У России существовал договор с торговой фирмой Гинзбурга, которая фраговала угольщики в Германии. Они четко выполняли свою работу, встречая эскадру по мере ее продвижения в тех портах, где была предусмотрена погрузка. Однако по новым правилам нейтралитета, введенным под давлением Англии, снабжение углем военных кораблей в иностранных портах было запрещено. Эти правила вынуждены были выполнять власти как нейтральных держав, Германии и Испании, так и союзной Франции. Кроме того, длинные переходы диктовали необходимость погрузки угля с большим запасом. Кораблям приходилось принимать в два раза больше угля, чем было возможно по нормативам, а это приводило к потере устойчивости¹⁶ и к серьезным рискам, особенно в условиях сильной качки.

Записи о погрузках угля, в которых принимал участие весь экипаж корабля, включая офицеров, механиков, врачей, встречаются практически на каждой странице дневника: «5 октября. Весь день грузили уголь, с 8 ч. утра до 8 ч. вечера приняли 380 т. угля, грузили вручную, т.к. лебедка испортилась и истерлась». «18 октября <...> Началась погрузка <...> Угля оказалось больше, чем думали, а потому мешки с углем лежали на верхней палубе. Во время погрузки механик с Анадыря упал в трюм, <...> сломал кость, вывихнул кисть и поранил голову». 31 октября «весь день идет погрузка угля, пыль повсюду — циночках палубы, в сушилке, в бане, кают-компания»¹⁷.

Другой участник похода капитан В.И. Семенов, автор трилогии «Расплата», нарисовал еще более выразительную картину: «Чернее негров, обливающиеся потом, с клочьями пакли, зажатými в зубах (приходилось дышать через паклю, чтобы не задушить себя угольной пылью) работали в этом аду офицеры и команда»¹⁸.

Невозможность поддержания нормального санитарного состояния корабля в условиях угольной пыли, страшной жары и сырости серьезно тревожили старшего судового врача: «Большая жара, все время истекаем потом, появился у многих фурункулез, чему способствует угольная пыль, которая заполняет весь броненосец»¹⁹. Пресной воды не хватало даже для умывания — работа опреснителя требовала дополнительного расхода угля, который приходилось все время экономить. Участились болезни, начались тепловые удары и даже смерти. 1 ноября Макаров записал: «Умер от солнечного удара лейтенант Нелидов»²⁰. Сын российского посла в Париже 39-летний лейтенант, вахтенный начальник эскадренного броненосца «Ослябя» Иван Александрович Нелидов стал первой жертвой трагического похода эскадры.

Условия жизни на корабле никак не были рассчитаны на тропическую жару. Даже в операционном пункте температура достигала 58 градусов. Судя по всему, это температура, отмеченная Макаровым в дневнике, была указана им по Реомюру, что подтверждается свидетельством другого орловца, офицера К. Туманова, которой в своем дневнике пользовался именно этой шкалой: «У старшего доктора [Макарова] в каюте 52° тепла [65 °С], а в операционном пункте 62° [78 °С]»²¹. У операционной был еще один серьезный недостаток: в нее вел всего один узкий трап, так что подъем туда раненых на носилках, был бы очень затруднительным. Тем не менее, пришлось остановиться на этом помещении, других, более подходящих, не оказалось.

Маршрут, по которому двигалась эскадра, командующий держал в тайне, его не знали даже командиры кораблей. Однако, уже в самом начале пути, благодаря немецким кораблям угольщикам,

эта тайна была приоткрыта. «Угольщик рассказал нам наш маршрут, сказал, что нас ждут пароходы в Виго, Лас Пальмас, что мы пойдем кругом Южной Африки. Замечательно, нас держат в неизвестности, а иностранцы все знают», — удивлялся Макаров²².

В ночь с 8 на 9 октября у берегов Дании произошел печально знаменитый Гулльский инцидент, во время которого корабли эскадры обстреляли английские рыбацкие лодки. «Мы приняли первое боевое крещение», выражаясь военным языком, — с иронией записал В.П. Костенко, но с кем мы сражались — сами не знаем»²³. У Макарова события 8—9 октября описаны кратко. 7 октября: «По телеграфу сообщено, каждому судну остерегаться встречных судов и иметь все орудия наготове. Вскоре получена была другая телеграмма, что прошло четыре миноносца без флага, что в море есть подводные (водобронные) лодки, а в 7 ч.в. „Наварин“ сообщил, что на волнах видно два воздушных шара. Все эти известия произвели сильное волнение и возбуждение <...>. Конечно, все это серьезно и, если даже неверно, во всех случаях, нужно быть осторожными и готовыми на все». 8 октября в 10 часов вечера была «получена телеграмма с транспорта „Камчатка“ „Атака со всех сторон“. Весь „Орел“ поднялся, все готовы, ждут своей участи <...> все ждали атаки и постоянно все бежали в рубку беспроволочного телеграфа справляться, какие вести. „Камчатка“ все упорно телеграфировала о миноносцах. В 2 ч. ночи я отправился к себе в каюту и, не раздеваясь, лег, вдруг раздались один, другой выстрелы, заиграли „отражение минной атаки“, и пошла пальба», — записал Макаров, и дальше: «Стрельба продолжалась около 10 мин., но нам показалось, что несколько часов».

Что же произошло в Белом море в ночь на 9 октября? Была ли это провокация или миноносцы просто померещились команде «Камчатки» и «Суворова» в условиях нагнетания враждебности? Ответ на этот вопрос был неочевиден даже свидетелям происшествия. В кают-компании шли споры. В дневнике Макаров записал свою точку зрения: «... Скорее, то были рыбаки, а так как все были напряжены, благодаря телеграмме „Камчатки“, и они, эти пароходы, шли без огней и прямо на броненосец, то и произошла такая пальба и вышло роковое недоразумение»²⁴.

Следствием Гулльского инцидента был международный скандал, задержка движения эскадры, гибель нескольких английских рыбаков и смерть одного члена российского экипажа. Во время ночной стрельбы 9 октября крейсера эскадры «Аврора» и «Дмитрий Донской» были приняты за вражеские корабли и подвергнуты обстрелу. Судовой иеромонах с «Авроры» получил тяжелое увечье (ему оторвало руку), через несколько дней, во время нахождения эскадры

в Танжере, он скончался. 21 октября Макаров констатировал эту смерть в дневнике: «Священник с „Авроры“ умер»²⁵.

Для разбора инцидента в Северном море в Гааге была собрана международная конференция. Рождественский командировал на нее несколько офицеров в качестве свидетелей. С «Орла» в число свидетелей не был включен никто, так как с него атакующих миноносцев не видели. До выяснения предварительных итогов международного разбирательства эскадра вынуждено оставалась в испанском порту Виго. 19 октября после нескольких дней напряженного ожидания движение эскадры продолжилось. До последней минуты экипаж не знал, двинется ли эскадра дальше по своему маршруту на юг, или, под давлением Англии, повернет обратно. «Нужно быть ко всему готовыми, и если мы пойдём не на юг, а на север, то значит война с Англией не за горами», — отметил Макаров²⁶.

После тревожений первого месяца пути повседневная жизнь эскадры постепенно вошла в обычное русло, где было место и работе, и отдыху. Предельно лаконичный дневник Макарова освещает все же некоторые детали быта на «Орле». На броненосце находилось около 900 человек личного состава, в кают-компаниях — 31 человек: офицеры, механики, два врача, обер-аудитор и священник. В свободное время играли в шахматы, домино и трик-трак, иной раз развлекались «неприличными картинками», слушали фонограф с записями популярных певцов, в том числе известного и в советское время оперного певца, тенора Андрея Марковича Лабинского, играли на пианино и гитаре, пели. Среди офицеров было два солиста — тенор и баритон. Был и композитор. «У нас в кают-компаниях появился Добровольский, обер-аудитор, композитор, который хорошо играет, но нехорошо поет, а последнее он много и любит, вот это нехорошо», — записал Макаров. И далее, говоря о Добровольском: «Чужие романсы не умеет играть и поэтому приходится слушать только романсы его»²⁷. Большое оживление в кают-компанию вносили мичманы, «наша молодежь», как называет их Макаров: они отплясывали канкан, шутили, смеялись, рисовали карикатуры. Излюбленной мишенью шуток был мичман Н.А. Сакеллари. Грек из Одессы, сам человек веселый и остроумный, Сакеллари был обладателем роскошных усов, которые не раз обыгрывались, и в карикатурах, и в розыгрышах, и в шуточных подарках. Макаров упомянул случай, когда один из мичманов «при всех подарил „усам“ Ник[олая] Ал[ександровича] Сакеллари женский чулок и гребенку»²⁸.

Большим развлечением для офицеров и команды были животные, которые постепенно заводились на корабле. «Наши судовые звери, две обезьянки, козел „Яшка“ и собака „Вторник“ доставляют боль-

шое развлечение матросам, особенно забавны обезьянки», — записал Макаров²⁹. О «Вторнике», как о достопримечательности корабля, пишут почти все орловцы. На броненосец пес-дворняжка приехал во время стоянки в Ревеле вместе с артельщиками, и так как дело было во вторник, то его команда прозвала «Вторником». Пес сразу стал своим среди команды, «он оказался очень добродушным, толковым и при каждой поездке команды всюду ездил, — будь это прогулка на берег, погрузка какого-либо груза на другом корабле, он всюду стал известен». Макаров записал в дневник историю о том, как во время одной из стоянок Вторник чуть было не отстал от эскадры и сделался, как шутила команда, «нетчиком», т.е. уклонистом от службы; команда «Орла», поняв, что пес остался на берегу, «упросила старшего офицера принять меры к поискам Вторника. Старший офицер флажками получил разрешение от флаг-офицера послать в бухту миноносец, который возвращался, держал сигнал „Вторник на миноносце“, а так как всякий сигнал записывался на всех судах в вахтенный журнал с обозначением времени, то возвращение Вторника было занесено во все вахтенные журналы». Попав на свое судно, пес «высказал свою радость всеми собачьими способностями»³⁰.

Постоянным спутником экипажа «Орла» был козел. Каким образом он попал на судно, никто не помнил, но он стал также любимцем команды, только вестовые его недолюбливали. Более того, они, как отметил Макаров, «видели в нем своего злейшего врага; козел повадился тихо ходить вдоль всего стола, съедал с тарелок весь хлеб и, конечно, пачкал все приборы и столовое белье. Он точно знал время, когда стол был накрыт»³¹.

Еще в Ревеле на корабле появились поросята, которые за время плавания превратились в больших свиней. Команда забавлялась, глядя, как Вторник играл со свиньями, или как мартышка, оседлав Вторника, ездил на нем. Однако с животными на корабле постоянно случались разные неприятности, которые добавляли хлопот старшему судовому врачу. То во время шторма мартышка оказывалась в воде, то в горловину угольной ямы упал поросенок, и его завалили углем, то у мартышки живот болит, то бык боднул свинью, и ей пришлось зашивать бок. Эта свинья, верещавшая во время операции на весь корабль, тоже стала любимицей команды, и вопреки предназначенной ей судьбе дожила до Цусимы, но вряд ли сумела пережить ее.

Командиром «Орла» был капитан 1-го ранга Николай Викторович Юнг, опытный моряк, имевший большой опыт океанских плаваний. Старый холостяк, привыкший жить на кораблях, на «Орле» он держался несколько обособленно. Макаров писал: «Николай

Викторович считался среди моряков очень строгим и даже бессердечным, а на мой взгляд, он очень гуманный человек, любит людей и заботится о людях»³². Капитан Юнг пресекал обычное на флоте мордобитье, которым не гнушался и сам командующий эскадрой. Для нижних чинов, постоянно занятых изнуряющим, однообразным трудом, командир старался устраивать развлечения: бег с препятствиями, игры и даже танцы, раздачу подарков (одежда) и гостинцев.

К старшему врачу броненосца командир испытывал явную симпатию, часто и подолгу беседовал с ним. «Ежедневно в 3 часа дня я выхожу к Николаю Викторовичу (капитану) на верхнюю рубку пить чай, — записал Макаров, — и тут при океанском просторе, в тени натянутого тента для защиты от солнца у нас происходили длительные, иногда, очень откровенные разговоры, из которых я сделал вывод, что Н.В. весьма отличается от общего типа морских офицеров, он не только более начитан, более развит, но он затрагивает такие темы, которые никогда не слышал у морских офицеров». Не раз капитан говорил своему собеседнику: «Мы с Вами, Гавриил Андреевич, теперь уже бывшие люди, т.к. исход дня для нас будет печальный»³³. В отношении себя Юнг не ошибся. Во время Цусимского боя он был смертельно ранен и умер на своем корабле еще до сдачи его в плен.

Имя командующего эскадрой адмирала Рожественского в дневнике Макарова встречается не часто, и, как правило, в связи с неудовольствием адмирала в адрес эскадры. На кораблях было хорошо известно, что адмирал дал каждому кораблю и каждому капитану обидное прозвище. Так транспорт «Камчатка» назывался им «похотливая юла», броненосец «Орел» обозначался ненормативной лексикой («б — ь» из северного б — — а»), командующий крейсерским отрядом адмирал Энквист, имевший шведские корни, назывался им не иначе, как «старый чухонский дурак». Макаров — не единственный очевидец, писавший об этом. По словам Новикова-Прибоя, крейсер «Аврора» в лексике адмирала — «проститутка подзаборная», броненосец «Сисой Великий» — «инвалидное убежище»³⁴. Любопытно, что Рожественский, отдавая приказы кораблям через сигнальщика, использовал именно эти прозвища, а опытный сигнальщик безошибочно передавал приказы адмирала по адресу.

Все авторы, писавшие о походе эскадры, проделавшей огромный путь через три океана, отдавали дань своим путевым впечатлениям. В дневнике Макарова также встречаются заметки любознательного путешественника. 13 ноября эскадра бросила якорь у берегов французской колонии в экваториальной Африке, Габон. «Стали

в 4^{1/2} м[иль] от берега и недалеко от маяка. Берег покрыт весь богатой растительностью, — записал Макаров, — поездка на берег и ходить вглубь опасны. Если верить губернатору, недавно были съедены 4 европейца, которые отправились на охоту слонов»³⁵. 17 ноября свободным от службы офицерам было разрешено посетить столицу Габона Либревиль. Макаров записал: «Меня поразила деревня, пальмы кокосовые, самого необычного вида — лес из кокосовых пальм. Негры красивые здесь, женщин более или менее приличных по нашему понятию очень много. Хижины негров бамбуковые и всюду швейные машины, что сразу же теряет вид первобытности. <...> Были у негритянского короля, во фраке, треуголке — видимо какого-то моряка дурня, но держится с достоинством»³⁶. Следующая возможность почувствовать твердую землю под ногами у команды появилась уже только на Мадагаскаре. Там же эскадра, долгое время находившаяся в информационной изоляции, получила наконец вести о событиях в России. Макаров записал: «Мы с 1 октября не получали регулярных сведений из России, мы питаемся отрывками: то пришлют кому-нибудь в бандероли несколько номеров газет, то капитан угольщика даст немецкую газету; все эти сведения доходят до нас через 45—60 дней, так что мы совершенно не имеем никаких сведений, что там у нас творится ...»³⁷.

Со стоянкой на Мадагаскаре связано самое большое количество бытовых наблюдений, нашедших отражение в дневнике. «Все дамы, — записал Макаров, в том числе, и туземки, в белых накрахмаленных платьях европейского фасона; туземные мужчины тоже в белых костюмах, в длинных брюках и коротких курточках; у некоторых из них были одеты панамки; женщины-туземки были все с открытыми головами и носили прическу: волосы были заплетены в маленькие, тонкие косички, которые были расположены самым причудливым образом; в общем впечатление получалось — красиво и даже изящно»³⁸.

Отдельного описания была удостоена бывшая туземная королева, которой колониальные французские власти разрешили остаться на острове. «Королева была еще не старая женщина, окраска кожи была не темная, довольно правильные черты; она производила впечатление нечистокровной туземки; портила ее несколько чрезмерная полнота. Одета была в платье европейского фасона, по белому фону — большие голубые цветы, платье было тоже накрахмаленное, получалось впечатление кринолина; на голове был легкий голубой платочек, ходила она важно с достоинством, с некоторыми европейцами она раскланивалась, туземцы иногда снимали свои панамки». Королеву сопровождали три туземки, шедшие сзади, «тоже разде-

тые, видимо, это ее придворный штат. Прибыла королева на музыку в носилках — большое кресло на шестах, и над головой было приделано покрывало»³⁹.

Стоянка на Мадагаскаре неожиданно продлилась очень долго — два с половиной месяца. Вынужденное безделье команды, а также неутешительные вести из России и с театра войны, не способствовали сохранению дисциплины на эскадре. Количество нарушений, особенно среди нижних чинов, росло. Они разбирались судами на кораблях и лично адмиралом. В.П. Костенко описывает случай пьяного дебоша на берегу, по которому «четверо матросов было арестовано и предано суду. Адмирал приказал доставить их к себе на «Суворов» и собственноручно бил виновных кулаком по лицу»⁴⁰. Если верить Макарову, позиция капитана «Орла» Н.В. Юнга по вопросу о пьянстве была значительно мягче. Матросов отпускали на берег по утрам на три часа — с 6 до 9, «но и это раннее время не мешает возвращаться не в своем виде, — отмечал автор дневника, — наш командир отдал старшему офицеру секретное распоряжение делать вид, что не замечает их повышенное настроение. Н[иколай] В[икторович] сказал мне, что не может быть строгим, если это поведение не переходит крайних границ, ведь и они тоже тяжело переживают свое положение»⁴¹.

Пока эскадра стояла у Мадагаскара, в ожидании снаряжения и подхода 3-й эскадры Небогатова, до нее, хоть и с опозданием, доходили все более и более тревожные вести о России. Запись 6 февраля: «... Увидел у почты толпу наших офицеров, читавших телеграммы из России. Видимо, все были ошеломлены, стояли молча, и никто не обменялся ни одним словом со мною. Слухи о 9 января дошли и до команды. Ко мне подошел Новиков⁴², оглянулся и тихо спросил: „Правда ли, что в Питере пролилась кровь?“ К сожалению, должен был сказать, что да. <...> Мой вестовой тоже меня спросил: „Говорят, стреляли в Питере. У меня там жена, на заводе работает. Не попала ли и она под пули?“»⁴³.

23 февраля: «По сведениям французских газет, в Японию идут спешные транспорты со всяким грузом из Англии и Америки, она старательно снабжается, а наша эскадра получает по одному транспорту в месяц, а армия наша имеет одну железнодорожную колею, по которой должны двигаться на восток эшелоны войск и всякое снаряжение, а обратно идут с ранеными». «Транспорты „Малайя“ и „Князь Горчаков“ ушли в Россию. Первая ушла с больными, их накопилось достаточно. Оба эти транспорта были куплены перед походом и оказались никуда не годными, они все время задерживали эскадру своими постоянными различными поломками. Во все

время плавания адмиралтейство не прислало ни одного парохода с припасами»⁴⁴.

25 февраля стало известно, «что армия Куропаткина под Мукденом потерпела большое поражение, огромные потери убитыми и ранеными, все запасы горят. Огромное несчастье, война, без всякого сомнения, проиграна».

1 марта: «... Мы — накануне ухода, идем, без всякого сомнения, на восток. Мы являемся последней ставкой, которая, без сомнения, будет бита». 2 марта в 3 часа дня на флагмане был поднят сигнал «Завтра броненосцам, крейсерам, транспортам и миноносцам иметь готовые пары к 12 часам дня»⁴⁵.

3 марта эскадра покинула свою стоянку у Носси Бэ. «Красивое зрелище представляла собою эскадра — целая толпа разных кораблей, — всего 45 штук», — записал Макаров, и далее: «Ночью все корабли несли огни. Весь горизонт усеян светящимися движущимися точками. Вся эскадра растянулась на десять верст; наш броненосец в колонне занимает четвертое место, и мы с трудом видим только силуэты передовых и задних судов... В 12 часов взяли курс на Малакский пролив. Итак, нет больше сомнений — идем на Восток на бой с японским флотом»⁴⁶.

26 апреля к эскадре присоединились корабли отряда адмирала Н.И. Небогатова: «... В 2 часа дня наконец произошла встреча отряда адмирала Небогатова с эскадрой. Встреча была довольно эффектна с салютами, музыкой, криками „Ура“ и приказами адмирала Роже-ственского „Поздравляю с блестящим походом“ и „Поздравляю эскадру с присоединением 3-го отряда“. Не знаю, насколько усилилось боевое значение всей эскадры с приходом эскадры адмирала Небогатова; слишком они устарели и имеют незначительный ход по сравнению с нашими броненосцами»⁴⁷.

По мере приближения к берегам Японии записи в дневнике становились все более краткими и напряженными, приобретая телеграфный стиль. 7 мая «до Владивостока осталось 2800 верст», «10-го была погрузка, по всей вероятности, последняя до встречи с неприятелем», 13-го мая «входим в пролив, сигнал: „Быть готовыми к бою, поднять утром, стеньговые флаги, иметь пары для полного хода“. Заряжены все орудия, идем без огней, команда спит по дневному расписанию — не раздеваясь»⁴⁸.

14 мая, первый день сражения. «Я не сразу ушел вниз в свой операционный пункт, хотелось посмотреть неприятельские суда. Море было беспокойно, значительная зыбь, небо пасмурное, горизонт неясен. Кинув последний взгляд на небо и окружающую картину, я спустился к себе в операционный пункт, зная, что до конца дня

буду находиться под броневою палубой. Там в операционном пункте все было готово для подачи помощи: полное освещение, все инструменты были стерилизованы, была приготовлена в большом количестве питьевая вода и в запасе свечи на случай порчи электричества». Несмотря на то, что в распоряжении Макарова находились два врача, два фельдшера, пять санитаров, шесть носильщиков, а также судовой священник и обер-аудитор, но когда начали поступать раненые, то «еле хватало рук, чтобы вовремя подать первую помощь»⁴⁹.

Первым из офицеров в операционный пункт попал мичман Я.К. Туманов, который «командовал батареей шестидюймовых пушек Кане. Снаряд, пробив борт, зарылся в куче угля и разорвался в ней, разбросав во все стороны уголь. Т[умано]в был ранен через суконную тужурку в спину. Когда я снял с него одежду, то вся спина была как будто решето...». В потоке прибывающих раненых был лейтенант А.В. Гирс, командир орудийной башни, офицер, любимый всей командой «Орла». «Все лицо его было отечно, не было видно ни глаз, ни носа, волосы были опалены. Оказывается, в башне от попавшего осколка вспыхнули 6 снарядов, лежащих на тележке, и в огне не сразу могли открыть вход. Лейтенант Гирс с тяжелыми ожогами лица и горящей тужуркой старался руками выкинуть из башни горящие гильзы, а когда узнал по телефону, что в боевой рубке ранен старший артиллерийский офицер, руководивший стрельбой, нашел в себе силы подняться в боевую рубку. Там его уложили на носилки и снесли в перевязочный пункт»⁵⁰.

Почти все офицеры «Орла» прошли через операционную. Некоторые после оказанной медицинской помощи возвращались к своим боевым постам. Были и тяжелораненые, такие как лейтенант К.П. Славинский и мичман О.А. Щербачев, у которых, как записал Макаров, «были выбиты глаза». Уже после завершения войны в марте 1906 г., давая показания следственной комиссии о причинах сдачи броненосца «Орел», и К.П. Славинский, и О.А. Щербачев, описали обстоятельства и подробности своих тяжелых ранений⁵¹.

По мере того, как развивалось сражение, ситуация в операционной становилась все более напряженной. В какой-то момент через вентиляционную трубу в нее проник огонь — наверху в это время свирепствовал пожар. «Появление огня вызвало среди раненых переполох. Стараясь их успокоить, я едва смог закрыть доступ воздуха снаружи, причем получил значительные ожоги обеих рук»⁵². Этот эпизод описан Л.В. Ларионовым, тяжелораненый, в это время он тоже находился в операционной: «Доктор [Г.А.] Макаров, ни минуты не теряя присутствия духа, просил всех успокоиться и сам лично закрыл вдувную вентиляцию и открыл вытяжную. Сделать

это было очень трудно, так как сквозь дым ничего не было видно. Раненых в эту минуту было уже так много, что не хватало места, а у трапа из пункта в жилую палубу лежала куча трупов. Кругом слышались крики и стоны»⁵³.

Ближе к вечеру в операционной получили сообщение по телефону, что все, кто находился в боевой рубке, убиты или ранены, Макаров, захватив перевязочные средства, пошел туда. Во время этого небольшого перехода он был контужен и потерял сознание. Спустя какое-то время, придя в себя, он продолжил свой путь: «В боевой рубке я нашел часть убитых, часть раненых. Более легких раненых я перевязал, <...> а более тяжелых я с помощью подошедших матросов после перевязки положил на носилки и велел нести в перевязочный пункт. В числе тяжелораненых был и командир; при перевязке из его раны упал на мою левую ладонь осколок настолько еще горячий, что жег мою ладонь. Эта высокая температура осколка остановила кровотечение из разорванных тканей»⁵⁴.

Вся ночь под непрекращающиеся сигналы «минная атака» Макаров перевязывал раненых, которые непрерывно поступали в операционную. В 4 часа утра следующего дня 15 мая, поднявшись наверх, Макаров увидел страшную картину разрушения. «Все, что было над броневой палубой, было или исковеркано, или имело огромные пробоины, через которые, благодаря большой зыби, свободно вливалась вода; всюду была вода, которая от качки корабля колыхалась, а находящиеся в ней убитые мерно колыхались, будто плавали. Вся наша артиллерия была выведена из строя. Из четырех 12-дюймовых орудий могло стрелять одно орудие; из восьми башен могли двигаться только две; в остальных — либо орудия были подбиты, либо броневая обшивка разломалась. Все трубы были в дырах. <...> Одна пробоина с левого борта была так велика, что через нее могла бы свободно проехать целая тройка лошадей»⁵⁵. Снова спустившись вниз к раненым, Макаров распорядился привязать их к койкам, имея ввиду, — в случае надобности сбрасывать их в море с койками и таким образом спасти.

Тем временем «Орел», получил приказ вновь готовиться к бою. В операционной какое-то время была слышна стрельба, затем, «наступила полная тишина, не было слышно у нас ни движения, ни команды, даже мои раненые перестали стонать», — отметил Макаров. Выяснилось, что флагман (после гибели «Суворова» и тяжелого ранения Рожественского флагманские функции перешли к эскадренному броненосцу «Николай I») поднял сигнал о сдаче. «От старшего офицера я узнал, что наш отряд спустил флаг, т.е. сдался в плен, — записал Макаров, — в 9 час. утра наш „Орел“ пе-

рестал существовать в списках русского флота, — он тоже спустил флаг. Настроение было какое-то странное, смешанное; помню, что чувства радости, что остался в живых — совершенно не было, была какая-то апатия, уныние и чувство чего-то стыдного»⁵⁶.

Так закончилось это сражение для броненосца «Орел». Отсутствие нескольких страниц в рукописи не позволяет детально проследить события последующих трех дней. 18 мая оставшаяся в живых часть экипажа броненосца была уже на японском берегу. Только там офицеры узнали печальные вести о судьбе русских кораблей и о взятии в плен адмирала Рожественского со всем штабом. Раненые были размещены в японском госпитале. Теперь ими занимались японские врачи. Макаров лишь присутствовал при перевязке. «Состояние большинства было удовлетворительное, только бедный лейтенант Н.А. Г[ир]с⁵⁷ был безнадежен, благодаря обширному и тяжелому ожогу, но и он пока крепился и даже старался казаться молодцом⁵⁸. Команда на мои расспросы сказала, что довольна уходом и пищей»⁵⁹.

Пробыв несколько дней среди японцев, Макаров не преминул оставить свои впечатления об этой стране. «Все составляло впечатление о скромной небогатой сельской жизни, т.е. я не видел богатых фабричных городов, все маленькие скромные станции среди рисовых полей. Какова степень цивилизации народа, трудно было понять, но для нас, европейцев, она могла показаться странной, например, на всех железнодорожных станциях не имеется уборных, и во время остановки поезда все пассажиры, нуждающиеся в этом помещении, располагались для своих нужд прямо на железнодорожной насыпи, против своих вагонов, — и мужчины, и женщины»⁶⁰.

Дневник заканчивается отъездом автора из Японии. Утрата страниц не позволяет определить время этого события. Макаров с небольшой группой своих товарищей уезжал из японского порта Кобе на французском пароходе. Накануне отъезда им пришлось воспользоваться услугами французского консула, снабдившего их деньгами, на которые они приобрели «цивильное платье», т.к. поездка на иностранном корабле в русской форменной одежде, в окружении репортеров и прочей любопытной публики представляло явное неудобство. Купленная же одежда, шитая на японца, была катастрофически мала и делала репатриантов, по словам Макарова, похожими на людей, «выросших из своего детского платья». Далее было томительное ожидание прихода парохода, обед из американских консервов. «Наконец, — записал Макаров, — в 4 часа пришел огромный океанский французский пароход «Полинезия», нас перевез тот самый японец, который все время извинялся, что погода пасмурная, шел мелкий дождик, и он не уходил с парохода до самого

ухода. Наконец, вечером около 9 час. пароход снялся с якоря, и японец исчез. Пароход разворачивался на рейде, беря курс на Японское внутреннее море, а на берегу в городе горела иллюминация, [шли] факельные процессии, раздавались хорошие песни, на рейде американцы пускали ракеты, зажигали прожекторы, празднуя совместный с японцами разгром русской эскадры»⁶¹.

Жизнь Гавриила Андреевича Макарова после его возвращения в Россию, можно проследить очень отрывочно. С 1907 г. он — приват-доцент кафедры диагностики и общей терапии Военно-медицинской академии; 24 декабря 1907 г. — за выслугу лет Макаров был произведен в коллежские советники, а в 1908 г. — зачислен во 2-й Балтийский флотский экипаж. Гавриил Андреевич был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами за Цусиму, позднее орденом Св. Станислава 2-й степени. В советское время он работал в различных медицинских учреждениях, в том числе при Доме ученых имени М. Горького Академии наук СССР. Гавриил Андреевич Макаров пережил блокаду, был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1955 г. он закончил серию эссе о своих житейских встречах. Судя по всему, в это же время Гавриил Андреевич готовил свой дневник к публикации, что объясняет перепечатанную на пишущей машинке часть дневника с авторскими правками. В 1955 г. отмечался 50-летний юбилей Цусимского сражения, и вышло много работ, посвященных русско-японской войне. Возможно, Г.А. Макаров просто не успел закончить подготовительную работу для публикации своего дневника. В то время ему уже исполнилось 85 лет.

¹ В экспедиции принимали участие сотрудники ГИМ: Игорь Игоревич Астафьев, научный сотрудник 5-го экспозиционного отдела, впоследствии преподаватель МГУ (Истфак, кафедра Капитализма) и Александр Сергеевич Корх, сотрудник отдела Пропаганды, впоследствии главный хранитель ГИМ.

² ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 28. Оп. 1. Л. 2—94; 321—386. Дневник Г.А. Макарова поступил в Исторический музей в 1961 г. в составе материалов Ленинградской историко-бытовой экспедиции ГИМ, проводившейся под руководством А.С. Корха, будущего главного хранителя музея.

³ *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. М., 2001.

⁴ *Костенко В.П.* На «Орле» в Цусиме. СПб., 2007.

⁵ *Туманов В.К.* Мичмана на войне. СПб., 2002.

⁶ «Орел» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904—1905 годах // Авт.-сост.: Р.В. Кондратенко, К.Б. Назаренко, А.С. Гладких. Сборник документов. СПб., 2014.

⁷ Качка на корабле, в условиях которой приходилось делать записи в дневнике, искажала почерк, сделав его временами неразборчивым. Автору ста-

ты понадобилось немало времени и усилий для того, чтобы «расшифровать» рукописную часть текста.

⁸ Выражаю большую благодарность д.и.н. К.Б. Назаренко за данные из служебного списка Г.А. Макарова.

⁹ Леонид Васильевич Ларионов (1882—1942), мичман, младший штурманский офицер броненосца «Орел». С 17 апреля 1905 г. — лейтенант. В Цусимском бою получил тяжелое ранение. После революции, оставшись в России, бывший офицер царской армии долго оставался без работы. Наконец в 1937 г. он был принят в Центральный военно-морской музей, с 1939 г. — ученый секретарь музея. В 1942 г. Л.В. Ларионов скончался от истощения в блокадном Ленинграде.

¹⁰ Электронный документ РНБ: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/tsusima/index.php; <https://ru-history.livejournal.com/4562254.html/>; (дата обращения 01.04.2023).

¹¹ *Костенко. В.П.* На «Орле» в Цусиме. СПб., 2007. С. 229.

¹² ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 8. Оп. 1. Л. 335.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Здесь и далее в квадратных скобках приведены примечания автора статьи.

¹⁵ ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 8. Оп. 1. Л. 21.

¹⁶ Остойчивость судна — способность плавучего средства противостоять внешним силам, вызывающим его крен или дифферент, и возвращаться в состояние равновесия по окончании возмущающего воздействия. Понятие «стойчивость» отличается от понятия «устойчивость», которое рассматривается только для бесконечно малых перемещений, а понятие «стойчивость» используется и для больших перемещений, т.е. более широко; стойчивость имеет меру, а устойчивость характеризует только качественное состояние

¹⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 8. Оп. 1. Л. 23, 46, 63.

¹⁸ *Семенов В.И.* Расплата. СПб., 1994. С. 323.

¹⁹ ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 8. Оп. 1. Л. 312.

²⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 28. Оп. 1. Л. 46.

²¹ Дневник мичмана князя Язона Константиновича Туманова // «Орел» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904—1905 годах / Сборник под ред. Р.В. Кондратенко, К.Б. Назаренко, А.С. Гладких. СПб., 2014. С. 23.

²² ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 28. Оп. 1. Л. 23.

²³ *Костенко В.П.* На «Орле» в Цусиме. СПб., 2007. С. 258.

²⁴ ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 28. Оп. 1. Л. 30, 31.

²⁵ Там же. Л. 54.

²⁶ Там же. Л. 47, 48.

²⁷ Там же. Л. 60.

²⁸ Там же. Л. 50. Николай Александрович Сакеллари (1880—1936), мичман, вахтенный офицер броненосца «Орел». Вернувшись в Россию после японского плена в 1906 г., он закончил Морскую академию, был флагманским штурманом Учебного отряда кораблей Морского кадетского корпуса. В советское время — капитан 2-го ранга РККФ, преподаватель Военно-Морской Академии, профессор, видный специалист в области теории и практики кораблевождения. В 1934 г. в качестве флагманского штурмана принял участие в спасении челюскинцев. После его смерти в 1956 г. его именем был назван полуостров в Антарктиде.

- 29 Там же. Л. 356.
30 Там же. Л. 368.
31 Там же.
32 Там же. Л. 335.
33 Там же.
34 *Новиков-Прибой А.С.* Указ. Соч. С. 283.
35 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Л. 71.
36 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Л. 74.
37 Там же. Л. 341.
38 Там же. Л. 329.
39 Там же. Л. 330.
40 *Костенко В.П.* На «Орле» в Цусиме. СПб., 2007. Л. 415.
41 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Л. 357.
42 Алексей Силантьевич Новиков (1877—1944; литературный псевдоним А.С. Новиков-Прибой), с 1899 по 1906 г. — матрос Балтийского флота; российский и советский писатель и публицист. В 1903 г. он был арестован за революционную пропаганду и как «неблагонадежный» был переведен с крейсера «Минин» во Вторую Тихоокеанскую эскадру матросом на броненосец «Орел» (1904—1905), участник Цусимского сражения.
43 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Л. 344.
44 Там же. Л. 353.
45 Там же. Л. 359.
46 Там же. Л. 363.
47 Там же. Л. 371.
48 Там же. Л. 372.
49 Там же. Л. 373.
50 Там же. 374, 375.
51 «Орел» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904—1905 годах // Сборник под ред. Р.В. Кондратенко, К.Б. Назаренко, А.С. Гладких. СПб., 2014. С. 373, 385.
52 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Л. 375.
53 Цусимский бой. Записки лейтенанта [Л.В.] Ларионова // «Орел» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904—1905 годах / Сборник под ред. Р.В. Кондратенко, К.Б. Назаренко, А.С. Гладких. СПб., 2014. С. 178.
54 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 28. Оп. 1. Л. 377. Позднее Г.А. Макаров более подробно описал ранение и смерть Н.В. Юнга. Отчеты и воспоминания врачей 2-й Тихоокеанской эскадры // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. 1906. № 1. С. 21.
55 ГИМ. ОПИ. Ф. 463. Д. 28. Оп. 1. Л. 378.
56 Там же. Л. 380.
57 Ошибка в машинописном тексте: вместо Н.А. Гирс — правильно А.В. Гирс.
58 А.В. Гирс скончался в японском госпитале 05.06. 1905 г.
59 Там же. Л. 382.
60 Там же. Л. 383, 384.
61 Там же. Л. 385.

Л.В. Инджия

«Александр Рубб — рекомендовано быть режиссером» (по материалам ОПИ ГИМ)

У каждого таланта своя судьба

М.О. Кнебель

Иногда один документ может стать началом целой истории. В фондах ОПИ ГИМ хранится письмо, автор и адресат которого люди известные. Написано оно было в 1945 г. педагогом Московского городского театрального училища при Театре революции Владимиром Васильевичем Готовцевым режиссеру театра им. Моссовета, актеру и педагогу Юрию Александровичу Завадскому. В нем В.В. Готовцев сообщал, что ему недавно удалось увидеть два спектакля в постановке Ю.А. Завадского «Отелло» и «Чайку», доставивших ему большое удовольствие, и выразил благодарность Юрию Александровичу — «за великолепный Ваш режиссерский талант, отличные актеры — создающие с Вами культурнейшие спектакли, исполненные отменного вкуса». В этом письме В.В. Готовцев рекомендовал вниманию режиссера молодого человека, только что окончившего училище, — Александра Рубба — отметив, что юноша стремится поработать под руководством Ю.А. Завадского, охарактеризовал его: «Молодой человек, по-моему, способный, работоспособный, имеет склонность к режиссерской деятельности, воспитанный, очень неглупый и, с хорошим характером — качества нужные в нашем деле — словом задатки хорошие, а там уж...»¹. Эти слова из рекомендательного письма В.В. Готовцева как семена упали на благодатную почву и дали великолепные всходы.

В фондах ОПИ ГИМ хранятся материалы режиссера Александра Ароновича Рубба, — это документы и афиши его постановок за период 1930—1980-х гг.

Всем хорошо известно изречение К.С. Станиславского о том, что «театр начинается с вешалки». Знакомство же с театром начинается с афиши. Она несет в себе определенную информацию, которая

может заинтересовать нас как зрителя, дать возможность увидеть знакомые имена, посмотреть интересный спектакль, получить новые впечатления и, может быть, испытать радость от увиденного. В театральных кругах у актеров существует хорошая традиция подписывать премьерные афиши. Внимательное их изучение помогло восстановить творческую биографию режиссера. Большая часть афиш — текстовые, на трех из них выполнены рисунки. Напечатаны они были как в столичных, так и региональных типографиях: Большого театра, Ленинградской типографии им. Н. Григорьева, Костромской типографии им. М. Горького, издательства «Реклама» и др. Тираж изданий составлял от 100 до 3000 экземпляров. Изучив материалы ОПИ ГИМ, используя различные справочные и электронные ресурсы, попробуем рассказать об Александре Руббе.

Александр Аронович Рубб родился 4 февраля 1921 г. в Бердичеве Житомирской области Украинской ССР². Проживал в Москве на Большой Садовой, одной из старейших улиц города, проходившей от Малой Бронной до Триумфальной площади, в доме № 13, квартире № 7. Об этом свидетельствует справка, выданная 25 июня 1936 г. Правлением Жилищно-арендного кооперативного товарищества (ЖАКТ) № 3 Краснопресненского района, подписанная управдомом Соколовой и заверенная печатью конторы³. В возрасте 15 лет Александр, будучи несовершеннолетним, был вписан в паспорт дяди — М.Х. Ламдона (в чем удостоверяет запись справки). В 1939 г. после окончания школы Александр поступил в Московское городское театральное училище при Театре Революции. В студенческие годы он одновременно с учебной работой актером переменного состава в Театре Революции, одного из первых драматических театров Советской России, созданного на базе Театра революционной сатиры. Отдельные спектакли в театре ставили режиссеры А.Д. Дикий, А.М. Лобачев и уже упомянутый Ю.А. Завадский.

Начавшаяся война прервала его обучение, и в октябре 1941 г. Александр добровольцем ушел на фронт⁴. Он был зачислен курсантом Подольского военно-пехотного училища. А. Рубб воевал на Западном фронте заместителем командира стрелковой роты 25-го танкового корпуса 175-й танковой бригады. 14 и 17 июля 1943 г. в районе Орловско-Курской дуги он отличился в боях. Во время второго боя Александр был тяжело ранен и попал в списки погибших, выжил; лечился в медсанбате, эвакогоспиталях. Получив инвалидность, 22 октября 1943 г. он был комиссован⁵. А.А. Рубб награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны 1-й степени⁶. После фронта он продолжил обучение в театральном училище, которое закончил в 1945 г., работал актером в Брестском областном

русском театре имени Ленинского комсомола, созданном в 1944 г. в Москве из выпускного курса Московского городского театрального училища — воспитанников народного артиста РСФСР В.В. Готовцева. Театр год проработал в Москве, а в октябре 1945 г. переехал в Брест⁷. По сведениям из российской еврейской энциклопедии А. Рубб также играл в Московском театре комедии. Получив опыт работы в театрах, А. Рубб поступил на режиссерский факультет ГИТИСа, который закончил в 1952 г.⁸ С этого момента начался его долгий творческий путь в профессии.

Режиссер Л.А. Окунь в одной из статей написал: «Режиссерами становятся в театре. Вот почему каждому, кто по окончании института попал в театр, нужна самостоятельность в работе. У него могут быть любые консультанты, в том числе и главный режиссер, но до всего молодой режиссер должен прийти сам, своим трудом, потом и кровью, своим опытом, победами, сомнениями, провалами — иначе никогда не станет настоящим художником»⁹.

Первая самостоятельная режиссерская работа Александра Рубба состоялась в старейшем театре страны — Костромском областном драматическом театре им. А.Н. Островского. Это был спектакль по драме И. Штока «Победители ночи». Оформлял его художник П.Я. Никифоров. После премьеры, состоявшейся 25 мая 1952 г., участники постановки оставили свои автографы на афише. Художник-бутафор В. Евгеньев написал: «Поздравляю с первой Собственной премьерой! Желаю творческих удач в Вашей режиссерской жизни! Счастливые театр». Поставил свой автограф на афише с поздравлениями режиссеру А. Руббу и помощник режиссера В. Горяев. Подписали афишу многие артисты театра: В.Н. Крымов: «Начало хорошее, держайте»; М.Н. Михайлов: «Желаю вам больших творческих успехов, как талантливому режиссеру»; В.А. Касьянов: «Дорогого Александра Ароновича, поздравляю с днем первого самостоятельного спектакля. Уверен, что через N кол-во лет Вам преподнесут афишу с 100-м спектаклем под Вашей режиссурой. 25.05.1952 г.»; актер Г.Е. Скачков: «Человеку, режиссеру во многом помогшему мне. Буду рад встретиться еще в работе»; актер С.О. Асватуров: «Дорогой Александр Аронович! 3-е отделение обеспокоено деятельностью Вашего Таланта — оно желает Вам больших творческих полотен на благо нашей Родины, а Вам побольше радостных побед. Угрожать больше не будет»¹⁰. Поздравляли Александра Ароновича не только известные и заслуженные мастера театра, но и начинающие. Артистка З.В. Белова написала: «Я очень благодарна Вам, дорогой Александр Аронович. Примите от меня тоже только вступающей в творческую жизнь актрисы пожелания

успехов в будущем». Интересны эти надписи не только словами благодарности режиссеру, но еще они подчеркивали его важные нравственные качества: чуткость, терпение, умение работать с людьми. Театральные артисты люди творческие и когда подписывали автографы на афише, случайно, поставили чернильную кляксу. Подошли к этой ситуации с юмором. Актриса Н.Е. Кукушкина подписала: «Это Г.И. Корякин ляпнул Кукушкина»¹¹.

Мнения о нем были единодушны — в театральных кругах появился еще один способный режиссер. Спустя годы Александр Рубб напишет в своей книге, что «Живое творчество — это всякий раз хождение в неизвестное, открытие для себя новых истин. Словом, каждый идет своей дорогой»¹². И как итог первой постановки слова, написанные на афише артистом Н.И. Сызранцевым: «Поздравляю и желаю твердой поступью шагать по нашему тернистому пути»¹³. И в том же году он поставил спектакль по роману Б. Лавренева «Разлом» в Брянском областном Театре драмы им. А.К. Толстого. В 1953 г. на сцене того же театра спектакли: «Раки» С. Михалкова, «Земной рай» О. Васильева, «Любовь на рассвете» Я. Галана и лирическую комедию В. Гусева «Весна в Москве». Сотрудничал Александр Рубб не только с провинциальными, но и со столичными театрами.

В 1955 г. А.А. Рубб работал в качестве режиссера ассистента в Московском Ордена Трудового Красного Знамени Театре имени Ленинского комсомола. Театр располагался в здании бывшего Купеческого клуба, построенного в 1907—1909 гг. по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица, и первоначально это был театр рабочей молодежи. После укрепления его труппы профессиональными артистами он был преобразован в 1936 г. в Театр им. Ленинского комсомола¹⁴. В 1955 г. готовился к выпуску спектакль «Колесо счастья» — лауреатов Сталинской премии драматургов Братьев Тур (творческий псевдоним писателей Л.Д. Тубельского и П.Л. Рыжея)¹⁵. Постановка режиссера спектакля С.Л. Штейн. С 1952 по 1957 г. Главным режиссером театра была народная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии Софья Владимировна Гиацинтова. Композитор М.Е. Табачников. Вел спектакль Н.Н. Светлов. Премьера состоялась в начале марта 1955 г.

Интересна оценка работы Александра Ароновича его коллегами по цеху — корифеями сцены. На театральной афише спектакля автограф С.В. Гиацинтовой: «Дорогой Александр Аронович! С хорошим началом поздравляю Вас. Все трудности позади. Теперь оно само катится и нам даже грустно, что мы на него смотрим со стороны! Хорош наш труд, правда? Поздравляю Вас и обнимаю»¹⁶. Рядом автограф народной артистки РСФСР, лауреата Ста-

линской премии Серафимы Германовны Бирман, которая в 1938 г. была одним из основателей театра. Ее называли гротесковой, порой чрезвычайно резкой и гиперболичной актрисой. В журнале «Театр» за 1955 г. в рубрике «Актерские удачи» было отмечено удачное исполнение С. Бирман роли Кашперской в спектакле «Колесо счастья»¹⁷. Серафима Германовна написала: «Александр Аронович, эти красные буквы афиши — результат нашего общего труда, того, что наша вера в спектакль была сильнее, чем сомнения»¹⁸. Режиссер С.Л. Штейн написал: «Дорогой Александр Аронович, спасибо вам за помощь в нашем „колесном“ деле. Вы теперь заслужили звания „колесных дел мастера“ — желаю вам, дорогой, больших, больших успехов»¹⁹.

Интересна эта афиша с информативной точки зрения. В ней помимо авторов, режиссеров, актеров были указаны сотрудники: гримеры, бутафоры, костюмеры, принимавшие участие в подготовке спектакля. Такое случается далеко не часто. А успех спектакля зависит и от их работы: они работают над созданием театральных костюмов, выполняют сложную и кропотливую работу по изготовлению париков, поиску реалистичного грима и умением сочетать его с лицом актера, оформляют звуковые и световые элементы сценического действия. Таких мастеров-специалистов, как правило, готовило Московское театральное художественно-техническое училище, выпускники которого работали в театре. Живописные работы выполнили под руководством художника В.Г. Погодина. Костюмы пошили мастерские театра: мужские Е.И. Бойер, женские С.М. Кушнир. Парики и грим сделаны под руководством Н.А. Алексеева.

«Колесо счастья» для А.А. Рубба оказалось счастливым. В том же году вместе с участием С.В. Гиацинтовой он поставил спектакль «В доме господина Драгомиреску» румынского автора Х. Ловинеску. В репертуарный план театра на 1956 г. была включена новая пьеса А. Гладкова «Первая симфония» в совместной постановке С.В. Гиацинтовой и А. Рубба (рис. 1).

6 ноября 1957 г. в театре состоялась премьера драмы А. Салынского «Хлеб и розы» в постановке С. Майорова²⁰. Режиссеры А. Рубб и В. Соловьев. Сюжет пьесы был прост: рассказ об отблесках гражданской войны и о любви главных героев — питерского рабочего Гаврилы Ивушкина и кулацкой дочери Любаши Тиуновой. В прессе отмечались небольшие критические замечания, но компенсировалось все динамичностью сюжета и стремительностью действия. Образы, созданные на сцене, были разработаны и показаны интересно и с неожиданной стороны²¹. На программе спектакля, хранящейся в ОПИ ГИМ, А. Салынский оставил автограф: «Дорогой

Рис. 1. Афиша спектакля А. Гладкова «Первая симфония» Московского
Ордена Трудового Красного Знамени Театра имени Ленинского комсомола.
Режиссер А.А. Рубб. Август 1956 г. ГИМ

Александр Аронович! Поздравляю Вас с премьерой. Благодарю Вас за творческую радость. Надеюсь, что и в дальнейшем будем творческими друзьями»²².

1958 г. для страны был юбилейным — 9 октября исполнилось 40 лет со дня основания ВЛКСМ. Центральный Комитет комсомола и Министерство культуры СССР объявили смотр молодежных спектаклей драматических и музыкальных театров. В смотре, который начался 19 октября и проходил в помещении Театра им. Ленинского комсомола, приняли участие более 80 творческих работников: ре-

жиссеры, художники и актеры в возрасте до 35 лет²³. Лучшие молодежные спектакли награждались дипломами Министерства культуры СССР и ЦК ВЛКСМ, а участникам вручались значки²⁴.

По инициативе комсомольцев театра им. Ленинского комсомола в юбилейный год было принято решение поставить пьесу брянского драматурга Алексея Козина «Если в сердце весна». Эту работу доверили режиссеру А. Руббу, а молодые художники В. Погодин и А. Петроченко оформили спектакль легко и остроумно, почувствовав особенности произведения. Музыка к спектаклю была написана композитором А. Островским на текст поэта Г. Регистана²⁵. В интервью корреспонденту газеты «Вечерняя Москва» режиссер А. Рубб рассказал, что в новой постановке речь идет о молодых людях, вступающих в самостоятельную жизнь, об их труде и поиске счастья. Действие спектакля начиналось на катке в новогоднюю ночь. Для этого артистам пришлось овладеть искусством фигурного катания на роликовых коньках. Премьера спектакля с успехом прошла 1 ноября 1958 г. на сцене столичного театра. В 1959 г. он поставил там же пьесу Л. Устинова «Незнакомые люди».

В 1960—1961 гг. профессия привела Александра Ароновича в Сталинград в Драматический театр им. М. Горького (с 11 декабря 1961 г. — Волгоградский драматический театр им. М. Горького). 2 августа 1952 г. на Площади павших борцов состоялось торжественное открытие восстановленного здания театра, разрушенного во время Великой Отечественной войны. Заново реконструированный по проекту архитектора Н. Куренного театр стал украшением новых отстроенных кварталов города. Зрительный зал вмещал 1200 мест²⁶. Сцена была оборудована по последнему слову техники с электрифицированным поворотным кругом. На Сталинградском заводе изготовили красивую мебель из бука и обили шерстяным плюшем. Московские художники выполнили роспись потолков и стен, а электроарматуру, украшенную хрусталем и бронзой дали театру московские мастерские Всекохудожника²⁷.

На сцене Сталинградского театра А. Рубб поставил два спектакля, работая вместе с известным композитором П.К. Аедоницким — комедию М. Смирнова и М. Крайнделя «Четверо под одной крышей» в 1960 г. и комедию У. Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно», поставленную 15 апреля 1961 г. (рис. 2). О постановке пьесы У. Шекспира давно мечтал главный режиссер театра Николай Александрович Покровский. Эта была одна из его последних работ. Он умер за месяц до премьеры в феврале 1961 г. Работу над спектаклем продолжили и завершили уже без него. В этой постановке в интермедиях были заняты студенты драматической школы, начи-

Рис. 2. Афиша комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно» Сталинградского Драматического Театра им. М. Горького. Режиссер А.А. Рубб. Апрель 1961 г. ГИМ

нающие актеры, которые благодарили А.А. Рубба за первые роли на сцене, за то, чему он их научил на студийных занятиях. На афише ему написали: «Вы умеете создавать радость. Вы любите артистов, а это самое главное». Молодой актер, исполнявший роль придворного герцога Орсино, написал на афише: «От Курио спасибо — эта первая роль в театре». Другой автограф: «С глубокой благодарностью и признанием моему первому режиссеру» Ю. Буре (это сын театрального режиссера В.А. Буре-Небельсона)²⁸. Юрий еще в студенческие годы начал свою творческую деятельность в Вол-

гоградском театре драмы им. М. Горького. Впоследствии стал театральным режиссером, лауреатом всероссийской премии «Золотая маска» за выдающийся вклад в развитие театрального искусства 2017 г. По завершении театральных постановок труппа театра искренне сожалела об отъезде А.А. Рубба из Сталинграда, так как работа с ним оставила в памяти воспоминание о спектакле «Двенадцатая ночь, или Что угодно», дала хорошую творческую зарядку и надежду на новую встречу.

Как известно, работа над театральными постановками требует от режиссера глубокого и тщательного изучения авторского текста, определение социального смысла и актуальности произведения. Режиссер работает над постановочной формой, интерпретирует литературный источник.

В 1960 г. во втором номере журнала «Нева» был опубликован роман о жизни и быте уральских рабочих Е.А. Пермяка «Сказка о сером волке». В комплексе материалов Александра Ароновича есть документ от 10 октября 1960 г. с автографом писателя и драматурга Евгения Андреевича Пермяка. В машинописном тексте, отпечатанном на небольшом листе бумаги, автор давал разрешение А.А. Руббу инсценировать его роман, «вступать в соавторство, вести переговоры с театрами и заключать договора на право постановки пьесы-инсценировки»²⁹. В 1960 г. А. Рубб совместно осуществил инсценировку одноактной пьесы с Л. Платоновым³⁰, а в 1961 г. им был поставлен телеспектакль по роману Е.А. Пермяка «Сказка о сером волке» на студии Волгоградского телевидения.

Начиная с 1960-х гг., помимо театральных постановок и телеспектаклей на центральном и региональном телевидении, Александр Аронович работал над постановкой массовых театрализованных тематических концертов. Этот вид сценического искусства как форма массового представления возник в 1930-е гг. при проведении торжественных юбилейных вечеров, декад искусства союзных республик в Москве. Особую популярность концерты приобрели в послевоенные годы. В 1960-е гг. огромное влияние на развитие драматургических особенностей массовых представлений оказало появление больших, чаще всего нетрадиционных сценических площадок, таких как стадионы, Дворцы спорта, Зеленые театры, с их круговым обзором и многотысячной зрительской аудиторией³¹.

Именно на такой нетрадиционной площадке, на спортивном стадионе А. Рубб поставил в 1964 г. театрализованный концерт «Живые шахматы». Выбор темы определил 32-й чемпионат СССР по шахматам, проходивший в Киеве. В ГИМ есть две афиши концертов, состоявшихся в Киеве и Ленинграде. Организованы они были

Рис. 3. Афиша театрализованного представления «Живые шахматы» во Дворце спорта в Киеве. Постановщик А.А. Рубб. Май 1964 г. ГИМ

при поддержке Центрального шахматного клуба СССР. Все сборы от представлений были направлены в фонд Мира (рис. 3).

Название «Живые шахматы» было выбрано не случайно. Во время концертов проходили шахматные матчи в реальном формате времени. Партия между соперниками разыгрывалась непосредственно на поле стадиона. В Киеве шел матч между шестикратным чемпионом СССР, экс-чемпионом мира, гроссмейстером Михаилом Ботвинником и экс-чемпионом мира, гроссмейстером Василием Смысловым, а в Ленинграде матч играли экс-чемпион мира Михаил Таль и чемпион Ленинграда, гроссмейстер Виктор Корчной. Арбитром матчей был гроссмейстер Юрий Авербах, автографы знаменитых участников запечатлены на афишах из фондов ГИМ.

В представлениях кроме гроссмейстеров были задействованы известные и популярные артисты и художественные коллективы: М. Кристалинская, М. Магомаев, В. Трошин, симфонический оркестр под руководством дирижера народного артиста СССР З. Ниязи, вокальный квартет «Улыбка», известность к которому пришла в 1956 г. после фильма «Карнавальная ночь», чеченчики братья Валерий и Геннадий Сазоновы, поставившие свои автографы на афишах ГИМ. В концертах также приняли участие балетная группа «64 клетки», изображавшая шахматные фигуры, спортсмены-конники, воздушные гимнасты и парашютисты.

Формат постановки требовал привлечения большого количества специалистов: режиссерами-постановщиками были А. Рубб и заслуженный мастер спорта Н.П. Серый, постановщик-балетмейстер А. Обрант; авторами сценариев и интермедий: Эдуард Вайнер, Борис Коваль, Николай Рубан, Роберт Виккерс; художник по костюмам Евгений Каждан.

А.А. Рубб, работая над театральными постановками, считал, что «фантазия и творческое воображение режиссера являются решающим» фактором³². Именно благодаря фантазии в 1965 г. он создал новогоднее эстрадное представление с интригующим названием «Дело № 1965. Феерия-детектив с продолжением в фойе». Этот молодежный бал сказочного содержания А. Рубб поставил совместно с заслуженным деятелем искусств РСФСР Н. Серым. Художником новогоднего представления был Э. Змойро, балетмейстером — народный артист СССР В. Вронский. Начиналось оно в 20:00, но с 19:00 в фойе стадиона проходили танцы, которые возобновлялись после окончания спектакля и продолжались до 23 час. 15 мин. Новогоднее представление проходило ежедневно с 29 декабря 1964 г. по 17 января 1965 г. во Дворце спорта Центрального стадиона имени В.И. Ленина в Москве.

Из текста афиши, хранящейся в ОПИ ГИМ, можно узнать, что представление проходило под эгидой Московского отделения Всесоюзного гастрольно-концертного объединения (ВГКО), созданного в 1957 г. Это была художественно-творческая организация, входившая в систему Министерства культуры РСФСР, которое в 1964 г. провело реорганизацию концертных учреждений и ликвидировало ВГКО. Вместо объединения было создано Государственное концертно-гастрольное объединение РСФСР, то есть «Росконцерт»³³. На афише указана еще старая аббревиатура ВГКО, без изменений.

Интересные тематико-театрализованные представления в постановке А. Рубба были осуществлены на сцене Зеленого театра

ЦПКиО им. М. Горького в Москве. Надо отметить, что парк — это своеобразный живой организм. Активное его развитие пришлось на 1930-е гг. во время работы первого художественного руководителя и директора Б.Н. Глан. В тот период парк стал одним из символов новой страны³⁴. В 1957 г. началось строительство новых сооружений Зеленого театра ЦПКиО им. М. Горького. Работы вели проектные организации «Гипротئاتр» и трест «Теамонтаж». Для Зеленого театра специально был сделан самый большой в Москве киноэкран. Его площадь составила 163 кв. м. и он выдвигался на сцену с помощью особого приспособления³⁵. Модернизация и технические новшества Зеленого театра открывали новые перспективы режиссерам в работе на этой сцене.

В 1967 г. на должность директора Зеленого театра ЦПКиО им. М. Горького был назначен С.Е. Шиловский, который обратился с просьбой осуществить на сцене театра постановку интересного эстрадного представления, посвященного юбилею страны³⁶. Летом на улицах города появились афиши с анонсом премьеры большого театрализованного эстрадного представления «Вечерняя Москва»³⁷. Одна из них хранится в фондах ОПИ ГИМ. В музыкально-эстрадном обозрении автор применил сюжетный драматургический ход: выпуск сценического варианта газеты «Вечерняя Москва» с рассказом о городе и его ритме жизни. В постановке был использован прием типографского набора заголовков³⁸. Созданная на сцене специальная конструкция из системы лестниц давала возможность мгновенно менять оформление. Так, на центральной лестнице появлялась танцевальная группа, из которой складывались «живые буквы» с названием «Вечерняя Москва». Выступление артистов соответствовало популярным рубрикам газеты. В рубрике «Москва — город влюбленных» песню исполнил И. Кобзон. Рубрика «Москва строится» была построена на выступлении двух вокальных квартетов: «Четыре Ю» и «Улыбка». Первое отделение завершалось номерами, объединенными в эпизод «Старая Москва», в котором большой популярностью пользовались выступления актера М. Ножкина. На сцене Зеленого театра он исполнил куплеты «Имей в виду, в тринадцатом году», выступив в облике старого куплетиста³⁹. Завершал концерт М. Магомаев. Популярность певца в те годы была невероятная, и успех выступления артиста создавал в зале необходимую атмосферу, которой заканчивалось представление. Все тексты песен для этого концерта были написаны Б. Пургалиным.

Интересно были сделаны программки концерта, выполненные в виде «Вечерки» уменьшенного формата. Образ любимой москвичами газеты подсказал и варианты оформления представления. Не-

смотря на то, что оно было черно-белым, праздничная атмосфера создавалась благодаря цветовой гамме костюмов и различных световых эффектов⁴⁰. В прессе появились положительные рецензии на представление «Вечерняя Москва». Режиссерская работа А. Рубба была признана удачной и впоследствии часто использовалась в литературе как базовый пример по созданию массового театрализованного концерта. Запомнилась она и москвичам. В 1976 г. в сборнике «Театрализованные праздники и зрелища 1964—1972 гг.» была опубликована статья А. Рубба «Москве посвящается» с рассказом об этой постановке.

Через четыре года, в 1971 г., в теплые июльские дни, на той же сцене в постановке А. Рубба шло другое эстрадное представление — «Всем, кто любит песню, или Путешествие в страну Песня». В роли конферансье выступал Эмиль Радов. В программе принимали участие лауреаты конкурса на лучшее исполнение советской песни — В. Мулерман, вокальный квартет «Советская песня» (в составе Р. Романовской, Г. Бовиной, Л. Додоновой, Л. Львовой), а также композиторы Модест Табачников и Людмила Лядова, которая написала на афише: «Спасибо работникам Зеленого театра! Все было чудесно!»⁴¹. Эта программа-концерт продолжала работать еще в 1973 г. на сцене московского киноконцертного зала «Октябрь».

В 1974 г. А.А. Рубб стал главным режиссером Творческого объединения художественных коллективов Росконцерта. Организация располагалась в особняке уникального историко-архитектурного ансамбля середины XVII — начала XVIII в. — старинных Палатах на Берсеневской набережной Москвы-реки (д. 22)⁴². Творческие мастерские Росконцерта занимались подготовкой новых программ для фестивалей и концертов на стадионах, организовывали гастроли артистов в крупных городах страны, а также готовили актерские кадры для эстрады. В комплексе материалов А.А. Рубба хранится справка, выданная отделом кадров Государственного концертно-гастрольного объединения РСФСР «Росконцерт» о том, что он работает в аппарате объединения с 17 июня 1974 г. в должности режиссера-постановщика с окладом 225 руб. в месяц.

В 1960—1980-е гг. был принят ряд постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвященных празднованию важных дат и юбилеев: 50-летию Октябрьской революции, 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, юбилеям образования СССР и праздников Победы. Именно в годы празднования юбилеев и сложилась эстетика и стиль массовых театрализованных представлений. А.А. Рубб был задействован в таких массовых мероприятиях. В 1970 г. страна отмечала 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. В 1969 г. вышло

постановление Совет Министров РФ об организации Всероссийского фестиваля искусств. Фестиваль проводился в три этапа с июля 1969 по апрель 1970 г. под ленинским девизом «Искусство — народу». Программа требовала от его участников высокого идейно-художественного уровня подготовки. Поэтому особое внимание уделяли необходимости формирования репертуара коллективов, постановке новых праздничных программ и созданию клубной Ленинианы с использованием документального материала⁴³.

В 1969 г., в преддверии юбилейной даты, А.А. Рубб поехал на Кубань, в станицу Старощербиновская Краснодарского края. Сценической площадкой для авторской работы режиссера стал Дворец культуры колхоза «Знамя Ленина» Щербиновского района, где он поставил драматическую поэму в четырех главах «Начало пути» о ранней юности В. Ульянова. Эту постановку автор построил на широком использовании подлинных исторических документов конца XIX в.⁴⁴ Не случайно, что сценарий «Начало пути» имел подзаголовок «Документальная героико-романтическая поэма в 4 главах». В спектакле были задействованы участники художественной самодеятельности Дома культуры колхоза. Руководство Щербиновского районного комитета КПСС в лице первого секретаря Н. Егорова и председателя райполкома А. Добровольского объявило благодарность А.А. Руббу как автору и постановщику героико-романтической поэмы «Начало пути». Ими было отмечено, что «благодаря его таланту, художественному мастерству можно в условиях кубанской станицы силами художественной самодеятельности поставить на сцене глубокий по идейному содержанию спектакль»⁴⁵. Сценарий этого театрализованного представления с рисунками Н. Захаржевского удалось найти в ежемесячном журнале «Культурно-просветительская работа» за 1969 г. В нем была рубрика «Внимание! Занавес», в которой в предъюбилейный год публиковались сокращенные и облегченные варианты сценариев массовых театрализованных представлений из цикла «Клубная Лениниана». Полные тексты печатались в краевых, областных и республиканских домах народного творчества⁴⁶. В рубрике давались методические советы А. Рубба режиссерам для работы с этим сценарием.

В том же году Министерство культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры наградили А.А. Рубба почетной грамотой за большую организационно-методическую и творческую работу в Краснодарском крае по подготовке и проведению клубной Ленинианы.

В 2019 г. Архивный отдел администрации муниципального образования Щербиновского района подготовил виртуальную выставку «Волшебный мир сцены», где была представлена эта постановка⁴⁷.

Хотелось бы отметить, что старшее поколение жителей района, участников и зрителей музыкально-драматической композиции до сих пор с восхищением вспоминают «удивительные для того времени спецэффекты, звуковую и световую аппаратуру», использованные в постановке московского режиссера А. Рубба.

В 1970 г. в рамках этих же мероприятий был организован Праздник искусств народов СССР, проходивший по всем республикам, краям и областям. Его открытие состоялось 1 марта в Молдавии и Азербайджане. В Молдавии Празднику искусств предшествовал традиционный музыкальный фестиваль «Мэрцишор — 70», в котором выступали М. Ростропович, И. Архипова, В. Пьявко, К. Георгиан, а также русский народный хор имени Пятницкого⁴⁸. Завершился Праздник искусств в Москве, где с 23 апреля по 17 мая прошло более четырех тысяч концертов. Лучшие столичные залы: Кремлевский Дворец съездов, Колонный зал Дома Союзов, Концертный зал имени Чайковского, а также многочисленные Дворцы культуры и рабочие клубы были предоставлены в распоряжение творческим коллективам. Одновременно в Москве открылась всесоюзная юбилейная художественная выставка и традиционный фестиваль «Московские звезды».

17 мая в столице прошел X заключительный Московский праздник песни в рамках Праздника искусств народов СССР в постановке А. Рубба. Из текста афиши можно узнать, что в празднике наряду с профессионалами приняли участие большое количество хоровых, оркестровых и танцевальных коллективов художественной самодеятельности: коллективы Дворцов культуры заводов им. Лихачева, «Серп и Молот», «Калибр», «Компрессор», «Созидатель», а также Дворец культуры им. С.П. Горбунова и Дворец культуры им. М. Горького. Самодеятельные коллективы Дворца культуры им. М. Горького стали основными участниками концерта в Кремле, посвященного открытию магазина «Московские самоцветы» на улице «Арбат». Над этой программой работали главный режиссер А.А. Рубб и художник Л.А. Окунь. Высокая активность развития художественной самодеятельности требовала от работников культуры оказания содействия творческим коллективам. В помощь им выходил общественно-политический и научно-методический журнал ВЦСПС и Министерства культуры СССР «Клуб и художественная самодеятельность». В редакцию журнала приходило много писем с просьбой оказания методической помощи в работе на местах.

В 1987 г. к юбилею Октябрьской революции сотрудники журнала обратились с просьбой к А. Руббу ответить на письмо участника художественной самодеятельности Красноярского края В. Маслов-

ского, как подготовить тематический театрализованный концерт⁴⁹. Александр Аронович опубликовал статью «Краски концерта» в рубрике «Мастера — любителям», в которой поделился своим опытом работы с молодыми режиссерами.

В своей творческой деятельности А. Рубб уделял большое внимание работе агитбригад, как их тогда называли «муза в рабочей спецовке». Он много работал с ними: писал сценарии, проводил семинары и участвовал в конкурсах-смотре агитбригад. В марте 1966 г. он провел сетевой семинар по оказанию методической помощи руководителям художественных агитбригад в Центральном доме культуры железнодорожников, расположенному на Комсомольской площади в Москве. Теме агитбригад была посвящена кандидатская диссертация А. Рубба (16 апреля 1975 г.) «От митинга-концерта до агитбригады (К истории возникновения агитационно-художественных бригад-агитбригад 1917—1941 гг.)» в Институте истории искусств Министерства культуры СССР⁵⁰. В работе над ней он использовал материалы, полученные в результате личных встреч с «синеблузниками» и «агитпропбригадчиками». В разные годы им были написаны сценарии агитбригадных представлений: пьесы «О ноте по нотам» (1972), «О земле и о хлебе, о тех, кто в почете, и, конечно, о ноте» (1973), «Дела сказочные» (1980), «Самое, самое» (1982) и др.⁵¹

В 1983 г. в Москве проходили закрытые конкурсы на создание сценариев для агитационно-художественных бригад и сценариев массовых театрализованных представлений. Коллегия Министерства культуры СССР и секретариат правления Союза писателей СССР по итогам конкурсов приняли постановление о присуждении премий. Первую премию получил поэт Е. Евтушенко за публицистический сценарий «Хотят ли русские войны?» для молодежных и студенческих агиттеатров. Вторых и третьих премий были удостоены Л. Герчиков, М. Энтин, В. Жуков, В. Ласточкин, В. Гусев, Ю. Грачевский. Поощрительную премию за сценарий «Самое, самое...» для агитационно-художественных бригад получили А. Рубб и А. Платонов⁵².

В 1980-е гг. Александр Рубб продолжил активно работать над созданием театрализованных концертов и осуществил постановку яркого представления «Фантазия-80», посвященного XXII Олимпийским играм. Проходило оно на сцене Московского государственного театра эстрады в здании на Берсеневской набережной. Постановку А. Рубб осуществил в соавторстве с литераторами-драматургами М. Гиндиным и О. Левицким. Композитором «Фантазии-80» был М. Болотин, балетмейстером Т. Макушкина и ху-

дожником М. Ушац. Это представление вызвало большой интерес зрителей и не сходило со сцен концертных залов более трех лет.

В том же году для строителей, возводивших на юго-западе столицы жилой массив Олимпийскую деревню, он организовал праздничный концерт на сцене Центрального дома работников искусств. В конце года ВТО провело конференцию режиссеров театрализованных представлений, на которой обсуждались итоги проведения творческих программ Олимпиады⁵³. За успешную работу по проведению культурной программы XXII Олимпийских игр в декабре 1980 г. Александр Аронович был награжден почетной грамотой, подписанной художественным руководителем Росконцерта Б.М. Холопенко.

Хотелось бы отметить еще две знаковых работы А. Рубба в 1980-е гг.: праздник Открытия первого Дня города в Москве на Красной площади и театрализованное представление 1989 г. в Дели. К таким масштабным постановкам привлекали наиболее опытных театральных режиссеров, художников и композиторов, успешно работавших в этом виде искусства. В 1970-е гг., наряду с государственными праздниками, стали возникать городские, которые впоследствии получили название «День города». Первый такой праздник состоялся 14 октября 1973 г. в связи со 170-летием города-курорта Кисловодска и назывался «Золотая осень». Правда, Москва широко отмечала юбилей города в 1947 г.

В 1986 г. Первый секретарь Московского горкома КПСС Б.Н. Ельцин решил возродить эту традицию⁵⁴. Первоначально Открытие первого Дня города планировалось на Тверской площади у памятника Юрию Долгорукому. Режиссер-постановщик А.А. Рубб совместно с главным художником ГЦКЗ «Россия» А.П. Мальковым за полгода приступили к работе. Через месяц был написан сценарий, и художественно-постановочная группа в составе более 40 человек приступила к репетициям⁵⁵. Но в августе 1987 г., менее чем за месяц до Дня города, было принято решение о проведении церемонии открытия праздника на Красной площади. В такой непростой ситуации за три недели был написан новый сценарий и в короткий срок выполнена работа по подготовке праздника под руководством А.А. Рубба⁵⁶.

19 сентября 1987 г. на Красной площади состоялось торжественное открытие первого праздника Дня города. Было показано представление, которое называлось «Гимн Москве». Затем местом проведения праздника стали все 33 района столицы. На ВДНХ состоялся праздник профессий «Салют Москве трудовой», по Садовому кольцу прошло театрализованное шествие «Здравствуй, мо-

сковское время». На Москве-реке организовали водный праздник «Москва — порт пяти морей», во Дворце спорта в Лужниках проходил праздник цветов, а в ЦПКиО имени Горького молодежный костюмированный бал. В завершение праздничных мероприятий в 6 часов вечера в 66 местах Москвы начались народные гуляния⁵⁷.

Вторая масштабная постановка А.А. Рубба состоялась в Дели. В конце 1980-х гг. активизировались политические и культурные отношения с Индией. В ноябре 1986 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев прибыл с официальным визитом в Индию, в ходе которого была подписана Делийская декларация. В ней помимо политических вопросов говорилось о сотрудничестве в сфере культуры, искусства и образования. 18—20 ноября 1988 г. состоялся его второй визит в Индию, где М.С. Горбачев принял участие в закрытии фестиваля культуры⁵⁸. Подобные фестивали национальных культур стали проводить как в Индии, так и в СССР. В ноябре 1989 г. в Индии отмечалось 100-летие со дня рождения известного общественного и политического деятеля Дж. Неру. К этому знаменательному событию на стадионе в Дели А.А. Рубб поставил театрализованный праздник-представление. В архивных материалах есть документ, датированный 7—9 декабря 1989 г., — это письмо Руббу от его коллег из Совета по массовым представлениям и праздникам при Всероссийском театральном обществе (был создан еще в ноябре 1959 г. по решению X съезда ВТО). Долгие годы председателем Совета был главный режиссер Художественного театра Латвийской ССР им. Я. Райниса — Э.Я. Смильгис⁵⁹; затем на этом посту его сменил Е.П. Гершуни, а после смерти последнего в 1970 г. эту должность занял И.М. Туманов, сыгравший огромную роль в совершенствовании постановок массовых представлений. Бессменным заместителем председателя Совета более 25 лет, со дня его основания, была Б.Н. Глан⁶⁰. В документе, хранящемся в фондах ОПИ ГИМ, режиссеры написали: «Это, конечно, нелепо! Ни один сценарий театрализованного праздника, даже сам Рубб не придумал бы такого хода, — за несколько часов до торжества один из виновников этого праздника попадает в больницу. Вот „сюжет, достойный кисти Айвазовского“»⁶¹. В конце текста поставили автографы 32 человека. Среди них автограф режиссера Бетти Глан, первого директора ЦПКиО им. М. Горького в 1930—1937 гг.

Помимо режиссерских постановок А. Рубб часто выступал в роли ведущего вечеров «Москва театральная», которые проводились один раз в месяц, по пятницам, в Государственном центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина, иногда в помещении Москворецкого Дома пионеров по адресу: ул. Бахрушина, 17. Го-

стями вечеров были известные драматурги, режиссеры, актеры. На этих встречах говорили об истории советского театра и памятных датах, о творческих планах Московских театральных коллективов и работах, выдвинутых на соискание Ленинских премий. Иногда в них принимали участие научные сотрудники, выступавшие с устными публикациями из фондов музея. Эти театральные вечера отличались общей атмосферой необычайной культуры зрительного зала. В фондах ОПИ ГИМ хранится несколько афиш из этого цикла. На сентябрьской афише 1967 г. стояли рукописные карандашные пометки рядом с фамилиями исполнителей. Например, в строке народная артистка СССР Е.А. Степанова написано — «больна», заслуженный артист РСФСР С.Г. Корень — «в командировке», режиссер Театра сатиры М.А. Захаров — «без вести пропал»⁶². Вечере, состоявшемся 20 октября 1972 г., принимал участие заслуженный артист РСФСР М.М. Новохижин, впоследствии директор театрального училища им. Щукина. В программе значилось «6 новелл о Малом театре» из дневника актера. В конце вечера Михаил Михайлович написал на афише: «Дорогой Александр Аронович, на добрую, большую дружбу. Ваш Новохижин»⁶³.

А.А. Рубб много работал с эстрадными артистами, создавая для них программы и отдельные номера. В середине 1960-х гг. на российской эстраде зародился новый жанр — вокально-инструментальных ансамблей, сокращенно названный ВИА. Официально статус ВИА получили в 1970 г. на IV Всесоюзном конкурсе артистов эстрады⁶⁴. В 1970 г. музыкантом А. Поповым при «Росконцерте» был создан вокально-инструментальный ансамбль «Коробейники». В 1976 г. А. Рубб поставил программу этому коллективу для участия во Всесоюзном конкурсе на лучшее исполнение советской песни, проходившем в Сочи. ВИА «Коробейники» получили первую премию. Также он работал с ВИА «Добры молодцы», «Ровесники», «Верные друзья» и «Пламя». В 1977 г. в Москве проходил шестой Всесоюзный конкурс артистов эстрады вокального, разговорного и танцевальных жанров. В конкурсе принимала участие молодая актриса Л. Полищук, для которой А. Рубб поставил эстрадный номер «Смех сквозь слезы» — это монологи о несчастливой судьбе трех разных женщин. За этот номер Любовь Полищук была удостоена звания лауреата Всесоюзного конкурса артистов эстрады разговорного жанра⁶⁵. В 1981 г. он создал эстрадную программу лауреата Всесоюзного конкурса Галины Ненашевой и вокального квартета «Сердца четырех». В 1983 г. Александр Аронович поставил концертные номера артистов разговорного жанра: И. Сушиной, Р. Новикова, Л. Дубницкого.

В 1985 г. к 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне А.А. Рубб поставил две эстрадные программы Росконцерта в Москве. Одну из них «Я не был на войне» по стихам советских поэтов исполнял дипломант Всесоюзного и лауреат Всероссийского конкурса артистов эстрады Сергей Чистяков, ученик А. Рубба, который читал зрителям произведения советской литературы. Не случайно поэт Евгений Евтушенко считал С. Чистякова одним из лучших исполнителей своих поэм и стихотворений⁶⁶. Вторая эстрадная программа называлась «Письма» (из двух отделений) заслуженного артиста РСФСР Н. Соловьева. В том же году он сделал концертную программу для солистки Росконцерта — выпускницы Всероссийской мастерской эстрадного искусства, лауреата Всесоюзного конкурса «С песней по жизни» Ксении Георгиади⁶⁷.

В 1990-х гг. А. Рубб поставил эстрадные представления. Вот некоторые из них: «К черту предрассудки» (1995), «Мэри Поппинс» (1997) в Москве, «Старый рояль» в Северодвинске (1998), эстрадный номер «Как люди подружились с оленями» (Ненецкая сказка) (1999).

29 марта 1990 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ст. № 437 А.А. Руббу было присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля искусств РСФСР»⁶⁸. В 1995 г. он стал членом Правления и вице-президентом Международной общественной организации «Ассоциация постановщиков и организаторов массовых театрализованных представлений и праздников».

Александр Аронович Рубб долгие годы занимался педагогической деятельностью, преподавая на кафедре режиссуры театрализованных представлений в Московском государственном университете культуры и искусства⁶⁹. 19 июня 1997 г. А.А. Рубб удостоился ученой степени доктора искусствоведения. В качестве диссертации к защите была представлена монография «Эстрадная режиссура», изданная в 1996 г. Российским институтом переподготовки работников искусства, культуры и туризма (РИПРИКиТ), где он работал с 1981 г. старшим преподавателем⁷⁰. На проведенном в институте семинаре «Современные проблемы постановки эстрадного номера» и на конференции режиссеров массовых представлений, организованной Международной ассоциацией постановщиков и организаторов массовых театрализованных представлений, эта монография получила положительную оценку. На ее основе А.А. Рубб читал курс лекций в институте (РИПРИКиТ), и она стала основным учебным пособием для студентов творческих вузов. С 2006 г. он преподавал в Московском государственном театральном колледже имени Леонида Филатова. За долгие годы работы он написал много книг: монографий, учебной и методической литературы, сценариев мас-

совых представлений и праздников, пьес для агитбригад, циклов лекций, а также книг, в которых в форме практического разговора, «бесед» автор делился своими мыслями об особенностях профессии, драматургии, поиске творческих решений. Большое внимание он уделил тематическим театрализованным концертам, ставшим одной из основных форм массового советского театра.

В 2005 г. по инициативе Союза театральных деятелей РФ и Комитета общественных связей г. Москвы была учреждена профессиональная премия «Грани театра масс» — это главная премия страны, которая присуждалась за лучшие массовые театрализованные проекты по итогам единого конкурса (помимо 10 основных и 9 частных номинаций, были учреждены 2 специальные)⁷¹. В 2005 г. заслуженный деятель искусств России А.А. Рубб стал лауреатом специальной номинации «За вдохновенное служение театру масс», что явилось признанием его огромного творческого опыта и таланта.

Документы из фондов ОПИ ГИМ дают возможность познакомиться и немного подробнее узнать о жизни этого интересного человека и режиссера, который более 60 лет своей практики отдал служению театру. В одной из своих книг он цитирует слова великой театральной актрисы М.Н. Ермоловой: «... Театру надо отдавать не половину себя, а полностью». Эти слова можно, по праву, сказать и о нем. Начав свою работу драматическим актером, затем режиссером театральных постановок, он продолжил ее, создавая массовые тематические театрализованные праздники и представления. Профессия и талант дали ему возможность поработать не только в известных драматических театрах страны, на сцене Государственного Кремлевского театра, на Красной площади, но и в небольших клубах, Домах культуры, с коллективами агитбригад и художественной самодеятельности.

Размышляя о театре, А.А. Рубб писал о собственном понимании профессии режиссера: «Для меня режиссер — это, прежде всего, режиссер — личность, режиссер — гражданин, режиссер — художник, остро чувствующий современность»⁷². Все эти составляющие определения профессии были присущи Александру Ароновичу. Вероятно, именно эти качества и разглядел в молодом человеке опытный педагог Владимир Васильевич Готовцев.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/2. Арх. 7147.

² rujen.ru/index.php/РУББ_Александр_Аронович/; (дата обращения: 17.08.2022).

³ ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/1. Арх. 7147; ЖАКТ — в 1930-е гг. называлось объединение граждан с целью аренды жилых домов у местных Советов

- и предоставления жилой площади в этих домах своим пайщикам. В СССР они просуществовали до 1937 г.
4 www.ainros.ru/osdg/1/t1/gubb_aa.; (дата обращения: 15.08.2022).
5 ramyat-naroda.ru; (дата обращения: 19.04.2022).
6 Там же.
7 Театральная энциклопедия. Дополнения, указатели. М., 1967. С. 59.
8 Эстрада России. XX век. Лексикон. М., 2000. С. 525.
9 Театр. 1970. № 10. С. 52.
10 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/65. Арх. 7147.
11 Там же.
12 *Рубб А.А.* Пока занавес закрыт. М., 1987. С. 3.
13 ОПИ ГИМ. Ф. 574. . 116250/65. Арх. 7147.
14 *Анисимов А.В.* Театры Москвы. М., 1984. С. 121.
15 Театральная энциклопедия. М., 1967. Т. 5. С. 279.
16 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/66. Арх. 7147.
17 Театр. 1955. № 12. С. 172.
18 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/65. Арх. 7147.
19 Там же.
20 Вечерняя Москва. 1957. 4 ноября. С. 4.
21 Театр. 1958. № 6. С. 84.
22 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/6. Арх. 7147.
23 Вечерняя Москва. 1957. 20 февраля. С. 3.
24 Вечерняя Москва. 1958. 1 ноября. С. 3.
25 Вечерняя Москва. 1958. 22 ноября. С. 3.
26 Театр. 1952. № 8. С. 152.
27 Театр. 1952. № 2. С. 150. Всекохудожник — Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства, существовавший с 1928 по 1953 г. и объединявший артели художников, скульпторов, мастеров ремесел.
28 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/62. Арх. 7147.
29 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/7. Арх. 7147.
30 Культурно-просветительная работа. 1960. № 11. С. 38.
31 *Рубб А.А.* Размышления о Нетрадиционном театре. М., 2004. С. 551.
32 *Рубб А.А.* Феномен эстрадной режиссуры. Опыт исследования. М., 2001. С. 64.
33 Музыкальная энциклопедия. М., 1978. Т. 4. С. 711.
34 *Глан Б.* Праздник всегда с нами. М., 1988. С. 6.
35 Вечерняя Москва. 16 марта 1957. С. 2.
36 Театрализованные праздники и зрелища. 1964—1972. М., 1976. С. 133.
37 *Рубб А.А.* Пока занавес закрыт. М., 1987. С. 38.
38 Там же. С. 139.
39 Там же. С. 134.
40 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/72. Арх. 7147.
41 *Барулина Л.* Росконцерт представляет (портреты, этюды, рецензии). М., 1988. С. 3.
42 Культурно-просветительская работа. 1969. № 4. С. 4.
43 *Рубб А.А.* Тайна режиссерского замысла. М., 1999. С. 67.
44 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/29. Арх. 7147.
45 Культурно-просветительская работа. 1969. № 4. С. 25.
46 Snaradm.ru/sites/default/files/virtualnaya_istoriko-dokumentalnaya_vystavka_volshebnee_mir_sceny.pdf; (дата обращения: 12.11.2022).
47

- 48 Театр. 1970. № 7. С. 113.
- 49 Рубб А.А. Режиссер пришел в агитбригаду. М., 1979. С. 3.
- 50 Рубб А.А. От митинга-концерта до агитбригады (К истории возникновения агитационно-художественных бригад — агитбригад. 1917—1941 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. искусствоведения. М., 1975.
- 51 Эстрада. М., 1972. Вып. 1. С. 27.
- 52 Советская культура. 4 января 1983. № 2. С. 2.
- 53 Глан Б. Праздник всегда с нами. М., 1988. С. 170.
- 54 Москва. Энциклопедия. М., 1997. С. 254.
- 55 Горюнова И. Режиссура массовых театрализованных зрелищ и музыкальных представлений. Лекции и сценарии. Санкт-Петербург, 2009. С. 18.
- 56 Рубб А.А. Размышления о нетрадиционном театре, или Нетрадиционный театр как он есть. М., 2004. С. 383.
- 58 Советский Союз. 1988. № 12. С. 2.
- 59 Рубб А.А. Размышления о нетрадиционном театре... М., 2004. С. 273.
- 60 Глан Б. Праздник всегда с нами. М., 1988. С. 7.
- 61 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/32. Арх. 7147.
- 62 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/16. Арх. 7147.
- 63 ОПИ ГИМ. Ф. 574. 116250/76. Арх. 7147.
- 64 Эстрада России. Двадцатый век. Лексикон. М., 2000. С. 105.
- 65 Там же. С. 463.
- 66 Барулина Л. Росконцерт представляет (портреты, этюды, рецензии). М., 1988. С. 27.
- 67 Там же. С. 51.
- 68 Ведомости Верховного Совета РСФСР № 14 (1640). 5 апреля 1990. С. 328.
- 69 Эстрада России. XX век. Энциклопедия. М., 2004. С. 272.
- 70 Рубб А.А. Эстрадная режиссура: автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора искусствоведения. М., 1997. С. 1.
- 71 wr.wiki-wiki.ru/wr/index.php/Грани_театра_масс/; (дата обращения: 17 августа 2022).
- 72 Рубб А.А. Размышления о нетрадиционном театре... М., 2004. С. 426.

И.В. Крюков

Владимир Клавдиевич Арсеньев: администратор и ученый (хабаровский период)

Личность путешественника, исследователя и писателя Владимира Арсеньева (1872—1930) занимает особое место в истории изучения Дальнего Востока. В Хабаровском краевом музее имени Н.И. Гродекова находится большое собрание предметов, находок, привезенных В.К. Арсеньевым из экспедиций, в фотодокументальном фонде музея хранятся материалы, характеризующие подготовительные, экспедиционные и постэкспедиционные работы исследователя. Благодаря сохранным коллекциям можно выделить основные этапы и направления исследований В.К. Арсеньева, периоды его деятельности на посту директора музея.

Арсеньев жил в Хабаровске с конца 1905 г., а в периоды с 1910 по 1919 г. и с 1924 по 1925 г. занимал должность директора Хабаровского краеведческого музея.

«Музей — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно», — эти слова отражают кредо Владимира Клавдиевича. Поэтому главной задачей для него стало пополнение коллекций и книжных фондов, каталогизация. Возглавив музей, Арсеньев установил связи с центральными и рядом зарубежных музеев, а в основу работы был положен научный подход. В 1913 г. во время подготовки выставки, посвященной 300-летию дома Романовых, Арсеньев был назначен заместителем комиссара научного отдела выставки Приамурского края.

Период с 1906 по 1910 г. был этапом наиболее интенсивной экспедиционной деятельности Арсеньева, целью которой было комплексное изучение Сихотэ-Алиньской горной области. Шестимесячная экспедиция 1906 г. помогла собрать уникальные естественнонаучные, этнографические и археологические коллекции, за которые Владимир Клавдиевич был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

В отчетных докладах экспедиции 1907 г., с которыми Арсеньев выступал в Хабаровске перед членами Приамурского отдела Импе-

раторского Русского географического общества, были раскрыты проблемы и пути их решения исследователем: «Колонизация. Этнография. Экономическое положение местного населения. Юридические обычаи. Торговля. Хунхузы. История Уссурийского края. Метеорологические наблюдения. Флора. Фауна. Орография».

Третья экспедиция 1908—1910 гг., длившаяся 19 месяцев, стала самой трудной и самой результативной в научном отношении. Коллекции, собранные по археологии и этнографии, были доставлены в Петербургскую академию наук, этнографический отдел Русского Музея Императора Александра III в Санкт-Петербурге, Румянцевский музей в Москве, музей Казанского университета. Однако основные сборы были переданы в Гродековский музей.

В Гродековском музее представлены 80 предметов культуры коренных народов Приамурья, которые достоверно относятся к этнографическим сборам В.К. Арсеньева. Возможно, таких экспонатов больше, но затертые старые учетные номера не дают возможности с полной уверенностью идентифицировать их как арсеньевские.

Особую ценность представляют предметы материальной и духовной культуры удэгейцев. Это орнаментированная домашняя утварь из бересты и дерева, орудия охоты и рыболовства, традиционная одежда, собрание по шаманству — культовая скульптура, маски, бубны с колотушками и другая атрибутика. Гордостью Гродековского музея является уникальный комплекс защитников удэгейского шамана, который в 1911 г. Владимир Арсеньев доставил с реки Уленгоу/Кусун. Комплекс включает несколько крупноформатных скульптур, в их числе — главная фигура Магни.

В 1913 г. Владимир Клавдиевич Арсеньев был награжден золотой медалью Амурского общества сельского хозяйства за географические и этнографические труды по изучению Приамурского края. К 1914 г. В.К. Арсеньев составил каталоги всех этнографических коллекций музея и подготовил их к печати. К сожалению, дальнейшая политическая ситуация не позволила этим планам осуществиться.

Экспедиции стали для Арсеньева одним из наиболее эффективных способов пополнения музейного собрания. Именно в полевых условиях достигалась комплексность сборов, глубина их научной атрибуции, выявлялись уникальные предметы. Широкий диапазон исследовательской деятельности включал и археологию в современном понимании. Так, во время экспедиций по Приамурью и Приморью, им были выявлены и сфотографированы археологические памятники, собраны коллекции артефактов для музеев. В.К. Арсеньев переживал за сохранность древних городищ, внутри которых крестьяне-переселенцы, обживающие новые земли, про-

изводили распашку. Они не осознавали ценность случайно найденных предметов, выбрасывали их как ненужные. Поэтому он призывал всех, у кого есть возможность во время служебных разъездов, фиксировать археологические памятники, попадавшиеся в пути.

Из-за ограниченности во времени и средствах Владимир Клавдиевич не мог проводить масштабные археологические работы и поэтому собирал подъемный материал и закладывал разведочные шурфы. Одна из самых известных работ В.К. Арсеньева на территории окрестностей Хабаровска — это охранные раскопки могильника на линии строительства Амурского железнодорожного моста. Коллекции с этих раскопок, хранящиеся в Музее археологии, датированы ранним средневековьем (эпохой чжурчжэней). Они включают в себя костные останки, наконечники стрел, гвозди и уникальный, набранный из железных пластин, доспех.

Согласно книге поступлений, в Хабаровском краевом музее имени Н.И. Гродекова хранится около 40 коллекций, собранных В.К. Арсеньевым, представляющие различные эпохи — от каменного века до средневековья. Территориально они охватывают Хабаровск и Хабаровский край, Приморье, Забайкальский край и Камчатку. Его коллекции многочисленны в своем разнообразии: целые сосуды, фрагменты сосудов ручной и гончарной лепки, каменные и железные орудия различных эпох, бронзовые украшения.

В ходе первой большой экспедиции В.К. Арсеньева, продолжавшейся с 20 мая по 17 ноября 1906 г., была собрана зоологическая коллекция: 60 экземпляров птиц, около 50 особей земноводных и пресмыкающихся, около 400 экземпляров рыб и 500 экземпляров насекомых (в 20 коробках). Кроме того, были привезены в большом количестве препарированные головы млекопитающих и шкурки мелких зверей. Весь этот материал был отослан в Зоологический музей Петербургской академии наук. Энтомологическая коллекция направлена в Санкт-Петербург А.П. Семёнову-Тян-Шанскому. Сбор насекомых Владимир Клавдиевич производил по инструкции приморского лесничего, флориста Н.А. Пальчевского, который принимал участие в экспедиции до середины октября, но потом отправился во Владивосток. Арсеньев привез из экспедиции около 50 образцов горных пород.

Из экспедиции 1907 г. в фондах музея хранится 9 гербарных листов. В обследовании горной области хребта Сихотэ-Алинь между 45°—47° северной широты, бассейнов рек, впадающих в море, верхнего течения рек, составляющих систему реки Иман и всего бассейна реки Бикин, принимал участие хабаровский флорист Н.А. Десулави.

К результатам экспедиции 1908—1910 гг., хранящимся в фондах музея относятся:

- 1 гербарный лист; 12 тушек птиц (1908);
- 145 гербарных листов, 11 тушек птиц (1909);
- 1 тушка птицы (1910).

На некоторых этапах в экспедиции принимали участие геолог С.Ф. Гусев и флорист Н.А. Десулави. Целью похода было всестороннее обследование северной части Уссурийского края от нижнего течения Амура до побережья пролива Невельского и от реки Хор до озера Кизи.

Общее научное и практическое значение этих экспедиций огромно. Владимир Клавдиевич Арсеньев помимо описания статических, существующих форм поверхности пытался определить их происхождение, уделяя внимание изучению разрушительной деятельности вод и процессам глубинной эрозии в Сихотэ-Алине. Именно с этими явлениями он связывал образование на Сихотэ-Алине каменистых осыпей и карстовых пещер, изучение которых впервые было начато им самим. Таким образом, он является первым спелеологом края.

В ходе своих экспедиций В.К. Арсеньев впервые в истории края смог подробно изучить гидрографическую сеть и нанести на карту многие ранее неизвестные реки, определить их истоки и притоки, проследить истинное направление течений, установить время паводков и ледостава.

Большой вклад внесли экспедиции Арсеньева в картографию края. Его маршрутные съемки, подкрепленные высотными (барометрическими) и астрономическими определениями, позволили создать довольно точные для того времени карты Уссурийского края. Во время съемок и изучения местности путешественник тщательно выяснял названия географических объектов, а некоторым из них сам присваивал наименования.

Самым значительным результатом экспедиции 1911 г. стало установление границы маньчжурской и охотской флористических областей, получившей название «линия Арсеньева». Первыми исследователями северного прибрежного района стали Арсеньев и Десулави — на север от бухты Терней (Серебрянка) до мыса Золотой до них не был ни один ботаник. Все растения собирались ими в нескольких экземплярах, что позволило распределить гербарный материал между Хабаровским музеем и Ботаническим музеем Академии наук.

Фотодокументальные материалы Арсеньева, большая часть которых относится к хабаровскому периоду, включает документы,

связанные с экспедициями — докладные записки председателю Совета Приамурского отдела Императорского Русского географического общества о подготовке экспедиций, отчеты по обследованию разных маршрутов, путевые, метеорологические дневники, карты, схемы маршрутов; сведения о музее, о его сотрудниках, анкеты музея, переписка с приглашенными специалистами, с организациями и людьми, кто мог содействовать в сборе коллекций для музея, документы, относящиеся к членам его семьи.

Богатство и разнообразие материалов дает возможность рассказать об этом уникальном человеке, поэтому ведется работа над каталогизацией фондов, чтобы имеющиеся в музее, но не опубликованные ранее документы и предметы, ввести в научный оборот и культурную повестку региона.

Музейное документирование событий и повседневности в Москве первых лет советской власти (по материалам ОПИ ГИМ)

В собрании Государственного исторического музея отложились различные документальные памятники о событиях и повседневной жизни в Москве в первые годы после Октябрьской революции 1917 г.

Комплектование некоторых из них само по себе представляет большой интерес как для истории музейного дела, так и для истории московской повседневности. Прежде всего, это материалы, собранные по горячим следам происходящих событий, позволяющие увидеть их глазами современников — историков, краеведов, различных представителей интеллигенции. В первое постреволюционное десятилетие процессы накопления знаний в области исторического краеведения и документирование московской повседневности становятся особенно актуальными, поскольку в эти годы описание и сохранение историко-культурного наследия — одна из наиболее важных задач для научного сообщества.

Несмотря на сложную обстановку в стране, в музее велась активная собирательская деятельность. Музейные коллекции пополнялись путем закупок, даров и непосредственной собирательской деятельности на местах.

Процесс комплектования расширился благодаря вновь созданным и влившимся в состав музея подразделениям. В 1914 г. в Историческом музее был создан отдел переживаемой войны, который в марте 1917 г. преобразовали в отдел войны и революции. В январе 1922 г. в Исторический музей, на основании решения Главнауки Наркомпроса, был переведен на правах отдела Музей «Старая Москва» в связи с филиализацией всех историко-бытовых музеев вокруг Исторического музея¹. Предыстория «Старой Москвы» началась еще в конце 1909 г. с создания при Московском археологическом обществе Комиссии по изучению старой Москвы. В апреле 1919 г. по инициативе ученых Московского археологического общества и москвоведов был организован Музей «Старая Москва». С 1919 г.

его хранителем, а затем и заведующим был исследователь и краевед Петр Николаевич Миллер (1867—1943).

В 1927 г. материалы Музея «Старая Москва» уже в качестве архивного фонда начали поступать в ОПИ ГИМ². Именно это событие — начало образования архива легендарного музея московских краеведов в Историческом музее — определяет хронологические рамки представляемых в статье источников. Они охватывают период с ноября 1917 по 1927 г.

Отдельный интерес для отражения событий и повседневной жизни в Москве представляют документальные материалы профессиональных сообществ, которые, как и фонд старой Москвы, сохранились в Историческом музее. В качестве примера будут рассмотрены материалы Союза деятелей средней школы³.

Основное внимание в статье уделяется источникам, отражающим различные взгляды на происходящие события, а также материалам, документирующим процессы выявления и сохранения историко-культурного наследия. Изучение этих памятников интересно не только для разностороннего освещения периода гражданского противостояния в начале XX в., но и для более глубокого понимания повседневности той эпохи.

Источники о жизни и событиях в Москве в первое постреволюционное десятилетие представлены несколькими группами памятников:

- издания периодической печати и вырезки из них;
- объявления, отражающие события привычной жизни;
- документы профессиональных сообществ и благотворительных фондов, фиксирующие события важные как для московской, так и общероссийской жизни;
- различные материалы о научной, музейной жизни Москвы и московского региона, о сохранении памятников архитектуры. Среди них: программы научных заседаний и приглашения, каталоги выставок, историографические исследования, библиографические обзоры по истории Москвы и московского региона, материалы для статей и выступлений и другие источники;
- материалы по культурно-просветительской работе, среди которых: плакаты, афиши, объявления о лекциях, экскурсионные книжки и другие источники;
- большой пласт источников о культурной жизни города, в том числе о театральной и музыкальной жизни столицы;
- материалы по экономике, как индивидуальные — карточки, расчеты стоимости жилья и проездных документов, так и общее движение цен за определенное время, меню общественного питания.

В связи с вышеперечисленными рамками анализа памятников по принципу комплектования, такие важные свидетели повседневности как дневники и письма в данной статье не рассматриваются.

О событиях, происходящих в Москве, но отражавших общее положение дел в конце 1917 г., рассказывают документы Союза деятелей средней школы. В их числе резолюция общего собрания Союза от 12 ноября 1917 г. с выражением протеста против действий большевиков. В ней, в частности, говорится о непринятии новой власти и требовании неотложного созыва Учредительного собрания. Важно отметить и пункт о том, что «в интересах культуры и народного просвещения Союз призывает педагогов продолжать, насколько возможно, нормальный ход занятий в учебных заведениях, причем считает недопустимым какое-либо вмешательство со стороны большевистской власти во внутренний распорядок школьной жизни...», которому призывает давать решительный отпор⁴.

Союз деятелей средней школы — это московское отделение Всероссийского учительского союза, образованного в Петрограде после февральской революции, его влияние распространялось по всей стране. Среди материалов Союза деятелей средней школы сохранились такие интересные свидетельства повседневности, как отношения в Подотдел Народного образования от различных гимназий. Они адресованы во «Всероссийский Союз Городов. Подотдел народного образования при экономическом отделе. В Союз Средней Школы»⁵. Так, в обращении с просьбой порекомендовать преподавателей для гимназии в городе Литин прописаны условия оплаты труда, проезда и проживания на ноябрь 1917 г.: «Преподаватель-тельница математики и физики: 1) 16 уроков математики, 9—11 урок физики по 75 рублей. 2) Процентная прибавка на дороговизну в размере 35%. 3) Квартирных 180—250 руб. 4) Прогонных 50 руб.»⁶. Такое неплохое ранее жалованье в конце 1917 г., с учетом постоянного удорожания жизни, становится уже совсем небольшим.

Не менее интересны счета самого Союза в Москве. В частности: справка о получении 8 (восемь) рублей от Союза Деятелей средней школы «за напечатанные 400 экземпляров инструкции по выборам правления 13.IX 1917 года»⁷; почтовое уведомление от 29 декабря 1917 г. от главной конторы газеты «Утро России» в адрес Союза деятелей Средней школы «получено от вас за объявление... 24 руб., 05 коп.»⁸. В декабре 1917 г. члены Союза еще возлагали большие надежды на созыв Учредительного собрания. Об этом, в частности, свидетельствует расписка: «От Казначей Союза деятелей Ср. школы Н.С. Моргунова за работу по расклейке воззваний об Учр. Собрании получено 50 (пятьдесят) рублей»⁹. В декабре 1917 г. началась забастовка

московских учителей. Прекратилась она к марту 1918 г., а к концу того же года Всероссийский Учительский союз был распущен.

С середины марта 1918 г. Москва после многовекового перерыва вновь стала столицей. Среди документов этого периода имеется такой интересный вид источников, как циркулярные, то есть передающиеся одновременно по нескольким адресам, телеграммы железнодорожного ведомства, которые сохранились в фонде Музея «Старая Москва». Телеграмма от 29 марта 1918 г. от Народного комиссара путей сообщения Московским военным округом «... о явке демобилизованных для регистрации в районных комитетах» с припиской «К железнодорожным служащим не относится» проливает свет на общую ситуацию в городе¹⁰. А телеграмма от 30 марта 1918 г. отражает один из этапов продолжительного и сложного установления принципов управления железными дорогами. Из телеграммы: «В целях децентрализации железных дорог в Москве организуется окружное отделение комиссариата путей сообщения на основании раздела 5 трудового Всероссийского чрезвычайного железнодорожного съезда»¹¹. Далее в телеграмме расписан порядок подчиненности железных дорог Московского района.

В сложные постреволюционные годы, когда вокруг была разруха, резко менялся быт и весь жизненный уклад, для московской интеллигенции важно было задокументировать события культурной, научной и общественной жизни. И здесь показательны примеры типологического комплектования, которое перебрасывает своеобразный мостик от подобного вида источников уходящей эпохи. В новом времени такие однотипные источники как, например, программы различных мероприятий, приобретают иную эмоциональную окраску. Среди них программа вечера от 21 января 1918 г., проходившего в здании Набилковского коммерческого училища, устроенного обществом бывших воспитанников и организаций училища в пользу фонда помощи бывшим воспитанникам училища и жертвам войны¹².

Материалы о музыкальной и театральной жизни в Москве первых лет советской власти фиксируют разнообразие культурной жизни столицы. Они содержат объявления о спектаклях, билеты и программы, начиная с 1918 г. Среди них, например, программа спектакля студии МХТ от 1918 г. «Сверчок на печи»¹³. Эта постановка для студии МХАТ имела резонанс схожий с чеховской «Чайкой» в Художественном театре. В условиях тяжелейшей реальности этот святочный рассказ Ч. Диккенса, поставленный еще в 1914 г., завоевал большую любовь публики и до лета 1918 г. был сыгран 286 раз (рис. 1). В материалах о московской жизни постреволюционного периода прослеживается желание современников не только задокументи-

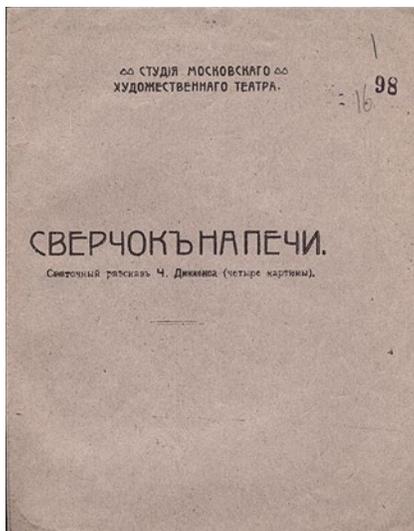

Рис. 1. Программа спектакля Студии Московского художественного театра «Сверчок на печи». 1918 г.
 М.: Тип. Госуд. Моск. Театра Тов-во А.А. Левенсон. М.: Тип. Госуд. Моск. Театра Тов-во А.А. Левенсон. ГИМ

ровать происходящие изменения, но и сохранить приметы привычной жизни. Так, например, сохранен плакат-объявление о выставке собак.

Большой интерес для исследований представляют газетные и журнальные публикации. Среди них газетная вырезка от 13 июля 1919 г., уникальная по информативности и разносторонности представленных в ней исторических событий и явлений. С одной стороны фрагмент этого газетного листа содержит официальные документы: Постановление Совета Народных комиссаров об утверждении и введении в действие положения о полевых судах от 10 июля 1919 г., Приказ Народного Комиссариата по внутренним делам, Народного Комиссариата здравоохранения и Централь-

ной Коллегии о пленных и беженцах от 11 июля 1919 г.¹⁴ С обратной стороны газетного листа — статья о покушении на патриарха Тихона 12 июля 1919 г. В ней, в частности, говорится: «... Из произведенного по этому делу ... дознания выяснилось, что задержанная женщина, лет 45, крестьянка, вероисповедания православного. В том, что она покушалась на патриарха Тихона, она созналась»¹⁵. Помимо известий непосредственно о покушении, из данной статьи можно узнать и сведения о большом количестве прихожан на патриаршем богослужении: «Спрошенный потерпевший патриарх Тихон сказал, что при выходе из Храма Христа Спасителя вместе с толпой народа, он ощутил как бы сильный щипок в правом боку, но особого внимания на это не обратил и пошел к коляске. При посадке он заметил около себя на сидении нож и только в этот момент почувствовал ранение»¹⁶. В связи с этой публикацией важно вспомнить, что в 1917 г. Русская православная церковь получила возможность восстановить утраченное почти на двести лет патриаршество. На Всероссийском Поместном соборе было принято решение избрать Патриарха. Русскую православную церковь в один из самых сложных

Рис. 2. Карточка на керосин. 1919 г. ГИМ

для верующих периодов гражданской войны и богоборчества возглавил Патриарх Тихон. В тяжелые месяцы лета и осени 1919 г. он обращается к своей пастве с призывом отказаться от мщения врагам Церкви, не принимать участие в братоубийственной войне. Тихон безбоязненно обличал безбожную власть, проводившую гонения на Церковь. У власти деятельность Патриарха вызывала большое недовольство. Его заключали в тюрьму, потом содержали под «домашним арестом» в московском Донском монастыре. На жизнь Тихона трижды было совершено покушение. 12 июля 1919 г. при покушении, как пишут в газете, совершенном «на религиозной почве», Патриарха спас кожаный ремень, смягчивший удар ножа. Покушавшуюся женщину впоследствии признали невменяемой.

Помимо серьезных политических изменений, после октябрьских событий 1917 г. в Москве, как и во всей России, стали резко ухудшаться условия жизни и быта. Среди материалов, отражающих характерные признаки первых лет Советской власти, карточки периода «военного коммунизма»: продовольственные, на предметы широкого потребления за 1918 г.¹⁷; на керосин за 1919 г.¹⁸ (рис. 2). Показательно, что карточки охватывают разные категории населения,

Рис. 3. Карточка на право покупки одной пары обуви. Недомерок обуви 1918 г. ГИМ

например, сохранился талон на обувь для подростков — «Карточка на право покупки одной пары недомерок обуви. 1918 г.»¹⁹ (рис. 3).

В продовольственной карточке изложены все основные правила получения товаров: она на одно лицо, в данном примере — на январь — февраль 1918 г., выдана Отделом карточной системы, с печатью Басманного района. На лицевой стороне карточки указаны обязательные условия ее оформления: подпись и печать домового комитета, наличие фамилии, имени и отчества владельца карточки. Прописаны правила использования: «1) подделка карточек и купонов преследуется, 2) покупка и продажа продуктов по купонам настоящей карточки разрешается только в сроки указанные Московским Городским Продовольственным Комитетом, 3) без предъявления карточки купоны не действительны ...». Перечислены наименования продуктов: мясо, масло растительное, масло коровье, яйца, макароны, рис, крупа». На карточке были отрезаны часть купонов, среди которых 39 — растительное масло. Указано, что данная карточка предназначалась для первой категории²⁰ (рис. 4). В дан-

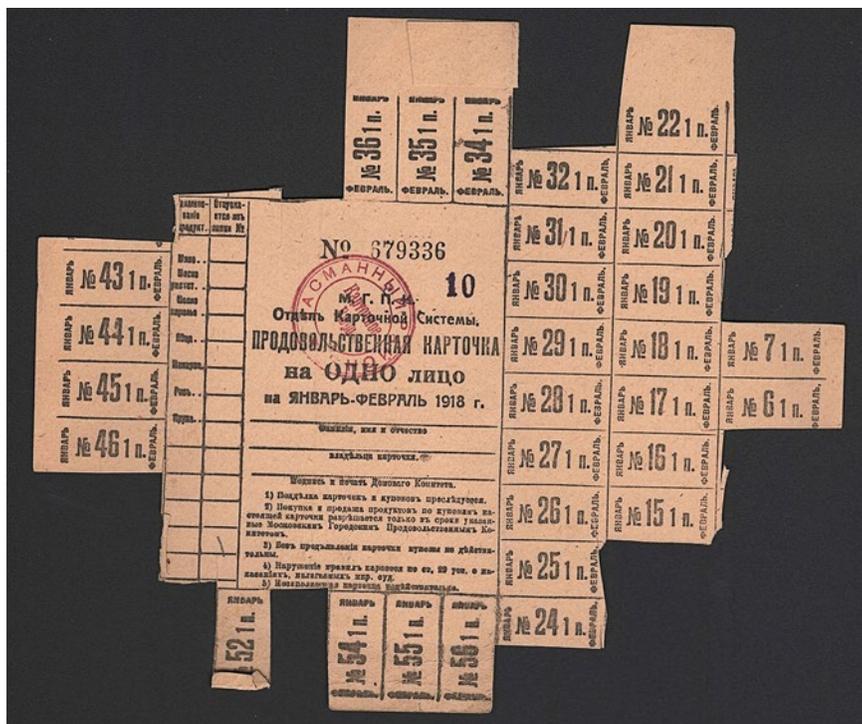

Рис. 4. Продовольственная карточка на одно лицо на январь – февраль 1918 г. ГИМ

ном случае важно уточнить, что все карточки распределялись по нескольким категориям. К первой категории относились люди, занятые тяжелым физическим трудом. Вторая категория объединяла всех лиц, занятых легким трудом, третья категория — умственным трудом; к четвертой категории причислялись люди нетрудоспособные или «нетрудовые».

Очень интересна трудовая карточка на имя Клименковой Елизаветы Петровны на 1921 г. В графе должность указано — «нетрудоспособна». Здесь содержится наглядный пример того, как тяжелая экономическая ситуация в стране сопровождается агитационной поддержкой — на оборотной стороне карточки напечатаны стихи «пролетариат» без указания автора²¹ (рис. 5). Удалось выяснить, что они написаны пролетарским поэтом и журналистом Александром Поморским, отразившим в своем творчестве революционный подъем рабочих масс.

Весьма информативны экономические источники 1921—1925 гг. Среди них — документ Финансово-экономического бюро под на-

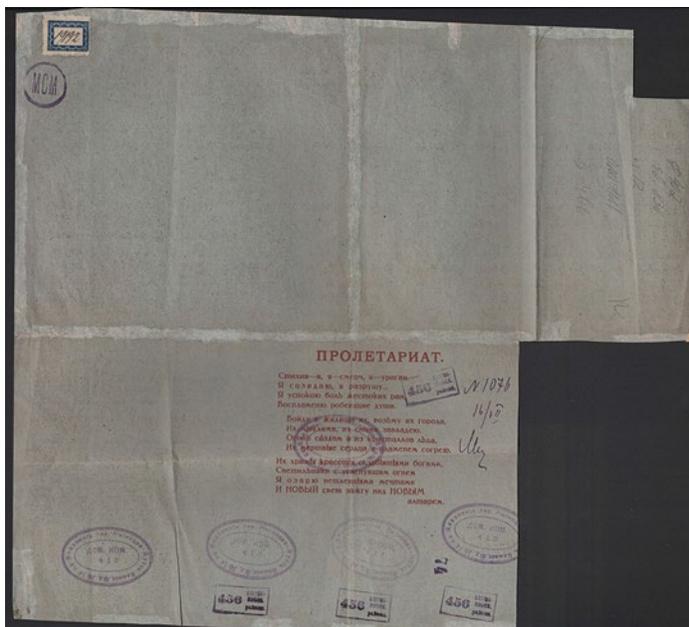
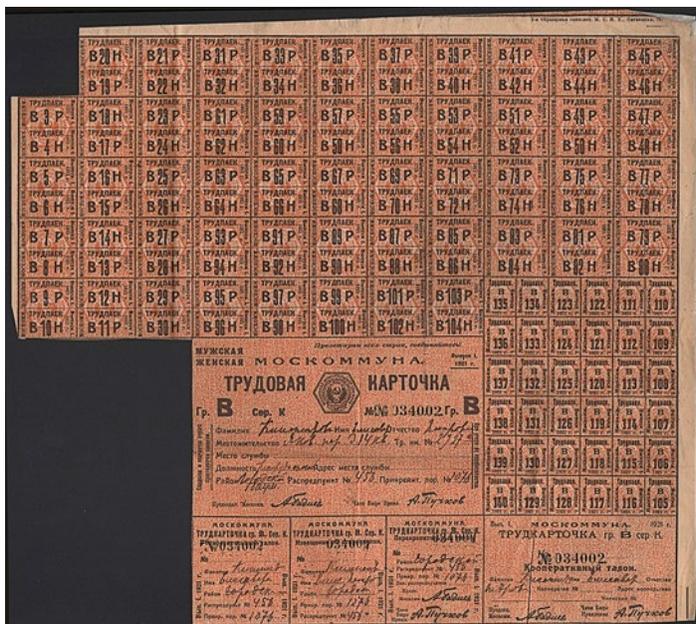
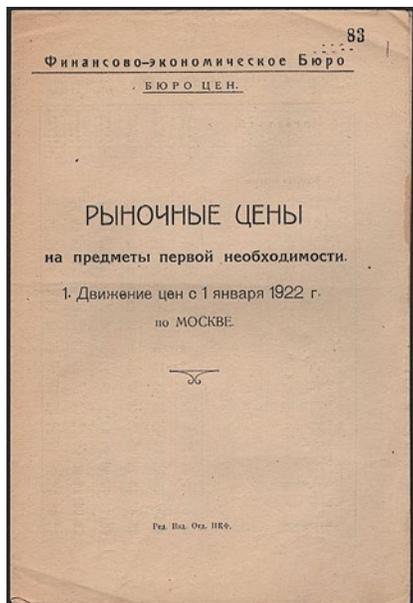

Рис. 5. Трудовая карточка (и ее оборот) на имя Клименковой Елизаветы Петровны. 1921 г. ГИМ

83

— 2 —

(По каждой строке в 1-ой строке за 100 процентов дано за 1-ое число января; в графках 2—7 даны)

ПРОДУКТЫ	1 января		2-е число		3-е число	
	1	2	3	4	5	6
1. Фабричные продукты.						
1. Мука ржаная	100	330	697	1169	2056	2141
2. Мука пшеничная	100	275	554	1000	1429	1474
3. Хлеб ржаной	100	276	556	991	1431	1476
4. Хлеб пшеничный	100	300	605	1033	2267	2310
5. Шпек	100	309	611	1119	1965	2291
6. Сахар	100	270	540	1000	1500	1514
7. Грецкая орех.	100	333	666	1126	1959	2121
8. Картофель	100	338	676	1128	1729	1908
9. Копчености	100	221	442	1294	2143	2200
10. Колбаса	100	221	442	1294	2143	2200
11. Говядина	100	333	666	1126	2000	2128
12. Свиная	100	333	666	1126	2000	2128
13. Сельдь	100	375	750	1200	2000	2080
14. Масло растительное	100	374	748	1200	2000	2080
15. Масло сливочное	100	412	824	1310	2170	2296
16. Масло животное	100	317	634	1056	1811	1920
17. Масло подсолнечное	100	408	816	1280	2070	2170
18. Масло льняное	100	405	810	1270	2060	2160
19. Масло хлопковое	100	411	822	1310	2170	2296
20. Масло кукурузное	100	411	822	1310	2170	2296
21. Масло виноградное	100	411	822	1310	2170	2296
22. Масло миндальное	100	411	822	1310	2170	2296
23. Масло персиковое	100	411	822	1310	2170	2296
24. Масло абрикотовое	100	411	822	1310	2170	2296
25. Масло арахисовое	100	411	822	1310	2170	2296
26. Масло кокосовое	100	411	822	1310	2170	2296
27. Масло пальмовое	100	411	822	1310	2170	2296

Ген. Шта. Отд. НКВ.

Рис. 6. «Рыночные цены на предметы первой необходимости». 1922 г. Москва. ГИМ

званием «Рыночные цены на предметы первой необходимости». В нем приведено движение цен по Москве в 1922 г. в процентном соотношении, начиная с 1 января (верхняя строчка — подорожание по отношению к 1 января, нижняя строчка — по отношению к предыдущему месяцу)²² (рис. 6). Цифры красноречивы. Например, мука ржаная по отношению к 1 января 1922 г. в процентном соотношении дорожала следующим образом:

- 1—4 января — 100;
- 5—8 февраля — 335;
- 5—8 марта — 697;
- 2—5 апреля — 1169;
- 30 апреля — 3 мая — 2056;
- 4—7 июня — 2141²³.

Конкретные цены на еду в Москве в сентябре 1921 г. можно увидеть в меню столовой-буфета при общежитии воендеlegates при Управлении коменданта Р.В.С.Р. «Дежурный обед: 1) Суп картофельный, щи, борщ, 2) пшенная, яшневая каши с маслом, запеканка, картофель. Котлеты. Цена 5000 руб.» Из меню: «Порционно: 1) Борщ мясной — 3500 руб. 3) Бифштекс с картоф. — 11000. 4) Отбивные котлеты тел. — 9000... 9) Омлет — 5000... 14) кофе с молоком стакан сл. — 2000... 16) Чай с молоком стакан сл. — 1000. 17) Чай без молока сл. — 600... 19) Хлеб

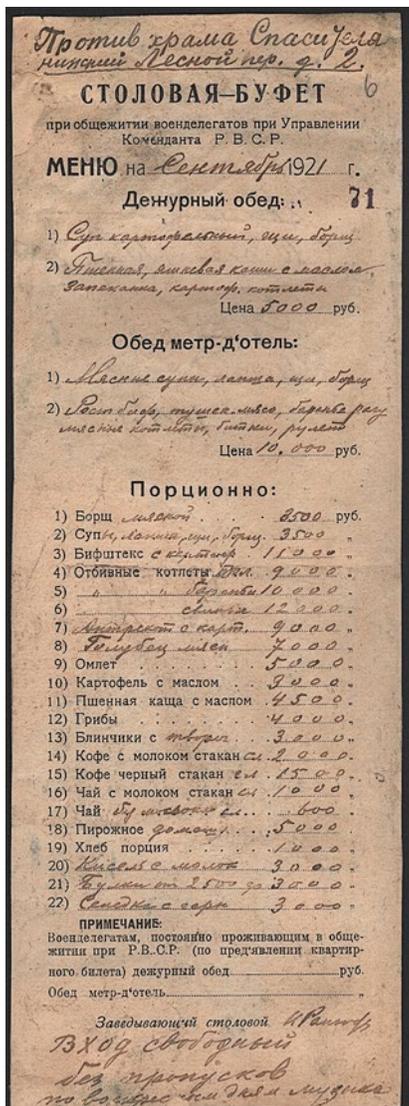

Рис. 7. Меню столовой-буфета при общедоступии воендеlegates при Управлении команданта Р. В. С. Р. 1921 г. Москва. ГИМ

порция — 1000 ... Вход свободный без пропусков. По воскресным дням музыка»²⁴ (рис. 7).

Возвращаясь к характеристике газетных и журнальных публикаций, следует обратить внимание на те из них, которые повествуют о судьбе историко-культурного наследия и отражают характерные приметы уже более позднего периода, 1925—1927 гг. Отдельного рассмотрения заслуживает очерк о реставрации Китайгородской стены, относящийся к лету 1925 г.: «...Московское коммунальное хозяйство производит сейчас ремонт Китайгородской стены, охватывающей центр города от Иверских ворот до Варварских и далее... в нишах стены, обращенных в лавочки, десятки лет ютились разные торговцы и только после революции были оттуда выселены... Нынешний ремонт производится под руководством архитектора Н. Д. Виноградова... Одновременно с ремонтом производится и реставрация стены, возвращающая ей тот же вид, какой она имела при первоначальной постройке... При производстве ремонта Ильинских ворот здесь неожиданно было обнаружено целое жилтоварищество. В башне устроено чуть ли не 10 комнат и все они были заняты жильцами... они ...сделали выход на стену... где развелся фруктовый сад... Оказалось... — слушатели частной Академии одной из церквей на Никольской. ... Многогранная

башня тоже оказалась заселенной. Здесь ютятся беспризорные дети... При расчистке лестниц, ведущих на верх стены, рабочие нашли клад — медные монеты, сложенные в столбик. Монеты отправили в музей революции»²⁵. Далее в статье указывается, что на перечисленные работы предполагается затратить 13000 руб.

В 1920-е гг. деятельность московских властей, направленная на снос архитектурных памятников, порой принимала неожиданные формы: некоторые памятники сначала проходили реставрацию, вернее тогда использовалось слово ремонт, а затем принималось решение о сносе этих памятников. Такой участи подверглась впоследствии и часть Китайгородской стены. Здесь уместно вернуться к истории комиссии по изучению старой Москвы. В июне 1923 г. Московское археологическое общество, при котором она изначально была создана, закрыли. Комиссию удалось сохранить при Историческом музее. С 1924 г. — это Ученая комиссия при отделении Исторического музея «Старая Москва». Возглавлял ее тоже П.Н. Миллер, почетным председателем был А.М. Васнецов²⁶. Не в силах повлиять на решения Музейного отдела Наркомпроса, члены Комиссии прилагали все усилия, чтобы описать, сфотографировать, снять обмеры, сохранить наиболее ценные детали от сносимых построек и безусловно, собирали документальные свидетельства бытования архитектурных памятников в Москве того времени, свидетелем чему является и статья о Китайгородской стене. Об истории стены и важности ее реставрации сохранились и вырезки с очерками Владимира Гиляровского, который также сотрудничал с Комиссией.

С похожим отношением к значимым памятникам связана и журнальная вырезка со статьей «Уголок XVII—XVIII веков»²⁷ о производимых работах и планах по дальнейшей реставрации Иверских ворот и Казанского собора на Красной площади. Эту статью, в соответствии с объявлениями, напечатанными на обороте, можно атрибутировать как вырезку из газеты «Известия» от октября 1926 г.

Важно отметить, что материалы по горячим следам происходящих событий для Музея «Старой Москвы» собирали и профессиональные хранители, такие как П.Н. Миллер, и краеведы-любители, такие, например, как врач-педиатр П.В. Кисляков, ученик Н.Ф. Филатова, и другие представители научной и творческой интеллигенции.

Часть газетных и журнальных вырезок, содержащих ценную информацию о московской повседневности, в тоже время являются и характерным примером собирательской деятельности краеведов-любителей. Нередко на этих материалах не указано ни название издания, из которого они взяты, ни каких-либо иных выходных данных, что затрудняет работу современных исследователей.

Часть коллекций Музея «Старой Москвы», на тот момент уже являвшегося подразделением Исторического музея, были представлены на выставках в Историческом музее. 18 апреля 1926 г. состоялось открытие выставки «Москва в старинных изображениях», ее сопровождало издание каталога. Информация о выставке сохранилась и в газетных вырезках за 1926 г.

В заключение необходимо отметить, что документальные материалы, собранные современниками событий, происходящих в Москве в первое постреволюционное десятилетие, представляют интерес и как индивидуальный вид источников, и как тематические комплексы, рассказывающие о формировании музейных коллекций. Среди них разные виды памятников, которые в совокупности все важны при документировании событий и повседневной жизни сложного и трагического периода российской истории. Они могут быть использованы и в научных исследованиях, и при создании экспозиций и выставок.

-
- ¹ Краткая историческая справка Ф. 402. Музей «Старая Москва», составленная д.и.н. Ф.А. Петровым, гл. науч. сотрудником ОПИ ГИМ. С. 2.
  - ² ОПИ ГИМ. Ф. 402.
  - ³ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285.
  - ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285. Л. 64.
  - ⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285. Л. 80—82.
  - ⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285. Л. 81.
  - ⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285. Л. 203.
  - ⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285. Л. 212.
  - ⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 424. Ед. хр. 285. Л. 226.
  - ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 833. Л. 2.
  - ¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 833. Л. 3.
  - ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 864.
  - ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 871. Л. 16—17.
  - ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 833. Л. 1.
  - ¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 833. Л. 1 об.
  - ¹⁶ Там же.
  - ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 836. Л. 1, 4, 10.
  - ¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 836. Л. 5.
  - ¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 836. Л. 4.
  - ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 836. Л. 1.
  - ²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 836. Л. 12.
  - ²² ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 839. Л. 1.
  - ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 839. Л. 1 об.
  - ²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 839. Л. 6.
  - ²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 1030. Л. 8.
  - ²⁶ Краткая историческая справка Ф. 402. Музей «Старая Москва», составленная д.и.н. Ф.А. Петровым, гл. науч. сотрудником ОПИ ГИМ. С. 3.
  - ²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 402. Ед. хр. 1030. Л. 14.

Чичерины — Пушкины на Таганке

Новые данные, найденные автором статьи в московских архивах, свидетельствуют о связи родственников Александра Сергеевича Пушкина с двумя храмами Таганского района (ранее Ивановского сорока): прп. Сергия Радонежского в Рогожской слободе (связь установлена впервые) и прп. Симеона Столпника за Яузой.

Абсолютно новые факты, неизвестные ранее пушкинистам, удалось найти в исповедных ведомостях церкви прп. Сергия Радонежского в Рогожской слободе. В 1747 г. среди прихожан этого храма числятся «господина полковника Василия Иванова сына Чичерина жена его вдова Лукия Васильева» с дочками Анной, Ольгой, Марией и Варварой¹. Документы ранее 1747 г. найти не удалось. Возникает вопрос: мог ли в Сергиевском приходе проживать прадед Пушкина полковник Василий Иванович Чичерин, который умер 14 января 1743 г. в возрасте 42 лет и похоронен в церкви св. апостолов Петра и Павла в Басманной слободе? Эта церковь входила в состав Сретенского сорока. Сохранились исповедные ведомости Петропавловской церкви за 1743 и 1744 гг., но Чичерины в них отсутствуют². Конечно, можно допустить, что сразу после смерти Василия Чичерина его вдова переехала в другой дом. Но более вероятной представляется версия, что в Рогожской слободе проживала вся семья, а в Басманной полковник был только погребен. В Рогожской слободе самыми старыми улицами были Воронья (ныне — улица Сергия Радонежского) и Тележная (1-я Рогожская, ныне — Школьная). К сожалению, нам неизвестно, где именно стоял дом Чичериных. Но факт проживания в Рогожской слободе прабабушки и бабушки Пушкина, а также сестер бабушки подтверждается большим объемом документов³.

После того, как Ольга Чичерина вышла замуж за Льва Пушкина, а Лукия Чичерина умерла, в Рогожской слободе еще долго проживали сестры Анна, Мария и Варвара, которые были активными прихожанками. В марте 1776 г. прихожане Сергиевского храма подали

прошение в Консисторию о производстве местного диакона в сан священника. Когда был получен отказ, прихожане еще раз просили, чтобы диакон стал вторым священником, в уважение его более чем 20-летнего служения. В обоих случаях первой среди прихожан подписалась под прошением Анна Чичерина, и это объяснимо: многолетнее служение диакона проходило на ее глазах. В июне 1778 г. подпись Анны Васильевны стоит первой под прошением о проведении ремонтных работ в храме⁴.

В 1747 г. у Чичериных было 23 служителя, в 1759 г. — 36⁵. Метрические книги фиксируют события из жизни дворовых людей (рождения, венчания, смерти). На крестинах обычно восприемниками выступали служители самих Чичериных. Но бывали исключения, например, 13 апреля 1781 г. в доме господ Чичериных у служителя Ивана Дмитриева родилась дочь Ирина, восприемниками записаны архимандрит Воскресенского монастыря Афанасий и госпожа девица Варвара Васильевна Чичерина⁶.

Последний раз дом Чичериных в метрических книгах Сергиевского храма упоминается в 1785 г.: 5 октября у дворового господ Чичериных Варлаама Дмитриева родился сын Фома. Восприемницей стала служительница господ Чичериных девица Анисия Елефериева⁷. К тому времени сестры переехали ближе к центру Москвы, но остались на той же Николаямской улице, в конце которой стоит Сергиевский храм.

В ОПИ ГИМ удалось найти план приходских дворов церкви прп. Симеона Столпника за Яузой⁸. Участок Чичериных граничит с Николаямской улицей, Чичеринским переулком и владениями Баташова, а на западе выходит прямо к апсидам храма. Каменный усадебный дом был двухэтажным и располагался вдоль Николаямской улицы (до наших дней не сохранился). На участке также отмечено деревянное строение.

В брошюре по истории храма прп. Симеона Столпника за Яузой диакон Матвей Кудрявцев писал: «С 1791 года в Тетеринской слободе — к Земляному валу, на месте помянутого огорода, уже существовал каменный дом, принадлежавший двум богатым сестрам — девицам, Марии и Варваре Чичериным; вероятно, во внимание к благочестивой их жизни и примерному усердию к построению и возобновлению холодного храма, и Тетеринская слобода, в которой они жили, стала называться, в народе, согласно их фамилии — Чечеринскою»⁹.

Автор ошибся трижды. Во-первых, Чичеринский (в советское время Ульяновский, ныне Землянский) и Тетеринский — это разные переулки, их названия созвучны, но не являются синонимами.

Во-вторых, в Симеоновском приходе проживали не две, а три сестры Чичерины. В-третьих, сестры появились в приходе раньше 1791 г. Первое упоминание Чичериных в метрических книгах Симеоновского храма относится к началу 1783 г.: 22 января в доме Анны Васильевны, Варвары Васильевны и Марии Васильевны Чичериных, у живущего в жильцах господина коллежского асессора Григория Дорофеевича Ивашкина служителя Егора Прокофьева родился сын Григорий¹⁰. Следовательно, дом построен не позднее 1782 г.

До 1785 г. Чичерины жили на два дома, пока дом в Рогожской не был, скорее всего, продан. Новый дом, видимо, был вместительным: в 1787 г. у Чичериных, кроме 38 служителей, числятся в жильцах семья мещан с тремя детьми, а на постое четыре солдата московского батальона с женами и три солдатские жены¹¹. В разное время в жильцах у Чичериных проживали также: отставной аудитор Иван Фокин Воронин; цеховой мастер Симеон Никитин (умер в 1784 г. в возрасте 80 лет); экономический крестьянин Михаил Родионов; московский мещанин Алексей Иванов; новомосковский купец Иван Иванов сын Башмаков Большой и лейб-гвардии отставной прапорщик Василий Алексеевич Ладыженский; московский мещанин Василий Кузьмич Третьяков; секретарь Григорий Иванович Высоцкий¹². В 1803 г. в доме Чичериных у живущего по найму казенной шляпной фабрики мастерового Петра Семенова умерла жена Пелагея Васильевна¹³. В 1801 г. у дворового человека жильца Чичериных, полковника Ивана Яковлевича Сукина, Флегонта Герасимова родился сын Сергей, приемниками стали церкви прп. Мартина Исповедника в Алексеевской слободе пономарь Иван Петров и жена пономаря церкви св. Николая Чудотворца у Москворецких ворот Григория Алексея¹⁴. В 1794 г. у живущего постоем прапорщика Романа Григорьевича Богомолова родилась дочь Марфа, приемницей стала дочь дворового человека графа Алексея Григорьевича Орлова¹⁵. Иногда по документам прослеживается целая жизнь. В 1754 г. среди служителей Чичериных упоминается Елевферий Александров 17 лет. Позже он записан в доме не как служитель, а как жилец, мещанин. 5 декабря 1784 г. Елевферий умер в возрасте 46 лет, оставив вдову и трех детей-сирот¹⁶.

Интересно, что одновременно с Чичериными, в 1782 г., в храм прп. Симеона Столпника был назначен новый священник — Николай Федорович Шестаков. Стало ли это совпадение случайным, мы не знаем. Но отношения между батюшкой и его прихожанками сложились очень тесные. Так, из пятерых детей отца Николая у четырех — Агриппины, Федора, Михаила и Матвея — приемницей стала Мария Васильевна Чичерина¹⁷. Дважды, в 1796 и 1798 гг., Ма-

рия Чичерина становилась также крестной матерью детей местного диакона Степана Иванова. Восприемником у дочери диакона Елены стал священник Грузинской в Никитниках церкви Тихон Матвеев¹⁸.

Подпись Марии Чичериной стоит под прошениями прихожан о разборке ветхой богадельни на ограду в январе 1785 г., определении пономаря в 1798 г.¹⁹ и о постройке новой церкви в 1792 г.: «На означенной Симеоновской холодной церкви кровля весьма обветшала, да и все оное здание не имеет достодолжного великолепия, и в рассуждении теплой церкви несколько низко: почему, призвав в помощь Всевышнего Бога, имеем намерение, разобрав старую, построить вновь оную холодную церковь, чтобы, сколько возможно, соответствовала архитектурю прочему церковному зданию...»²⁰. Дьякон Кудрявцев указывал, что Мария Чичерина была среди прихожан, которые давали средства на постройку нового здания Симеоновского храма в конце XVIII — начале XIX в²¹.

Интересная информация содержится в метрической записи от 26 января 1791 г.: «... Женился госпожи Марьи Чичериной дворовый человек Митрофан Алексеев, невестой стала той же госпожи Чичериной вотчины Московской губернии Богородицкой округи сельца Борилова Борисова тож вдова крестьянина Стефана Федорова — Стефанида Иванова»²². На сайте Vogorodsk-noginsk.ru опубликованы описания землевладений Богородского уезда по результатам Генерального межевания 1767—1770 гг. Под № 55 упоминается сельцо Борилово Московского уезда, Рогожского стана, «общее владение брегадира Богдана Михайловича Приклонского, девиц Анны, Марьи и Варвары Васильевен Чеприных», с лесом, санным покосом, прудом и болотом. Приклонские — родственники Чичериных по матери. Сейчас Борилово — деревня в Московской области, никаких упоминаний о том, что этой землей владели предки Пушкина, на сайте нет²³.

В метрических книгах часто встречаются записи о крестинах детей, рождавшихся в семьях крепостных Чичериных. Обычно в качестве восприемников записан также кто-то из дворовых. Но и здесь бывают исключения, например, 22 марта 1792 г. у служителя Митрофана Алексеева родился Василий, восприемником стал московский 3-й гильдии купец Яков Петров сын Титов. 7 мая 1792 г. у служителя Марии Чичериной Алексея Иванова родилась дочь Агриппина, восприемники — тот же купец Яков Петров сын Титов и князя Алексея Васильевича Урусова служительница девица Марья Андреева²⁴.

У детей дворового человека Марии Чичериной Андрея Петрова — Ольги, Параскевы, Марии и сына Ивана — записан восприемником козельский купец Александр Петрович Белозерцев²⁵. Для пушки-

нистов интереснее запись о рождении у того же дворового 3 июня 1810 г. близнецов Петра и Павла. Восприемницами стали дворовые девки Варвары Чичериной Авдотья Яковлева и Анна Игнатьева, а восприемниками — служитель Варвары Чичериной Иван Стефанов и дворовый человек Анны Львовны Пушкиной (тетки Пушкина) Нестор Иванов сын Стрелинский²⁶.

Но это не все находки. В 1780 г. поженились дворовые люди Анны Чичериной Игнатий Васильев и Анастасия Васильева. 24 декабря 1781 г. у них родилась дочь Анна, восприемница — Варвара Васильевна Чичерина. 15 ноября 1783 г. родилась дочь Варвара, восприемники — Измайловского полку сержант Василий Львов Пушкин и Варвара Васильевна Чичерина. 5 июня 1786 г. родилась дочь Мария, восприемники — лейб-гвардии Измайловского полку сержант Василий Львович Пушкин и Мария Васильевна Чичерина. Наконец, 23 февраля 1792 г. родилась дочь Анна (первый ребенок в семье с этим именем умер), восприемниками снова стали лейб-гвардии Измайловского полку прапорщик Василий Львович Пушкин и Мария Чичерина. Почему именно этот служитель Чичериных удостоился такой чести — мы не знаем. Известно только, что Игнатий Васильев умер 25 июля 1795 г. в возрасте 46 лет²⁷.

Приведенные записи свидетельствуют о тесных связях между семьями Чичериных и Пушкиных. Но они относятся к 1790-м гг., когда Александр Пушкин еще не родился. А вот в 1807 г. повенчались дворовые люди Варвары Чичериной Андрей Яковлев и Настасья Андреева. 26 сентября 1808 г. у них родился сын Яков. Восприемниками стали коллежский ассессор Василий Львович Пушкин и умершего полковника Льва Александровича Пушкина дочь девица Анна Львовна Пушкина²⁸. Александру Пушкину было уже 9 лет, и он мог присутствовать на крестинах вместе с родными тетей и дядей.

Вернемся к Чичериным. Анна Васильевна умерла раньше своих сестер, 25 мая 1793 г., и похоронена в Донском монастыре. Эта дата была известна пушкинистам, она подтверждается записью, найденной в метрической книге²⁹.

Впервые удалось найти запись о смерти Марии Чичериной. Она скончалась 29 марта 1809 г. Погребение в Донском монастыре отправлял преосвященный епископ Дмитровский Августин (Виноградский), будущий архиепископ Московский и Коломенский³⁰. Это свидетельство огромного уважения к Марии Васильевне со стороны московского духовенства. В доме за Яузой осталась только младшая из Чичериных — Варвара.

В 1812 г. новый храм прп. Симеона Столпника, который не успели освятить, пострадал от пожара. Дьякон Кудрявцев писал, что цер-

ковь походила на «почерневший остов»³¹. В 1813 г. священник сообщал в Консistorию: «Домы наши, состоявшие на церковной земле, при нашествии неприятелей выжжены»³². Очевидно, что пострадал и дом Чичериных.

В 1813 г. в метрической книге храма прп. Симеона Столпника Варвара Чичерина не упоминается³³. 1 января 1814 г. в доме Варвары Чичериной у дворового человека Андрея Петрова родился сын Василий. Восприемниками стали московский купец Александр Петров сын Белозерцев и означенной госпожи Чичериной дворовая девка Марья Игнатьева³⁴. В 1815 г. в исповедных ведомостях дом Чичериных отсутствует, а дворовый человек Варвары Васильевны Чичериной Андрей Петров с женой и тремя детьми записан в доме умершей цеховой Елены Малахаевой³⁵. В 1817—1819 гг. он служил в доме московского купца Николая Гавриловича Верещагина, оставаясь дворовым госпожи Варвары Чичериной³⁶. Мы можем предположить, что Варвара Васильевна не захотела жить в таганском доме, сильно пострадавшем от пожара, и уехала в Козельский уезд, где у Чичериных были поместья. Она умерла в 1825 г. и погребена, как известно, в Оптиной пустыни.

Надеемся, что найденные в архивах документы из истории таганских храмов прп. Сергия в Рогожской слободе и прп. Симеона Столпника за Яузой привлекут внимание исследователей биографий Александра Сергеевича Пушкина и его родственников.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 129. Л. 229 об.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1912. Л. 411—427; Ф. 203. Оп. 747. Д. 95. Л. 271—290.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 129. Л. 346 об.; Ф. 203. Оп. 747. Д. 193. Л. 62, 62 об.; Ф. 203. Оп. 747. Д. 266. Л. 2.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 29. Д. 2051. Л. 1 об., 4 об.; Ф. 203. Оп. 29. Д. 2054. Л. 1.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 129. Л. 230 об.; Ф. 203. Оп. 747. Д. 266. Л. 2.

⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 23. Л. 15 об.

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 43. Л. 110.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 963.

⁹ Диакон Матвей Кудрявцев. Московская, Симеоностолпническая, за Яузою, церковь. Описание церкви и прихода по историческим источникам. М., 1879. С. 33.

¹⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 32. Л. 187.

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 560. Л. 277—278.

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 32. Л. 190 а; Ф. 203. Оп. 745. Д. 38. Л. 53; Ф. 203. Оп. 745. Д. 43. Л. 39 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 157. Л. 447 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 172. Л. 433; Ф. 203. Оп. 745. Д. 177. Л. 522; Ф. 203. Оп. 745. Д. 90. Л. 196 об.

¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 138. Л. 271.

- 14 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 127. Л. 244 об.
- 15 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 90. Л. 197 об.
- 16 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 206. Л. 287; Ф. 203. Оп. 747. Д. 536. Л. 36 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 38. Л. 58.
- 17 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 43. Л. 39 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 59. Л. 131; Ф. 203. Оп. 745. Д. 68. Л. 123 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 75. Л. 243.
- 18 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 102. Л. 220 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 112. Л. 105 об.
- 19 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 29. Д. 2166. Л. 1 об.; Ф. 203. Оп. 29. Д. 2183. Л. 2.
- 20 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 29. Д. 2177. Л. 1, 1 об.
- 21 Дьякон Матвей Кудрявцев. Указ. соч. С. 13.
- 22 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 75. Л. 239, 239 об.
- 23 Vogorodsk-poginsk.ru/ *Кусов В. С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. М., 2004. Т. 1. стр. 33—70.
- 24 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 80. Л. 55 об., 56.
- 25 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 138. Л. 274 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 147. Л. 435 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 157. Л. 452 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 167. Л. 430 об., 431.
- 26 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 172. Л. 433.
- 27 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 17. Л. 174; Ф. 203. Оп. 745. Д. 23. Л. 21 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 32. Л. 190 об. Л. 191, 191 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 47. Л. 220; Ф. 203. Оп. 745. Д. 80. Л. 55; Ф. 203. Оп. 745. Д. 95. Л. 172 об.
- 28 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 157. Л. 448 об.; Ф. 203. Оп. 745. Д. 163. Л. 186 об.
- 29 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 86. Л. 6 об.
- 30 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 167. Л. 429.
- 31 Дьякон Матвей Кудрявцев. Указ. соч. С. 16.
- 32 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 752. Д. 411. Л. 1.
- 33 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 186. Л. 133—134.
- 34 ЦГА г. Москвы. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1776. Л. 2.
- 35 ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 882. Л. 117, 121 об.
- 36 ЦГА г. Москвы. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1776. Л. 21 об., 22; Ф. 203. Оп. 747. Д. 9486. Л. 357 об.

Е.Ю. Платонова

К истории семейства тульских купцов Белолопеецких и их дома № 10 на улице Металлистов

Филиал Исторического музея в Туле располагается в бывшем особняке купцов Белолопеецких (Белолпских) — самом примечательном здании — доме № 10 на улице Металлистов (до 1924 г. — улица Пятницкая)¹. Выходцы из старинного служилого рода, упоминаемого писцовыми книгами с XVI столетия, их потомки, небогатые однодворцы и мелкопоместные дворяне, проживали в XVII—XIX вв. в Ефремовском, Новосильском, Крапивенском, Епифанском, Тульском уездах и близлежащих губерниях². В самом городе Туле также проживали Белолпские — казенные оружейники, причислившиеся к данному сословию, видимо, из однодворцев на рубеже XVII—XVIII вв. Тульское купеческое семейство происходило из государственных крестьян — бывших однодворцев деревни Белолпской Анишинской волости Тульского уезда, расположенной в 21 км от центра Тулы на речке Ложке³, притоке Сежи (деревня эта входила в приход села Романова, Покровское на Сеже тож).

Первым из семейства на жительство в город перебрался Михаил Филатович Белолопеецкий — в 1836 г. в 28-летнем возрасте он записался в тульское мещанское сословие⁴. У него родились два сына — Иван (1834) и Александр (1843). Старший Иван, указывая в 1885 г. сведения о собственном сально-свечном заведении на улице Пятницкой, неожиданно сообщил датой его основания 1835 г.⁵ Этот факт позволяет предположить первоначальный промысел его отца в Туле. Интересно, что аналогичные сведения о семейном заведении указал и младший брат Александр, но только он привел иную дату его основания — 1866 г.⁶ (возможно, что им была названа дата приобретения предприятия в собственность). Архивные источники, в принципе, не отвергают подобного расклада событий: о действующем сально-свечном заведении мещанина Дмитрия Владимировича Богданова, проживавшего в первой половине XIX в. на улице

Пятницкой⁷, свидетельствует документ 1836 г. — на тот момент это было одно из трех заведений города, производивших данный вид «осветительной» продукции⁸. Также в документе 1839 г. на участке Богданова среди прочих строений были описаны атрибуты свечного производства: «Дом каменный, крыт железом, в дл. 4 саж., шир. 5, в нем 2 комнаты, к дому пристроены 2 лавки деревянных, крыты временным тесом, в дл. 4, шир. 5 саж. Изба рабочая в ней свечная амкальная⁹ баня с предбанником, крыта тесом, шир. 1.5 саж., дл. 2.5 саж. На Набережную улицу флигель каменной, крыт железом, в дл. 6, шир. 3.5 саж., в нем 2 комнаты, под оным сальное свечное заведение, к оному пристройка, крыта тесом... сарай... баня...»¹⁰. Не исключено, что семья Белолипецких изначально поселилась в Туле при свечном заведении Богданова и никуда оттуда не переезжала; глава семейства Михаил Филатович, не ограничиваясь сально-свечным делом, мог найти и другие дополнительные способы заработка, позволившие со временем накопить капитал. Так или иначе, но мещанам Белолипецким на рубеже 1860—1870-х гг. удалось приобрести бывший участок Богданова на улице Пятницкой (окл. № 7)¹¹ со свечным производством¹² и перейти в новый (более высокий) социальный статус — в 1868 г. старший сын Иван записывается в тульские купцы¹³. Надо отметить, что для ведения торговли это приобретенное место было весьма выгодным — как раз напротив по улице Пятницкой находились торговые лавки Покровской церкви и дьячка Полюбина, успешно сдаваемые в аренду различным лицам.

Размах торгово-предпринимательской деятельности Ивана Михайловича был явно шире интересов свечного производства. В 1870-е гг. он участвует в «тендерах» на поставку Тульскому оружейному заводу (ТОЗ) крупных партий масла деревянного¹⁴ и бумагопрядильных отходов, использовавшихся для обтирки оружейных частей, сверл и резцов¹⁵. Постоянным товарищем-конкурентом И.М. Белолипецкого в подобного рода операциях был купец 2-й гильдии Иван Федорович Белобородов, проживавший в Сапуновском переулке¹⁶, далее в компании с ним же Иван Михайлович осваивает торговлю новым продуктом — керосином¹⁷. Начиная с 1879 г., под устройство керосиновых складов он арендует городскую выгонную землю в районе Курского вокзала, а с 1890 г. и в районе Ряжского близ складов братьев Нобелей¹⁸.

В 1875 г. И.М. Белолипецкому по вводному листу переходит участок Марии Федоровны Осетровой (окл. № 19), который являлся продолжением его же участка на Пятницкой до Набережной улицы; также он приобрел смежный участок купца Макеева Клина Климовича (окл. № 8). В результате образовалось большое

единое пространство, на территории которого позже будет выстроен нынешний дом № 10. В 1876 г. на бывшем участке Осетровой он затеял большое хозяйственное строительство — снес старые постройки, планируя взамен построить каменное двухэтажное здание во всю ширину участка с подъездными воротами во внутренний двор с Набережной улицы¹⁹; к 1881 г. это строительство было завершено. В левом крыле нового дома поместили машинное отделение, рядом на соседнем участке (окл. № 8) устроили мучную мельницу и шасталку²⁰ для шелушения риса²¹. Фактически, курс на приоритетное развитие мукомольного производства был выбран И.М. Белолипецким в самом начале его предпринимательской деятельности. Под устройство складских помещений он также приобрел участок близ Покровской церкви (окл. № 25)²².

На 1891 г. приходится пик деловой активности купцов Белолипецких. Младший, Александр Михайлович, бывший в статусе мещанина и ранее участвовавший в деловых операциях старшего брата на вторых ролях, также записывается в тульские купцы²³; братья объединили капиталы и образовали Торговый Дом (ТД) под фирмою «Братья Белолипецкие в Туле» для совместной торговли москательными²⁴, масляными, хлебными и другими товарами и «вообще для коммерческих предприятий»²⁵. Иван Михайлович приобрел дом в Заречье на Арсенальной площади, который сдавался под гостиницу²⁶, обновил один из двух каменных домов на своем участке на улице Пятницкой под контору и магазин фирмы²⁷. Позже младший брат Александр Михайлович приобрел для проживания семьи также дом на улице Пятницкой (окл. № 10; ныне — улица Металлистов, дом № 6)²⁸. Об ассортименте розничной бакалейной торговли магазина «ТД Белолипецких на Пятницкой» можно судить по кредитной книжке 1904—1905 гг. общежития 2-й женской гимназии г. Тулы. Среди приобретенных товаров перечислены: крупы и мука разных сортов, мыло, свечи, сода для белья, масло коровье, конопляное, подсолнечное, сахар (пиленный, песок и пудра), вакса, самоварная мазь, керосин, дрожжи, крахмал, перец, горчица, лимоны, зеленый горошек, макароны, сельди, шпроты, сардины, кильки, карамель, желатин, миндаль, орехи грецкие, кофе, какао, изюм, чернослив, грузди соленые, боровики, шоколад, цукаты, сухие корни, духи, масло деревянное, чернила, краска для яиц²⁹.

В 1897 г. умер младший из братьев Александр Михайлович, при этом в дела фирмы активно включается его подросток единственный сын Александр Александрович. В 1898 г. он выкупил расположенный со стороны Набережной смежный участок (окл. № 18), ранее принадлежавший купцам Сапельниковым с торговыми банями,

где построил дополнительное каменное складское помещение³⁰; к 1900 г. там же им возводится еще одно каменное строение — тоже, вероятно, склад³¹. В 1902 г. умирает и старший брат Иван Михайлович, единственным преемником дела отца и дяди становится Александр Александрович Белолипецкий — с декабря 1903 г. ему полностью перешли все права на недвижимое имущество фирмы³². По-видимому, именно Александру Александровичу принадлежала идея строительства большого эффектного здания ТД фирмы «Братья Белолипецкие в Туле» на улице Пятницкой (ныне — улица Металлистов, дом № 10), которую ему удалось осуществить к 1905 г.

Став преемником фирмы, А.А. Белолипецкий приобретает еще несколько участков, в том числе, и большой торгово-банный комплекс купцов Сапельниковых на улице Пятницкой (окл. № 5; ныне — улица Металлистов, дома № 14 и № 16)³³. На момент 1906 г. его недвижимая собственность в разных частях города по суммарной оценке составила около 10 тыс. руб. (см. табл. 1)³⁴. Вид на квартал Белолипецких со стороны Набережной представлял собой сплошную вереницу принадлежавших им складских, хозяйственных и банных зданий.

Таблица 1. Недвижимая собственность купца А.А. Белолипецкого в разных частях Тулы на 1906 г.

№ п/п в приходном журнале	№ части города	№ окл. места	Начислено дохода, руб.
3999	1	5	3340
4308	1	6 А	630
4170	1	6 Б	230
4243	1	7	1829
5008	1	8	716
688	1	10	965
4952	1	18	394
4171	1	19	88
4169	1	25	246
4309	1	549	788
4168	1	550	300
4169	2	1309	74
4172	3	1192	61
4169	3	2336	143

Не обходит вниманием А.А. Белолипецкий и модное увлечение рубежа XIX—XX вв. — табакокурение. На видном месте его магазина в 1905 г. представлена реклама папиросных гильз известного

производителя Абрама Катыка: «Лучшие гильзы, А. Катыкъ и К^о», г. Москва»³⁵; надо полагать, и другие товары того же спектра были достаточно широко представлены в ассортименте. Но, более того, в 1907 г. А.А. Белолипецкому принадлежал бывший завод братьев Лялиных Михаила и Николая Павловичей³⁶ на улице Миллионной (ныне — улица Октябрьская)³⁷, выпускавший оборудование для промышленного изготовления подобных папиросных гильз, достаточно простое в изготовлении³⁸. Об этом производстве упоминают в своем письме в тульскую городскую управу последующие арендаторы этих заводских помещений на участке Лялиных — личный почетный гражданин Алексей Трофимович Шукленков и потомственный дворянин Николай Константинович Яковлевский: «... Завод до перехода в наше товарищество вырабатывал *гильзо-мундштучные машины и станки, приспособленные для этого дела...*»³⁹. В 1909 г. Шукленков и Яковлевский объединились в «Товарищество машиностроительного и механического завода в г. Туле, бывшего А.А. Белолипецкого и Ко», чтобы здесь собственное замочное производство. Интересно, что бывший завод А.А. Белолипецкого был продан новообразованному «Товариществу» в комплекте с произведенной на нем продукцией — двадцатью гильзо-мундштучными машинами (под их залог в августе 1909 г. Шукленков и Яковлевский получили в Государственном банке ссуду 1000 руб. сроком на 3 месяца⁴⁰). Вероятно, производство подобных машин оказалась малоприбыльным делом, и компанией было принято решение к 1 января 1909 г. о его срочном свертывании⁴¹ и распродаже оборудования вместе с изготовленными машинами⁴².

Суммарный торговый оборот мучной лавки и бакалейного магазина фирмы Белолипецких в период 1886—1904 гг. составлял порядка 100 тыс. руб./год, уровень прибыли — до 5 тыс. руб./год, что было значительно выше среднестатистических показателей⁴³. Наследник ТД Александр Александрович очень старался не только упрочить, но и развить успех, достигнутый стараниями дяди и отца. В дополнение к мукомольному производству в компанию была включена бригада ломовых извозчиков — для осуществления оптовых грузоперевозок⁴⁴, вероятно, делался расчет и на высокий доход от новоприобретенных торговых бань.

Сохранился «Формулярный список о службе члена учетного комитета тульского отделения Государственного банка купца А.А. Белолипецкого» от 20 октября 1901 г.,⁴⁵ сообщающий о добрых общественных начинаниях молодого преемника ТД «Братьев Белолипецких в Туле»: в 1901 г., 26 лет от роду, Александр Александрович являлся членом попечительского совета Тульского коммерче-

ского училища, попечителем церковно-приходской школы в селе Трущове Тульского уезда⁴⁶, церковным старостой Воскресенской церкви при ТОЗ⁴⁷, депутатом купеческого общества и заведующим его богадельней, почетным попечителем Николаевского детского приюта и гласным Городской думы.

Однако со здоровьем у А.А. Белолипецкого к концу первого десятилетия XX в. начались серьезные проблемы, управлять единолично большой торговой компанией было непросто, финансовые дела фирмы в 1908—1912 гг. значительно ухудшились — часть приобретенной недвижимости пришлось продать, а часть унаследованной заложить⁴⁸. С 3 апреля 1913 г. узкосемейное предприятие преобразуется в торгово-промышленное товарищество на паях под прежним наименованием «Братья Белолипецкие в Туле» — в число соучредителей, кроме самого Александра Александровича, вошли еще шесть человек⁴⁹.

В апреле 1915 г. А.А. Белолипецкий умер⁵⁰, обязанности управляющего директора-распорядителя компании перешли его другу и соратнику Василию Марковичу Делиеву⁵¹; товарищество под фирмой «Братья Белолипецкие в Туле» не прекращало своей деятельности вплоть до прихода Советской власти.

Из истории дома № 10 на улице Металлистов. На начало 1880-х гг. на участках И.М. Белолипецкого (окл. № 7 и № 8) фасадами по красной линии улицы Пятницкой с небольшим промежутком (~ 2 саж.) располагались два каменных дома. На участке слева, ранее бывшем в собственности мещанина Дмитрия Владимировича Богданова, стоял каменный одноэтажный дом с мезонином, построенный между 1831 и 1839 г. (размером: ~ 8 × 4 кв. саж.); на участке справа, до этого принадлежавшем купцу Климу Климову Макееву, находились каменные лавки 1830-х гг. постройки, надстроенные вторым этажом в 1842 г. (размером: ~ 6 × 5 кв. саж.)⁵², далее по улице шли ворота и стояла небольшая каменная лавка⁵³. В 1883 г. Иван Михайлович предпринимает некоторые «улучшения» на своих участках — на левом доме (окл. № 7) мезонин сменяется вторым этажом, при этом оценочная стоимость участка возрастает с 308 до 478 руб.; цена правого участка (окл. № 8) ввиду также каких-то перестроек увеличивается с 631 до 715 руб.⁵⁴ Можно предположить, что в данный момент как раз и осуществляется постройка нынешнего дома № 10 по улице Металлистов. Однако последующие документы эту гипотезу не подтверждают. В 1891 г. И.М. Белолипецкий просит разрешения у Тульской городской управы построить на территории левой части (окл. № 7) двухэтажный каменный дом (по проекту архитектора Дмитрия Ефимовича Гурьева) — контуры этого здания

соответствуют левой половине современного дома № 10, однако декор его еще совсем иной⁵⁵; строительства же на правом участке (окл. № 8) проект не предусматривает — лестничный проем нового «левого» здания предполагается состыковать с внешней стеной расположенного на «правом» участке относительно невысокого здания (бывшего дома Макеева).

Скорее всего, данный проект Гурьева оказался реализован к 1893 г., поскольку оценочная стоимость левого участка (окл. № 7) увеличилась в тот момент с 478 до 955 руб., при этом стоимость правого (окл. № 8) осталась прежней. Следующая переоценка этих участков произошла только в 1906 г.⁵⁶, когда дом № 10 окончательно принял современные очертания (он запечатлен в 1905 г. на коллективном фото ТД). Странно, но и тогда также произошло увеличение стоимости лишь левого участка (окл. № 7) с 955 до 1829 руб., а стоимость правого — осталась без изменений⁵⁷.

Проект фасада дома № 10 обнаружить среди архивных документов не удалось, однако сохранился проект фасада конторы фирмы, которую Александр Александрович планировал в 1904 г. разместить в соседнем доме № 12 по улице Пятницкой (окл. № 6), принадлежавшем госпоже А.П. Поповой⁵⁸. Смежный участок Поповой им был приобретен, по-видимому, как раз с этой целью⁵⁹. Проект декора будущей «конторы» ТД А.А. Белолипецкому разработал архитектор Сергей Митрофанович Серебровский⁶⁰, причем выполнен он был в едином стиле с современным домом № 10. Исходя из этого, можно предположить, что проект основного здания ТД «Бр. Белолипецких» (улица Пятницкая, дом № 10, окл. № 7, 8, 19) и фасад отдельно стоящего здания конторы (улица Пятницкая, дом № 12, окл. № 6А) были разработаны одновременно в 1904 г. одним тем же архитектором Серебровским. По иронии судьбы планируемое улучшение фасада дома № 12 («Конторы») реализовать до 1908 г. так и не удалось. А после этот дом оказался проданным новым хозяевам — купцам Сушкиным, поэтому фактически сохранил свой прежний исторический облик, по крайней мере, с 1880-х гг.

С конца декабря 1911 г. дом № 12 (уже Сушкиных) и ряд помещений дома № 10 Белолипецкого были арендованы под размещение купеческого клуба с буфетом⁶¹. В них устраивались роскошные танцевальные вечера под оркестр, новогодние балы-маскарады, давались концерты, ставились спектакли⁶². В годы Первой мировой войны в верхнем этаже дома № 10 располагался лазарет на 133 койки для раненых воинов, остальные же помещения по-прежнему сдавались купеческому клубу, также действовали склады и магазин фирмы, проживали семьи сотрудников ТД, работала паровая мель-

ница. После революции 1917 г. паровую мельницу Белолипецких национализировали, однако она скоро пришла в негодность⁶³, особняк какое-то время служил жилым домом для руководителей Союза металлистов, использовался для размещения госучреждений⁶⁴. По решению Совета Министров РСФСР от 04.06.1947 г. дом был передан в пользование Облпотребсоюзу для устройства профтехучилища, которое просуществовало в нем до 1980-х гг. С середины 1980-х гг. в здании находились различные производства (швейное, по изготовлению обуви).

Репрессии советского периода не затронули семейства умершего купца Александра Александровича и его вдовы — дети его получили высшее образование, жили и трудились в дальнейшем в Туле и Москве.

Пряничная история Белолипецких. Она, вопреки распространенной краеведческой версии⁶⁵, ровно никакого отношения к дому № 10 на улице Металлистов не имеет, поскольку связана с другим семейством того же рода, проживавшем в конце улицы.

В начале 1870-х гг. из деревни Белолипки в Тулу на жительство переезжает Михаил Григорьевич Белолипский — сын Григория Филатовича, брата Михаила Филатовича — двоюродный брат будущих соучредителей фирмы «Братьев Белолипецких в Туле» Ивана и Александра Михайловичей.

Он поселился на нечетной стороне улицы Пятницкой, «близ Чугунного моста», в доме купца Дмитрия Егоровича Шеметова (окл. № 20 — участок современного дома № 23 по улице Металлистов), где в 1872 г. в арендованном помещении открывает собственное пряничное производство⁶⁶. Дела предприятия шли успешно⁶⁷, арендуемый у Шеметова участок по вводному листу 1884 г. перешел в собственность Михаилу Григорьевичу Белолипецкому⁶⁸. В 1884—1886 гг. он возвел здесь, снеся старые постройки, новый каменный двухэтажный дом⁶⁹, на первом этаже которого был размещен магазин, а во дворе построено отдельное здание для прянично-кондитерского производства и общежития работников⁷⁰. Содержали заведение хозяева с большой аккуратностью, в заключении Санитарной комиссии Тулы 1889 г. были высказаны особо лестные слова в адрес предприятия М.Г. Белолипецкого. Обнаруженная в нем чистота и опрятность приятно удивили и были поставлены в пример остальным предпринимателям, производящим продукты питания⁷¹. Проживая в Туле, Михаил Григорьевич долгое время оставался в статусе крестьянина, ежегодно выкупая временные купеческие свидетельства⁷²; к постоянному тульскому купечеству он был причислен лишь с 1892 г., но, как оказалось, ненадолго — в 1894 г. он

умер. Кроме дома № 23 на улице Металлистов (Пятницкой), семейству принадлежал купленный также у Шеметова смежный участок по адресу: улица Посольская, дом № 3 (окл. № 29А)⁷³. На нем располагался старый пивоваренный завод Шеметовых, который к середине 1890-х гг., по-видимому, пришел в ветхость. В 1897 г. на этом участке описаны «лавка и строения бывшего пивоваренного завода»⁷⁴. По проекту 1896 г. сыновья М.Г. Белолипецкого возвели здесь по красной линии улицы новое каменное двухэтажное здание⁷⁵, которое в 1899 г. было включено в оклад; в дальнейшем этот участок использовался семьей как доходный — для сдачи помещений в аренду⁷⁶. Недвижимое имущество и фабрику после смерти Михаила Григорьевича наследовали его жена Ксения Павловна и пятеро сыновей: Иван (1873), Николай (1874), Александр (1876), Платон (1877) и Василий (1883). В отличие от фирмы «Братья Белолипецкие в Туле», фирму сыновей Михаила Григорьевича стали именовать в городе «Белолипецкие — наследники» (в их число входила и мать, которая первое время возглавляла фабрику)⁷⁷.

Однако пряминое дело отца, по факту продолжили лишь двое из его детей — Платон и Александр⁷⁸, причем им пришлось выплачивать долю причитающегося наследства остальным братьям, что оказалось тяжким обременением⁷⁹. В советский период до 1923 г. частное пряминое заведение на улице Пятницкой продолжало действовать, но далее было экспроприровано⁸⁰.

В 1925 г. по адресу: улица Металлистов, дом 23 было зарегистрировано уже другое предприятие — кондитерское производство артели инвалидов № 8⁸¹. О дальнейшей судьбе Белолипецких из семейства прямичников информация отсутствует.

¹ *Рассаднев С.А.* Прогулки по улицам Тулы: беседы краеведа. Тула: Шар, 1996. С. 19.

² Подробнее об истории рода: *Белелюбский Б.Ф.* Род тульских служилых людей Белелюбских-Белолипских (Белолипецких) на переломе эпох. Конец XVII — начало XVIII в. // *Мир оружия: История, герои, коллекции.* Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Тула, 2022. С. 93—100.

³ https://yandex.ru/maps/?from=api-maps&ll=37.948720%2C54.188735&orig=jsapi_2_1_79&z=14/; (дата обращения: 01.12.2023).

⁴ ГАТО. Ф. 406. Оп. 1. Д. 7. Л. 960—961 (9 рев., 1850 г.); Ф. 327. Оп. 1. Д. 12. 1816. Л. 181—182; ГАТО Ф. 324. Оп. 1. Д. 8. 1858. Л. 538.

⁵ ГАТО. Ф. 52. Оп. 4. Д. 3. Ведомость о фабриках завода и промышленных предприятиях города Тулы за 1885 г. Л. 195.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 2685. Алфавит 1-й городской части оценочно-сбора на 1831 г. Л. 15; ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 140. Л. 6 об. Этот участок

- на улице Пятницкой с рабочей избой на нем принадлежал еще отцу Дмитрия, по крайней мере, с 1810 г. См.: ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 1. Д. 1264. Дело по объявлению тульского мещанина Владимира Григорьева сына Богданова о выдаче ему на состоящей в городской части в 1-м квартале место плана с фасадом. 1810—1811.
- 8 ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 18. Д. 14625. Ведомости о фабриках и заводах Тульской губернии, 1837—1838. Л. 139—140.
- 9 Свечи и производство их: «...Свечи салные приготавливаются маканьем или отливанием в формы. Маканье применяется только на маленьких заводах и состоит в многократном погружении свечильни в расплавленное сало... причем каждый раз на ней отлагается новый слой сала, и таким образом свеча принимает надлежащую толщину» // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.
- 10 ГАТО. Ф. 518. Оп. 1. Т. 2. Д. 4711. Оценочная опись недвижимых имуществ г. Тулы. 1-я часть. 1839. Л. 6 об.
- 11 По последней оценке городской недвижимости 1875 г. этот участок был зарегистрирован с окладным № 7; здесь и далее нумерация окладных мест приводится согласно этому списку.
- 12 Участок на момент покупки принадлежал, на самом деле, уже не Богдановым, а мещанке Анне Ивановой Пятницкой; о переходах недвижимости подробнее: «Белолипецкие с улицы Пятницкой. Исследование Елены Платоновой», URL: https://tulainpast.ru/belolipetskie_s_ulitsyi_ruatnitskoj/; (дата обращения: 01.12.2023).
- 13 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6. Д. 12690. Список купцам г. Тулы на 1891 и 1892 гг.
- 14 Деревянное масло — относительно дешевый низший сорт оливкового масла, не идущий в пищу, производилось из оливкового жмыха методом перегонки с сернистым углеродом (применялось для масляных ламп и лампадок, для протирки инструментов и пр.).
- 15 ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Т. 3. Д. 8486. 1874. Л. 105; Ф. 187. Оп. 1. Т. 3. Д. 8494. 1876. Л. 173, 336, 375, 486, 488.
- 16 Он же — Спасский переулочек; ныне на этом месте расположено главное здание администрации Тулы.
- 17 Характер предпринимательских интересов у этих купцов был близким; в частности, они постоянно перехватывали друг у друга крупные заказы на поставку тех или иных товаров оружейному заводу.
- 18 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 9. Д. 23351. 1901. Прошение тульского купца Ивана Михайловича Белолипецкого и др. об отдаче в арендное содержание участка городской земли; ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6 Д. 12130. Прошение тульских купцов Ивана Михайловича Белолипецкого и Ивана Федоровича Белобородова об отдаче им около Ряжского вокзала при пересечении ж./д. участка городской выгонной земли 1000 сажень под устройство для керосинного склада. 1890; ГАТО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 739. Оценка (описание, расценка, разработка, планы построек) склада керосина Торгового дома братьев Белолипецких в г. Туле. 1912.
- 19 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 2. Д. 3151. Объявление Тульского купца Ивана Михайловича Белолипецкого о разрешении постройки каменного с крыльцом и ретирадой дома. 1876.
- 20 Шасталка — устройство для перетирания зерна и отделения от него пленки, отбивания усов и остей и перетирания в порошок попавших в зерно кусочков земли // *Сельскохозяйственный словарь-справочник.* М.; Л.:

- Государственное издательство колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз», 1934.
- 21 ГАТО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 221. Л. 3—4. 1898; Ф. 4. Оп. 5. Д. 742. 1912.
- 22 И.М. Белолипецкий между 1887 и 1893 г. приобретает пустопорожнее место у потомственной почетной гражданки Черниковой Ольги Федоровны на углу Покровского переулкa близ церкви, где к 1893 г. возводит два каменных строения: сарай и палатку. ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 9523. 1886—1887; Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19179. 1897. Л. 24.
- 23 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6. Д. 12676. 1891.
- 24 Москательные товары — краски, клей, непищевое масло и другие химические вещества // Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949—1992.
- 25 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6. Д. 12710. Заявления тульских купцов Ивана и Александра Михайловичей Белолипецких об открытии ими в г. Туле Торгового дома. 1891.
- 26 ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 2912. Дело о разрешении Тульской духовной консисторией тульскому купцу Ивану Белолипецкому открыть гостиницу на Арсенальной площади г. Тулы. 1891.
- 27 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6. Д. 12377. По заявлению тульского купца Ивана Михайловича Белолипецкого о разрешении произвести постройку каменного 2-х этажного дома и одноэтажного сарая. 1891.
- 28 Деловая Тула. 1896. Торгово-промышленный, коммерческий и справочной собеседник. Изд. М.И. Эссен. Л. 23: «Тульское Отделение Крестьянского Поземельного Банка (Пятницкая ул., д. Филиппович)»; ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19179. 1897. Л. 17. (Окл. № 10 — домовладение А.М. Белолипецкого); Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 9523. 1886—1887. (Окл. № 10 — домовладение Филиппович).
- 29 ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5. 1904—1905.
- 30 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Д. 19461. Дело по заявлению тульского купца Белолипецкого, о разрешении постройки каменного одноэтажного склада. 1898.
- 31 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19179. Окладная книга оценочного сбора с недвижимых имуществ. 1897. Л. 20 об.
- 32 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 9. Д. 24708. Сведения о переходе недвижимых имуществ по 1-й части г. Тулы во владение др. лиц за 1902 по 1907 гг.
- 33 Семейство Сапельниковых издавна промышляло в этих местах баннным промыслом.
- 34 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 31256. Приходный журнал для записи поступления оценочного сбора с недвижимых имуществ по г. Туле. 1906.
- 35 Рекламный листок попал в кадр коллективного фото ТД в 1905 г.
- 36 Именовался в официальных документах «Машиностроительный и механический завод А.А. Белолипецкого и К^о», завод был непохоже оснащен по тем временам. См.: ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 31257. Оценочная опись недвижимого имущества по г. Туле. 1907. Л. 431—435.
- 37 Участок братьев Михаила и Николая Павловичей Лялиных, племянников купца и самоварщика Якова Алексеевича Лялина, располагался на ул. Миллионной (окл. место № 449), как раз напротив его усадьбы, где ныне находится музей самоваров.
- 38 Гильзо-мундштучные и папиросо-набивные машины / Э.И. Гуревич, В.И. Петерсон; под ред. и с предисл. А.Г. Кацкого. Ч. 1: Гильзо-мундштучные машины системы И.А. Семенова и бр. З. и Г. Раковицких, 1927.

- ³⁹ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 32920. Дело о расходах по уплате государственного налога с фабрики купца Александра Александровича Белолипецкого. 13.02.1909.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1319. Дело по заявлению товарищества Белолипецких о выдаче ссуды. 1909.
- ⁴¹ В письме в тульскую городскую управу от 12 февраля 1909 г. А.А. Белолипецкий сообщает: «Имею честь заявить Управе, что с 1 января с/г все работы на моей фабрике, что на Миллионной ул. в доме Лялиных — прекращены, права на производство работ в 1909 году мною не выбраны».
- ⁴² Следует заметить, что удача не сопутствовала и новым предпринимателям-арендаторам. Завод достаточно быстро перешел от них Б.Ш. Кронроду, затем — его наследникам, а в августе 1911 г. вообще закрылся; в марте 1912 г. данный участок Лялиных вместе с заводом приобрело семейство самоварщиков Тейле, которое и владело им вплоть до прихода Советской власти. См.: ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 11. Д. 36587.
- ⁴³ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 5. Д. 9293. Журнал генеральной проверки торговли и промышленных заведений по первой части города Тулы на 1886 г.; 1904 г.: ГАТО. Ф. 174. Оп. 3. Д. 279—281. (Подробнее см.: Белолипецкие с улицы Пятницкой. Исследование Елены Платоновой. Ч. 6. Экономические показатели развития родственных предприятий... https://www.tulainpast.ru/belolipetskie_s_ulitsyi_pyatnitskoj/row2270/; (дата обращения: 01.12.2023).
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 13. Д. 40605. Л. 127.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 120. Оп. 2. Д. 55. Дело о службе члена учетно-ссудного комитета по мелкому кредиту Белолипецкого А.А. 1901—1906.
- ⁴⁶ В данную запись вкралась неточность, следует читать: *Трещеве Тульского уезда*. Деревня Трещево находилось близ деревни Белолипки — на родине деда Александра Александровича Белолипецкого. Здесь в 1897 г. открылась одноклассная церковно-приходская школа, устроенная в каменном здании с учительской квартирою (стоимостью 5400 руб.), приобретенном и оборудованном на средства купца Александра Белолипецкого на купленной им же земле. Заведовал школой и был в ней законоучителем священник Константин Глаголев с казенным вознаграждением 25 руб./год, учителем служил имеющий учительское звание Моисей Коликов, который с 1895 г. получал от попечителя жалование 300 руб./год. Попечителем школы с 1897 г. являлся тульский купец Александр Белолипецкий; в 1909 г. в ней обучались 23 мальчика и 19 девочек, при школе имелся хор. См.: Двадцатипятилетие церковных школ Тульской епархии. (1884—1909 гг.) Краткий обзор. Тула: Электронеч. и тип. И.Д. Фортунатова насл., 1909. Л. 219.
- ⁴⁷ На средства А.А. Белолипецкого в 1899 г. была поновлена церковь Воскресения на территории ТОЗ. См.: ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Т. 3. Д. 9437.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф. 174. Оп. 2. Д. 3147. Алфавит недвижимых имуществ 1-й части города, 1908—1913 гг.; ГАТО. Ф. 51. Оп. 44. Д. 1493. Апр. 1815 г.
- ⁴⁹ Состав соучредителей в 1913 г.: потомственный почетный гражданин Александр Александрович Белолипецкий, поселянин Екатеринославской губернии Делиев Василий Маркович, тульские купцы Макаров Петр Васильевич, Иванов Михаил Михайлович, Золотаревы Василий и Алексей Ивановичи, дворянин Смирнов Аркадий Алексеевич. См.: *Савушкина М.А., Антонова И.А.* Торговые дома г. Тулы в начале XX века // Тульский краеведческий альманах. Вып. 13. 2016.

- 50 У родственников сохранилась справка о смерти Александра Александровича, выданная отделом ЗАГС Тулы в 1936 г. на основе записей в книге гражданских состояний Казанской церкви 1915 г.
- 51 Газета «Тульская Молва». Вып. от 20 ноября 1915 г.
- 52 ГАТО. Ф. 1793. Оп. 2. Д. 28. Л. 151 об., 152. 1841—1842. (Надстройка мешанином Климом Макеевым каменного 2-го этажа над существующими каменными лавками на принадлежащем ему месте в 1-й части на Пятницкой улице.)
- 53 ГАТО. Ф. 84 Оп. 6. Д. 23 а. Л. 148. Фасад для постройки вновь каменного навеса, выходящего на берег реки Упы, и план местности владения Тульского 3-й гильдии купца Клина Климова Макеева, состоящего в 1 части в 1 каменном квартале под № 9 на Пятницкой улице в г. Туле. 1859 г.
- 54 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 4. Д. 6945. Окладная книга о взимании в пользу казны и земства налогов с недвижимых имуществ по 1 части. 1882—1885.
- 55 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6. Д. 12377. 1891.
- 56 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 31256. Приходный журнал для записи поступления оценочного сбора с недвижимых имуществ по г. Туле. 1906. Л. 128 (п/п № 4245), 150 об. (п/п № 5008).
- 57 Возможно, внутренние отделочные работы еще не были завершены, поэтому здание не вошло в оценку полностью.
- 58 В начале XIX в. особняк принадлежал семейству мещан Сисиных, на этом участке (окл. место № 6) также находилось красильное производство; к 1866 г. участок переходит в собственность племянникам Матрены Петровой Сисиной — Василию и Александру Федоровым Русаковым и Ивану Иванову Таболину; в 1871 г. участок еще принадлежал вышеупомянутым Русаковым, но к 1875 г. уже переходит в собственность соседней владелицы — купчихи Анны Алексеевны Сапельниковой; между 1886 и 1900 г. Анна Алексеевна, по-видимому, умирает, а собственницей этого участка становится жена коллежского регистратора Александра Петрова Попова — предположительно, дочь Анны Алексеевны и родная сестра Олимпиады Петровны Сапельниковой, унаследовавшей родительское имение (окл. место № 5); в декабре 1902 г. часть участка по улице Пятницкой (окл. место № 6А) у г-жи Поповой выкупает мещанка Александра Алексеевна Белобородова, но уже в сентябре 1903 г. она перепродает ее купцу Александру Александровичу Белолипецкому за 18 тыс. руб. В марте 1905 г. оставшуюся часть участка со стороны ул. Набережной (окл. место № 6Б) выкупает у Поповой непосредственно сам А.А. Белолипецкий. См.: ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 9. Д. 44708. 1902—1907. Л. 6, 10, 16 об.
- 59 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 26262. Заявление Александра Александровича Белолипецкого о постройке и отделке дома. 1904—1908.
- 60 110 лет в центре событий: архитектор Серебровский Сергей Митрофанович. URL: <https://vk.com/@museumtulasamovar-110-let-v-centre-sobytiy-arhitekto-serebrovskii-sergei-mitr/>; (дата обращения: 01.12.2023).
- 61 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 11. Д. 35183. Дело об открытии клуба купеческого собрания в доме А.А. Белолипецкого 17.12.1911.
- 62 Например, в «Тульской молве» от 3 октября 1912 г. Купеческое собрание (Клуб) на Пятницкой улице в доме купца Белолипецкого объявляло о вечернем спектакле из репертуара Московского театра Корш «Темное пятно» в сопровождении оркестра музыки 11-го Псковского полка. Начинался спектакль 8 1/2 ч. вечера, по окончании его — танцы до 2:00 ночи.

- В том же газетном выпуске объявлено о срочной сдаче в аренду буфета Купеческого собрания.
- 63 ГАТО. Ф. Р-1399. Оп. 1. Д. 27. Приказ по отделу Местного Хозяйства, акт и опись имущества мельницы № 13 (б. Белолопецкого), переданной в ведение Управлению Мукомольно-Крупяной промышленности. 1925.
- 64 Вся Тула и Тульская губерния: справочная книга. Тула: Изд-во Тул. губисполкома, 1925. Л. 49, 83, 320.
- 65 *Демидов С.И.* Белолопецкие, тульские пряничники // *Летопись тульского предпринимательства.* Тула: Аквариус, 2016. С. 68—70; *Куликов В.В.* Записки архитектора. Усадьба Белолопецких // *Тульские усадьбы. Времена и нравы.* Тула: ИП Тенцер Б.Е., 2019. С. 223—229; Усадьбы Тульской области // *Тульская историко-культурная энциклопедия.* Тула: Дизайн-коллегия, 2018. С. 715. (Главная причина образовавшейся путаницы в данной теме — присутствие в обеих семьях Ивана и Александра Михайловичей — полных тезок.)
- 66 ГАТО. Ф. 174. Оп. 3. Д. 443. Дело об описании и оценке построек, сооружений и машин пряничного и кондитерского заведения тульской 2-й гильдии купчихи Ксении Павловны Белолопецкой на Пятницкой ул., д. 20. 1913. (Приведен в данном случае не почтовый, а окладный номер дома.)
- 67 ГАТО. Ф. 52. Ведомость о фабриках завода и промышленных предприятиях города Тулы за 1885 г. Л. 17, 181.
- 68 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 4. Д. 6945. Окладная книга Тульской Городской Управы, о взимании в пользу казны земства налогов с недвижимых имуществ по первой части. 1882—1884.
- 69 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 4. Д. 7766. Заявление крестьянина Михаила Григорьевича Белолопецкого о разрешении постройки каменного 2-х этажного дома. 1884—1886.
- 70 Изначально «пряничное» здание построено было каменным одноэтажным, в 1900 г. к нему добавляют второй каменный этаж под кондитерский цех, затем в описании фабрики 1913 г. значится и третий деревянный этаж — для общежития работников. ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19179. Окладная книга оценочного сбора с недвижимых имуществ. 1897. Л. 21 об.; Ф. 174. Оп. 3. Д. 443. Дело об описании и оценке построек, сооружений и машин пряничного и кондитерского заведения тульской 2-й гильдии купчихи Ксении Павловны Белолопецкой на Пятницкой ул., д. 20 г. 1913.
- 71 Отчет постоянной санитарной комиссии при Тульской городской управе за 1889 г. Тула, 1990. С. 32.
- 72 Запись о временном купечестве впервые встречается в документе: ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 6. Д. 11162. 1887.
- 73 Был приобретен между 1887 и 1894 г.
- 74 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 19179. Окладная книга оценочного сбора с недвижимых имуществ. 1897. Л. 26 об.
- 75 На его месте ныне построен отель AZIMUT Сити.
- 76 ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 7. Д. 17079. Дело по заявлению наследника тульского купца Михаила Григорьева Белолопецкого о разрешении постройки каменных двухэтажного дома и одноэтажного навеса. 1896; Ф. 174. Оп. 1. Т. 10. Д. 30821. Дело о переоценке недвижимого имущества Белолопецкого в 1 части г. Тулы. 1907.
- 77 Деловая Тула. 1896. Торгово-промышленный, коммерческий и справочный собеседник. Изд. М.И. Эссен. Л. 33.

- ⁷⁸ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 11. Д. 35184. Дело по устройству елки для городских начальных школ в 1911 г. Л. 1Б.
- ⁷⁹ ГАТО. Ф. 53. Оп. 1. Т. 8. Д. 16870. Дело по жалобе крестьянина Николая Михайлова Белолипецкого на решение Тульского уездного съезда по делу с Александром и Платоном Белолипецкими о выселении его из арендного помещения по договору. 1910; Ф. 53. Оп. 1. Т. 7. Д. 16228. Дело по жалобе Николая Михайлова Белолипецкого о заключении договора с Александром и Платоном Белолипецкими на бессрочное пользование недвижимым имуществом по решению Тульского уездного съезда. 1910.
- ⁸⁰ ГАТО. Ф. Р-888. Оп. 1. Д. 316. По заявлению гр. Белолипецкого Платона Михайловича об установлении факта владения дома. 1922; Ф. Р-888. Оп. 1. Д. 161. По обвинению гр. Белолипецкого Платона Михайловича в установлении иконы в частном магазине. 1923.
- ⁸¹ Вся Тула и Тульская губерния: справочная книга. Тула: Изд-во Тул. губисполкома, 1925. Л. XXVIII, 44.

Е.И. Серебрякова

Орнаментика малоизвестных рукописей
XVI века из собрания отдела рукописей
и старопечатных книг Исторического музея:
вопросы атрибуции

Большое количество уникальных иллюминированных манускриптов XVI в., демонстрирующих типологическое и стилистическое многообразие орнаментального убранства рукописной книги на всем протяжении столетия — от эпохи Василия III и до царствования Бориса Годунова, хранится в фондах отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ. Как показывают наблюдения исследователей, примерно до середины XVI в. наряду с господствующим неовизантийским цветочно-лиственным орнаментом продолжает существовать и развитой «балканский» стиль геометрического плетения¹. С начала 1510-х гг. русские художники книги освоили новый графический «старопечатный» орнамент, копируя целиком или во фрагментах гравированные на меди латинские литеры из «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема² и помещая рисованные пером черно-белые «клейма» в полихромные неовизантийские заставки. В дальнейшем самостоятельные композиции «старопечатных» мотивов легли в основу ксилографической орнаментики ранних московских печатных изданий и Апостола Ивана Федорова 1564 г.³ В Новгороде в 1530—1570-е гг. при архиепископе Макарии и его преемниках в рукописных мастерских был создан сложный декор, сочетающий в заставках и инициалах пышность красочной неовизантийской растительности с утонченной графикой тонкотравья и гравюрного аканта⁴. Возобладавшее в Москве «макарьевское» направление в последней четверти XVI в. достигло своеобразного маньеристического синтеза, использующего в убранстве рукописей буквально все накопленные с начала века богатства орнаментальных мотивов. Перечисленные особенности эволюции рукописного декора XVI в. кратко можно проследить на примере памятников из собрания отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ, часть которых уже давно введена в научный оборот⁵.

В «Отчете Исторического музея за 25 лет» В.Н. Щепкин, характеризуя рукописи музея, писал: «... Собрание составилось путем систематических 25-летних покупок и отчасти даров, и к 1908 содержало свыше 3000 рукописей <... ...> Собрание Евангелий XV, XVI и XVII веков <...> представляют искусство различных частей русской территории»⁶. Именно при активном участии В.Н. Щепкина в «Музейское» собрание рукописей еще в 1890-е — начале 1900-х гг. были приобретены наиболее выдающиеся образцы книжного искусства XVI в. В перечне датированных рукописей музея (1436—1722) названы два знаменитых новгородских лицевых Евангелия апракос 1534 г. (Муз. 352) и 1552 г. (Муз. 334), великолепная орнаментика которых высоко оценена в работе В.Н. Щепкина «Новгородская школа иконописи по данным миниатюры»⁷. При этом многие рукописи с миниатюрами и заставками, судя по записям в ГИК, при поступлении имели только «широкую» датировку XVI в.

Как известно, после революции 1917 г. ГИМ буквально был «накрыт валом» передаваемых в музей крупнейших рукописных собраний, в основном имевших уже печатные каталоги. Опубликованные в XIX — начале XX в. многотомные описания Синодального собрания графа А.С. Уварова и А.И. Хлудова по традиции начинались с рукописей Священного Писания, в том числе литургических Евангелий и Апостолов, наиболее часто украшавшихся орнаментом, о котором составители сообщали с разной степенью подробности. Особо замечательные в художественном отношении памятники «старых» коллекций фигурировали в статьях Ф.И. Буслаева, Е.К. Редина, в каталогах выставок Археологических съездов. Это облегчало возможность для дальнейших исследований ориентироваться в выросшем количественно собрании отдела рукописей и старопечатных книг, ставшем одним из самых богатых иллюминированными рукописями⁸. Важным этапом в разработке атрибуционных критериев древнерусского искусства книги стала коллективная монография сотрудников «Орнаментика русских рукописей XI—XVII вв. (по материалам собрания Отдела рукописей ГИМ)» с предисловием О.И. Подобедовой, включающая очерки «Византийский орнамент» Т.Н. Протасьевой, «Тератологический орнамент» М.В. Щепкиной, «Балканский орнамент» Э.В. Шульгиной, «Нововизантийский орнамент» Л.М. Костюхиной и «Старопечатный орнамент» Т.В. Диановой⁹. К рассмотрению интересующего нас рукописного декора XVI в. наряду с известными «эталонными» шедеврами было привлечено около 100 вновь выявленных памятников. В результате палеографических и искусствоведческих наблюдений авторами были намечены конкретные локальные стилистические группы, под-

крепленные данными о происхождении либо бытовании рукописей и с уточненными датировками по филиграням бумаги. В 1970—2000-е гг. появились и новые каталоги собраний отдела рукописей и старопечатных книг: были изданы Т.Н. Протасьевой продолжение описания Синодального собрания и описание Чудовского собрания, Э.В. Шульгиной и М.М. Черниловской описание собрания А.Г. Черткова; вышло подготовленное Е.Е. Ивановой и Е.Н. Казаковой посмертное издание выполненных Т.В. Диановой каталогов рукописей А.П. Бахрушина, Донского монастыря и А.С. Суворина¹⁰. К сожалению, издание каталога самого обширного и богатого иллюминированными памятниками «Музейского» собрания ограничилось пока 600 номерами (всего в собрании: 4251 ед. хр.)¹¹. Достаточно полно, с развернутыми стилистическими характеристиками орнамента рукописей XVI в. была представлена в каталогах ряда выставок с участием отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ¹².

В неисчерпаемых музейных фондах отдела рукописей в последние годы удалось обнаружить несколько малоизвестных, но представляющих значительный интерес памятников орнамента XVI в. Особо важным стало введение в научный оборот Евангелия апракос 1520-х гг. (Муз. 386), подаренного Историческому музею священником В.С. Лебедевым в 1890 г. Изучение водяных знаков кодекса, оказавшихся аналогичными бумаге, использованной в части Софийского комплекта Великих Миней Четых, подтвердило предварительную атрибуцию памятника В.Н. Щепкиным именно как новгородского. Оригинальная манера рисунка цветочно-лиственных элементов в неовизантийских заставках, цветовая гамма ярко-синих, голубых, розово-багряных и светло-зеленых тонов, особая техника выполнения инициалов на подложках из листового золота привели к выводу, что убранство Евангелия апракос (Муз. 386), Евангелия тетр (ГИМ Епарх. 19) первой четверти XVI в. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря и атрибутированного Новгороду лицевого Служебника того же времени из собрания рукописей ГТГ (инв. МК-5) может принадлежать одному мастеру¹³ (рис. 1, 2).

Среди рукописей «старых» коллекций ГИМ привлекает к себе внимание монументальный Апостол апракос первой четверти XVI в. из собрания П.И. Щукина (Щук. 313, 1⁰). Выдающийся по великолепию убранства памятник был кратко описан в каталоге А.Я. Яцимирского¹⁴, но почему-то прошел мимо внимания авторов коллективной монографии 1974 г. Апостол по праву можно считать ключевым представителем псковской рукописной орнамента (сохранилась запись XVIII в. о бывшей принадлежности рукописи

Рис. 1. Евангелие апракос. 1520-е гг. Новгород. Инициал «В». ГИМ. Муз. 386. Л. 56

древнему псковскому храму Петра и Павла «с Бую»). Назовем некоторые маркирующие признаки манеры местной мастерской: своеобразный схематический рисунок византийского классического «крин» с нижними лепестками в виде «лежачей восьмерки», а верхними — в виде «зонтика»; в колорите характерен резкий контраст ярко-красного, оранжевого, синего и бирюзово-зеленого цвета, тонкая суховатая штриховка белилами всех элементов, подчеркивающая плоскостность цветовых пятен (рис. 3). Орнаменту Апостола (Щук. 313) оказалась родственна целая группа рукописей: Евангелие апракос ГИМ (Муз. 4059), Евангелие апракос ГИМ (Чертк. 159), а также ряд памятников из собрания Е.Е. Егорова в РГБ (см., например: РГБ. Ф. 98. № 13, 17, 48, 82, 149), с косвенными данными о псковском происхождении и бытовании¹⁵ (рис. 4, 5).

В собрании Чудова монастыря особый интерес вызывает малоизвестный памятник, представляющий стилистический вариант «макарьевской» орнаментики — маленький Апостол апракос

Рис. 2. Евангелие тетр. Первая четверть XVI в. Новгород. Инициал «В».
ГИМ. Епарх. 19. Л. 244

(Чуд. 52, 4^о), богато украшенный заставками и инициалами. В каталоге Т.Н. Протасьевой он датирован сер. XVI в., ею кратко отмечено высокое мастерство неовизантийских заставок на золоте¹⁶. Весь комплекс из 24 заставок изобилует многочисленными композициями неовизантийской растительности, тесно заполняющими поля заставок с кружевными обрамлениями из мелких вьющихся трав. Столь же разнообразны по рисунку крупные инициалы из листвы аканта на цветных фонах. Декор дополняют «завесы» малинового шелка (рис. 6). Скорописная владельческая запись Чудова монастыря на переплетном листе фактически современна рукописи. Каллиграфический полуустав Апостола, на наш взгляд, близок почерку Службника XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ. Ф. 113. № 89), вклада в обитель бывшего игумена Леонида (Протасьева), ставшего в 1573 г. епископом Рязанским и Муромским. В записи волоколамского игумена Евфимия Туркова на начальном листе Службника, восхваляющего заслуги Леонида и его «многие

Рис. 3. Апостол апракос. 1520-е гг. Псков. Заставка. ГИМ. Щук. 313. Л. 7

дары» обители, замечено, что он «книги божественные написал»¹⁷. Очень близкие аналогии четырьмя заставками волоколамского Службника имеются среди 24 заставок Апостола (Чуд. 52). Родственность почерка и убранства заставляющих предположить идентичность как писца, так и художника обоих памятников. Возникает вопрос, пока не поддающийся однозначному решению, не мог ли быть заказан (а возможно и написан, и украшен) Апостол для Чудова монастыря одним и тем же лицом?

Также незаслуженно мало привлекал внимание исследователей вклад 1558 г. в Чудов монастырь казначая старца Дорофея — роскошный Апостол апракос (Чуд. 47, 1^о). В его убранстве, состоящем из 42 больших и малых заставок и инициалов, чрезвычайно пышном и многоцветном, традиционные византийские схемы на фонах полированного золота обогащены обвивающим все элементы необыкновенно «кудрявым» тонкотравным орнаментом, часто также с прозолоченными стеблями. Художник умело использует белила в четких прорисовках контуров синих и красных пальметт-кринов, а иногда высветляет эти тона до молочно-голубого и розового (рис. 7). Можно определить этот стилистический вариант как пример раннего возникновения чисто московской орнаментальной

Рис. 4. Евангелие апракос. Первая четверть XVI в. Псков. Заставка. ГИМ. Л. 76

Рис. 5. Евангелие апракос. 1540-е гг. Псков. Заставка. ГИМ. Чертк. 159. Л. 113

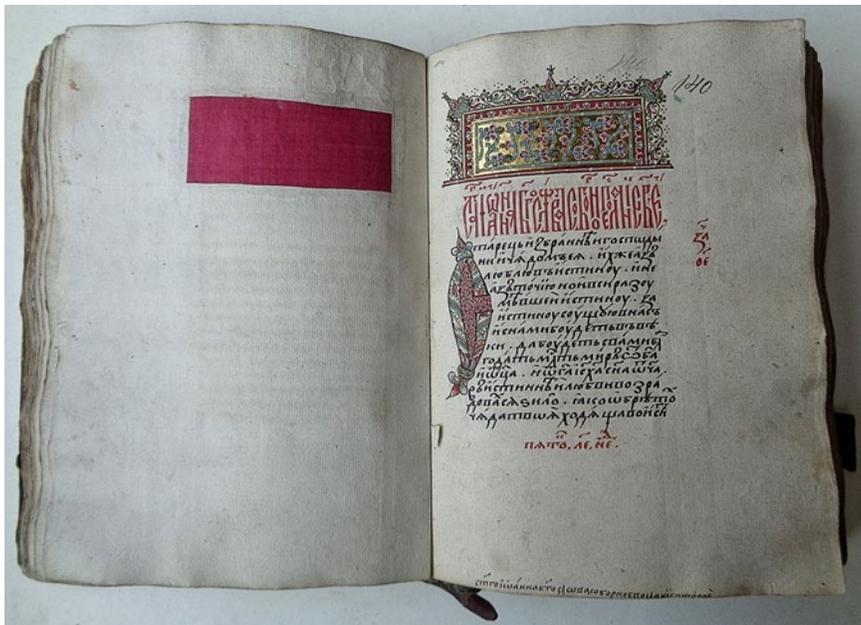

Рис. 6. Апостол апракос. Середина XVI в. Москва. Шелковая «завеса», заставка, инициал «С». ГИМ. Чуд. 52. Л. 139 об.–140

эkleктики, очевидно, отражающей в данном случае индивидуальные вкусы заказчика и вкладчика рукописи.

Возвращаясь к памятникам «Музейского» собрания, кратко представим три Евангелия XVI в., имеющих один сильно раздробленный номер (ГИК 48748), под которым числится группа разных предметов, зафиксированный как покупка 1913 г. у М.В. Кузнецовой на проценты с капитала И.Е. Забелина. Верхние крышки переплетов этих Евангелий внутри имеют наклеенные владельческие экслибрисы с гербом барона Боде-Колычева. Кроме того, на переплетных листах стоит отчетливый оттиск лилового штампа «Книжный Фонд Моск. Отд. Центр. Ком-та Госуд. библ. Библиотека «Соллогуб» № ...» (это название и номера вписаны чернилами), похоже, уже послереволюционного времени. Поскольку инвентарные номера Евангелий Музейского собрания приписаны в ГИК на поле карандашом от руки, предположительно их более позднее поступление в Исторический музей.

Самое главное, что эти памятники можно считать происходящими из некогда знаменитого музея древностей барона Михаила Львовича Боде-Колычева (1824—1888), археолога и историка, устроившего музей истории России и рода Колычевых в своей подмо-

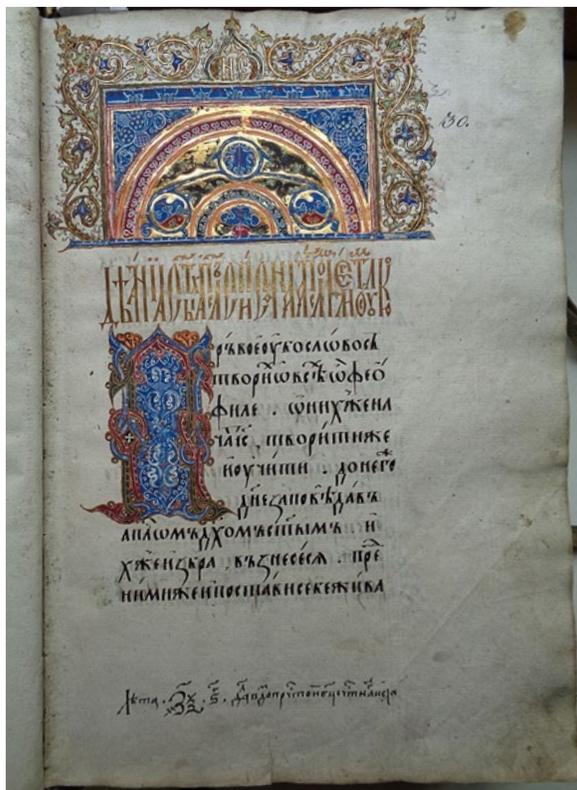

Рис. 7. Апостол апракос. Середина XVI в. Москва. Заставка, инициал «П». ГИМ. Чуд. 48. Л. 30

сковной усадьбе Лукино (ныне — Переделкино)¹⁸. Интерес к древнерусскому искусству Михаилу Львовичу привил его учитель Ф.И. Буслаев; собрание древнерусских рукописей шло в русле исторических и генеалогических разысканий М.Л. Бодякова — автора капитальной монографии «Боярский род Колычевых»¹⁹.

Возможно, данные Евангелия XVI в. поступили в ГИМ не из самого музея в Лукино, а уже из городской усадьбы Бодякова на Поварской (в дальнейшем унаследованной дочерью коллекционера Наталией Михайловной, которая была замужем за художником графом Ф.Л. Соллогубом). Во всяком случае, неясная история поступления рукописей в ГИМ еще требует разысканий судьбы памятников музея в Лукино.

По хронологии самая ранняя рукопись из коллекции Бодякова — Евангелие тетр (Муз. 3379) начала XVI в., переписанное

Рис. 8. Евангелие тетр. Начало XVI в. Москва (?). Заставка, инициал «К». ГИМ. Муз. 3379. Л. 11

полууставом на бумаге с филигранью «рука в обшлаге под 4-лепестковым цветком» нескольких разновидностей. Четыре профессионально выполненных заставки «балканского» орнамента из искусно переплетенных ремней, их сложный многоярусный рисунок и многоцветная гамма с мелким «жемчужным» наполнением свидетельствуют, скорее всего, о московском происхождении Евангелия (рис. 8). Интересна вкладная запись на нижних полях (Л. 11—53): «Лета 7118 [1610 г. — Е.С.] положено се Еванглье во Брянску на посаде в монастырь верховных апостол Петра и Павла...». Переплет рукописи с тонким искусным тиснением по коже на обеих крышках и со следами позолоты в ромбовидном среднике на верхней крышке можно отнести к рубежу XVII — XVIII вв.

Вторая рукопись, Евангелие тетр (Муз. 3375), датируемая третьей четвертью XVI в., написана грубоватым полууставом на бу-

Рис. 9. Евангелие тетр. Середина XVI в. Новгородская провинция. Заставка. ГИМ. Муз. 3375. Л. 10

маге «рука в обшлаг с короной над пальцами», заключена в переплет XVIII в. со следами обильного золотного тиснения на верхней крышке. Рукопись украшена семью своеобразными по стилю заставками: поля, крытые листовым золотом, занимают довольно лаконичные композиции неовизантийского орнамента из небрежно раскрашенных светло-зеленой, розовой и синей краской «кринов» на симметрично перевитых синих стеблях. Отметим особый тип обрамления заставки Евангелия от Матфея, — выполненные тонким чернильным рисунком с объемной штриховкой листья аканта с пучками вьющихся «травок»; читается вкладная запись скорописью начала XVII в. (Л. 10 об. — 11): «Сию книгу Евангелие половину положих в дом Николе Чюдотворцу Самуил Июдинов сын Ушаков в Климовщине» (рис. 9). По предварительным розыскам, Климовщина — это село Устюженского уезда Новгородской губернии с храмом св. Николая Чудотворца, которое издавна принадлежало древнему и разветвленному роду Ушаковых. Возможно, рукопись представляет собой памятник работы провинциальной мастерской, ориентирующейся на более роскошные образцы новгородской школы.

Рис. 10. Евангелие тетр. Вторая половина XVI в. Западно-русские области. Заставка. ГИМ. Муз. 3381. Л. 109

Третья рукопись — напрестольное Евангелие тетр (Муз. 3381) последней четверти XVI в. с досками переплета, обтянутыми золотисто-желтым бархатом XIX в., с форзацами из белоснежной муаровой бумаги. Оно имеет заставки и инициалы, свидетельствующие о происхождении книги с западно-русских рубежей, возможно, из белорусско-литовских пределов, о чем говорят и особенности полууставного письма. Скорее всего, источниками орнамента явились растительные и зооморфные элементы из западноевропейских рукописей или печатных книг. В заставках цветные узоры на золотом фоне, или золотые на красочном, выглядят как драгоценные аппликации либо подражание золотному ткачеству. Своеобразны отголоски тератологии — небольшие хищные звери и птицы в заставке Евангелия от Матфея, замечательный инициал в виде льва, открывающий текст Евангелия от Марка, и орел (символ евангелиста Иоанна), представленный на заставке в образе летящего двуглавого (!) орла, данного в горизонтальном ракурсе (рис. 10). Заметим, что двуглавый орлик встречен также в наверхшии заставки псковского Евангелия апракос (Чертк. 159). В Евангелии (Муз. 3381) имеются интересные записи. Одна из них запись (Л. 9—22) с датой 7107 г.

(1599 г. — *Е.С.*), сохранившаяся довольно плохо, повествует о вкладе Евангелия в некий «Преображенский храм у золотых ворот (?) чело-
веком Ивана Юрьева Тимофеем Кондратьевым по прозвищу Беляк». Вторая запись, выполненная мельчайшим изящным курсивом XIX в., обнаружилась в «потайном месте» в самом низу листов у корешка (Л. 2—34; с аналогичным повтором — Л. 235—252): «Лета 1848 мая 21 подарил книгу сию святое Евангелие граф Григорий Александрович Строганов внуке своей баронессе Александре Ивановне Боде, рожденной Чертковой». Таким образом, это Евангелие пришло в семейство Боде как подарок от еще одного известнейшего деятеля русской истории и культуры, дипломата и коллекционера графа Г.А. Строганова (1770—1857)²⁰.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что при описании и атрибутировании иллюминированной рукописи важен не только анализ чисто художественных ее составляющих, но и поиск исторического контекста долгой жизни памятника — происхождения, бытования, сведений о владельцах и вкладчиках иллюминированных манускриптов XVI в.

Итак, введение в научный оборот малоизвестных орнаментированных рукописей XVI в. и рассмотрение их в ряду с уже известными памятниками книжного искусства, хранящимися в собрании отдела рукописей и старопечатных книг Исторического музея, позволяет расширить возможности представления об эволюционных этапах рукописного декора XVI столетия.

¹ См.: Ухова Т.Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1960. Выпуск 22. С. 5—27, 74—311.

² Киселев Н.П. Происхождение московского старопечатного орнамента // Книга. Исследования и материалы. М., 1965. Вып. XI. С. 171—196.

³ Протасьева Т.Н. Первые издания Московской печати в собрании Государственного Исторического музея // Труды ГИМ. Памятники культуры. Выпуск XV. М., 1955.

⁴ Серебрякова Е.И. Об орнаментальном убранстве рукописей макарьевской книгописной мастерской // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 426—439.

⁵ Зацепина Е.В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 102—154.

⁶ Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет (1883—1908). М., 1916. С. 137—140.

⁷ Щепкин В.Н. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве 1899 г. М., 1902. Т. 2. С. 183—208.

- ⁸ См. перечень изданных каталогов собраний: *Щепкин М.В., Протасьев Т.Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. Изд. 2-е, испр. и доп. // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. 30. М., 1995.
- ⁹ Орнамента русских рукописей XI—XVII веков (по материалам собрания Отдела рукописей Гос. Исторического музея) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М.: Наука, 1974. С. 198—335. Из содержания: *Подобедова О.И.* Предисловие. С. 198—204; *Протасьева Т.Н.* Византийский орнамент. С. 205—218; *Щепкина М.В.* Терагологический орнамент. С. 219—239; *Шульгина Э.В.* Балканский орнамент. С. 240—264; *Костюхина Л.М.* Нововизантийский орнамент. С. 265—295; *Дианова Т.В.* Старопечатный орнамент. С. 296—335.
- ¹⁰ *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описания Н.В. Горского и К.И. Невоструева. М., 1970. Ч. 1.; М. 1973. Ч. 2.; *Она же:* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980; *Черниловская М.М., Шульгина Э.В.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986; *Дианова Т.В.* Собрания рукописей А.П. Бахрушина, Донского монастыря и А.С. Суворина. М.: ГИМ, 2020.
- ¹¹ Каталог рукописей «Музейского» собрания Отдела рукописей ГИМ (коллектив авторов) // Вопросы источниковедения и палеографии. Труды ГИМ. М., 1993. Вып. 78. № 1—399. С. 6—131; Каталог рукописей «Музейского» собрания Отдела рукописей ГИМ. Ч. II. № 401—600 (коллектив авторов) // Русская книжность. Вопросы источниковедения и палеографии. Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 95. С. 196—277.
- ¹² Наиболее представительные по экспонированию иллюминированных рукописей XVI в. выставки с опубликованными каталогами: «Россия. Православие. Культура». Ноябрь 2000 — февраль 2001. Каталог (М., 2000). ГИМ; «XVI век. Эпоха митрополита Макария». 2017. Каталог (М., 2019). ГИМ.
- ¹³ Полную публикацию о Евангелии (Муз. 386) с описанием миниатюр и орнамента, сведениями о его владельце и истории его бытования см.: *Серебрякова Е.И.* О малоизвестном лицевом Евангелии апракос XVI в. из собрания Исторического музея: вопросы атрибуции и истории памятника // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. М., 2022. Вып. 2. С. 330—345.
- ¹⁴ *Яцимирский А.И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Шукина. М., 1897. Выпуск второй. С. 12—13.
- ¹⁵ *Анисимова Т.В.* Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. М. 2018. Т. 1; М., 2019. Т. 2.
- ¹⁶ *Протасьева Т.Н.* Указ соч. С. 35—36.
- ¹⁷ Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной академии. М., 1882. С. 13.
- ¹⁸ *Лобов Л.* Истоки Переделкина. История происхождения и названия городка писателей. http://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/12/01/istoki_pereedelkina/; (дата обращения: 30.05.2023).
- ¹⁹ *Боде-Кольчев М.А.* Боярский род Кольчевых, составленный Б[ароном] М[ихаилом] Л[ьвовичем] Б[оде] К[ольчевым]. М.: Синод. тип., 1886.
- ²⁰ См.: Григорий Александрович Строганов <http://rusdiplomats.narod.ru/stroganov-ga.html/>; (дата обращения: 30.05.2023).

Н.Н. Чевтайкина

Конференция женщин стран Азии
в Пекине в 1949 году.
По материалам архива Н.М. Парфеновой
(ОПИ ГИМ)

Архив Надежды Михайловны Парфеновой (1907—1997) — видного советского педагога и общественного деятеля, содержит разнообразный материал по истории XX столетия — с 1920-х по 1997 гг., состоит из более чем тысячи различных предметов, документов, дневников, фотографий, книг, плакатов, писем и т. д.¹ Будучи педагогом по образованию, Надежда Михайловна в начале своей карьеры работала в школах и различных органах в системе народного образования, с 1939 г. — в Наркомпросе РСФСР, с 1956 г. — 28 лет возглавляла «Учительскую газету» и др.

Другая сторона ее деятельности была связана с женским движением, в том числе международным. Она входила в руководящие структуры всевозможных общественных женских организаций. С 1946 г. Парфенова работала в Антифашистском комитете советских женщин, с 1948 г. — заместитель председателя этого комитета. Она была делегатом 1-го Учредительного конгресса Международной демократической федерации женщин (МДФЖ), проходившего в Париже в декабре 1945 г. В архиве Н.М. Парфеновой хранятся документы и фотографии с этого конгресса. Она активно сотрудничала с этой организацией, участвовала в работе сессий исполкома МДФЖ, была делегатом многих международных конгрессов и конференций женщин, входила в состав специальной комиссии МДФЖ по Германии.

На протяжении многих лет Н.М. Парфенова вела дневники, где записывала все события и мероприятия, участником и свидетелем которых она была. Они представляют большой интерес для исследователя, так как написаны непосредственным участником событий в момент их свершения. В архивном фонде из собрания ОПИ ГИМ хранится 20 тетрадей Н.М. Парфеновой с записями разных лет. По материалам ее архива сотрудниками ГИМ опубликовано несколько статей, освещающих различные стороны деятельности Н.М. Парфеновой².

Данная публикация посвящена мало изученному историческому факту — проведению в декабре 1949 г. в Пекине первой конференции женщин стран Азии, организованной МДФЖ. Она стала значительным событием для того времени — периода активной борьбы за освобождение колониально зависимых стран, участия женщин в этом движении, их борьбе за свои права.

Конференция проходила в непростое время, всего через два месяца после образования Китайской Народной республики 1 октября 1949 г. Победа коммунистов была одержана в результате многолетней вооруженной борьбы с Японией, которая оккупировала большую часть страны, и Гоминьданом. В некоторых районах Китая еще шли военные действия, экономика была разрушена. Тем не менее, заседание решили проводить в Пекине.

В речи во время открытия конференции председатель Всекитайской демократической федерации женщин Цай Чан сказала: «Еще в сентябре 1947 года МДФЖ вынесла решение о созыве на Востоке в 1948 году конференции женщин колониальных стран и доминионов. Для ведения подготовительной работы была отправлена миссия в Юго-Восточную Азию с целью изучения положения женщин в Индии, Бирме и Малайях. После этого было вынесено конкретное решение о созыве в октябре 1948 г. в гор. Калькутте в Индии конференции женщин стран Азии. В то время из-за препятствий со стороны реакционного правительства Неру конференция не состоялась. Но бесстыдный трюк реакционеров не мог подавить инициативы масс. Прошел только год с лишним, и конференция смогла собраться в Пекине, в столице Народной республики Китая. Это наша великая победа»³.

Н.М. Парфенова в своих записях по этому поводу писала: «Правительство Дж. Неру отказалась принять делегатов, боясь гневных, обличительных речей женщин в адрес империалистов и колонизаторов. И только свободная страна — Демократический Китай — предоставил эту возможность»^{*}.

В действительности все было не так просто, и решение о проведении как профсоюзной, так и женской конференций стран Азии в Пекине было принято руководителями международных организаций. Китайские товарищи с самого начала были против созыва

^{*} Здесь и далее все приводимые в тексте цитаты и факты взяты из тетрадей и других записей Н.М. Парфеновой, хранящихся в музейном собрании (ГИК ГИМ 109790. ОПИ. Ф. 580. Арх. 6225). В настоящее время архивные материалы фонда находятся в процессе обработки, сами тетради не пронумерованы, поэтому далее для цитат ссылки на конкретные страницы и принадлежность фонду не указываются.

в Пекине, считая его преждевременным, о чем в феврале 1949 г. они довели до сведения Всемирной федерации профсоюзов и МДФЖ и назвали главные причины отказа: во-первых, на территории Китая еще продолжалась гражданская война, во время Пекин не был освобожден; во-вторых, профсоюзное и женское движение в Китае находилось еще на слабом уровне. Тем не менее, проводить конференции все-таки решили в Пекине.

Первое заседание созданного подготовительного комитета состоялось 17 октября 1949 г. с участием представителей только СССР и МДФЖ. Был организован рабочий комитет из восьми человек, куда вошли и руководители женского движения Китая. За два месяца в Китае была проведена большая подготовительная работа, организована широкая пропаганда конференции, подготовлен иллюстративный журнал. Проходили массовые митинги, женские собрания, на которых выбирали делегатов на конференцию. В конце ноября 1949 г. в Пекине прошел Всекитайский съезд женщин, и была создана Всекитайская федерация женщин, объединившая около 22 миллионов женщин. Председателем Федерации была избрана Цай Чан — участница похода Народно-освободительной армии (НОАК), заместителем председателя — Лю Цуй.

Аналогичная подготовительная работа проводилась и в других странах. Были выступления в печати и на радио, проходили собрания женщин, имевших огромное желание принять участие в работе этой конференции. Жительницы стран Азии предпринимали все для того, чтобы послать своих представительниц в Пекин. Сказалась женская солидарность: французские женщины собрали 100 тысяч франков, чтобы смогла приехать вьетнамская делегация, голландские женщины помогали индонезийским и т.д.

В СССР на заседании Исполкома АКСЖ (Антифашистский комитет советских женщин) после рассмотрения вопроса «О направлении в Китай делегации советских женщин на конференцию женщин стран Азии» было решено: «Принять предложение АКСЖ о направлении в декабре 1949 г. делегации в составе Парфеновой Н.М. (руководитель делегации), Троицкой З.П., Аслановой Ч., Бадановой Н., Токтонанбетовой К., Атанапесовой А.Н., Убайдулаевой М., Чететкиной О.И.». З.П. Троицкая была первой в СССР женщиной-машинистом паровоза, в 1949 г. — генерал-директором тяги Московской окружной железной дороги. О.И. Чететкина — известная журналистка, корреспондент газеты «Правда», А.Н. Атанапесова — министр социального обеспечения Туркменской ССР. Остальные делегатки — представительницы всех азиатских республик СССР: Азербайджана, Туркмении, Узбекистана,

Рис. 1. Конференция женщин стран Азии. 1949 г. КНР, Пекин. Фотография. Слева направо: неустановленное лицо, О.И. Четчина, неустановленное лицо, З.П. Троицкая, Н.М. Парфенова, А. Атанапесова, А. Житкова, Ч. Асланова, М. Убайдулаева, К. Токтонанбетова. ГИМ

Казахстана, Киргизии. Всего в состав делегации было включено 20 человек (восемь человек делегатов, остальные — обслуживающий персонал) (рис. 1).

С момента отъезда из Москвы и во все время пребывания в Китае Н.М. Парфенова вела подробные записи о работе конференции, проблемах и дискуссиях, возникавших во время заседаний, своих впечатлениях об увиденном во время поездки по стране, организованной после окончания заседаний китайскими товарищами. Она описывала внутреннюю экономическую и политическую ситуацию в Китае и проблемы, стоящие перед новой властью.

Делегация отправилась в Пекин из Москвы 27 ноября 1949 г. Надежда Михайловна пишет: «Ехали долго и трудно: из столицы поездом, потом самолетом. Выехав 27 ноября поездом до Читы, прибыли туда 6 декабря, оттуда самолетом в Мукден, переночевав там, опять самолетом — в Пекин, куда прибыли 8 декабря. В Пекине нас тепло и сердечно встречали китайские женщины». Вместе с советской делегацией ехали и делегаты из других стран, которые принимали участие в работе Совета Исполкома МДФЖ, проходившего в Москве в ноябре 1949 г. (рис. 2).

Рис. 2. Москва встречает женщин, приехавших на сессию Совета Международной демократической федерации женщин. Ноябрь 1949 г. СССР, Москва. Фотография. Справа налево: Н.М. Парфенова и Генеральный секретарь МДФЖ Мари Клод Вайян-Кутюрье. ГИМ

Всего в конференции принимали участие 198 делегатов из 38 стран. Самой многочисленной была делегация Китая — 110 человек. Возглавляла ее Дэн Инчао — руководительница Ассоциации женщин Китая (жена Чжоу Эньлая — первого главы Госсовета и премьер-министра КНР). От остальных стран участвовали от одного до трех делегатов. Большинство делегатов представляли страны Азии: Индия (2), Иран (1), Вьетнам (1), Индонезия (1), Северная Корея (4), Монголия (5), Израиль (2), Ливан (1), Сирия (2). Кроме них были участницы из стран Африки и Европы: Франция (2), Англия (1), Голландия (2), США (3), Куба (1), представители Исполкома МДФЖ (2).

В день приезда в Пекин состоялось собрание советской делегации, где распределили обязанности между делегатами. В президиум конференции были делегированы Н.М. Парфенова и представительница Туркмении А.Н. Атанапесова, в секретариат — Н. Баданова, в пресс-бюро — О.И. Четайкина. В тот же день у Парфеновой была встреча с Цай Чан — председателем Федерации китайских женщин и представителями исполкома МДФЖ. Перед открытием конференции прошло несколько заседаний оргкомитета конферен-

ции, куда входила и Н.М. Панфилова. На них обсуждались повестка дня заседаний конференции, тексты основных докладов, решений, резолюций конференции, организационные вопросы. К сожалению, отмечает Парфенова, с первого же дня начались разногласия с китайской делегацией по большинству из обсуждаемых вопросов. Главный конфликт был между китайской делегацией и представителями исполкома МДФЖ. Это было вызвано, как личными качествами делегатов, так и остротой обсуждаемых проблем. Главная из них — отношение к практике вооруженной борьбы, с помощью которой коммунисты Китая пришли к власти.

Основная дискуссия развернулась во время обсуждения главного доклада, подготовленного представителями исполкома МДФЖ. Китайская делегация выразила недовольство, что в докладе и проекте резолюции отсутствовал пункт о необходимости вооруженной борьбы с империализмом в странах Азии, не было призыва к женщинам Азии о всемирной поддержке национально-освободительной армии, которой отводилась Мао Цзэдуном особая роль в концепции революции и строительства нового Китая. Дискуссия эта возникла не случайно. Уже в конце 1949 г. стал проявляться великодержавный шовинизм группы Мао Цзэдуна. Впервые открыто азиатская доктрина Мао Цзэдуна с ее претензией на руководящее положение в революционном движении Азии была представлена на открытии конференции профсоюзов стран Азии, которая проходила в Пекине в конце ноября 1949 г. Советскую делегацию возглавлял заместитель председателя ВЦСПС Л.Н. Соловьев. Помимо представителей азиатских стран, в конференции участвовала делегация Международной федерации профсоюзов, а также руководители компартий европейских стран. На открытии конференции в программной речи, утвержденной Мао Цзэдуном, руководителем Всекитайской федерации профсоюзов Лю Шаоци была озвучена установка компартиям и профсоюзам Азии следовать китайским путем. То есть решать внутренние политические и социально-экономические проблемы в своих странах при помощи оружия, организовывать руководимые коммунистами армии, партизанские отряды, свергать «марионеточные» правительства и ставить у власти коммунистов. Таким образом, китайцы пытались навязать свой опыт коммунистическим партиям стран Южной и Юго-Восточной Азии.

Большинство делегатов профсоюзной конференции, а позднее и женской, отвергли эту доктрину. Руководитель советский делегации Л.Н. Соловьев указал, что в странах Азии важнейшей задачей на современном этапе является борьба за свободу и независимость

стран против господства империалистических держав. Поэтому в этих условиях необходимо сотрудничество между всеми национально-патриотическими силами и в решении внутренних проблем нельзя прибегать к вооруженной борьбе, так как это будет на руку только империалистам. Л.Н. Соловьев подчеркнул, что такая политика опасна для международного коммунистического и национально-освободительного движения в странах Азии.

Произошел раскол между китайскими и всеми другими делегациями, как на профсоюзной, так и в меньшей степени, на женской конференции. Конфликт настолько обострился, что потребовалось вмешательство И.В. Сталина, так как могли быть серьезные последствия для отношений между Китаем и СССР, в то время очень нуждавшегося в мощном союзнике на Дальнем Востоке. Поэтому И.В. Сталин пошел на уступки Мао Цзэдуну в его азиатской политике и даже стал поощрять его гегемонистские устремления в Азии. В его телеграмме Мао Цзэдуну сообщалось, что советская делегация допустила серьезную политическую ошибку, осуждая позицию китайской делегации⁴. На женской конференции конфликт был не такой острый. Тем не менее, Парфенова отмечала, что китайские женщины все время поднимали вопрос о вооруженной борьбе коммунистической партии и необходимости ее поддержки со стороны Федерации (МДФЖ); что китайцы хотели действовать самостоятельно, быть руководителями в Азии. Учитывая опыт прошедшей профсоюзной конференции, Надежда Михайловна получает инструкции от советского консула в Пекине: «Полный контакт, дискуссии только по принципиальным вопросам. Из 2-х линий (китайской и французской) выбирать и поддерживать всегда первую. Но лучше до этого не доводить. Уметь себя держать».

Давая характеристики представителям Исполкома МДФЖ — французенкам Мари Клод Вайян-Кутюрье (Генеральному секретарю МДФЖ) и Жанетте Вермеш (жене Мориса Тореза, отвечавшей за работу с женщинами в КПФ), Парфенова писала, что они плохо понимали ситуацию в странах Азии. Они оказались наиболее консервативными и не желали разбираться в подлинном положении дел в женском движении стран Азии, не понимали их специфику. «Может быть, — пишет Надежда Михайловна — одна из причин разногласия китайской и французской делегаций — чувство бывшего колониального и угнетенного человека к представителю капиталистической страны, их желание вмешиваться, в некоторой степени командовать — вызывало противодействие». Основные споры и дискуссии были при обсуждении первого доклада, подготовленного от имени Исполкома МДФЖ Мари Клод «О борьбе МДФЖ

за мир и независимость народов». Китайская делегация была не согласна со многими положениями доклада. Парфенова в своих записях отмечала, что в колониальных странах в большинстве случаев профсоюзное и женское движение могут существовать только в строго законспирированном виде, иначе будут немедленно разгромлены; исполком же МДФЖ в докладе и проекте резолюций включил требования, за которые женщины должны бороться легально: немедленное запрещение детского труда; охрана женского труда; социальное страхование; бесплатное обучение. «Даже в новом Китае после победы революции, — замечает Парфенова — невозможно отказаться от детского труда, иначе обрекут миллионы детей на голод и нищету, а для других стран это вообще фантастика. Не ясно, при каких обстоятельствах женщины могут получить равноправие. И вообще, слишком высокие требования ставятся перед женщинами колониальных и зависимых стран: создание широкой сети детских учреждений, получение образования всеми женщинами, наличие своих женских организаций. Считают, что много надежд возлагается на ООН в решении вопроса о женском равноправии». Со своей стороны, французская делегация обвинила китайцев, что они умышленно отказываются подчеркнуть в документах конференции ведущую роль Советского Союза. На что глава китайской делегации Дэн Инчао отвечала, что причина — не создавать в женщинах стран Азии настроение самоуспокоенности и уверенности в получении внешней помощи, а не в своих собственных силах, а с другой стороны — не давать лишнего повода говорить о вмешательстве СССР или Китая во внутренние дела других стран. Китайская делегация настаивала, чтобы в документах конференции более четко была отражена позиция Мао Цзэдуна по всем вопросам. Мари Клод Вайян-Кутюрье выказывала недовольство поведением китайских женщин-делегаток, с которыми невозможно договориться, и необходимо готовить другой доклад. Китайские же руководители в первый день приезда делегации ставили вопрос о поведении французских товарищей, осуждали их, говорили о смене руководства Международной Федерации. В беседе с Парфеновой Цай Чан спрашивала: «Почему так себя ведут французские товарищи?». Коллективными усилиями положение доклада было приведено в соответствие с задачами конференции, единство взглядов было достигнуто. Большую роль в этом сыграло поведение советской делегации, и в первую очередь Н.М. Парфеновой в создании атмосферы взаимного доверия, расположения к себе на деловой почве, безусловно, беседы, советования (так у Н.М. — *Примеч. авт.*), согласования и пр.

Рис. 3. Конференцию женщин стран Азии приветствуют дети. 1949 г. КНР, Пекин.
Фотография. Вторая справа: Н.М. Парфенова. ГИМ

Открытие конференции было назначено на 10 декабря 1949 г. В четыре часа дня делегаты и большое количество гостей собрались в зале официальных заседаний правительства КНР, расположенном в бывшем императорском Дворце в Пекине, где 1 октября 1949 г. была провозглашена республика, проходило заседание Консультативного Совета. Всего в зале собралось около 1,5 тысяч человек. В день открытия конференции зал был празднично украшен лозунгами, призывающими к объединению и борьбе, играла трубная музыка, в основном марши (рис. 3). Общая обстановка, как писала Парфенова, выдержанная. Открывает конференцию Цай Чан — 1-й председатель Всекитайской федерации женщин выступлением, содержащим информацию о программе нового Китая, включающую особые статьи, охраняющие право и интересы женщин и детей, поскольку в старом обществе женщины подвергались особо тяжелому гнету. Первый доклад от имени исполкома МДФЖ сделала Мари Клод Вайян-Кутюрье — генеральный секретарь МДФЖ: «О борьбе за мир и независимость народов». Затем были приветствия от различных организаций: от исполкома Всекитайской организации профсоюзов выступал зам. мэра Пекина. Он говорил, что дело освобождения Китая и китайских женщин завершено, приводил примеры героизма китайских женщин на фронте

и в тылу, подчеркивал их роль в дальнейшем строительстве нового Китая. Делегаток приветствовали представители центральной федерации молодежи, женской организации Пекина. В своем выступлении известный ученый-историк Го Мо-жо, президент Академии наук Китая подчеркнул, что конференция — это знак солидарности, и хотя цель еще далека, но женщины Азии очнувшись от долгого сна, одержат победу.

В адрес конференции поступило 102 приветственные телеграммы, из них 54 от различных международных организаций: Всемирного конгресса сторонников мира, Всемирной Демократической федерации молодежи, Международной организации журналистов и других общественных организаций, а также от Д. Ибаррури, Эж. Коттон. От имени конференции была послана приветственная телеграмма И.В. Сталину. Работа конференции продолжалась до 16 декабря 1949 г. Н.М. Парфенова отмечает: «Общая обстановка подъема и теплоты, деловитости, содержательности и решимости». Всего с докладами выступило 40 человек, в своих выступлениях заявлявших о нежелании жить по-старому, при этом все ссылались на вдохновляющий пример Советского Союза и успехи китайской революции. Доклады и выступления отличались политической остротой и содержательностью. В своем большинстве они были конкретны и подчеркивали ведущую и прогрессивную роль СССР и И.В. Сталина. На каждом заседании помимо делегатов присутствовало свыше одной тысячи китайских женщин. Н.М. Парфенова описывала свои впечатления от встреч с ними: «... Несколько холодный, настороженный налет, наблюдающие все с огромным интересом и вниманием. Но первые же часы совместной работы показали, как радушно открыты сердца китайок при встрече с женщинами других стран. Эта атмосфера была все дни конференции, часто достигала еще большей выразительности. Почти все, присутствующие на заседаниях китайки — в куртках и темных тонах, кепках — война продолжается». Надежда Михайловна замечает, что во время конференции исключительно встречали советскую делегацию, во время выступления ее самой — овации, лозунги, приветствия, подъем непередаваемый, все было очень искренне. Заседание конференции посетили высшие руководители Китая: глава Госсовета КНР Чжоу Эньлай, заместитель Мао Цзэдуна, третье лицо в партии Лю Шаоци, главнокомандующий НОАК Чжу Дэ. Парфенова отметила внимание к работе конференции со стороны китайского государства и общественных организаций, многочисленные приветствия, публикации в газетах и журналах, которые развешивались на улицах, базарах, в учреждениях. Надежда Михайловна

Рис. 4. Конференция женщин стран Азии. 1949 г. КНР, Пекин. Фотография. Слева направо: глава Государственного Совета КНР Чжоу Энь-Лай, Н.М. Парфенова, заместитель Мао Дзэдуна Лю Шаоци. ГИМ

приводит перечень таких изданий. Были организованы встречи, приемы, обмен подарками (рис. 4).

Еще до начала работы конференции в Пекин приехала выставочная группа советской делегации, которая привезла с собой выставку «Жизнь и работа советских женщин», которую открывала 10 декабря Н.М. Парфенова. Выставку, позднее переданную в пользование китайской стороне, посетили тысячи людей, там же демонстрировали советские фильмы (рис. 5). Работа конференции длилась с 11 по 16 декабря 1949 г. Это было очень напряженное время для Н.М. Парфеновой. Помимо того, что она выступала со вторым по значимости докладом на третий день заседаний, она неоднократно встречалась с руководством китайской федерации женщин, представителями Исполкома МДФЖ, делегатками из других стран, постоянно улаживала возникавшие конфликты и, судя по всему, пользовалась большим авторитетом среди делегатов. К ней обращались за советом, с различными просьбами. Парфенова писала, что многие делегатки из азиатских стран и Африки, например, представители Сирии и Ливана хотели приехать в Москву на несколько

Рис. 5. На первой конференции женщин стран Азии. Н.М. Парфенова открывает выставку «Жизнь и работа советских женщин». 10 декабря 1949 г. КНР, Пекин. Фотография. ГИМ

дней и посетить предприятия, колхоз, детские учреждения, представитель Алжира хотел получить практические указания. Другая ее запись: «Просветить представительницу Мадагаскара, так как ничего не знает: не слышала „Интернационала“, не видела гостиницы, лифта и т.д.». Надежда Михайловна подробно описывала все дни работы конференции, события, обсуждаемые вопросы, встречи, беседы с делегатами, посещения предприятий и детских учреждений в Пекине. Она дала свою оценку деятельности представителей Исполкома МДФЖ Мари Клод Вайян-Кутюрье, Жанетте Вермеш, С.А. Годиновой (председатель Федерации чехословацких женщин), руководителям китайской Федерации женщин: Цай Чан — 1-й председатель Всекитайской Федерации женщин, ее заместительнице Лю Цуй, Дэн Инчао (жена Чжоу Эньлая) — руководительнице Ассоциации женщин Китая, Сун Цин Лин — вдове Сунь Ятсена. Проанализировав деятельность членов советской делегации, она оценила ее положительно: был порядок и дисциплина, никаких нареканий на работу ни ночью, ни днем. Особенно Парфенова выделила работу З.П. Троицкой: «Самостоятельно руко-

водителем может выезжать З.П. Троицкая по конкретным поручениям». Среди недостатков в работе советской делегации она отметила: «Слабое знание русского языка у Убайдулаевой, в силу чего она не могла быть полностью использована» и посредственную деятельность некоторых представителей обслуживающей группы, например, Холоповой как организатора и руководителя выставки, рабочего аппарата во главе с Еремеевой («Были в Пекине 2 месяца — какими вопросами занимались?»).

О высоком авторитете Н.М. Парфеновой свидетельствует тот факт, что она трижды была приглашена для беседы к первому заместителю Мао Цзэдуна Лю Шаоци. Надежда Михайловна подробно записала содержание этих бесед, которые длились по несколько часов. Последняя состоявшаяся беседа перед отъездом из Пекина 26 декабря длилась до четырех утра, обстановка была довольно непринужденная: чай, кофе, фрукты. Помимо Парфеновой на этой встрече присутствовали французские делегаты, С.А. Годинова (председатель Федерации женщин Чехословакии), представительницы Индии и Вьетнама, руководители китайской федерации женщин. Лю Шаоци высказал несколько соображений в связи с конференцией женщин стран Азии. В основном беседа касалась политики Коммунистической партии Китая.

Лю Шаоци говорил, что «вопрос о созыве конференций — женской, профсоюзной, и, возможно, молодежной, был поднят давно, но китайских товарищей проинформировали об этом недавно. Мы возражали, так как считали созыв конференций преждевременными. Но если конференции состоялись надо оценить их значение и отношение к главным вопросам, прежде всего, к революционной борьбе, которая ведется в странах Азии». Лю Шаоци, в общем, положительно оценил проведенную женскую конференцию. По главному вопросу, он считал, что основная форма борьбы в странах Азии — это вооруженная борьба, которой должны руководить коммунистические партии, и им необходимо работать нелегально, учитывая опыт Китая. Лю Шаоци заметил, что в резолюциях конференции недостаточно ясно отражена точка зрения Китая по вопросам о вооруженном восстании, роли Коммунистической партии, нелегальной борьбе. Он считал, что необходимо представить все эти вопросы, исходя из опыта Китайской революции, и показать, что путь освобождения — это вооруженная борьба; что нельзя выдвигать только требования — надо указывать, как их осуществить. Лю Шаоци отметил, что также много неподходящих требований от правительств в резолюции по детству (создание детских яслей, бесплатного обучения, запрещение детского труда и т.д.). Согласно

его убеждениям, такие требования подходят для Европы, для тех стран Азии, которые победили, да и то не сразу, а постепенно, но для тех же стран, которые находятся под пятой империализма, возможность их осуществления отсутствует, поскольку их правительства в этом не заинтересованы. Лю Шаоци сказал, что возражал, чтобы в документах отмечалось: «Без помощи Советского Союза и международной поддержки нельзя победить. Об этом мы сказали после успеха революции. До этого мы ориентировали товарищей на свои силы. Это было крайне необходимо, так как многие наши товарищи считают, что мы одни не победим. Нужна была уверенность и поэтому мы говорили о своих силах. Только после того, как мы победили, Мао написал о Советском Союзе. Сейчас также нельзя сказать народам Азии, чтобы они надеялись на Советский Союз. Они должны надеяться на свои силы, они могут победить сами. Хотя победа Китайской революции без Советского Союза и международной помощи действительно невозможна».

Во время бесед Лю Шаоци подробно изложил следующие вопросы: о положении в Китае и важнейших преобразованиях, осуществляемых правительством; о провозглашении равноправия женщин и принятии нового закона о браке, устанавливающим равенство женщин и мужчин в семейно-брачных отношениях; о росте социально-политической активности женщин в строительстве нового Китая и проведении земельной реформы; о службе в Народно-освободительной армии Китая. Он подчеркнул, что 20 женщин занимают руководящие посты в правительстве (министр здравоохранения — Ли Фо Гуань, заместитель министра текстильной промышленности — Чжан Цингю и др.), 44 женщины — члены ЦК КПК, 33 — кандидаты в члены ЦК.

Лю Шаоци, обратил внимание на особенности китайской революции, единого Национального фронта, куда входила национальная буржуазия, часть настроенных патриотически помещиков и кулаков. Он говорил, что партия считает необходимым сохранить этот союз и сделать его союзником в восстановлении экономики, освобождении ее от иностранного капитала: «Мы, кажется, совершили ошибку, когда, вступив в город, выдвинули большие экономические требования. Буржуазия закрыла предприятия, а попытки рабочих организовать производство ни к чему не привели. Партия раскритиковала этот шаг, как левый загиб». И продолжал далее: «Рабочие получили политические свободы, руководят страной, многие выдвинуты на руководящие посты, для рабочих открыто много школ, организованы культмассовые мероприятия. При этом еще много трудностей, зарплата мало увеличена, плохие условия труда. Мао Цзэдун

выдвинул лозунг о сотрудничестве труда и капитала. Сейчас, когда буржуазия действует неправильно, мы вмешиваемся. Часть коммунистов требует решительных мер против буржуазии. Нельзя сейчас сделать левый шаг, что опасно и это будет авантюра. Надо дать жить кулакам и капиталистам, по крайней мере в течении ближайших 10 лет. Только таким путем Китай сможет перейти к социализму, превратиться из аграрной страны в индустриальную при полной ликвидации зависимости от иностранного капитала. Сразу ликвидировать эту зависимость трудно. Мы достигли политической независимости, а экономической нет. Надо много сделать в этой области... И если в военном отношении мы выиграли, то в остальном только ослабли... Нужно объединение всего народа против буржуазии, но этого сейчас нет и быть не может. Борьба с ними дело будущего. Надо чтобы товарищи из Европы это поняли».

Согласно записи этой беседы, обсуждались вопросы о составе Коммунистической партии Китая. Большая часть входивших в нее были беднейшие крестьяне — 60%, они были главными союзниками партии в борьбе с японцами и Гоминьданом; 20% членов партии — середняки, 10% — служащие и интеллигенция; обеспокоенность вызывало незначительное число рабочих в составе КПК — только 10%. Лю Шаоци считал, что в ближайшие два — три года необходимо увеличить число рабочих до 30%, для чего необходимы усиленная работа с массами и рост кадров на предприятия. Лю Шаоци считал, что численно не нужно сильно увеличивать партию: «... Сейчас в КПК — 4 миллиона человек. Нельзя в ней иметь 40 миллионов. Думаем иметь не больше 8—10 миллионов в будущем. Наша партия и сейчас является массовой. Во всех 10 остальных партиях, вместе взятых, состоят 10 тысяч человек. Партия играет решающую роль во всей жизни страны. Коммунисты есть в центральном аппарате, правительстве. Взят курс на усиление связи с массами — в этом главная задача».

В записях беседы зафиксировано и то, что говорилось о политике КПК в деревне и проведении аграрной реформы: суть ее — раздел земли, которую дают всем, в том числе помещикам и кулакам, которых называют «новыми»; одна из главных целей аграрной реформы — снижение арендной платы. Подчеркивалось, что впервые землю получили женщины, это приравнивалось к революционному акту, в результате чего возросла их роль в деревне, женщины стали активно поддерживать аграрную реформу, приобщились к общей борьбе. В беседе Лю Шаоци затронул и национальный вопрос. Абсолютное большинство населения страны на тот момент составляли китайцы, все остальные народности представляли явное меньшинство и против них никто не выступал, в то время как го-

миньдановцы жестоко их преследовали. Лю Шаоци отметил, что имеющиеся проявления шовинизма, нельзя сразу ликвидировать: «Мы сейчас запрещаем и пресекаем все национальные трения, какие возникают. Наша политика — обеспечение прав каждой национальности». Знакомство с содержанием записи этой беседы, где подробно изложены установки и положения политики КПК, высказанные третьим лицом в партии Лю Шаоци, дают представление о политическом и экономическом положении Китая после победы революции, планах и перспективах развития страны, особенностях построения социализма в Китае.

Н.М. Парфенова записывает и «доверительный» разговор с Цан Чай — председателем Всекитайской демократической федерации женщин и ее замом, прошедший 15 декабря поздно вечером и длившийся два часа. Речь шла о поведении и настроении представитель Исполкома МДФЖ — Мари Клод Вайян-Кутюрье и Жанетты Вермеш. Китайские женщины были обижены их поведением, тем, что в основном докладе не была обозначена линия Мао Цзэдуна. Были и другие личные обиды по поводу высказываний французских делегатов в отношении китайцев о том, что они националисты, о политике КПК в целом. Кроме того, во время беседы обсуждали положение женщин в Китае, которое реально на тот момент мало изменилось, при этом было отмечено, что женщины стали играть все большую роль, но, как правило, в тех районах, которые давно освобождены; отмечали, что в стране еще много трудностей. В конце встречи китайской стороной была выражена благодарность Советскому Союзу за оказание помощи.

Завершающее заседание конференции состоялось 16 декабря 1949 г. под председательством Н.М. Парфеновой. С заключительным словом о значении конференции и задачах стоящих перед демократическим движением женщин выступила Мари Клод Вайян-Кутюрье. Она отметила, что конференция — это одна из форм помощи в борьбе женщин за свои права, способствует объединению сил. В своей речи Мари Клод сказала: «Конференция позволяет подвести итоги пути, пройденного за 18 месяцев, прошедших с того момента, как Исполком МДФЖ принял решение организовать конференцию женщин Азии... Великой радостью для нас является возможность выразить председателю правительства нового Китая Мао Цзэдуну всю нашу признательность за его радушное гостеприимство... Мы прекрасно понимаем, каких огромных усилий стоит провести международную конференцию в стране, еще находящейся в состоянии войны. Но надеемся, что эта встреча позволит женщинам Азии и женщинам империалистических стран усилить

Рис. 6. Конференция женщин стран Азии. 1949 г. КНР, Пекин. Фотография. На снимке: Н.М. Парфенова и Главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая Маршал Чжу Дэ. ГИМ

общую борьбу против их общего врага — империализма. Мы горячо приветствуем представительниц героических китайских женщин: мы видим, какое огромное участие они приняли в борьбе за освобождение, и какое участие они принимают сегодня в построении своей страны на демократической основе...»⁵.

Председатель Всекитайской федерации женщин Цай Чан в своем выступлении подчеркнула: «Эта конференция великой солидарности женщин стран Азии и демократических женщин всего мира. Она будет способствовать сплочению женских сил в борьбе за мир, независимость, укреплению дружбы между национальных организаций, обмену опытом (на примере советских азиатских республик, а также Северной Кореи и Монголии). Учиться у первых, обмениваться опытом со вторыми, и на опыте Китая».

От имени правительства КНР выступил Чжу Дэ — главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая. Н.М. Парфенова записывает: «Заседание прошло хорошо, с большим подъемом. Минутами длились овации в честь товарища Сталина, Советского Союза, советских женщин». В конце запели «Широка страна моя родная» и «Интернационал» (рис. 6).

18 декабря в 12 часов массовый митинг, на который собралось больше 30 тысяч человек, состоялся в одном из внутренних дворов бывшего Императорского Дворца (так называемый «Запретный город»). Н.М. Парфенова отразила в своих записях: «Зрелище незабываемое. Масса красных огромных флагов. Толпы людей равными прямоугольниками выстроились на площади. Приветственными возгласами были встречены делегаты. Все они, как и иностранные гости, и руководители страны, расположились на трибунах, расположенных террасами. Звучала музыка. Лозунги раскатывались по площади в честь китайской республики, Мао Цзэдуна, Советского Союза, товарища Сталина. Было очень торжественно.

Митинг открыл мэр г. Пекина. Выступали руководители женских организаций Пекина, Мари Клод Вайян-Кутюрье, Н.М. Парфенова, Ж. Вермеш (Франция), С.А. Гоудинова, представительницы Черной Африки, Индии, Вьетнама. Затем делегатам преподносили подарки, цветы, шли вереницы девушек и женщин с цветами в вазах и подарками. А потом под музыку и возгласы мы все пошли — нам махали, протягивали руки, кричали — это было очень сильно».

Далее Н.М. Парфенова описывает поездку, организованную в северо-восточные районы страны, которые практически полностью находились под властью компартии, и где активно осуществлялись преобразования: «После митинга были бурные сборы, все спешно собирались к отъезду. В 5 часов мы были уже на вокзале и в специальном поезде тронулись. <...> Ехали прекрасно: замечательные вагоны — специальный поезд, прекрасное питание, усиленная охрана. По дороге, за окном — горы и холмы, равнины. Поля, как правило, тщательно обработаны, аккуратно разделены на мелкие отдельные наделы. Пшеница и рис — главные злаки. Вокруг много воды. Вдоль дороги небольшие жилые деревни, в них маленькие домики из глины и камня. Окна и двери во внутрь двора. Тут же на участках холмики, где похоронены близкие и родные. В глухих местах, до сих пор приносят туда пищу для покойников.

На всем пути стоит охрана, а кое-где и орудия. Война еще продолжается, совсем недавно здесь шли бои, видны разрушенные дома, чуть дальше впереди продолжают налеты. Поэтому наша дорога несколько осложнена, едем в ночное время, чтобы избежать неприятностей. Часто бывают налеты на поезда — враг действует. Гражданская война еще не закончена. На освобожденной территории действовали многочисленные гоминдановские и помещичьи банды, шайки уголовных преступников, терроризировавших население, срывающие мероприятия народной власти.

Рис. 7. Н.М. Парфенова на вокзале с китайскими женщинами во время поездки по Китаю. Декабрь 1949 г. КНР. Фотография. ГИМ

Стоявшие вдоль пути бойцы и работники транспорта — все в форме, первые в зеленой, вторые в синей. Порядок и дисциплина высоко поставлены. По дороге были видны проблески нового, кое-где построены небольшие каменные дома. Идет работа по восстановлению мостов, по приведению в порядок железнодорожного пути».

Во время поездки по Северо-Востоку Китая участницы конференции побывали в крупнейших городах этого региона: Тяньцзине (один из четырех муниципалитетов центрального подчинения), Нанкине, Шанхае. По дороге были остановки в небольших городах: Динань, Янгжоу, Сюйгжоу. Кроме того, Парфенова описывает свои впечатления от Пекина и Мукдена (первого города Китая, где делегатки побывали по пути из Москвы), поезд везде встречали музыкой, цветами, устраивали торжественные митинги, концерты, выступали дети: «На всех лицах неподдельная радость, встречают с восторгом». Описывая встречу в г. Сюйчжоу, Парфенова отмечала, что приветствовал делегаток мэр города и руководительница женского союза, и что мэр города был одновременно секретарем горкома партии: «Как правило, такое положение мы встречали везде. На руководство городов выдвинуты проверенные кадры с огромным опытом работы в подполье или в армии» (рис. 7).

Надежда Михайловна записала: «Тяньцзынь и Шанхай — крупные промышленные центры, с большой долей иностранного капитала. В Нанкине практически нет промышленности и соответственно пролетариата. Основная масса населения — служащие и учащаяся молодежь. Главная задача новой власти развивать в городе промышленность, создать свою, независимую от иностранцев, экономическую базу. Положение женщин было ужасное. Сейчас им даны права, но пока только на бумаге. Город большой, совершенно не китайский. Достопримечательности города: два дворца Чан Кайши и мавзолей Сунь Ятсена». От имени конференции делегатки возложили венок к могиле Сунь Ятсена. В городе прошел митинг в честь дня рождения И.В. Сталина.

Парфенова дает подробное описание Тяньцзиня и Шанхая, имеющих много общего. О Тяньцзине: «Обычный европейский город — богатый центр, шумная толпа на улицах и ужасающая нищета и грязь на окраинах. Этот город — живая иллюстрация политики „открытых дверей“ в Китае. До последних дней в нем хозяйничали 9 государств: США, Англия, Франция, Япония, Германия и другие. Существовала большая колония русских, которые издавали свою газету „Новое слово“ на русском языке». В собрании ОПИ ГИМ хранится несколько экземпляров этой газеты. Надежда Михайловна отметила: «Это был город шпионов, жуликов и других темных элементов — так говорят сами китайцы».

В Тяньцзине делегатки посетили ковровую фабрику. Н.М. Парфенова записала: «Условия труда тяжелые. Оплата повсюду ведется из расчета стоимости муки. Детства нет. Положение детей и женщин просто ужасное. Дети — подростки начинают работать с 9—10 лет — полный рабочий день. Все неграмотные. Масса маленьких детей, которые приходят с матерями-работницами и находятся с ними весь день. Это в основном семьи рикши». Она описала также свои впечатления от Шанхая: «Город контрастов: небоскребы с одной стороны и лачуги, в том числе джонки — с другой. Все построено на иностранные капиталы — телеграф, газ, электричество — все принадлежит американским и английским кампаниям. В центре, в самых красивых зданиях размещены банки. Масса рекламы, вечером все горит. Рекламируется все: напиток «Кока-Кола», зубная паста, чулки, кино. Много магазинов. В центре широкие улицы, на них владения отдельных иностранных государств. Раньше эта часть города была отгорожена от китайского народа специальными воротами. В китайской части живет, торгует и работает китайское население. В центре — трамваи, троллейбус, много рикш. На окраинах их тьма, больше с двухместными колясками.

По берегам рек, которые протекают в городе, тысячи семей живут в лодках, там они день и ночь, холодные и голодные с маленькими детьми. Продукты развозят лодочники, которые там и живут. Аналогичные картины на окраинах города, где к большим домам прилепились шалаши, в них также живут люди. В городе свыше 1 миллиона беженцев и они без крова, живут ужасно. Одеты очень плохо, особенно ноги. Чаще всего туфли из тряпок. Плохо с питанием. В Северо-Восточном районе Китая (и во всей стране) принято решение о том, что каждая семья в фонд голодающих выделяет одну чашку риса.

В Шанхае посетили текстильную фабрику. Из 5200 рабочих — 3800 женщины. Они бледные и худые, работают много. Рабочий день — 10 часов. Фабрика принадлежит китайской буржуазии. При фабрике есть больница, детские ясли».

В записях Надежда Михайловна часто упоминает о рикшах, большое их количество поразило ее воображение, особенно в Пекине: «Город большой и шумный. На улицах все движется. Это бегут рикши. Говорят, что их в городе 17 тысяч и многие из них не имеют не только своей тележки, но и жилья»; в Тяньцзине «рикши без конца и не только на колесах». Первое впечатление по прибытию в Китай, в Мукдене: «Масса людей работы не имеет, отсюда толпы рикш (правда, «механизированных» — велосипеды чаще всего). Их очень много — худых и бледных людей. Они зарабатывают гроши, это самый распространенный вид транспорта. Тяжелое зрелище».

Другое «удивление» Парфеновой — наличие публичных домов, продолжавших в то время действовать в больших городах (в Тяньцзине зарегистрировано 1000 проституток, в Пекине — около 200, в Нанкине — 2000). Она отмечает, что с ними начинают бороться, но частично их сохраняют из-за боязни, что может еще сильнее возрасти число безработных и заболеваемость. Замечает Надежда Михайловна и ростки нового, прежде всего, в переименовании улиц: в Тяньцзине улица Чан Кайши стала улицей «Победы», улица Трумена — «Основания государства» и т.д. Там же она пишет, что «в здании итальянского казино открылся рабочий клуб. В нем идут активные приготовления к празднованию дня рождения И.В. Сталина. На стенах висят портреты Мао Цзэдуна, Сталина, Маркса, Энгельса. В городе открываются ясли для детей. Во время бесед с рабочими — те говорят: что раньше они ели жмых, а сейчас — рис, к Новому году будет и курица. Дети ходят в школу.

В городах много мелких торговцев. Они или носят ларьки с собой или днями сидят у домов допоздна с горящей лампочкой. В Пекине много мелких лавок, особенно с горящими жаровнями и фона-

рями из бумаги, преимущественно красного цвета, иногда черного с золотым обручем.

На обратном пути в Пекин было приключение. В 15 км от г. Нанкина пришлось уехать в горы, была тревога. Укрылись в ближайшей деревне, которую только что освободили. Впечатление тяжелое: несколько сараеобразных глиняных домов, в которых живут по несколько семей. Пол глиняный, обстановки почти никакой, деревянный стол и длинные скамьи. Тут же скотина, главным образом свиньи и куры. Окна маленькие и почти всегда закрыты, дверь же закрывают только на ночь. Она — источник света. Дом покрыт соломой. Детей много, но все грязные, глаза слезятся, много лишаев на голове и лицах. Одеты все плохо.

Крестьяне земли еще не имеют, берут ее в аренду, плата за аренду повсеместно снижается. В стране начали проводить аграрную реформу. Производят раздел земли. Дают ее всем, в том числе помещикам и кулакам. Большая разница в проведении реформы между севером и югом. На севере уже много сделано, на юге только начинают. Тяжелое положение в деревне было связано и с колоссальным наводнением 1949 года (за последние 30 лет такого не было), которое вызвало неурожай».

Во время поездки у Надежды Михайловны было много встреч, она общалась с представителями новой власти, говорила с рабочими, крестьянами, посетила промышленные предприятия, детские учреждения, выступала на митингах. Она записала: «Такое впечатление, что народ не замечает трудностей — он весь полон веры в будущее. <...> А главное — жажда у народа к активной созидательной деятельности: строить, творить, учиться и, в первую очередь, у Советского Союза. Творческий подъем охватил все слои населения». Она обращает внимание на большую тягу китайского народа к знаниям, изучению русского языка.

Интересны впечатления Парфеновой о китайцах: «Исключительно скромны, вежливы, гостеприимны, трудолюбивы. Китайцы честны, воров презирают и ненавидят. В личной жизни живут просто и скромно. Очень целомудренны, к женщинам относятся с уважением и по-товарищески. Важно отметить особенность китайского народа — довольствоваться малым. Трудные годы господства империалистов, затем длительная война, приучили народ к лишениям и если есть какой-то уголь и возможность кушать 2 раза в день, то они счастливы, с уверенностью говорят, что будет еще лучше. Это замечательное качество — здоровый и патриотический оптимизм». Она также описывает свое первое впечатление от китайцев по прилету в Мукден: «Самое первое, что мы увидели — взгляды молодых

улыбающихся людей на аэродроме... Нам было приятно и весело от этих приветливых взглядов».

Среди встреч с представителями новой власти Н.М. Парфенова отмечает встречу и беседу с руководительницей женских организаций Восточной части Китая Цзян Вян. Она подробно записывает содержание этой беседы. Обсуждая положение в Китае, политику Мао Цзэдуна и КПК, Цзян Вян подробно рассказала Парфеновой, как была организована борьба за освобождение Китая от японских захватчиков и обеспечена победа китайской революции. Она также разъяснила тактику Мао Цзэдуна: «В начале войны, когда японцы заняли большую часть территории страны, Мао Цзэдун выдвинул лозунг — развернуть партизанскую войну и сделать тыл врага — фронтом. Территория Китая громадна и враг не сможет всюду иметь крупные части. Так и случилось. КПК поставила задачу — необходимость создания единого антияпонского фронта — независимо от взглядов и социальной принадлежности участников борьбы, поддерживать всех, кто идет против японцев. Борьба должна вестись только с явно реакционными силами. Эта политика вызывалась слабостью наших сил и активным наступлением японцев. Нельзя было одновременно бить двух врагов, надо было выбирать главного и по нему бить». Цзян Вян рассказывая о политике КПК в отношении помещиков и кулаков, подчеркнула, что на первом этапе борьбы лозунг их уничтожения не выдвигался, большинство помещиков в то время пошли вместе со всеми, лишь незначительные реакционные группы сотрудничали с врагом; для сплочения всех масс населения была проведена работа по созданию массовых организаций среди молодежи, женщин и для осуществления этой задачи в тыл врага помимо военных специалистов посылались специальные работники.

Цзян Вян подробно рассказала, как создавались партизанские базы в тылу врага. Запись, сделанная со слов непосредственного участника событий, является ценным источником, дающим представление, как организовывалась и действовала партизанская и подпольная работа в тылу врага, как складывался единый фронт борьбы с японцами и Гоминьданом.

«Это была нелегкая работа, много сил было положено для воспитания масс. Активную работу против партии вели японцы и гоминьдановцы. Они действовали как подкупом, так и террором — проводили политику меча и грабежа в деревне. Карательные экспедиции причиняли огромный вред, масса людей и продуктов пропали.

Партизанские базы создавались двумя путями: 1-й — группы партийных работников вместе с армией прорывают линию фронта

и пробираются в тыл врага, где спланировали народные силы и одновременно участвовали в военных действиях. 2-й путь — партийные кадры сразу направлялись для подпольной работы среди населения, где уже шла работа по сплочению населения.

Каждая партизанская база имела три части: центральный район, где были сконцентрированы основные части людей и оружия; район партизанских действий; отдельные укрепленные точки. Большие поселки и мелкие города использовались как базы, где велась подпольная работа. В уезде могло быть много точек. Формы организации борьбы были различными. В центральном районе коммунистическая партия работала не открыто. Каждый человек больше одной ночи не проводил в одной деревне. Сама Цзян Вян так работала в течение 5 лет. Коммунисты проникали в органы противника, где велась необходимая разведывательная работа».

В конце путешествия Н.М. Парфенова писала, что стала свидетельницей ужасающих тягот и лишений, оставленных народам этой необъятной страны империалистической и гражданской войнами, что города и села зияли тысячами ран. При этом она наблюдала свидетельства небывалого духовного подъема народа, который поверил в возможность новой более справедливой жизни. Парфенова отмечала огромное стремление у китайцев к знаниям, к политике: «Весь Китай учится. Особый интерес к русскому языку, советской культуре и искусству, огромное желание всему научиться у Советского Союза. Слово советского человека — закон. Проявляют ко всему любознательность и огромный интерес. Спрашивают обо всем. Хотят слушать лекции о соревновании и кооперации, о работе профсоюзов и об отношении города к деревне, о налоговой политике и о работе партийной организации на фабрике. Исключительно развито по отношению к себе критическое чувство: «Пожалуйста, покритикуйте нас, укажите наши недостатки» — обычно говорят при встречах. Сами китайцы страшно долго, буквально часами говорят. 8 часов один доклад — обычное явление».

Несмотря на недолгое пребывание Н.М. Парфеновой в Китае, из ее записей можно многое узнать об этой стране того времени. Она описывала все увиденное: природу, внешний облик городов, местные обычаи и традиции, особенности китайского менталитета. При этом она отметила, что продолжают действовать многие традиционные китайские церемонии: «Они выражаются в почитании старших по возрасту мужчин, не могут ходить по улицам с женщинами, только с женой, которая идет сзади мужчины. Нельзя обидеть старших, за это будут презирать. В Китае мужчин больше, чем

женщин. Много маленьких детей. 3—4 ребенка в семье есть обязательно. Матери их носят на спине. Сохраняется манера раскланиваться и выходить задом. Благодарят — складывают руки и кланяются. <...> В стране все дорого. Купить что-нибудь на зарплату трудно. Население одето бедно и одинаково. Основная одежда — стеганные рубашки. Многие носят повязки на улице из марли или белой тряпки. Женщины все с открытой головой, в ватниках и брюках. В городах много женщин и девушек в военной форме, они продолжают служить в Народно-освободительной Армии. Принимаются шаги, чтобы использовать армию для восстановления страны. Для многих служба в армии стала профессией».

Любопытны первые впечатления Парфеновой о Пекине: «... Типичный китайский город — одноэтажные дома, много причудливых дворцов и арок. Хороша в городе центральная улица, которая идет через многие арки вдоль стены Императорского Дворца. По пути с аэродрома видели много разукрашенных цветами и лентами машин — это свадьбы. Встречали и носилки с покойниками, которые накрывается своими одеждами. До сих пор действует такой порядок, что если умирает мужчина, то сжигается лошадь, а если женщина, то — корова (конечно не живые)».

В записях Надежды Михайловны находим описание китайской кухни. «Она своеобразна, много соусов, редких приправ. Хлеб почти не едят, кушают палочками. Едят не больше 2-х раз в день сами, но если гости — угощениям нет конца — 24 блюда на завтрак, как минимум — 14. Изысканные блюда — губы акулы и очень дорогие серебряные рыбки».

Парфенова отмечает, что к культурным мероприятиям страна еще почти не приступала, интеллигенция в основном поддерживает мероприятия новой власти, среди передовой интеллигенции ширится движение за реформу и упрощение китайской письменности; активную роль в обществе играет студенчество. Появляются новые тенденции в искусстве: «Классическая опера с культом мужчин меняется на живую и деятельную новую форму искусства — современный балет. Национальные танцы приобретают современное содержание, говорят о новых процессах труда: новые крестьяне, получившие землю, двигаются с цветами, с ними бойцы, которые заканчивают освобождение Китая. В новом танце — рабочие, крестьяне, бойцы, студенты и пр. объединяются под единым флагом и идут к Победе. Это показ единства всех людей, объединенных в национальный фронт. Большой популярностью пользовался детский танец о трех цыплятах и волке, где также показаны сплоченность и единство народа, побеждающее врага».

После возвращения 31 декабря делегации в Москву Н.М. Парфенова выступала на различных городских мероприятиях и собраниях общественности с рассказом о поездке в Китай и отчетом о работе сессии МДФЖ, проходившей в Москве в ноябре 1949 г. и конференции женщин стран Азии в Пекине.

В фонде Н.М. Парфеновой, хранящемся в ОПИ ГИМ, имеются пригласительные билеты на эти мероприятия: на районные собрания женского актива столицы, в Колонный зал Дома Союзов, где проходил профсоюзный актив, в театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко и др. Сохранились и тексты докладов и выступлений Надежды Михайловны на этих мероприятиях. Эти материалы представляют большой интерес для изучающих эпоху 1940—1950-х гг. — период колониальных войн и борьбы за независимость в Индонезии, Вьетнаме, Бирме, Малайе; фашистского режима генерала Франко в Испании, террора в Греции; начальный этап «холодной войны» (хотя еще были живы воспоминания об ужасах Второй мировой войны). В сентябре 1949 г. Советский Союз выступил с инициативой заключения «Пакта мира» между пятью великими державами: СССР, США, Китаем, Великобританией и Францией, призывавшего не прибегать к использованию силы или к угрозе силой, а к разрешению споров и разногласий только мирными средствами. США и другие страны НАТО отклонили это предложение, однако мировая общественность поддержала идею заключения «Пакта мира», и в 1951 г. по инициативе МДФЖ состоялся международный конгресс. Движение сторонников заключения «Пакта мира» получает широкое распространение во всем мире. Активное участие в нем принимали женщины.

В своих выступлениях Парфенова оценивала внутреннюю и международную обстановку, отражая официальную точку зрения по всем вопросам. Являясь представителем официальной власти и, естественно, пропагандистом ее политики, она клеймила англо-американских поджигателей войны против Советского Союза, выступала против «презренной клики Тито». Например, в докладе «Итоги сессии Совета МДФЖ и конференции женщин стран Азии» перед профактивом Свердловского района в Колонном зале она говорила: «Современная международная обстановка характеризуется дальнейшим обострением борьбы между двумя лагерями — лагерем мира, демократии и социализма и лагерем войны, реакции и империализма... Правящие круги США и Англии открыто ведут политику агрессии и подготовки новой войны. Этой политике служит кабальный „план Маршалла“, Североатлантический блок. <...>

Экономика капиталистических стран Европы, закабаленная „планом Маршалла“ находится в состоянии глубокого упадка».

На тот период времени приходился пик конфронтации между СССР и Югославией. Парфенова информировала аудиторию, что «ученики Черчилля по агрессии ее [Югославии. — Н.Ч.] шпионы ведут подлую работу в странах народной демократии, правители Югославии нагло клеветают на Великий Советский Союз. <...> Согласно протестам, полученным от большинства национальных организаций, секретариат МДФЖ не считал возможным пригласить на сессию в Москву делегацию от Югославии. На московской сессии был поставлен вопрос об исключении нынешних руководителей югославских женщин из руководящих органов МДФЖ. Аргумент — руководители югославских женщин не выражают подлинных интересов югославских женщин, поддерживают предательскую клику Тито, открыто перешедшую в лагерь международной реакции и империализма».

Эти высказывания наглядно передают обстановку в стране, нагнетание международной напряженности в начале 1950-х гг., показывают организацию пропагандистской работы среди населения СССР, в которой участвовала и Н.М. Парфенова.

Таким образом, хранящиеся в собрании ОПИ ГИМ материалы Парфеновой о работе конференции женщин стран Азии в Пекине в декабре 1947 г. являются ценным источником не только по истории женского движения и роли Советского Союза в этом, но и дают общее представление о послевоенной эпохе в мире. В записях и других документах архива Парфеновой отражена роль СССР в поддержке антиколониальной борьбы народов Азии, организации всемирной борьбы за мир. Особый интерес представляют записи Надежды Михайловны о КНР, о начальном периоде истории страны и отношении населения Китая к революции и новой власти. Введение этих материалов в научный оборот позволяет расширить представление о сложном историческом периоде конца 40-х — начала 50-х гг. XX столетия, еще недостаточно изученном и осмысленном историками.

¹ ГИК ГИМ 109790. ОПИ. Ф. 580. Арх. 6225.

² См.: Аверьянова А.К., Качан Х.Х. Н.К. Крупская в судьбе Н.М. Парфеновой / Забелинские научные чтения — 1999. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры: Сборник статей // Труды ГИМ. М., 2000. Вып. 210. С. 483—490; Четайкина Н.Н. Советско-германские отношения в послевоенный период, 1945—2000 гг. (По материалам фондов ГИМ) / Забелинские научные чтения — 2016. Историче-

ский музей — энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. М., 2019. Вып. 213. С. 441—468; *Чевтайкина Н.Н.* Положение женщин в послевоенной Германии. 1945—1949 гг. (По материалам фонда Н.М. Парфеновой. ОПИ ГИМ) / Забелинские научные чтения — 2018. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры // Труды ГИМ. М., 2020. Вып. 214. С. 356—380.

- ³ Газета «Новое слово». Г. Тяньцзин. 15 декабря 1949 г. № 142. С. 1. ГИК ГИМ 109790. ОПИ. Ф. 580. Арх. 6225.
- ⁴ См.: *Ледовский А.М.* Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950—1953 годов // Москва: Русский Либмонстр. 2020. <https://libmonster.ru/m/articles/view/>; (дата обращения: 12.07.2023).
- ⁵ Газета «Новое слово». 16 декабря 1949 г. № 143. ОПИ. Ф. 580. Арх. 6225.

А.С. Чепелева

Повседневная жизнь Странноприимного дома князей Куракиных в последней четверти XVIII — первой четверти XIX века

Странноприимный дом князей Куракиных — первое благотворительное учреждение в Москве, построенное на собственной земле, финансируемое из собственного бюджета князей и находившееся в полном владении и распоряжении на правах благотворительности. Построен он был в середине XVIII столетия, с тех пор жизнь внутри госпиталя была строго регламентирована завещанием и в течение продолжительного периода не изменялась. Данная статья позволяет более детально ознакомиться с условиями жизни вышедших в отставку раненых, болезненных и престарелых воинов, их питанием, распорядком дня и развлечениями, которые разрешались на территории благотворительного учреждения.

Госпиталь занимал обширную территорию на земле князей Куракиных в районе Новой Басманной. С самого начала богадельня была построена из камня, что отличало ее от привычных деревянных построек, которыми была наполнена Москва. Интерьер богаделен того времени, в независимости от того, были ли они деревянными или каменными по строению, воспроизводил убранство обычной избы. «Полы дощатые, потолок бревенчатой, кровля покрыта тесом» — типичные характеристики здания богадельни. В зимнее время на окна со стеклами набивали доски для защиты от сырости, а от воровских людей, «ибо чинятся многие и частые покражи пожиткам богаделенных», внутри окон укрепляли ставни со скобами¹. В данном же случае, госпиталь больше напоминал жилое помещение, в возвышенном стиле, приближенное к архитектуре привычной для дворянского сословия.

Внутри площадь богадельни изначально была поделена на десять жилых помещений для проживания страждущих, четыре комнаты для слуг с семьями и кабинет надзирателя с примыкавшей комнатой. Кроме того, имелась общая столовая и зала, конюшня, сарай и хозяйственные помещения². В 1802 г. были достроены два служебных

корпуса, тем самым служащие дома оказались отделены от жителей богадельни³. Данная архитектура была весьма удобна для 12 постояльцев, которые изначально поселились в госпитале. Каждому из них предоставили отдельную меблированную комнату, в похожих комнатах проживали и слуги.

Однако с возрастающей популярностью госпиталя, мест стало не хватать, поэтому уже в 1780-е гг. комнаты были переоборудованы, а в размещение бывших военнослужащих внесены коррективы⁴. В результате офицерам полагалось селиться в отдельные меблированные комнаты, обставленные со всеми удобствами и снабженные камином. А солдаты низших рангов располагались вдвоем, либо вчетвером в комнатах, которые также были прекрасно меблированы, с занавесками у кроватей, украшены и снабжены либо камином, либо голландской печью. В начале 1800-х гг. когда комнат стало не хватать, то «солдат, что повыше рангом оставили при занавесках и вдвоем, а простых рядовых стали селить по 4—6 человек без занавесок на кроватях уже, в зависимости от величины комнаты»⁵.

Две палаты из десяти имеющихся отдельно выделили для тех, кто курил табак, чтобы не причинять неудобства тем, кто табачный дух не переносит⁶. Комнаты освещали сальными свечами в люстрах, за наличием которых следили рабочие госпиталя.

Жители богадельни обеспечивались одеждой на любой сезон в количестве двух пар, должным количеством дров для отопления помещения, а также разного рода мелкими хозяйственными вещами. Отопительный сезон длился с 1 ноября по 31 марта (с 6 утра до 9 вечера)⁷.

Всего из предметов для сна выдавалось: по одной простыни и наволочке; два матраса (набитый соломой, другой овечьей шерстью); два одеяла (одно из которых шерстяное); один тюфяк; по два полотенца и носовых платка; по одному ночному колпаку; а также две подушки (на пуху и из перьев). Матрасы и все постельные принадлежности рассчитывались на четыре года службы. Рядом с каждой кроватью находилось по одному стулу, а в комнате имелось два кресла. Кроме того, в каждой из комнат было зеркало в деревянной раме, два рукомыльника (с лоханью, другой с тазом), что позволяло постояльцам приводить себя в порядок по утрам; помимо шкафа еще имелся комод для прочих необходимых вещей. Владельцы комнаты несли личную ответственность за все имущество, находящееся в ней⁸.

Из одежды каждому постояльцу выдавали черную шляпу, кафтан, две рубашки из прочного сукна, две пары штанов, один камзол, две пары чулок (одни из которых шерстяные), хорошие туфли,

а после недельного проживания и башмаки. Удивительно, что при снабжении даже учитывали самое необходимое для инвалидов. Например, одноногим ветеранам полагалась деревянная конечность, обшитая внизу кожей и войлоком, чтобы не скользила по полу⁹. Это свидетельствовало не только о некоторой просвещенности управляющих госпиталем, но и о проявлении внимания к людям и даже человечности.

Первые шесть недель поступивший должен был носить выданную одежду либо ту, в которой прибыл. Но впоследствии военная одежда забиралась в целях адаптации и привыкания к тому, что им придется провести здесь на равных оставшуюся жизнь. Офицерская одежда в госпитале не отличалась от иной, разве только серебряными позументами. На зиму дополнительно выдавали тулуп и валенки. С развитием учреждения увеличивались и возможности его покровителей. К 1820 г. к комплекту одежды добавили шинель (на 4 года), жилетку и халаты (на 2 года), а также стали больше закупать пуговиц, поскольку они часто отрывались и терялись. Служащим дополнительно выдавали галстук с манишкой¹⁰. Таким образом, жители благотворительного заведения были полностью всем обеспечены на любой сезон, включая починку старой одежды и замену ее на новую, которую брал на себя сам госпиталь. Из бытовых мелочей каждому постояльцу выдавался глиняный кувшин для умывания, одна пара ножниц на двоих, гребень для волос, каждому по огниву со всем прибором¹¹.

Получив все это в собственное владение от одного из работников, бывший военный должен был засвидетельствовать, что все в нужном порядке имеется, всего хватает, и ничего не украли. Нельзя было обменивать выданную одежду, даже если она казалась хуже, чем у товарища. А когда проходило шесть недель, с ней можно было обращаться уже как со своей собственной, то есть подшивать, переделывать и т. д.¹² Такое же подтверждение необходимо было озвучить и после уборки со сменой постельного белья, потому что в госпитале убирались служащие. Подобный ритуал не только уменьшал конфликты, но и дисциплинировал жизнь постояльцев. После трех месяцев проживания в госпитале всегда проводился генеральный смотр комнаты постояльца и всех выданных ему вещей, если что-то нуждалось в замене и починке, на то выделялись деньги¹³.

Кроме того, постояльцы в данном заведении были на довольствии продуктами питания. При этом требовалось соблюдение правил, согласно которым нельзя было никогда требовать (только в случае болезни) доставки еды в комнату, уносить что-либо со стола, задерживать пищу в комнатах от трапезы до трапезы¹⁴. Таким обра-

зом, даже больной человек, наслаждающийся обедом в собственной комнате, обязан был его завершить до ужина. Каждый из постояльцев имел свое определенное место в столовой, которое нельзя было менять¹⁵. Всего в столовой находилось три стола, каждый из которых накрывался до 12 персон, обязательно были скатерти и салфетки. Питье разливалось дополнительно из чайника, который был один на каждом столе, вероятнее всего, в нем были травяные настои, вино же наливалось из штофов. Каждый из присутствующих имел одну чашку для питья, рюмку, одну столовую ложку, одну серебряную вилку с гербом дома Куракиных.

В скромные дни на 12 человек подавали по три большие чаши с похлебкой, а сверх того еще по два блюда из птицы и мяса, затем ставились фрукты и овощи в зависимости от урожая и времени года. Каждому было положено «по куску белого хлеба в девять унций» и «по одной порции вина к обеду». Во время ужина ограничивались двумя блюдами с «разным мясом и салатами», при этом после обязательно подавались овощи и фрукты. Если на обед подавали вареное мясо, то кужину обязательно готовили жареное, «и так поочередно выдавать». Соль на столе предназначалась для всех. В постные же дни (понедельник, среда и пятница) «выставлялась рыба и иные правильные блюда в том же количестве». Каждому выдавалось дополнительно к обеду по три яйца и «всякие другие вещи по сезону», к ужину могли подать сыр. Утром в палаты приносили завтрак: половину порции вина и по четыре унции хлеба на каждого человека. Если человек болел, то его оставляли в покоях, либо для больных определялся отдельный стол. К обеду им выдавалась двойная порция мяса, но лишь половина порции вина. Во время Великого поста подавали более скромные кушанья кужину (но по четыре–пять блюд): часто это были «блюда из семги или трески свежей или вяленой», а вечером «бобы или горох и селедка».

На кухне инструментов было в избытке, не только много медной, деревянной и даже каменной посуды, но и разного вида специальных приспособлений для закваски овощей (в частности, капусты), брожения, бочек для засолки овощей и рыбы. Нередко соленую рыбу привозили из Архангельска в госпиталь и помещали в подвалы, в которых хранился лед¹⁶.

В коридорах богадельни висели различные портреты императорской фамилии и представителей рода Куракиных, а у каждого из обитателей госпиталя в изголовье кровати стояла икона с образом Богородицы, выдавали также лампаду и две Библии. Одной из целей благотворительного заведения было приобщение людей больных и убогих к послушанию и Богу. Такой уклад помогал

смириться с жизненными преградами и несчастьями, которые выпали на долю вышедших в отставку военнослужащих, фактически, в Странноприимном доме они начинали новую жизнь, с новым мирным укладом. Пребывающие в богадельне должны были избегать праздности в своей жизни, для этого их обеспечивали соответствующим распорядком дня, чтением и обстановкой. В дни четырех праздников: Святого Людовика, Святого Мартина, Праздник Богоявления Господня и во вторник перед первой неделей Великого Поста порции еды увеличивались вдвое, а к обеду подавалась медовуха или пиво¹⁷. Свидетельств же об иных праздниках таких, как именины, дни рождения, каких-либо более светских, посвященных дням рождения кого-либо из княжеской четы, в сохранившихся источниках не упоминается. Отсутствуют разного рода поздравления с праздниками и в личной переписке между надзирателем и братьями, только с церковными, а также с какого рода значимыми жизненными событиями, которые влияли на взаимодействие князей с госпиталем (возвращение из Петербурга или вотчины, из миссии или путешествия). Традиция делится чем-то таким откровенным и личным, как те же дни ангела и рождение детей, видимо, носила скорее более светский характер, чем установленные рабочие отношения между подчиненным и начальником. Например, в личной переписке между Алексеем и Александром¹⁸, а так же Степаном¹⁹ встречаются не только традиционные ласковые обращения, но и совмещение какой-то основной информации о жизни или делах с поздравлениями. Единственным исключением служат соболезнования. В годы смерти Степана Борисовича, Александра Борисовича, а после Алексея Борисовича обязательно приносились соболезнования²⁰, к примеру, всегда в переписке надзирателя в ответ на письмо одного из князей, который наследует управление госпиталем. Это выступает неким актом преемственности власти над богадельней, потому что каждый из родственников старался продолжить и чтить ту традицию, в которой управлял предыдущий, и обязательно заверял об этом в письме, что богадельня не останется без должного попечения.

Каждый из принятых в богадельню инвалидов поочередно утром, вечером и при преступлении к трапезе обязан был зачитывать молитву для себя и всех присутствующих, а если кто-то попадался безграмотный, то вместо него надлежащую молитву должен был зачитывать писарь, назначенный при надзирателе госпиталя. Кроме того, все пенсионеры обязаны были ежедневно ходить в церковь для слушания утренней Божественной литургии и вечерни. И после утрени одному из них (или писарю, или надзирателю) должно было

зачитывать общую молитву за упокой всех умерших князей Куракиных, княгини Александры Ивановны и княжны Аграфены Александровны Куракиных, графа Петра Ивановича Панина и Михаила Григорьевича Собакина. Во время панихиды все, кому здоровье позволяло, находились внутри церкви, а кому не позволяло, молились внутри комнаты²¹.

В случае болезни кого-либо из проживающих в госпитале, к нему вызывали прикрепленного к богадельне городского врача. При этом, «если на территории не будет должных инструментов, то должно из суммы, определяемой на годовое обеспечение госпиталя, выделить доктору сумму на лекарства и по его рецепту отправить посыльного в лучшую аптеку города»²². Для того, чтобы не допустить распространения болезни, надзиратель выделял для болеющего особые покои, в которых и держал его до выздоровления не меньше недели. Фактически при самом госпитале из медицинских инструментов были только бинты, вата, скальпели, а лекарства отсутствовали, но и болели постояльцы не так часто, больше простудами. Однако по переписке, которая велась между надзирателем госпиталя и Степаном Борисовичем²³ создается впечатление, что всякого рода простудные болезни, пока они не доходили до горячки, лечились народными методами в виде тепла, питья и обтирания спиртом или перцовым самогоном. Интересно, что водка или самогонка на территории госпиталя ввиду строгих правил, действительно воспринимались как лекарство, а не средство для опьянения (разreshалось вино, пиво и иные спиртосодержащие напитки).

Мылись военные и служащие в бане, которая находилась возле основного здания, мимо которого проходил путь в огород. Каждому из постояльцев дома выдавался на месяц кусок мыла. Белье так же стиралось раз в неделю с мылом²⁴. Кроме того, рядом же находился сарай, в котором хранились запасы продовольствия, в частности, зерна, овощей, муки и т.д.

Относительно проведения свободного времени постояльцами богадельни обнаружено не так много сведений. Безусловно, стоит учесть, что в госпитале проживали люди больные, трудно представить, чтобы им импонировал активный досуг. Карты и всякого рода азартные игры на территории были разрешены (только не в праздники и воскресные дни), что не исключает случаев, когда за азартную игру пара солдат была наказана. Им пришлось неделю питаться водой и хлебом в темнице. В госпитале имелась библиотека, чтение в целом поощрялось. Также раз в год заказывались новые книги на московских рынках в количестве от пяти до десяти штук²⁵. Кроме того, управлением госпиталя оплачивались посылки пенсионеров,

в которых, кроме семейных подарков и реликвий (медальон, зеркало, одежда, обувь), иногда были и канцелярские принадлежности, бумага, печатная продукция. Имелась у госпиталя и подписка на издание «Московских ведомостей»²⁶.

Одним из видов отдыха проживающих в заведении были прогулки по обширной принадлежащей госпиталю территории с садом, к которому вело деревянное крыльцо. В нем росли малина, крыжовник и слива; огород засеивался редькой, картофелем, капустой, свеклой, морковью и огурцами. Все эти продукты выращивались в количестве достаточном для того, чтобы подавать к госпитальному столу²⁷. Поэтому каждый год отдельной статьей расходов выступали удобрения и продукты для закваски. Можно предположить, что овощи на общем госпитальном столе находились практически круглый год. Имеющийся отдельный цветник с клумбами и огород были отделены железными решетками, чтобы никто без должной надобности там не ходил. Вероятно, такое ограждение сделали по распоряжению Степана Борисовича после того, как надзиратели стали жаловаться, что часто цветы используют на букеты и венки постояльцы (в переписке приводился пример дочерей одного из них)²⁸. Никаких мер к девицам не было применено из-за их возраста, но цветник решено было поставить под надзор. В 1801 г. данное ограждение было снято в силу нерентабельности его ремонта. Дорожки в саду, обложенные с обеих сторон дерном, постоянно поддерживали в ухоженном состоянии. Кроме того, для удобства прогулок в саду имелись беседка и три лавки. На территории госпиталя отдельно находился сарай с птицами, которые служили не только залогом свежих яиц и мяса к столу, но и элементом развлечения и досуга для постояльцев.

В дни церковных праздников, и в особенности в день Николая Чудотворца, в честь которого была освещена церковь при богадельне, надлежало не только молитвы воздавать во славу всего рода князей Куракиных, графов Паниных и благодетеля М.Г. Собакина, но и приглашать к столу на трапезу нищенствующее население²⁹. В такие дни в общей столовой на столы ставили много разного рода богоугодной еды, открывали ворота для всех страждущих, отдельно каждому нищенствующему в день Николая Чудотворца выдавалось по рублю при входе в госпиталь. Однако количество таких приглашенных не должно было превышать 100 человек, чтобы не устраивать излишнюю суматоху. В связи с этим случались эксцессы, когда солдатам, находящимся на попечении Странноприимного дома, приходилось разнимать драки у ворот, потому что желающих было слишком много, а принцип прохода, скорее всего, был в порядке

живой очереди и по совести каждого страждущего (ему выдавался личный номер, по которому занималось место за столом). На весь данный банкет ежегодно выделялось порядка 1000 рублей. Из года в год сумма незначительно увеличивалась, к 1820 г. она достигла уже 1200 рублей³⁰.

Выплата денежного пособия происходила один или два раза в месяц, чтобы его не тратили слишком быстро. Практика была традиционной для многих богаделен того времени. Но находившиеся на полном обеспечении постояльцы, на что могли они тратить данные деньги? Часто это были расходы, связанные с прогулками или встречами с родственниками, какими-то покупками личных вещей.

Покидать территорию Странноприимного дома разрешалось лишь в дневные часы, но надзиратель мог выписать специальную расписку для того, чтобы у проживающего в заведении была возможность встретиться с родственниками, которые были либо проездом в городе, либо даже отправиться к ним в гости, если в том была необходимость. Это было характерно для многих московских богаделен. Впрочем, случаев, когда госпиталь покидали более чем на три дня, замечено не было.

Следует отметить, что по сравнению с традиционной богадельней для отставных воинов, где «каждый должен был нести послушание трудом или молитвой»³¹, Странноприимный дом выступал заведением с довольно мягкими правилами и условиями содержания. От постояльцев требовали только соблюдать регламент, молиться за княжеский род и за себя. При этом условия проживания были приближены к максимально комфортным. Не во всех государственных богадельнях присутствовало отопление и обеспечение проживающих таким запасом одежды и еды.

Как протекала жизнь в богадельнях, как и какими документами она нормировалась, кто заботился о приготовлении пищи или она покупалась отдельно каждым из них, выдавали ли им причитающиеся деньги на руки или они составляли общую кассу, как была организована уборка помещений и поддерживалась ли в них чистота... Эти и многие другие возникающие вопросы, ответы на которые важны для представления об укладе жизни московских благотворительных учреждений, практически не изучены, поэтому создается поле для дальнейших исследований и поиска новых источников³².

¹ Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 250.

² ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 23.

- 3 Там же. Л. 29.
4 Там же. Л. 27.
5 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13.
6 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 3.
7 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 41.
8 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 11.
9 Там же. Л. 12.
10 Там же. Л. 13—14.
11 Там же. Л. 14.
12 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 25.
13 Там же. Л. 26.
14 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 10.
15 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 14—15.
16 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 9.
17 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 16.
18 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 865. Л. 1, 15, 111, 117.
19 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 828. Л. 37.
20 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 3, 12.
21 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 3.
22 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 11.
23 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 829. Л. 42.
24 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 16.
25 Там же. Л. 16.
26 Там же. Л. 17.
27 Там же. Л. 21—22.
28 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Ед. хр. 828. Л. 57.
29 ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 1.
30 Там же. Л. 2.
31 Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века... С. 261.
32 Там же. С. 273.

Э.В. Шульгина

К истории создания переплетов Великих Миней Четых Успенского списка митрополита Макария

Обращение к деятельности переплетной мастерской Троице-Сергиевой лавры было продиктовано подготовкой к публикации несколько томов Великих Миней Четых митрополита Макария Успенского списка и необходимостью их палеографического и кодикологического исследования. Они писались в 40–50-х гг. XVI столетия в Великом Новгороде по повелению архиепископа Новгородского Макария (1482–1563), впоследствии митрополита Московского и всея Руси. Макарьевские Великие Минеи Четые сохранились в трех списках: Софийском, Успенском и Царском. До наших дней полностью сохранился только Успенский комплект миней, вложенный митрополитом Макарием в Успенский Кремлевский собор (вклад 1552)¹.

В 1542 г. Макарий становится митрополитом Московским и всея Руси, поэтому вполне естественен его заказ комплекта миней для Успенского собора Московского Кремля как главного кафедрального собора русской православной церкви. Все тома Успенского списка Великих Миней Четых, за исключением июльского, имеют пространный «летописец» помещенный перед оглавлением митрополита Макария, в котором он знакомит читателей со своим великим замыслом: «Все святые книги собраны и написаны, которые в Руской земле обретаются ... в душевную пользу... всем православным христианом». Рассмотрим приведенный «летописец» в сокращенном варианте: «Летописецъ. В лета 7061 ноембрия (1552) се язъ смиренный и грешнии Макарие митрополит всеа Русии дал есми сию святую великую книгу минею четью <...> и прочих дванадесять великих книг минеи четых. Писаны все в дестный листъ и в техъ четых минеах все книги четьи собраны., все святые четьи книги дал есми Пречистой Богородице в дом и великим чюдотворцам Петру и Алексею и Ионе в святую соборную церковь Успения Пресвятыя Богородица Руския митрополия ...на память своей души по своих

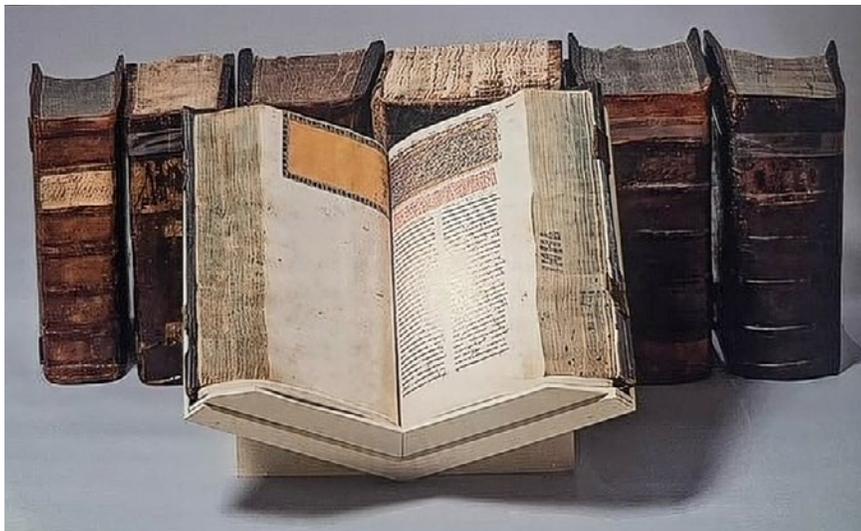

Рис. 1. Тома Успенского списка Великих Миней Четьих. ГИМ ОР Син. № 986–997

родителей в вечной помянок и по себе настоящим святейшим митрополитом всеа Руси в душевную пользу и прочим церковником..., а писалъ есмь сиа святыя великия книги в Великом Новгороде, како есми тамо был архиепископом, а писалъ и есми и собиралъ и во едино место совокуплялъ дванадесать летъ многим имением, многими различными писари, не щадя сребра и всяких почастей, но и паче многи труды и подвиги подъях от исправления иностранских и древних пословець преводя на русскую речьи, сколько нам Богъ дарова уразумети, только и возмогохом исправити...»². Кроме вкладных записей в минеях есть еще две записи, подтверждающие время работы над томами: писцовая запись 1545 г. о завершении переписки части июльской минеи³ и наличием в сентябрьской минее предисловия к житию Иосифа Волоцкого, составленного в 1546 г. епископом Крутицким Саввою⁴.

При исследовании истории переплетов вызывают интерес ответы на два вопроса: когда закончили написание миней и когда были созданы переплеты Успенских миней? Так как трудно предположить, чтобы митрополит Макарий вкладывал минеи в Успенский собор, не заказав для книг переплеты.

Тексты миней Успенского списка дополнялись вплоть до их вклада в Успенский собор. Исследуя состав и сравнивая тексты нескольких миней Успенского и Царского списков, в своей работе «О формировании Великих. Миней Четьих митрополита Макария»

В.А. Кучкин отмечает, что основная их часть была написана в Новгороде, но оба списка были окончательно дополнены и оформлены в Москве до начала 50-х гг. XVI в⁵. Значит, Успенский список еще добавлялся, и переплетали минеи в начале 1550-х гг., то есть до вклада в Успенский собор. Об этом пишет и Л.М. Костюхина, исследуя водяные знаки обоих комплектов, она подчеркивает, что минеи дописывались вплоть до 1550—1551 гг.⁶ Т.Н. Протасьева, которая описывала Успенский комплект миней, относит переплеты так же к середине XVI в.

Значит, переплетались минеи в 1550—1552 гг. При этом Т.Н. Протасьева отмечает, что переплеты были реставрированы в XVII в. Действительно, минеи реставрировались, в основном переплеты — корешки подклеены новой кожей, перешиты защитные переплетные листы, на них видны филигранные 1660-х гг.

Огромные фолианты миней, достигающие до полутора тысяч листов, требовали красивого, величественного оформления и надежного сохранения (рис. 1). Рукописи написаны в большой александрийский лист, объемные листы склеены по вертикали; доски переплета из дуба толщиной 1,5—2 см; кожа на переплетах сплошного кроя — коричневого цвета; тип корешка глухой, его форма прямая, чуть округлая. На корешках использованы бинты (4—5 штук в зависимости от объема книги), в прокладках под бинты — пергамент; на полосках виден текст, что свидетельствует о переплетении книг в крупном центре, где имелись фрагменты старых пергаменных рукописей. Каптал сплетен из суровых ниток и приклеен к верхним нижним концам крышек переплета (частично утрачен); обрез покрашен синей краской, черными чернилами написан месяц минеи (рис. 2, 3).

Переплеты миней по их технике изготовления идентичны: крышки переплета слегка выступают над блоком (0,3—0,5 см), их поверхности имеют небольшие скосы к наружному краю со стороны торцов и по центру. Структура украшений переплетов продиктована большим вкусом и чувством меры. На верхней крышке переплетов в центре орнаментальной композиции доминирует средник — крупный цветок лилии, вокруг которого отдельно стоящие басмы без рамок трех видов: восьмилепестковая розетка, лев с поднятой лапой, дерево. Тончайшее кружево цветочного и растительного орнамента (в виде листа аканта, византийской ветки, вьюна) в два ряда обрамляют края крышек (рис. 4, 5, 6).

На нижней крышке — все пространство заполнено тиснением растительного характера и плетением в виде косички (рис. 7). Прямоугольные рамки обрамления, состоящие из отдельно плотно стоящих басм или ролевых накатов, переключаются мотивами с цветочными

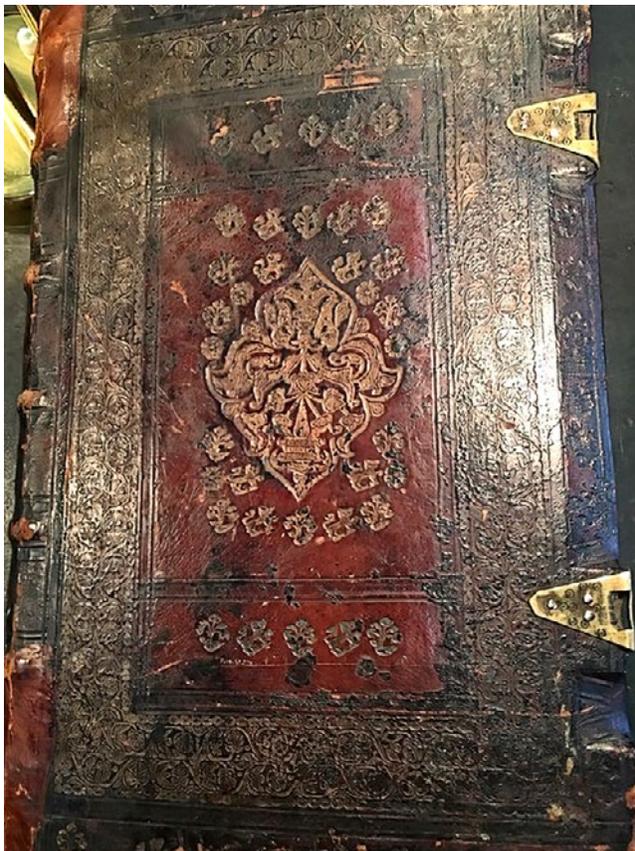

Рис. 2. Сентябрьский том Великих Миней Четых. ГИМ ОР Син. № 986

Рис. 3. Вид переплета со стороны торца. Апрельский том Великих Миней Четых. ГИМ ОР Син. № 993

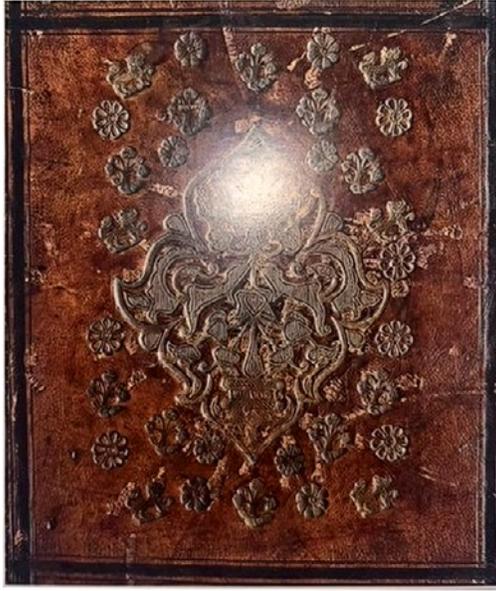

Рис. 4. Суперэклибрис – лилия на переплетах Успенского комплекта Великих Миней Четьих

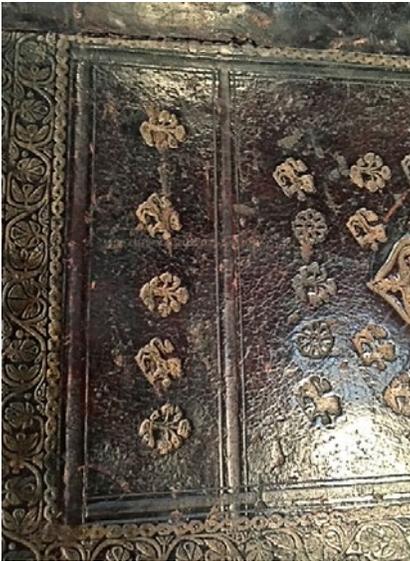

Рис. 5. Фрагмент верхней крышки июньского тома Великих Миней Четьих. ГИМ ОР Син. № 995

Рис. 6. Фрагмент верхней крышки мартовского тома Великих Миней Четьих. ГИМ ОР Син. № 992

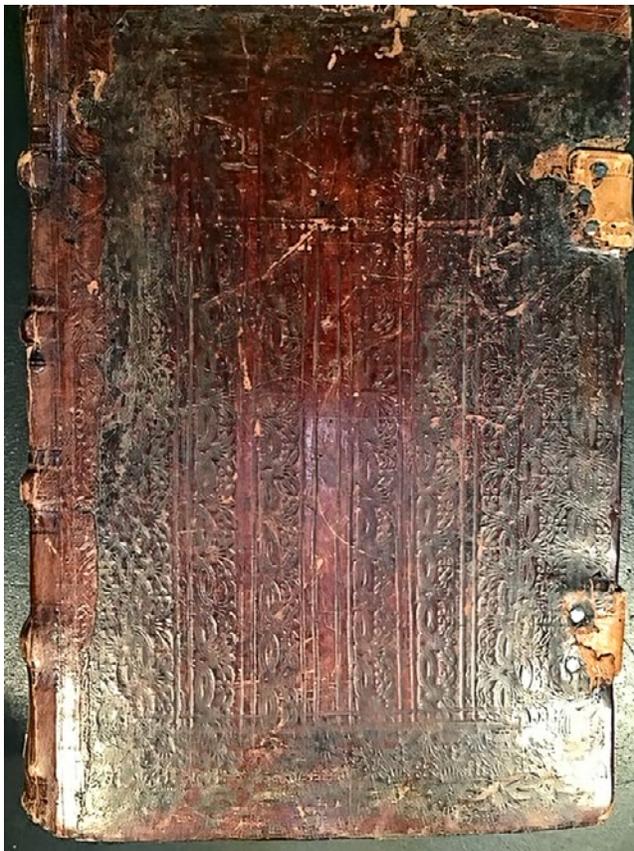

Рис. 7. Вид нижней крышки переплета майского тома Великих Миней Четых.
ГИМ ОР Син. № 994

рамками лицевых рукописей, обрамляющих изображения Евангелистов или Апостолов в русских лицевых рукописях XVI—XVII вв.

В басмах и накатках преобладает цветочно-растительный орнамент; сюжетный орнамент отсутствует. Все двенадцать томов облачены в переплеты не только одного стиля, но и одной композиции с применением непрерывных орнаментальных бордюров из басм; мелких басм в виде розетки, цветка и льва, неограниченных рамками, и крупного по центру средника. Наличие тиснения на переплетах глубокого рисунка хорошей сохранности со следами золотой краски свидетельствует о применении золотного тиснения. На нижних досках десяти переплетов сохранилось по четыре наугольника в виде сдвоенных лепестков, выполненных из меди.

Рис. 8. Вид нижней крышки переплета с медными наугольниками октябрьского тома Великих Миней Четых. ГИМ ОР Син. № 987

Все переплеты сопровождалось двумя застежками, бóльшая часть из них в настоящее время утрачена, что при таком объеме рукописей вполне объяснимо (рис. 8). На верхних крышках сохранились только отверстия для застежек, окаймленных чеканной латунию. Переплеты Великих Миней Четых были правлены в XVII столетии, о чем свидетельствует бумага с филигранями того же времени на переплетных листах.

Идентичность переплетов делает возможным отнести их создание к одной переплетной мастерской, а высокий уровень их изготовления и художественного оформления указывают на крупнейшую мастерскую XVII в., обладающую большими возможностями. Известный филиграновед и исследователь по средневековым пе-

Рис. 9. Нижняя крышка царского подносного Апостола 1564 г.
ГИМ ОР Цар. А № 15

реплетам Сократ Александрович Клепиков в своих работах отмечал наличие переплетных мастерских в Чудовом монастыре, при Успенском соборе и Троице-Сергиевой лавре. Имея возможность, автором статьи были просмотрены все переплеты Чудовского и Успенского собраний, в каждом из которых просматривается свой комплекс переплетов с особенностями присущими конкретной мастерской, но переплеты типа Успенских миней в данных собраниях отсутствуют. Они нашлись в рукописном собрании Троице-Сергиевой лавры. На что в своих работах указывал Клепиков, отмечая роль этой мастерской в развитии художественного оформления русского переплета. Он писал, что переплетная мастерская Лавры была первой среди русских мастерских, применившей круп-

ное тиснение клише — средник, уголки, а также накатки (роля)⁷. Необыкновенное мастерство композиции и редкое умение рассчитать и расположить несколькими рядами сделанных оттисков басмы (так называемое басменное тиснение), чтобы они производили эффект непрерывного орнамента, было характерно для мастеров Лавры. Эта же мастерская ввела в обычай в своих переплетах помещать средник крупного рисунка особой формы растительного орнамента, служившего как бы фирменным знаком этой мастерской. Этот знак впервые появляется на верхних переплетах Великих Миней Четых Успенского списка, его же можно увидеть на нижней крышке подносного экземпляра царского Апостола 1564 г. с изображением царя Ивана Грозного (рис. 9). Это тот же крупный средник — цветок лилии, тиснения идентичны по рисунку, штриховке на листьях и по размеру; в рисунках прослеживается золотая краска. Этот же знак есть на переплете безвыходного узкошрифтного Евангелия 1553 г.⁸ К сожалению, переплеты миней и Апостола реставрировались, и переплетные листы были заменены при реставрации. Однако, исследователю Е.В. Ухановой удалось найти в переплетных листах январской минеи Успенского списка лист от старого переплета с филигранью «единорог», датированный по справочникам 1541—1542 гг. (на что она указывает в своей работе «Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественнонаучными методами»⁹).

С.А. Клепиков, написавший о переплетах Троицкой библиотеки, ни на один из них не ссылается. Автор данной статьи имела возможность просмотреть все переплеты на рукописях Троицкого собрания, и ей действительно удалось выявить 16 переплетов XVI — начала XVII в. в той или иной степени схожих с минейными переплетами. Самый ранний переплет: на рукописи Псалтырь толковая (№ 86)¹⁰, которая имеет запись о написании рукописи на переплете верхней крышке: «... При благочестивым царе Иване Васильевиче всеа Руси... и при митрополите Макарие в обители живоначальной Троице-Сергиева монастыря при игумене Иоасафе написана толковая ...псалтырь Максимова переводу Грекова...» в центре прямоугольной рамы средник — лилия золотой прорисовки; рисунок прямоугольника составлен из басм-розеток, по углам прямоугольника басмы — бутоны; на нижней крышке вертикальное цветочное ролевое тиснение; Синодики Троице-Сергеевой лавры (№ 41, 42)¹¹ — тиснение на переплете первой книги немного расплывчатое, нет четкости; второй переплет имеет четкий средник и цветочную ролевую окантовку; Псалтырь, Апостол, Книга 16 пророков (№ 51, 72, 89)¹² — на переплете скосы, бинты аналогичные Успенским минеям,

на верхней крышке (№ 89) находятся средник с золотным тиснением, басмы, цветы, на нижней крышке — вертикальное тиснение в виде косички и вьюн; Евангелие толковое (№ 115)¹³, Миней служебные (№ 564, 593, 671, 674)¹⁴ — имеют переплеты аналогичные Успенским минеям; в рукописях Трефологий, Жития святых и Сборник (№ 626, 689, 763)¹⁵ по центру расположен средник глубокого золотного тиснения.

Идентичность переплетов и рукописей монастырской библиотеки по технике их изготовления: крышки слегка выступают над блоком, верхние поверхности имеют небольшие скосы к наружному краю, наличие на корешке бинтов (по 4—5 штук); художественное тиснение на коже верхней и нижней досок, наличие центрального средника в виде лилии позволяют атрибутировать их принадлежность к одной переплетной мастерской, а высокий уровень их изготовления и художественного оформления указывают на крупнейшую мастерскую того времени, обладающую большими возможностями, а именно переплетную мастерскую Троице-Сергиевой лавры.

В результате ее деятельности за период с середины XVI до середины XVII в. только в двух крупных рукописных хранилищах — отдела рукописей ГИМ и отдела рукописей РГБ (при неполном просмотре) — было зафиксировано около 30 памятников с сохранившимися переплетами, созданными мастерами Троице-Сергиевой лавры.

¹ Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасьева; Глав. архивное упр. при Совете Министров СССР. Археограф. комис. при АН СССР. Гос. ист. музей. М., 1970. Ч. 1. С. 191—192.

² ОР ГИМ. Син. № 986. Л. 1—2 об.

³ ОР ГИМ. Син. № 996. Л. 346 об.

⁴ ОР ГИМ. Син. № 986. Л. 215.

⁵ Кучкин В.А. О формировании Великих Миней Четых митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М. 1976. С. 86—101.

⁶ Костюхина Л.М. Палеография русских рукописных книг XV—XVII вв. Русский полуустав / Труды Госуд. Исторического музея. Вып. 108. М. 1999. С. 21—34.

⁷ Клепиков С.А. Из истории русского художественного переплета // Книга. Исследования и материалы. М., 1959. С. 98—166; Он же: Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря / Отт. из «Записок Отд. рукописей» Б-ки им. В.И. Ленина. М., 1960. Вып. 22. С. 65—68.

⁸ ОР ГИМ. Хлуд. № 15.

- ⁹ Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В. Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественнонаучными методами // Древняя Русь. Вопросы медиевистики: ежеквартальное издание: N. 2 (76) / Июнь 2019. С. 13–29.
- ¹⁰ РГБ. Ф. 304. № 86. Псалтырь толковая XVI в.
- ¹¹ РГБ. Ф. 304. № 41, 42. Синодики XVI в.
- ¹² РГБ. Ф. 304. № 51, 72, 89. Книга пророков XVI в., Псалтырь XVI в., Апостол XVI в.
- ¹³ РГБ. Ф. 304. № 115. Евангелие XVI в.
- ¹⁴ РГБ. Ф. 304, 3564. № 593, 671, 674. Миней служебные XVI в.
- ¹⁵ РГБ. Ф. 304. № 626, 689, 763. Трефологии XVI в., Жития святых XVI в., Сборник XVI в.

М.М. Якушкина

Обзор фонда «Материалы городских и сельских церквей Российской империи» (из собрания ОПИ ГИМ)

В отделе письменных источников Исторического музея многие фонды хранят документы по церковной истории, отражающие как событийную канву, так и исторические описания отдельных церквей, монастырей и уникальных реликвий.

Фонд № 406 «Городские и сельские церкви Российской империи» сложился из документов Московской Патриаршей (Синодальной) библиотеки, поступившей в Государственный Исторический музей в 1920 г. по постановлению Народного комиссариата просвещения. После описания фонд насчитывает 3095 ед. хр. и содержит описи имущества монастырей и церквей.

Материалы фонда, связанные непосредственно с описанием Патриаршей ризницы и Синодальной библиотеки (ед. хр. 1–79), включают уникальные описи: Синодальной ризницы и церкви Двенадцати апостолов 1772 г., Синодальной ризницы и церкви Двенадцати апостолов, с расписками и пометами синодальных ризничих 1828–1903 гг. (ед. хр. 1, 2). Описания ризницы 1912–1914 гг. принадлежат Н.А. Скворцову¹, которые он сопроводил отношением Синодальному ризничему архимандриту Арсению² от 20 июня 1914 г. (ед. хр. 3–4). В фонде отложились черновые заметки и подготовительные материалы к «Описанию славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А.В. Горского и К.И. Невоструева, с пометами составителей (ед. хр. 6–50), в том числе цензурный экземпляр оглавления третьего отдела «Книги богослужбные» труда А.В. Горского, К.И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» с пометой о дозволении к печати от 8 апреля 1863 г. (ед. хр. 36). Документы, связанные как с публикацией книг, так и подробнейшим описанием печатных изданий библиотеки, а также служебная переписка с русскими и иностранными корреспондентами, входят в состав материалов Н.П. Попова (1864–1938), историка, археографа, хранителя Сино-

дальной библиотеки (1900—1917), впоследствии консультанта Государственного Исторического музея (ед. хр. 51—78). Среди них: опись Патриаршей Синодальной библиотеки, содержащая сочинения, опубликованные в печатных изданиях разных духовных академий. Письмо Владимира Рыбакова, священника «Церкви Спаса на водах» (Храм Христа Спасителя в память Гефсиманского борения и святителя Николая Чудотворца) в Санкт-Петербурге Н.П. Попову содержит просьбу прислать копии рукописей, выполненных ротографским способом. Церковь, поставленная в память о моряках, погибших в войне с Японией в 1904—1905 гг., в настоящее время утрачена (ед. хр. 72). Особый интерес представляет рукопись «Систематическое описание славяно-русских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Часть вторая», составленная синодальным ризничим архимандритом Владимиром с его заверительной подписью по листам от 27 октября 1888 г.³ На первом листе рукописей помета рукой Н.П. Попова: «Получено из Синодальной типографии 1912. III. 20» (ед. хр. 5).

Значительная часть фонда (ед. хр. 80—3095) содержит описания церквей и монастырей Российской империи и сопровождавшую сбор описей переписку консисторий с благочинными, благочинных с причтом церквей в связи с учетом предметов древности. Первые указы на эту тему связаны с Петром I. Сенатским Указом 20 декабря 1720 г. было предписано во всех российских монастырях и соборах «забрать древние жалованные грамоты и другие курioзные письма оригинальные, также книги исторические рукописные и печатные», которые предписывалось прислать в Сенат. В феврале 1722 г. это требование было распространено в отношении древних хартийных рукописей церковных и гражданских летописцев, степенных книг и хронографов. 11 мая 1722 г. было приказано в городах старинные каменные церкви починять или вновь возводить исключительно по разрешению Синода. По подсчетам исследователей к началу XX в. увидели свет 45 указов и определений Синода по охране памятников старины. В 1859 г. возникла императорская Археологическая комиссия, одной из задач которой стала забота о памятниках древности. В 1844 г. в учебный курс Московской духовной академии было включено преподавание церковной археологии. Председатель Московского археологического общества А.С. Уваров инициировал и последующее определение Синода «О запрещении переделывать и разрушать архитектурные исторические памятники, находящиеся в ведении епархии» от 20 декабря 1878—9 января 1879 г. Приходские священники и епархиальные власти были вовлечены в эту работу еще в 1834 г. через губернские и областные статистические коми-

теты в 1880-е гг. в России появились губернские ученые архивные комиссии (далее — ГУАК), с 1870-х гг. и церковно-археологические общества (далее — ЦАО), которых к 1914 г. было уже 40.

Созданию сети ЦАО в России предшествовало учреждение в 1865 г. Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. Святейший Правительствующий Синод указом от 12 октября 1866 г. обратился к епархиальным архиереям с предложением, «не признают ли они возможным и полезным завести во вверенных им епархиях церковные летописи»⁴. Согласно «Определению Святейшего Синода от 31 января — 27 февраля 1903 г. об установлении правил упорядочения способов охранения памятников церковной древности в монастырях и церквах Империи» было предписано:

I. В целях упорядочения способов охранения памятников церковной древности в монастырях и церквах империи, установить следующие правила:

1) в Московской Патриаршей библиотеке сосредоточить копии с описей ризниц тех монастырей и церквей, где осталась еще старина, причем на местах хранения древности описи современных ризниц должны быть совершенно выделены от описей древних вещей;

2) при составлении копии описи предметов старины сделать проверку их особыми комиссиями из настоятеля, ключаря или ризничего. Если место хранения старины губернский город, то присоединить в комиссию одного из преподавателей семинарии, в уездном городе, где есть духовное училище, одного из преподавателей онога, если же такового училища нет, — ближайшего благочинного;

3) все, включенное в эту опись, ни в каком случае не может быть отчуждаемо без разрешения Святейшего Синода, причем ходатайства о таком отчуждении направляется в Московскую Святейшего Синода контору на заключение;

4) в Патриаршей библиотеке сосредоточить все описи старинных монастырей, соборов и церквей до 1800 года включительно.

II. Поручить епархиальным начальствам сделать распоряжение о составлении настоятелями подлежащих монастырей и церквей, означенных в первом и втором пунктах вышеизложенных правил описей и копий с них, о проверке сих последних установленными во втором пункте комиссиями и о доставлении за сим проверенных копий в Патриаршую библиотеку, предварив при этом хранителей древних ризниц и библиотек, что за неисполнение и нарушение вышеуказанных правил виновные будут подвергнуты строгой ответственности. О чем для всеобщего сведения и руководства епархиальным начальствам напечатать в «Церковных Ведомостях» [1903. № 11]⁵.

В 1904 г. с мест через благочинных в консистории, а оттуда в Синодальную Патриаршую библиотеку, начинают собираться описания древних церковных предметов. Формуляром для их составления послужил усовершенствованный формуляр 1853 г. московского митрополита Филарета (Дроздова), печатный образец которого с рукописной правкой отложился в фонде (ед. хр. 79)⁶. Согласно ему обязательно было описание: церкви с указанием времени строительства, освящения и переделок и позднейших росписей; образов с размерами, местоположением в храме и сведениями о происхождении; церковной утвари, в том числе в алтаре; богослужебных книг и церковной документации; для каждого предмета требовалось указать год или век происхождения предметов. Описи составлялись под руководством ГУАК и ЦАО, на местах инструкции уточнялись. В.В. Косаткин⁷ писал: «Труд по приведению определения Святейшего Синода в исполнение я принял на себя по должности Члена консистории. Признавая, с одной стороны, особенную важность сих описей не только в значении средства к сохранению древних церковных предметов, но и в научном отношении вообще, а для археологии Владимирского края в частности, как опыт классификации вещественных памятников, которые являются источниками для археологии, а с другой стороны, в видах однообразия формы описей и возможно полного содержания их, я составил особые правила, которые, по утверждению почившим Владимирским архиепископом Сергием, были опубликованы по епархии⁸. Внешний вид описей должен быть — лист писчей бумаги, хорошей доброты, почерк не торопливый, чёткий, разборчивый, без помарок.

Первая страница и, если понадобится, вторая и третья — должны быть облинёваны, как в клировой ведомости «о церкви». На первой странице писать о храме, причём особое внимание обратить на то, когда построен храм, или основан монастырь, и откуда это известно (храмозданная грамота, или надписи, или предания, существующие в народе).

Вид (стиль) храма, равносторонним ли (греческим) крестом, или квадратный, или круглый, или столпообразный, как башни, 6- или 8-гранный. Известен ли храмоздатель, нет ли украшений наружных стен (резные камни с изображениями людей, зверей, трав и тому подобного), кафельные (изразцовые); желательно более подробное описание для изображения изразцов и их размещения, плиты и прочего. Какая стенопись внутри храма: по сырому грунту (альфреско) или на масле. Известен ли художник и время расписания церкви. Сохранилось ли первоначальное стенное письмо, или оно было возобновлено, и когда именно. В чём заключалось возобновление.

После описания храма должно именовать и описывать древние предметы, находящиеся в храме. Порядок описываемых предметов должно заимствовать из церковной описи, именно:

Часть 1

1. Древние иконы в алтаре;
2. Древние иконы в предалтарном иконостасе;
3. Древние иконы в прочих местах храма;
4. Древние раки святых мощей (где есть);
5. Надгробницы или надгробные памятники (где есть) и прочее;
6. Лампады, подсвечники, аналои и прочее.

Часть 2

Евангелия, кресты напрестольные, сосуды, дарохранительницы, кадила и прочее, брачные венцы, антимины, воздухи, облачения и прочее; древности, не принадлежащие к Богослужению, как-то: военные доспехи, оружие и орудия в разных видах и прочее.

Часть 3

Опись книгохранилища: рукописи, печатные книги и прочее.

При описании предалтарного иконостаса, если он старинного устройства, следует сказать: прямой ли он, резной ли из дерева, в резьбе есть ли карнизы, гроздь, листья с цветами, сколько ярусов, какого устройства царские двери (гладкие, резные), нет ли накладок разноцветной фольги или слюды, узоров и цветов оловянных или медных, есть ли столбцы по обеим сторонам, а вверху городки и подзоры, на самых дверях нет ли клейм в виде одноглавой, трёхглавой или пятиглавой церкви для помещения образов.

При описании икон в алтаре, иконостасе и других частях храма желалось бы описание их: Византийские они или Русские. Нет ли икон, жалованных от Великих Князей и Княгинь, Царей, Цариц и Царевен, Святителей, бояр и других частных лиц. Если есть о вкладах архивные записи или надписи на образах, то списать их в опись той или другой иконы. При переустройствах церковей иногда древние иконы переносятся в кладовые. Пересмотреть сии иконы и описать их, как сказано выше. Если они не были в своё время внесены в опись, внести в новосоставляемую опись. При описании древней иконы нужно обращать внимание, какой она ширины и высоты. Доска с выемкою или гладкая. Какая доска: деревянная, каменная, металлическая или воскомастиковая. Сохранились ли краски, или от времени потемнели. Не были ли возобновлены или реставрированы, и когда именно. Изображения святых писаны по золотому полю, или по белому, или по зелёному, или по красному. Поле нередко служить признаком школы иконописаний: так, белое поле было принадлежно-

стью первого периода Строгановской школы; зелёное (празелень) было в употреблении у новгородских иконописцев, тёмное орехового цвета принадлежит старым монастырским письмам.

При описании надгробниц, надгробных памятников и камней сказать, в какой части храма оные находятся, какого размера, есть ли на них надписи резные в глубину или выпуклые, или на особых досках, из какого камня устроены: дикого, белого песчаного, гранитного, мраморного. Надписи, если есть, списать. Желательно скопировать надписи карандашом чрез пропускную бумагу, каковой снимок приложить к описанию. Таковые же снимки желательно иметь и с других надписей на древних предметах, утвари, облачениях и прочем.

При описании икон, крестов, евангелий и апостолов нужно означать металл окладов их (риз) и какие оклады: басменные, 1 сканные, 2 чеканные, обронные, 3 чешуйчатые; нет ли в украшениях финифти, черни, жемчуга, или каких камней и сколько последних, на полях окладов не наложены ли золотые или серебряные дробницы с резными изображениями святых, украшенные чернью или финифтью; нет ли на образах древних привесок (крестов, панагий, монет, колец, перстней, блях, рясен, 4 гривен и цят). Если последние сохраняются в ризницах, то особо описать их во 2-й части описи. Не известны ли вкладчики сих окладов и привесок. Нет ли образов на металлических досках и какие украшения их. Нет ли литых образов или резных из дерева.

При описании богослужебных сосудов нужно означать вид золотых и серебряных сосудов, вес, украшения, надписи, изображения, выпуклые они или резные, и обращать внимание на вид оловянных сосудов, на их изображения и на надписи на деревянных сосудах. Не известны ли жертвователи и кто из святых мужей священнодействовал в этих сосудах. То же нужно наблюдать и при описании ковчегов, кадил, венцов брачных и других древних предметов в храме. При описании книгохранилища нужно наблюдать: нет ли надписей, помещённых в книгах, о времени поступления книги в церковь или монастырь покупкою или вкладом от кого либо, или о событиях церковных или монастырских. Если есть такие надписи, то внести их в опись.

При описи синодиков нужно выписать, какие внесены роды в синодики, царские, княжеские или боярские. Не помещены ли какие грамоты о поминовении лиц, убитых на войне. Какие помещены рисунки. Не упоминается ли в синодике год кончины какого лица и место его погребения.

Если есть в церкви или в монастыре описные или вкладные книги, то нет ли в них описания церкви, или монастыря, или церковной утвари, времени написания образов, литья колоколов. В ка-

ком году они составлены. Не внесены ли в оные книги великокняжеские и царские пожалования и частные вклады. Нет ли старых грамот, писанных на больших листах и столбцах-свитках. Какие в церкви находятся рукописи пергаментные и бумажные, с изображениями или без оных. В чём состоят изображения и нет ли под ними имён художников.

При описании печатных книг внести в описи старопечатные издания, печатанные старославянскими буквами за границей (с 1491) и в России (с 1564) до 1800 годов. Описать, что помещено на гравированных листах.

Очень возможно, что иные древние вещи, по их малоценности, не внесены в церковную опись; ответственности за то составители настоящих церковных описей не будут подлежать, впрочем, при условии, если пропущенные вещи будут внесены в эту, ныне требуемую опись.

По получении описей из мест составления таковых я ознакомил с содержанием их Владимирскую Учёную Архивную Комиссию в заседании 24 октября 1904 года. Последняя, имея своею задачею собирание и изучение памятников старины Владимирской губернии, испросила у архиепископа разрешение воспользоваться собранными в описях данными для помещения их в своих изданиях и поручила приведение в систему, редакцию и надзор за печатанием описей мне, как действительному члену Владимирской Ученой Архивной Комиссии»⁹.

*В фонде № 406 содержатся описания 3136 церквей
и 121 монастыря 17 епархий:*

Название епархии с № ед. хр.	Мона- сты- рей на 1900-е г. всего	Описа- ния Мона- стырей в Ф. 406	Цер- квей на 1900-е гг. всего	Опи- сания цер- квей в Ф. 406	Наличие описаний церквей и монастырей по уездам и благочиниям
1	2	3	4	5	5
Архангельская (ед. хр. 80—236)	12	8	302	173	Александровский у.: г. Кола; 1, 2 благочиния; Архангельский у.: г. Архангельск; 1, 2, 3 благочиния; Кемский у.: г. Кемь; 1, 2 благочиния; Мезен- ский у.: г. Мезень; 1, 2, благочиния;

1	2	3	4	5	5
					Онежский у.: г. Онега; 1, 2, 3, 4 благочиния; Печерский у.: г. Печерск; 1, 3 благочиния; Пинежский у.: г. Пинега; 1 благочиние; Холмогорский у.: г. Холмогоры; 1, 2, 3 благочиния; Шенкурский у.: г. Шенкурск; 1, 2, 3, 4, 5 благочиние
Владимирская (ед. хр. 237— 1210)	35	34	1449	983	Александровский у.: г. Александров; 1, 2, 3, 4 благочинниче- ские округа; Владимирский у.: г. Владимир; 1, 2, 3, 4 благочинниче- ские округа; Вязниковский у.: г. Вязники; 1, 2, 3 благочиннические округа; Гороховецкий у.: г. Гороховец; 1, 2, 3 благочиннические округа; Ковровский у.: г. Ковров; 1 благочиннический округ; Меленковский у.: г. Меленки; 1, 2 благочиннические округа; Муромский у.: г. Муром; 1, 2, 3 благочиннические округа; Переславский у.: г. Переславль-Залес- ский; 1, 2, 3, 4 благочинниче- ские округа;

1	2	3	4	5	5
					Покровский у.: г. Покров; 1, 2, 3, 4, 5 благочинни- ческие округа; Судогодский у.: г. Судогда; 1, 2, 3 благочиннические округа; Суздальский у.: г. Суздаль; 1, 2, 3, 4, 5 благочинни- ческие округа; Шуйский у.: гг. Шуя, Иваново-Воз- несенск; 1, 2, 3 благочиннические округа; Юрьевецкий у.: г. Юрьев; 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 благочин- нические округа; Единоверческие церкви епархии
Вологодская (ед. хр. 1211— 1363)	21	14	925	149	Вельский у.: г. Вельск; 1, 2 благочиния; Вологодский у.: г. Вологда; 1, 5 благочиния; Грязовецкий у.: г. Грязовец; 2 благочиние; Кадниковский у.: 2, 6 благочиния; Никольский у.: 4 благочиние; Сольвычегодский у.: г. Сольвычегодск; 1, 3, 4 благочиния; Усть-Сысольский у.: 1 благочиние; Устюженский у.: 1, 3 благочиние; Яренский у.: г. Яренск; 1, 2 благочиние

1	2	3	4	5	5
Воронежская (ед. хр. 1364— 1404)	18	3	1020	26	Бобровский у.: 2 благочиннический округ; Валуйский у. Воронежский у. Задонский у. Землянский у. Коротоякский у.
Донская (ед. хр. 1405— 1454)	4	3	586	46	г. Новочеркасск; Аксацкий благочинни- ческий округ; Глазуновский благо- чиннический округ; Донской Семикаракор- ский благочиннический округ; Зотовский благочинни- ческий округ; Каменский благочин- нический округ; Качалинский благочин- нический округ; Константиновский бла- гочиннический округ; Митякинский благо- чиннический округ; Новониколаевский бла- гочиннический округ; Таганрогский благо- чиннический округ; Урюпинский благочин- нический округ; Усть-Медведицкий бла- гочиннический округ; Цимлянский благочин- нический округ; Черкасский благочин- нический округ
Казанская (ед. хр. 1455— 1632)	23	11	746	193	Казанский у.: г. Казань; 1, 2, 3 благочинниче- ский округ; Козмодемьянский у.: г. Козмодемьянск; Лаишевский у.: г. Лаишев; 1, 2, 3 благочинниче- ский округ;

1	2	3	4	5	5
					<p>Мамадышский у.; Свяжский у.: г. Свяжск; 1, 3 благочиннический округ; Спасский у.: г. Спасск; 1, 3 благочиннический округ; Тетюшский у.: г. Тетюши; 1, 2, 3 благочиннический округ; Царевококшайский у.: г. Царевококшайск; Цивильский у.: г. Цивильск; 1, 2, 3 благочиннический округ; Чебоксарский у.: г. Чебоксары; 1, 2, 3 благочиннический округ; Чистопольский у.: г. Чистополь; 1, 2, 3, 4, 5 благочиннический округ; Ядринский у.; г. Ядрино; 1, 2 благочиннический округ; Единоверческие церкви Казанской епархии</p>
Калужская (ед. хр. 1633–1636)	16	1	743		3 описи Лихвинского уезда Покровского Доброго монастыря
Каменец-Подольская (ед. хр. 1637)	11	4	1685	48	<p>Балтского уезда: 7 благочиннический округ; Винницкого у.: 2 благочиннических округа; Гайсинского уезда 2, 3 благочиннических округа; Летичевского уезда: 1, 3 благочиннических округа;</p>

1	2	3	4	5	5
					Литинского уезда: 2,5 благочиннического округа; Могилевского уезда: 2, 4 благочиннические округа; Проскуровского у.: 4 благочиннические округа; Ушицкого у.
Московская и Коломенская ед. хр. (1638—1729)	50	6	1581	68	г. Москва; Звенигородский у.; Коломенский у.: г. Коломна; Васильевское благочиние; Верховлянское благочиние; Горностаевское благочиние; Городищенское благочиние; Непецынское благочиние; Благочиние села Старого
Нижегородская (ед. хр. 1730—2028)	32	7	1067	292	Ардатовский у.: г. Ардатов; 1,2,3,4 благочиннические округа; Арзамасский у.: г. Арзамас; 1, 2, 4, 5 благочиннические округа; Балахнинский у.: г. Балахна; 1, 2, 3, 5 благочиннические округа; Васильсурский у.: 1, 2 благочиннические округа; Горбатовский у.: 1, 2, 3, 4 благочиннические округа; Княгининский у.: г. Княгинин; 1, 2, 3, 4 благочиннические округа;

1	2	3	4	5	5
					Лукояновский у.: 2, 5 благочиннические округа; Макарьевский у.: 1, 2 благочиннические округа; Нижегородский у.: г. Нижний Новгород; 1, 2, 3, 4 благочиннические округа; Семеновский у.: 2 благочиннический округ; Сергачский у.: 2, 3, 4 благочиннические округа Единоверческие церкви епархии
Новгородская (ед. хр. 2029—2081)	41	10	954	44	Новгородский у. г. Новгород; 10 благочиннические округа; Устюженский у.: г. Устюжна; 1, 3, 4, 5, 6, благочиннические округа
Псковская (ед. хр. 2082—2091)	13		350	183	Великолукский у.; Новоржевский у.; Опочский у.; Островский у.; Порховский у.; Псковский у.; Торопецкий у.; Холмский у.
Санкт-Петербургская (ед. хр. 2092—2117)	14	3	764	19	г. Санкт-Петербург; Гдовский у.; 3 благочиния Лужского у.; 1, 3 благочиний; Новоладожский у.; г. Новая Ладога; 1, 3, 4 благочиния; Ямбургский у.; 1 благочиние
Тверская (ед. хр. 2118—2119)	32	1	1017	1	г. Вышний Волочок

1	2	3	4	5	5
Финляндская (ед. хр. 2120— 2125)	2	2	21	2	3 благотворительный округ
Херсонская (ед. хр. 2126)		1		109	Александровский у.: 2 благотворительный округ; Ананьевский у.; Елизаветградский у.; Одесский у.; Тираспольский у.; Херсонский у.
Черниговская (ед. хр. 2127— 2944)	15	13	1086	803	Борзенский у.: г. Борзны; Глуховский у.: г. Глухов; 1, 2, 3, 4, 5 благотворитель- ные округа; Городнянский у.: г. Городня; 1,2,3 благотворительные округа; Козелецкий у.: г. Козелец; 1, 2, 3, 4 благотворительные округа; Конотопский у.: г. Конотоп; 1, 2, 3, 4 благотворительные округа; Кролевецкий у.: г. Кролевец; 1, 2, 3, 4 благотворительные округа; Мглинский у.: г. Мглина; 1,2,3,4,5 благотворительные округа; Нежинский у.: г. Нежин; 1, 2, 3, 4 благотворительные округа; Новгород-Северский у.: г. Новгород-Северск; 1, 2, 3, 4, 5, 6 благотворитель- ные округа; Новозыбковский у.: г. Новозыбков; 1, 2, 3 благотворительные округа;

1	2	3	4	5	5
					<p>Остерский у.: г. Остер; 1, 2, 3, 4, 5 благочинни- ческие округа; Сосницкий у.: 1, 2, 3, 4 благочинниче- ские округа; Стародубский у.: г. Стародуб; 1, 2, 3, 4, 5 благочинни- ческие округа; Сурожский у.: 1, 2, 3 благочиннические округа; Черниговский у.: г. Чернигов; 1, 2, 3, 4, 5 благочинни- ческие округа; Единоверческие церкви епархии</p>
Ярославская (ед. хр. 2945— 3095)	24	7	963	195	<p>Даниловский у.: 3 благочиннический округ; Любимский у.: г. Любим; 1, 3 благочиннический округ; Мологский у.: г. Молога; 1, 2, 4 благочинниче- ский округ; Мышкинский у.: г. Мышкин; 1, 2 благочиннический округ; Пошехонский у.: 4 благочиннический округ; Романово-Борисоглеб- ский у.: г. Романов-Борисо- глебск; 1, 3 благочиннический округ; Ростовский у.: г. Ростов 2, 3, 5, 6 благочинниче- ские округа;</p>

1	2	3	4	5	5
					Рыбинский у.: г. Рыбинск; 1, 2 благочиннический округ; Углический у.: г. Углич; 1, 3, 5, 6 благочиннический округ; Ярославский у.: г. Ярославль; 4, 5, 6, 7, 8 благочиннический округ; Единоверческие церкви епархии

Описи церковных древностей Владимирской епархии составлены в 1904 г. Наиболее подробные описи: Александровского Успенского первоклассного женского монастыря (ед. хр. 239), Флорищевой пустыни (ед. хр. 250—251). Описи церквей и монастырей Переславля, заверенные благочинным протоиереем градских церквей А.А. Дилигенским¹⁰, единственные из всех документов фонда содержат фотографии древностей — вкладов представителей царской семьи XVII—XVIII вв., например: Данилова мужского монастыря (ед. хр. 256), Феодоровского женского монастыря (ед. хр. 260), Богородице-Рождественской, Введенской, Успенского собора в Переславле (ед. хр. 702, 705, 721). С родом князей Пожарских связано строительство Борковской Николаевской пустыни и Троицкой церкви Слободы Холуй (ед. хр. 246, 513), Иверской Святозерской женской пустыни (ед. хр. 248), Троицкой и Богородице-Рождественской церквей с. Нижний Ландех (ед. хр. 542), Николаевской и Троицкой церквей с. Мугреева-Никольского (ед. хр. 503), Кладбищенской во имя Смоленской Божией Матери и Вознесенской церквей с. Лукино (ед. хр. 497) Владимирской епархии, а также Спасо-Преображенской церкви с. Пуреха Балахнинского уезда Нижегородской епархии (ед. хр. 1848). В описи Введенской церкви с. Бектышева (ед. хр. 748) упоминается экспонат Музея 1812 года — лента ордена Андрея Первозванного, принадлежавшая П.И. Багратиону, поскольку раненый герой былнесен через село и останавливался там для отдыха.

Следует отметить отдельные автографы — заверительные подписи под документами. Опись Дмитриевского собора во Владимире подписана прот. В.В. Косаткиным (ед. хр. 373); Успенского собора во Владимире — преподавателем семинарии Н.В. Малиц-

ким (ед. хр. 374)¹¹. Опись Крестовоздвиженской церкви с. Палех (ед. хр. 506) подписали: священник Иоанн Рождественский¹², за церковного старосту крестьянин с. Палеха Василий Белоусов, представители от прихожан учителя учебно-иконописной мастерской села Палеха крестьяне: Иван Сафонов, Михаил Парилов. Артель Сафоновых расписывала залы ГИМ. Сверял документ благочинный прот. Николай Чихачев (1842—1917), прославившийся своей благотворительностью и просветительской деятельностью.

В российских северных епархиях: Архангельской и Вологодской такие организации возникли одни из первых. Это Архангельский церковно-археологический комитет с музеем в 1896 (с 1887 г. назывался Совет попечительства по собиранию и хранению памятников церковной древности), этим же годом датируется начало работы Постоянной Вологодской комиссии с отделением в Сольвычегодске и музея в Вологде.

Географическое положение епархий определило труднодоступность ряда уездов, отсюда значительная доля трудов по описанию легла на плечи духовенства на местах. Описание проводилось в 1903—1904 гг. По Архангельской епархии значительны по объему описи монастырей: Веркольского Артемиева монастыря (ед. хр. 81—82); Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря (ед. хр. 87—90). Опись Сийского Антониева монастыря подписал прот. Николай Варфоломеев, состоявший одновременно казначеем ЦАК (ед. хр. 91). Для изучения архангельской старины много сделали представители семьи священнослужителей Грандилевских-Павловских. Прот. Никандр Грандилевский состоял членом Архангельского губернского статистического комитета и 50 лет служил ключарем Архангельского Свято-Троицкого Кафедрального собора, им и подписана опись этого храма (ед. хр. 100). Куростровский священник А.Н. Грандилевский составил опись Дмитриевской церкви своего прихода (ед. хр. 187)¹³.

Попытки создания Воронежского церковного историко-археологического комитета (ВЦИАК) предпринимались с 1886 г.; он был учрежден при Воронежской епархии 31 января 1901 г. при епископе Воронежском и Задонском Анастасии (Добрадине)¹⁴. Первым председателем ВЦИАК стал А.М. Правдин (1846—1907)¹⁵. Были созданы Церковно-археологический музей, архив и библиотека. За первые два года существования ВЦИАК в архив поступило свыше 150 описаний истории церквей. Следует отметить комплекс: описи имущества Богоявленской церкви с. Богоявленского 1893 и 1900 г. (ед. хр. 1375, 1376), а также отношение ВЦИАК священнику села Владимиру Мясищеву от 23 декабря 1901 г. о пе-

редаче, по благословию епископа Анастасия, комитету части церковных древностей (Евангелия 1697 г., медной дарохранительницы и металлической тарелочки для пожертвования) с обязательным внесением передачи в церковную опись, за подписями участников приемки: председатель А. Правдина, делопроизводителя П. Никольского (ед. хр. 1377)¹⁶. Описи ряда храмов епархии представлены документами XIX и начала XX в.: Воронежского Покровского монастыря (ед. хр. 1366, 1367), а также церквей: Вознесенской с. Мечетки (ед. хр. 1370—1371); Казанской с. Хреново Бобровского уезда (ед. хр. 1373, 1374); Богоявленской с. Орлова (ед. хр. 1383, 1384); Знаменской и Казанской слободы Уразовой (ед. хр. 1378, 1390, 1380, 1381); Покровской с. Хреново Воронежского уезда (ед. хр. 1389, 1379); Преображенской слободы Петровской (ед. хр. 1398, 1399).

Донской епархиальный церковно-исторический комитет (ДЕЦИК) был учрежден 16 апреля 1904 г. резолюцией архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия (Пархомовича) с ближайшей целью: описание церквей и приходов епархии¹⁷. В Совет ДЕЦИК вошли люди, известные своими исследованиями, публикациями, пастырскими и преподавательскими трудами. Деятельность ДЕЦИК началась с разработки архива Старочеркасского Воскресенского собора, опись которого представлена в фонде (ед. хр. 1420)¹⁸. Опись Вознесенского кафедрального собора в Новочеркасске (ед. хр. 1409) подписана прот. ключарем З. Лобовым, членом Совета ДЕЦИК¹⁹. Собор в настоящее время не существует. Описи церквей Глазуновского благочиннического округа (ед. хр. 1422—1427) в 1904 г. сверял и. д. благочинный Дмитрий Евфанов²⁰. Наряду с полными описями храмов в фонде содержатся описания отдельных предметов до 1800 г. (ед. хр. 1436, 1437).

Казанское ЦИАО возникло в 1906 г. Почетными председателями его были архиепископы Дмитрий (Самбикин; 1907—1908)²¹, Никанор (Каменский; 1908—1910)²², Иаков (Пятницкий; 1910—1918)²³.

Все описи составлены в 1900—1911 гг. На момент массового составления описей председателем был епископ Чистопольский Алексей (Дородницын), ректор Казанской духовной академии²⁴. К сверке описей привлекались преподаватели Казанской ДС Н. Воронцов (ед. хр. 1469), В. Никитский (ед. хр. 1470—1479), Чебоксарского ДУ П. Вишневецкий (ед. хр. 1466), учитель Чебоксарского ДУ Ив. Приматов (ед. хр. 1598). В Древлехранилище при ЦИАО согласно Уставу 1906 г. велась опись вещей. Протоиерей Кафедрального Благовещенского собора А.П. Яблоков с 1910 г. был библиотекарем и заведующим древлехранилищем²⁵. Опись Кафедрального Благовещенского собора в Казани 1911 г. подписана им и ключарем

собора священником П. Рождественским (ед. хр. 1468)²⁶. Автограф последнего есть на многих описях памятников Казани и Казанского уезда (ед. хр. 1468—1480), в том числе Николо-Низской церкви, содержащей сведения о передаче в 1911 г. предметов в епархиальный ЦАК (ед. хр. 1477). Опись-рапорт причта церкви с. Остолопово от 16 января 1905 г. содержит фото с образа Николая Чудотворца. (ед. хр. 1616). К описи Алексеевской церкви с. Сизинер от 7 февраля 1905 г. приложена «Летопись Алексеевской церкви села Сизинер Чебоксарского уезда». (Казань. 1895 г.) (ед. хр. 1604).

Описи церковных памятников Калужской епархии, где церковно-археологическое общество было создано в 1900 г., представлены описями Покровского Доброго монастыря Лихвинского уезда 1729, 1734, и 1772 гг. с сопровождением машинописного отношения Калужской Духовной консистории в Московскую Патриаршую (Синодальную) библиотеку от 9 июля 1912 г. (ед. хр. 1633—1636). Документы отражают первоначальные этапы учета церковных древностей в Российской империи, сопоставление их позволяет уточнить степень износа церковной утвари, приводившее к ее обмену. Присланные описи рассматриваются как подлежащие архивному хранению документы.

Подольское ЦИАО, выросшее на базе старейшего в России Каменец-Подольского епархиального историко-статистического комитета, было конституировано в 1890 г. по инициативе епископа Подольского и Брацлавского Димитрия (Самбикина). Все описи по епархии датируются 1904—1906 гг., сшиты в конволют (ед. хр. 1637). Среди них описания монастырей: Головчинского Преображенского, Грановского Преображенского, Каменецкого Троицкого, Сатановского Троицкого монастыря на р. Збруче, сверенные благочинным монастырей Подольской епархии архимандритом Сергием и преподавателем Подольской ДС М. Красковским. Многие памятники в настоящее время утеряны. Так, в годы Первой мировой войны и впоследствии в советское время практически разрушен Сатановский Свято-Троицкий монастырь на р. Збруче, где бывали Богдан Хмельницкий, Петр I, А.В. Суворов.

Материалы церквей и монастырей Московской и Коломенской епархии датируются 1815—1893 гг., то есть ранее создания ЦАО в 1900 г. Опись церковному имуществу ставропигиального первоклассного Московского Новоспасского монастыря, учиненная настоятелем обители Председательствующим Московской Духовной цензуры архимандритом и кавалером Амвросием 1815 г. (ед. хр. 1638) составлена с учетом утраченных в связи с войной 1812 года реликвий²⁷. Опись Казанского собора у Воскресенских ворот 1826—

1878 г. содержит переписку и указы Московской духовной консистории о составлении и сверке описей (ед. хр. 1727). Отметим также описи Сретенского сорока Януариевской, что в Запасном дворце церкви 1813—1846 гг. (ед. хр. 1728), Троицкой церкви с. Троице-Голенищеве Московской округи Загородской десятины 1820 г. (ед. хр. 1729). Звенигородский уезд представлен описями Спасо-Преображенской церкви с. Никольского Вяземы тож (ед. хр. 1643—1644). В 2023 г. исполняется 160 лет со дня основания ОЛДП (Московского общества любителей духовного просвещения), в структуре которого возникает Церковно-археологический отдел (1900—1918). Работа по собиранию историко-археологических и статистических сведений о церквях и монастырях велась с 1870-х гг., вследствие чего в 1889 г. возник Комитет для урегулирования работ по составлению и изданию историко-статистических описаний церквей и приходов Московской епархии (с 1896 г. — Историко-статистический отдел). Председателем Комитета стал протоиерей Церкви Зачатия Анны, что в Углу М.С. Боголюбский²⁸. Значительная часть документов епархии связана с перепиской в связи с присылкой ему описаний — отношений настоятелей монастырей и благочинных в связи с предоставлением историко-статистического описания подведомственных им церквей и монастырей Коломенского и Московского уездов и прилегающих к ним историко-статистических описаний, а именно: настоятеля Коломенского Богородице-Рождественского общежительного Бобренева монастыря игумена Иосафа²⁹, настоятеля Московского Знаменского монастыря архимандрита Сергия (Спасского), благочинного священника Коломенского уезда Коломенского Успенского собора протоиерея Алексея Горского³⁰ и др. (ед. хр. 1639—1642, 1645—1714, 1717—1719). Отметим подробное описание церкви с. Черкизово, представленное священником Иоанном Малининым (ед. хр. 1715, 1716). Объектом исследования Н.А. Скворцова стали исчезнувшие и упраздненные храмы Коломенского уезда (ед. хр. 1720—1724).

В 1886—1887 гг. по инициативе Преосвященного епископа Модеста (Стрельбицкого; 1885—1889) при Нижегородской семинарии было основано древлехранилище³¹. Деятельность по выявлению древних церковных памятников была обусловлена подготовкой к празднованию 900-летия крещения Руси. Велся сбор документов для юбилейного сборника, причты присылали историко-статистические описания храмов. В этой работе принял участие Димитрий (Самбикин) Балахнинский епископ, настоятель Печерского монастыря. 27 апреля 1887 г. в Печерском монастыре конституировалась епархиальная археологическая комиссия, которую он и возглавил.

Накопленный в Нижегородской епархии опыт он впоследствии применил в Подольской епархии. В материалах фонда представлены описи церковных древностей, датируемые 1904—1906 гг. Церковные памятники Арзамаса представлены следующими описями: Новодевичьего Алексия человека Божия монастыря; Воскресенской соборной; Благовещенской, Введенской, Владимирской, Всехсвятской, Ильинской, Иоанно-Богословской, Крестовоздвиженской, Свято-Духовской, Софийской, Спасской, Тихвинской кладбищенской, Христорождественской, Троицкой церквей (ед. хр. 1773—1786). Все их сверял протоиерей Троицкой церкви Феодор Владимирский, состоявший Благочинным священником 1-го Благочиннического округа Арзамасского уезда³². Отметим описи церквей Балахны: Вознесенской соборной; Благовещенской; Богородице-Рождественской; Воскресенской; Покровской; Спасской; Троицкой кладбищенской; Христорождественской (ед. хр. 1828—1835); Нижнего Новгорода Крестовой архиерейской церкви и Никольской приписной к Архиерейскому дому (ед. хр. 1964, 1965). В фонде также представлены материалы церкви крупных торговых сел: Василевой Слободы (ед. хр. 1842—1843); Вершилова (ед. хр. 1844); Павлова (ед. хр. 1871—1875, 2025); Большого Мурашкина (ед. хр. 1895—1900); Лыскова (ед. хр. 1942—1946). Опись Успенской церкви с. Кириково содержит описания реликвий, связанных с митрополитом Илларионом, родившимся в семье священника местной церкви (ед. хр. 1955)³³.

Подъем интереса к изучению, описанию и сохранению старины в Новгородской епархии особенно проявился в 1862 г., когда Новгород стал центром празднования 1000-летия России. Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) принял активное участие в работе XV Всероссийского археологического съезда, проходившего в Новгороде в 1911 г., способствовал построению епархиального дома, где разместились Новгородская духовная консистория, епархиальный церковно-исторический музей и лекционный зал, названный его именем³⁴. 3 января 1913 г. в Арсениевском епархиальном доме состоялось торжественное открытие Новгородского ЦАО (далее — НЦАО). Председателем Общества стал настоятель Знаменского собора протоиерей А.И. Конкордин³⁵, хранителем Древлехранилища — диакон А.В. Никифоровский. За время своей деятельности обществом было обследовано 114 церквей. Все работы выполнялись в тесном сотрудничестве с Новгородской ДС, многие члены НЦАО были ее выпускниками. Все отложившиеся в фонде описи монастырей, соборов и церквей были присланы до официального конституирования НЦАО, о чем свидетельствует отношение члена Консистории протоиерея Алексея

Рождественского в Московскую Патриаршую библиотеку в связи с предоставлением описей древних вещей, хранившихся в церквях его ведомств от 17 ноября 1906 г. (ед. хр. 2029)³⁶. Описи церковных памятников Новгорода и Новгородского уезда подписаны и заверены протоиереем новгородского Софийского собора Иоанном Семеновским³⁷, ключарем собора протоиереем Анатолием Конкординым, преподавателем Новгородской ДС коллежским советником Иваном Головановым. Это описи монастырей: Преподобного Антония Римлянина, Вяжищского Николаевского, Деревяницкого, Десятинского, Зверина Покровского, Клопского, Свято-Духова, Хутынского; Юрьева (ед. хр. 2029—2044). Описи соборов и церквей Новгорода: Николаевского Дворищенского и Софийского Кафедрального соборов; Георгиевской; Дмитриевской; Иоанно-Предтеченской; Спасо-Преображенской церквей (ед. хр. 2040—2045), а также уезда: Аркажской Благовещенской церкви и приписной к ней Николаевской Мостищской; Волотовской Успенской; Ковалевской околородней Спасо-Преображенской; Мячинских Воскресенской, Святого Иоанна Милостивого и Петропавловской кладбищенских церквей; Феодоро-Стратилатовской (ед. хр. 2046—2050). Все документы в бумажных и картонных переплетах с красно-сургучными печатями Консистории, составлены в 1904—1905 гг. Описи Устюженского Николаевского третьеклассного мужского монастыря, церквей в Устюжне и уезде сверены Председателем Устюженской уездной комиссии по проверке церковных древностей протоиереем Иоанном Казанским и членом комиссии учителем Иваном Лавровым в 1905—1906 гг. Отметим также автографы Благочинного священника Устюженского уезда Иоанна Адрианова³⁸ (ед. хр. 2051—2081).

Становление Псковского ЦАК неразрывно связано с Псковским Статистическим комитетом, при котором была учреждена Археологическая комиссия (1872—1880), в 1880 г. переименованная в Псковское ЦАО, существовал музей, унаследованный ЦАК. Организация была первым опытом архиепископа Псковского и Порховского Арсения (1903—1910), впоследствии успешно закрепленным в Новгородской епархии. Свои представления о деятельности общества Арсений изложил в речи на торжественном открытии Комитета 24 августа 1908 г.: «Псков не выделяли как отдельное явление в истории и включали его в историю Новгорода. Учреждаемый ныне ЦАК поставляет своею целию изучение жизни Пскова и его области в историческом церковно-религиозном отношении. Комитету потребны значительное время и немало средств, а еще большая нужда в сотrudниках которые бы имели возможность использо-

вать надлежащим образом на местах нахождения самих приходских церквей весь нужный материал: вещественный, письменный и устный. Желательно и даже необходимо если не прямое содействие, то сочувствие к начинаниям Комитета образованных людей имеющих постоянное пребывание в нашем крае»³⁹. На торжественном открытии были избраны члены Совета: Председатель — прот. Псковско Анастасьевской церкви В.Д. Смиречанский⁴⁰; хранителем музея и редактором изданий комитета стал преподаватель Псковской ДС Н.И. Серебрянский⁴¹. 183 описи церквей Псковской епархии сохранились до наших дней в 9 конволютах по отдельным уездам с отношением благочинного Псковской духовной консистории в Московскую Патриаршую библиотеку о препровождении описей от 28 июня 1905 г. (ед. хр. 2082—2091). Описи церквей в Пскове и Псковском уезде (ед. хр. 2088) содержат: Рапорт членов Комиссии по проверке церковных древностей в Псковскую Духовную консисторию о наличии древностей в церквях Пскова от 31 марта 1905 г. за подписями членов Совета ЦАК настоятеля Троицкого кафедрального собора прот. М. Лавровского⁴², Н.И. Серебрянского. Ими сверены описи Троицкого кафедрального собора, Петро-Павловского Собора, церквей Николаевской единоверческой, Николаевской со Усохи, Варлаамовской, Нововзнесенской и приписных к ней Сергиевской и Анастасьевской. Опись последней составлена прот. В.Д. Смиречанским.

Петербургское ЦАО создано в 1914 г., в 1879 г. при Санкт-Петербургской Духовной Академии был основан музей на базе коллекции земского музея Новгородской епархии благодаря трудам историка церкви Н.В. Покровского (1848—1917). Отметим описи монастырей: Староладожского Николаевского. Творожковского Свято-Троицкого, Черемнецкого Иоанно-Богословского (ед. хр. 2093—2097) при отношении благочинного монастырей Свято-Троицкой Александро-Невской лавры архимандрита Макария в Московскую Патриаршую библиотеку от 23 марта 1907 г. (ед. хр. 2092)⁴³. Петербургское Выборгское столичное благочиние представлено описями: Князь-Владимирского и Троицкого, что на Петербургской стороне соборов, Крестовоздвиженской на Петербургской стороне, Сампсоновской, что на Выборгской стороне церквей г. Санкт-Петербурга. Они сверялись ректором С.-Петербургской духовной академии архимандритом Вениамином (ед. хр. 2098—2103)⁴⁴. Подробны описи следующих памятников: Воскресенской церкви Петровского погоста Лужского уезда 1823 г., заверенная благочинным А. Ласкиным с пометами начала XX в. о наличии вещей по описи от 23 сентября 1906 г. (ед. хр. 2107)⁴⁵; Николаевского собора в Новой Ладоге Новоладожского

уезда от июня 1904 г. (ед. хр. 2109). Описи церквей 1-го благочиния Ямбургского у. заверены благочинным настоятелем Нарвского Преображенского собора прот. А. Братолюбовым (ед. хр. 2117)⁴⁶.

Созданный в 1902 г. Тверской епархиальный ЦАК имел богатую предысторию. В 1866 г. в Твери появляется Историко-археологический музей, с 1884 г. функционирует Тверской ГУАК. Материалы Тверской епархии в фонде представлены в незначительном количестве. Отметим Опись церковного и ризничного имущества, также древностей и библиотеки Тверского Христорождественского девичьего монастыря от 30 ноября 1853 г. в копии 1900 г. (ед. хр. 2118).

Финляндская епархия в ф. 406 также представлена отдельными документами 1905—1915 г. Наиболее полные описи: Валаамского Спасо-Преображенского (ед. хр. 2121), Коневского Рождественского (ед. хр. 2122) монастырей; Котлинской Николаевской церкви в Выборге (ед. хр. 2125)

Херсонское ЦАО было организовано в 1904 г. Описи церквей и монастырей Херсонской епархии отложились в фонде в составе конволюта, содержащего сведения о церковных древностях 109 памятников. Составление документов датируется 1903—1906 гг. Можно упомянуть описи: Бизюкова Григорьевского монастыря; церквей Александрийского уезда: Николаевской церкви в Александрии, в Новогеоргиевске Воскресенской единоверческой, Покровской единоверческой, Успенской церкви; Елисаветградского уезда: в Елисаветграде (ныне — Кропивницкий в Кировоградской области) Успенского собора, Владимирской церкви, Знаменской, Покровской единоверческой, Преображенской единоверческой церквей; Варваринской церкви в Ольвиополе (ныне — Первомайск в Николаевской области); Преображенского кафедрального собора и Успенской церкви в Одессе; Николаевского собора в Тирасполе; Херсонского уезда: Воскресенской церкви в Бериславе; Николаевской церкви в с. Кривой Рог; Богородице-Рождественской единоверческой церкви, Николаевской греческой церкви в Николаеве; Екатерининского собора, Покровской единоверческой церкви, Рождества-Богородицкой единоверческой церкви в Херсоне. Ценность документов обусловлена тем, что часть церквей и монастырей не сохранилась или дошла до нас в руинированном виде, и уничтожение памятников продолжается и по сей день.

Труды по изучению церковной старины были начаты Черниговской ГУАК, первым председателем которой был Г.А. Милорадович⁴⁷. В 1896 г. при ней был создан музей. Преподаватели Черниговской ДС активно занимались изучением церковных древностей. В 1906 г. конституируется Черниговский ЦАК. По количеству отложив-

шихся в фонде описей материалы епархии сопоставимы с материалами Владимирской епархии. Все описи датированы 1904—1905 гг. и четко следуют поставленной Синодом задаче — описание древних церковных предметов до 1800 г. Все описи индивидуально переплетены и заверены красно-сургучными печатями Черниговской духовной консистории. Можно отметить значительные по объему описи Черниговского Троицкого архиерейского дома (ед. хр. 2127), а также документы монастырей: Батуринаского Крупицко-Свято-Николаевского, Гамалеевского Рождество-Богородичного, Глуховского Петропавловского, Домницкого Рождество-Богородичного, Каменского Успенского, Козелецкого Георгиевского, Нежинского Благовещенского, Нежинского Введенского, Рыхловского Николаевского, Елецкого Успенского и др. (ед. хр. 2129—2140).

Ярославская губернская ученая архивная комиссия была открыта в 1889 г. (при ней Древлехранилище). Ярославский ЦАК возник в 1913 г. Описи церквей и монастырей Ярославской епархии в основном составлялись в 1904—1914 гг. Описи Пошехонского Адрианова (ед. хр. 2945), Ростовских: Борисоглебского, Богоявленского Авраамиева и Троице-Варницкого (ед. хр. 2946, 2947, 2948); Ярославского Казанского (ед. хр. 2951) монастырей, а также церквей в Ростове (ед. хр. 2996) заверял в 1907—1908 гг. преподаватель Ростовского ДУ статский советник И. Богословский⁴⁸. Описи церквей Мологского у. Ярославской еп. (ед. хр. 2958) сшиты в конволют, в том числе документы: Мологского Воскресенского собора и Вознесенской церковью, храмов с. Погорелки, с. Боронишино, с. Горькой Соли и др. при отношении благочинного прот. Мологского Воскресенского собора Н.А. Велюкорецкого⁴⁹ в Ярославскую духовную консисторию от 19 октября 1908 г. и благочинного свящ. церкви с. Боронишино Григория Тихвинского в Московскую Патриаршую библиотеку от 25 мая 1910 г. В настоящее время многие из храмов оказались в зоне затопления Рыбинского водохранилища. Описи Никольского и Успенского соборов в Мышкине (ед. хр. 2971), а также Воскресенского собора, Благовещенской церкви в Романово-Борисоглебске (ед. хр. 2980, 2981, 2983), сверенные благочинным прот. церковью 1-го благочиннического округа Романово-Борисоглебска Л. Сретенским⁵⁰. Причтом Иоанно-Предтеченской церкви с. Шестаково Ростовского уезда была прислана опись церкви и ее ризницы 1808 г., с заверительной надписью от 1910 г. (ед. хр. 2998). Священнослужители Рыбинского уезда с. Борзово, предоставили в 1908 г. описи 1796 г. и дополнительные описания предметов старины (ед. хр. 3016); причт с. Никольского, что на Тропе, Никольской деревянной и Смоленской каменной церковью выслал описи 1799 г. (ед. хр. 3017); священнослужители с. Подъяблонного

погоста Троицкой церкви предоставили опись 1799 г. (ед. хр. 3018). Описи церквей Ярославля: подписаны ключарем Ярославского Кафедрального собора прот. Валентином Розиным⁵¹ (ед. хр. 3058—3061).

Описания могут рассматриваться как массовые источники, поскольку подавались от всех епархий по единому формуляру. Чаще всего они подписывались всем причтом храма, заверялись благочинными, а также проверялись представителями духовных училищ, в большинстве случаев одновременно состоявшими членами ЦАК и ЦАО. Таким образом, от начала до конца к сбору информации о церковных древностях были причастны разные по статусу и уровню образования персоналии. На первом же этапе, описании храма на месте, точность информации напрямую зависела от наличия более ранних документов, церковных летописей, грамотности составителей причта и церковных старост и ктиторов, а также от ревности самих исполнителей. Исторически сложившаяся в фонде выборка описей позволяет оценить и сопоставить степень грамотности этого круга лиц в разных регионах. Для большей объективности подсчетов указаний на неграмотность подписантов были выбраны материалы епархий, где сохранилось более 20% описаний от бывших на 1900-е гг. храмов.

Название епархии	Церквей в епархии на 1900-е гг.	Церквей в фонде по епархии (численно и в процентах)	Количество указаний на неграмотность подписантов (численно и в процентах)	Уезды
Архангельская	302	173—57%	18—10%	Александровский — 1 Архангельский — 1 Кемский — 2 Мезенский — 4 Онежский — 2 Шенкурский — 7
Владимирская	1449	983—68%	14—1,4%	Владимирский — 2 Вязниковский — 3 Меленковский — 1 Муромский — 3 Переславский — 3 Суздальский — 2 Юрьевецкий — 3
Вологодская	925	149—16%	6—4%	Вологодский — 2 Кадниковский — 1 Сольвычегодский — 2 Яренский — 1

Казанская	746	193—29%	1—0,5%	Свияжский — 1
Нижегородская	1067	292—27%	2—0,7%	Нижегородский — 2
Псковская	350	183—52%	20—11%	Великолукский — 4 Новоржевский — 7 Островский — 1 Порховский — 6 Торопецкий — 12
Черниговская	1086	803—74%	138—17%	Борзенский — 3 Глуховский — 15 Городнянский — 1 Козелецкий — 6 Конотопский — 28 Кролевецкий — 11 Мглинский — 29 Нежинский — 1 Новгород-Северский — 6 Остерский — 23 Сосницкий — 4 Стародубский — 20 Сурожский — 4 Черниговский — 3
Ярославская	963	195—20%	4—2%	Ростовский — 2 Рыбинский — 1 Ярославский — 1

В епархиях с небольшим процентом неграмотных наблюдается незначительная количественная разница по уездам: (Владимирской, Вологодской, Казанской, Нижегородской, Ярославской губерний). Для епархии с высоким уровнем неграмотных подписантов цифры по уездам разнятся, например, в Архангельской, Псковской, Черниговской, что связано с удаленностью от центра отдельных уездов и меньшим количеством образовательных учреждений. Упоминание о наличии неграмотных связано с сельскими храмами.

Помимо описания древних церковных предметов описи несут информацию о пожарах, перестройках памятников, поновлении росписей храмов в XIX — начале XX в., поскольку этими факторами обусловлена сохранность реликвий. Данные описи стали последними общероссийскими документами о состоянии храмов России на рубеже веков, потому сведения особенно востребованы при реставрации памятников в настоящее время.

Даты описания церковных памятников и их отсылки в Патриаршую Синодальную библиотеку в большинстве епархий предшествуют времени конституированию ЦАК или совпадают с ними по времени, что свидетельствует об огромной работе проведенной

предшествовавшими им Губернскими учеными архивными комиссиями и Губернскими статистическими комитетами.

Информация из описей церковных памятников служила впоследствии основой для написания трудов по истории отдельных памятников и систематических обзоров церквей и монастырей Российской империи. Научная значимость материалов фонда неопределима и в наше время.

- ¹ Скворцов Николай Алексеевич (1861—1917), москвовед, протоиерей Московской Георгиевской, что на Красной Горке, церкви; член Общества любителей духовного просвещения с 1892 г., участвовал в составлении и издании историко-статистических описаний церквей и приходов Московской епархии, председатель Московского Церковно-археологического общества (1908—1917).
- ² Епископ Арсений (Леонид Иванович Денисов; 1866—1942), епископ Каширский, викарий Московской епархии. Духовный писатель, церковный историк.
- ³ Епископ Владимир (в миру Василий Иванович Филантропов; 1842—1916), епископ Ковенский, викарий Литовской епархии.
- ⁴ Мусин А.Е. Церковная старина в современной России. СПб, 2010; Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв. Сборник документов. М., 1997.
- ⁵ Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1909 г. Вып. 2—3. Вятка, 1910. С. 49—50.
- ⁶ Митрополит Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867), архиепископ (1821), митрополит Московский и Коломенский. В 1994 г. Русской православной церковью прославлен в лике святых в святительском чине.
- ⁷ Косаткин Василий Васильевич (1845—1914), протоиерей (с 1886), преподаватель во Владимирском ДУ, священник Успенского собора во Владимире, настоятель Дмитриевского собора (1881). По его инициативе было сделано отопление собора, позолочен иконостас, поновлена настенная живопись, построена звонница; штатный член Консistorии (1891), член Императорского Московского археологического общества и действительный член Владимирской, Нижегородской и Костромской ГУАК. Под редакцией В.В. Косаткина вышла книга «Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии. Ч. 1. Монастыри» (Владимир, 1906).
- ⁸ Архиепископ Сергей (Спаский Иван Александрович; 1830—1904), духовный писатель, ученый, историк. Соборный иеромонах Московского Донского Ставропигиального монастыря (1859), настоятель Московского Знаменского монастыря (1863—1866), настоятель Московского Спасо-Андрониевского монастыря (1880—1882). С 21 ноября 1892 г. — архиепископ Владимирский и Суздальский.
- ⁹ [Косаткин В.В.] Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия: краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов. Ч. 1. Монастыри. Владимир, 1906. С. 1—6.

- 10 Дилигенский Алексей Александрович, выпускник Владимирской духовной семинарии, преподаватель и член совета Переславского духовного училища (1873), благочинный протоиерей градских церквей (1891).
- 11 Малицкий Неофит Владимирович (1871—1935), историк, архивист, магистр богословия, впоследствии основатель и первый руководитель архивной службы Владимирской губернии.
- 12 Рождественский Иоанн Степанович (1872—1922), священник, осужден по «Шуйскому делу об изъятии церковных ценностей» (1922), причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских в 2000 г.
- 13 Грандильевский Аркадий Никандрович (1875—1914), ученый-самоучка, археограф, лингвист, этнограф, священник Куростровского прихода (1896—1907); передал в БАН древние документы из архива Куростровского погоста. В 1907 г. Академия наук издала его труд «Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор».
- 14 Архиепископ Анастасий (Алексей Михайлович Добрадин; 1828—1913), архиепископ Воронежский и Задонский (1890—1913); погребен в соборе Митрофаниевского монастыря Воронежской епархии.
- 15 Правдин Александр Матвеевич (1846—1907), редактор официального отдела «Воронежских Епархиальных Ведомостей» (1887), член Воронежского епархиального комитета (1891—1892); член, уполномоченный от духовного ведомства в Воронежской губернской переписной комиссии по производству первой всеобщей переписи населения империи (1896—1897), действительный член Воронежского губернского статистического комитета (1891) и член Воронежской ученой архивной комиссии (1900). Автор многих трудов по истории Воронежской епархии.
- 16 Никольский Павел Васильевич (1870—1942/43), церковный историк. Один из учредителей Воронежской ГУАК и губернского музея, член правления и делопроизводитель ВЦИАК, председатель комитета (1907—1912).
- 17 Архиепископ Афанасий (в миру Василий Михайлович Пархомович; 1828—1910), архиепископ Донской и Новочеркасский (1894).
- 18 *Снесарев Н.* Записка об архиве, находящемся при Старочеркасском Воскресенском соборе // *Донские епархиальные ведомости.* 1877. № 22. С. 692.
- 19 Лобов Захар Петрович (1865—1937), священник. Учился в разные годы в Тамбовском ДУ, выпускник Новочеркасской ДС (1888). Ключарь Новочеркасского кафедрального собора (1903). Архиепископ Воронежский и Задонский (1929—1935). Репрессирован. Расстрелян в 1937 г., причислен к лику святых Русской православной церкви в 2000 г.
- 20 Евфанов Дмитрий Яковлевич (1865 — после 1914), законоучитель Глазуновского министерского училища (1891); заведующий Глазуновской одноклассной церковно-приходской школы (с 1893).
- 21 Архиепископ Димитрий (Димитрий Иванович Самбикин; 1839—1908), ректор Тамбовской духовной семинарии (1872—1880), затем Воронежской духовной семинарии (1881—1886); епископ Балахнинский, vikарий Нижегородской епархии (1886—1887). Епископ Тверской и Кашинский (1896—1905). Архиепископ Казанский и Свяязский (1905—1908). В Казани основал ЦАО.
- 22 Архиепископ Никанор (Никифор Тимофеевич Каменский; 1847—1910), богослов, археограф. Выпускник Казанской духовной академии (1874). Ректор Казанской духовной семинарии с возведением в сан протоиерея

- (1879). С 5 апреля 1908 г. — архиепископ Казанский и Свяжский. Основал ЦАК в Смоленске и Гродно и церковно-исторические музеи в Орле и Варшаве.
- 23 Митрополит Иаков (в миру Иван Алексеевич Пятницкий; 1844—1922), епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1891—1893), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии (1893—1898), епископ Кишиневский и Хотинский (1898—1904), архиепископ Ярославский и Ростовский (1904—1907), архиепископ Симбирский и Сызранский (1907—1910), митрополит Казанский и Свяжский до 1917 г. — архиепископ (1910—1920), митрополит Томский (1920 — начало 1921).
- 24 Архиепископ Алексей (в миру Анемподист Яковлевич Дороднийцын; 1859—1919), духовный писатель и богослов. Епископ Сумской, викарий Харьковской епархии (1904—1905), епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии (1905—1912). Епископ Саратовский и Царицынский (1912—1914), архиепископ Владимирский и Шуйский (1914—1917).
- 25 Яблоков Андрей Поликарпович (1854—1933), духовный писатель, протоиерей. С июля 1892 г. — священник и ключарь хранитель ризницы кафедрального Благовещенского собора в Казани.
- 26 Рождественский Петр Александрович (1870—1940), протоиерей (1916), ключарь Кафедрального собора (1908), член Казанского ЦИАО (1909). С 1918 г. военный священник в Белой армии, впоследствии настоятель храмов в Китае.
- 27 Епископ Амвросий (Андрей Антипович Орнатский; 1778—1827/28), историк Русской православной церкви, автор труда «История российской иерархии», настоятель новгородского Антониева монастыря, ректор Новгородской ДС (1808), настоятель новгородского Юрьева монастыря (1811), настоятель московского Новоспаского монастыря (1812), епископ Старорусский, викарий Новгородской митрополии (1816), епископ Пензенский и Саратовский (1819—1825).
- 28 Боголюбский Михаил Симонович (1826—1902), духовный писатель, протоиерей. Выпускник Московской ДА (1848 г.) Священник Духосошестввенской церкви на Даниловском кладбище, Никольской в Котельниках (1853); Космы и Дамиана в Таганной слободе (1859), Зачагиевской церкви в Зарядье (1880). Цензор Московского духовного цензурного комитета (1871—1886), председатель Комитета по историко-статистическому описанию церквей Московской епархии, председатель Общества любителей духовного просвещения (1892).
- 29 Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. коломенские монастыри посильно помогали делу освобождения славян. Из Бобренева монастыря в действующую армию был направлен иеромонах Иоасаф.
- 30 Горский Алексей Сампсонович (1849—1912), протоиерей. Настоятель коломенского Успенского собора (1893—1899), при нем была завершена полная реставрация храма. Настоятель храма Вознесения Господня на Большой Никитской улице (1899—1912).
- 31 Архиепископ Модест (Даниил Константинович Стрельбицкий; 1823—1902), духовный писатель, архиепископ Волынский и Житомирский, священо-архимандрит Почаево-Успенской лавры. действительный член ЦАО при Киевской духовной академии (1875), епископ Нижегородский и Арзамасский (1885—1889).

- ³² Владимирский Федор Иванович (1843—1932), священник Воскресенского собора и Троицкой церкви в Арзамасе. Член правления Арзамасского духовного училища (1867). Депутат с обязанностью судебного следователя по духовному ведомству г. Арзамаса (1869), гласный городской думы, член Государственной думы 2-го созыва. За строительство первого в Арзамасе водопровода (1912) получил звание Почетного гражданина города. До конца своей жизни он заведовал арзамасским водопроводом.
- ³³ Митрополит Иларион (Иван Ананьев; 1631—1708), митрополит Суздальский и Юрьевский, один из основателей и первый строитель Свято-Успенского монастыря «Флорищева пустынь».
- ³⁴ Епископ Арсений (Авксентий Георгиевич Стадницкий; 1862—1936), ректор Новгородской ДС и настоятель монастыря Св. Антония Римлянина с возведением в сан архимандрита (1896). епископ Псковский и Порховский (1903—1910), митрополит Новгородский и Старорусский (1910—1917), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1933—1936), присутствующий в Святейшем синоде (1906—1917). член Государственного совета Российской империи (1907). Репрессирован. Русской православной церковью за границей причислен собору новомучеников и исповедников Российских (1981).
- ³⁵ Конкордин Анатолий Иоаннович (1860—1920), священник, председатель Новгородского ЦАО, священник кафедрального Софийского собора (1883), соборный ключарь (1888—1911).
- ³⁶ Рождественский Алексей Ефимович (1845 — после 1917), протоиерей новгородского Зверина монастыря, член духовной консистории. Автор труда «Новгородский Покровский Зверин женский монастырь» (Новгород, 1903 г.).
- ³⁷ Семеновский Иоанн Иоаннович (1856—1919), протоиерей (1905), настоятель Софийского собора (1905—1919). Благочинный 1-го округа церквей Новгорода (1905—1919).
- ³⁸ Адрианов Иоанн Дометиевич (1863—1930), протоиерей (1917) собора Рождества Богородицы в Устюжне. Репрессирован. Умер в Кеми по дороге в ссылку на Соловецкие острова.
- ³⁹ Речь Высокопреосвященнейшего Арсения, архиепископа Псковского, при открытии Псковского Церковно — археологического комитета // Труды Псковского церковно-археологического комитета. Псков. 1910. Т. 1. С. 16—17.
- ⁴⁰ Смиречанский Василий Демидович (1839—1918), протоиерей (1892), писатель, этнограф, краевед и историк церкви. Настоятель Ново-Вознесенского храма с приписанными к нему церквями Анастасии Римлянки и Сергея Радонежского с Залужья. Член Псковского Губернского статистического комитета (1872), действительным член Псковского ЦАО (1881). Председатель ЦАК с 1908 г. Автор программы по написанию истории Псковской епархии и историко-статистического описания приходов Псковской епархии (1910).
- ⁴¹ Серебрянский Николай Ильич (1872—1940), русский богослов-историк, преподаватель в Торопецком ДУ (1899) и Псковской ДС (1903). Его магистерскую диссертацию была отмечена премией митрополита Макария (1910). Научный сотрудник Славянского отделения Библиотеки академии наук в Ленинграде (1925). В 1930 г. репрессирован, умер в Сиблаге.

- 42 Лавровский Михаил Ипполитович (1857 — не ранее 1918), протоиерей, преподавателем Псковской духовной семинарии, заведовал семинарской библиотекой. Настоятель Псковского кафедрального собора с назначением его цензором (1895). Непременный член Совета Псковского ЦАК с 1908 г.
- 43 Архимандрит Макарий (Воскресенский Михаил Федорович; 1866—1931), архимандрит Александро-Невской Свято-Троицкой Лавры, благочинный монастырей и епархиальных подворий Петербурга и его окрестностей (1905), архивариус и библиотекарь Лавры (1912). В 1924 г. арестован и приговорен к двум годам в Соловецком лагере.
- 44 Митрополит Вениамин (Василий Павлович Казанский; 1873—1922), митрополит Петроградский и Гдовский (1910—1917), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1905). Расстрелян в 1922 г. Прославлен в лике святых в 1992 г.
- 45 Ласкин Андрей Филиппович (1800—1884), протоиерей (1828), священник Екатерининского собора в Луге, благочинный священник (1827—1872). Член Комиссии по построению Воскресенского собора г. Луги.
- 46 Братолюбов Алексей Васильевич (1859—1908), протоиерей (1903), настоятель Екатерининского собора Ямбурга (1896), Преображенского собора Нарвы (1905), благочинный первого благочиннического округа Ямбургского уезда (1889—1908).
- 47 Милорадович Григорий Александрович (1839—1905), граф, флигель-адъютант, генерал-майор Свиты Его Императорского величества, генерал-лейтенант, сенатор, историк и генеалог. Почетный член Черниговского статического комитета (1882), действительный член ЦАО при Киевской духовной академии (1883). Черниговский губернский предводитель дворянства (1890—1896), почетный член Черниговского губернского статистического комитета, председатель Черниговской ГУАК.
- 48 Богословский Иван Николаевич (1858 — около 1923), преподаватель Ростовского ДУ (1883). Сотрудник Ростовского музея церковных ценностей. В 1923 г., при подведении итогов работы музея за 40 лет, Богословский был причислен к тем немногим, кто «вынес на своих плечах организационную и долгое время собирательскую и экспозиционную работу и при том совершенно безвозмездно». См.: *Мельник А.И.* Н. Богословский (имя в истории музея) // Ростовский гражданин. № 23. 07.06.1991.
- 49 Великорецкий Николай Авраамиевич (1850 —?), учитель Ярославского ДУ (1879), Новинской учительской семинарии Угличского уезда (1885). Впоследствии протоиерей, священник Воскресенского собора в Мологе.
- 50 Сретенский Леонид Васильевич (1848 —?), священник церкви села Скобеево Пошехонского уезда (1874), впоследствии протоиерей, настоятель Воскресенского собора в Романов-Борисоглебске, благочинный. Действительный член Ярославской архивной комиссии.
- 51 Розин Валентин Стефанович (1842 —?), священник церкви с. Сумаково Романов-Борисоглебского уезда (1868), с. Рождествено Ростовского уезда (1870), Леонтьевской кладбищенской церкви в Ярославле (1875), церкви Казанского женского монастыря в Ярославле (1883), ключарь Успенского кафедрального собора (1898).

Часть третья

Изобразительное и декоративно-прикладное искусство

Е.П. Васильева

О предыстории памятника М.Д. Скобелеву в Москве

Москвичам хорошо знакома площадь в центре города напротив Государственной думы с памятником Юрию Долгорукому, который обосновался здесь сравнительно недавно, в 1950-е гг. Но когда-то на этом месте возвышался конный монумент генералу русской армии Михаилу Дмитриевичу Скобелеву (1843—1882). Сегодня это имя полузабыто, в свое же время (в конце XIX в.) оно было увенчано лаврами национального героя, ассоциировалось с непобедимостью и славой русского оружия¹. История памятника известна, но мало кто знает, что московский всадник имел предысторию². Первые попытки реализации идеи его сооружения были предприняты далеко от Москвы, в Белой Руси, в районе дислокации 4-го армейского корпуса, которым когда-то командовал М.Д. Скобелев.

Вопрос об увековечении памяти героя возник в 1882 г. сразу же после смерти полководца. Уже через неделю в заседании Государственной думы было принято единогласное решение о проведении мемориальных мероприятий, в их числе — «поставить в ПЕТЕРБУРГЕ, где будет признано удобным, памятник... и открыть на сооружение подписку по всей России, со стороны же Петербурга назначить на этот предмет 25 000 рублей»³. Решение, однако, по ряду причин не смогло быть выполнено.

Вновь проблема всколыхнулась в 1901 г. накануне 20-летия кончины генерала. Товарищ головы Санкт-Петербурга С.А. Тарасов направил в городскую управу заявление, в котором напоминались пункты решения 1882 г. и предлагалось возбудить ходатайство по их осуществлению. При этом указывалось и подходящее место⁴. Петербург готовился тогда к своему 200-летию юбилею. К этой дате завершалось строительство грандиозного Троицкого моста через Большую Неву⁵. Мост выходил обоими концами на обширные площади. На одной из них (со стороны Мраморного дворца) стоял памятник А.В. Суворову (1801) в образе античного бога войны Марса

работы М.И. Козловского. На противоположной площади, в пандан ему, предлагалось установить памятник Скобелеву. О конной фигуре речи тогда не было, но, по аналогии с Суворовым, предполагалась статуя в рост. В прессе началась полемика по этому поводу⁶. Но и на сей раз предложение осталось на бумаге.

Идея, тем не менее, не заглохла. Эхо ее отозвалось в бывших скобелевских войсках: раз невозможно воздвигнуть памятник в столице, то в полках, где память о знаменитом военачальнике еще жива, он будет и уместен, и дорог. Зародившийся вопрос обсудили на собрании офицеров и постановили делать с них вычеты, чтобы собрать необходимую сумму. Некоторые средства доставили устроенные в частях концерты и вечера.

Но собранных денег оказалось недостаточно⁷. Тогда командир 4-го корпуса генерал Маслов обратился с рапортом от 11 сентября (24 по н. ст.) 1902 г. к командующему Виленским военным округом: «В войсках 4-го армейского корпуса, — докладывал Маслов, — ежегодно собирающихся на летние сборы в Скобелевском лагере, возникла мысль воздвигнуть в этом лагере памятник бывшему своему командиру, генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Ввиду сего ... испрашиваю Ваше высокопревосходительство об исходатайствовании высочайшего разрешения на открытие в частях войск подписки на постройку этого памятника»⁸. Далее последовало представление рапорта военному министру генерал-адъютанту А.Н. Куропаткину с просьбой повергнуть его на высочайшее благоусмотрение⁹. Рапорт был передан императору Николаю II. Однако государь, имея, видимо, собственный план на сей счет, не соизволил начинать подписку, сказав, что САМ позаботится об этом памятнике. И велел составить смету. Ответ, зарегистрированный в Журнале высочайших повелений за подписью Куропаткина¹⁰, был доведен до Штаба Виленского военного округа¹¹, и командующий округом обязал инициаторов разработать проект и смету¹².

Тогда же, в начале 1903 г., при Штабе 4-го корпуса Комиссией из старших чинов под председательством генерала Маслова был объявлен конкурс на проект памятника с назначением трех премий за лучшие работы из средств, собранных офицерами. По условиям конкурса надлежало представить Скобелева «в рост в произвольной позе, пешим». Допускались дополнительные фигуры (не более двух) или барельефы¹³. Обратим внимание, что опять о конной группе не говорилось. На конкурс поступило семь работ под девизами: «Ахилл»¹⁴, «Победа», «Россия», «За мной», «Орел», «С нами Бог», «Якорь». Но ни один из проектов не удовлетворил желаемой идее. До 1 июня (14 по н. ст.) 1904 г. они сохранялись в Штабе

4-го корпуса для востребования авторами¹⁵. В результате поощрили премией (вне конкурса) скульптуру капитана лейб-гвардии Литовского полка Фаддея Былевского¹⁶. Остальные деньги вернули офицером¹⁷.

Параллельно с организацией конкурса в 1903 г. генерал Маслов предусмотрел возможность (через окружное артиллерийское управление Виленского военного округа) безвозмездно использовать для ограды и других украшений памятника старый лом чугунных пушек с Бобруйского артиллерийского склада¹⁸. Необходимое количество лома (свыше 500 пудов) сохранялось для заказчика, по крайней мере, до 1910 г.¹⁹

В январе — феврале 1905 г. 4-й армейский корпус ушел воевать в Маньчжурию²⁰, но за месяц до отправки на фронт модель, фотографические снимки с нее и смета были доставлены автором Былевским в Санкт-Петербург. Модель установили для осмотра в скульптурной мастерской Ботта²¹. А генерал Маслов, будучи в Петербурге, посетил нового военного министра генерал-адъютанта В.В. Сахарова с докладом о сооружении памятника²². Фотоснимки же и смета были показаны начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом Ф.Ф. Палицыным Его Императорскому Величеству. Государь попросил передать их на освидетельствование в Академию художеств. Академия признала проект неудовлетворительным с художественной точки зрения, а смету заниженной²³. Получив мнение специалистов, Николай II объявил, что не оставляет намерения о памятнике, но не по этому проекту²⁴.

Дальнейшая судьба памятника связывается на некоторое время с именем художника В.М. Пащенко²⁵, которому генерал Палицын поручил разработку проекта²⁶. Художник, преследуя свои творческие планы, в 1902—1907 гг. периодически работал в Париже²⁷. Известно, что оттуда он прислал в 1907 г. рисунки-наброски памятника²⁸. Полностью же ни проект, ни смета, по-видимому, так и не были им закончены.

В августе 1907 г. новый командующий 4-м армейским корпусом, генерал Н.А. Кашталинский, вторично возбуждает вопрос о памятнике письмом к начальнику Главного штаба генералу А.Е. Эверту, которое заканчивалось испрошением совета: «Не признаете ли, Ваше превосходительство, возможным вновь доложить все дело военному министру?»²⁹. Начальство к этому времени на всех уровнях сменилось, но и этот состав заинтересовался предложением о памятнике. В начале 1908 г. генерал от инфантерии Палицын, остававшийся на своем посту и знавший все подробности прежней переписки, составил всеподданнейший доклад³⁰, который и был

доложен императору 26 февраля (11 марта по н. ст.) 1908 г. С этой даты принято вести отсчет истории московского монумента³¹, так как на этом документе была начертана высочайшая резолюция о подписке³². Первым жертвователем стал великий князь Николай Михайлович, выделивший из личных средств 100 рублей³³. В то же время, согласно царскому желанию, месторасположением памятника была определена Москва, а не столица, как предполагалось в 1882 и затем в 1901 г., и не периферия (Белоруссия), как того добивался на протяжении шести лет (1902—1907) офицерский состав бывшего скобелевского корпуса.

И здесь нужно заметить, что не будь этого настойчивого многолетнего напоминания, этой «инициативы снизу»³⁴, возможно, забылась бы одна из страниц русской истории, связанная с личностью выдающегося полководца. Но и роль императора в поощрении памяти генерала Скобелева была ощутима.

Не этот ли «московский вариант» имел в виду Николай II, когда дважды воздерживался от положительного решения о памятнике? Фактически все ключевые организационные моменты совершались по воле Его Императорского Величества. Когда начались дебаты о месторасположении памятника в Москве, Государю благоугодно было написать на докладе военного министра от 4 ноября (17 по н. ст.) 1909 г.: «На Тверской площади»³⁵, что сразу прекратило споры и повернуло дело в практическое русло. В конце 1911 г., когда шло уже строительство, но не хватало до необходимой суммы около 30000 рубл., «Его Императорскому Величеству благоугодно было все милостивейше выделить 10000 р. из Кабинета Его Императорского Величества к собранным на покрытие памятника суммам»³⁶. Ему же, по-видимому, принадлежала мысль о всаднике. Ни рисунки художника Пашенко, ни модель и фотографии капитана Былевского не сохранились (по крайней мере, пока не обнаружены), но все время подразумевалась статуя, пешая фигура³⁷. И только у Палицына впервые испрашивается высочайшее подтверждение на основную композицию памятника — верхом³⁸.

Так, идея местного порядка, реализовавшись в древней столице русского государства, приобрела общероссийское значение, став символом более высокого уровня, нежели простой «памяткой» войскового подразделения.

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич — генерал от инфантерии Свиты Его Императорского Величества (1843—882). Из ряда переизданий и новых монографий последних лет можно почерпнуть библиографию о полководце: Михаил Скобелев. Сборник / Сост. И.Д. Носков. М.: Новатор,

- 1997; Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. М., 1998; Костин Б.А. Скобелев. М.: Молодая гвардия, 2000 (ЖЗЛ); Скобелев Михаил Дмитриевич. Слово генерала. Слово современника. Слово потомков / Сост. и автор вст. ст. С.Н. Семаков. М.: Русский Мир, 2000. («Русский Мир в лицах»); Глуценко Е.А. Строители империи: Портреты колониальных деятелей. М.: Изд. дом XXI век — Согласие, 2000. С. 177—290; он же. Герои империи: Портреты российских колониальных деятелей. М.: Изд. дом XXI век — Согласие, 2001. С. 204—343.
- 2 Зайцев М.С. Судьба памятников «Белому генералу» // Московский журнал. 2000. № 7. С. 55—59. Виноградов Н.Д. Воспоминания о монументальной пропаганде в Москве // Искусство. 1939. № 1. С. 32. Из хроники того времени: Новые в Москве памятники: императору Александру III и М.Д. Скобелеву // Известия Общества преподавателей графических искусств. (М.), 1912. № 6—7. С. 294. Открытие памятника М.Д. Скобелеву // Исторический вестник. (СПб.), 1912. Август. № 8. Раздел «Смесь». С. 769—771.
- 3 Цит. по: Об установке в Санкт-Петербурге памятника М.Д. Скобелеву // Новое время. (СПб.), 1901. № 903. 21 апреля (4 мая). С. 4, 3-я колонка слева.
- 4 Там же.
- 5 К 300-летию Санкт-Петербурга в 2003 г. была произведена не менее грандиозная переборка и реконструкция Троицкого моста, которому вернули его прежнее название (вместо советского «Кировского»).
- 6 О памятнике Скобелеву // Новое время (СПб.), 1902. № 9563. 18 (31) октября. С. 3. Еще о памятнике Скобелеву // Новое время (СПб.), 1902. № 9658. 23 октября (5 ноября). С. 3.
- 7 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 1.
- 8 РГВИА. Ф. 401. Оп. 5 доп. Д. 593. Л. 1. Место военных сборов, именуемое Скобелевским лагерем, находилось близ станции Барановичи Полесских железных дорог (там же. Л. 3). Штаб корпуса располагался у станции Лесная Минской губернии Московско-Брестской железной дороги, в 21 версте от Барановичей. См.: Зодчий. (СПб.), 1903. № 14. С. 191. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 9 — Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. Гл. VIII — Железные дороги, расходящиеся от Москвы и некоторые примыкающие к ним линии. С. 436. Не путать с д. Лесной в Могилевской губ., где в 1708 г. произошла знаменитая победоносная битва Петра I со шведами, предтеча Полтавской виктории (там же. Гл. IX — Пути, расходящиеся от Петербурга и Риги. С. 484).
- 9 РГВИА. Ф. 401. Оп. 5 доп. Д. 593. Л. 2.
- 10 Там же. Л. 3.
- 11 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 1.
- 12 Там же. Л. 2 об.
- 13 Зодчий. (СПб.), 1903. № 14. С. 191.
- 14 Под тем же девизом проходил проект С.А. Евсеева, одного из призеров конкурса 1910 г. на конный памятник Скобелеву в Москве («Искры», 1910. № 24. С. 186: ил.). Возможно, это тот же скульптор.
- 15 Русский инвалид. 1904. № 62. С. 5.
- 16 РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 74. Л. 2. Былевский Фаддей — учился рисованию и живописи в Варшавских рисовальных классах в 1888—1891 гг.

- 17 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 2 об., 3, 3 об.
18 Там же. Л. 2, 7–8.
19 Там же. Л. 15, 16.
20 Там же. Л. 2 об.
21 РГИА. Ф. 472. Оп. 38/417 (1937). Д. 8. Л. 5, 25, 28. Ботта Грациозо (Франческо) — швейцарский подданный, скульптор и владелец мастерской мраморных скульптурных изделий, в 1888 г. удостоился звания Поставщика высочайшего Двора с правом государственного герба на вывеске. См.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. Т. 2. М., 1972. С. 53.
22 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 2 об.
23 По смете Былевского на памятник требовалось от 50 400 до 83 400 руб. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 3 об.). По смете на уже строящийся памятник в 1911 г. требовалось 152 000 руб. (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1308. Л. 15 об.). Следует учесть, что памятник в армейском лагере предполагался более скромным и камерным, нежели столичный конный монумент, поэтому смета могла вполне ему соответствовать.
24 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 3 об.
25 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. «И»-99. Л. 2. Оп. 14. Д. «П»-100. Л. 1 об., 6, 7, 7 об., 9; Ф. 468. Оп. 42. Д. 1423. Л. 15. Пашенко Владимир Михайлович — художник-скульптор, в 1890 г. выполнил по заказу императора Александра III в Риме монументальную скульптуру «Защита знамени», установленную в Петербурге в вестибюле Штаба войск гвардии.
26 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 3 об., 4.
27 РГИА. Ф. 565. Оп. 14. Д. 114. Л. 58, 190.
28 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 11, 11 об.
29 Там же. Л. 1 об., 2, 2 об.
30 РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3130. Л. 1; доклад — л. 2, 2 об., 3, 3 об. Текст доклада был затем размножен и прилагался ко всем бумагам по инстанциям, имеющим отношение к сооружению памятника. См., например, письмо начальника Генерального штаба генерала от инфантерии Палицына к военному министру А.Ф. Редигеру от 7 марта (20 по н. ст.) 1908: «Милостивый Государь Александр Федорович! Препровождаю для сведения копию моего доклада от 26 февраля 1908 г. о постройке памятника М.Д. Скобелеву в Москве».
31 *Зайцев М.С.* Судьба памятников «Белому генералу» ... С. 56; Русский инвалид, 1908. № 58 от 11 (24) марта. С. 2.
32 РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1308. Л. 1. Сразу же циркуляр о подписке и подписные листы были разосланы по военным округам. Приведем пример одного из писем, направленных начальником Николаевской Академии Генерального штаба Д.Г. Щербачевым, которому вменялось руководство всеми работами, к начальнику Штаба Казанского военного округа Н.Е. Светлову от 12 марта (25 по н. ст.) 1908 г.: «Милостивый государь Николай Егорович! Ввиду последовавшего 26 февраля 1908 г. Высочайшего соизволения на возведение памятника М.Д. Скобелеву в Москве, прошу Ваше превосходительство не отказать в распоряжении об объявлении об этом в войсках округа и об организации, если найдете возможным, пожертвований ... с высылкой ... в Николаевскую академию Генерального штаба» (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 112. Л. 133; доклад Палицына — л. 134, 134 об., 135, 135 об.).

- ³³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1308. Л. 2, 3, 4. Великий князь Николай Михайлович (1859—1919; расстрелян в Петропавловской крепости). Для сравнения можно привести такую цифру: со всего Казанского военного округа за два года (1908—1909) было собрано по подписке 254 р. 44 к. (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 112. Л. 156, 157, 161).
- ³⁴ Ссылаясь на газету «Русское слово» за 1911 г., М.С. Зайцев приводит в своей статье (Судьба памятников «Белому генералу» ... С. 56) факт существования в 1907 г. также и в Москве общественной инициативы о памятнике в своем городе, которая, впрочем, в первой же инстанции поддержки не получила.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1308. Л. 15.
- ³⁶ Об этом уведомлял от 13 декабря (26 по н. ст.) 1911 г. начальник Канцелярии императора в Ливадии князь В.Н. Орлов Председателя Комиссии по сооружению памятника начальника Николаевской военной академии генерала Д.Г. Щербачева (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1307. Л. 16).
- ³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3016. Л. 2 об. В 1905 г., когда в Петербург была доставлена модель капитана Былевского, в Штаб 4-го корпуса последовала телеграмма с запросом, был ли одобрен проект, на что в ответной телеграмме доносилось, что статуя одобрена Комиссией начальствующих лиц Скобелевского лагеря, а пьедестал — командиром корпуса.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 112. Л. 135 об.

Н.И. Иорданская

Изразцы Покровского собора: история коллекции

В 2013 г. к фонду изразцов отдела керамики и стекла Исторического музея прибавилась небольшая коллекция русских изразцов середины XVII — конца XIX в., переданная из отдела «Покровский собор». Эта коллекция включает в себя два комплекса предметов: архитектурную керамику и печные изразцы. К первой группе относятся изразцы из внешнего декоративного убранства храма: детали композиции «Звезда» — как ранние XVI—XVII вв., так и выполненные в 1898 г. в Строгановском училище; архитектурные изразцы, например, рельефные расписные второй половины XVII в., украшавшие столбы здания; черепица разной формы, плиты и фрагменты храмозданной надписи (рис. 1, 2). Образцы архитектурной

Рис. 1. Изразец архитектурный рельефный. Россия. Вторая половина XVII в. Глина красная, поливы цветные. ГИМ

Рис. 2. Изразец архитектурный рельефный. Часть керамической надписи с буквами ГДЯ. Россия, Москва. Последняя четверть XVII в. Глина красная, эмали цветные. ГИМ

керамики, в том числе шесть фрагментов керамической надписи можно увидеть в постоянной экспозиции Покровского собора. Печная керамика представлена фрагментами нескольких печных наборов конца XVII — конца XVIII в. А также в этот комплекс входит одна целая печь, о которой подробно будет рассказано ниже. В настоящее время в коллекции насчитывается 1027 предметов, но это количество постоянно увеличивается, так как основным источником поступления в данном случае являются реставрационные работы, которые до сих пор регулярно проводятся в храме Василия Блаженного, начиная с XVII в.

Благодаря книге протоиерея Иоанна Иоанновича Кузнецова (1863—1923), настоятеля и историка храма, стало известно, что частого поновления требовали полы, вымощенные гжельской плиткой, изразцовые печи и особенно внешний керамический декор собора¹. Однако о сохранении древних изразцов, составляющих убранство храма Василия Блаженного, а тем более об их собирательстве, можно говорить, лишь начиная с конца 1890-х гг.

В 1876 г. для осмотра Покровского собора и принятия решения о его реставрации по инициативе Московского археологического общества была создана комиссия, в которую входили Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884), Иван Егорович Забелин (1820—1908), а также представители Общества древнерусского искусства и Московского общества архитекторов (например, Георгий Дмитриевич Филимонов (1828—1898), Николай Васильевич Никитин (1828—1913), Лев Владимирович Даль (1834—1878) и многие другие². К 1890 г. в храме начались реставрационные работы по проекту академика Андрея Михайловича Павлинова (1852—1897), в 1897 г. руководство перешло к архитектору Сергею Устиновичу Соловьёву (1859—1912). В процессе реставрации при осмотре главного шатра храма под железным покрытием, установленным еще в 1817 г., были обнаружены изразцы, сильно поврежденные от времени и условий бытования³. Комиссией Московского археологического общества было принято решение восстановить этот декор в прежнем виде, и в связи с этим в Строгановском училище были заказаны новые керамические детали. Древние изразцы были демонтированы и, по просьбе И.Е. Забелина, переданы «в хранилище Исторического музея, где они займут подобающее место как дорогие памятники древнего русского строительного искусства»⁴.

Формирование самостоятельной коллекции изразцов Покровского собора, как и остальных коллекций этого отдела ГИМ, началось в 1923 г., когда в храме был открыт музей, ставший в 1928 г. филиалом Исторического музея. До конца 1920-х гг. происходило

Рис. 3. Печь с гладкими расписными полихромными изразцами (вид с трех сторон). Россия. Середина XVIII в. ГИМ

перераспределение предметов, имеющих художественную и культурно-историческую ценность, поступавших в храм Покрова на Рву из ликвидированных церквей и монастырей. Кроме экспонатов, непосредственно относящихся к истории собора, найденных на его территории и пришедших из Музейного фонда, в коллекцию вошли предметы, купленные у частных лиц и вещи из частных собраний, полученные в дар (например, от А.М. Постникова и С.Г. Ярцева⁵).

В это же время, то есть в конце 20-х гг. прошлого века, в Покровском соборе появляется экспонат, который сейчас можно назвать одним из ярчайших во всем собрании изразцов Исторического музея. Это изразцовая голландская⁶ печь середины XVIII в., которая была сложена в служебном помещении на втором ярусе колокольни с целью отопления. И действительно топилась (рис. 3).

Следует кратко затронуть тему истории системы отопления в Покровском соборе. До конца XIX в. этот храм, как и любое сооружение средневековой Руси, мог отапливаться только печами. Как пишет Иоанн Иоаннович Кузнецов к 70-м гг. XVIII в. в соборе

образовалось 18 отдельных храмов, каждый со своим причтом, который больше заботился об удобстве своих прихожан, чем о сохранности и красоте памятника в целом: «Нужно было известному храму собора пробить у себя новое окно, дверь или заложить прежние — пробивали и закладывали; нужно было для увеличения помещения, для большего простора своим богомольцам занять примыкающую к этому храму площадку или часть прохода — занимали, иногда даже делали переборку. <...> А для еще большего удобства своего и своих богомольцев перегородки в коридорах обивали войлоком, ставили в храмах печи, проводили трубы и в новообразованные помещения храмовые, а чтобы тепло не уходило вверх, на высоте первого яруса храма подделывали потолок.»⁷ Также известно, что нижний этаж собора отапливался голландскими печами и печами Утермарка до 1870-х гг., когда было устроено духовое (или воздушное) отопление, замененное в 1896 г. водяным⁸. То есть на протяжении длительной истории памятника в нем находилось от одной до двух десятков печей различной конструкции, в том числе и изразцовые печи, которые с течением времени разбирались, перекалывались, переносились и т.д. Очевидно, фрагменты наборов некоторых из этих печей находятся сейчас в фонде изразцов, переданных из отдела «Покровский собор» ГИМ (рис. 4).

В 1920—1941 гг. была проведена крупномасштабная реставрация Покровского собора с целью устранения повреждений, полученных зданием в ходе революционных боев в Москве 28 октября — 3 ноября 1917 г., а также возвращения храму исторического облика. В первую очередь было расселено общежитие, а также разобраны деревянные надстройки и перегородки. Из документов того времени не ясно, была ли затронута реконструкцией отопительная система основных помещений собора. Однако известно, что было уделено много внимания отоплению колокольни. После организации музея в Покровском соборе первый ярус колокольни был приспособлен под канцелярию, а второй — под Отдел архитектуры⁹. Сначала в нижнем ярусе разобрали старые печи: их было две — голландская и русская; затем были пробиты новые дымоходы и сложены две голландские печи: одна на первом ярусе колокольни, другая — на втором¹⁰. В настоящее время на первом ярусе печь отсутствует, и судьба ее неизвестна.

Сотрудники топили печи наряду с использованием керосиновых и электронагревательных приборов, вероятно, до середины 1950-х гг. Тогда перед руководством музея встал вопрос о налаживании и поддержании в Покровском соборе температурно-влажностного режима. В связи с этим реставраторами было проведено обследо-

Рис. 4. Изразцы печные рельефные полихромные. Лицевой и поясковый. Россия. Вторая половина XVII в. Глина красная, поливы цветные. ГИМ

вание старой системы водно-воздушного отопления, в результате которого она была признана не годной к эксплуатации¹¹. В 1956 г. были проложены подземные коммуникации, и Покровский собор подключился к тепловой сети Мосэнерго.

В настоящий момент в собрании изразцов Государственного исторического музея хранятся две целиком собранные печи: в Софьиных палатах Новодевичьего монастыря и в колокольне храма Покрова на Рву.

Печь середины XVIII в. была сложена в служебном помещении Покровского собора в 1929 г. при проведении реставрационных ра-

бот в 1920—1930-х гг., которыми руководил архитектор Дмитрий Петрович Сухов (1867—1958). О нем известно, что он «даже материалы для реставрации собора зачастую применял древние, сохранившиеся от зданий и гробниц XVI—XVII вв.»¹². В этом же ключе им был решен вопрос с отоплением колокольни. Печи должны были не только справляться со своей прямой функцией, но и служить историко-художественными экспонатами. В 1928 г. из Покровского собора в Государственный Ленинградский музейный фонд поступил запрос с просьбой передать «десять паникадил древних из Аничковского [Аничкова. — Н.И.] дворца, шесть лампад и старинную изразчатую печку»¹³. Этот запрос либо не был удовлетворен, либо печь из Аничкова дворца позже была разобрана. Но на втором ярусе колокольни была поставлена другая печь.

В архиве Покровского собора имеются документы, проливающие свет на источник поступления этого экспоната. Счет на 30 рублей от 14 сентября 1929 г., выставленный господином Артемовым Алексеем Петровичем, сообщает, что: «Разобрана в б. [бывшем. — Н.И.] Щукинском музее, на малой Грузинской улице облицовка печи со всеми предосторожностями от повреждений тщательно сняты древние, живописные изразцы, очищены от глины и уложены в ящики со снятием рисунка и записью изразцов под №№»¹⁴.

По адресу: Малая Грузинская улица дом 15 располагался музейный комплекс, в котором Петр Иванович Щукин разместил свою знаменитую коллекцию, подаренную им в 1905 г. Российскому историческому музею (РИМ). После смерти собирателя в 1912 г. Музей П.И. Щукина был закрыт. В 1917 г. коллекция была вывезена, и в 1918 г. в доме на Малой Грузинской был организован филиал Исторического музея — Музей старой Москвы. После 1925 г. здание занимал музей Центрально-промышленной области, пока в 1934 г. весь комплекс строений на Малой Грузинской не был передан Биологическому музею имени К.А. Тимирязева.

Учитывая, что в 1929 г., когда рассматриваемая нами печь появилась в Покровском соборе, храм уже год как стал филиалом ГИМ, не удивительно, что руководство воспользовалось возможностью украсить помещения новообразованного музея предметами из щукинской коллекции, первоначально не записанными в музейный фонд. То, что изразцовая печь из колокольни Покровского собора принадлежала знаменитому коллекционеру, не вызывает сомнений. В «Кратком описании Щукинского музея в Москве»¹⁵, составленным самим П.И. Щукиным в 1895 г., имеется фототипия с изображением комнаты в нижнем этаже дома на Малой Грузинской улице, на которой видна печь, своей конфигурацией и типом облицовки

вающих ее изразцов похожая на вышеописанную нашу. Из того же «Описания», а также из «Воспоминаний» Щукина известно, что в здании находилось две изразцовые печи. Петр Иванович так пишет об одной из них: «В углу поставили печку из изразцов конца XVIII века, Мусин-Пушкинского завода, покрытых белой и зеленой поливой, с изображением людей и животных и с различными надписями: „Весело играю всегда“, „Сие мне угодно“, „Заяц дики“, „Знаю место свое“, „Крепко караюлю“ и т.п.»¹⁶. Во время вывоза щукинской коллекции Историческим музеем в 1917 г. ни одна из этих печей не была разобрана. Более того, в опись коллекции, составленной в 1905 г. при передаче ее ГИМ печные наборы не были включены. В целом описи собрания Щукина разных лет не дают оснований предполагать, что проводилось систематическое собирательство русских изразцов.

Безусловно, П.И. Щукин, как яркий и активный деятель своего времени, был вовлечен в общий культурно-исторический процесс, подразумевающий интерес к национальному наследию и «российским древностям». Благодаря Щукину фонды Исторического музея пополнили многочисленные произведения русского прикладного искусства: фарфор и фаянс, серебряная и медная утварь, костюм, мебель и пр. По каким-то причинам изразец не интересовал Петра Ивановича как предмет коллекционирования, но можно предположить, что используя изразцовые печи в качестве антуража для интерьеров своего музея «Российские древности», собиратель, таким образом, отдавал дань русскому изразцу, как произведению отечественной художественной культуры.

Итак, изразцовая печь в Покровском соборе по своим конструктивным характеристикам является голландской печью. Она расположена слева от входа, одной из сторон примыкает к стене, стоит на невысоком фундаменте. Квадратная в плане, имеющая высоту 240 см (не считая пирамидального навершия) и ширину фасада около 96 см, печь состоит из цоколя, трех ярусов и «короны». Ярусы сужаются сверху, разделены выступающими карнизами; фасады имеют функциональные отверстия, закрытые металлическими деталями: отдушник на левом фасаде; прочистная дверца на правом фасаде и на центральном — отдушник в небольшой полукруглой нише; в нижней части — дверцы топки и поддува.

Согласно классификации печных наборов, предложенных Ниной Израилевной Немцовой, данную печь можно отнести к барочному типу, с облицовкой гладкими расписными изразцами¹⁷. Комплект состоит из 308 предметов, в это число входят 7 подобранных изразцов из печных наборов более позднего времени и 84 предмета,

Рис. 5. Изразец печной гладкий полихромный «Ярость предо укма стое». Россия. Середина XVIII в. Глина красная, эмали цветные. ГИМ

являющихся доделками в материале (они выполнены из обожженной глины). Таким образом, облицовочный набор на две трети состоит из изразцов середины — второй половины XVIII в.

Подобранные и доделанные изразцы покрыты гипсом и росписью, имитирующей декор предметов основного комплекта. Счет от 30 сентября 1929 г., выставленный музеем собора Василия Блаженного печником Алексеем Ивановичем Плетневым, сообщает: «Сделана вновь голанская печь и облицована древними изразцами в помещении верхняго этажа, под Колокольной, с разделкой гипсом, добавлением новаго кирпича, подкраской и разрисовкой всех швов и добавочных изразцов»¹⁸. При сравнении печи из дома № 15 по Малой Грузинской улице и печи, поставленной в колокольне Покровского собора, в первую очередь бросается в глаза различное положение сооружений в помещении: в первом случае печь угловая, во втором она имеет три полноразмерных фасада. При том, что профиль и количество рядов в целом совпадают, становится понятной необходимость включения в комплект дополнительных предметов.

Роспись изразцов выполнена зеленой и коричневой эмалями по белому фону, композиции характерны для русского производ-

Рис. 6. Изразец печной гладкий полихромный «Прилучися zde сеvти». Россия. Середина XVIII в. Глина красная, эмали цветные. ГИМ

ства середины — второй половины XVIII в. Детальное рассмотрение и сравнительный анализ росписи показали, что комплект изразцов, составляющих декоративное оформление печи, представляет собой не единый набор, но компиляцию из нескольких наборов приблизительно одного времени изготовления и с одним типом росписи. Можно выделить три основные группы:

1) изразцы с тщательно и тонко выписанными фигурами и аккуратным картушем с четко прописанной подписью на зеленом поле с ровными краями (рис. 5).

2) изразцы с декором, выполненным небрежно, где картуш потерял изначальную форму, а подпись — четкость, при этом зеленое поле оформлено тройными фестонами по бокам (рис. 6).

3) изразцы с фигурами, исполненными обобщенно, в данном случае картуш с подписью расположен на зеленом поле с ровными краями, после текста подписи стоит многоточие и в конце буква (юс малый), которая может являться подписью мастера (рис. 7).

Кроме того, в комплекте находятся одиночные изразцы середины — второй половины XVIII в., тип росписи которых совпадает или близок к типу росписи основного объема предметов.

Рис. 7. Изразец печной гладкий полихромный «Скоро мне надо». Россия
Середина XVIII в. Глина красная, эмали цветные. ГИМ

Сотрудники музея продолжают исследования по поиску графических источников росписи на изразцах печи. На сегодняшний день с определенностью можно сказать, что в качестве источника в данном случае знаменитые «Символы и эмблемата» не использовались, но было найдено несколько сюжетов и отдельных фигур, заимствованных из так называемых Библии Пискатора (1643)¹⁹ и Библии Схюта (1659)²⁰, изданных в Амстердаме²¹.

Подобные печные наборы находятся в собраниях многих музеев нашей страны: Государственном Эрмитаже, Государственном Русском музее, Российском этнографическом музее, музее-заповеднике Коломенское и др.

Один из аналогов данному памятнику — это печь из дома купцов Тулубенских в селе Красноборск Архангельской области. В советское время она была разобрана, часть изразцов этого набора находится в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Впервые памятник был опубликован в 1916 г. в книге «Старинные красноборские печи» Ивана Васильевича Евдокимова (1887—1941)²². В этом небольшом обзоре упоминается три печи из дома Н.А. Тулубенского, поставлен-

ные, по мнению автора, в 1834 г. Евдокимов подробно останавливается на одной из этих печей, которую называет «высокой и стройной, напоминающей классическую колонну»²³. Он пишет: «По белому изразцу раскиданы стройно и уверенно изображения людей, птиц, зверей с соответствующими надписями. Рисунок сделан зеленой краской и темно-коричневой. Подписи темно-коричневой краской. По боковым граням печки поставлены раскрашенные балясинки. Вверху, в середине и внизу находим выступающие карнизки с изображением зверей и птиц»²⁴. То есть печь из дома Тулубенских сложена из изразцов с тем же типом росписи, что и печь из колокольни Покровского собора. Конструкции этих печей также относятся к одному типу, то есть барочному. Красноборская печь, в отличие от московской, является угловой, но разделена на ярусы по такому же принципу; комплекты изразцов обеих печей в целом совпадают.

Таким образом, представленный аналог расширяет представления о том, как могла трактоваться декоративная композиция печи в рамках печного набора одного типа изразцов.

История поступления изразцовой печи в коллекцию Покровского собора является яркой иллюстрацией процесса комплектования русских музейных собраний в 1920-е гг. Что же касается фонда изразцов Покровского собора, то в первую очередь в те и многие годы после речь шла о спасении и сохранении таких памятников древнерусского искусства, как иконы, лицевое шитье, богослужебные книги, различная церковная утварь и т.п. Изразцы как предметы музейного хранения начинают фигурировать в архивных документах лишь в связи со сверками учета и созданием новой учетной документации в 1960-х гг. Первые точные данные по количеству единиц хранения изразцов в собрании Покровского собора были получены в 1966 г. — 447 предметов, не считая фрагментов²⁵. В Главную инвентарную книгу ГИМ изразцы были записаны в 1976 г. И здесь стоит с благодарностью вспомнить главного хранителя фондов Покровского собора Любовь Сергеевну Успенскую (1941—2015), благодаря которой эта работа была организована и проведена.

В 2007 г. руководством Исторического музея было принято решение об освобождении помещений Покровского собора от фондовых предметов и перемещении их в профильные отделы ГИМ. Таким образом в 2013 г. коллекция русских изразцов середины XVII — конца XIX в. поступила в отдел керамики и стекла. В настоящее время, спустя почти столетие после образования музея в храме Покрова на Рву, началось активное изучение его коллекции изразцов, которая в 2021 г. была полностью описана, и все 1027 предметов получили номера Государственного каталога РФ.

Печь середины XVIII в. — один из уникальных памятников, и установление его происхождения из музея Петра Ивановича Щукина имеет большое значение для истории комплектования собрания изразцов Исторического музея, так как существенно расширяет объем предметов щукинской коллекции, которая составила основу большинства фондов русского декоративно-прикладного искусства ГИМ.

- ¹ *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве: Очерк монументальной истории собора // Труды ГИМ / Гос. ист. музей, Рос. гос. Б-ка. М.: Гос. ист. музей, 2022. Вып. 218.
- ² *Баталов А.А.* К вопросу о становлении системы охраны памятников и реставрации в России в XIX — начале XX века // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: Сб. статей по материалам научной конференции (25—28 мая 2010 года) / Гос. Третьяковская галерея; редкол.: Е.В. Буренкова, Е.В. Гладышева, Л.В. Нерсисян (отв. ред.). М.: ИНИКО, 2012. С. 594.
- ³ АПС. Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. Историческая справка. Глава 2. Том 2. Книга 1.5. История строительства, перестроек и реставрации Покровского собора на Рву в XVI—XX вв. Шифр 36. Инв. № 812. М., 2003. С. 123.
- ⁴ АПС. П. 1/42. Письмо в комиссию по реставрации Покровского собора из Российского исторического музея. 15 октября 1897 г.
- ⁵ *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 45.
- ⁶ В данном случае термин «голландская» используется для определения типа конструкции печи.
- ⁷ *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве... Труды ГИМ. Вып. 218. М., 2022. С. 184.
- ⁸ Там же. С. 230.
- ⁹ АПС. П. № 3/1. Л. 65.
- ¹⁰ АПС. П. № 3/2. Л. 134, 149об.
- ¹¹ АПС. П. № 3/15. Л. 12.
- ¹² *Тимофеева Н.Н.* Из истории реставрации Покровского собора в 1920—1930-е годы // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 149: Забелинские научные чтения — 2004. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры / отв. ред. д.ист.н. В.А. Егоров. М.: Гос. ист. музей, 2005. С. 197.
- ¹³ АПС. П. № 4/1. Л. 60.
- ¹⁴ АПС. П. № 3/2. Л. 174.
- ¹⁵ *Щукин П.И.* Краткое описание Щукинского музея в Москве, составленное П.И. Щукиным. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895.
- ¹⁶ *Щукин П.И.* Воспоминания: Из истории меценатства России / [П.И. Щукин]; с предисл. и под ред. С.О. Шмидта; сост. Н.В. Горбушина; Гос. ист. музей. М., 1997. С. 207.
- ¹⁷ *Немцова Н.И.* Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII—XVIII веков / [Разраб. Н.И. Немцовой]. М.: Об-ние «Росреставрация», 1989.

- ¹⁸ АПС. П. № 3/2. Л. 177.
- ¹⁹ *Theatrum Biblicum hoc est historiae sacrae veteris et novi testamenti per Nicolaum Johannis Piscatorem* / Николай Иоанн Пискаатор. Amsterdam, 1643. Библию напечатал Клас Янсзон Висхер (Claes Janszoon Visscher; 1587—1652) голландский гравёр, картограф и издатель. Она издавалась в Амстердаме в 1639, 1643, 1650, 1674 гг.
- ²⁰ *Toneel ofte Vertooch der Bybelsche Historien* / Cierlyck in't koper gemaect door Pieter H. Schut, ende in druck uytgegeven door Nicolaes Visscher. Amsterdam: Nicolaas (I) Visscher, 1659.
- ²¹ Атрибуция И.Е. Кулименевой, главного библиотекаря научной библиотеки Государственного Эрмитажа.
- ²² *Евдокимов И.В. Старинные красноборские печи* / Иван Евдокимов. Вологда: Волог. о-во изуч. Сев. Края, 1916.
- ²³ Там же. С. 4.
- ²⁴ Там же. С. 4—5.
- ²⁵ АПС. П. № 4/2. Л. 103.

А.Л. Махнырёв

Декор портфеля князя Г.А. Потёмкина как репрезентация личности великого сына России

В собрании Исторического музея находится большое количество меморий — личных вещей, принадлежавших выдающимся деятелям России в государственной, военной, культурной сферах. Среди них есть и портфель светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического (1739—1791) — фаворита и ближайшего сподвижника императрицы Екатерины Великой в течение многих лет. Г.А. Потёмкин руководил укреплением позиций Российской империи на берегах Черного моря, освоением и хозяйственным развитием земель Новороссии и присоединенного Крыма, что и в последние годы является одним из самых важных направлений политики для нашего государства. В связи с этим исследование памятников, связанных с личностью и деятельностью светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического, приобретает особую научную и общественную актуальность.

Не первый год портфель Потёмкина занимает достойное место в постоянной экспозиции музея¹. Его можно увидеть в зале, посвященном истории России второй половины XVIII в., в разделе, представляющем государственно-административные реформы императрицы Екатерины II. В этикетаже портфель атрибутирован как созданный в России в третью четверть XVIII в.; в изданиях Государственного исторического музея в качестве времени создания портфеля фигурирует «вторая половина XVIII в.»² (рис. 1).

Портфель выполнен из сафьяна, выкрашен в красный парадный цвет и имеет богатое шитье волоченым золотом и серебром³. Внутри с двумя отделениями и оклеенный зеленой тафтой, портфель не имеет ручки и предназначался для ношения его как папки для бумаг. Такой портфель мог носить за генерал-фельдмаршалом Г.А. Потёмкиным его ординарец.

Рассмотрим декор портфеля. На лицевой стороне портфеля среди вышитого растительного орнамента, характерного для ту-

Рис. 1. Портфель князя Г.А. Потёмкина. Османская империя. 1784/1785 г. Сафьян, тафта; шитье золотой и серебряной нитью. Вид с оборотной стороны. ГИМ

рецких тканей, присутствует короткая надпись на османском языке (письменном языке Османской империи, который широко использовался среди сановников, дипломатов, государственных служащих)⁴. Она выполнена с помощью арабской графики, которая с некоторыми модификациями применялась турками в своей письменности до 1928 г.

Надпись состоит из двух строк. Верхняя строка — «Исламбул (Исламбол)» — один из вариантов названия города Стамбула, присвоенный покоренному Константинополю еще Мехмедом II Завоевателем (Фатихом) и часто встречавшийся в Османской империи в XVIII в.

Нижняя строка — арабскими цифрами дано «1199», т.е. приведен год по хиджре (мусульманскому летоисчислению, начинающемуся с года переселения мусульманской общины под руководством пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, произошедшего в 622 г.). При переводе в христианское летоисчисление от Рождества Христова год на портфеле соответствует, прежде всего, 1785 г. (до 22 октября), однако начало 1199 г. по хиджре падало на 2 ноября еще 1784 г. (Все даты в настоящей статье приводятся по действовавшему в то время в России юлианскому календарю)⁵. Князь Г.А. Потёмкин, как известно, имел большое тяготение к восточной, особенно турецкой, тематике, привлекавшей его экзотичностью, яркой и изысканной роскошью. И действительно, обилие восточного декора портфеля переливается через край. Французский посол в России граф Л.Ф. де Сегюр, лично знавший Потёмкина по многочисленным дипломатическим переговорам и беседам, сравнивал его с «турецким... пашою»⁶.

Можно предположить, что портфель происходит непосредственно из Османской империи. Старший научный сотрудник отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа Н.Ю. Бахарева отмечает: «Благодаря Потёмкинским подаркам, монаршие покои наполнялись турецкой экзотикой. Он одаривал императрицу великолепными восточными коврами, мебелью и другими предметами обихода. Эти входившие благодаря Потёмкину в моду вещи отчасти являлись военными трофеями, отчасти покупались по его заказам. Потёмкин присылал императрице в дар сафьяны и ткани для платья, в его собственном гардеробе имелась одежда из „турецкой материи“»⁷.

Торговые агенты Потёмкина заказывали и закупали для него в Стамбуле и в других турецких городах роскошные вещи. Однако нельзя полностью исключать того, что портфель Потёмкина отечественного производства. Короткая османская надпись вполне могла быть воспроизведена и в России. Например, по изданию из обширной коллекции книг и гравированных альбомов об Османской империи, ее истории, географии, традициях, вооружении, собранной просвещенным князем в своей библиотеке, которая ныне хранится в Казанском (Приволжском) федеральном университете⁸. Стилизация под Турцию (стиль «тюнкери») была популярна как в искусстве тогдашней Европы, так и России, постоянно соприкасавшейся с османами в военных, дипломатических, торговых отношениях. Потёмкинский же интерес к турецкой теме имел еще и служебный характер: он обуславливался необходимостью осуществлять от имени императрицы военные и политические акции на Юге Российской империи. Из переписки Г.А. Потём-

кина с русским посланником в Стамбуле Я.И. Булгаковым известно, что Потёмкин еще в письме от 6 декабря 1782 г. имел «надобность в большом восточных языков господина Мининского», который, «переплетенный в 4 тома», посол для него нашел и отправил с курьером, о чем и сообщил в письме от 15 февраля 1783 г.⁹

28 декабря 1783 г. после блистательной военно-дипломатической операции под руководством Потёмкина по «приобретению» Крыма, в Стамбуле между Османской империей и Россией был подписан Акт «О мире, торговле и границах обоих государств». В данном соглашении, подписание которого было организовано также Потёмкиным, Османская империя признавала присоединение Крыма к Российской империи. 8 февраля 1784 г. Г.А. Потёмкин писал русскому послу Я.И. Булгакову в Константинополь, поздравляя его «с окончанием толь [так в тексте источника. — Прим. авт.] знаменитого дела», следующее: «Что, если я из Крыма на судне приеду к Вам в гости? Я без шуток хочу знать, можно ли сие сделать?..»¹⁰. Потёмкин хотел посетить Константинополь. 15 марта 1784 г. Булгаков разъяснил всю сложность подобного визита человека, которого турки считали виновником присоединения Крыма к России. «Вас почитают нашим Верховным Визирем», — прибавил посланник. Булгаков опасался того, что приезд князя «произведет суматоху в народе, коей и поныне еще Сераль и Порта [Двор султана и Правительство Османской империи. — Прим. авт.] опасаются...». По этой причине, а также в связи с распространением «язвы» (чумы) посол предлагал отсрочить визит Потёмкина «до будущего лета»¹¹.

В связи с этим, возможно, и связано появление у Потёмкина данного портфеля. Надпись «Стамбул» на портфеле как бы специально подчеркивала триумф Российской империей над Оттоманской Портой. Князем и императрицей в те годы прорабатывался геополитический «Греческий проект», предполагавший восстановление под покровительством России «Греческой империи» (Византии) во главе с внуком Екатерины II Константином. Но можно предположить, что надпись «Исламбул» (а не «Константинополь»!) и датировка по хиджре (а не по христианскому летоисчислению!), через демонстрацию уважения к туркам, были нацелены на желание длительного мирного сосуществования Российской и Османской империй. Возможно, изготовление данного портфеля было связано с планами на визит Потёмкина в Стамбул, дабы соответствовать тому значению «великого визиря», которое турки придавали князю, и в тоже время продемонстрировать уважение к соседу. В отличие, например, от бумажника турецкого производства из коллекции Государственного Эрмитажа с более типичной над-

Рис. 2. Портфель Г.А. Потёмкина. Фрагмент с османской и русской надписями. ГИМ

письму на французском «Constantinople» и годом по христианскому летоисчислению «1781», что, по мнению старшего научного сотрудника отдела русской культуры Ю.В. Плотниковой, является датой покупки¹². В связи вышеупомянутым, представляется совсем не случайным то, что османская надпись вышита именно на лицевой стороне портфеля и тем самым фактически оказывалась выставленной на всеобщее обозрение (рис. 2).

Османская надпись — не единственная надпись, выполненная на портфеле. На внутренней стороне клапана портфеля и верхней части лицевой стороны, прикрытой клапаном, вышита волоченым золотом владельческая надпись на русском языке, занимающая це-

лых 14 (!) строк. Цитируем ее полностью (с разбивкой по строкам, как на портфеле, с сохранением орфографии оригинала):

«ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ / ГОСУДАРЫНИ МОЕЙ ОТЪ АРМІИ генеральфельдмаршалъ, главнокомандующъ / иъ легкою конницею регулярно и Нерегулярною и многими другими / Военными силами Государственной коллегіи президентъ, Екатеринослав / скій и Таврической Генераль-Губернаторъ, Ея Величества Генераль- / адъютантъ, Действительный камергеръ, Войск Генерал-инспектор, лейбъ- / гвардіи Преображенскаго полку Подполковникъ, корпуса Кавалергардовъ / и Новотроицкаго кирасирскаго полку шефъ, мастерской Оружейной / палаты Главный Начальникъ и Орденовъ российских Св. Апостола / Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Великомученика / и победоносца Георгия, Св. равно-апостольнаго князя Владимира, / Великих крестов королевских: Пруссаго Чернаго Орла, Датскаго / Слона, Шведскаго Серафима, польскихъ Белаго Орла, Св. Станислава и / Великокняжескаго Голстинскаго Св. Анны Кавалеръ».

Итак, перед нами надпись, в которой приводится титулование Г.А. Потёмкина через перечисление его чинов, должностей и регалий. Бросается в глаза наличие в надписи грубых ошибок в слове «Императорскаго» (нужно «Императорскаго»), «Пруссаго» (вместо «Прусскаго»), а также неточности в названии Шведскаго ордена (дано «Серафима», а нужно «Серафимов»). Это может свидетельствовать о плохом знании русского языка тех мастеров, что вышивали надпись (могли им вообще не владеть, будучи иностранцами, либо были русскими, но неграмотными) или о спешке (возможно, изготовление портфеля было приурочено к какому-либо мероприятию) и невнимательности в процессе составления текста для вышивки, либо самого процесса вышивки. Не исключено, что вышитая владельческая надпись, как и герб, о котором упоминается дальше, могли появиться на портфеле турецкаго происхождения уже позднее, в России.

Разберем теперь содержание данной надписи. Употребление в начале надписи в сочетании со словами «Ея Императорскаго Величества Всемилоствѣйшей Государыни моей» притяжательнаго местоимения «моей» позволяет предположить то, что портфель был выполнен именно по личному заказу Г.А. Потёмкина, а не подарен ему. Князь часто обращался к Екатерине II в письмах как к «всемилоствѣйшей государыне». Такая формулировка в начале надписи на портфеле свидетельствует о том, что Потёмкин считает необходимым особо подчеркнуть, что он обязан своим положением Ея Высочайшей милости.

Далее следует внушительный перечень разнообразных чинов и должностей Г.А. Потёмкина, прежде всего военных:

– *генерал-фельдмаршал* – этим высшим военным чином по «Табели о рангах» Потёмкин пожалован 2 февраля 1784 г., в тот же день, когда он становится *президентом Военной коллегии* (до этого был ее вице-президентом);

– *командующий легкой конницей, как регулярной, так и нерегулярной (иррегулярной)*, т.е. состоявшей из формирований казаков и инородцев, в 1790 г. он получит титул великого гетмана Екатеринославского и Черноморского (ныне Кубанского) казачьих войск. Заметим, что в надписи на портфеле данного титула еще нет, что подтверждает одновременность исполнения вышивки турецкой надписи с годом его создания;

– *генерал-инспектор*. При восстановлении этой должности в 1780 г. на нее был назначен генерал-аншеф Г.А. Потёмкин, тогда еще бывший с 1774 г. в должности вице-президента Военной коллегии. Таким назначением Екатерина II еще раз подчеркивала высокий статус своего любимца в военной иерархии империи уже даже до назначения его президентом Военной коллегии. В 1791 г., после смерти князя Потёмкина, должность генерал-инспектора войск (всех войск, а не отдельного их рода!) снова будет упразднена;

– *генерал-адъютант* – должность, которую Г.А. Потёмкин получил 1 марта 1774 г., уже имея до начала своего «случая» чин генерал-поручика. Это военно-придворная должность «первого стража и охранителя ... здоровья» Высочайшей особы была очень важной. Ведению дежурного генерал-адъютанта подлежали все дворцовые или лагерные караулы в местах присутствия императрицы, а также специально учрежденные «офицеры на ординации», посылавшиеся от разных полков для несения дежурной службы при Дворе. Сопровождая императрицу при всех ее передвижениях или поездках, дежурные генерал-адъютанты обладали правом объявления высочайших указов и распоряжений¹³. При Екатерине II эта должность была фактически «фаворитской».

– *подполковник Преображенского полка лейб-гвардии*. Этот чин был пожалован Г.А. Потёмкину 15 марта 1774 г., в начале его фавора. Таким образом, князь стал одним из подполковников в этом одном из старейших полков русской гвардии. Иметь этот чин было делом очень престижным: ведь сама императрица (по статусу) была в этом полку полковницей;

– *шеф корпуса кавалергардов* (личной охраны императрицы). 2 февраля 1784 г., Потёмкин в один день с получением чина генерал-фельдмаршала и должности президента Военной коллегии стал ре-

альным командиром личной охраны императрицы (в то время шеф и командир у кавалергардов еще не разделялись). Данная должность была достаточно важной и влиятельной, показывала особое доверие со стороны монарха. Так, с 1765 г. и до своей смерти в 1783 г. ее занимал светлейший князь Г.Г. Орлов, длительное время бывший фаворитом Екатерины II;

— *шеф Новотроицкого кирасирского полка*, который был сформирован еще при Петре I, и долго меняя название, имел обозначенное в надписи на портфеле в 1762—1783 гг. Потёмкин с 19 июля 1775 по 29 ноября 1796 г., т.е. не только при жизни, но и посмертно, до воцарения императора Павла I, состоял шефом полка (в данном случае — почетным командиром). В 1789—1796 гг. полк даже официально назывался «Кирасирский князя Потёмкина полк»;

Среди гражданских должностей в надписи особо важно отметить, что Г.А. Потёмкин — *Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор*. Князь был с 1783 г. генерал-губернатором (т.е. наместником) Екатеринославского наместничества, в которое вошли территории упраздненных Азовской и Новороссийской губерний (Екатеринослав — ныне г. Днепр на Украине). С присоединением Крыма к России была образована Таврическая область. В письме Екатерины II от 2 февраля 1784 г. Потёмкину, написанном в тот же день, когда он стал президентом Военной коллегии и генерал-фельдмаршалом, значится: «Я сей час подписала все касательно Тавриды...», т.е. она назначает его еще и Таврическим генерал-губернатором¹⁴. Потёмкин пока не являлся Харьковским генерал-губернатором (наместником), которым он станет 10 июня 1787 г., а титул светлейшего князя Таврического он получит 8 июля того же года¹⁵. Портфель же был изготовлен явно до середины 1787 г., скорее всего, если верить вышитой на нем вышеупомянутой дате, это произошло в 1784/1785 г.

Главный начальник мастерской Оружейной палаты — места хранения царских регалий и исторических реликвий российской государственности. 25 января 1775 г. Екатерина II своим указом в день въезда в Первопрестольную на торжества в честь годовщины Кючук-Кайнарджийского мира, назначает Потёмкина «главным смотрителем Мастерской и Оружейной палаты»¹⁶.

Указан и придворный чин князя — *действительный камергер* (высокий чин IV класса, в то время соответствующий военному чину генерал-майора и гражданскому — действительного статского советника)¹⁷. Потёмкин был пожалован им еще 22 сентября 1768 г., как состоявший при Дворе с 30 ноября 1762 г., и прошедший к данному чину путь от камер-юнкера.

В заключительной части надписи можно видеть перечисление следующих регалий: российских и иностранных орденов Г.А. Потёмкина, начиная с высших. Прежде всего, он был назван кавалером ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; награжден высшим орденом Российской империи в 1774 г. за заслуги в делах помощи императрице (с неоконченной до середины года войной с Турцией и польхавшей пугачевщиной) и в подтверждение его высокого статуса в государстве.

Далее следуют упоминание об ордене Святого благоверного князя Александра Невского, второго по значимости после Андрея Первозванного ордена, которым был награжден Г.А. Потёмкин 21 апреля 1774 г., в день рождения императрицы Екатерины II. Этот жест изъявлял особую милость монарха, что поднимало статус награжденного в глазах высших чинов Российской империи.

Обозначенного далее ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия Потёмкин был удостоен в 1775 г. по итогам Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Он уже имел к тому времени 3-ю степень Военного ордена Георгия с 1770 г. за успешное форсирование Прута и обход турок с тыла. Высшую степень ордена Георгия, князь получит только в конце 1788 г., за взятие Очакова, поэтому на портфеле, созданном явно до этого времени, она не обозначена (см. выше по поводу отсутствия упоминания о «Харьковском генерал-губернаторе»).

Орден Святого Владимира 1-й степени с девизом «Полюза, честь и слава», учрежденный 22 сентября 1782 г., в день 20-летия коронации Екатерины II, Потёмкин получит среди 14-ти первых награжденных этим орденом высших военачальников и государственных деятелей Российской империи. В этом награждении будут учтены большие заслуги князя в деле освоения Новороссии и строительстве Черноморского флота.

Г.А. Потёмкин в тексте надписи предстает кавалером орденов: Прусского — Черного Орла, Датского — Слона, Шведского — Се-рафимов, польских — Белого Орла и Святого Станислава, причем первые четыре из них — высшие ордена государств, переданные ему соответственно от имени королей Фридриха II, Кристиана VII, Густава III и Станислава II Августа Понятовского¹⁸.

В конце надписи князь назван кавалером Великокняжеского Голштинского ордена Святой Анны. Этот орден, ставший первым для Потёмкина, был получен им в 1770 г. (в период Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.) от имени великого князя Павла Петровича, в те годы также бывшего Гольштейн-Готторпским герцогом, на основании представления командующего армией П.А. Румян-

цева. Последний писал императрице, что Г.А. Потёмкин в корпусе фон Штофельна, куда «сам просился, <...> самым делом и при первых случаях отличил себя в храбрости и искусстве»¹⁹.

Проанализировав русскую надпись на портфеле, можно предположить, что ее присутствие, а возможно, и сам заказ портфеля имеют связь, не только с планами поездки князя в Турцию, но и с его назначением 2 февраля 1784 г. президентом Военной коллегии и его производством в генерал-фельдмаршалы, а также в связи с образованием Таврической области и назначением генерал-губернатором (наместником) Екатеринославским и Таврическим²⁰. Портфель изготовлен, скорее всего, до 13 августа 1785 г., т.к. Потёмкин не назван в надписи главнокомандующим Черноморским флотом²¹.

Сама же пространная владельческая надпись на портфеле демонстрировала высокий внутривосточный статус Г.А. Потёмкина как ближайшего сподвижника Екатерины II в государственной и военной сферах.

На оборотной стороне портфеля, в центре, расположен, шитый золотными и серебряными нитями, «герб графа Потёмкина-Таврического, имеющего титул Римской Империи князя» (рис. 3).

Именным Высочайшим указом от 10 июля 1775 г. генерал-аншеф, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка Григорий Александрович Потёмкин был возведен, с нисходящим его потомством, в графское Российской Империи достоинство. Грамотой Императора Священной Римской Империи Иосифа II от 27 февраля 1776 г. он был возведен, с нисходящим его потомством, в княжеское Священной Римской Империи достоинство с титулом «Высокородия» и правом на инколат (т.е. права и преимущества) в Священной Римской Империи. Копия этого диплома была передана на хранение в Герольдию (Герольдмейстерскую контору при Сенате).

Высочайшим указом от 20 марта 1776 г. дозволено ему принять означенный титул и пользоваться им в России²².

Ниже приведем полное геральдическое описание (блазон) герба графа Потёмкина-Таврического, имеющего титул Римской Империи князя, на основании 1-й части «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», официального свода дворянских гербов, составленного при императоре Павле I и утвержденного им 1 января 1798 г.:

Военный прямостоящий на четверо разделенный щит; в середине щита наложен на двое перпендикулярною чертою разрезанный щит, в правой которого стороне изображена шахматная доска черная с белым, три в ряд и четыре в длину шахматы имеющая, а на левой родовой фамилии Потёмкиных герб, в серебряном поле выходящая

Рис. 3. Портфель Г.А. Потёмкина. Фрагмент с гербом. ГИМ

из облака в латах, мечем вооруженная, натурального цвета рука; в первом и четвертом золотом поле черный двоеглавый с двумя золотыми Коронами Орел, над коими в особых красных отделениях по пятиугольной серебряной звезде; во втором и третьем в голубом поле градская золотая Корона; сверх щита наложена Графская Корона, на которой поставлены три шлема, подложенные червленым, средней серебряный с пятью обручами и закраинами золотыми, коронованный Графскою Короною, с выходящим двоеглавым черным Орлом, имеющим на главах его и сверх оных златые Короны, с правой стороны обращенный на право стальной с златыми обручами и закраинами, украшен фамильною дворянскою Короною с тремя исходящими голубого цвета страусовыми перьями, а третий сталь-

ной же с пятью обручами и закраинами златыми, также подложен червленым обращенный налево, украшенный дворянским бурлетом, на котором положена из прежнего его герба рука с мечем. Щитодержатели два казака, имеющие в руках значки со изображенными на них с правой стороны гербом родовым, а с левой золотую градскою Короною. Весь же щит покрыт червеною, горностаем подложенною Римской Империи Княжескою мантиею. Сверх щита Римской Империи Княжеская шапка, украшенная жемчугом²³.

Геральдист М.Ю. Медведев так комментирует значение символики данного герба: «В княжеском гербе Григория Александровича Потёмкина нашлось место его старому родовому гербу польско-литовского происхождения — руке с саблей и перьями над шлемом [Потёмкин происходил из древней благородной польского шляхетства фамилии. При великом князе Московском Василии III выехал служить в Московию его предок Ганс Александров сын, в крещении Тарасий Потёмкин. — *Прим. авт.*] <...> дворянская корона приобрела необычный облик — подобающий скорее царскому сану. Более заметные позиции достались знакам Высочайшей милости: звезде, двуглавному орлу и башенной («градской») короне. В древнем Риме корона с крепостными зубцами служила наградой воину, который первым оказался на стене вражеского города; но в геральдике эпохи классицизма ее основное значение было иным — «градская» корона чаще всего обозначала мирные труды, статское поприще и городскую жизнь как таковую. Для Потёмкина — военачальника, сановника со множеством гражданских обязанностей и, наконец, строителя новых городов — башенный венец подходил во всех своих возможных смыслах.

Как известно, Потёмкин в 1772 г. вписался в число запорожских казаков с вполне официальным сечевым прозванием Грицко Нечоса. Это не помешало ему повести дело к упразднению Запорожской Сечи, а годы спустя выстроить из ее осколков Черноморское войско и получить звание Великого гетмана казацких войск. <...> То, что Нечоса неизменно сохранял интерес к запорожской традиции, выдает пара казаков, держащих щит в его княжеском гербе»²⁴.

Шитый на портфеле герб в основных своих элементах соответствует представленному в гербовнике 1798 г. Однако различия между ними все же имеются. Так, оба щитодержателя на шитом гербе держат значки с градской короной (а не с родовым гербом и короной, как на официальном гербе). Тем самым, полагаем, особо подчеркивалась роль Потёмкина, Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора (об этой должности упоминается и в надписи, вышитой на портфеле) как градостроителя.

На год создания портфеля, которым, если верить вышивке внутри него, с большей вероятностью считать 1785 г., Г.А. Потёмкин фактически являлся (прямо, либо опосредованно) основателем следующих городов в Новороссии: Екатеринослава (1776), Херсона (1778), Севастополя (1783) и Симферополя (1784). Другим отличием герба на портфеле от утвержденного его варианта является наличие под щитом, а также под почвой, на которой стоят щито-держатели, знаков российских орденов, которыми был награжден Г.А. Потёмкин по состоянию на 1785 г. Среди них в центре виден крест ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Под косым крестом — изображение креста ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени большого креста. Отметим, что в статуте ордена Георгия (1769) сказано, что орденский крест «дозволяется употреблять Кавалерам в гербах и печатях»²⁵.

По обеим сторонам от Андреевского ордена в шитье на лентах расположены одинаковые кресты. Это знаки орденов Святого благоверного князя Александра Невского и Святого равноапостольного князя Владимира. Еще ниже, под лентой герба, на его мантии вышиты знаки иностранных орденов, полученных Потёмкиным в 1776 г.: крайний слева — датский орден Слона. Изображены похожими друг на друга, схематично, «уширенного» типа²⁶ «великие кресты королевские» высших орденов Черного Орла (Пруссия), Белого Орла (Речь Посполитая) и Серафимов (Швеция). Изображение четвертого слева ордена похоже на голштинский орден Св. Анны.

Таким образом, изображения на гербе орденов, в том числе иностранных, декларируют не только заслуги князя Г.А. Потёмкина на военном и мирном государственных поприщах, но и его большой политический вес, который имел как внутривосточное, так и международное значение.

На гербе Потёмкина, вышитом на его портфеле, фигурирует отсутствующий в официально утвержденном гербе, выполненный латиницей самобытный гербовый девиз на ленте, ниже почвы: «EVTENEIA APETN»²⁷ (рис. 4). По смыслу он соответствует девизу князя на гербе с оттиска его печати в Гербовом отделении Департамента герольдии Правительствующего Сената — девизу на русском языке «Путиами правды возвышаюсь»²⁸. Похоже, что здесь перед нами достаточно вольный перевод девиза князя. Для более точного определения смысла девиза проанализируем неоднократно встречаемое его «латинское» исполнение. Слово «EVTENEIA» в девизе можно соотнести с именем древнегреческой богини Эвтенией (*др.-греч.* Εὐθηνία, *лат.* Euthenia), в орфической традиции дочери Гефеста и «древней хариты» Аглаи, персонификацией Благополу-

Рис. 4. Портфель Г.А. Потёмкина. Фрагмент герба с девизной лентой и орденами. ГИМ

чия, которая изображалась в виде женщины с рогом изобилия (ее сестрами, молодыми харитами были Эвклея — Благославие, Эвфема — Благомолвия, Филофросина — Дружемыслие)²⁹. Слово же «АРЕТН», видимо, восходит к очень много вмещающему в себя древнегреческому философскому термину «арете» (ἀρετή). Это понятие имело такие исходные значения, как собранность, слаженность, пригодность, добротность, упорство в достижении цели. Позднее оно стало обозначать качество, от природы присущее герою, а также благородному и достойному человеку (аристократу), затем стало синонимом великодушия и добродетели³⁰. В последнем значении «арете» упоминается в трудах св. Иоанна Златоуста³¹, которые, как отмечал мемуарист С.Н. Глинка, были в личной библиотеке князя и изучались им³².

Данный девиз можно перевести так: «ПРОЦВЕТАНИЕ ЧЕРЕЗ ДОБРОДЕТЕЛЬ». Очевидно, что он отсылает нас к греческим понятиям. Потёмкин не стал прибегать ни к римскому аналогу Эвтении, богини Абунданции, более соотносимой с материальным благополучием, богатством, ни к более распространенным в геральдике производным словам от латинского слова «VIRTUS», считавшегося синонимичным греческому «АРЕТН»³³. Этот факт отражает не только

любовь Потёмкина к философии, богословию, к греческому языку, что явилось плодом обучения у иеродиакона Дорофея в Греческом монастыре на улице Никольской в Москве³⁴, но и свидетельствует об определенной культурно-мировоззренческой и политической (проект восстановления Греческой империи под протекторатом России) ориентации князя. Поэтому Потёмкин и советовал Екатерине II в начале 1784 г., чтобы «в учении языков (внукам Александру и Константину, «предназначенного» для престола в Константинополе. — *Прим. авт.*) греческий поставлен был главнейшим, ибо он основание других». Далее он писал: «Где Вы поставили чтение Евангелия, соображая с латынским (так в тексте источника. — *Прим. авт.*), язык тут греческий пристойнее, ибо на нем оригинально сие писано»³⁵. Заметим при этом, что в шитье девиза при стремлении внешне латиницей передать греческий язык допущены некоторые неточности: так при написании заглавными латинскими буквами ἀρετή заключительной буквой для воспроизведения греческой «эты (иты)» в слове, следовало дать «Н», а не «N», что явилось воспроизведением буквы «ню (ни)». Возможно, уже сам текст мастерам (совсем не обязательно греческим) для вышивки был дан ошибочный, тем более сам князь Потёмкин был крайне занятым человеком, чтобы его лично выверять (см. выше про ошибки в русской надписи).

Итак, девиз провозглашает, что добрая и полезная служба Потёмкина на поприщах гражданском (в Святейшем Синоде, в законодательной Уложенной комиссии) и военном (участие в Русско-турецкой войне 1768—1774 гг.) способствовала его возвышению и достижению благополучия. Потёмкин стал фаворитом императрицы в 34 года, уже находясь в чине генерал-поручика и будучи кавалером орденов Святой Анны и Святого Георгия 3-й степени. Тем самым Григорий Александрович еще и отвечает таким девизом своим многочисленным недоброжелателям, которые связывали его продвижение по карьерной лестнице только с тем обстоятельством, что он «попал в случай» исключительно с его романом с императрицей.

Любопытно, что рассматриваемый девиз, отсутствует в гербе Г.А. Потёмкина из диплома на княжеское достоинство от 27 февраля 1776 г. из фонда дворянских актов Священной Римской Империи в Австрийском Государственном архиве³⁶. Но он наличествует (написан как «ΕΥΤΕΝΕΙΑ ΑΡΕΤΗ») в изображении герба князя в первом томе «Гербовника датского королевского рыцарского ордена Слона»³⁷, того ордена, который Григорий Александрович получил 29 февраля 1776 г. Причем наблюдается соответствие официального российского герба Потёмкина и его датского варианта, за исключением присутствия на последнем девиза князя³⁸. Согласно

статуту ордена Слона, каждый рыцарь ордена был обязан представить в Капитул цветной рисунок и описание своего герба для помещения его в кавалерский гербовник³⁹. Вероятно, материалы от Григория Александровича Потёмкина были поданы в Данию в 1776 г. или в последующие годы до 1780 г. включительно (год завершения формирования первого тома датского гербовника ордена Слона), а затем уже девиз был запечатлен в гербе на портфеле князя.

Таким образом, на портфеле представлен самобытный, т.е. официально неутвержденный вариант герба Г.А. Потёмкина, что нередко имело место на артефактах с дворянскими гербами (ливрейных пуговицах, печатях, экслибрисах, т.е. книжных знаках, посуде, накладках на дверцы карет и др.)⁴⁰.

Примечательно, что рассматриваемый самобытный вариант герба Григория Александровича Потёмкина присутствовал на различных его изображениях:

— с орденами, но с пустой лентой без девиза (на гравюрах 1789 г.: у Д. Уокера⁴¹ и Р. Брише⁴²) (рис. 5).

— с орденами, и с девизом в орфографии «EYTENIA APETH», однако с кейзер-флагом (?) Потёмкина как главнокомандующего Черноморского флота на одном из значков казака и стволами пушек позади горностаевой мантии, располагаясь посередине подписи к выполненной после смерти Потёмкина гравюре работы известного гравера Г.Т. Харитонов по рисунку близкого к князю художника М.М. Иванова⁴³.

Отсутствие девиза герба на прижизненных гравюрах Потёмкина позволяет предположить, что, скорее всего, граверы не знали о его существовании. Тем самым еще более возрастает ценность герба на портфеле как «полной», не всегда осуществляемой при жизни князя, репрезентации⁴⁴.

Воцарившийся Павел I доводил порядок, в том числе и в геральдической области, до мелочной регламентации. Так, в Манифесте от 1 января 1798 г. об утверждении 1-й части «Общего дворянских родов Гербовника» он указывал, чтобы при его составлении «гербы дворянских родов без особого высочайшего повеления не изменялись, чтобы ни под каким видом из них ничего не исключалось и в них ничего не было прибавляемо»⁴⁵.

Самобытный герб на портфеле князя Г.А. Потёмкина иллюстрирует не только оригинальность его личности, но и его стремление расставить важные акценты в презентации себя как крупного государственного деятеля российского и даже международного масштаба. Г.Р. Державин в оде «Водопад» написал о Потёмкине: «Не шел ты средь путей известных, / Но проложил их сам...»⁴⁶.

Рис. 5. Григорий Александрович Потёмкин-Таврический. Гравер Г. Харитонов. Санкт-Петербург. После 1791 г. Бумага; гравюра резцом. ГИМ

Если принять за датировку портфеля 1784/1785 гг., то любопытным фактом является то, что около 1784 г. Григорий Александрович заказал парадное «президентское» кресло, украшенное арматурой, с завесой с гербом Российской империи, которое напоминало тронное кресло, но отражало исключительно военную ипостась князя⁴⁷. Отметим, что как раз в начале 1784 г. многие государственные деятели за присоединение Крыма были удостоены похвальных грамот и других наград, в том числе специально выбитых медалей⁴⁸. Так, императрица писала Г.А. Потёмкину 14 марта 1784 г., что «...начертала я сию хартию тем же пером, которым подписала сего утра похвальную грамоту Князя Потёмкина»⁴⁹.

Равный порфиноносцам статус Потёмкина подтверждает и факт создания мастером Г.Г. Кёнигом (?), вероятно, прижизненного его воскового бюста, хранящегося и экспонируемого в Историческом музее. Восковое моделирование — явление в практике России того времени (в отличие от Западной Европы) крайне редкое⁵⁰. Даже из монархов России этого удостоился при жизни только основатель Российской империи Пётр Великий (рис. 6).

Таким образом, проанализировав декор портфеля Г.А. Потёмкина можно заключить, что он представляет собой «говорящий» текст (в самом широком смысле этого слова: османскую и русскую надписи, герб, орнамент); созданный с целью репрезентации князя не только как любителя искусств и просвещенного вельможи, а как многогранной личности, прежде всего, как крупного государственного мужа в его самой разнообразной деятельности — военного и гражданского администратора, дипломата, в сфере внутренней

Рис. 6. Светлейший князь Г.А. Потёмкин-Таврический. Скульптор Г. Кёниг (?). Россия. Конец XVIII в. Бюст в натуральную величину. Воск телесного цвета, стекло, волосы. ГИМ

и внешней политики. Сама Екатерина Великая называла его «государственным человеком, как в совете, так и в исполнении» и даже своим «идолом»⁵¹. Потёмкин фактически являлся соправителем императрицы на протяжении более чем 15 лет. Поэт Г.Р. Державин справедливо писал о нем в оде «Водопад»: «Решитель дум в войне и мире, / Могущ — хотя и не в порфире...»⁵².

Такая роскошная (монаршего уровня) статусная вещь великого сына России подчеркивала для Запада и Востока могущество Российской империи под скипетром Екатерины Великой, той империи, которую Григорий Александрович Потёмкин представлял и которой он верно служил.

- ¹ ГИК ГИМ № 76185/5. Отдел тканей. Инвентарный № Кожа-449. Передан в Отдел тканей из Архива ГИМ (№ 5 передаточная ведомость) 01.11.1954 г. В Архив музея попал в 1934 г. «из старых поступлений» в составе смешанной коллекции графа Г.В. Орлова «Собрание автографов французских, английских, итальянских, немецких государственных, научных, общественных и художественных деятелей XVIII — первой четверти XIX столетия», привезенной в первые годы Советской власти из подмосковной усадьбы Отрада-Семеновское.
- ² Бокова В.М., Ворожбитова М.В., Горохова Е.Г., Лаврентьев А.В. Российская империя в XVIII веке. Буклет. М., 2005. С. 30; Российская империя в XVIII—XIX веках. Путеводитель по залам 22—39. / Отв. ред. Егоров В.Л. М., 2006. С. 30; Исторический музей. Путеводитель. М., 2016. С. 149.
- ³ Размеры портфеля: 43 × 29 см; Высота: 5 см (корешок); Высота: 3 см (перегиб клапана).
- ⁴ Бахарева Н.Ю. «Это сам Потёмкин!» К 280-летию Светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического / Государственный Эрмитаж. СПб., 2019. С. 96—97; Бумажник // Государственный Эрмитаж. Коллекции онлайн. URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/ОБЪЕКТ/1291928/>; (дата обращения: 21.11.2022).
- ⁵ Перевод османской надписи и комментариев к нему сделал К.А. Суриков, аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова), специализирующийся на исследовании истории Османской империи, мнс лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН.
- ⁶ Елисева О.И. Потёмкин. М., 2006. С. 342.
- ⁷ Бахарева Н.Ю. Указ соч. С. 98, 101.
- ⁸ Там же. С. 98, 151.
- ⁹ Из бумаг Я.И. Булгакова. Переписка с князем Потёмкиным // Русский архив. 1905. Кн. 2. № 7. С. 345—346.
- ¹⁰ Там же. С. 352.
- ¹¹ Письма Я.И. Булгакова к князю Потёмкину // Русский архив. 1866. № 11—12. Стб. 1574—1575.
- ¹² «Это сам Потёмкин!»: каталог выставки к 280-летию Светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического. В 2 т. Т. 1. СПб., 2020. С. 170.

- 13 *Летин С.А.* Свита императрицы Екатерины II и внешние атрибуты военно-придворных должностей в 1762—1796 гг. URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/history/letin-svita-imperatricy-ekateriny-ii.htm/>; (дата обращения: 28.11.2022).
- 14 Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769—1791). Письма, без которых история становится мифом / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 191, 753.
- 15 Календарь Исторического музея: 281 год со дня рождения выдающегося государственного деятеля Г.А. Потёмкина // Смоленский государственный музей-заповедник. URL: https://www.smolensk-museum.ru/novosti/muzeynaya_zhizn/kalendar-istoricheskogo-muzeya-281-god-so-dnya-rozhdeniya-vydayuschegosya-gosudarstvennogo-deyatela-g-a-potemkina/; (дата обращения: 28.11.2022).
- 16 См. подробнее о деятельности Г.А. Потёмкина в этой должности в: «Сего числа получил я указ...». Князь Г.А. Потёмкин — главный смотритель Оружейной палаты // Исторический архив. 1997. № 3. С. 21—34.
- 17 См. подробнее о функциях камергеров в: «О должностях и преимуществах обер-камергера» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1764. № 11645. С. 53—54.
- 18 Иногда считается, что Потёмкин, как писал о нем князь М.М. Щербатов, «гонялся за наградами». Однако известно, что к их принятию Потёмкин подходил со всей ответственностью. Так, прусский орден Черного Орла, который «изволил наложить» на князя Потёмкина прибывший в России принц Генрих, брат дружественного Екатерине II короля Фридриха II, Потёмкин вначале пытался отклонить. Дело в том, что награждение государственного деятеля орденом иностранной державы в глазах общества выглядело преданностью интересам ее двора. Хотя Потёмкин не желал о себе такого впечатления, Екатерина II сообщила ему в записке: «Защитница и друг твой тебе советует надеть прусский орден и сие будет учтивостью...» (*Елисеева О.И.* Указ соч. С. 199). Так, императрица объяснила Потёмкину необходимость выказать уважение к союзной в те годы России прусской короне. Ведь не секрет, что в том числе и посредством награждения русских сановников своими орденами соседние державы старались укрепить отношения с Россией в тот период, когда Россия еще продолжала делать ставку на реализацию плана главы российской дипломатии Н.И. Панина «Северный аккорд» (союза России, Пруссии, Швеции и Речи Посполитой) против Австрии и Франции.
- 19 *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 99.
- 20 Там же. С. 308.
- 21 Генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин-Таврический. URL: <https://encyclopedia/history/more.htm?id=11988671@cmsArticle/>; (дата обращения: 21.11.2022).
- 22 Герб графа Потёмкина-Таврического, имеющего титул Римской империи князя // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/26/>; (дата обращения: 21.11.2022). В письме от 21 марта императрица писала Потёмкину: «Князь Григорий Александрович! Всемилоштивейше дозволяем Мы Вам принять от Римского Цесаря присланный к Вам диплом на Княжеское достоинство Римской Империи и соизволяем впредь Вам именоваться повсюду в силу онаго диплома Римской Империи Князем. Впрочем остаемся как всегда к Вам

- доброжелательна». См.: Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769—1791)... С. 96. Такое пожалование в глазах общества выглядело своеобразным утешением при смещении с поста фаворита (как в случае с Г.Г. Орловым). Впрочем, после закончившегося в 1776 г. романа с Екатериной II Потёмкин сохранил свое громадное политическое влияние. Так, княжеский титул стал очередным подтверждением его высокого статуса в государстве и роли правой руки императрицы. Последняя передала через русского посла в Вене князя Д.М. Голицына «просьбу <...> чтобы его величество удостоил генерала графа Потёмкина <...> дать Римской империи княжеское достоинство». Затем государыня отмечала в письме к Потёмкину: «Венский двор один должен судить, сколь надежна я есмь в тех персонах, коих я рекомендую им к высшим достоинствам» (Цит. по: *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 198).
- 23 Герб графа Потёмкина-Таврического...
- 24 Там же.
- 25 Статут Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. URL: <http://george-orden.narod.ru/statut1769.html>; (Дата обращения: 21.11.2022).
- 26 Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. Издание С.Н. Тройницкого, 1912. / Ред., подгот. текста, комм., послесл. О.Н. Наумова. М., 2008. С. 229.
- 27 *Пашков М.М.* Эмблематический гербовник. Определитель гербов дворянских родов Российской империи и Царства Польского. М., 2020. С. 565.
- 28 Данный вариант герба Г.А. Потёмкина необычен: «щит разделен на две части: 1) в золотом поле черный двуглавый орел с коронами на головах; 2) в синем поле выходящая из облака рука в латах держит меч. Щитодержатели: два серебряных с дворянскими коронами на головах и на шеях». (Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года... С. 150. *Пашков М.М.* Указ соч. С. 562.)
- 29 *Ермоленко Г.А.* Язык культуры: Монография. Краснодар, 2006. С. 142.
- 30 Арете // *Философская энциклопедия*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7919/; (дата обращения: 21.11.2022).
- 31 *Зудилина Н.В.* Влияние значений греческого понятия „aret’h“ на семантику латинского понятия „virtus“ как одна из причин полисемантической понятия «виртуальный» в XX—XXI веках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-znacheniy-grecheskogo-ponyatiya-aret-h-na-semantiku-latinskogo-ponyatiya-virtus-kak-odna-iz-prichin-polisemantichnosti/viewer>. С. 10./; (дата обращения: 21.11.2022).
- 32 *Елисеева О.И.* Указ соч. С. 41.
- 33 См подробнее: *Зудилина Н.В.* Указ соч.
- 34 *Елисеева О.И.* Указ соч. С. 41—42.
- 35 Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769—1791)... С. 189.
- 36 Австрийский Государственный Архив, фонд дворянских актов Священной Римской империи. AT-OeStA/AVA Adel RAA 325.1, fol. 8, 26. <https://www.archivinformationssystem.at/detail.aspx?ID=2718741/>; (дата обращения: 27.11.2022).
- 37 *Elefantordenens Våbenbog* tome I, 1660—1780, с. 189. URL: <https://gerbovnik.ru/og/v1/1509259247.jpg/>; (дата обращения: 21.11.2022).
- 38 *Пчелов Е.В., Афонасенко И.М.* Гербы российских кавалеров в гербовниках датских королевских орденов. М., 2020. С. 56.

³⁹ Там же. С. 45.

⁴⁰ Самобытные версии гербов, присутствовавшие на личных вещах дворян, нередко содержали неутвержденные девизы или орденов обладателя герба: как например, у графа А.Г. Разумовского (*Князев А.Т. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. изд. и [авт. предисл.] С.Н. Троицкий. СПб., 1912. С. 125.*), графа П.Б. Шереметева (Там же. С. 169) и многих других. Современный исследователь геральдики О.Н. Наумов отмечает: «Быстро распространившаяся мода на геральдику привела к тому, что дворяне придумывали себе гербы самостоятельно и, нигде не регистрируя, пользовались ими в быту, чаще всего на матрицах печатей» (Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года... С. 221). Такие самобытные гербы, наряду с официально дарованными (последние разрабатывались в Герольдмейстерской конторе при Правительствующем Сенате) стали источниками для «Гербовника», составленного в екатерининскую эпоху замечательным историком и геральдистом А.Т. Князевым, который, будучи поднесенным автором императрице в 1785 г., был подарен ею князю Потёмкину! (*Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 162.*) Поэтому на портфеле князя (как его личной вещи) совсем не удивительно, что мы встречаемся с самобытной версией герба.

⁴¹ *Морозова С.В. Портрет в русской гравюре XVIII века. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2010. С. 371.*

⁴² Потёмкин, князь. Hoffert, Bricbet. 1789 г. — создание оттиска // Государственный исторический музей. Электронный каталог музейных предметов. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/1975324/>; (дата обращения: 25.11.2022).

⁴³ Потёмкин-Таврический Григорий Александрович (1736—1791). *Харитонов Г.* После 1791 г. Электронный каталог музейных предметов. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/2229668/>; (дата обращения: 21.11.2022); *Князев А.Т.* Указ соч. С. 14. Подпись на гравюре гласит: «Изображение покойного Господина Генерал фельдмаршала Князя Григорья Александровича Потёмкина-Таврического начальствовавшего Российской Императорскою Армиею на приступе и при взятии Очакова декабря 6 дня 1788 года». Такой вариант герба, сочетаясь с сюжетом гравюры, отсылающим к главной ратной победе в жизни Потёмкина, усиливал образ князя как военачальника. Вместе с тем важно отметить, что данный пример подтверждает и то, что при бытовании различных вариантов герба Потёмкина, такие элементы, как девиз и изображения орденов вместе употреблялись неоднократно. Гравюру Харитонова датируют после 1791 г. (года смерти Потёмкина), поскольку князь назван в подписи «покойным». Однако, скорее всего, она появилась до конца 1796 г., т.е. до воцарения Павла I.

⁴⁴ Так в недавно введенном в научный оборот «Руководстве к геральдике, содержащем происхождение, основание и нужные правила науки сей относительно до гербов Российских с начертанием и описанием оных» начальника Герольдмейстерской конторы Л.К. Талызина герб «Князя Потёмкина Таврического» приведен в том, что касалось изображений на щите, щитка, значках в руках щитодержателей таким, каким он присутствовал в дипломе на титул князя Римской империи потом войдет в «Общий дворянских родов гербовник». Единственным отличием герба Потёмкина в издании Талызина от изображения в официальном гер-

- бовнике «является добавление в центральный щиток с древним гербом Потёмкиных червленого сердца» (Австрийский Государственный Архив, фонд дворянских актов Священной Римской империи. AT-OeStA/AVA Adel RAA 325.1, fol. 8, 26...; *Хмелевский А.Н., Афонасенко И.М.* Гербовник Талызина. Российские дворянские гербы XVIII века. М., 2021. С. 11; *Талызин Л.К.* Руководство к геральдике, то есть науке о гербах, содержащее происхождение, основание и нужные правила науки сей относительно до гербов Российских с начертанием и описанием оных. СПб., 1790. С. 181).
- ⁴⁵ Цит. по: *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 224. К тому же Павел ненавидел Потёмкина как одиозную фигуру у трона нелюбимой матери и им не мог быть утвержден самобытный герб Потёмкина с дополнительно прославлявшими покойного светлейшего князя деталями. Это понимали и в Герольдии, и в III Департаменте Сената, составляя гербовник. Каждая его часть скреплялась по листам генерал-прокурором, а утверждалась и подписывалась самим государем императором. См. подробнее: *Анафонова Е.А.* «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи». К истории создания и публикации // 275 лет Геральдической службы России: материалы конференции (март 1997 г.). URL: <https://sovnet.geraldika.ru/article/4689/>; (дата обращения: 21.11.2022).
- ⁴⁶ *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 2002. С. 181.
- ⁴⁷ *Бахарева Н.Ю.* Указ. соч. С. 34—37.
- ⁴⁸ Екатерина II и Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769—1791)... С. 755.
- ⁴⁹ Там же. С. 193.
- ⁵⁰ *Горохова Е.Г.* Екатерина Великая. М., 2022. С. 324—325.
- ⁵¹ *Елисеева О.И.* Указ соч. С. 594.
- ⁵² *Державин Г.Р.* Указ соч. С. 181.

М.В. Плотникова

Скульптура богородского мастера Ф.С. Балаева на тему лубка «О, хо, хо, тяжел русский мужик и кулаком, и весом»

Поводом к изучению сюжета лубка под названием «О, хо, хо, тяжел русский мужик и кулаком, и весом» послужила богородская игрушка «Турок и французы» из собрания отдела народного искусства Государственного Русского музея (ГРМ). Тогда меня заинтересовал один элемент графического изображения¹. В резной композиции, очевидно, связанной с карикатурой эпохи Крымской войны, турок сидит на шее лежащего французского солдата, прогнувшегося под тяжестью ноши. Так высмеивается неразумная затея Наполеона III — нести бремя войны за чужие интересы.

Подобный мотив встречается в английской карикатуре, не без презрения к османским союзникам: матрос Джек, покуривая трубку, передвигается верхом на турке под Балаклавой (1855)². В пропагандистском противостоянии воюющих сторон он тут же был подхвачен в сатире карикатуриста Н.А. Степанова. В листе «Английская артиллерия в Крыму» (1855) иронически показано использование британскими солдатами турок в качестве тяглового транспорта, и один из двух англичан, оседлавших турецких подопечных, курит сигару, попыхивая дымом (рис. 1).

Во французском журнале «Шаривари» появилась литография карикатуриста Шама (псевдоним Шарля Амеде де Ноэ) «Геркулес Севера сломал себе спину, желая посадить на себя слишком много людей» (1854)³. На спине русского бородача, опустившегося на четвереньки под непосильным грузом, восседают, обнимаясь и весело беседуя, французский и английский офицеры, на нем же поместились, стоя, пьемонтец и турок — участники Крымского вторжения. В другой его карикатуре «Черт побери, я переоценил свои силы» (1854) царь Николай I изнемогает, таща на себе французского генерала и шотландского горца⁴.

Образным ответом на эти карикатуры стало появление в России во время Крымской войны литографии «О, хо, хо, тяжел русский

Рис. 1. Английская артиллерия в Крыму. Литографированная карикатура. Гравёр Н.А. Степанов (1807–1877), рис. по кам. В. Романов и П. Меч. Лист из альбома «Карикатуры Н.А. Степанова». СПб.: Изд. А. Бегрова, 1855. Вып. 2. ГИМ

мужик и кулаком, и весом» (1855), где сидящие на плечах друг друга члены антирусской коалиции изображены дважды⁵.

Композиция лубка «О, хо, хо...» является явной контрпропагандой на опубликованную за несколько лет до того в Манхайме карикатуру «Весы» (1848) о слабости происходившей тогда революции в Германии⁶. На ней бородатый казак с нагайкой — излюбленный образ антирусских карикатур во время Крымской войны — давит на монархическую чашу весов. На другой стороне весов — легковесный безрукий беспомощный божок общегерманского парламента, боровшегося за конституцию. Усилению веса либералов могут помочь только пушечные ядра (рис. 2). Сходство расположения основных групп композиции обеих карикатур с противоположным образным смыслом очевидно, оно говорит о знакомстве в России с враждебной печатной продукцией и использованием в идеологической войне художественных средств с обратным эффектом воздействия. И если каждый фрагмент манхаймского листа сопровождается многословными пояснениями, то русский наглядный ответ

Рис. 2. «О, хо, хо, тяжел русский мужик и кулаком, и весом». Карикатура-лубок на события Крымской войны. Неизвестный литограф. Лист из издания «Народные картины: Лубочные». М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1894. ГИМ

поняты и без них. В немецкой карикатуре народ подмят монархическим режимом. В российском лубке патриотический сюжет с изображением могучего крестьянина на одной чаше весов, с перевесом по отношению ко многим мелким фигурам врагов России — на другой, перепечатывался и перерисовывался в ходе последующих войн. Он обрел вневременной обобщенный образ героизма народа.

В дополнение к исследованиям Е.И. Иткиной о русском рисованном лубке «О, хо, хо...» нашлось свидетельство о воспроизведении этого сюжета в народной скульптуре⁷. В цифровом своде данных Госкаталога Музейного фонда РФ опубликована фотография произведения богородского резчика Федора Сергеевича Балаева. Это снимок, вероятно, 1945 г. из коллекции фототеки НИИХП в составе современного собрания ВМДИ⁸. В архивном комментарии к негативу указан только автор скульптурной композиции и год съемки. Название, место съемки и музейная принадлежность произведения не отмечены. Время создания скульптуры и негатива нуждаются в коррекции⁹. Впрочем, название узнаваемо сразу.

Ф.С. Балаев (1887—1962) воплотил литографию «О, хо, хо...» сытинского издания конца XIX в. в виде скульптурной группы, применительно возможностям объемной резьбы¹⁰. Оттуда взят текст, вырезанный на своде арки рельефно выступающими буквами: «О. хо.хо, тышоль руська музикъ и кулякомъ и вѣсомъ». Иронически подчеркнут иностранный акцент возгласов супостатов, пытающихся перетянуть чашу весов на свою сторону. Если литография имеет обрамление в виде каменного арочного свода, то в объемной деревянной скульптуре Балаева арка покоится на витых колоннах (подобные временные триумфальные сооружения принято было устраивать с конца XIX в. до революции по различным торжественным поводам).

В немецкой карикатуре над весами изображен летящий при вспышке молнии галльский петух — символ Великой французской революции, предшественницы событий 1848 года в Германии. В скульптуре Балаева арка увенчана навершием с изображением петушка, обращенного в сторону неприятелей. Фольклорную символику этого образа выразил А.С. Пушкин в «Сказке о золотом петушке»: «Посади ты эту птицу, — Молвил он царю, — на спицу; / Петушок мой золотой / Будет верный сторож твой: / Коль кругом всё будет мирно, / Так сидеть он будет смирно; / Но лишь чуть со стороны / Ожидать тебе войны, / Иль набега силы бранной, / Иль другой беды незванной, / Вмиг тогда мой петушок / Приподымет гребешок, / Закричит и встрепенётся / И в то место обернётся».

Весы в скульптурной композиции прикреплены к своду цепью, сочленения звеньев которой искусно вырезаны из цельного куска дерева. Обе прямоугольные платформы рычажных весов соединены с их «коромыслом» веревками, при этом левая часть с фигурой русского мужика, прочно закреплена на подставке, а правая, «вражеская» — подвешена. Металлический гвоздик в центре верхней части весов играет роль шарнира, и, видимо, некоторое движение в подергивании веревок игрушки было допустимо. Сложное скульптурное изображение многофигурной группы живо передано народным мастером. По сравнению с лубком Балаев уменьшил количество мелких фигур супостатов, но подчеркнул монументальность в образе мужика, напоминающего Льва Толстого. (На это сходство типажей с великим писателем в произведениях деревенских резчиков обратил внимание уже в 1905 г. А.Н. Бенуа)¹¹. А в усилиях неприятелей ощущается суетливость. В центре композиции две фигурки пытаются создать дополнительный рычаг под российскую платформу и перетянуть весы на вражескую сторону. Резчик не стал,

как в лубке, помещать одного сидящим на шее у другого. Вторая фигура стоит на конце доски и опирается руками на плечи первой, зрительно усиливая противовес.

Патриотическое содержание сюжета скульптурной группы явно навеяно событиями Первой мировой войны. Англичане и французы — прежде, в Крымскую войну — неприятели, а ныне — союзники. Если в лубке англичанин сидел на плечах турецкого султана в чалме, то теперь в этой части скульптурной композиции на весах показан германский кайзер верхом на старом Франце-Иосифе, подобно карикатуре 1914 г. «Не зная броду, не суйся в воду»¹². В лубке многие фигуры неприятелей были изображены в шляпах — двуголках. В скульптурной группе они показаны в форменных немецких кепи — «гансовках», турецких фесках и венгерских меховых шапках. В шляпе «бикорн» представлена единственная фигура на первом плане, со свитком в руке. Она символизирует дипломатическое прикрытие враждебных действий. Рядом с ней — пузатый господин в короткополом пиджаке, олицетворяющий, очевидно, германский капитал. А на «русской стороне», на первом плане перед весами, появились новые, по сравнению с лубком, фигуры: рабочий с кайлом и солдат в фуражке и гимнастерке, они воплощают народное единство в обстановке «Великой войны» или «Второй Отечественной», как называли в 1914 г. начавшуюся Первую мировую войну.

В традиционной богородской игрушке не было многофигурных композиций до начала деятельности Н.Д. Бартрама в качестве куратора промысла. Он предложил на выбор в начале 1909 г. мастерам инициативной группы, и в том числе Ф.С. Балаеву, подобранные им лубки и исторические листы, связанные с фольклором. Патриотическая тематика была особенно востребована при подготовке к юбилейной выставке «1812 год», а затем вскоре — в условиях Первой мировой войны. Дореволюционная орфография вырезанной надписи подтверждает атрибуцию произведения Балаева — около 1914 г.

Это время творческой и организационной активности мастера. Ф.С. Балаев принял участие в создании в 1913 г. Богородской кустарно-игрушечно-резной артели и был членом ее состава со дня основания. В том же году он был награжден бронзовой медалью «За полезные труды» на Второй Всероссийской кустарно-промышленной выставке в С.-Петербурге, а в период подготовки к ней — бронзовой медалью Владимирской губернской выставки (1912). Творческая и педагогическая деятельность Балаева успешно продолжилась после революции.

Скорее всего, фотосъемка композиции «О, хо, хо, тяжел русский мужик и кулаком, и весом» была осуществлена в 1945 г. Она отразила

дух Победы и подъем национального самосознания. Но героический образ величия народа в прежней исторической интерпретации, видимо, не вписался в официальные рамки советской идеологии. Скульптурная группа Ф.С. Балаева не пропагандировалась в прессе, и следов оригинала пока обнаружить не удалось. В современной коллекции ВМДИ он отсутствует.

Благодарю за любезное содействие заведующего сектором Отдела дерева ВМДИ К.Ю. Нарвойта. Он сообщил, что, фотография военного времени могла быть сделана для одной из выставок-продаж, которые организовывал НИИХП в помощь фронту. С начала XX в. богородская игрушка пользовалась спросом за рубежом и была предметом экспорта. В 1945 г. дореволюционное произведение эпохи Первой мировой войны стало антикварной редкостью.

Оцифровка музейных, библиотечных и архивных документов помогает восстановить единое историческое пространство, глубже понять взаимосвязи различных фактов, способствует атрибуции экспонатов разных собраний. Воспроизведение фотоснимка с негатива фототеки НИИХП в данном случае возвратило в научный оборот исчезнувшее произведение известного богородского мастера, расширило представление о его творчестве.

- ¹ *Плотникова М.В.* Из истории богородского народного промысла XIX века. О происхождении сюжета богородской скульптуры // Народное искусство. Материалы и исследования: сборник статей / Гос. рус. музей. Санкт-Петербург: Palace Editions, 2005. Вып. 3. 2012. С. 141—142.
- ² How Jack makes the Turk usefull at Balaclava // Punch. 1855. Vol. 28. Jan. 6. № 704. P. 4. https://archive.org/details/sim_punch_1855_28_0/page/n4/mode/2up/; (дата обращения: 26.01.2024).
- ³ Cham (1818—1879). L’Hercule du Nord se cassant les reins pour avoir voulu se mettre trop de monde sur le dos: [estampe] Bibliothèque nationale de France. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53022077j?rk=858373;2#>; (дата обращения: 26.01.2024).
- ⁴ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53022084m?rk=2682416;4/>; (дата обращения: 11.05.2022.).
- ⁵ ГИМ № 48654/199. Инв. № И III 22201. Госкаталог № 34489998.
- ⁶ Waage. 1948. Mannheimer Karikatur aus dem Jahre 1848. Druck & Verlag der Expedition der Caricaturen in Mannheim, 1848. Reiss-Engelhorn-Museen, Mannheim. <https://www.zum.de/Faecher/G/BW/Landeskunde/rhein/geschichte/1848/did/1/parlam1.htm/>; (дата обращения: 26.01.2024).
- ⁷ *Иткина Е.И.* Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века: из собрания Государственного Исторического музея: [альбом]. М.: Русская книга, 1992. Она же: Рисованный лубок старообразцев в собрании Исторического музея: [каталог]. М.: ГИМ, 2017.
- ⁸ Госкаталог № :12150452; КП (ГИК): ВМДПНИ КП-33448/4099.

- ⁹ В аннотации ГК о негативе указан «Период создания: Вторая половина XX века». Тогда упомянутый выше «1945 г.» относится ко времени создания скульптурной группы. Но воспроизведение произведения по дореволюционному образцу в обстановке того времени представляется невероятным.
- ¹⁰ ГИМ. Госкаталог № 20367036. КП (ГИК) № : ГИМ 81343/22. Инв. № И XI 288/22.
- ¹¹ Русские народные игрушки в открытках Александра Бенуа. Открытое письмо. Иллюстрированная хроника открыток. Год 1. Вып. 7. Столб. 208. В брошюре публикуется план изданий на 1905 г.
- ¹² См. илл.: <http://russiahistory.ru/russkaya-karikatura-v-velikuyu-voynu/>; (дата обращения: 26.01.2024).

Н.В. Углева

Романика, готика и Ренессанс: новые хронологические границы в русском мебельном искусстве

К началу XXI в. в научной литературе окончательно закрепилось положение о гибели в пожарах и войнах всего древнего наследия из области мебельного производства вплоть до XVI в. Сохранились лишь единичные экземпляры XVI в., которые в совокупности с образцами XVII в. образовали единый пласт, характеризующий, по сложившемуся мнению исследователей, древнерусский раздел этого вида искусства. Аксиому о полном исчезновении мебели глубокой старины трудно принять на веру. Во-первых, потому что не имеется документальных тому свидетельств, а во-вторых, в странах Европы, также страдавшей от сражений и огня, она представлена реально существующими артефактами.

Анализируя состав мебельной коллекции ГИМ, встречая в фондах и экспозициях музеев России подобные артефакты, можно выделить значительную группу предметов, которая стилистически не вписывается в культурный контекст определенных датировок. Создается впечатление, что к XVI и XVII вв. наши современники и предшественники относили предметы, явно демонстрирующие в своем художественном и конструктивном решении наработки совершенно иных значительно отдаленных по времени вглубь столетий периодов.

Кажущиеся странными, они выделяются на фоне очевидных стандартных решений XVI и XVII вв., что дает надежду опровергнуть догму о полной утрате наследия старины. Выработанная и существующая уже более столетия мифологема прочно укоренилась и стала непреодолимой преградой для ученых.

Практика экспертирования этой мебели основывалась на мемориальной составляющей. Она базировалась на сведениях о владельцах или месте бытования, таким образом дата создания артефакта была неотрывно привязана к годам жизни обладателя или времени возведения архитектурного сооружения, ставшего местом обрете-

Рис. 1. Стул. Россия. XV–XVI вв. ГИМ

ния памятника, не взирая на внешний облик. Этот алгоритм привел к появлению эталонов, по аналогии с которыми производилось определение времени создания других образцов и только укрепил стену, воздвигнутую на границе наступления XVI в., породив ряд ошибок, некоторые из которых можно отнести к разряду очевидных.

Приведем конкретный пример. В 1937 г. в результате проведения Историческим музеем Чувашско-Марийской экспедиции коллекция мебели обогатилась складным стулом русской работы курульной конструкции (рис. 1). С первого взгляда в нем можно узнать ренессансный итальянский образец XV–XVI вв. в русской интерпретации. Судя по разновидности древесины, из которой он из-

готовлен, это широко распространенная для создания мебели в России береза. С высокой степенью достоверности можно предположить, что данный артефакт оказался на указанной территории, где осуществлялся сбор материала, в далеком прошлом. Например, в процессе активного освоения новых земель в XVI столетии во времена правления Василия III — Ивана IV (Грозного). Известно, что складная мебель была непременным атрибутом любых придворных путешествий, для чего использовалась как уже существующая, так и специально созданная к конкретному событию. Однако стул был записан в учетную документацию, возможно, базируясь на информации последнего владельца, как предмет 1870—1880-х гг., что вызывало недоумение и повлекло изменение атрибуции.

Мебель в России довольно поздно стала объектом антикварного собирательства, по сравнению, например, с живописью, скульптурой, фарфором и т.д., именно поэтому процесс становления мебелидоведения как науки начался лишь на рубеже XIX—XX вв. Если петербургская история мебельного искусства в силу сохранности реальных образцов и документации сегодня может быть прослежена довольно точно, то периоды, предшествующие ей, полны неопределенности. К ним относится даже хронология развития форм барокко в Европе XVI—XVII вв., которая в применении к русской мебели из аристократических интерьеров на удивление определяется XVII—XVIII вв.

Как уже отмечалось, остается загадкой, почему наши предшественники не выделяли в отдельный пласт культурного наследия предметы глубокой древности. Они лишь выявляли особенности, находили им аналоги среди изображений на иконах, лицевых рукописях, монетах и реальных зарубежных памятниках XII—XIII вв. При этом дата создания рассматриваемых артефактов связывалась с периодами значительно более поздних эпох, ссылаясь на совершенно неподтвержденную теорию о национальной особенности. Она сводилась к традиции повторять веками формы, имевшие хождения от двух и более столетий назад, что, апеллируя к общему мнению, было уничтожено войнами и огнем.

Первоисточник этой мифологемы в настоящее время не установлен. Однако можно уверенно утверждать, что многовекового возраста мебель существовала всегда, но прежде не была выявлена, так как не рассматривалась с точки зрения развития художественных стилей на российской почве и в контексте мировой культуры. Хотя такая практика широко применялась для исследования произведений других видов искусства и, в первую очередь, архитектуры, создающейся и «живущей» по весьма сходным с мебелью законам.

Полагаем, что именно это породило ряд ошибок, а также позволило сформироваться мнению об отсутствии предметов обстановки, наполнявших светские и церковные интерьеры в период до восшествия на российский престол династии Романовых.

Собрание мебели Исторического музея является поистине уникальным в целом и единственным в России (безусловно, и в мире) по разнообразию и количеству памятников древнего периода. В процессе работы по систематизации фонда стало очевидно, что определенная предшественниками в рамках XVI—XVII вв. датировка целого массива артефактов не является актуальной, так как эти произведения совершенно не соответствуют духу обозначенного времени.

За отсутствием традиции клеймения или нанесения владельческих знаков на древней мебели осознание культурного контекста является основополагающим в атрибуции, создающим базовую основу для правильной интерпретации того или иного образца и подтверждения возможности появления его на конкретном историческом отрезке. XVI—XVII столетия, отмеченные в европейском искусстве, включая и Древнюю Русь, разными стадиями развития Ренессанса и барокко, зрелыми технологиями в области мебельного производства не могли стать почвой для создания этих предметов, проникнутых архаикой, ярко проявившейся в специфических, устаревших технологиях обработки древесины и реализации конструкции, а также в декоре, отмеченным таинственной древней семантикой.

Большое значение при исследовании мебели любого периода имеет внимательный визуальный осмотр, который позволяет выявить особенности техники исполнения конструкции, декора и, что не менее важно, степень износа, то есть сохранность памятника. В процессе обследования указанных экспонатов удалось установить относительно небольшой вес при явной монументальности формы, а также отметить очевидные множественные следы починки, ремонта, замены или появления неаутентичной фурнитуры, замков, целых узлов и отдельных элементов реставрации. Все эти факты говорят о многовековом возрасте.

Например, рассмотрим небольшой шкаф (ГИМ 87375/Д-II-2046), украшенный темперной росписью на фасаде и торцах, а также резной накладкой на стыке дверец в виде колонны, увитой виноградной лозой и увенчанной антропоморфной маской (рис. 2). Место его прежнего пребывания и способ приобретения остаются неизвестными, так как инвентарный номер был присвоен ему только в 1955 г. на основании результатов сверки. Конструктивное решение

Рис. 2. Шкаф-библиотека. Россия. 1150–1235 гг. ГИМ

с сочленениями под прямым углом, встроенными немобильными полками, следами аутентичных петель, монтировавшихся снаружи, а также значительные утраты декора нащельника и перекраска профилировок ставят под сомнение его атрибуцию — начало XVIII в. Эта дата никак не сопрягается и с декоративным оформлением, ориентированным в тот период на англо-голландские образцы. Серьезные сомнения вызывает и отсутствие аналогов не только в отечественном, но и в европейском искусстве. Поэтому необходимо обратить внимание на то, что демонстрирует сходные элементы или принципы, реализованные в других отраслях искусства. Самым достоверным материалом для разрешения вопросов датирова-

ния мебели является архитектура, внутреннее убранство которой непосредственно связано с меблировкой, часто ретранслирующей в интерьере концепцию наружного облика.

Именно с решением стен, украшенных белокаменной резьбой Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв., можно связать явный акцент декора — антропоморфную маску с прической на прямой пробор и расходящимися в стороны локонами, подчеркнутыми дугами бровей, сомкнутыми губами. Подобные по трактовке образа обнаруживаются в репертуаре деталей разработки стен церкви Покрова на Нерли середины XII в., и в капителях Храма Святого Георгия в Юрьев-Польском (1230—1234). Не вызывает сомнений, что включение в декор не только скульптурной антропоморфной головы, но и использование этого элемента в качестве завершения полуколонны, украшенной резным орнаментом, является результатом освоения романо-готической стилистики, ярко проявившейся в русской и европейской архитектуре.

Идейная программа фронтальной стороны отличается от оформления торцевых сторон. Можно предположить, что это связано с необходимостью связать предмет с интерьерной средой и в первую очередь с поверхностью стен, возможно, разработанных в подобном ключе. В этом контексте вполне обоснованным кажется выбор гризайли, представлявшей широкие возможности для создания декоративных росписей и имитации скульптурного рельефа. Эта же разновидность живописи, начало использования которой связывают с ранним средневековьем, применялась и в книжной иллюстрации, являвшейся интернациональным носителем информации, в том числе представлявшей возможность почерпнуть новшества, достижения и из области искусства. Здесь тиражировались изображения различного толка, одно из которых могло послужить первоисточником для композиции, реализованной в украшении торцевых панелей шкафа.

Готическое начало явно проявилось в декоре филенки, где острые углы некогда покрытых позолотой профилировок образуют четырехконечную звезду, очертания которой вызывают ассоциации нервюрами потолков, разработкой стен, порталов, оконных проемов, алтарных композиций (триптих раннего XII в. северо-французской работы. Музей Виктории и Альберта в Лондоне). Полагаем также, что подобный художественный прием представляет наиболее раннюю из известных попыток отечественного мастера овладеть искусством моделировки плоскости в решении сложной задачи — создание простыми столярными средствами впечатления трехмерности.

Назначение шкафа можно связать с понятием «библиотека». Подобная ей изображена на мозаике мавзолея Галлы Плацидии в Равенне (Италия) второй четверти V в., на основании которой можно выдвинуть предположение о первоначальном наличии козел или иной подставки для удобного использования этого предмета.

Совокупность этих перечисленных фактов позволяет атрибутировать исследуемый предмет как шкаф-библиотеку русской работы, выполненную в романо-готическом стиле. Предположительно, он был изготовлен между 1150 и 1235 гг. в соответствии с приведенными архитектурными аналогами и является самым ранним из сохранившихся образцов корпусной мебели домонгольской Руси, что в корне меняет его первоначальную атрибуцию, обозначенную началом XVIII в.

Рассмотрим следующий пример — стол, означенный в инвентарной книге образцом отечественного производства XVI в., на котором отразились напластования различных периодов (рис. 3). Так, его проножка появилась позже создания предмета, на что указывает ее монтаж на месте утраченной со временем древесины. Однако и она истерта, ослаблена и с внешней стороны продублирована обвязкой для укрепления прочности — результат незамысловатого и непрофессионального ремонта по укреплению конструкции. Петли дверцы врезаны грубо, нарушают выверенный декоративный строй, и появились по истечении времени в результате

Рис. 3. Стол. Россия. Конец XIII – начало XV в. ГИМ

создания резных панелей этой стороны и трансформации правой в распашную створу. Обе они отличаются от остальных деталей и по качеству материала (из хвой выполнен только центральный круг, остальное заменено березой), и по тонировке, контрастирующей с аутентичной поверхностью, и по качеству резьбы, повторяющей прообраз лишь схематично. И главное, они отличаются по изменению смыслового звучания, когда определенное технологией соединения частей перекрестие заменяется монолитным кругом с нарочитым крестом в центре на фоне ромба. Полагаем, что эти элементы заменили предшествующие им.

Прежде стол, так называемого «ящичного» типа, совмещал функции сундука, предназначенного для хранения, и непосредственно стола, используемого для письма, чтения и трапезы. Этот тип описан в монографии Н.Н. Гончаровой о развитии форм русских сундуков¹. В данной модификации изначально доступ во внутреннее пространство осуществлялся путем снятия столешницы. Соответственно, дошедшая до наших дней конструкция подстоля с дверцами не является аутентичной.

В настоящем не существует надежных технико-технологических методов датирования мебели. Экспертиза сегодня, как и в прежнее столетие строится на внимательном визуальном осмотре и использовании накопленного опыта в этой области. Поэтому отметим то, что было выявлено при осмотре изучаемого памятника. Перечисленные факты подтверждают длительный период бытования и значительный возраст памятника, поэтому считаем, что в определении времени его происхождения необходимо сконцентрировать внимание на периодах более ранних, т.е. предшествующих XVI в. Отметим кратко те аналоги, которые были обнаружены и легли в основу обретения новой атрибуции. Звездчатые круги, круглые выемки, зубчатый орнамент в качестве декоративных элементов использованы в моделировке апсид Церкви Успения Богоматери в Мербаке (XIII в.), в разработке стен новгородских церквей Федора Стратилата на Ручью (1360—1361) и Петра и Павла в Кожевниках (1405). Зубчатые линии по кругу и диагональные кресты встречаются на белокаменных московских надгробиях XIV — начала XV в. Центрические окружности с остроугольными треугольниками, расположенными по периметру, лежат в основе решения пола базилики Санта-Мария-ин-Арачели (XIII—XIV вв.), выполненного в технике каменной мозаики «косматеско», существовавшей в XII—XIV вв.

Тема центрических композиций в виде розеток с геометрической орнаментикой, в том числе заключенных в квадрат, что придавало ощущение равновесия и четкого ритма, была широко представлена

в архитектуре Ренессанса, например, в художественном решении фронтона; XIV—XV вв. Базилики Санта-Мария-Новелла, окна-розы Базилики Вознесения Девы Марии в Орвиетто второй половины XIV в., а также в декоре мебели XV в. Аналогичное решение конструкции, которое использовано при создании предметов из исследуемой группы, наблюдается в корпусе аналога 1100—1499 гг. из церкви Вальстена на шведском о. Готланд. Боковые устои, служащие также ножками, вертикальное разграничение в случае двухчастной композиции, круглые розетки в декоре, множественные дефекты износа древесины — все это отражено во внешнем облике европейской мебели XIII — начала XV в. Моделировка формы круглыми отверстиями использована при создании проножки стола из группы мебели, аналогичной изучаемому памятнику, а также в новгородском Людогощенском кресте 1269 г. При раскопках Великого Новгорода были обнаружены самшитовые гребни, украшенные «циркульным орнаментом» в сочетании с волнистыми остроугольными полосами — именно такой художественный прием использован при декорировке исследуемого стола. Мода на подобные гребни была распространена в XIII—XIV вв., но, по свидетельству Б.А. Колчина, занимавшегося обработкой этого материала, пик ее приходился на вторую половину XIV в.²

Из вышеизложенных сведений следует, что стол из собрания Исторического музея, прежде отнесенного к работе русских мастеров XVI в., можно считать произведением новгородских мастеров конца XIII — начала XV в., что обосновывается датами строительства новгородских церквей, белокаменных надгробий, годом изготовления Людогощенского креста, сравнением с артефактами, найденными в процессе новгородских раскопок, и зарубежной мебелью, привлеченной в качестве убедительных аналогов.

Заключительный пример касается курульного кресла, результатом исследования которого был посвящен доклад на конференции ГИМ «Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства» в 2019 г. (рис. 4). Его первоначальная датировка XVII в. была пересмотрена и отнесена на XV — начало XVI в. на основании европейских аналогов и результатов новгородских раскопок, демонстрировавших те же принципы декорировки, которые, кстати, близки декоративному строю вышеописанного стола³.

Подводя итог, отметим, что «обретение» в результате научного исследования перечисленных исторических источников в корне меняет и отрицает тиражируемое на протяжении XX — начала XXI в. положение о том, что самые ранние по времени создания памятники в области мебельного искусства относятся к XVI столетию,

Рис. 4. Кресло. Россия. XV – начало XVI в. ГИМ

а более раннего наследия не сохранилось. На настоящий момент история этого вида декоративного искусства обретает новые хронологические рамки и начинает свой отсчет с XII в., наглядно иллюстрируя проявления Романики, готики и Ренессанса.

Кроме того, в практику атрибуции древней мебели вводится метод формально-стилевого искусствоведческого анализа, подтвердивший на практике высокую эффективность. Его применение при экспертировании состава мебельной коллекции ГИМ принесло неожиданные результаты, позволившие изменить прежнюю атрибуцию, выявить уникальные раритеты и создать группу эталонных образцов XII – начала XVI в. Полученные сведения являются наи-

важнейшим открытием, актуальным как для уточнения прошлого отечественного мебельного производства, так и для исторической науки в целом. Внедрение результатов исследования в музейную практику открывает новые возможности для использования их в различных видах деятельности не только Исторического музея, но и других музеев России, располагающих аналогичными артефактами.

-
- ¹ Гончарова Н.Н. Русские расписные сундуки XVII—XVIII веков в собрании Исторического музея. М.: ГИМ, 2018. С. 13—14.
  - ² Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971. С. 16.
  - ³ Углева Н.В. Современная атрибуция курульного кресла из собрания ГИМ // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI—XX веков: материалы VI научно-практической конференции, 16—18 октября 2019 г. / сост. А.А. Герасимова. Труды ГИМ. Вып. 216. М.: ГИМ, 2021.

Л.Г. Черезова

Свадебный портрет Луизы Волконской

В фонде печатной графики XVIII — начала XX в. отдела ИЗО хранится литографированный портрет молодой женщины, представленной в светлом декольтированном платье, с фатой и флердоранжем на голове, чрезплечной лентой с бантом и маленьким круглым медальоном на левом плече¹ (рис. 1). Подпись: *H. Kempf*. Надпись на гравюре по-французски: *La princesse Louise Volkonsky nee Baronne de Lilien* (Луиза Волконская, урожденная фон Лилиен).

Автор рисунка к портрету — Генрих (Хайнрих) Кемпф (Heinrich Kempf; 1814—1852), немецкий художник эпохи бидермайера, живший в городе Майнце. О его жизни известно немного. С 1848 г. он был хранителем собрания живописи Художественного объединения Майнца (Mainzer Kunstvereins), создал целый ряд видов Майнца. К ним относятся несколько видов Рыбной башни (Fischturm), снесенной в 1846 г. в ходе городской перестройки. С почти фотографической точностью и любовью к повествовательным деталям художник изобразил башню, окрестные дома, а также жизнь в переулках вокруг. Кроме городских видов, Кемпф писал портреты, они неоднократно выставлялись на аукционах. Точно неизвестно, получил ли он специальное художественное образование, так как его портреты выдают погрешности в рисунке, пропорциях и композиции. Однако свадебный портрет Луизы Волконской выглядит достаточно профессионально.

Луиза фон Лилиен, во втором замужестве княгиня Волконская, родилась 28 июня 1807 г. в Верле (Германия, Вестфалия)². Она была единственной дочерью наследного солевара барона Леопольда фон Лилиена и его жены Шарлотты, урожденной фон Аахен. Современники, вспоминая благородную семью родителей Луизы, отмечали царившее в ней «сочетание духа и добра, чистоты сердца».

18 июня 1825 г. в Годесберге (Godesberg) вблизи Бонна состоялось бракосочетание Луизы фон Лилиен с бароном Максимилианом фон Хердингом (Maximilian von Herding)³. После свадьбы они с Луи-

Рис. 1. Портрет Луизы Волконской (1807–1871).
Генрих Кемпф (Heinrich Kempf). 1844 г. Бумага, литография. ГИМ

зой переехали в Маннхайм, где барон был вице-президентом Маннхаймского художественного объединения (Mannheimer Kunstverein), известным коллекционером произведений искусства, активным членом местного Гармонического общества. Брак с бароном фон Хердингом длился 19 лет, однако детей у них не было, и Луиза была несчастлива. Познакомившись с князем А.Н. Волконским, Луиза обратилась к папе Григорию XVI с прошением о расторжении ее брака с бароном фон Хердингом. Надо отметить, что удовлетворение такого прошения происходило крайне редко, в исключительных об-

Рис. 2. Портрет Александра Никитича Волконского (1811–1878).
Игнас Фертиг (Ignaz Fertig) по рис. П. Гульельми. ГИМ

стоятельствах. Тем не менее, 4 июня 1844 г. брак Луизы и барона Максимилиана фон Хердинга был расторгнут.

Венчание Луизы фон Лилиен и князя Александра Никитича Волконского, единственного сына Зинаиды Александровны Волконской, состоялось 17 сентября 1844 г. в церкви русского посольства в Берне (Швейцария)⁴. Следовательно, данный портрет можно точно датировать 1844 г.

Второй супруг Луизы, князь Александр Волконский, происходил из старинного российского дворянского рода и, подобно сво-

Рис. 3. Портрет князя Никиты Григорьевича Волконского. Франц Ханфштенгль (Franz Hanfstaengl) по рис. П. Гульельми. 1843 г. Бумага, литография. ГИМ

ему деду, князю Александру Михайловичу Белосельскому, служил российским посланником в Неаполе, Мадриде и Дрездене⁵. Его литографированный портрет также хранится в фондах ГИМ⁶ (рис. 2). Он выполнен И. Фертигом (Ignaz Fertig)⁷ по рисунку П. Гульельми (Paolo Guglielmi). Возможно, он также был создан к свадьбе. Косвенно это подтверждается еще одним портретом по рисунку П. Гульельми, на котором представлен отец Александра Никитича, Никита Григорьевич Волконский⁸. Рисунок для портрета был сделан в 1843 г. (рис. 3).

В апреле 1845 г. мать Луизы, Шарлотта фон Лилиен, писала, что ее дочь впервые в своей жизни счастлива. А в декабре того же года Зинаида Волконская называла в письме свою невестку доброй католичкой и сообщала о том, что ее у нее есть маленькая дочь Зинаида, названная в ее честь⁹. Несомненно, Зинаида Александровна была рада браку своего сына с католичкой, надеясь, что та сможет склонить его к переходу в другую конфессию, как сама она склонила перейти в католичество своего супруга князя Никиту Григорьевича Волконского незадолго до его смерти. Однако, несмотря на все обстоятельства, Александр Никитич отказался принять католичество, оставаясь православным.

Умерла Луиза Волконская 1 февраля 1871 г. и похоронена в Риме на кладбище Кампо Верано.

Стоит обратить внимание на то, какой знак носит Луиза Волконская на левом плече. Архивист из города Верль (Северный Рейн-Вестфалия, Германия), Михаэль Йолк (Michael Jolk) в своем исследовании, посвященном отцу Луизы Леопольду фон Лилиену, сообщает о том, что она была канониссой монастыря св. Анны¹⁰. Сведений о пребывании Луизы в этом монастыре не имеется, однако в фундаментальном труде GERMANIA SACRA¹¹ удалось найти данные о пребывании Луизы в женском монастыре в немецком городе Гезеке, где в течение ряда лет Луиза фон Лилиен была канониссой (Stiftsdame) этого монастыря. В информации М. Йолка есть неточность: монастырь был посвящен не св. Анне, а св. Кириаку (St. Cyriacus zu Geseke). Примечательно, что немецкие монастыри с самого начала служили не только религиозным целям, но и для обеспечения незамужних дочерей местной помещицкой знати. Назначение канонисс обычно не являлось отражением каких-либо заслуг этих женщин, скорее следует признать достижения их отцов. Для незамужних женщин статус канониссы обеспечивал признанное положение в обществе.

Титул Stiftsdame был желанной наградой, которая обеспечивала его обладательнице уважаемое положение в обществе и фиксированный доход (так называемую «пребенду»¹²) с правом проживания в монастыре. Впоследствии на канонисс уже не распространялись обязанности проживания в монастыре. Некоторые монастыри, в том числе Гезеке и Кеппель, больше вообще не предоставляли канониссам квартиры, а ограничивались выплатой пребенды своим канониссам, разбросанным по всей Пруссии. Курфюрст (а впоследствии и король Пруссии) был заинтересован в том, чтобы количество канонисс, получивших пребенду, оставалось в определенных пределах, поэтому количество канонисс

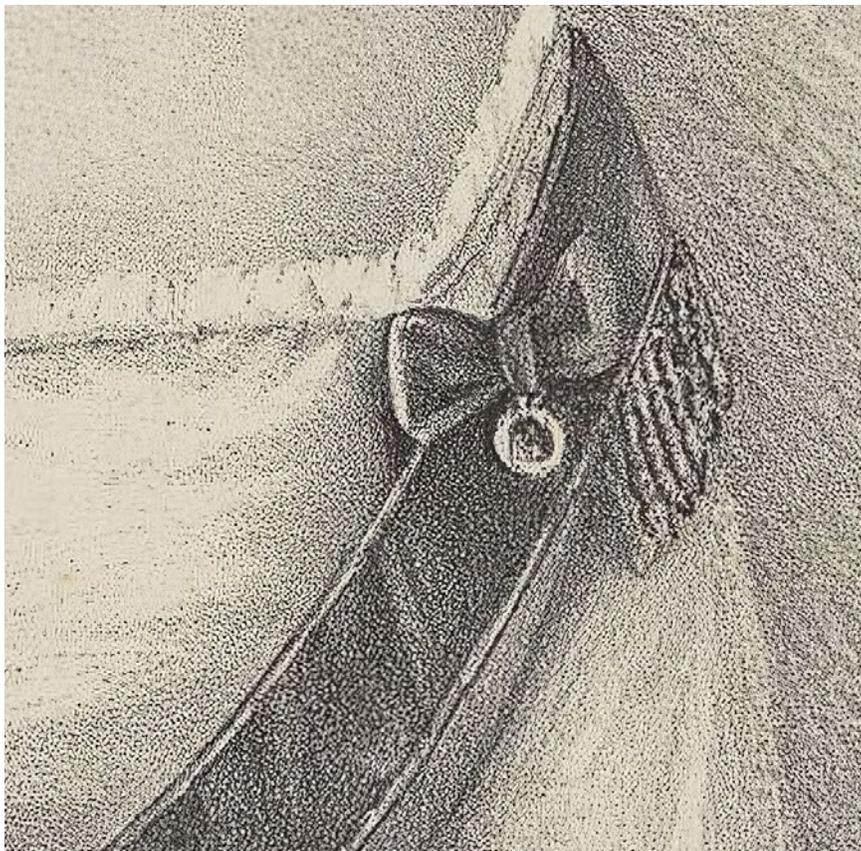

Рис. 4. Медальон. Фрагмент портрета Луизы Волконской. ГИМ

было ограничено. Совместный фонд (Prebendenstiftung) монастырей в Гезеке и Кеппель (Geseke и Kappel) в 1826 г. был предназначен всего для 19 пребендариев. Спрос на эти должности был непрекращающимся. Чтобы стать канониссой, нужно было сначала быть принятой в круг «ожидających». Поэтому пребенды нередко дарили сестрам или племянницам¹³. Так, Луиза фон Лилиен 17 декабря 1815 г. получила пребенду от гессенского герцога после замужества ее тетки (родной сестры ее матери) Софии фон Аахен (Sophia von Aachen).

Луиза фон Лилиен не могла получить по наследству солеварни своего отца, поскольку в прусских и немецких дворянских семьях наследство передавалось только сыновьям. Однако, будучи знатного происхождения, она имела право на пребенду. Пребенды со-

стояли в значительной степени из платежей натурой, и их денежная стоимость была подвержена колебаниям. Так, в 1822 г. Луиза фон Лилиен получила содержание в размере 163 рейхсталеров¹⁴. Выйдя в 1825 г. замуж за барона фон Хердинга, Луиза утратила свои привилегии и право на пребенду. Однако в память о пребывании в статусе канониссы она сохранила специальную медаль, которая вручалась в монастыре.

На гербе монастыря св. Кириака в Гезеке изображен агнец. Соответствующее изображение агнца присутствует и на медальоне канониссы. В монастырь принимались незамужние дамы различных конфессий¹⁵, это различие отражалось и в медали. Так, «католический» ягненок, изображенный на медальоне, несет флаг, а «протестантский» — крест¹⁶. Поскольку Луиза была католичкой, у нее должен был быть католический медальон, где агнец несет флаг. Канониссы обязались «всегда носить религиозный знак с высоким благородством, «с почестями и достоинством». Благородные дамы носили медальон на ленте, а представительницы бюргерских семей — знак меньшего размера на банте¹⁷. Интересно, что на своем свадебном портрете Луиза фон Лилиен изображена с монастырским медальоном на ленте, хотя во многих монастырях в случае брака медаль требовалось вернуть в монастырь, а она вступала в брак уже второй раз (рис. 4). Судя по всему, в монастыре Гезеке такого требования не было.

Проведенное исследование позволяет точно датировать портрет 1844 г. — датой бракосочетания Луизы фон Лилиен с Александром Волконским, а также дополнить биографию Луизы Волконской, урожденной баронессы фон Лилиен, сведениями о ее пребывании в монастыре св. Кириака в Гезеке в качестве канониссы. Также приводятся данные об авторе портрета, немецком художнике Генрихе (Хайрихе) Кемпфе.

¹ Н. Кемпф. Княгиня Волконская Луиза. Бумага, литография. 55,5 × 38. Поступление: в ноябре 1934 г. ГИМ 76715/15 И III 11398.

² Алоизия Мария София Юзефа фон Лилиен (Aloisia Maria Sophia Josepha von Lilien; 1807—1871).

³ Барон Максимилиан фон Хердинг (Freiherr Maximilian Joseph Claudius von Herding; 1802—1850), камергер королевства Баварии и Великого герцогства Баденского. Его родители — Николаус Казимир, барон фон Хердинг (Nicolaus Casimir Freiherr v. Herding) и Йозефа Урсула Мария, графиня фон Сен-Мартен (Josepha Ursula Maria Gräfin v. Saint-Martin). См.: Lithographie-Porträt. Le Baron de Herding. Herding, (Maximilian von). Um 1840, circa 22,8 × 18,8 cm. 1 Blatt verso weiß Anonymes Brustbild-Portrait

mit Hut und Stock, unten Legende. Zu sehen ist wohl der bayerische Kämmerer Maximilian von Herding, (1802—1850), Sohn der kurpfälzischen Adligen Josepha Ursula von Herding. — Etwas gebräunt. Gut erhalten (*Литографированный портрет. Барон фон Хердинг. Хердинг, (Максимилиан фон).* Без указания места издания, ок. 1840. 22,8 × 18,8 см. Неизвестный художник. Погрудный портрет в шляпе и с тростью, внизу — легенда. Очевидно, изображен баварский камергер Максимилиан фон Хердинг, (1802—1850), сын пфальцской дворянки Йозефы Урсулы фон Хердинг. Слегка пожелтел. В хорошем состоянии [пер. с нем. — Л. Ч.]). <https://www.zvab.com/kunst-grafik-poster/Lithographie-Portr%C3%A4t-Varon-Herding-Maximilian-Ort-1840/13902783906/bd#&gid=1&pid=2/>; (дата обращения: 16.01.2024).

- 4 Русский православный приход в Швейцарии, действовавший при русской дипломатической миссии, был основан в Берне указом императора Александра I от 24 декабря 1816 г. Он стал первым православным приходом в Швейцарии.
- 5 Князь Александр Никитич Волконский (1811—1878), тайный советник. С 1829 г. он находился на службе в Министерстве иностранных дел; в 1858 г. — чрезвычайный посланник в Саксонии, в 1860 г. — в Неаполе, в 1862 г. — в Испании. Автор книги «Рим и Италия». А.Н. Волконский собирал живопись и скульптуру западных мастеров, античное искусство. Александр Николаевич оставался верным православию, что очень огорчало мать. Однако она понимала, что переход сына в другую конфессию негативно отразится на его дипломатической карьере. Нельзя было забывать и о материальной стороне жизни. Ведь, согласно действовавшему в России указу Николая I, все имущество неофитов-католиков подлежало конфискации, поэтому Волконской пришлось записать свои обширные владения на имя сына, чтобы не потерять единственный источник существования. Оставаясь православным, А.Н. Волконский, пользовался в ватиканских кругах большим доверием. Обладая природным благородством, горячо симпатизируя Папе Пию IX, он искренне хотел наладить отношения между Петербургом и Апостольской столицей. Как и родители, умер и похоронен в Риме. Был женат с 1844 г. на баронессе Луизе Леопольдовне фон Лилен (1807—1871).
- 6 Князь Волконский Александр Никитич. Бумага, литография. 58,2 × 40 см. ГИМ 76715/19. И III 11402.
- 7 Игнац Фертиг (Ignaz Fertig; 1809—1858), немецкий литограф. С 1829 г. И. Фертиг обучался в рисовальной школе в Ашаффенбурге, потом в литографическом институте в Ханау и затем в Мюнхене работал литографом в литографическом институте Готлиба Бодмера. С 1832 г. он посещал там художественную академию. В числе работ И. Фертига многочисленные литографические портреты выдающихся личностей, в том числе членов баварской королевской семьи, а также репродукции картин в Старой пинакотеке в Мюнхене.
- 8 Ф. Ханфштенгль (Franz Hanfstaengl) по рис. П. Гульельми. Князь Волконский Никита Григорьевич. 1843. Бумага, литография. 56,2 × 36,2 см. ГИМ 76715/26. И III 11409.
- 9 Fairweather M. The Pilgrim Princess: A Life of Princess Volkonsky. London, Constable, 1999. S. 258.

- ¹⁰ Aloysia Maria Sophia Josepha genannt «Luise» v. Lilien, *1807 Werl, +1871 Rom, begr. «Campo Verano», St. Annen-Stifts-Dame, Patentochter der Großherzogin Luise v. Hessen-Darmstadt // Michael Jolk. Der Werler Erbsälzer Leopold von Lilien (1770—1829) (*Алоизия Мария София Йозефа фон Лилиен, прозванная «Луиза» (1807—1871), похоронена на Кампо Верано, канонисса монастыря св. Анны, крестница великой герцогини Луизы Гессен-Дармштадтской* [пер. с нем. — Л.Ч.]). <https://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/txt/beitrwff-16192.pdf> /; (дата обращения: 16.01.2024).
- ¹¹ GERMANIA SACRA. Historisch-statistische Beschreibung der Kirche des Alten Reiches. Herausgegeben vom Max-Planck-Institut für Geschichte. Redaktion Nathalie Kruppa Neue Folge 50. Die Bistümer der Kirchenprovinz. Köln. Das Erzbistum Köln 6. Das adlige Kanonissenstift St. Cyriakus zu Geseke. 2007. Walter de Gruyter. Berlin. New-York <http://stiftsdamen.de/zehdenick.htm>. /; (дата обращения: 03.12.2023).
- ¹² Пребэнда у католиков и протестантов — особый вид бенефиция, право на доход с церковной должности. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; (дата обращения: 16.01.2024).
- ¹³ Sophia von Aachen, Tochter des münsterischen Hauptmanns Clemens August von Aachen und seiner Ehefrau Johanna von Amboten, erhält am 5. Februar 1815 eine Präbende vom hessischen Großherzog (Akten 278 Bl. 65; 1305), die ihr am 15. November 1813 angekündigt worden war. Zu diesem Zeitpunkt hält sie sich in Werl auf, am Ort ihrer mit Leopold von Lilien verheirateten Schwester Charlotte). Sie beauftragt Fanny von Ketteler mit der Wahrnehmung ihrer Verpflichtungen in Geseke. Sie resigniert im Dezember 1815, um im September 1816 ein Mitglied der Familie von Spiegel zu Peckelsheim zu Borlinghausen zu heiraten. Ihre Präbende geht am 17. Dezember 1815 an Louise von Lilien (Akten 1404; 278 Bl. 79; RegArnsb 15 Nr. 54). (S. 402) (*София фон Аахен, дочь мюнстерского капитана Клеменса Августа фон Аахена и его супруги Иоганны фон Амботен, получает 5 февраля 1815 г. от гессенского Великого герцога пребенду, которая была ей присуждена 15 ноября 1813 г. к этому моменту она пребывает в Верле, вместе со своей сестрой Шарлоттой, замужем за Леопольдом фон Лилиеном). Она опрошена Фанни фон Кеттлер об исполнении ее обязанностей в Гезеке. Она была уволена с должности в декабре 1815 г., когда вышла замуж за члена семьи фон Шпигель цу Пекельсхайм цу Борлингхаузен. Ее пребенда переходит 17 декабря 1815 г. к Луизе фон Лилиен* [пер. с нем. — Л.Ч.]). <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Tb7nJIZvN9QJ>: https://www.wikiru.wiki/blog/de/Stift_Keppel+&cd=14&hl=ru&ct=clnk&gl=ru/; (дата обращения: 12.11.2022).
- ¹⁴ Chanoinesse Louise von Lilien. 1822. Germania Sacra. S. 98.
- ¹⁵ https://vereins.fandom.com/wiki/Stift_Keppel; https://de.wikipedia.org/wiki/Stift_Keppel/; (дата обращения: 16.01.2024).
- ¹⁶ Unter anderem anhand der Stiftsorden der Keppeler Stiftsdamen dokumentiert er (с 1822 г.), dass sich die konfessionelle Differenzierung bis in das 19. Jahrhundert auswirkte. Das auf dem Medaillon dargestellte „katholische“ Lamm trug eine Fahne, das „evangelische“ ein Kreuz. (*Среди прочего по поводу монастырского ордена канонисс Кеппеля он*

подтверждает (с 1822), что конфессиональное различие сохранялось и в 19 в. Представленный на медальоне «католический» агнец нес флаг, «евангелический» (протестантский) – крест [пер. с нем. – Л. Ч.]]. <https://www.siwiarchiv.de/siegerland-12014-erschienen/>; (дата обращения: 16.01.2024).

- ¹⁷ Die adligen Stiftsdamen trugen dieses an einem Schulterband, die bürgerlichen in etwas kleinerem Format an einer Damenschleife (*Благородные дамы носили его (медальон) на чреспечной ленте, дамы буржуазного происхождения – меньшего формата на банте* [пер. с нем. – Л. Ч.]). [https://www.kuenker.de/de/archiv/stueck/137043#:~: text=Die%20adligen%20Stiftsdamen%20trugen%20dieses, war%20 zus%C3%A4tzlich%20mit%20Diamanten%20besetzt/](https://www.kuenker.de/de/archiv/stueck/137043#:~:text=Die%20adligen%20Stiftsdamen%20trugen%20dieses,war%20zus%C3%A4tzlich%20mit%20Diamanten%20besetzt/); (дата обращения: 16.01.2024).

Часть четвертая

Музейное дело

А.С. Белоусов, А.В. Ляшко

Wunderkammer Ассамблеи петровских музеев России: опыт комплексной цифровизации наследия¹

Новое время осуществило значительный сдвиг в вопросах сохранения культурного наследия, что привело к более широкой дискуссии об учреждениях, которые его хранят, изучают, популяризируют, интерпретируют и приумножают. Музей, некогда бывший закрытым «храмом» культуры, действовавшим для и в интересах определенных социальных групп, с ходом времени превратился в общественное учреждение и все более вовлекался в постоянный диалог с обществом². Однако столетия спустя вместе с цифровизацией возник коммуникационный кризис между музеем и его аудиторией. Изменилось не только восприятие привычных форм музейной коммуникации, таких как постоянные экспозиции, временные выставки и архитектура музейных пространств, но и появилась совершенно новая инфраструктура — Интернет. Цифровое расширение стало новым пространством для общественного обсуждения и потребовало от музеев подтвердить свою открытость в широком понимании слова по отношению к своим посетителям, которые теперь стали «пользователями» в цифровой парадигме³.

В связи с этим музеи столкнулись с необходимостью цифровой трансформации. Академические и культурные учреждения сегодня имеют достаточно богатый опыт создания цифровых систем, направленных на обобщение, каталогизацию, анализ, хранение, визуализацию и публичное представление обширных массивов данных в рамках Digital Public Humanities и Heritage Science⁴.

Однако музейные системы, которые существовали в течение последних 30 лет, помимо технических проблем (интерфейс, обработка данных, визуализация), имеют серьезный недостаток как в технической реализации, так и в исследованиях культурного наследия — изолирующий фокус на материальном наследии⁵. В то же время любой музейный объект включает в себя культурные метаданные, которые обладают субъектностью и могут быть полу-

чены путем деконструкции основного объекта. Кроме того, если их можно получить, то их также можно хранить, систематизировать, изучать, популяризировать, представлять в цифровом виде и даже вновь деконструировать. Современные передовые музеи, будучи динамичными общественными учреждениями, стремятся отойти только от репрезентации объектов материального наследия, и предпринимают попытки работы с историческими нарративами, эмоциями, устными традициями, утраченными предметами и т.д.⁶

В то же время после изъятия или утраты материального объекта из музея (закрытия выставки, институции, проекта, окончания перформанса, кражи или безвозвратной утраты предмета и т.п.), он выпадает из системы, теряет свою субъектность во внутреннем (профессиональном) и внешнем (публичном) поле системы. Современность уже ответила на некоторые острые вызовы созданием цифровых медиа архивов. Тем не менее, опять же, цифровые медиа зацикливаются на цифровой копии объекта, не уделяя должного внимания деконструкции и архивированию составляющих его элементов, будь то нарратив, код (актуально для цифровой археологии), легенда или контекст творения.

Обсуждая цифровую трансформацию музеев, мы не можем не отметить, что цифровизация — это нелинейный процесс, который увеличивает разрыв между учреждениями, привнося цифровое неравенство⁷.

Вот почему межинституциональное сотрудничество важно, когда более крупные учреждения, обладающие большими ресурсами (техническими, материальными, кадровыми, финансовыми) объединяют свои усилия с более малыми некоммерческими, региональными, муниципальными и даже частными институциями для перераспределения общественных и цифровых возможностей. Аналогичным образом, разработка системы управления собранием — это совместная работа, направленная на то, чтобы сделать процесс сбора и представления цифровых объектов материального и нематериального культурного наследия более целостным и открытым.

В связи с масштабно отмечавшимся в 2022 г. в России 350-летием со дня рождения Петра Великого, в ряду многих продуктивных инициатив и мероприятий была предложена беспрецедентная проектная инновация и по указанному вопросу. Была предпринята попытка объединения усилий Ассамблеи петровских музеев России в лице ее лидера — Государственного музея-заповедника «Петергоф» и Университета ИТМО (Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики).

Ассамблея выступила в качестве мощного межмузейного объединения, аккумулирующего значительный массив информации современных отечественных музеев о Петре Великом и обладающего серьезной экспертной ролью в области культуры и Digital Public History. Университет ИТМО — передовое образовательное учреждение России, имеющее обширную экспертизу в области Digital Humanities. Цель межинституционального и междисциплинарного взаимодействия — создание цифровой платформы, нацеленной на сбор, сохранение, репрезентацию наследия Петра Великого, верифицированных исторических и культурных метаданных от музеев-участников Ассамблеи.

Организация, объединившая петровские музеи страны, создавалась в канун юбилейного года Петра I, по инициативе Министерства культуры Российской Федерации и лично статс-секретарь-заместитель Министра культуры А.Ю. Маниловой⁸. Возглавила Ассамблею генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Е.Я. Кальницкая, доктор культурологии, профессор, видный отечественный исследователь и популяризатор историко-культурного наследия Дома Романовых. Высокий административный ресурс позволил изначально консолидировать около ста отечественных музейных институций готовых к активному проектному взаимодействию. К концу 2022 г. их было более 120, и количество продолжает расти. Понятие «петровский музей» было осмыслено достаточно широко. Инициаторами Ассамблеи не предпринималась попытка его методологического и идеологического цементирования по причине того, что это создало бы определенные пороги входа для музеев в объединение. Если бы критерием вступления в Ассамблею стало наличие в собрании мемориальных вещей первого императора или наличие документально подтвержденных мест его личного пребывания, это бы критично сократило число участников до узкого ряда преимущественно федеральных музеев. Ассамблеей петровских музеев был заявлен иной подход — добровольное вступление через самоидентификацию музея с личностью Петра Великого. То есть решение о вхождении того или иного музея принималось на местах — администрацией музеев или управлениями культуры в регионах, муниципальных округах, где хранится сегодня память о Петре и его наследии. Принадлежность к петровскому музею могла строиться даже на условной легенде о Петре Великом, его личной или опосредованной (семья, сподвижники, инициативы или деяния и проч.) связи с той или иной местностью, которая поддерживается и популяризируется музеем. Создание подобной организации позволяет провести своеобразную ком-

плексную ревизию петровского наследия — выявить, где, как и что помнят о Петре I⁹.

Проект Университета ИТМО и Ассамблеи петровских музеев России получил название «Wunderkammer: сохранение и репрезентация наследия Петра Великого в цифровом пространстве», и его команду составили специалисты двух институций¹⁰.

Межинституциональная и междисциплинарная команда разработчиков поставила перед собой следующие задачи:

- комплексная репрезентация исторического наследия Петра Великого;
- конструирование единого мемориального пространства и исторической памяти о Петре Великом в цифровой среде;
- контекстуализация исторической информации о Петре Великом;
- создание информационно-образовательной среды о Петре Великом с элементами персонифицированного сторителлинга;
- создание открытого программного обеспечения для коллаборативного сбора коллекций с минимальным порогом входа для пользователей;
- разработка платной SaaS-платформы с персонифицированной настройкой на базе открытого программного обеспечения для коллаборативного сбора коллекций.

В рамках проекта было принято решение о создании двух взаимосвязанных платформ — Soroka (транслитерация названия птицы «сорока») для сбора и обработки данных и Wunderkammer (от нем. — «кабинет чудес») для их публичной репрезентации.

На первом этапе работы был проведен историографический анализ крупных современных Digital Humanities проектов, направленных на репрезентацию исторических данных, а также технических решений, с помощью которых эти проекты были реализованы и собирали культурные данные. Среди них выделяются, например: «The Imperia Project»¹¹, основанный и курируемый профессором Гарвардского университета К. О'Нил; работы Центра истории и новых медиа имени Роя Розенцвейга Университета Джорджа Мейсона; «ITINERA PETRI: биохроника Петра Великого день за днем»¹², собранная за четыре десятилетия одним из крупнейших петроведом современности Е.В. Анисимовым; «Руниверс»¹³; «Свод петровских памятников России и Европы»¹⁴, курируемый Институтом Петра Великого. Среди технических решений: платформа Omeka, Scalar, КАМИС и др. В рамках этой работы производилась исследование принципов публичной репрезентации метаданных, анализ их публичной и технической структур, а также юзабилити интерфейса,

UX/UI дизайна. Решение задачи по историографическому анализу и формированию контент-каркаса публичной версии сайта Wunderkammer позволили более детально проработать принципы сбора, создания, анализа, архивации метаданных. Команда сконцентрировалась на достижении двух целей: собрать данные от музеев-участников Ассамблеи петровских музеев России и произвести первый пробный набор метаданных о жизни Петра Великого.

Первая задача реализовывалась посредством анкетирования музеев с предложением предоставить базовую информацию: официальные данные, контакты музея, объяснение, почему музей относит себя к «петровским»; наличие мемориальных вещей Петра I и / или предметов его времени, и / или музейных предметов, связанных с сохранением памяти о Петре I, их изображения и аннотации; фотографии архитектурных памятников или ландшафтов, связанных с именем первого императора. Благодаря слаженной работе и выверенной коммуникационной стратегии за несколько месяцев удалось получить и первично систематизировать необходимую для последующего анализа информацию. Также благодаря выверенной коммуникации с музеями был выявлен их интерес к публикации указанных материалов на портале Wunderkammer и их интеграцию в платформе Soroka.

Анализ данных привел к выделению типизации свойств для проекта Soroka и неожиданным архитектурным решениям. Была разработана структура хранения данных в Soroka с возможностью быстрого масштабирования под любой проект с любой структурой данных, был выбран критический стек технологий и используемых платформ/библиотек. Таким образом, была достигнута одна из быстрых побед в форме выработки сущностей: адрес, аннотация, архивный шифр, библиографическое описание, геолокация, годы, дата, дата создания, дата утраты, даты жизни, документы (например, лицензионный договор), жанр, значимая информация, издатель, инвентарный номер, историческое название, источник, материал, медиа, место создания, место хранения, название, опровержение, оригинальный текст (прямое цитирование), перестройки, платформа, правообладатель, прозвище, размеры, разработчик, род деятельности, родители (семья), современное название, создатель (автор/изготовитель), социальные сети, социальный статус, сущность (что это в реальности), техника, участники, ФИО, фонд, формат, характер объекта (город, лес и т.п.), художественный текст, цитируемость (набор ссылок), url и т.д.

Сущностям также были присвоены технические характеристики отображения (md, sizes, files, string, geo и др.). Это позволило создать первые шаблоны заполнения данных платформы Soroka с выделе-

нием для каждого общих и специальных сущностей: общее, важное место, события, памятники, утраченное, фольклор, ложные факты, публикация, события, архитектура, люди, документ, цифровой предмет, игра, карты, музейный предмет, организация. Заполненные шаблоны могут объединяться в картотеки (наборы карточек) при условии того, что каждая первичная (не более дробной единицы) заполненная карточка может входить в несколько картотек, сформированных по совершенно разным признакам (традиционное музейное фондирование, цвет, локация, персонализация и т.д.). Картотеки в свою очередь могут образовывать аналогичные объединения схожим образом и тем самым создавать структуру более персонифицированного фильтра.

При разработке платформы Soroka анализ данных позволил применить нестандартное решение для работы с историческими датами: система поддерживает все необходимые форматы, сохраняя способность фильтрации и сортировки дат вида: «Первая половина XVII века», «1810-е». Реализована поддержка григорианского и юлианских календарей, требуемых для первичного набора данных.

Также была проанализирована и технически описана возможность добавления медиаданных, базирующаяся не только на огромной вариативности исходных сведений, но и на дальнейшем их использовании при публикации информации. Данные из Soroka планировались обладающими необходимыми метасведениями, исключающими вопросы их отображения на других сайтах. Например: «Какой из десятков файлов главный?», «Что показывать на обложке?», «Какой тип медиа использовать?» и т.п. Свойство геолокации уже на первой итерации качественно отличается от других проектов: например, при добавлении исторической локации с изменившимся названием в Oteka будет потерян контекст названия, в Soroka же остается семантика всех данных.

В контексте деятельности Ассамблеи петровских музеев России, важная особенность платформ Soroka и Wunderkammer заключается в том, что участникам межмузейного объединения предполагается предоставления свободного внесения данных в базу данных под верифицированным аккаунтом. Таким образом, каждый музей или любая иная организация может использовать обе платформы для собственных задач (личные картотеки, ДН-проекты, исследования и т.д.), а также вносит вклад в формирование единой базы данных петровского наследия, неограниченное исключительно материальными объектами. Подобный подход к сбору, обработке и визуализации культурных метаданных выделяет платформу Soroka среди другого программного обеспечения для коллаборативного сбора.

Цифровизация музейной сферы не только способствует решению традиционных задач музеев, но и предоставляет эффективные инструменты в области сбора, объединения, обработки, верификации, экспертизы культурного наследия, что позволяет более эффективно выявлять и комбинировать верифицированную культурную информацию, генерировать новые смыслы и брать их за основу актуальных и оригинальных музейных инициатив (исследований, выставок, изданий, туристических маршрутов и т.п.).

Это стало возможным благодаря плодотворному межинституциональному взаимодействию организации культуры (ГМЗ «Петергоф») и технического академического учреждения (Университет ИТМО). Подобная коллаборация приводит к продвижению цифровой толерантности как в профессиональной культурной среде, так и в обществе в целом.

- ¹ Реализовано в рамках проекта «Wunderkammer: сохранение и репрезентация наследия Петра Великого в цифровом пространстве» программы развития ИТМО 2030 (М-Платформа), осуществляемой согласно программе стратегического академического лидерства Правительства Российской Федерации «Приоритет 2030».
- ² *Cameron D.* The museum, a temple or the forum // *Reinventing the museum: Historical and contemporary perspectives on the Paradigm Shift.* 2004. № 12. P. 61—73.
- ³ *Arthur P.* Exhibiting history: the digital future // *Journal of the National Museum of Australia.* 2008. Vol. 3. № 1; *Marini C., Agostino D.* Humanized museums? How digital technologies become relational tools // *Museum Management and Curatorship.* 2021. P. 1—18; *Zollo L. et al.* How do museums foster loyalty in tech-savvy visitors? The role of social media and digital experience // *Current Issues in Tourism.* 2022. Vol. 25. Issue 18. P. 2991—3008.
- ⁴ *Бородкин Л.И.* Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // *Историческая информатика.* 2012. Т. 1. № 1. С. 14—21; *Barroso I., Hartmann N., Ribeiro Cr.* Metadata crosswalk for a museum collection in a thematic digital library // *Journal of Library Metadata.* 2015. Vol. 15. Issue 1. P. 36—49; *Duff W.M., Haskell J.* New uses for old records: a rhizomatic approach to archival access // *The American Archivist.* 2015. Vol. 78. Issue 1. P. 38—58.
- ⁵ *Srinivasan R. et al.* Digital museums and diverse cultural knowledges: Moving past the traditional catalog // *The information society.* 2009. Vol. 25. Issue 4. P. 265—278.
- ⁶ *Pearce S.M.* Thinking about things // *Interpreting Objects and Collection.* Routledge, 2012. P. 125—132.
- ⁷ *Sartori A.* Towards an intellectual history of digitization: Myths, dystopias, and discursive shifts in museum computing // *Digital Scholarship in the Humanities.* 2016. Vol. 31. Issue 2. P. 428—440.

- ⁸ Указ «О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/58907/>; (дата обращения: 09.06.2022).
- ⁹ Белоусов А.С. «Не только для забавы, но и для дела»: Ассамблея петровских музеев России — уникальная межмузейная инициатива // Восьмая коллегия музеев Военно-Морской направленности. Доклады и материалы. СПб., 2022; Официальный сайт Ассамблеи петровских музеев России. URL: a-peter.ru/; (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹⁰ Руководитель проекта: А.А. Пучковская (Университет ИТМО); куратор технической разработки: А.А. Ботенков (ГМЗ «Петергоф»); куратор культурных метаданных: А.С. Белоусов (ГМЗ «Петергоф»); научный редактор: А.В. Ляшко (ГМЗ «Петергоф»); менеджер: Л.В. Зимина (Университет ИТМО); координатор по сбору материалов: М.Ю. Жуковская (ГМЗ «Петергоф») и др.
- ¹¹ The Imperia Project. URL: imperia.scalar.fas.harvard.edu/imperia/; (дата обращения: 15.04.2023).
- ¹² ITINERA PETRI: биохроника Петра Великого день за днем. URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/>; (дата обращения: 04.02.2023).
- ¹³ Проекты Руниверс. URL: <https://runivers.ru/doc/>; (дата обращения: 01.08.2022).
- ¹⁴ Свод петровских памятников России и Европы. URL: petersmonuments.ru/; (дата обращения: 29.01.2023).

М.А. Виноградов

«У истоков Исторического...»: выставка в школьном музее и ученическая конференция

Государственный исторический музей (ГИМ) — крупнейший национальный музей России — всегда находился в центре внимания школьников, интересующихся прошлым Отечества. Постоянная экспозиция музея включает в себя наиболее интересные памятники, позволяющие составить представление о всех этапах истории человечества, начиная с первобытности. Интерес к истории науки, становлению и развитию музейного дела в России обогащает внутренний мир подрастающего поколения, развивает познавательный и воспитательный потенциал личностного роста современного школьника. В этой связи одна из задач школьного образования — на примере изучения и презентации 150-летней истории ГИМ показать сложность данного явления и его привлекательность, предложить варианты для совместного творческого поиска в рамках экспозиционных проектов и образовательных программ. Особую роль в этом направлении играет школьный музей, развивающий традиционные и генерирующий новые формы взаимодействия с обучающимися.

В 2020 г. в Школе № 1797 «Богородская» (Москва) прошли две выставки, приуроченные к 200-летию со дня рождения выдающихся историков России — Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879) и Ивана Егоровича Забелина (1820—1908)¹. В рамках экспозиционного проекта, посвященного памяти И.Е. Забелина, 29 сентября 2020 г. состоялась ученическая конференция, на которой были рассмотрены основные заслуги замечательного отечественного историка и выдающегося музейного деятеля, стоявшего у истоков создания Исторического музея на Красной площади.

К 150-летию со дня основания главного музея отечественной истории в феврале 2022 г. школьный музей представил новую выставку, в центре внимания которой оказалась целая плеяда государственных деятелей и корифеев музейного дела Российской импе-

рии рубежа XIX—XX вв. Центральными экспонатами юбилейного выставочного проекта стали уникальные для школьной аудитории дореволюционные издания, отражающие эпоху становления Исторического музея. В брошюру «Сведения об устройстве Музея имени Государя Наследника Цесаревича» (1874) были включены важнейшие документы полуторавековой давности: «Извлечение из Устава музея», «Постановление Московской городской думы 16 апреля 1874 года по вопросу об отводе места на Красной площади под Музей имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» и «Рескрипт Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, данный на имя Московского Городского Головы Действительного Статского Советника Шумахера»². В мемориальном сборнике «Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова» (1885) были опубликованы «речи, прочитанные в соединенном заседании ученых Обществ 28 февраля 1885 года, назначенном Императорским Московским Археологическим Обществом для чествования памяти своего покойного Председателя»³. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (Т. 20. 1897) была дана краткая характеристика Императорского Российского исторического музея: время возникновения и основатели, особенности оформления здания и внутреннего убранства, цель музея, распределение памятников по залам с указанием их количества по разделам⁴. В двух «Отчетах Императорского Российского Исторического музея...» за 1883—1908 гг. и за 1915 г. был размещен богатый комплекс материалов: статьи об основателях, летопись основных событий, обзор важнейших памятников и библиотеки, описание новых поступлений, анализ научной работы, характеристика экскурсионной деятельности, перечень изданий, списки личного состава, членов и дарителей музея⁵. Эти издания были показаны на фоне портретов выдающихся деятелей, причастных к созданию и развитию музея на Красной площади: А.С. Уварова, И.Е. Забелина, великого князя Сергея Александровича. Помимо перечисленных репродукций портретов, выполненных в высоком качестве, на выставке были представлены дореволюционные портреты первых директоров музея и портреты монархов из старинных зарубежных изданий. Портрет Александра II, учредившего музей в 1872 г., был взят из французского двухтомника 1877—1878 гг., из которого происходит и портрет наследника престола Александра Александровича, открывшего музей в качестве нового императора во время коронационных торжеств в мае 1883 г.⁶ Портрет императрицы Марии Федоровны, ставшей вместе с мужем первой посетительницей открытого Исторического музея, был показан из знаменитой английской

газеты викторианской эпохи «The illustrated London News» (1881)⁷. В память о коронационных торжествах в мае 1883 г. и связанном с ними открытием Исторического музея, на школьной выставке был представлен особый экспонат — серебряный коронационный жетон с монограммами нового императора и его супруги.

18 февраля 2022 г., в рамках образовательной программы к выставке, состоялась ученическая конференция «У истоков Исторического...», на которой семиклассники представили и обсудили полуторавековую путь Государственного исторического музея и изложили результаты своих исследований экспонатов юбилейной тематической выставки. Открывая конференцию, руководитель музейного комплекса М.А. Виноградов презентовал свежий номер журнала «Историк». В тематическом выпуске, посвященном эпохе Дворцовых переворотов в России, директор Исторического музея Алексей Константинович Левыкин дал содержательное интервью, отразив основные вехи в истории музея, а также его современные достижения и проблемы⁸. Участники конференции ознакомились и обсудили содержание статьи Евгения Владимировича Пчелова «Парадные сени», в которой рассмотрено геральдическое, генеалогическое и декоративное оформление одной из главных достопримечательностей Государственного исторического музея⁹. В процессе подготовки своих докладов семиклассники детально изучили экспонаты, представленные на школьной выставке, а также специальную литературу¹⁰. Большую помощь в подготовке к участию в конференции школьникам оказали материалы медиапортала ГИМ, на котором опубликована серия передач о выдающихся деятелях, стоявших у истоков главного музея отечественной истории (А.П. Бахрушин, И.Е. Забелин, П.В. Зубов, С.А. Романов, А.А. Семенов, А.С. Уваров, В.О. Шервуд, Н.С. Щербатов).

В своем докладе «Летопись музея: от Высочайшего соизволения до кончины Ивана Забелина (1872—1908)» Александр Рыжов представил основные вехи в истории и становлении Исторического музея, отмеченные специалистами еще в издании 1916 г. Артемий Галеев детально рассмотрел документы из уникальной брошюры 1874 г. «Сведения об устройстве Музея имени Государя Наследника Цесаревича». Выступление Миланы Бабий было посвящено коронационным жетонам Российской империи, особенно реликвии 1883 г., неразрывно связанной с историей музея. В сообщении Марии Пильской был обстоятельно рассмотрен портрет императрицы Марии Федоровны из английского издания 1881 г. в контексте других изображений монаршей особы. Речи В.И. Сизова и И.Е. Забелина о заслугах и значении ученых трудов графа А.С. Уварова, опубликован-

ные в издании 1885 г., оказались в центре внимания Ивана Борисова и Даниила Лагутина. Ближайшие коллеги графа-археолога и организатора музея не только восхищались его неутомимой энергией, но и особенно отмечали значение его вклада в формирование общественного самосознания и самопознания. Списки членов Исторического музея (почетные, действительные, соревнователи), в которых встречаются имена, малоизвестные даже специалистам, были рассмотрены Владимиром Ширяевым. Исследовательская работа в этом направлении ждет своего продолжения.

Благодаря изучению уникальных дореволюционных изданий и источников, включенных в экспозиционное пространство и доступных для исследования, удалось выделить основные события, связанные с этапом становления ГИМ. В центре внимания участников конференции оказались и имена известных государственных деятелей, ученых и меценатов, причастных к основанию Исторического музея, и малоизвестные ранее школьникам фамилии: императоры Александр II и Александр III, В.М. Васнецов, А.Г. Достоевская, И.Е. Забелин, А.А. Зеленой, А.П. Попов, А.А. Семенов, А.С. Уваров, П.С. Уварова, Н.И. Чепелевский, В.О. Шервуд, Н.С. Щербатов, П.И. Щукин и другие.

Позитивный опыт в области изучения и презентации истории Государственного исторического музея на Красной площади, обобщенный в 2020 и 2022 гг. в рамках экспозиционных проектов и образовательных программ к ним, позволил школьному музею запланировать на весну 2024 г. новую выставку, посвященную 200-летию со дня рождения графа Алексея Сергеевича Уварова (1824—1884).

-
- ¹ *Виноградов М.А.* Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения И.Е. Забелина. Образовательная программа к выставке // Забелинские научные чтения — год 2020: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 219. М., 2022. С. 490—494; *Виноградов М.А.* Выставка в школьном музее к 200-летию со дня рождения С.М. Соловьева // С.М. Соловьев и его эпоха: к 200-летию со дня рождения историка. М., 2020. С. 281—286.
  - ² Сведения об устройстве Музея имени Государя Наследника Цесаревича. М., 1874.
  - ³ Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Речи, прочитанные в соединенном заседании ученых Обществ 28 февраля 1885 года, назначенном Императорским Московским Археологическим Обществом для чествования памяти своего покойного председателя, с приложениями. М., 1885.
  - ⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20 (39). СПб., 1897. С. 117.

- ⁵ Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за XXV лет (1883—1908). М., 1916; Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1915 год. М., 1917.
- ⁶ Russes et Turcs: la guerre d Orient. Paris: Librairie de la Société anonyme de publications périodiques, 1877—1878. Vol. 1—2. P. 201, 441.
- ⁷ The illustrated London News. 1881. March 26. P. 296.
- ⁸ Историк. 2022. № 2 (86). С. 46—53.
- ⁹ Там же. С. 54—57.
- ¹⁰ Белозерова И.В. Князь Николай Сергеевич Щербатов. М., 2010; Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Каталог выставки. Ч. 2. XVIII—XIX века. М., 2013; Государственный Исторический музей. Альбом. М., 2007; Кириченко Е.И. Исторический музей: Путеводитель. М., 1984; Кудрина Ю.В. Державный покровитель наук и искусств. Культурная политика Александра III. М., 2020; Стрижова Н.Б. Граф Алексей Сергеевич Уваров. М., 2008; Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.

Е.Ю. Емельянова

Межмузейные образовательные программы в Историческом музее: опыт, проблемы и перспективы

Создание межмузейных образовательных проектов занимает особое место в просветительной деятельности многих музеев, в том числе и в работе Государственного исторического музея. Стремление современного общества к достижению объемных представлений о том или ином событии или явлении и приобретению достоверных знаний всегда находится в противостоянии со средствами массовой информации, популярной литературы, художественной фильмографии, которые не дают возможности в полной мере познакомиться с подлинным историческим контентом и бытовой стороной жизни любого временного периода. Поэтому вполне закономерным представляется устойчивая тенденция выдвигания на первый план исследований такой социальной институции как музей и его трансформации, связанной с изменяющейся ролью музея и появлением его новых функций в современном обществе. Музеи не только хранят, изучают и представляют памятники прошлого, но и на основании имеющихся артефактов могут в интересной и доступной форме объяснить события и явления; «погрузить» человека в определенный исторический контекст эпохи. Однако множество имеющихся артефактов, которые относятся к определенному историческому периоду или к той или иной исторической личности, рассредоточено и хранится в разных музеях, что затрудняет получение целостного представления об эпохах и людях. Этой цели и служит создание межмузейных образовательных программ.

В Историческом музее работа по созданию межмузейных образовательных программ ведется с 2005 г., когда идея их проведения возникла в то время в секторе музейной педагогики научно-просветительного отдела. Первая межмузейная образовательная программа «Изучаем историю и культуру России с древнейших времен до...», несмотря на многократные изменения в просветительной структуре Исторического музея, до сих пор неизменно востребо-

вана у музейной аудитории (школьной и семейной), что лишний раз подтверждает сделанный в свое время правильный выбор музейных педагогов в обращении в своей работе именно к этому направлению.

Образовательная программа «Изучаем историю и культуру России с древнейших времен до...» была создана совместно с Государственной Третьяковской галереей, с 2014 г. ее участником стал Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, а в 2019 г. к проекту присоединились и Музеи Московского Кремля.

Тематика занятий программы охватывает определенные исторические периоды (с древнейших времен и по XIX в. включительно) и в целом предназначена школьникам по мере изучения ими истории в школе с 4 по 9 класс. Программа позволяет синхронизировать события истории России и всеобщей истории. Большое внимание уделяется не только рассмотрению исторических процессов, но и изучению духовной культуры и жизни людей разных эпох.

С 2010 г. совместно с Государственным музеем-заповедником «Царицыно» в Историческом музее была разработана и до сих пор проводится межмузейная образовательная программа «О незабвенно столетие» (в дальнейшем названа — «Век XVIII»). Занятия программы посвящены поворотному периоду российской истории — веку восемнадцатому, во всем его многообразии, что позволяют составить целостный образ столетия. Участники программы, предназначенной школьникам начальных классов (что весьма интересно, так как она специально адаптирована для данной возрастной категории), узнают о российских правителях — императоре Петре I, императрицах Елизавете Петровне и Екатерине Великой, императоре Павле I; о выдающихся победах русского оружия в ту эпоху. Особое внимание уделяется изменениям в социокультурной сфере, появлению в России профессионального русского театра, светской музыки, развитию образования и науки. В Историческом музее занятия проводятся как в специальном помещении — учебном классе, так и непосредственно в залах основной экспозиции музея. Интерактивная часть занятий проходит в музее «Царицыно», где участники-программы погружаются в атмосферу эпохи: они накрывают и украшают праздничный стол, знакомясь при этом с шедеврами из фарфора и традициями сервировки, надевая бальные платья и костюмы, узнают о моде того времени, разучивают бальные танцы под аккомпанемент «живого» оркестра.

С 2012 г. в Историческом музее действует образовательная программа «История на страницах западноевропейских сказок», которая, несмотря на тематику, предназначенную «для малышей», была разработана для школьников 8—9 классов. Это совместный проект Исторического музея и Библиотеки иностранной литера-

туры им. М.И. Рудомино. Занятия программы посвящены изучению западноевропейских литературных произведений XVII—XIX вв., а также знакомству с миром музея и библиотеки. Участники программы, изучая исторические сюжеты и проводя параллели с героями литературных произведений, «создают» совместные творческие проекты «стран, которых нет на карте», но которые населяют знакомые с детства книжные персонажи. Разработка и проведение вышеназванных программ осуществляется методистами отдела образовательных программ и мероприятий Исторического музея.

Отличительная особенность процесса создания межмузейной программы заключается в том, что она не представляет собой просто механическое объединение в одно целое уже существующих разработанных и действующих занятий в Историческом музее и в других его учреждениях-партнерах. Созданию любого межмузейного проекта предшествует долгий и кропотливый труд: вырабатывается концепция будущей программы, определяется ее тематика, разрабатывается специальный методический материал к каждому занятию, предназначенный для методистов — ведущих программы, создаются творческие задания для участников (тетрадь заданий), которые выполняются в едином ключе, преследуют единые цели и задачи.

Вот почему изначально межмузейные проекты задумывались как эксклюзивные, ведь в них вкладываются весьма объемные творческие и материальные затраты. Но постепенно столь привлекательный и познавательный музейный продукт, дающий возможность побывать в разных по своей типологии музеях и познакомиться с теми музейными предметами, с которыми не всегда имеется возможность встретиться в других образовательных программах того или иного музея, привел к увеличению спроса посетителей на данное направление просветительной музейной работы. И это несмотря на то, что такую дорогостоящую программу, как правило, включающую в себя в среднем 12—15 занятий в год, выкупить предлагается целиком и заранее. Тем не менее, недостатка в наборе желающих для участия в межмузейных программах не наблюдается. На наш взгляд, необходимо эти проекты более активно внедрять в музейную практику, привлекая к этой работе молодых методистов, подготовленных опытными и квалифицированными специалистами (отметим, что их не так и много). Хотелось бы, чтобы в дальнейшем развитие межмузейных программ стало отдельным направлением в музейно-педагогической работе Исторического музея, которое бы расширялось и развивалось.

Говоря об образовательных тенденциях последних лет, необходимо также вспомнить и о том, что федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) нацелены не просто

на усвоение обучающимися определенного количества знаний, а на исследования, которые должны осуществляться на основании метапредметного подхода. И в этой связи музеи также стремятся соответствовать новым образовательным тенденциям.

Остановимся более подробно на рассмотрении межмузейной программы «Царь Иван IV Грозный и его эпоха», разработанной и реализуемой с 2019 г. тремя музеями: Государственным историческим музеем, Музеями Московского Кремля и Музеем-заповедником «Александровская слобода». Инициатором ее создания стал научно-методический отдел Исторического музея. Эта программа нацелена уже не только на взаимосвязь Исторического музея с московскими музеями, но и с теми, которые находятся за пределами столицы, таким образом, в данном случае можно говорить о развитии музейного туризма в регионах.

Не случайным стало обращение к историческим событиям середины и конца XVI в. в России, так как именно этот период и личность первого русского царя, Ивана Грозного, который является бесспорным лидером в рейтинге правителей России (за ним следуют император Петр I и императрица Екатерина II), вызывают наибольший интерес у посетителей и, в первую очередь, у семейной аудитории. Необходимо учитывать, что научная оценка эпохи правления Ивана IV до сих пор остается крайне противоречивой, а артефактов сохранилось мало. Программа адресована, прежде всего, школьникам 6—7 классов, а также семейным группам.

Выбор партнеров программы был обусловлен его темой. Государственный исторический музей и Музеи Московского Кремля хранят знаковые раритеты эпохи, среди которых личные вещи Ивана Грозного и членов его семьи. Участники программы знакомятся с экспозицией главного здания Исторического музея, а также с отделами Исторического музея — историко-архитектурными памятниками: Покровским собором (храмом Василия Блаженного) и «Палатами бояр Романовых» (усадебой Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, брата первой русской царицы Анастасии). В Музеях Московского Кремля они посещают территорию крепости и царской резиденции, кремлевские соборы: Успенский, Архангельский, Благовещенский, а также знакомятся с уникальными памятниками Оружейной палаты. Кульминацией программы, а также смысловым и эмоциональным ее завершением является посещение Александровской слободы, где участники проекта оказываются в исключительном мемориальном пространстве, в котором во всей полноте можно ощутить «дух времени», понять, почему именно Слободу выбрал царь в качестве нового «стольного града», статус которого она сохраняла це-

лых 17 лет. Такой комплексный подход позволяет наиболее полно представить эпоху и рассказать об одной из самых сложных фигур отечественной истории — первом русском царе Иване IV Грозном.

От идеи создания данной программы до начала ее реализации прошло два года (2017—2019), в течение которых всеми партнерами проекта была проделана большая организационная и методическая работа.

Прежде всего, авторами проекта были разработаны концепция и тематика будущей программы, которые получили одобрение и были утверждены руководством всех трех музеев¹.

В качестве исполнителей разработанной программы выступили непосредственно ее авторы-создатели: методист научно-методического отдела Государственного исторического музея Екатерина Юрьевна Емельянова, методист отдела детских и школьных образовательных программ Музеев Московского Кремля Юлия Сергеевна Русова и заместитель директора по научно-просветительной работе Музея-заповедника «Александровская слобода» Лариса Алексеевна Зарайская.

Решения об организационных, научных, методических и иных вопросах, связанных с разработкой и реализацией программы, ее авторы принимают только коллегиально. Продвижением программы как музейного продукта занимаются все музеи — участники программы в соответствии с задачами музейных структурных подразделений, осуществляющих в каждом из музеев-партнеров свои рекламные и организационные функции. Финансовая политика определяется в соответствии с конкретными существующими правилами каждого музея — партнера программы.

Занятия программы были разработаны музеями-партнерами таким образом, что их структура, содержание и творческая составляющая выстроены в едином формате, что, безусловно, способствует целостности восприятия программы аудиторией. Музейные занятия построены на сочетании различных интерактивных форм и методов, во главе которых стоит работа с историческими артефактами, что является основной задачей метапредметного подхода в образовании. С этой целью авторами программы для каждого из ее занятий были разработаны письменные задания (творческие тетради). В итоге представляемый материал лучше запоминается и эффективнее усваивается; у участников программы развивается самостоятельное мышление, формируются навыки исследования, складывается умение обосновывать свои выводы. Выполнение творческих заданий осуществляется как непосредственно по ходу проведения каждого занятия, так и после его проведения (при непосредственном руководстве методистов). Предполагается, что какую-либо

часть творческих заданий, требующую более детальной проработки, участники занятий выполняют в качестве домашнего задания, чтобы более глубоко продемонстрировать полученные на занятиях знания и выразить свое собственное восприятие и отношение к тому, что они увидели и узнали, а также почувствовать себя исследователями неизвестного им вопроса или темы. Все перечисленное очень хорошо вписывается в концепцию вышеупомянутого метапредметного подхода в образовании согласно ФГОС. Подобная методика представляется авторам весьма эффективной с точки зрения развития мышления у детей, повышения самооценки и, в целом, ненавязчивого приобщения к изучению отечественной истории.

Творческие задания к темам занятий программы выполнены в единой стилистике и служат не только «рабочей тетрадью» для закрепления прослушанного материала, а представляют собой ярко оформленные буклеты-путеводители — своеобразный памятный «сувенир» от всех музеев-партнеров программы, что может послужить в дальнейшем для посетителей хорошей основой для более углубленного изучения истории и культуры Отечества.

Основной методической формой работы авторов программы с участниками занятий является беседа. В соответствии с возрастной категорией посетителей, а также в зависимости от уровня подготовленности участников в группе, авторы, в ходе проведения каждого занятия, выбирают различные методы общения с аудиторией — рассказ, диалог, вопросно-ответный метод; также используется информационно-рецептивный метод, когда многократное повторение того или иного факта, события, отсылка к одному и тому же образу, предмету, детали, но сделанная каждый раз под иным ракурсом, усиливает восприятие и способствует быстрому и основательному запоминанию материала.

Предполагая, что участниками программы станут, в первую очередь, жители Москвы и Александрова Владимирской области, где располагается музей-заповедник «Александровская слобода», (александровцы), авторы проекта предусмотрели два варианта тематики занятий.

Для москвичей программа проходит в течение четырех дней и состоит из восьми занятий, то есть по два занятия в каждый из дней программы (утром и днем, с перерывом на обед и отдых).

Хотелось бы подчеркнуть, что в этом состоит отличие данной межмузейной программы от всех существующих, ее своеобразие. Программа имеет уже характерные признаки туристского продукта. То есть «московская часть» программы проходит как своеобразный «день царя Ивана Васильевича», как точно подметили одни

из участников программы. Раскрытие тем, затрагиваемых в занятиях программы, сформировано таким образом, что, начинаясь утром на занятии в одном из музеев, оно плавно перетекает в следующее за ним занятие днем в другом музее.

Например, в первый день программы, ее участники приходят в главное здание Исторического музея на занятие «Царь Иван IV Грозный: личность, время и события». Посетители узнают о формировании характера царя; об основных вехах его правления; знакомятся с широким кругом его современников. Слушатели анализируют эпоху правления Ивана Грозного, ее достижения и упущения, подводят итоги. Данное занятие формирует базовую основу изучаемого периода. Участникам программы представляются: власняница (молельная одежда) царя Ивана IV, перстень-печатка царицы Марии Темрюковны, золотые угорские монеты (награды за воинскую службу), парсуна (один из первых русских портретов) царя Фёдора Иоанновича и другие реликвии. Затем, как уже было сказано, после перерыва на обед и отдых, посетители направляются в Музей Московского Кремля на занятие «Московский Кремль и венчание на царство Ивана IV». Происходит своеобразная «переключка» между музеями, когда, например, один из памятников — Царское место или Мономахов трон, с копией которого посетители уже познакомились на экспозиции главного здания Исторического музея, предстает перед ними в подлинном виде в Успенском соборе Московского Кремля.

Второй день проекта посвящен изучению традиций празднования Входа Господня в Иерусалим (Вербного воскресенья), одного из наиболее значимых и торжественных православных обрядов в эпоху Ивана IV. В этот день первое занятие программы проводится в Музеях Московского Кремля, во время которого его участники следуют из Благовещенского собора маршрутом совершаемого в этот день «шествия на осляти», и, начиная со времени Ивана Грозного, традиционно завершаемого в Покровском соборе на Красной площади. Пройдя маршрутом шествия государя и митрополита, участники программы выходят через ворота Спасской башни Московского Кремля на Красную площадь к Покровскому собору. После перерыва на занятии Исторического музея «Царь Иван Грозный и Покровский храм», посетители узнают об истории создания величайшего памятника зодчества середины XVI столетия; знакомятся с его архитектурой и живописью, личным отношением к этому храму царя и его ролью в деле создания собора.

Третий день программы начинается с занятия «Иван IV Васильевич — первый русский царь и его эпоха», которое проходит в Оружейной палате Музеев Московского Кремля, а завершается

посещением «Палат бояр Романовых», являющихся, так же как и Покровский собор, отделом Исторического музея. Занятие проходит в сохранившемся до наших дней памятнике архитектуры XV—XVII вв., где представляется редкая возможность «окунуться» в обстановку повседневной жизни боярской усадьбы, а также услышать рассказ о личной жизни царя Ивана и его первой супруги — царицы Анастасии из рода бояр Романовых.

Четвертый, завершающий день программы, проходит в музее-заповеднике «Александровская слобода» на занятии «Царский град Слобода». В Александров участники добираются самостоятельно, однако при желании, от железнодорожной станции для них организуется встреча и транспорт до музея. В заключение этого дня посетителей ждет итоговый конкурс, задача которого — обобщить информацию об эпохе Ивана Грозного, полученную во всех трех музеях. Конкурсанты делятся приобретенными знаниями, выражают свое мнение о личности Ивана Грозного и его роли в истории России и получают на память подарки-сувениры от всех музеев-участников программы.

Для александровцев предусмотрен экспресс-вариант, состоящий из двух дней, когда, отправившись в Москву, в первый день они посещают три занятия: в Историческом музее, в соборах и в Оружейной палате Музеев Московского Кремля, а также в Покровском соборе (храме Василия Блаженного). Во второй день программы заключительное занятие и итоговый конкурс также проходят в музее-заповеднике «Александровская слобода».

Подобное построение занятий позволяет, объединив исторические источники, хранящиеся в разных музеях, наиболее объемно и детально представить политические и культурные процессы эпохи правления царя Ивана IV, рассмотрев при этом разные аспекты каждой.

Например, одна из ключевых тем в понимании внешней политики Ивана Грозного «взятие Казани», раскрывается при проведении занятия посредством знакомства с экспонатами Исторического музея — доспехом Ивана Григорьевича Выродкова, военного инженера, строителя Свияжской крепости и командующего артиллерией при Казанском взятии, а также с книгой «Казанская история»; затем, обращение к данной теме в Музеях Московского Кремля происходит при изучении настенных росписей в Архангельском соборе и шапки Казанской в экспозиции Оружейной палаты. Кульминацией становится посещение Покровского собора — уникального храма-памятника, возведенного в честь взятия Казани по данному царем обету (обещанию).

Тема «Книжность и развитие книгопечатания» широко представлена в Историческом музее, где в экспозиции находятся Великие Четьи-Минеи, последний том Лицевого летописного свода с правками, сделанными рукой самого царя, и первая печатная книга «Апостол». Эта же тема продолжается в «Александровской слободе», где после пожара на Московском Государевом Печатном Дворе, по приказу царя была устроена Печатня и завершено создание Лицевого летописного свода. Здесь можно увидеть «Псалтырь Слободскую», выпущенную Андроником Невежей, последователем первопечатника Ивана Федорова, а также «попробовать свои силы» в книжном деле, напечатав грамоту на реконструированном печатном станке.

Авторы презентовали свой проект широкой общественности на совместном научно-практическом семинаре, который проходил 12—13 марта 2019 г. в Историческом музее и в музее-заповеднике «Александровская слобода». Проект получил высокую оценку музейного сообщества, преподавателей средней и высшей школ. С 2019 г. и по настоящий момент состоялось 112 занятий проекта, которые посетило 320 человек (при этом необходимо учесть, что в 2020 и частично и в 2021 г. из-за введенных ковидных ограничений музеи не могли принимать посетителей).

Какова же оценка непосредственных посетителей программы? Вот один из отзывов от семьи из Москвы. «Занятия для детей и для нас самих были необычайно увлекательны; мы вместе выполняли задания, узнавали много нового, а на, казалось бы, известные факты смогли совсем по-другому посмотреть. Благодаря этой программе, мы побывали во многих музеях, куда отдельно, скорее всего, и не выбрались бы. Нам очень понравилось, что материал преподносился так, как будто мы находились в гостях у самого Ивана Грозного! Впечатления, которые получили дети, сохранятся на всю жизнь».

Содружество музеев по созданию межмузейного проекта «Царь Иван IV Грозный и его эпоха» оказалось успешным. Проект живет, развивается и пользуется неизменным спросом аудитории.

Вдохновленные успехом своей работы, а также учитывая запрос от посетителей на продолжение межмузейных «путешествий» по следующему историческому периоду, в настоящее время методисты Исторического музея и Музеев Московского Кремля завершают работу по внедрению в практику нового проекта «Царь Борис Годунов и эпоха Смутного времени» в содружестве с новым музеем-партнером — Сергиево-Посадским государственным историко-художественным музеем-заповедником.

Говоря о проблемах, которые, безусловно, существуют всегда, необходимо обратить внимание на организационную и финансо-

вую стороны вопроса. Опыт показывает, что для посетителей легче сориентироваться в программе, приобретя ее сразу целиком в одном из музеев, а не в каждом из музеев отдельным блоком, как это имеет место быть сейчас. Это облегчает решение финансово-юридических вопросов музеям, но создает сложности посетителям, которые часто оказываются в ситуации, когда та или иная часть программы от какого-либо музея-участника ими остается не приобретенной. Данная ситуация создает в итоге сложности методистам, которые вынуждены брать на себя не свойственный им функционал: постоянно находиться на связи с участниками программы, подсказывать им, как решить те или иные организационные и финансовые вопросы, связанные с приобретением межмузейной программы. Иногда им приходится выделять специальное время для проведения того или иного занятия для желающих, которые не успели что-либо приобрести из межмузейной программы в силу того, что не смогли вовремя сориентироваться.

Кроме того, именно в Историческом музее желательно получить поддержку от руководства в решении проблем, связанных с улучшением качества издания творческих тетрадей для участников программ, которые в значительной степени отличается не в лучшую сторону от продукции, например, изданной типографским способом Музеями Московского Кремля.

В заключение хотелось бы выразить надежду на дальнейшее развитие направления межмузейных образовательных программ и, как уже было отмечено, на выделение этого направления в отдельную развивающуюся структуру научно-просветительной деятельности музея, в которой автор видит основу будущего музейного туристического центра Исторического музея.

---

¹ В этой связи хотелось бы выразить благодарность за административную, научную и методическую поддержку межмузейного проекта заместителю директора Исторического музея по научной работе Андрею Дмитриевичу Яновскому и заведующей научно-методическим отделом Любови Ивановне Скрипкиной; заместителю генерального директора Музеев Московского Кремля по развитию просветительской деятельности и популяризации Ольге Владимировне Дмитриевой и заведующей отделом детских и школьных образовательных программ Надежде Васильевне Рошиной; директору Музея-заповедника «Александровская слобода» Але Сергеевне Петрухно, заместителю директора Музея-заповедника «Александровская слобода» по научной работе Марине Константиновне Рыбаковой.

Н.А. Жукова

Продвижение музейного бренда в современной практике

В современном мире музейный сектор занимает значительное место в общей культурной повестке, а его традиционные функции значительно расширились. Музей по потенциалу своего развития становится больше, чем просто учреждением, которое хранит культурные и исторические артефакты. Задача музея — адаптироваться к вызовам общества, стать важной частью городской среды, неким «культурным хабом» для аудитории всех поколений. Это предполагает выход за рамки традиционной музейной деятельности и привлечение в него как можно более широкой публики с помощью модернизации традиционного музейного инструментария и применения современных технологий продвижения в музейной сфере.

Серьезные изменения в стратегиях развития музеев начали происходить в конце 1990-х — начале 2000-х гг., когда перед музейными институциями появились задачи не утратить значение в современной жизни и расширить аудиторию. Российские и зарубежные коллеги отмечают несколько причин этого процесса:

- Усложнение конкурентного ландшафта во всех направлениях: конкуренция с другими музеями за посетителя, конкуренция с активно развивающейся индустрией развлечений и досуга, конкуренция за квалифицированные кадры.
- Переход от «авторитарной» модели взаимодействия с публикой, когда она являлась пассивным «потребителем» музейного продукта, к модели приглашения зрителей к активному совместному участию в музейных мероприятиях.
- Отказ от жестких и однолинейных теорий и схем в науке и принятие новых исследовательских направлений в музейные экспозиции и выставки.
- Условия финансирования музеев стали важнейшим фактором изменений. По мере сокращения государственной поддержки музейные институции вынуждены больше ориентироваться на при-

влечение, помимо музейного посетителя, корпоративных спонсоров и частных жертвователей — тех, кто раньше никак не связывал себя с музейной деятельностью и благотворительностью в данной сфере.

Позиционирование музея в культурном пространстве как учреждения для максимально широкой публики положило начало работе с таким инструментом маркетингового продвижения, как «бренд». В настоящий момент вопрос о разработке, формировании и продвижения бренда является значимым для музеев мира. Определений бренда множество, практически все они включают в себя такие концепты как «торговая марка» и «комплексный символ продукта». В понятие «бренд» входит коллективное восприятие этого названия, выраженное в наборе образов, идей, эмоций. Через бренд аудитории передается сообщение, вызывающее у потребителя определенные ассоциации, влияющие на желание воспользоваться тем или иным продуктом или услугой.

Брендинг — это процесс управления брендом. Применительно к музейной практике это понятие можно определить как многокомпонентную долгосрочную деятельность, направленную на создание, поддержание и популяризацию музейного образа и музейного продукта.

Термин «бренд» не сразу был воспринят профессиональным музейным сообществом. Понятие «музей» ассоциировалось с институциональной неприкосновенностью, в то время как «бренд» только с коммерческой деятельностью. Анализируя результаты опросов среди лидеров музейного сектора, латиноамериканский специалист по консалтингу в области культуры Л.М. Мендес констатировал, что у 45% процентов музеев по состоянию на 2014 г. бренд музея был определен плохо или над ним никогда серьезно не работали, а понятия «музеи» и «бренды» в культурном секторе «были погружены в долгую историю любви и ненависти»¹. Скептики выражали этические опасения по поводу применения системы управления брендом в работе музеев². Сторонники приводили следующие доводы в защиту своей позиции: увеличение доходов музея, повышение вовлеченности заинтересованных сторон, накопление нового опыта музейной практики, сохранение и увеличение жизнеспособности музея, его ценности для общества.

Современное мировое музейное сообщество признает важность бренда для продвижения музея. Процесс управления музейным брендом специально рассматривался Международным комитетом ИКОМ по маркетингу и связям с общественностью на конференции «Музейный брендинг. Переосмысление понятия „музей“

в XXI веке» в 2014 г., где были представлены примеры по обновлению музейного образа как крупных национальных музеев и галерей, так и региональных институций. В приветственном слове организаторов конференции было заявлено, что именно брендинг играет решающую роль в обновлении и идентичности музейных организаций, обеспечивая ценности и сохраняя свою актуальность. Он запускает процесс переосмысления всей операционной деятельности музеев³.

Выстраивание стратегии развития и продвижения музейного бренда является многоуровневым, долгосрочным и тщательно продуманным процессом, а также важным коммуникационным каналом организации. Бренд продвигает одно и то же понятное сообщение о корпоративной идентичности и всего того, что связано с музеем всем заинтересованным сторонам — посетителям, партнерам, медиа, сотрудникам⁴. Он может выступать координирующим ресурсом и направить деятельность организации в более согласованное русло, сделать стратегию музея видимой и осязаемой⁵; улучшая ее характер, определяет цели, помогает в привлечении внимания к себе и, как следствие, средств на дальнейшее развитие.

Бренд — это не просто красивая картинка, это создание музейного образа на многие годы. Все изменения в окружающей музей среде и все действия музея отражаются на его бренде и могут повлиять на него. Он не является статичной характеристикой и меняется в соответствии с применяемыми музеями стратегиями развития и изменениями в культурной жизни и обществе в целом⁶.

Управление музейным брендом и стратегия позиционирования музея включает в себя координацию большего количества элементов, создающих цельное впечатление, передающих миссию музея и выделяющих ее среди конкурентов. Главным шагом для последующего продвижения бренда является ясное формулирование музеем своих целей и ценностей, которые закладываются во все компоненты, связанные с ним — название, девиз, логотип, визуальная айдентика, носители бренда, создаваемый продукт.

Бренд — это, прежде всего, имя. Оно играет символическую роль в определении образа музея и его позиционировании в культурном пространстве. Название передает суть музея и его индивидуальность. С точки зрения наименования музей может казаться консервативной структурой — у ряда музеев названия существуют уже несколько веков, и есть определенная специализация, которая стоит за этим наименованием. Однако за последние двадцать лет названия многих музеев мира претерпели изменения. Трансформация прежнего имени и ребрендинг позволили уйти музеям от имиджа «устаревшего учреждения», отразить структурные изменения

в организации, подчеркнуть его уникальность и сделать название «драйвером» обновления и нового позиционирования музея. В настоящий момент наблюдается тенденция перехода от описательных названий к акронимичным и абстрактным, или их сочетанию. Абстрактное название рассматривается, как способ открыть новые возможности для «творческой работы» с наименованием в целях его продвижения⁷.

Например, Метрополитен-музей – *Мет*, Музей Виктории и Альберта – *V & A*; *Национальная галерея Британского Искусства* (National Gallery of British Art), затем *Галерея Тейт* (the Tate Gallery), затем *Тейт* (Tate) как дом бренда с «дочерними» подразделениями (*Тейт Модерн*, *Тейт Британ*, *Тейт Ливерпуль*, *Тейт Сент-Айвс*), Третьяковская галерея на Крымском Валу – *Новая Третьяковка*.

Свое уникальное предложение для публики музеи могут сформулировать в слогане или девизе. Хорошие слоганы являются обращением к чувствам и эмоциям посетителей, сообщая, почему им нужно прийти в музей⁸. На практике встречается «адаптация» к музейной специфике классических рекламных слоганов, выраженная в краткой и емкой длинной фразе или нескольких коротких предложениях, характеризующих музей, его коллекцию и их актуальность для сегодняшнего дня.

Примеры слоганов: Музей азиатского искусства в Сан-Франциско – *Пробуждая прошлое, вдохновляем будущее* (Awaken the Past, Inspire the Next); Музей истории науки в Оксфорде – *Место встречи людей, науки, искусства и веры* (We're a meeting point for people, science, art and belief); Метрополитен-музей в Нью-Йорке – омонимичный слоган *It's time we met* (*Время встретиться*); Третьяковская галерея – *Главный музей национального искусства России*; Рейксмузей в Амстердаме – *Музей Нидерландов. Исторический музей, полный новых возможностей. Уделите время знакомству с голландскими шедеврами, чтобы по-новому взглянуть на сегодняшний день.* (RIJKSMUSEUM – The museum of the Netherlands. A historical museum brimming with new possibilities. Take time out with the Dutch masterpieces for a fresh take on today).

При брендинге организации одновременно с обновлением названия и появлением слогана возникает еще один компонент бренда – логотип. Это хорошо запоминающийся универсальный знак или символ с определенным смысловым значением, визуально отображающий и название, и главную идею продукта. Удачный логотип спустя короткое время становится неотделимым от образа музея и сохраняется в «визуальном словаре» аудитории, и графически помогает доносить публике «сообщения» от музея⁹.

Музеи по-разному подходят к обновлению логотипов. В качестве символа музея может выступать архитектура здания (*Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*). Буквы из названия музея, или аббревиатура музея, также служат «источником вдохновения» для создания логотипа: Исторический музей – ГИИМ, Третьяковская галерея – Т, *Мультимедиа Арт Музей* (официальное название ГБУКиО г. Москвы «*Мультимедийный комплекс актуальных искусств*») – МАММ, Музей Виктории и Альберта – V & A. Логотип может быть создан в одном стиле, но быть разных цветов для разных подразделений. Например, логотип галереи *Тейт* должен был одновременно объединить и в то же время разграничить в зрительском восприятии сеть из четырех отдельных музеев¹⁰. В основу логотипа Третьяковской галереи легла буква Т, для универсального использования был выбран золотой цвет буквы, свой собственный цвет появился и у каждого отдельного здания Третьяковской галереи¹¹.

Дизайн логотипа напрямую связан со следующим шагом в системе брендинга музея — создании визуальной айдентики или единого фирменного стиля. Айдентика выступает идентификатором бренда, его «визуальным» языком, который помогает создать необходимый образ так, чтобы оболочка отражала начинку, суть бренда. Целостный фирменный стиль формирует первое впечатление о бренде, повышает его статус и выделяет организацию среди конкурентов¹². Фирменный стиль музея распространяется на все, что является его визуальным носителем. Он задает единообразный дизайн входных зон музея, бейджей и формы сотрудников, печатной продукции, фирменных документов музея, сувенирной продукции, в том числе, гастрономической; сайта; музейного магазина; музейного кафе и меню; рекламных афиш. Создание визуальной айдентики требует серьезной графической разработки и универсальной системы дизайна. Свод правил по ее использованию содержится в бренд-буке.

Единообразный фирменный стиль оформления общественных зон, главной экспозиции и навигационной системы музейного комплекса, а также их удобство в сочетании с развитием внутренней инфраструктуры музея и модернизацией оборудования влияет на эффективное восприятие пространства зрителями. Это превращает музей в современное, соответствующее времени пространство, которое визуально транслирует посетителю свои ценности и работает над повышением узнаваемости музейного бренда.

Музейная выставочная программа играет важнейшую роль в системе продвижения бренда музея и выполняет несколько функций.

Это один из главных продуктов музея, «погружающий» публику в его миссию, это, одновременно, и инструмент привлечения новой аудитории, и механизм поддержки и укрепления музейного бренда. В соответствии с опросами, выставки являются важным фактором повышения интереса публики к посещению музея¹³. Выставочная программа музея позволяет создавать «суббренды» – связанные с главным брендом, усиливающие или модифицирующие ассоциации с ним. В музейной деятельности таким суббрендом являются названия выставок. Широкое освещение в средствах массовой информации и успех выставки, очереди на вход способствуют росту ценности и суббренда, и бренда музея, организующего такое мероприятие. Формируется мода на посещение выставок, их предпочитают другим событиям.

Стремясь еще больше усилить свой бренд, для продвижения выставки музеи могут использовать бренды музеев-партнеров, личные бренды художников и авторов других художественных произведений, коллекционеров, а также выдающихся деятелей науки, культуры, правителей¹⁴. Продвижению суббренда выставки способствуют краткие, емкие, дружественные и легкие для запоминания названия, близкие рекламным слоганам, наименования в стиле игры слов с отсылками к названиям известных фильмов, литературных произведений, яркое оформление буклетов, каталогов выставок и специальной сувенирной продукции и т.п.

Примеры названий недавних выставок: *Вокруг света в 80 монетах* (In 80 Münzen um die Welt) – Художественно-исторический музей, Вена; *Главная вещь. Шляпы. Колпаки. Хип-хоп бейсболки* (Hauptsache. Heute. Hauben. Hip-Hop Caps) – Баварский национальный музей, Мюнхен; *Великолепные сани* (Splendid Sleights) – Швейцарский национальный музей, Цюрих; *Место назначения – Луна* (Destination Moon) – Национальный музей воздухоплавания и аэронавтики – Смитсоновский институт, Вашингтон; *Услышь меня сейчас: Черные гончары из Старого Эджфилда, Южная Каролина* (Hear Me Now: The Black Potters of Old Edgefield, South Carolina) – Метрополитен-музей, Нью-Йорк; *Немецкий музей – Все новое. Немецкий музей с новыми выставками* (Alles neu – Das Deutsche Museum mit neuen Ausstellungen) – Немецкий музей, Мюнхен.

Для хорошего восприятия музейного продукта важно создавать комфортные психологические условия для посетителей. Такая обстановка создается сотрудниками музея, каждый из которых вносит свой вклад в развитие музейного бренда, обеспечивая его всестороннюю поддержку. Поэтому специалисты по маркетингу некоммерческих организаций уделяют особое внимание внутрен-

ним коммуникациям, уважительному и инклюзивному обращению с персоналом, налаживанию оперативной обратной связи от сотрудников, что создает культуру доверия внутри коллектива, повышает мотивацию и дает ощущение сопричастности к развитию всего музея¹⁵.

Музейный бренд должен гарантировать постоянное качество во всем, а его поддержание требует профессионализма и вовлеченности персонала на всех уровнях организации. Через персонал музей может транслировать свои определенные ценности аудитории. Директор, кураторы музея, музейные эксперты, экскурсоводы, проецируя профессиональные характеристики и личный бренд на учреждение культуры, персонализируют бренд организации¹⁶. Это способствует появлению эмоционального отклика у посетителя, создает ощущение личного контакта и укрепляет доверие к музейному продукту. Сильный музейный бренд повышает лояльность спонсоров и меценатов. Для улучшения своего имиджа как социально ответственной организации и поиска новой целевой аудитории корпорации становятся партнерами музеев или краткосрочными спонсорами. С точки зрения поиска пересечения ценностей для взаимовыгодного сотрудничества и кросс-брендинга важно уделять внимание репутации донаторов и рассматривать сотрудничество со спонсорскими организациями. Такой механизм партнерства со спонсорами имеет своей целью не прямой маркетинг продукции, а взаимное увеличение ценности брендов. Это имеет значение для избежания непропорционального влияния на то, что выставляется в музее или ситуации, когда такое партнерство может быть «обелением» спонсорского бренда¹⁷.

Коллаборации с другими учреждениями культуры и коммерческими компаниями в виде появления совместного продукта (изготовление банковских карт, мерчи с участием известных брендов, сувенирной продукции и т.п.) представляют собой еще один популярный способ взаимодействия с корпоративными партнерами и механизм популяризации бренда музея через визуальный ряд. Для дизайнеров и производителей это является источником новых идей в целях привлечения потребителей, для музеев — способом встроиться в современный контекст и дополнительный доход. В зависимости от типа «коллаборационного» продукта, музей может получать отчисления от использования музейного или выставочного логотипа и слогана, а также от воспроизведения предметов из коллекции музея или изготовления их реплик¹⁸. Это приводит к переосмыслению роли музейного сувенира — широко представленный за пределами музея, он становится «предшествен-

ником» посещения самого музея, а не наоборот. Согласно данным американской Ассоциации музейных магазинов, торговля сувенирами приносит музеям от 5 до 25% годового дохода¹⁹. Крупным музейным институциям внимание к сувенирной продукции и сотрудничество с брендами (например, Музеем современного искусства в Нью-Йорке) позволяет открывать торговые точки отдельно от самих музеев и продавать изделия на популярных маркетплейсах и даже за рубежом.

При позиционировании музейного бренда важно работать с его территориальной известностью, при этом масштаб «территориальности» может быть разным. Музейный бренд может быть встроен в систему символов региона или города, тогда акцент при его развитии делается на привлечение в него локальных сообществ. Крупные музейные бренды ориентируются на систему глобальной туристической индустрии и становятся местами, обязательными для посещения при поездке в ту или иную страну/город; или сами становятся местами притяжения путешественников и оказывают влияние на развитие региона. Музей, желающий стать популярным туристическим местом, должен максимально использовать уникальность своего потенциала и продвигать его на рынок. Работа с музейным брендом является непрерывным процессом, и он также нуждается в регулярной оценке и периодических изменениях. Брендинг музея несет в себе риск «заигрывания» с популярной массовой культурой и переход к работе в угоду публики. Во избежание этого важно помнить, что музейный бренд должен гарантировать постоянный высокий уровень всех направлений своей деятельности. Профессионалы, разрабатывающие стратегию развития музейных брендов при создании образа музея, советуют включать в него следующие понятия: качество и уникальность музейного продукта, музейный опыт, обязательства перед аудиторией, открытый диалог и дискуссию²⁰.

Британский историк искусства и музейный куратор Дж. Сталлабрасс предлагает шаги, которые бы позволили музею быть более свободным от среды «стандартных» брендов, чтобы то, что создает музей не превращалось в стандартный продукт. Это открытая критика и самокритика, открытая дискуссия, институциональная дискуссия с коллегами и художниками, полезная для возвышения обоих брендов. Музей, по его мнению, в отличие от фирменного предприятия, может быть местом для «шума» конкурирующих и противоречивых голосов для создания пространства, которое бы отличалось от классической фирменной среды, доминирующей в повседневной городской жизни²¹.

Постоянное внимание к музейному бренду и управлению им позволяет поддерживать его актуальность, отображать желаемую идентичность и защищать имидж музея. Последовательно создаваемый образ музея, его близкая и хорошо знакомая позиция привлекает публику и поддерживает интерес к организации. В экономическом плане известность бренда становится гарантом стабильного положения музея на рынке, фактором, повышающим его конкурентоспособность. Правильно понятый и используемый бренд жизненно важен для музеев и может стать проводником к его устойчивому развитию и взаимодействию с посетителями и партнерами.

- ¹ *Mendes L.M.* Museums and Branding: A Story of Love and Hate // Museum Branding: Redefining Museums for the 21st Century. Selected Papers from the ICOM MPR 2014 Conference. Taiwan, 2015. P. 18 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.cam.org.tw/ICOM-MPR-2014-ebook/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- ² *Zoe-Charis Belenioti, Chris A. Vassiliadis.* Branding in the New Museum Era // Branding in the New Museum Era. Springer, 2017. P. 115—121.
- ³ *Yui-Tan Chang.* Preface; *Saloniemi M.R.* Preface // Museum Branding: Redefining Museums for the 21st Century. Selected Papers from the ICOM MPR 2014 Conference. Taiwan, 2015. P. 8, 10. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.cam.org.tw/ICOM-MPR-2014-ebook/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- ⁴ Подробнее об этом см.: *Olins W.* The Brand Handbook. London, 2008. 112 p.
- ⁵ *Stallabrass J.* The Branding of the Museum. Essay. 09.2018. P. 13 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://julianstallabrass.files.wordpress.com/2018/09/museum-as-brand-essay.pdf/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- ⁶ *Пащук М.В.* Особенности формирования и специфика оценки бренда музея // Проблемы современной экономики. 2018. № 3. С. 162—167.
- ⁷ *Kjeldsen A.K., Schmeltz L.* What's in a museum name? A study of name changes among Danish museums // Nordisk Museologi. — 2016. Nr. 2. P. 23—24.
- ⁸ *Espiritu E.K.* Branding for small and mid-size museums relationships, messaging, and identity: A Thesis ... for the Degree Master of Arts in Museum Studies. San Francisco, 2018. P. 29.
- ⁹ *Герасименко П.* Российские музеи меняют стиль // Сайт газеты The Art Newspaper Russia / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/4747/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Новое пространство русского искусства. Новая Третьяковка / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ony.ru/work/t-brand/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- ¹² Фирменный стиль, айдентика, бренд — что же заказывать в брендинговом агентстве? / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://vc.ru/>

- marketing/204053-firmennyy-stil-aydentika-brend-что-zhe-zakazyvat-v-brandingovom-agentstve/; (дата обращения: 08.12.2022).
- 13 *Curran M., Qaiyim T.* Jellies special exhibit: Building and experience and brand based on audience insight / *Museum Branding: Redefining Museums for the 21st Century. Selected Papers from the ICOM MPR 2014 Conference.* Taiwan, 2015. P. 178.
- 14 *Пашкус М.В.* Особенности формирования и специфика оценки бренда музея // Там же. С. 163.
- 15 *Espiritu E.K.* Op. cit. P. 45.
- 16 *Полынская Г.А., Карапетян Э.Т.* Исследование восприятия посетителями идентичности бренда Мультимедиа Арт Музей, Москва // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). — № 94. С. 7. / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-voSPIriatiya-posetiteliyami-identichnosti-brenda-multimedia-art-muzey-moskva/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- 17 *Stallabrass J.* Op. cit. P. 10.
- 18 *Осиновская И.* Бренды пришли в музеи. Почему они сделали это именно сегодня? // Сайт газеты «Ведомости» / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://kp.vedomosti.ru/artguide/article/2021/06/24/875120-brendi-prishli-v-muzei/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- 19 *Лунина Л.* Искусство «мерча»: музейные магазины и сувениры // Сайт газеты „The Art Newspaper Russia“ / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20211221-uwvg/>; (дата обращения: 08.12.2022).
- 20 *Yui-Tan Chang.* Preface // Op. cit. P. 8.
- 21 *Stallabrass J.* Op. cit. P. 23.

В.Ю. Себрукович

Национальный исторический музей Республики Беларусь: деятельность на современном этапе

Национальный исторический музей Республики Беларусь (НИМ РБ) начинает свою историю как учреждение согласно Распоряжению Совета Министров Белорусской ССР «О создании с 1 января 1957 г. организационной группы для проведения подготовительных работ по открытию Белорусского государственного историко-краеведческого музея» от 15.12.1956 г., который открылся для посетителей в 1967 г. под названием Государственный музей БССР. Учреждение быстро стало одним из самых популярных в республике, важнейшим научно-методическим центром музейной, историко-краеведческой и реставрационной работы. С того самого года и до наших дней главный корпус музея расположен в доме № 12 на улице Карла Маркса в бывшем здании Минского отделения Государственного банка Российской империи, что примечательно, памятнике архитектуры, построенном в 1905 г.

Истоки собрания НИМ РБ восходят к Минскому церковно-археологическому музею, созданному в 1908 г., а также ряду центральных музейных учреждений Советской Беларуси 1920—1930-х гг. Минский областной музей, работавший в 1920—1923 гг. в Минске, в 1923 г. был преобразован в Белорусский государственный музей. В 1930 г. учреждение переименовали в Минский социально-исторический музей. В годы Великой Отечественной войны музейное собрание было частично разграблено немецкими оккупантами, частично вывезено в Германию и Австрию. После войны удалось вернуть около 15 000 предметов из довоенных коллекций. В 1992 г. музей получил название «Национальный музей истории и культуры Беларуси» (с 2009 г. — НИМ РБ).

В настоящее время НИМ РБ как один из музеев республиканского значения находится в непосредственном подчинении Министерства культуры Республики Беларусь. Музей, согласно Кодексу Республики Беларусь о культуре, выполняет функции общегосу-

дарственного координационного и научно-методического центра музеев исторического и естественнонаучного профиля¹.

За прошедшие три десятилетия сложилась сеть филиалов НИМ РБ (в отличие от ряда других музеев все филиалы находятся исключительно в городе Минске). В 1992 г. права филиала получил Дом-музей I съезда РСДРП — памятник истории и культуры Беларуси, непрерывно существующий с 1923 г. музей Минска. В последние годы в Доме-музее создана современная экспозиция, рассказывающая о социал-демократическом движении на рубеже XIX—XX вв. и его самом отличительном событии — съезде Российской Социал-демократической партии, а также о старинном губернском Минске. Расположенный в самом центре столицы, он по-прежнему остается одним из знаковых туристических объектов Минска.

В 2012 г. созданный Музей современной белорусской государственности также стал филиалом НИМ РБ. Его экспозиция посвящена новейшей истории Беларуси от провозглашения независимости республики до наших дней, он играет важную роль информационного, презентационного и коммуникативного центра страны. Музей современной белорусской государственности — место встреч активной молодежи с политиками, государственными деятелями в рамках дискуссионных площадок и круглых столов; частые гости музея — руководители организаций и предприятий, космонавты, спортсмены. Традиционными стали церемонии вручения паспортов юным гражданам Республики Беларусь, членских билетов вступающим в Белорусский республиканский союз молодежи.

Окончательное формирование сети филиалов произошло в 2014 г., когда в структуру НИМ РБ вошли сразу три музейных учреждения. Музей природы и экологии (открыт в 1992 г.), занимающийся популяризацией научных и экологических знаний, повышением экологической культуры, воспитанием у общественности и подрастающего поколения уважения к белорусской природе.

Музей истории театральной и музыкальной культуры (открыт в 1990 г.) изначально располагался в здании по улице Старовиленская, 14 (сегодня там находится сектор музея «Гостиния Владислава Голубка»). В настоящее время музей расположен в здании — памятнике архитектуры начала XIX в. Экспозиция музея посвящена развитию белорусского театра и музыки от Средневековья до наших дней, регулярно проводятся временные экспозиции, встречи с актерами и музыкантами.

Музей истории белорусского кино, созданный в 1966 г. как ведомственный (с 2002 г. — общедоступный), стал уникальной культурно-просветительской и зрелищной площадкой, которая не только

сохраняет наследие отечественного и мирового кинематографа, но и популяризирует его современные достижения.

Собрание НИМ РБ является самым большим в стране и составляет (на 2024 г.) более 500 000 единиц хранения, которые распределены по 49 коллекциям. Некоторые из музейных предметов внесены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. В частности, так называемый Малечский клад монет римской чеканки (динариев) I—II вв. н.э. (первая категория ценности) и комплект серебряных с позолотой чеканных поясных пластин конца XIV — начала XV в. (?), известный под названием «Пояс Витовта» (высшая категория ценности), имеющие общемировое культурно-историческое значение.

НИМ РБ и его филиалы активно занимаются экспозиционно-выставочной деятельностью. Выставки организуются как на основе собственных фондовых коллекций, так и с использованием материалов других отечественных и зарубежных музеев, архивов, частных коллекций и т.д. Выставочные проекты различной тематики освящают широкий спектр вопросов истории и культуры Беларуси, других стран и народов. Например, одним из центральных экспонатов временной выставки НИМ РБ «Беларусь: возрождение духовности» стала «Библия» Франциска Скорины из собрания Государственного исторического музея.

Среди наиболее успешных выставочных проектов стоит отметить временную экспозицию «Старина и новизна. Русское ювелирное искусство XVIII века» (реликвии из Особой кладовой Государственного Исторического музея в Москве), которая была открыта в НИМ РБ в 2019 г. На выставке были представлены изделия известных ювелирных центров Москвы, Великого Устюга, Тобольска, Калуги; был показан весь спектр модных тем и стилевых композиций в декорах изделий, определявших роскошный быт русской аристократии (серебряная посуда, украшения, предметы дорожные и интерьерные, убранства стола и личного обихода): от витиеватых, пышных форм растительного орнамента барокко, эмблематических изображений рококо и мифологических сюжетов классицизма до образов мемориального характера в виде императорских портретов, вензелей, гербов.

Данный масштабный выставочный проект вызвал живой интерес у посетителей музея и предоставил уникальную возможность познакомиться с прекрасными образцами русского ювелирного искусства².

НИМ РБ однозначно может считаться одним из лидеров среди отечественных музеев в сфере культурно-образовательной дея-

тельности. Современные интерактивные формы используются в работе с аудиторией, в том числе с детьми и учащимися, широко внедряются инклюзивные практики, благодаря чему музей становится доступным для аудитории с ограниченными возможностями.

Большое значение имеет научно-методическая работа музея, включающая в себя издательскую деятельность, организацию конференций и иных научных мероприятий, международное сотрудничество в музейной сфере, оказание консультационных услуг по вопросам музейного дела и т.д.

В соответствии с вышеуказанным Кодексом НИМ РБ обеспечивает ведение Государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь — официальной общереспубликанской электронной базы данных наиболее ценных музейных предметов страны. На базе учреждения издается профессиональный научно-популярный журнал «Белорусский музей», пилотный номер которого был презентован в 2019 г. в рамках мероприятий IV Национального форума «Музеи Беларуси» в Бресте. В период с 2019 по 2022 г. было опубликовано 10 номеров издания.

Методическая консультативная помощь в сфере музейного дела оказывается Министерству культуры Республики Беларусь, широкому кругу организаций и учреждений.

Таким образом, НИМ РБ на современном этапе представляет собой динамичный, открытый и развивающийся по разным направлениям своей деятельности социокультурный институт, который на основе богатейших фондовых музейных коллекций, а также совместных проектов с другими музеями, демонстрирует уникальность и многообразие историко-культурного наследия страны.

Список использованных источников:

- ¹ Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны рэсурс]: 20 ліпеня 2016 г., № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г.: адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрвеня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
- ² Выстава „Даўніна і навiзна. Рускае ювелiрнае мастацтва XVIII стагоддзя“ [Электронны рэсурс] // Сайт Нацыянальнага iстэрычнага музея Рэспублікі Беларусь. — Режим доступа: <http://histmuseum.by/by/news/2183/>; (дата обращения: 27.05.2023).

М.С. Федосеева

Усадебное наследие в фондах Музея Зеленограда

Зеленоградский историко-краеведческий музей (с 2022 г. — отдел «Музей Зеленограда» Музейного объединения «Музей Москвы») был организован в 1969 г. на общественных началах, в первую очередь как музей воинской славы. Поскольку на этом рубеже в период Битвы за Москву в районе станции Крюково и Ленинградского шоссе в конце ноября — начале декабря 1941 г. велись ожесточенные бои, и отсюда 5 декабря началось контрнаступление советских войск.

Строительство нового города — Зеленограда — побудило местных жителей с особым вниманием обратиться к своим корням; с другой стороны, новоселы интересовались прошлым края, где им предстояло жить. Н.М. Молева писала: «Пожалуй, ни в одном районе сегодняшней Москвы так остро не ощущается тяга москвичей к истории, как в Зеленограде. <...> Зеленоград гордится своей молодостью, но в чем-то досадует на нее. Но молодость жилых домов, институтов и дворцов культуры — это не молодость земли. Здесь свои очень давние и просто не прочтенные ее страницы»¹. Краеведение было очень востребовано. Границы «земли зеленоградской» не были жестко очерчены и понимались довольно широко: сюда мировоззренчески включались не только территории, выведенные из состава Солнечногорского района под строительство нового города, но и окрестности. Тем более что музея, который бы «отвечал» за сохранение и трансляцию исторической памяти о крае, в ближайших окрестностях в этот период не существовало. Эти тенденции в совокупности и сформировали особую, довольно широкую концепцию комплектования музейного собрания. В результате в фондах Зеленоградского историко-краеведческого музея «осел» и сохраняется значительный пласт предметов, связанных с усадебным наследием микро-региона, сильно пострадавшим в перипетиях XX в. Усадебной теме был отведен небольшой раздел и в основной экспозиции, существовавшей до переезда музея в 2022 г.

Непосредственно на территории современного Зеленограда находилось несколько дворянских усадеб. Одна из них, декабриста М.А. Фонвизина, на рубеже XIX—XX вв. оказалась в руках купцов Рахмановых. От данного имения, по сути, ничего не сохранилось, мало что зафиксировано в фондах, кроме вспомогательных материалов — выписок из литературы, репродукций и т.д. Например, сохранилась фотография «Поляны Фонвизина» конца 1950-х гг. Из артефактов можно назвать: кирпичи завода И.К. Рахманова начала XX в., подъемный материал (дверные ручки, изразцы рубежа XIX—XX вв.), собранный сотрудниками музея во время мини-экспедиций, зафотофиксированных и освещенных в отчетах и публикациях, также хранящихся в фондах.

Напоминанием об усадьбе князей Долгоруковых в сельце Никольское служит Никольская церковь 1827 г. — самое старое, сохранившееся на территории Зеленограда здание, выстроенное в оригинальном «готическом» стиле. В музее хранится небольшой подъемный материал с предполагаемого местонахождения усадьбы, установленного сотрудниками, копии архивных документов, а также значительный фонд, посвященный истории Никольской церкви. Она стала одной из первых на территории Москвы возрожденных после революции церквей и была вновь освящена в 1988 г. В музее хранятся: фотографии храма разных лет, среди которых особый интерес представляют фотофиксация состояния и восстановления церкви, возрождения приходской жизни; документы, в частности, разрешительное письмо религиозному обществу Никольского храма в Зеленограде, «Приблизительная структура Зеленоградского музея во вновь проектируемом здании Ржавской (Никольской) церкви (с учетом пристроек)» — в здании церкви в 1970—1980-е гг. планировалось разместить музейную экспозицию, посвященную истории края; большая подборка газеты «Вестник Никольской церкви» (1990—2000-е); живописные и графические работы, запечатлевшие церковь в разные годы ее существования.

На территории так называемого старого города находилось имение (дача) лесопромышленника Формаковского. После революции в доме располагалась начальная четырехклассная школа, в летнее время устраивались пионерские лагеря для местных детей. Дом был утрачен в 1937 г. в результате пожара, сохранился парк. В музее хранятся редкая фотография открытия пионерского лагеря в доме (1930-е) и воспоминания старожилов.

О даче Бурдасова, находившейся в районе деревни Каменки, в музее напоминает открытка С.В. Москвина, А.А. Ростовцева «Крюково. Дом б. управляющего графа Бурдасова» (из серии «Память

о Крюково в живописи С. Москвина», 2003), а также подъемный материал — фрагменты посуды.

Значительно больший интерес представляют с точки зрения фондовых материалов усадьбы, находившиеся в окрестностях современного Зеленограда (на территории Солнечногорского и Химкинского районов). В музее хранится очень любопытный фонд Спечинских, которые были владельцами усадьбы Чашниково вблизи Петербургско-Московского шоссе, так называемое Чашниково (Собакиных). Значительная часть архива поступила в музей от Виктора Сергеевича Спечинского в 1995 г. и его сына Сергея Викторовича в 2009 г. В.С. Спечинский родился в 1909 г. в имении Чашниково. С 1923 г. он находился в эмиграции в Бельгии, но в 1995 г. приехал в Россию и посетил Чашниково, а также Зеленоградский историко-краеведческий музей. Фонд семьи Спечинских насчитывает более 30 единиц хранения. Это фотографии и фотокопии членов семьи разных лет, письма (начала 1990-х) В.С. Спечинского жителям Чашникова из Брюсселя, интересный документальный материал: записная книжка (1940—1950-х) Александры Сергеевны Спечинской, воспоминания В.С. Спечинского о курганах на территории бывшего родового имения, генеалогическая схема рода Спечинских (1993). Сохранился и копия, но ценный материал, в частности, копия дела о выселении семьи Спечинских из имения Чашниковской испытательной станции луговодства Наркомзема при ст. Крюково Николаевской ж/д (от 6.07.1920): в советский период на месте образцового усадебного хозяйства была организована агробиостанция МГУ; этот период также представлен фото- и документальным архивом жителей, сотрудников агробиостанции, зеленоградцев (в частности, материалы экспедиционных записей). Заслуживают внимания фотографии разного времени сохранившихся (и утраченных) объектов усадьбы — конного двора постройки начала XIX в. (сохранился), главного дома (утрачен), Никольской церкви (утрачена), пруда. Особенный интерес вызывают артефакты — например, облицовочный камень от сарая (конюшни), фрагмент декоративной решетки, найденный в апреле 2003 г. на месте, где предположительно до 1942 г. стояла церковь, а также найденное в другом месте Ленинградского шоссе основание колонны, которое, по предположению сотрудников музея (в частности, А.Н. Неклюдова), может относиться к церкви. Этот большой фрагмент мог быть использован после разрушения здания церкви в дорожных работах и таким образом оказаться на обочине Ленинградского шоссе в районе деревни Ржавки, где и был обнаружен и перевезен сотрудниками в музей.

В примыкающем к Зеленограду поселке Андреевка близ старинного храма Всемилоостивого Спаса на рубеже XIX—XX вв. находилось имение Белая дача историка Дмитрия Ивановича Иловайского. Сюда приезжал к нему его зять, профессор Московского университета и основатель Музея изящных искусств в Москве Иван Владимирович Цветаев с дочерьми от второго брака — Мариной и Анастасией. Марина Цветаева в очерке «Дом у старого Пимена» писала про Спасское: «Мы с Асей — в Спасском, именуемом также Крюковым, по названию станции Николаевской железной дороги. В детстве нам это невиданное Крюково мнилось крюком, железным крюком старьевщика, а то и клюкой, Ягой, значит, опять-таки — старостью. Со станции ехали на линейке, вещи без будущего и прошлого: вдоль событий, — мимо черных елей, мягко-колючими мокрыми лапами задевающих по лицу, как кропилом. Разлатое здание, поданное как на ладони болотистой равниной. В дом — цветником: тем, что им было, тем, что им больше не будет. Внутри тишина. Старина. Чувствую, что комнаты здесь живут одни, продолжают, не замечая, что половины семьи уже нет. Не замечая и оставшейся половины»². После революции Иловайский в имение больше не приезжал. В 1918 г. здесь была организована детская столовая и размещен комитет бедноты, а затем начальная школа. В 1922 г. главное здание дачи сторело, а конюшня, флигель, надворные постройки, инвентарь были проданы с аукциона. От усадьбы на местности сохранился лишь пруд (который старожилы называли «Иловайским») и Спасская церковь, которая не закрывалась и долгое время была единственной вблизи Зеленограда действующей церковью. Интерес (сам по себе и как примета времени) представляют хранящиеся в музее документы — сведения о крещении и отпевании в церкви в 1970—1980-х гг. (с информацией о родителях крещеных детей). В музее хранятся также фотографии и графические изображения церкви разных лет, среди новых поступлений — издания о церкви (в частности, бывшего настоятеля иеромонаха Николая (Летуновского), уроженца Андреевки, который много сил и внимания уделял разысканиям по истории церкви). Ценность для краеведческого сообщества представляют прижизненные издания книг Иловайского, а также периодически публикующиеся и экспонирующиеся, в том числе на передвижной временной и выездной выставках «Д.И. Иловайский и М.И. Цветаева» (2017; 2019), на онлайн-выставке «Крюково дачное» (2019), фотокопии семьи Иловайского в имении «Белая дача» (1903), полученные из музея семьи Цветаевых в селе Ново-Талицы Ивановской области.

Говоря об оригинальных документах и предметах, необходимо упомянуть о тесной связи сотрудников музея с семьей Поспеловых — жителей села Голубое вблизи Зеленограда. Борис Сергеевич Поспелов был сыном настоятеля церкви Знамения Пресвятой Богородицы в Голубом (здание 1700 г. постройки было разрушено в 1935 г.), его супруга — дочерью известного публициста Михаила Осиповича Меньшикова. Благодаря этой семье были сохранены и переданы в музей ценные предметы (фотографии, документы, воспоминания, некоторые личные вещи), связанные с усадебной и дачной жизнью в Голубом и окрестностях. Это, прежде всего, сам фонд Поспеловых, фонд их соседей Томленовых, артефакты усадьбы помещика Пустовалова в Голубом (фрагменты дома: балка, детали отделки, фрагменты изразцов, датируемые концом XIX — началом XX в.), и небольшой фонд имения Некрасовки — дачи известного купца-чаоторговца Дмитрия Егоровича Некрасова. Он включает фотографии и фотокопии (1980—1990-е) особняка, сгоревшего в 1994 г., территории, занятой в разные годы различными учреждениями (совхозом, детским садом, пионерским лагерем), вспомогательные сведения: воспоминания об истории имения Некрасовки, о владельцах имения в селе Голубое. Большой интерес для дальнейших исследований представляют фотокопии двух снимков 1906—1908 гг. — жителей близлежащих деревень в имении Решетникова (позднее Некрасова) и священнослужителей в Некрасовке. От Поспеловых же поступили документы, связанные с имением Дедешино: копия переписки протоиерея Афанасия Евфимовского церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Тверской и протоиерея Троицкой села Дедешино церкви, снятая благочинным Звенигородского уезда священником села Голубое Сергием Смирновым (1881); помимо документального, сохранился и небольшой фотографический и изобразительный фонды усадьбы: картина В.И. Маркина «Усадьба Дедешино» (1981); фотографии 2000 г. территории усадьбы (верхний парк, аллея к дому, пруд, нижний парк, усадебный флигель), сделанные сотрудниками музея.

От Поспеловых поступило и несколько предметов, пополнивших фонд имения Рукавишниковых в Грачевке. В широком смысле, в этот фонд могут быть включены предметы, связанные с санаторием Крюково и «рукавишниковской» земской больницей, организованными К.В. и Е.Н. Рукавишниковыми на территории своего имения и владений. В этом фонде особенно выделим Указ Его Императорского величества, самодержца Всероссийского из Московской Духовной Консистории священнику села Голубое Сергию Смирнову о разрешении освящения церкви в сельце Грачевке Зве-

нигородского уезда по прошению Рукавишниковой Евдокии Николаевны (1887); фотографии и документы по истории Рукавишниковской лечебницы, путеводители по санаторию «Крюково», изобразительный фонд: живописная фиксация местными художниками В.И. Маркиным «Дом в Грачевке» (1976), «МОПИ» (1981), С.В. Москвиным «Дом владелицы усадьбы „Грачевка“ Е.Н. Рукавишниковой» (2003); открытка «Крюково. Здание лечебницы Е.Н. Рукавишниковой в бывшей усадьбе „Грачевка“». 2003 г. С.В. Москвин, А.А. Ростовцев (из комплекта открыток «Память о Крюково в живописи Сергея Москвина»); фотофиксация в ходе мини-экспедиций сотрудников музея в конце 1990-х гг. (например, фотография дома управляющего санаторием «Крюково» доктора А.Г. Хрущева, 27 августа 1998 г.). Обширные пространства имения в настоящее время заняты под разные нужды: на месте лечебницы Рукавишниковых выстроен госпиталь ветеранов войн (на территории есть фрагменты строительных материалов старой лечебницы), место собственно дома и санатория вблизи деревни Баранцево одно время использовалось под базу биостанции Московским государственным областным университетом (бывший МОПИ им. Н.К. Крупской), в настоящее время с 1990-х гг. находится в частном владении — и практически недоступно для изучения.

Из интересных сохранившихся потомственных (находящихся в руках потомков владельцев) имений следует назвать имение Шмидтов-Звалинских близ Баранцева. Интересный фотографический фонд был передан потомками в музей (фотографии семьи, дома, лист из фотоальбома с видами усадьбы Шмидтов на рубеже XIX—XX вв.). Кроме того, в музее хранятся результаты фотофиксации в период экспедиции сотрудников музея в июне 2001 г. к сдатчице, хозяйке дома Галине Матвеевне Звалинской, документы (в частности, счет с Дядьковского лесопильного завода от 1 июня 1883 г., выставленный Вильгельму Шмидту за пиломатериалы на постройку дома), интересные предметы быта семьи (визитки, открытки и др.).

Единственной крупной сохранный усадьбой в окрестностях Зеленограда является усадьба Средниково, связанная и именами М.Ю. Лермонтова, Столыпиных, Фирсановых и др. Восстановление усадебного ансамбля началось в начале 1990-х гг., до этого территорию имения занимали лечебные учреждения, в том числе долгое время туберкулезный санаторий «Мцыри». Несмотря на усилия медицинского персонала, органов охраны памятников и волонтеров ансамбль постепенно приходил в упадок, под угрозой была полная утрата интерьеров и ряда меморий (книг, мебели). В 1970-е гг. со-

трудники зеленоградского музея во главе с директором Т.В. Визбул обратились к директору санатория с целью взять особо ценные предметы на сохранение в музей, который в ближайших окрестностях Средникова был единственным. В итоге ряд предметов был передан на временное хранение и частично представлен в постоянной экспозиции. Речь идет о напольном зеркале, парных канделябрах, портретах работы крепостных художников. Они были спасены и в настоящее время, наряду с роялем фирмы «Bechstein», являются главным украшением зала Солнечногорского краеведческого музея, посвященного усадебной культуре региона. А в фондах Музея Зеленограда сохраняется более ста предметов, так или иначе связанных с усадьбой, относящихся к разным фондам. Это фотографии и фотокопии Средникова разных лет — начиная с 1920-х гг. и заканчивая современностью, позволяющие проследить изменения в усадьбе. Большой интерес представляет среди них серия «Фотообвинение», зафиксировавшая состояние усадьбы на 1988 г., фотография работавшей у В.И. Фирсановой Екатерины Ивановны Борисовой. Привлекает внимание созданная в 1980-е гг. переносная фотовыставка с фотографиями Средникова и строками из поэзии Лермонтова. Музей старался постоянно пополнять существующие тематические коллекции, в частности, коллекцию по усадьбе Средниково. В 2001 г. были сделаны копии с известных фотографий Ю.П. Еремина и А.Т. Лебедева 1930-х гг. В музее также был укомплектован интересный графический и живописный фонд работ (1970—1990-х), запечатлевших усадьбу Средниково³. Зачастую инициатором создания этих работ был сам музей (так, в 1998 г. зеленоградским художником А.В. Маркиным был выполнен по фотографии портрет В.И. Фирсановой). В фондах сохранились газетные вырезки разного времени (около 20) и даже сценарий фильма Н.П. Бурляева «Лермонтов», эпизоды которого снимались в Средникове. Музейное собрание содержит материалы по местному промыслу краснодеревщиков. Из любопытных документов стоит отметить подлинник протокола общего приходского собрания при церкви села Средниково (12/25 февраля 1922 г.). Заслуживают внимания книги, например, Н.И. Завьяловой «Усадьба Средниково („Лермонтовские места“). Опыт проектирования зон охраны» (М.: Институт Наследия, 2002), предметы нумизматики; буклеты разного времени, приглашения на Лермонтовские праздники поэзии, пропагандировавшие творчество М.Ю. Лермонтова и возрождение усадьбы; материалы, связанные с Алексеевским храмом, с соседней деревней Лигачево. Аккумуляции памяти о Средникове, в том числе и материальной, способствовала его связь

с именами М.Ю. Лермонтова и В.И. Ленина, бывавшего в усадьбе. Средниковский фонд до сих пор продолжает пополняться. Из последних поступлений отметим буклет о церкви Алексия митрополита, а также фотографии усадьбы и церкви 1930—1940-х гг., переданные в составе фонда деревни Назарьево: дети жителей деревни в тот период обучались в Сходне и ходили в туристические походы по окрестностям, в том числе посещали территорию санатория.

Вблизи Зеленограда находится усадьба Льялово (Морозовка), занятая в настоящее время пансионатом Газпрома. К сожалению, интересное историческое здание («под коттедж») было утрачено в 1940-е гг. (впоследствии отстроено в «сталинском» стиле), однако сохранились фрагменты парка. Музей прослеживает историю этого имения путем комплектования аффилированных предметов и научно-вспомогательных материалов: фотографий разного времени, воспоминаний старожилов — беседы с жителем поселка Морозовка С.С. Новиковым (от 13 декабря 1978), воспоминания бывшего жителя деревни Матушкино А.Д. Куликова о Морозовке (1990); а также материалов о пансионате, фиксирующих современную жизнь территории (брошюр, календарей и пр.). Следует отметить фонд материалов о церкви Рождества Богородицы в селе Льялово, к наиболее интересным предметам которого необходимо отнести малый колокол Льяловской церкви (первая четверть XIX в.) и книгу «Льялово. Первая сельская народная художественная галерея» (М.: Советский художник, 1980).

Довольно значителен в музее фонд усадьбы-дачи И.Д. Сытина в Берсеневке (здания усадьбы были в разное время утрачены). В собрании хранятся материалы, посвященные послереволюционному периоду, когда усадьбу занимал детский дом: газетные вырезки 1950—1970-х гг. о детском доме и его сотрудниках (фонд А.А. Святова, директора детского дома), фотографии 1930—1940-х и 1970—1980-х гг., книги издательства Сытина, буклеты о его московском музее-квартире; научно-вспомогательные материалы содержат записи бесед с жителями, сведения о владельцах имения Н.Н. Раевском и И.Д. Сытине, материалы о создании на территории имения школьного музея, копии документов (Дела Московского Губернского по крестьянским делам присутствия о выкупе временно обремененными крестьянами князя Несвицкого надела земли в селах Берсеневке и Ложках, 10 ноября 1880 г. — 14 мая 1882 г.; копия 1980-х гг.).

Прочие усадьбы и дачи (Поярково А.С. Матвеева, Лунево Мартиновых, Поварово П.А. Бурышкина и ряд других) представлены единичными предметами, в основном, фотографиями, литературой по теме. Из единичных, но редких материалов следует отме-

тить описание усадьбы Трубецких–Шевлякиной в деревне Лыткино со слов местных жителей, записанное в 1979 г.

Есть основания надеяться, что «усадебный» фонд Музея Зеленограда и в дальнейшем будет пополняться ценными материалами, архивными документами и артефактами, связанными с историко-культурным наследием Зеленоградского административного округа Москвы.

-
- ¹ *Молева Н.М.* Земля и годы. М.: Московский рабочий, 1990. С. 221.
  - ² *Цветаева М.И.* Дом у Старого Пимена // *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997. С. 121.
  - ³ *Ганин П.А.* Середниково. Чертов мост (1986), «Середниково. Вид деревянного манежа» (1986); *Розачев В.* Линогравюра «Мцыри» (1987); *Желтухин Е.И.* «Мцыри. Мостик» (1972), «Середниково. „Мцыри“ (вид на усадебный дом)» (1972), «Середниково. „Мцыри“ (вид на мост)» (1972); *Гуринович Е.Б.* «Приезд гостей в Середниково» (1986), «Усадьба Стольпиных в Середниково» (1986); *Ураков Н.И.* «Мцыри. Центральный вход» (1987), «Мцыри» (1990).

Е.Б. Фокина, Ю.А. Киселева

Лицо музея: экспозиции и выставки. Традиции и поиск новых решений. Опыт музея-заповедника «Царицыно»

Одна из ключевых задач современного музея — это выстраивание доверительного диалога с каждым посетителем. Однозначных инструкций о том, как это сделать, не существует, но зато есть широкое поле для экспериментов. Культура соучастия, работа с локальными сообществами, сложившимися вокруг музея-заповедника «Царицыно», вовлечение их в активную жизнь музея — это очень актуальные и значимые направления работ. Результаты такой работы важны не только в коммуникационном, но и в исследовательском плане. Сейчас с помощью арт-медиации, актуального формата знакомства с выставкой возможно изучать, как посетители музея оценивают предметы декоративно-прикладного искусства. Надеемся, что этот опыт окажется полезен для работы над следующими экспозициями.

Главный объект показа в музее-заповеднике «Царицыно» — архитектурный комплекс, основная коллекция — декоративно-прикладное искусство.

Музей активно работает в традиционных форматах, но с большим интересом пробует и развивает новые подходы в своей деятельности.

Познакомимся подробнее с некоторыми нестандартными формами экспонирования и коммуникации с посетителями на экспозиции.

VR-эксперимент в рамках выставки «Театрокрация»

«Театрокрация. Екатерина II и опера» — выставка о становлении русского музыкального театра в XVIII в. Это первый музейно-театральный проект такого масштаба в музее-заповеднике «Царицыно», который представляет императрицу Екатерину II как театрального деятеля, чьи взгляды и подходы к созданию театральных работ в XVIII в. очень созвучны современному восприятию театра в XXI столетии.

Одним из экспонатов выставки-фестиваля «Театрократия» стал оперный VR-спектакль режиссера Михаила Патласова и драматурга Ильи Кухаренко, созданный при участии дирижера Филиппа Чижевского и его ансамбля *Questa Musica* — копродукция музея-заповедника «Царицыно» с Государственным Академическим Большим театром. Для спектакля были собраны редчайшие фрагменты русских и итальянских опер XVIII в., которые были исполнены по подлинным партитурам в аутентичной манере, многие из них прозвучали в России впервые за два с половиной века. Основой спектакля стали исторические документы, письма и дневники современников Екатерины II.

Для просмотра спектакля был выделен один из залов выставки, волонтеры помогали посетителям разобраться с виртуальным оборудованием. Оперный VR-спектакль стал своеобразным экспонатом, предоставившим слушателям возможность почувствовать эпоху, получить совершенно новый опыт. Многие зрители признавались, что впервые столкнулись с VR-технологией на выставке музея-заповедника «Царицыно».

Новый зал для научных занятий в Детском музее

Детский музей — это часть основной экспозиции музея и предмет его гордости — пять залов, в которых дети могут познакомиться с историей места и могут играть, трогать предметы руками, делать открытия и вдохновляться.

Недавно открывшийся пятый зал Детского музея называется «Кабинет натуральной истории». Это отдельное многофункциональное образовательное пространство — связующее звено между детским и «взрослым» музеем. В зале выделены три тематические зоны. Театральная зона со сценой, зрительным залом, декорациями со встроенным кукольным театром служит местом проведения интерактивных музейных программ. Внешне декорации стилизованы под фасады зданий царицынского ансамбля, и зрители будто оказываются на дворцовой площади, украшенной фигурными боскетами. При необходимости зона легко превращается в конференц- или кинозал. Следующая тематическая зона посвящена культуре развлечений в XVIII столетии, еще одна зона — экспозиция «Кабинет натуральной истории», посвященная эпохе Просвещения с ее культом наук. На рубеже XVIII—XIX вв. ученость и изящный вкус стали признаками хорошего тона. Образованные люди создавали в своих домах кабинеты естественной истории, собирая в них предметы искусства, привезенные из путешествий редкие образцы флоры и фауны, научные приборы и многое другое. При каждом та-

ком кабинете непременно была библиотека. В отличие от кунсткамер кабинеты естественной истории предназначались не для собирания диковин, а для научных и образовательных занятий.

Центральный объект Кабинета — огромный деревянный шкаф с автономной подсветкой, которая управляется системой «умный дом», позволяющей выстраивать по витринам шкафа «световой маршрут», подсвечивая по очереди нужные по сценарию предметы. Выставленные в стеклянных витринах шкафа, они представляют в целом полноценную экспозицию. Это подлинные предметы XVIII — начала XIX в., дополненные дидактическими материалами — макетами, бутафорией, антикварными экспонатами. В ближайшее время музей планирует снабдить Кабинет наборами для научных опытов по трем основным дисциплинам, получившим развитие в конце XVIII в.: оптике, механике и ботанике.

Кабинет натуральной истории придуман как творческая лаборатория для школьных и музейных проектов. Этой деятельности в музее придается огромное значение. Такой формат работы со школами и педагогическими сообществами позволяет реализовывать актуальные задачи по использованию образовательного потенциала музеев. Его видимый результат — Фестиваль гуманитарных наук в Царицыне, который с большим успехом прошел в 2023 г. уже во второй раз. Неделя фестиваля — это не только презентация результатов совместной работы со школами в течение учебного года, но и повод всем вместе обсудить ближайшие планы и общие задачи.

Сенсорные занятия в оранжерее

В музее-заповеднике «Царицыно» расположен единственный в Москве усадебный оранжерейный комплекс с 250-летней историей. Первые оранжереи появились здесь уже в начале 1740-х гг. С течением времени экзотические фрукты и декоративные растения стали «фирменным знаком» Царицына. В 2007—2008 гг. здания оранжерей были воссозданы по старинным чертежам.

В каждой из трех оранжерей располагается своя тематическая коллекция, и они регулярно становятся местом выставок. И не только цветочных. Безусловно, огромной популярностью пользуются у посетителей выставки декоративно-прикладного и народного искусства, связанного с ботаникой, а также разнообразные экологические образовательные проекты. Дети с восторгом учатся ухаживать за растениями, взрослые с энтузиазмом изучают цветочный язык «салам», чрезвычайно популярный во второй половине XVIII столетия.

Самый, пожалуй, неожиданный опыт, который посетители могут получить в оранжерее — это сенсорные занятия. Например, программа «Охотники за ароматами», ее участники узнают о пряных растениях, следуя за едва уловимыми ароматами, и знакомятся с историей их появления и использования в России. Вместе с помощницей парфюмера ребята попытаются «поймать» аромат одного из цитрусовых, которые растут в Виноградной оранжерее. Такие занятия — часть инклюзивной стратегии музея.

Эксперименты с ленд-артом

В принятой музеем-заповедником «Царицыно» стратегии развития закреплены ключевые тематические линии. Одна из них — «Парк как музей», экспонатами которого являются виды, точки раскрытия, эмоции, заложенные садовым архитектором и переживаемые нашими посетителями.

Логичным развитием этой линии стала экспансия выставок на территорию парка. В «Царицыне» — богатейшая коллекция декоративно-прикладного искусства народов СССР, с которой музей постоянно активно работает, проводя выставки, пополняя и систематизируя коллекцию, иницилируя коммуникативные программы, направленные на популяризацию декоративно-прикладного и народного искусства.

В настоящий момент у музея есть значимый опыт показа в парке керамических и текстильных объектов. В 2023 г. уже в пятый раз прошел керамический пикник. Традиционно принять участие в нем может любой художник (профессионал или любитель), желающий показать свои работы и готовый рассказывать о них. Пикник больше всего напоминает встречу старых друзей: художники охотно делятся знаниями с гостями парка, рассказывают о глине, печах и обжигах, ангобах и глазурах и многом другом. Художники и их зрители сознательно отказываются от сдержанной музейной обстановки и общаются друг с другом в непринужденной атмосфере фестиваля — просто сидя на траве в парке.

Многие художники, друзья музея, специально к пикнику готовят премьеры. К керамистам присоединяются художники, работающие с другими материалами. Парк — довольно требовательная выставочная площадка, и участники стараются воплотить яркие экспозиционные решения, используя синергию природы и искусства.

Для большинства посетителей пикник становится открытием. Керамика оживает, перестает быть объектом строгого музейного показа, вызывает желание узнать о ней больше, посетить экспозиции внутри музея.

Триеннале текстильного искусства и современного гобелена — самый масштабный в России конкурс работ, выполнен в технике ручного ткачества. В 2021 г. он прошел в «Царицыне» в четвертый раз. Заявленная тема «В поисках пространства» предлагала по-новому взглянуть на предназначение текстильных арт-объектов. Одной из основных задач выставки было показать актуальные и инновационные тенденции в современном ткачестве. Наравне с художниками, создающими гладкотканые гобелены в традиционной технике, к участию были приглашены также авторы, которые используют современные практики и самые разные материалы.

Впервые за всю историю Триеннале экспозиция находилась не только в парадных и выставочных залах Большого дворца и Хлебного дома, но и под открытым небом. Четырнадцать художников-участников изготовили арт-объекты, которые в течение года можно было увидеть в разных точках царицынского пейзажного парка. К примеру, на склоне Большого оврага у Первого Кавалерского корпуса была установлена работа Аллы и Павла Елфимовых «Теория струн» — четырехметровая пространственная скульптура, сотканная из акриловой пряжи и полиэстера, а также алюминиевых и стальных труб, пластиковой проволоки и сетки для армирования. На территории Воздушных садов, рядом с Царицынскими оранжереями художница по текстилю Юлия Несис разместила масштабную инсталляцию «Перекасти-поле», состоящую из 16 домотканых рулонов из льна и жгута. А у входа в музей посетителей встречала работа художника Матвея Щербачева Pandora, выполненная в смешанной технике (ручное ткачество, стекло, металл).

Своеобразное «прорастание» объектов декоративно-прикладного искусства в пейзажный парк, который тоже является объектом искусства, но садово-паркового, позволило многочисленным посетителям обрести неожиданный зрительский опыт, новый зрительный угол, значительно расширило палитру впечатлений.

Безусловно, перечисленными примерами не исчерпывается опыт музея-заповедника «Царицыно» в поиске новых экспозиционных решений и форматов взаимодействия с посетителями, предоставления им возможности получить новые зрительские впечатления. Сотрудники музея всегда с удовольствием делятся результатами своей работы не только с профессионалами, но и со всеми интересующимися актуальными и инновационными тенденциями декоративно-прикладного искусства.

Содержание

Материалы Юбилейной научной конференции
«Музей истории Российской цивилизации»,
посвященной 150-летию
Государственного исторического музея,
и XXVI Забелинских научных чтений

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К 150-летию основания Российского Исторического музея

- И.В. Белозерова.* Из окон Исторического: к 150-летию ГИМ 4
- Е.М. Юхименко.* Российский Исторический музей в общественной
и культурной жизни России конца XIX — начала XX века 41
- Ф.А. Петров.* Московский университет и Исторический музей: пути
сотрудничества 55
- С.В. Девятов.* История изучения Московского Кремля в XIX—XXI веках 74
- Н.И. Демирова, О.А. Сиротина.* Первые годы Исторического музея:
обзор писем к графу А.С. Уварову за 1880—1884 годы
(из собрания ОПИ ГИМ) 94
- Е.В. Ким.* Основатели Российского Исторического музея и их роль
в создании и развитии Ростовского музея церковных древностей 103
- И.Н. Палтусова.* Памятники военной истории из коллекции
Петра Ивановича Шукина. 113
- Т.А. Цапина.* Алексей Иванович Станкевич — первый библиотекарь
Исторического музея: к 100-летию со дня смерти 142
- П.Г. Гайдуков, Н.А. Павличенко.* Государственный исторический музей
и академическая наука: на примере переписки А.В. Орешникова
и В.В. Латышева 176
- И.П. Обьеденкова.* Г.Л. Малицкий (1886—1953): музейевед и «гимовец» 183
- А.П. Мошинский. История одной бронзовой подвески (показательный
случай хранения археологических материалов в Историческом музее) . . 198
- О.А. Шашкова.* Центральный государственный литературный архив
и Государственный Исторический музей: к истории взаимосвязей
в 1940-е годы 199
- Л.И. Скрипкина.* Исторический музей — первый музейеведческий
и методический центр России: эволюция от отдела теоретического
музейеведения до научно-методического отдела. 1918—2022 209

ЧАСТЬ ВТОРАЯ**Источниковедение**

- К.А. Аверьянов.* Чарка Бориса Годунова и вопрос о «слугах вольных» 250
- Е.А. Аксёнова.* К изучению социокультурного портрета российского столичного купечества XVIII века: на материалах архива купцов Чиркиных из собрания ОПИ ГИМ. 257
- О.В. Доронина.* Не только всеоюзный университет: концертно-зрелищная программа сезона 1939 г. на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 275
- Т.В. Житкова.* Тульский и Киевскийклады в собрании Оружейной палаты. Новые архивные документы и проблемы атрибуции. 295
- И.А. Журавская.* Путь к Цусиме: дневник Г.А. Макарова, участника похода на Дальний Восток эскадры З.П. Рожественского 307
- Л.В. Инджия.* «Александр Рубб — рекомендовано быть режиссером» (по материалам ОПИ ГИМ). 324
- И.В. Кроков.* Владимир Клавдиевич Арсеньев: администратор и ученый (хабаровский период). 347
- С.Ю. Кулябина.* Музейное документирование событий и повседневности в Москве первых лет советской власти (по материалам ОПИ ГИМ) 352
- Е.Л. Петровская.* Чичерины — Пушкины на Таганке 365
- Е.Ю. Платонова.* К истории семейства тульских купцов Белолопецких и их дома № 10 на улице Metallистов 372
- Е.И. Серебрякова.* Орнаментика малоизвестных рукописей XVI века из собрания отдела рукописей и старопечатных книг Исторического музея: вопросы атрибуции 387
- Н.Н. Чевтайкина.* Конференция женщин стран Азии в Пекине в 1949 году. По материалам архива Н.М. Парфеновой (ОПИ ГИМ). 401
- А.С. Чепелева.* Повседневная жизнь Странноприимного дома князей Куракиных в последней четверти XVIII — первой четверти XIX века 429
- Э.В. Шульгина.* К истории создания переплетов Великих Миней Четых Успенского списка митрополита Макария 438
- М.М. Якушкина.* Обзор фонда «Материалы городских и сельских церквей» (из собрания ОПИ ГИМ) 449

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ**Изобразительное и декоративно-прикладное искусство**

- Е.П. Васильева.* О предыстории памятника М.Д. Скобелеву в Москве. 482
- Н.И. Иорданская.* Изразцы Покровского собора: история коллекции 489
- А.А. Махнёв.* Декор портфеля князя Г.А. Потёмкина как репрезентация личности великого сына России 502
- М.В. Плотникова.* Скульптура богородского мастера Ф.С. Балаева на тему лубка «О, хо, хо, тяжел русский мужик и кулаком, и весом» 525
- Н.В. Углева.* Романика, готика и Ренессанс: новые хронологические границы в русском мебельном искусстве. 532
- Л.Г. Черезова.* Свадебный портрет Луизы Волконской 543

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Музейное дело

<i>А.С. Белоусов, А.В. Ляшко.</i> Wunderkammer Ассамблеи петровских музеев России: опыт комплексной цифровизации наследия	554
<i>М.А. Виноградов.</i> «У истоков Исторического...»: выставка в школьном музее и ученическая конференция	562
<i>Е.Ю. Емельянова.</i> Межмузейные образовательные программы в Историческом музее: опыт, проблемы и перспективы.	567
<i>Н.А. Жукова.</i> Продвижение музейного бренда в современной практике. . .	577
<i>В.Ю. Себрукович.</i> Национальный исторический музей Республики Беларусь: деятельность на современном этапе.	587
<i>М.С. Федосеева.</i> Усадебное наследие в фондах Музея Зеленограда.	591
<i>Е.Б. Фокина, Ю.А. Киселёва.</i> Лицо музея: экспозиции и выставки. Традиции и поиск новых решений. Опыт музея-заповедника «Царицыно»	600

ГИМ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Научное издание
Труды Государственного исторического музея
Выпуск 220

Забелинские научные чтения — 2022

Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры

Редакционно-издательский отдел ГИМ
Заведующая *Г.В. Лемигова*
Редактор *И.И. Русецкая*
Корректор *Е.А. Князева*
Художник *А.Н. Белов*

ISBN 978-5-89076-464-5

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
109012, Москва, Красная площадь, д. 1

Книги и сувениры
Исторического музея
можно приобрести
в интернет-магазине:
shop.shm.ru

